

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

XLIV

1930

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLIII

1930
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. М. Алдановъ. — БѢГСТВО (Романъ).	5
2. В. Сиринъ. — СОГЛЯДАТАИ (Повѣсть).	91
3. Н. Берберова. — ПОСЛѢДНИЕ И ПЕРВЫЕ.	153
4. З. Гиппиусъ. — СТИХОТВОРЕНІЯ.	210
5. Георгій Ивановъ. — ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІИ.	213
6. Борисъ Поплавскій. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	217
7. Б. Зайцевъ. — ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА.	218
8. М. Осоргинъ. — ДЕВЯТЬСОТЪ ПЯТЫИ ГОДЪ.	268
9. М. Ростовцевъ. — О БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКЪ.	300
10. Н. Бердяевъ. — ПЕРВОРОДНЫЙ ГРѢХЪ И СОЦІАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО.	321
11. М. Алдановъ. — ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ.	353
12. Е. Кускова. — КРЕНЪ НАЛѢВО.	366
13. М. Вишнякъ. — ПЯТЫИ ГОДЪ.	396
14. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	423
15. Н. Лугановъ. — ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНИИ.	448
16. А. Керенскій. — ПРИБЛИЖАЮЩІЯСЯ ВРЕМЕНА.	464
17. И. Билибинъ. — ПАМЯТИ И. Е. РЪПИНА.	482
КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.	
18. П. Зерновъ. — РАБОЧИИ КЛАССЪ ВЪ СССР.	488
19. Б. Бруцкисъ. — «ПЯТИЛѢТКА» И ЕЯ ИСПОЛНЕНІЕ.	503
20. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.	
М. Цетлижъ. — Алексѣй Толстой: Петръ I.	521
М. Осоргинъ. — Е. Кельчевскій: Въ лѣсу. Романъ.	524
М. Осоргинъ. — В. Корсакъ: У красныхъ.	525
Вл. Ходасевичъ. — В. Вересаевъ: Въ двухъ планахъ.	527

Б Ъ Г С Т В О

XI.

«Соціалистическое отечество и революціонная столица въ опасности. Врагъ у воротъ. Рабочее населеніе Петрограда, бросивъ мирныя занятія, взялось за оружіе и готово грудью защищать столицу отъ непріятельскаго вторженія»...

«Первый соціалистическій партизанскій отрядъ 3-го пѣхотнаго полка въ составѣ 175 человекъ продвигается по направленію къ Пскову»...

«Въ отрядъ вошли матросы, пѣхотныя части, артиллерія и кавалерія. Отрядъ будетъ дѣйствовать партизански. Вся Балтика, сѣверная Россія и Сибирь спѣшно формируютъ отряды, которые входятъ въ этотъ отрядъ. Всѣхъ отпущенныхъ и демобилизованныхъ солдатъ отрядъ будетъ привлекать въ свои ряды. Всѣмъ трусамъ смерть! Да здравствуетъ революціонная война!»

Въ фойе послышался звонокъ. Стоявшій у стѣны передъ афишами высокій сѣдобородый человекъ бросилъ папиросу и неторопливо направился въ зрительный залъ.

Въ прощальный спектакль давали старую пьесу, лучшіе артисты уже уѣхали, тяжела была жизнь людей, составившихъ обычную публику Михайловскаго театра, тѣмъ не менѣе залъ былъ переполненъ. Это было и прощанье съ покидавшей столицу французской труппой, и послѣдней демонстраціей въ честь союзниковъ, — нѣмцы

только что захватили Псковъ послѣ разрыва Брестскихъ переговоровъ.

Актерамъ аплодировали съ необыкновеннымъ подъемомъ и восторгомъ. По окончаніи перваго дѣйствія капельдинеры торжественно внесли на сцену крошечный вѣнокъ, еще какіе-то тощіе букетики. Видъ этихъ цвѣтовъ былъ такъ жалокъ, и такъ жалка была вся зала, что видавшая виды французская артистка, прижимая къ груди букетъ, вдругъ на сценѣ заплакала искренно, навзрыдь, — едва ли не первый разъ въ жизни.

— Вы знаете, господа, — сказалъ въ ложѣ князь Горенскій, — у нихъ въ буфетѣ есть рокфоръ! Какъ, почему, какими судьбами, не понимаю, но у нихъ въ буфетѣ есть рокфоръ! И недорого: три рубля бутербродъ. Право, это непостижимо и превышаетъ мѣру пониманія человѣческаго ума. Въ этомъ рокфорѣ есть что-то мистическое!

— А я думалъ, сэръ, — лѣниво отозвался Нещеретовъ, — я думалъ, для васъ дѣло не въ рокфорѣ, а въ томъ, чтобъ довести страну до Учредительнаго Собранія... Вотъ, вотъ, тоже сорвался въ буфетъ, — добавилъ онъ, показывая глазами на выходившаго изъ ложи Брауна. — Эхъ вы, рокфорофилы!..

— Какъ вамъ угодно, друзья мои, — говорила, смѣясь, Муся въ противоположной ложѣ бенуара, внимательно осматривая себя въ зеркало пудреницы. «Нѣтъ, не блеститъ носъ»... — Какъ вамъ угодно, а этотъ человѣкъ меня волнуетъ.

— Кто? Нещеретовъ ?

— Что ты, Муся! — начала Тамара Матвѣевна, которую, въ виду торжественнаго спектакля, тоже взяли въ театръ. — Что ты, онъ такой неотесанный и неинтеллигентный!

Лицо Тамары Матвѣевны выразило отвращеніе отъ не-

отесанности и неинтеллигентности Нещеретова. Муся съ досадою повела бровями и спрятала пудреницу въ сумку.

— Разумѣется, Браунъ, а не Нещеретовъ... Положительно, это мой грѣхъ.

— Почему? Почему? — спрашивала Сонечка.

— Я и сама не знаю, почему... Хорошо играетъ Полеттъ Паксъ, правда?

— Какое старье! Нѣтъ, какое старье, какой хламъ! — проникновенно говорилъ Березинъ (не знавшій ни слова по французски). — Да, если хотите, это забавно, но мертво, Боже, какъ мертво!

— Мертво, конечно, — согласилась Муся. — Да вѣдь къ этому искусству и требованья другія: мило, просто, вотъ и все.

— Мило, просто, — укоризненно повторилъ Березинъ. — Но искусство, поймите же, по самой своей природѣ не мило и не просто, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, для кого оно отнюдь не пріятный отдыхъ, не послѣобѣденная забава, а великій трудъ, подвижничество, весь смыслъ жизни. А это, это зовите какъ хотите, только, умоляю васъ, не называйте это искусствомъ.

— Ахъ, все-таки французскія пьесы бываютъ такія остроумныя, — робко оглядываясь на Мусю, сказала Тамара Матвѣевна. — Я помню, мы съ Семеномъ Исидоровичемъ въ Парижѣ прямо хохотали до упада...

— Не знаю, меня Мейерхольдъ въ послѣднее время утомляетъ, — перебила ее Муся, разсматривая залъ въ бинокль. — Скорѣе неореализмъ, исканія Таирова, я думаю, будущее принадлежитъ этому. — Муся, какъ всегда, говорила первое, что ей приходило въ голову.

— Мейерхольдъ самъ по себѣ, Таировъ самъ по себѣ, и я, если разрѣшите, тоже самъ по себѣ, — склонивъ голову на бокъ, сказала Березинъ. — Замѣйте, я нисколько не ревнивъ и охотно отдаю кесарево Кесарю... Въ прошломъ я отдаю должное даже заслугамъ старика, — съ легкой снисходительной улыбкой произнесъ онъ (подъ ста-

рикомъ разумѣлся Станиславскій, Муся тотчасъ это поняла и улыбнулась такъ же ласково-снисходительно). Да, конечно, Мейерхольдъ сдѣлалъ очень много. Я не все принимаю въ арлекинадѣ, въ возвращеніи къ принципамъ *Commedia dell' Arte*, въ теории масокъ, здѣсь я о многомъ готовъ спорить и спорить до послѣдняго издыханія. Но когда, — помните? — китайскіе мальчики бросали въ залъ апельсины, я чувствовать, какъ у меня по спинѣ пробѣгаетъ та знакомая магическая дрожь волненія, которую я всегда чувствую при высокихъ достиженіяхъ истиннаго, большого искусства: да, признаю, признаю, оргическая фантастика никѣмъ не была выявлена съ большей жутью... Я цѣню и заслуги неореалистовъ, синтетическаго театра съ его магіей освобожденнаго актерскаго тѣла... Очень, очень вѣрю въ трехмѣрное пространство, многого жду отъ кривыхъ плоскостей, особенно отъ коническихъ наклоновъ, все это такъ, но вѣдь это только эпизодъ въ грандіозной революціи театра!.. Пусть крупный, пусть значительный, но эпизодъ!

— Я знаю вашу собственную теорію сцены, какъ кристалла-тетраэдра, — поспѣшно сказала Муся.

— Сергѣй Сергѣевичъ надѣется въ будущемъ примѣнить ее въ кинематографѣ, — вставила, покраснѣвъ, Сонечка.

— Ахъ, это замѣчательная теорія! — сказала съ жаромъ Тамара Матвѣевна. — Хоть я, конечно, не знатокъ, но... Вотъ идетъ Александръ Михайловичъ, вѣрно къ намъ...

Браунъ пересѣкалъ залъ по центральному проходу. Тамара Матвѣевна издали улыбалась ему самой привѣтливой своей улыбкой. Онъ холодно поклонился и, отвернувшись, прошелъ мимо ихъ ложи въ корридоръ.

— Нѣтъ, какой нахаль! — восторженно сказала Муся.

«Къ оружію, товарищи! Смертельная опасность нависла надъ всѣми завоеваніями революціи со стороны об-

наглѣвшаго германскаго имперіализма. Варвары нѣмцы готовы затоптать драгоценныя свѣжіе ростки русской молодой свободы. Своимъ продвиженіемъ впередъ, послѣ согласія со стороны совѣтской власти на миръ, они готовы похоронить русскую революцію и надолго лишить всѣхъ вольныхъ сыновъ революціонной Россіи надежды на свѣтлое счастливое будущее. Чувствуя сердцемъ гражданина весь этотъ страшно-опасный моментъ для страны, горячо цѣня блага свободы и сознавая, что сейчасъ дорогъ каждый человѣкъ въ рядахъ бойцовъ и защитниковъ социализма»...

— Ничего, не волнуйтесь, они приглашаютъ въ тирь, — негромко сказалъ кто-то. Браунъ вздрогнулъ и оглянулся. Сѣдобородый человѣкъ стоялъ у афиши. Браунъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Да, это я... По голосу узнали? — улыбаясь, спросилъ Федосьевъ. — Надѣюсь, по лицу узнать невозможно?

— Нелегко... Какими судьбами?...

— Самыми обыкновенными революціонными судьбами.

— Такъ вы въ Петербургѣ?..

— И не выѣзжалъ никуда. Хотите пройти въ буфетъ? За мной слѣжки нѣтъ, а антрактъ длинный.

— Очень радъ.

— Чаю выпьемъ... Хорошая вещь стѣнная газета... Да, это они въ тирь зовутъ, — повторилъ Федосьевъ, показывая съ усмѣшкой на другую афишу. Въ ней говорилось:

«Каждый рабочій, каждая работница, каждый крестьянинъ и каждая крестьянка должны умѣть стрѣлять.

Изъ винтовки, изъ револьвера, изъ пулемета.

Всѣ на курсы обученія военному дѣлу!

Всѣ къ тирамъ стрѣльбы изъ винтовокъ и пулеметовъ!

Всѣ къ оружію!»

— Вотъ, должно быть, паника въ главной квартирѣ Гинденбурга, — сказалъ Федосьевъ.

— ...Да, но еще вопросъ, искусство ли это, Сергѣй Сергѣевичъ?

— Я ставлю вопросъ не въ такомъ разрѣзѣ. Все зависитъ отъ того, въ чьихъ рукахъ будетъ кинематографъ. Дайте его истиннымъ художникамъ и, ручаюсь вамъ, онъ ударитъ по струнамъ, съ невѣдомою силой. Надо же наконецъ понять, что актеръ есть актеръ! И что режиссеръ есть режиссеръ! Они по меньшей мѣрѣ такіе же творцы, какъ авторъ. Дайте имъ коснуться магіи художественнаго созданія и они воспрянутъ, какъ Антей, соприкоснувшись съ матерью-землею. Дайте творческую свободу режиссеру, — я разумѣю режиссера настоящаго, режиссера милостью Божьей. — и онъ этой свободой, какъ Архимедовымъ рычагомъ, зажжетъ великій пламень въ мірѣ!.. Надо бросить въ печь весь этотъ хламъ, пошлость и дребедень, которыми теперь кинематографы развращаютъ малыхъ сихъ... Если хотите, дѣло даже не въ томъ, что именно ставить, — поспѣшно сказалъ онъ, взглянувъ искоса на Сонечку. — Разумѣется, я предпочелъ бы Шекспира, Данта или столь милаго сердцу моему Ибсена, но, если нужно, я готовъ ставить и другое, лишь бы моею творческой волѣ былъ предоставленъ должный просторъ... Я готовъ даже на первое время идти на компромиссы: можно возвести въ перлъ созданія мелодраму, рассчитанную на пусть наивный, пусть неискушенный, но и здоровый, крѣпкій мужественный вкусъ народныхъ массъ, живительная роль которыхъ будетъ теперь все расти въ новомъ творческомъ театрѣ... Однако... Сейчасъ меня мучитъ одинъ художественный замыселъ: «Бду ли ночью по улицѣ темной»...

— Ахъ, это будетъ чудесно! — воскликнула Сонечка.

— Да, это будетъ чудесно, ужъ вы простите нескромность. Но я поставлю это по своему. Новое вино не надо лить въ старые мѣхи. Нѣтъ, я не возьму сценарія ни у Соллогуба, ни у Блока, — говорилъ Березинъ такимъ тономъ, точно Соллогубъ и Блокъ убѣдительно просили его взять у нихъ сценарій. — Я пойду къ новымъ, къ моло-

дымъ, вотъ къ нему, — сказалъ онъ, показывая на Беневоленскаго, съ которымъ разговаривала Тамара Матвѣвна.

Ихъ было пятеро въ ложѣ: Муся рѣшила пригласить Березина, Сонечку и Беневоленскаго, потому что имъ всего меньше было оказано любезностей въ теченіе послѣдняго сезона. Никоновъ терпѣть не могъ Михайловскаго театра. Фомины, навѣрное, пошелъ бы, но тогда въ ложѣ было бы шесть человѣкъ; Муся этого не любила.

— Да, у васъ это можетъ выйти з а б а в н о, — сказала Муся Березину. Слово «забавно» какъ будто не очень подходило, но Муся знала, что въ ея разговорѣ съ Березинымъ это слово имѣетъ другой, техническій смыслъ; передовому живописцу она сказала бы даже: «это у васъ выйдетъ с м ѣ ш н о». Сонечка, еще не знавшая артистическаго языка, испуганно взглянула на Березина, какъ бы онъ не обидѣлся? — Непремѣнно это сдѣлайте, непременно, — разсѣянно добавила Муся, прислушиваясь къ тому, что говорила Беневоленскому Тамара Матвѣвна.

— ...Семень Исидоровичъ привыкъ къ Іегеровскому бѣлью... Вы знаете, Іегеровское бѣлье? Прелестное бѣлье, но его теперь — увы! — ни въ одномъ магазинѣ нельзя найти.

Тамара Матвѣвна произносила: «магазинъ» съ удареніемъ на второмъ слогѣ, отъ чего у Муси всякій разъ поднималась злоба. «И это «увы»!.. Ахъ, Боже мой, она добрая и милая, но если бѣ поскорѣй отъ нихъ уѣхать...»

— ...Вотъ и ее хочу попробовать, — сказалъ Березинъ, фамиліарно прикоснувшись къ плечу Сонечки, которая такъ и зардѣлась.

— Я слышала... Она теперь этимъ бредитъ... Это серьезно?

— Попытка не пытка. Попробуемъ. Вдругъ изъ дѣвочки выйдетъ толкъ?

— ...Вотъ каковы дѣла, о которыхъ вы спрашивали, Александръ Михайловичъ. Подумаль я: что-жь, если лѣвые не очень-то теперь работаютъ, такъ не взятыся ли мнѣ, матерому волку?... Что вы скажете?

— Скажу: дай вамъ Богъ успѣха. Все лучше, чѣмъ они...

— Спасибо и на этомъ «все», — замѣтилъ, улыбаясь, Федосьевъ. По моему, есть шансы на успѣхъ. А по вашему?

— По моему, почти нѣтъ. Но я вообще пребываю въ состояннн полной безнадежности. Такъ Шопень послѣ взятія Варшавы называлъ Господа Бога москалемъ...

— Однако, вѣдь вы взваливаете вину не на Господа Бога?

— Нѣтъ, больше на «ближнихъ». Дѣлю ихъ на двѣ основныя группы: однихъ безъ разговоровъ и тотчасъ повѣсить, а другимъ, пожалуй, достаточно вырвать ноздри.

— Я надѣюсь, меня вы относите ко второй категорнн?

— Да, можно и ко второй.

— Вы слишкомъ гуманны... Я думаю, бесполезно продолжать нашъ давннй споръ о старомъ и новомъ строѣ, объ отвѣтственности дѣятелей того и другого? Тутъ мы едва ли сойдемся.

— Едва ли... Развѣ установить комисснн для выясненнн умственныхъ способностей этихъ дѣятелей... De lunatico inquiringendo, это, кажется, называлось у римлянъ?

— Ничего не имѣю противъ такой комисснн. Но съ неограниченными полномочннми, правда? Съ правомъ изслѣдованнн мозговъ даже у героевъ освободительнаго движеннн?

— И даже у особъ первыхъ трехъ классовъ.

— Очень хорошо. О многихъ особахъ первыхъ трехъ классовъ я, пожалуй, еще и отъ себя представлю въ вашу

комиссію матеріалы. Но, вы знаете, безъ дураковъ и умныя дѣла въ исторіи не дѣлаются.

— Боюсь только, что вы въ своихъ историческихъ дѣлахъ предоставили дуракамъ нѣсколько большую роль, чѣмъ требуютъ самыя строгія историческія традиціи.

— Былъ грѣхъ, — сказалъ Федосьевъ, — былъ грѣхъ. Правда, твердая, исторически сложившаяся власть можетъ позволять себѣ и вольности... Въ лучшихъ языкахъ есть неправильные глаголы. Нехорошо однако, что люди революціоннаго образа мыслей стилизовали насъ всѣхъ подъ идіотовъ. Такъ у плохихъ писателей всѣ извозчики непременно говорятъ: «Такъ што, вашество», а всѣ евреи: «Что значить?» Но литературная стилизація нѣсколько безобиднѣе политической... Будьте намъ благодарны хоть за все то зло, котораго мы не сдѣлали. Ей Богу, могли сдѣлать гораздо больше!

— Вы, право, меня растрогали! Допускаю, допускаю, могли сдѣлать еще больше зла.

— Что-жъ, о нѣкоторыхъ изъ нашихъ преемниковъ и этого не скажешь. Чуть только былъ случай сдѣлать глупость, сломя голову набрасывались! Ни одного не пропустили... Спросите себя, Александръ Михайловичъ, по совѣсти, чью власть народъ больше уважалъ: нашу или нашихъ преемниковъ?

— Это меня не интересуетъ... Лакеи никогда не уважаютъ тѣхъ, кто съ ними слишкомъ вѣжливъ.

— Вашъ демократизмъ всегда меня повергалъ въ смущеніе, — смѣясь, сказалъ Федосьевъ. -- Но мы очень отклоняемся въ сторону... Почему это кстати мы впали въ такой веселый тонъ? Казалось бы, не съ чего?

— Такъ, привычная форма нашихъ разговоровъ... Изъ формы не выйдешь. Я недавно читалъ, въ 1812 году московскій оберъ-полицеймейстеръ писалъ царю: «Имѣю счастье доложить Вашему Императорскому Величеству, что сего числа французская армія вступила въ Москву». Вотъ и мы такъ, намъ выпало еще большее счастье... Воз-

вращаясь къ дѣлу, скажу, что, по всей вѣроятности, вы человѣкъ конченный...

— Въ политикѣ нѣтъ конченныхъ людей.

— ...Смотрите, что за стаканы! — пренебрежительно говорилъ у буфета осанистый пожилой господинъ съ морщинистымъ лицомъ и сѣдыми бакенбардами. — Развѣ такъ моютъ стаканы? Вѣрно, бумажной тряпкой вытираютъ, Богъ знаетъ что такое!

— А какой надо?

— Разумѣется, холщевой. Я всегда все перетираю холщевой тряпкой, отъ бумажной остается муть... И потомъ развѣ это чай? Зайдите завтра въ нашу кофейню, Nadine вамъ дастъ настоящаго чаю... Она подаетъ, а я мою посуду... И недорого: три рубля стаканъ съ двумя кусками сахара. Да-съ, *parfaitement*, съ двумя кускамч! *Imaginez-vous, la grande duchesse est venue hier à l'improviste comme c'est son habitude. Elle a été ravie... Mais ravie, vous dis-je!..*

— Я непременно зайду... «*Au délice du gourmand*», за Думой? Я и то все хотѣлъ зайти... *Mettez-moi aux pieds de la comtesse...* Хорошо играютъ, правда?

— *Paulette est admirable. Elle me rappelle notre chère Réjane du temps jadis...*

— *N'exagerons rien!* Была только одна Режанъ!.. А какъ вы думаете, скоро вся эта ерунда кончится?

— Я увѣренъ, они до лѣта не дотянутъ... Надо перетерпѣть... Бѣдная Nadine стала кашлять...

— Надѣюсь, ничего серьезнаго? Я тоже расклеился. Да, перетерпѣть... Союзниковъ очень жалко!.. А слышали, говорятъ, насъ всѣхъ скоро погонять на какія-то работы!

— Работы такъ работы... Не запугаете, какъ говорилъ Петръ Аркадьевичъ...

— ...Споръ о прошломъ, Сергѣй Васильевичъ, меня,

признаюсь, теперь интересуется мало. Однако изъ любопытства я вамъ задаю этотъ нескромный вопросъ: вы, что-жь, за собой никакой отвѣтственности не чувствуете?

— Я былъ не одинъ.

— Была система и въ ней вы въ свое время не послѣдній человѣкъ.

— Это, извините меня, въ мартѣ говорила каждая кухарка, — съ досадой возразилъ Федосьевъ.

— Кухарка была совершенно права... Деспотическая власть можетъ посмѣиваться надъ людьми, если она проныцательна, если она тверда, въ особенности, если она удачлива. Но деспотическая власть, ничего не предвидѣвшая, никакихъ мѣръ не принявшая, сдавшаяся врагамъ безъ боя!.. Собственно, вы кромѣ пулеметовъ ничего и не предлагали. Это для идейнаго политика немного, но, не отрицаю, пулеметь мудрая вещь: кажется, три тысячи аргументовъ въ минуту?.. Оказалось, однако, что у васъ нѣтъ и пулеметовъ! Что же у васъ было? И, какъ ни глупо «потомство», на что тутъ можно разсчитывать. Сергѣй Васильевичъ?

- На силу контраста съ прелестью революціоннаго творчества.

— Вотъ, развѣ на это... Только и здѣсь есть одно обстоятельство... Вы черносотенцемъ никогда не были, — немного покрывали черносотенцевъ, да стоитъ ли говорить о всякомъ неправильномъ глаголѣ? — поэтому вамъ не могутъ быть обидны мои слова... Вѣдь что такое большевики? Самые настоящіе черносотенцы, en chair et en os, и по умственному уровню, и по культурному уровню, и по моральному уровню, и по всѣмъ рѣшительно уровнямъ. Я иногда себѣ говорю: «Нѣтъ, сдѣлай поправку на свою къ нимъ ненависть, на тотъ вредъ, который они нанесли лично тебѣ». Дѣлалъ поправку, выходитъ все-таки: черносотенцы. По методамъ, и тѣ, и другіе — погромщики. Есть, конечно, нѣкоторая разница въ цѣляхъ. Идеаль большевиковъ: сытый, послушный, самодовольный хамъ безъ раз-

личія національности. Идеаль черносотенцевъ: сытый, послушный, самодовольный хамъ русской національности. Но вѣдь это не такъ существенно: благо ста миллионныхъ людей идеаль тоже очень почтенный. Да еще, у черносотенцевъ не было, кажется, вождя, равнаго Ленину по практическому уму и силѣ воли. Вождей помельче, столь же ученыхъ «теоретиковъ», столь же искреннихъ «фанатиковъ», столь же откровенныхъ жуликовъ, у черносотенцевъ было никакъ не меньше. А хорошихъ, «вдохновенныхъ» ораторовъ, пожалуй, было побольше... Вы спросите, къ чему я это говорю? Вотъ къ чему. Черносотенцевъ культурный мѣръ неизмѣнно и откровенно презираль. Передъ большевиками культурный мѣръ расшаркивается, — иногда злобно, иногда холодно, но почти всегда «отдавая должное». Новый Гамзей Гамзеевичъ разсѣлся въ Пантеонѣ исторіи и, боюсь, разсѣлся тамъ прочно. На мѣстѣ стараго — я умеръ бы отъ зависти и злости.

— Если вы это говорите для того, чтобы нагляднѣе показать, какова цѣна культурному мѣру, то намъ спорить не о чемъ, — сказалъ, пожимая плечами, Федосьевъ.

— Однако нѣкоторая практическая цѣнность мѣрня культурнаго міра несомнѣнна. Вы и этого приобрѣсти не сумѣли!. Повторяю, не вы лично, а тѣ, которыхъ вы порою покрывали.

— Покрываль я ихъ чрезвычайно рѣдко... Да, признаюсь, иногда по необходимости покрываль, — со скрежетомъ зубовнымъ, со стыдомъ и съ презрѣніемъ... Что же до разницы въ отношеніи культурнаго міра, то, быть можетъ, дѣло объясняется просто. У насъ черносотенцы все-таки не добрались ни до вершинъ власти, ни до погребовъ Государственнаго Банка. Въ ихъ распоряженіи миллиарднаго золотого фонда не было. А то могли бы покорить культурный мѣръ. Ей-Богу, могли бы!..

Браунъ засмѣялся.

— Вы очень преувеличиваете, — сказалъ онъ. — Я

знаю цѣну культурному міру, но за деньги его такъ гуртомъ не купишь.

— О, это не дѣлается въ формѣ простой взятки. Деньги, власть, создаютъ престижъ, открываютъ огромныя возможности шарлатанства. Наша старая власть не оцѣнила великую идею саморекламы.

— Нѣтъ, нуженъ былъ еще большой даръ эвфемизма, свойство въ политикѣ чрезвычайно важное: надо было заставить міръ назвать всероссійскій погромъ не погромомъ, а освобожденіемъ трудящихся классовъ. А главное нужно было попасть въ точку. Міръ готовится — по счастью, медленно—къ очень страшной революціи. Революція противъ монархій не страшна, — страшна революція противъ носового платка... Я, быть можетъ, и не знаю, куда слѣдовало бы идти вѣку. Но ужъ во всякомъ случаѣ онъ идетъ туда, куда не слѣдуетъ.

— Да кто же его знаетъ, куда онъ идетъ? Чортъ съ нимъ съ вѣкомъ! Давайте, Александръ Михайловичъ, отпустимъ, хотя бы на время, другъ другу разные грѣхи и продѣлаемъ часть дороги вмѣстѣ? Ну, хоть очень небольшую часть, а? Что, если-бъ вы согласились намъ помочь? Вѣдь я все къ этому вель.

— То-есть образуемъ союзъ конченныхъ людей?

— Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ... Я вамъ сказалъ въ началѣ нашей сегодняшней бесѣды, что мы дѣлаемъ и каковы наши планы... Эхъ, досадно, скоро конецъ антракта...

— Посидимъ здѣсь до слѣдующаго...

Рукоплесканьямъ не было конца. Вся труппа Михайловскаго театра, включая артистовъ, не выступавшихъ въ пьесѣ, низко кланялась публикѣ. И въ залѣ, и на сценѣ теперь многіе вытирали слезы.

Дотащившійся до рампы сѣдой старикъ въ потертомъ старомъ пальто, съ плохо завернутымъ въ бумагу котел-

комъ подъ мышкой (въ такихъ котелкахъ теперь продавались разносчиками на улицахъ домашнія котлеты) истерически кричалъ: «Au revoir!.. Revenez!..» Скептический критикъ передовой газеты, часто ругавшій французскую труппу за рутину въ игрѣ и репертуарѣ, вдругъ тоже вынулъ изъ кармана носовой платокъ и поднесъ его къ глазамъ. «Расчувствовался, старый дуракъ!..» — тотчасъ подумалъ онъ, стараясь себя утѣшить этой сердитой мыслью. — «Ну, и пусть камергеры теперь поторгуютъ котлетами, мнѣ что!..» Почему-то ему пришло въ голову, что Петербургъ умираетъ и что онъ самъ скоро умретъ.

— Все-таки, какъ ни говорите, сто лѣтъ просуществовала у насъ французская труппа, — сказалъ критику его сосѣдъ. — А теперь какое ужъ «Revenez!», сударь мой. — Это «сударь мой» было тоже безсознательной данью старинѣ.

— Ну и достаточно! Хорошаго понемножку, — пряча платокъ въ карманъ, проворчалъ критикъ, оберегая свою репутацію желчнаго, беспощаднаго человѣка.

— ...Со многимъ изъ того, что вы говорите, я согласенъ... Но, разумѣется, далеко не со всѣмъ... Многого мы вовсе не коснулись.. Надо еще поговорить, и не здѣсь, конечно... Можетъ, до чегонибудь и договоримся.

— Но въ принципѣ вы согласны работать съ такимъ человѣкомъ, какъ я?

— И на это, прямо говорю, я сразу не могу отвѣтить... Скажу только, что слякоть мнѣ надоѣла, безъ различія направленія слякоти... А вы, разумѣется, человѣкъ энергичный и вдобавокъ, для такихъ дѣлъ, превосходный техникъ... Но вѣдь я могу быть полезенъ только своими химическими познаньями.

— Это очень важно. Незачѣмъ вамъ говорить, чѣмъ все это грозитъ въ случаѣ провала?

— Я не ребенокъ...

— ...Вотъ то-то оно и есть, сэръ... Языкомъ чесать чесали такъ, что лучше не надо. А какъ до дѣла дошло, такъ и въ кусты... Да-съ.

— Нѣтъ, не да-съ, — раздраженно сказала князь

— За одно ихъ люблю, сволочь эту, — продолжалъ Нещеретовъ. — За то люблю, что разогнали Учредительное Собрание.. Молодца!

— Не стоитъ, право, и возражать.

— Такъ и расцѣловалъ бы этого матроса Желѣзняка... Кстати, знаете ли вы, сэръ, послѣднее нѣмецкое звѣрство: они не хотятъ занять Петроградъ!

— Я уже слышалъ эту милую шутку.

— Ну-съ, ладно. Надо и то въ буфетъ сходить, побаловать чайкомъ утробу. Вы не пройдете со мной, сэръ?

— Нѣтъ, спасибо, я уже баловалъ утробу.

— Ну, такъ до скорого, до пріятнаго... «Пока», — говоритъ хамье...

— ...Смыслъ урока? Онъ, понемногу, намѣчается. Ставка на зависть, тупость, страхъ, ненависть — и только на нихъ — оказалась далеко не безнадежной. Оказалось, достаточно сказать низамъ: «вы будете жить еще много хуже, чѣмъ жили прежде, но зато тѣ, которые прежде жили хорошо, будутъ гораздо несчастнѣе васъ» — чтобы привлечь низы на свою сторону. Оказалось, достаточно создать на верхахъ атмосферу звѣринца, чтобы не стало отбоя отъ звѣрей. Оказалось, что честь и совѣсть вытравливаются безъ особаго труда, — лишь бы у вытравливающихъ была готовность идти рѣшительно на все Государство наше рухнуло, а наша жизнь, въ которой было много истинно-прекраснаго, такого, чего я нигдѣ въ мірѣ не видѣлъ, наша жизнь даже не разрушилась, а просто расплзлась. Такъ, на моихъ глазахъ, теперь расплзаются вполнѣ порядочные люди, еще вчера не подозрѣвавшіе, что и они кандидаты въ звѣринецъ... И, разумѣется, то, что случи-

лось съ нами, могло случиться съ Франціей, Англіей, Германіей, — теоретическіе выводы мои имѣютъ очень общій характеръ. Народы становятся чистыми объектами исторіи (простите косноязычныя слова), именно тогда, когда они объявляютъ, что наконецъ-то стали ея субъектами. Или, точнѣе, когда имъ это объявляютъ. Самыя совершенныя формы рабства создаются, конечно, революціями. И чѣмъ свѣтлѣе тѣ идеалы, которые революція «написала на своемъ знамени», тѣмъ больше грязи она въ мірѣ рождаетъ... А я, если вы такъ мною интересуетесь... Для меня, Сергѣй Васильевичъ, уже довольно давно настало время, когда ничто больше не радуетъ, а все разстраиваетъ и, въ сособенности, все раздражаетъ... Могу уйти просто, могу уйти съ шумомъ... И разницы большой нѣтъ... Романтично? По моему, даже и не романтично. Но это такъ: полная потеря любви и интереса къ жизни, только и всего.

— Давно это съ вами?

— Давно.

— Года полтора?.. Однимъ словомъ, не такъ давно?

— Нѣтъ, больше... Я говорю: давно, — подумавъ, повторилъ хмуро Браунъ. — И съ каждымъ днемъ хуже. Ничего... Какой-то писатель сказалъ: «все кончится очень хорошо, — смертью»...

Изъ зала послышались бурные аплодисменты.

— Ну, вотъ, сейчасъ публика опять нахлынетъ, — сказалъ Федосьевъ. — А я хотѣлъ васъ просить еще и о другомъ. Съ вами въ ложѣ сидѣлъ Нещеретовъ?

— Да, это его ложа.

— Познакомьте меня съ нимъ, пожалуйста.

— Денегъ хотите? Не дасть.

— И я подозреваю, что не дасть. Но отчего же не попробовать?

— Попробовать можно. Съ удовольствіемъ васъ познакомлю, хоть онъ умретъ отъ страха. Или вѣрнѣе: такъ какъ онъ умретъ отъ страха.

— Спасибо... И вотъ что еще. Вы, кажется, хороши съ

маіоромъ Клервиллемъ, членомъ британской военной миссіи?

— Да, мы пріятели.

— Вотъ и съ нимъ тоже, пожалуйста, меня сведите... Съ англичанами у меня нѣтъ связи... Къ нѣмцамъ есть ходъ, а вотъ къ союзникамъ...

— Ахъ, такъ къ нѣмцамъ у васъ уже есть ходъ? Объ этомъ вы мнѣ ничего не сказали...

— Пока ничего опредѣленнаго...

— Ничего опредѣленнаго? Повторяю, на это я не пойду... Но какъ же такъ? И съ нѣмцами переговоры, и съ союзниками?

— Отчего же нѣтъ? Какія могутъ быть дурныя послѣдствія?

— Послѣдствія естественныя, сказалъ съ усмѣшкой Браунъ. — Вы мнѣ напомнили того англичанина, который спросилъ знаменитаго юриста: какое наказаніе полагается за двоеженство? Юристъ отвѣтилъ: двѣ тещи... А я васъ спрошу: сколько человѣкъ было повѣшено въ послѣдніе три года за склонность къ военно-политическому двоеженству?

— Объ этомъ я, Александръ Михайловичъ, въ шутильной формѣ говорить не склоненъ. Дѣло идетъ о спасеніи Россіи, слѣдовательно всѣ другія соображенія отпадаютъ. Аналогія съ прошлымъ теперь совершенно неумѣстна и даже невозможна. Мы собственными силами спастись не можемъ. Вопросъ въ томъ, кто намъ поможетъ?

— На кого же больше надежды?

— На нѣмцевъ, разумѣется.

— Почему «разумѣется»?

— По многимъ причинамъ. Во-первыхъ, они умнѣе и рѣшительнѣе. Во-вторыхъ, они гораздо ближе: авангарды Гофмана у Орши. Въ-третьихъ, вѣроятно война кончится побѣдой нѣмцевъ. Въ-четвертыхъ... Въ-четвертыхъ, и союзники, и нѣмцы одинаково начинены ложью и до нѣкоторой степени — только до нѣкоторой степени — у

нея въ плѣну. Но условная ложь нѣмцевъ, хоть и они тоже освободители человѣчества, легче вяжется съ поддержкой черныхъ реакціонеровъ и служителей стараго строя, вродѣ вашего покорнаго слуги... Со всѣмъ тѣмъ пробовать надо всюду. Союзныя посольства уѣхали изъ Петербурга, но военные остались. Если можете, познакомьте меня съ этимъ Клервиллемъ.

— Это нетрудно. Вы, можетъ быть, слышали, онъ женится на дочери адвоката Кременецкаго и бываетъ у нихъ каждый день, когда находится въ Петербургѣ.

— Вотъ что? — протянулъ Федосьевъ. — Тогда я, пожалуй, снесусь съ нимъ по телефону, чтобы васъ не затруднять. Можно на васъ сослаться?

— На знакомство со мной? Пожалуйста.

— Только на знакомство... Взгляните, на ловца и звѣрь бѣжитъ...

Онъ показалъ Брауну глазами на Нещеретова, который появился въ дверяхъ буфета.

— Вотъ я его вамъ подкину на съѣденіе, — сказалъ Браунъ — Аркадій Николаевичъ...

Нещеретовъ подошелъ, шурясь, кивнулъ, какъ знакомому, Федосьеву и сѣлъ за столъ, не ожидая приглашенія. Онъ не помнилъ, знакомъ ли съ сѣдобородымъ господиномъ, но былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что знакомство съ нимъ, Нещеретовымъ, всѣмъ доставляетъ удовольствіе.

— Пьесу не смотрите, а чай съ сахарами распиваете...

— Вы не знакомы? — предвкушая эффектъ, спросилъ Браунъ. Нещеретовъ небрежно протянулъ руку Федосьеву, съ одинаковымъ равнодушіемъ принимая и то, что они еще незнакомы. — Аркадій Николаевичъ Нещеретовъ... Сергѣй Васильевичъ Федосьевъ...

— Очень радъ, — сказалъ Федосьевъ. Нещеретовъ измѣнился въ лицѣ.

— Вы не беспокойтесь, — произнесъ Федосьевъ спокойно, не понижая голоса. — За мной нѣтъ наблюденія и

агентовъ здѣсь никакихъ нѣтъ. Положитесь на мой опытъ и знаніе полицейскаго дѣла. Слѣжка у нихъ вообще пока поставлена плохо, хоть они безспорно подаютъ надежды.

— Да я нисколько и не беспокоюсь, — поспѣшно отвѣтилъ, откашлявшись, Нещеретовъ. — Что, чай сносный? Вѣрно, очень гадкій, не стоитъ и пить.

— Отличный чай, — весело сказалъ Браунъ. — Дайте, пожалуйста, еще чаю, — обратился онъ къ проходившему лакею.

— Я радъ случаю встрѣтиться съ вами, Аркадій Николаевичъ, — такъ же ровно продолжалъ Федосьевъ. — Не скрываю, это и не совсѣмъ случай: мнѣ нужно поговорить съ вами о дѣлѣ.

— Очень радъ, но, помилуйте, какой же здѣсь разговоръ о дѣлѣ? — безпокойно оглядываясь, сказалъ Нещеретовъ; онъ забылъ и свой купеческій стиль, и «словорикъ». — Для дѣла можно найти и время, и мѣсто.

— Время можно, но мѣсто труднѣе. Разумѣется, я съ удовольствіемъ зашелъ бы къ вамъ, но это, быть можетъ, было бы связано для васъ съ нѣкоторымъ рискомъ. Здѣсь же совершенно безопасно. Это, кстати сказать, старый пріемъ: извѣстнѣйшіе революціонеры назначали другъ другу свиданье въ театрахъ, въ ресторанахъ. Я слѣдую великимъ образцамъ.

— Я слушаю... Въ чемъ же дѣло?

— Дѣло вотъ въ чемъ. Организация, во главѣ которой я стою, ведетъ борьбу съ большевиками. Для борьбы нужны деньги, большія деньги. Мы надѣемся, что вы не откажетесь намъ помочь.

Браунъ смотрѣлъ то на одного, то на другого, видимо наслаждаясь зрѣлищемъ. Нещеретовъ отпилъ глотокъ чаю изъ поданнаго лакеемъ стакана, оглянулся снова и заложилъ ногу на ногу. Просьба о деньгахъ была для него привычнымъ дѣломъ. Хоть онъ и раньше догадывался, что дѣло именно въ этомъ, сказанныя о деньгахъ слова тотчасъ вернули ему самообладаніе.

— Такъ-съ, — сказалъ онъ («слово-ерикъ» опять появился). — Дать вамъ деньжатъ?

— Да...

— Такъ-съ... Но вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что всѣ мы, значить буржуазіатъ, разорены и пущены по міру.

— Можеть быть, если вы поищете, что-либо еще у васъ найдется, — сказалъ Федосьевъ. — Напримѣръ, если у васъ есть деньги въ иностранномъ банкѣ, хотя бы въ Швеціи, — вставилъ онъ, — тогда это совсѣмъ просто. По вашему чеку на шведскій или на другой иностранный банкъ, я могу немедленно здѣсь получить деньги.

— Такъ-съ, — нѣсколько озадаченно повторилъ Нещеретовъ.

— Больше того, если бъ вы пожелали помимо тѣхъ денегъ, которыя вы, быть можеть, согласились бы дать намъ, размѣнять чекъ еще на другую сумму уже лично для себя, мы съ удовольствіемъ это сдѣлаемъ... Впрочемъ, такія возможности у васъ вѣрно есть и безъ насъ?

— Предположимъ, — уклончиво отвѣтилъ, слегка улыбувшись, Нещеретовъ. — Но есть и нѣчто другое, серьезнѣе-съ. Когда даешь деньгу, то желасишь знать, кому даешь, зачѣмъ и на что.

— Разумѣется, — согласился Федосьевъ. — Но вѣдь я, кажется, сказалъ? Или нѣтъ? Тогда прошу извинить. Кому? Организации, во главѣ которой я стою. Имена ея членовъ вамъ, вѣроятно, неинтересны... А меня вы знаете.

— Васъ я, точно, знаю. Или, еще точнѣе, зналъ... Съ перваго дня революціи вы, извините меня, какъ въ воду канули...

— Согласитесь, было бы глупо, — сказалъ, пріятно улыбаясь, Федосьевъ, — если бъ я въ тотъ день явился къ новому начальству: сдѣлайте милость, арестуйте меня. Правда, такъ поступили нѣкоторые изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ, — въ тонѣ Федосьева прозвучало презрѣніе, — но едва ли это было очень цѣлесообразнымъ или достойнымъ поступкомъ, правда?...

— А какая примѣрно нужна вамъ сумма? — прервалъ его Федосьевъ.

— Чѣмъ больше вы намъ дадите, тѣмъ лучше.

— Ясное дѣло. А все-таки?

— Другому крупному капиталисту я сказалъ бы: дайте намъ на контръ-революцію столько, сколько вы въ былыя времена давали на революцію.

— Ну, я на революцію никогда ни гроша не давалъ, — отрѣзалъ Нещеретовъ.

— Я и сказалъ: другому. Вы рѣдкое и счастливое исключеніе. Большинству богатыхъ людей царскій гнетъ не давалъ возможности дѣлать дѣла. Стѣсненіе инициативы, отсутствіе гарантій, и т. д. Надѣюсь, ихъ дѣла пошли лучше послѣ революціи, когда появились и гарантіи, и инициатива.

— Да-съ, — сказалъ Нещеретовъ. — Опять же не всѣ и насмѣхаться имѣютъ право. Я-то имѣю, мы Россіей не управляли, какъ нѣкоторые прочіе.

— Не управляли, но намъ мѣшали управлять.

— Помилуйте-съ, кто вамъ мѣшалъ? Вы сами всѣмъ мѣшали... Ну, да что объ этомъ говорить, дѣло прошлое... Значить, дать денегъ вашей организаціи. Теперь второй вопросъ: на что онѣ даются?

— На сверженіе большевиковъ.

— Дѣло хорошее, спору нѣтъ, а какими-такими способами?

— Да всякими, — отвѣтилъ Федосьевъ. Онъ зѣвнулъ и продолжалъ тѣмъ же безстрастнымъ тономъ, ничуть не понизивъ голоса. — Какъ по вашему, убить Ленина надо? Надо... (Нещеретовъ помертвѣлъ и быстро оглянулся. Браунъ былъ въ восторгѣ). Ну, вотъ, и вы согласны, что надо. На это первымъ дѣломъ деньги. Далѣе...

— Простите, я ничего не говорилъ, — сказалъ негромко Нещеретовъ. — И притомъ... Всѣхъ этихъ господъ не перестрѣляешь.

— Я и не говорилъ всѣхъ. Но Ленинъ человѣкъ очень

выдающийся, я за нимъ слѣжу давно... Замянить его имъ некъмъ...

— Да, трогательный спектакль... И публика какая трогательная!

— Мнѣ прямо до слезъ жаль, что больше не будетъ нашего Михайловскаго театра, — сказала Сонечка.

— Чудо какъ хорошъ: это серебро на черномъ и желтомъ фонѣ... Что-то съ нимъ теперь будетъ?

— И здѣсь, какъ вездѣ, начнется новая жизнь, — сказала съ силой Березинъ. — Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ! Что бы тамъ ни было, а новое слово будетъ сказано нами!

— Непремѣнно нами, — подтвердилъ Беневоленскій.

— Я тоже думаю, — сказала Тамара Матвѣевна. — Все таки у нихъ искусство очень устарѣло... Семень Исидоровичъ какъ-то мнѣ говорить...

— Мама, у васъ прядь выбилась изъ прически...

— ...Такъ какъ же, Аркадій Николаевичъ, дадите намъ денегъ?

— Ну, я еще подумаю, — сказалъ сухо Нещеретовъ, — еще очень и очень подумаю. И дѣло, понимаете-ли, серьезнѣйшее, и, простите меня, руководство должно бы... Прозвучалъ звонокъ.

— А какъ бы мнѣ поскорѣе получить вашъ отвѣтъ?

— Да вотъ я черезъ профессора передамъ, — сказалъ Нещеретовъ, поспѣшно вставая. — Ну-съ, надо идти въ заль... Очень былъ радъ повидать... А вы какъ, пане профессорже, не идете въ ложу?

— Сейчасъ приду, — отвѣтилъ Браунъ.

Нещеретовъ раскланялся и вышелъ изъ буфета, оглядываясь по сторонамъ. Браунъ засмѣялся.

— Не дасть, и такъ и думать. Вотъ она, буржуазия! — сказалъ онъ. — Прибавятъ ей два процента къ подо-

ходному налогу, она вопить такъ, точно ее рѣжутъ. А когда ее въ самомъ дѣлѣ рѣжутъ, сидитъ, тихенькая, все ждетъ, не придетъ ли откуда избавитель... Нѣтъ, глупѣе нашихъ революціонеровъ только наши «правлящіе классы». Хороши правители!..

— Не очень буду спорить... Если и дасть, то для того, чтобы на всякій случай застраховаться... А видъ у него, когда онъ говоритъ о деньгѣ, о деньгахъ тахъ, умильный и симпатичный, какъ у облизывающейся собаки.. Какъ вы думаете, онъ хоть не донесетъ, не разболтаетъ?

— Нѣтъ, не разболтаетъ, побоится... И ужъ, конечно, не донесетъ, что вы! Онъ честный.

— Охъ, человекъ по натурѣ предатель... Даже честный человекъ... Развѣ вы не замѣчали, въ разговорѣ за глаза, да еще въ полусутиливой формѣ, лучшей другъ васъ предать, и даже безъ всякихъ сребренниковъ, просто такъ, чтобы была тема для пріятной бесѣды...

— Это дѣло другое. Мы говорили о полицейскомъ доносѣ... Ну, а въ вашей организации большой, я думаю, процентъ предателей?

— Да, надо полагать, немалый. Я, разумѣется, принимаю всѣ возможные мѣры предосторожности. Но рискъ, конечно, страшный, не скрываю... Шансовъ тридцать изъ ста, что погибну.

— А если не погибнете? Будете министромъ?

— Да, и на это изъ ста есть шансика два или три... А скорѣе всего буду доживать свой вѣкъ послѣ войны гдѣ-нибудь въ Германіи.

— Любите Германію?

— Не то что люблю, а это, кажется, единственная страна, гдѣ еще немного продержится уваженіе къ атрибутамъ человека, къ формѣ, къ чину, къ мундиру... Не смѣйтесь. По существу, человека уважать не за что, — вамъ ли мнѣ это говорить, Александръ Михайловичъ? — вставилъ Федосьевъ. — А надо же что-нибудь уважать, на это и атрибуты. Такъ вотъ и буду жить въ какой-нибудь вели-

когерцогской резиденции, съ уборными перваго и втораго классовъ, съ «Eingang nur für Herrschaften», съ «Der unberechtigte Aufenthalt vor der Haustüre ist strengstens verboten»... И оберъ въ кофейнѣ — не просто лакей, а оберъ-лакей — будетъ мнѣ говорить Excellenz!... Правда, далеко не такъ почтительно, какъ нѣмецкому генералу, а все-таки съ уваженіемъ: хоть русскій Excellenz, а все-таки Excellenz... Чѣмъ не жизнь, Александръ Михайловичъ, для человѣка одинокаго и конченнаго, какъ сами же вы сказали? Тамъ и умру гдѣ-нибудь подъ заборомъ, но хоть заборъ будетъ новенькій, чистенькій, и висѣть будетъ на немъ вѣрно объявленіе о духахъ Lose или Schwaig-Iose, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ... А у насъ министрами пусть ужъ будутъ ваши друзья, лѣвые Геркулесы. Ихъ и міръ охотнѣе признаетъ.

— Міръ признаетъ Геркулесомъ всякаго, кто немного приберетъ Авгіевы конюшни, — сказалъ Браунъ. - - Такъ какъ же мнѣ васъ искать, Сергѣй Васильевичъ?

Федосеевъ вырвалъ изъ записной книжки листокъ бумаги, написалъ нѣсколько словъ и подалъ Брауну.

— Вотъ по этому адресу, въ понедѣльникъ отъ двухъ до четырехъ... Я кстати ухожу до конца спектакля... Если хотите, поболтаемъ еще, а потомъ вмѣстѣ выйдемъ. Можно и о другомъ поговорить.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— И зачѣмъ вы меня познакомили съ этимъ типомъ, понять не могу... Не люблю этихъ господъ...

— Помилуйте, Аркадій Николаевичъ, я думалъ, вы будете въ восторгѣ... Онъ и по взглядамъ къ вамъ близокъ. Вотъ и Временное Правительство очень не любитъ.

— Самъ тоже хорошъ: дѣла въ какомъ состояніи оставилъ! Не мѣшало бы всѣмъ господамъ государственнымъ дѣятелямъ помнить и соблюдать одно такое мудрое правило, что виситъ въ иныхъ мѣстахъ: «оставляйте это мѣ-

сто въ такомъ видѣ, въ какомъ вы хотѣли бы его застать, приходя... Еще онъ не доложилъ бы о нашемъ разговорѣ куда не надо? Какъ вы думаете? — безпокойно спросилъ Нещеретовъ.

— Что вы! Онъ честный...

— Отъ этихъ людей можно всего ждать. Ихъ, говорятъ, въ Чрезвычайкѣ видимо-невидимо... Вы что жъ шубу надѣваете? Уходите? Всего одна картина осталась.. Ну, какъ знаете... Князь пошелъ къ Кременецкимъ въ ложу... Семь нѣтъ, все дома сидить... Вѣрно, мемуары писать...

— Какъ однако васъ, Сергѣй Васильевичъ, интересуетъ это дѣло! Все къ нему возвращается... Да вѣдь оно давно заглохло?

— Заглохло, Александръ Михайловичъ, заглохло. Богъ съ нимъ совсѣмъ. Помните, что я вамъ говорилъ въ тотъ вечеръ, когда мы такъ хорошо съ вами побесѣдовали... Въ день юбилея Кременецкаго, помните?

— Что именно вы говорили? Вѣдь мы тогда бесѣдовали очень долго...

— Я говорилъ, скоро пойдутъ у насъ такія дѣла, что смѣшно и неловко будетъ разыскивать виновниковъ разныхъ отдѣльных преступленій.

— Ахъ, да, припоминаю... Вы еще говорили, что васъ это дѣло интересуетъ какъ шарада.. Что-жъ, такъ и не разгадали шарады?

— Пока не разгадалъ. Или вѣрнѣе не сдѣлалъ еще выбора изъ нѣсколькихъ возможныхъ рѣшеній...

— Какъ нибудь къ этому вернемся... Совѣтую вамъ поднять воротникъ, на дворѣ холодно.

— А здѣсь въ корридорахъ сквозной вѣтеръ, это специальность Михайловскаго театра... Вотъ еще что-то виситъ на стѣнѣ...

Федосеевъ остановился и прочелъ вслухъ, вполголоса:

«Петроградъ, Смольный, Ленину, Троцкому. Какъ и предполагали, обсужденіе условій мира совершенно бесполезно, ибо они ухудшены сравнительно съ ультиматумомъ 21 февраля и носятъ ультимативный характеръ. Въ виду этого, а также вслѣдствіе отказа нѣмцевъ прекратить до подписанія договора военныя дѣйствія, мы рѣшили подписать договоръ, не входя въ его обсужденіе, и, по подписаніи, выѣхать. Поэтому потребовали поѣздъ, считывая завтра подписать и выѣхать. Самымъ серьезнымъ ухудшеніемъ по сравненію съ ультиматумомъ 21 февраля является отторженіе отъ Россіи округовъ Ардагана, Карса и Батума подъ видомъ самоопредѣленія.

К а р а х а н ь».

— «Потребовали поѣздъ», — сказалъ съ усмѣшкой Браунъ. — Вотъ это требованіе никакъ нельзя назвать презрѣннымъ.

XII.

Николай Петровичъ читалъ объ особомъ, тоскливомъ чувствѣ, которое охватываетъ заключеннаго въ ту минуту, когда за нимъ впервые «съ визгомъ и скрипомъ захлопывается тяжелая дверь». Но онъ этого не испытывалъ; онъ чувствовалъ лишь большую усталость. Какъ только смотритель съ фонаремъ впшелъ, любезно пожелавъ доброй ночи, Яценко, осторожно вытянувъ руку впередъ, двинулся до койки, затѣмъ развязалъ галстукъ, снялъ спой высокій двойной крахмальный воротникъ и легъ. испытывая наслажденіе отъ постели, отъ одиночества, даже отъ темноты. Освѣщенія въ комнатѣ не было никакъ. Николай Петровичъ полежалъ минутъ пять, собираясь подумать о случившемся, но такъ и не подумалъ. Глаза у него стали слипаться, чувство усталости и наслажденія все росло. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, привсталъ, кое-какъ

не безъ труда, раздѣлся въ темнотѣ, снова легъ и тотчасъ заснулъ глубокимъ сномъ, такимъ, какимъ ему случилось въ послѣднее время спать лишь послѣ большой дозы сильнаго снотворнаго средства.

Когда онъ проснулся, въ камерѣ была полутьма. Яценко приподнялся на койкѣ, взглянулъ въ камеру и привелъ мысли въ порядокъ. Настроеніе у него было довольно бодрое. Обычной утренней тоски не было. «Что-жъ, арестовали, не бѣда, скоро выпустятъ... И спать прекрасно... Да это санаторію выстроилъ царь Петръ Алексѣевичъ», — подумалъ, сладостно зѣвая, Николай Петровичъ и самъ удивился шутливому тону своей мысли. «И камера какъ камера... Конечно, не салонъ во дворцѣ... Вотъ только свѣта мало, читать можно, но трудно»... Въ углубленіи стѣны оказалась электрическая лампа безъ выключателя. Николай Петровичъ пытался ввинтить ее покрѣпче, — лампа не зажглась, только пальцы у него почернѣли отъ пыли. Онъ подошелъ къ рамоу, изъ крана слабой, тонкой струей текла вода. Яценко вспомнилъ, что у него въ чемоданѣ есть туалетныя принадлежности, поднялъ крышку, растянулъ ремни и сталъ раскладывать вещи, какъ когда-то въ гостиницахъ. Поверхъ ремней лежали сплюснутыя ночныя туфли. Николай Петровичъ расправилъ ихъ и бросилъ на полъ у постели. «Вотъ только коврика нѣтъ», — подумалъ онъ почти весело. Для мыла, гребешка, зубной щетки, плоской бритвенной коробки нашлось мѣсто на рамоу. У койки, прислоненной изголовьемъ къ стѣнѣ, была привинчена доска. «Это ночной столикъ, онъ же у меня будетъ и письменный, и столовый»... Николай Петровичъ положилъ на доску «Кругъ Чтенія». Другія вещи класть было некуда, пришлось оставить въ чемоданѣ.

«Вотъ и отлично... Что же теперь дѣлать?» — умывшись, съ недоумѣніемъ спросилъ себя Яценко. Дѣлать ему ничего не хотѣлось. Несмотря на долгій сонъ, онъ все еще чувствовалъ усталость. «Который часъ?»... Часы показывали пять. Николай Петровичъ поднесъ ихъ къ уху, часы сто-

яли. «Экая досада, забылъ вчера завести... У зрителя надо спросить, когда онъ придетъ. Вѣдь придетъ же сюда кто-нибудь, хотя бы съ ѣдой»... Ъсть ему впрочемъ не хотѣлось. «Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же теперь заняться? Нужно выработать порядокъ, можетъ, и съ мѣсяць придется здѣсь просидѣть... Вѣроятно, еще утро, хотъ не поймешь здѣсь». Дома утренніе часы проходили въ тоскливомъ ожиданіи ненужныхъ послѣобѣденныхъ визитовъ. Одни и тѣ же разговоры однихъ и тѣ же, хотя бы и пріятныхъ, людей, давно утомили Николая Петровича. Теперь ему не хотѣлось видѣть никого, даже Витю, — лишь бы быть вполне за него спокойнымъ. Но у Кременецкихъ ничего дурного съ Витей не могло случиться. «Маруся забылъ дать денегъ». . — вспомнилъ съ огорченіемъ Яценко. — «Ну, да какъ-нибудь устроится. У Кременецкихъ-же возьметъ... Они очень славные люди... Вѣрно, можно будетъ послать и отсюда, если не скоро выпустятъ... И если, не отберутъ денегъ... Пока однако не отобрали... Даже и обыска не было»...

На стѣнѣ висѣла бумага: «О порядке содержания заключенныхъ в Трубецкомъ бастионе». Николай Петровичъ внимательно ее прочелъ, все удивляясь новой орфографіи. Инструкція была составлена въ либеральномъ духѣ и предоставляла заключеннымъ немало льготъ. «Совсѣмъ какъ въ гостиницахъ правила, вотъ только не на четырехъ языкахъ... Аналогія между бастиономъ и гостиницей или санаторіей забавляла Николая Петровича; онъ подумалъ, что будетъ рекомендовать друзьямъ тюремное заключеніе для поправки нервовъ. «Главное — абсолютная тишина... Это очень успокаиваетъ... Вотъ на стѣнѣ еще что-то написано»... Противъ окна карандашомъ были выведены стишки. «Полковникъ Швець», — напрягая зрѣніе, разбиралъ Яценко, — «рожденъ былъ хватомъ... Слуга царю, отецъ солдатамъ»... Это недавняя надпись... А должны быть и старыя, вѣдь здѣсь люди сидѣли и сто лѣтъ тому назадъ... Потомъ поищу по стѣнамъ... Теперь нужно обдумать бы... А впрочемъ, право, тамъ будетъ видно, ко-

гда позовуть на допросъ... Вотъ и книга лежитъ... Священное писаніе? Нѣтъ, Священнаго писанія они, конечно, не положили бы»... Николай Петровичъ поднялъ книгу и съ удивленіемъ увидѣлъ, что это былъ «Кругъ Чтенія», имъ же сюда положенный. «Странно, какъ я могъ объ этомъ забыть? Или голова уже плохо работаетъ? Нѣтъ, не можетъ быть... Надо будетъ много ходить по камерѣ, — такъ дѣлали какіе-то заключенные, Сильвіо Пеллико, помнится, или народовольцы?... Очень хорошо, что я захватилъ книгу».

Яценко вспомнилъ, что въ романахъ («а, можетъ быть, и въ жизни — не все же выдумываютъ писатели?») люди часто открываютъ какую-нибудь книгу наудачу, обычно Библию, и при этомъ натываются на важныя мысли, имѣющія прямое отношеніе къ волнующимъ ихъ вопросамъ. «Кажется, и у Толстого есть что-то въ этомъ родѣ... Дай, попробую»... Николай Петровичъ открылъ наудачу «Кругъ Чтенія». На открывшейся страницѣ было нѣсколько мыслей. «Какую же взять?... Эту? Но вотъ и на первой страницѣ тоже мысли»... Яценко прочелъ отрывокъ, начинавшійся первымъ подъ тире на лѣвой страницѣ. Мысль эта не имѣла отношенія къ положенію Николая Петровича. Но была она тонкая, сложная, и говорила она о призрачности міра, — такъ по крайней мѣрѣ ее понималъ Яценко.

«Въ самомъ дѣлѣ все призрачно», — подумалъ вдругъ Николай Петровичъ. - - «Вотъ и то, что случилось со мной, съ Наташей, съ Россіей. Все призрачно!.. Нѣтъ, какъ же однако все? Что призрачнаго, на примѣръ, въ томъ помощникѣ коменданта?... Или вотъ, эта стѣна?... Николай Петровичъ протянулъ руку, прикоснулся къ холодной сыроватой стѣнѣ, — и отдернулъ руку съ сожалѣніемъ: ему жалко было расставаться съ идеей призрачности міра. «Еще попробовать?»... Онъ снова раскрылъ книгу. Попалась длинная мысль, ужъ явно не имѣвшая отношенія къ его судьбѣ:

«Вся дѣятельность людей міра состоитъ изъ скрыванія неразумія жизни: съ этой цѣлью существуютъ и дѣйствуютъ: 1) полиція, 2) войска, 3) уголовные законы, тюрьмы, 4) филантропическія учрежденія: пріюты для дѣтей, богадѣльни для стариковъ, 5) воспитательные дома, 6) дома терпимости, 7) сумасшедшіе дома, 8) больницы, въ особенности сифилитическія и чахоточныя, 9) страховыя общества, 10) всѣ обязательныя и устраиваемыя на насильственно собираемыя средства образовательныя учрежденія, 11) учрежденія для малолѣтнихъ преступниковъ и многія прочія»...

Яценко читалъ эти слова, вдумываясь въ ихъ прямой смыслъ, и въ немъ вставало то чувство недоумѣнія, обиды, негодованія, которое когда-то вызывало у него «Воскресеніе». Однако теперь Николай Петровичъ чувствовалъ и другое. Судь, законы, даже образовательныя учрежденія ставились вровень съ домами терпимости! Но ужасныя слова эти говорилъ одинъ изъ умнѣйшихъ, ученѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей земли, и говорилъ онъ это въ восемьдесятъ лѣтъ, у края могилы, — ужъ конечно не для того, чтобы удивлять или забавлять читателей парадоксами. «Какъ же я могу во всемъ этомъ разобраться, и можно ли обыкновенному человѣку разумомъ понять, осмыслить жизнь?» — спросилъ себя Николай Петровичъ. Онъ снова зашагалъ по комнатѣ. «Быть можетъ, призрачно и неразуміе жизни... Да, все, все призрачно... Не станеть меня, какъ не стало Наташи, и гдѣ же будетъ то, чѣмъ мы жили? Ея смѣхъ у бусовой двери въ Ниццѣ?.. Наша прогулка въ Царскомъ Саду... Моя гимназія, которую я ей показывалъ»...

Николай Петровичъ остановился посреди́нѣ камеры. Вдали, наверху, раздавался глухой бой, затѣмъ перешедшій въ музыку. Призрачная, очень медленная музыка эта имѣла прямое отношеніе къ его мыслямъ, она была въ томъ далекомъ, о чемъ онъ вспоминалъ. Яценко сразу понялъ, что это играютъ знаменитые куранты Петропавловской

крѣпости. Но ему не хотѣлось признать, что ничего таинственного собственно не произошло. «Есть здѣсь какая-то важная и странная связь», — думалъ Николай Петровичъ, прислушиваясь къ медленно гасшимъ наверху звукамъ «Коль славень». Сердце у него билось и на глазахъ были слезы.

XIII.

Въ ярко освѣщенномъ, людномъ hall'ѣ гостиницы «Паласъ» противъ вертящейся двери стоялъ пулеметъ. Ксенія Карловна, какъ всегда, съ досадой окинула его взглядомъ: «безполезная и потому вредная мѣра», и, мимо смотрѣвшихъ на нее съ любопытствомъ людей, поспѣшно направилась къ лѣстницѣ. Подъемная машина въ «Паласѣ» дѣйствовала, но Ксенія Карловна рѣдко ею пользовалась, чтобы не беспокоить молодого товарища. Она жила въ третьемъ этажѣ, въ небольшомъ номерѣ, прежде отдававшемся по восемь рублей въ сутки. Теперь въ такихъ номерахъ жили отвѣтственные работники, — отвѣтственные, но не слишкомъ важные. Партийнымъ сановникамъ были отведены номера получше. Самые же важные партійные вожди жили отдѣльно, не въ «Паласѣ». Это сдѣлалось, безъ умышеннаго распредѣленія по чинамъ, само собою, — такъ, какъ новые люди располагаются на богатомъ курортѣ, гдѣ, кромѣ просто-хорошихъ гостиницъ, находящихся близко одна отъ другой на главной улицѣ, всегда есть еще одна, самая лучшая, стоящая гдѣ-нибудь поодаль, особнякомъ, и живущая самостоятельной жизнью.

Ксенія Карловна вошла въ свой номеръ, сняла пальто и повѣсила его на гвоздь, вбитый въ дверь ванной (всѣ вѣшалки исчезли неизвѣстно куда). Свой номеръ она содержала въ чистотѣ и порядкѣ, — на прислугу положиться было невозможно. Ванная комната служила ей и кухней: на столикѣ находилась спиртовая лампа, а на полкѣ разные съѣстные припасы. При гостиницѣ дѣйствоваль

ресторанъ, — не прежній, первоклассный, но недурной и хорошо снабженный провизіей. Ксенія Карловна разъ въ день получала тамъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ; ужинала же она у себя въ номерѣ, всегда одна, за книгой и газетами. По ея положенію и связямъ, она могла бы устроиться гораздо лучше. Но людямъ, которые ей это предлагали, она твердо объясняла, что находитъ «принципіально недопустимыми бытовья привилегіи отвѣтственнымъ работникамъ». Ксенія Карловна не одобряла поведенія многихъ товарищей, въ томъ числѣ и видныхъ, и говорила, что они живутъ теперь такъ, какъ при старомъ строѣ жили князья и плутократы, представители отжившаго привилегированнаго класса. Слово «князья и плутократы» Ксенія Карловна не придумывала, — они, какъ и многія другія такія слова, сами собой у нея выскакивали, когда она говорила серьезно (а говорила она серьезно почти всегда).

Въ отличіе отъ громаднаго большинства своихъ товарищей по партіи, Ксенія Карловна знала, какъ жилъ до революціи привилегированный классъ. Она выросла въ богатствѣ и только лѣтъ двадцати отроду, послѣ смерти матери и окончательнаго конфликта съ отцомъ, стала жить по иному. Въ тѣсномъ ея кругу это ей даже создавало нѣсколько особое положеніе, котораго она стыдилась въ разговорѣ съ нѣкоторыми товарищами и которымъ гордилась въ разговорѣ съ другими (чаще впрочемъ гордилась, чѣмъ стыдилась). Но и въ самые послѣдніе годы Ксенія Карловна жила значительно менѣе бѣдно, чѣмъ жила теперь, участвуя въ правительственной работѣ. Отецъ и послѣ окончательнаго конфликта продолжалъ высылать ей деньги, ничтожныя по его богатству, но вполне достаточныя для жизни: почему-то онъ назначилъ ей семьсотъ рублей въ мѣсяць, которые съ тѣхъ поръ, въ теченіе многихъ лѣтъ, каждое первое число, регулярно ей высылались конторой Фишера. Порывая съ отцомъ, Ксенія Карловна думала было вовсе отказаться отъ его денежной поддержки. Но это оказалось невозможнымъ. Въ интим-

ныхъ бесѣдахъ съ друзьями Ксенія Карловна, опуская глаза, подчеркнуто-суровымъ къ себѣ тономъ говорила, что, къ несчастью, она не могла отказаться сразу отъ всѣхъ привычекъ прежней жизни, — «отъ тѣхъ временъ, когда я съ матерью разъѣзжала по всѣмъ Европамъ». Платья она всегда носила простыя, скромныя, довольно дешевыя, но бѣлье покупала у Дусе. «Къ тому же, отказаться отъ средствъ моего батюшки было бы не въ интересахъ партіи», — тѣмъ же простымъ, сурово-мужественнымъ тономъ говорила она. Это въ самомъ дѣлѣ было не въ интересахъ партіи, и важный партійный дѣятель, съ которымъ Ксенія Карловна тогда сочла нужнымъ посоветоваться, вытаращилъ глаза и замахалъ руками, узнавъ объ ея сомнѣніяхъ.

- - Да это безуміе! — воскликнулъ важный партійный дѣятель. — Вы, напротивъ, должны въ максимальной степени выпотрошить папану.

Слова эти рѣзнули Ксенію Карловну, но она понимала, что, какъ человѣкъ партійный, ея собесѣдникъ правъ. Моральную трудность можно было бы преодолѣть иначе, отдавая партіи всѣ получаемыя отъ отца деньги, — и противъ этого партія навѣрное ничего не имѣла бы. Но Ксенія Карловна не чувствовала себя способной жить на двадцать пять рублей въ мѣсяць. Съ тѣхъ поръ, получая въ Парижѣ съ неприятнымъ чувствомъ, каждое четвертое число, конвертъ съ пятью сургучными печатями снаружи, съ семью ассигнаціями внутри, Ксенія Карловна регулярно отдавала въ партійную кассу четыреста рублей. Рассказывала она объ этомъ неохотно только близкимъ друзьямъ; но близкимъ друзьямъ рассказывала непременно и всегда мужественнымъ, суровымъ къ себѣ и вмѣстѣ чуть насмѣшливымъ тономъ, съ упоминаніемъ и о Дусе, и о «всѣхъ Европахъ».

Служебный день Ксеніи Карловны былъ конченъ, — обычно онъ кончался гораздо позже. Этотъ вечеръ былъ предназначенъ для чтенія и литературно-политической ра-

боты. Ксенія Карловна и то жаловалась друзьямъ, что практическая дѣятельность ее засасываетъ: «А между тѣмъ надо, охъ, какъ надо, и по теоріи кое-что подчитать, а ужъ по исторіи я и совсѣмъ швахъ, каюсъ, запустила», — сурово-мужественно говорила она друзьямъ. Впрочемъ друзья знали, что товарищъ Карова, по своей обычной скромности, преувеличиваетъ: она всегда слѣдила и за теоріей, и за исторіей (разумѣлись теорія и исторія партіи). Въ партійной средѣ очень цѣнили и уважали Ксенію Карловну: «крупная сила и замѣчательный работникъ», — говорили о ней свѣточи.

На столѣ, подъ стекломъ котораго видны были объявленія дорогихъ гостиницъ, магазиновъ, пароходныхъ обществъ, лежалъ картонный портфель: Ксеніи Карловнѣ недавно посчастливилось достать большую рѣдкость, собраніе статей Ленина. Она развязала шнурокъ портфеля и бережно положила на столъ потрепанныя синія и сѣрыя брошюры, аккуратно наклеенныя на бумагу газетныя вырѣзки. Время у Ксеніи Карловны было разсчитано. Она вышла въ ванную комнату, открыла кранъ съ надписью «горячая» и подставила руку подъ струю, — вода все текла холодная. «Позоръ, что не могутъ наладить», — сердито подумала Ксенія Карловна. Она вообще не любила «Паласъ». Ей было извѣстно, что въ этой гостиницѣ ея отецъ провелъ послѣднія недѣли своей жизни. Въ томъ большомъ номерѣ бель-этажа теперь жилъ видный партійный дѣятель и Ксеніи Карловнѣ всегда бывало неприятно съ нимъ встрѣчаться, хоть онъ былъ очень уважаемый работникъ, состоялъ даже нѣкоторое время цекистомъ, а въ партіи числился съ 1904 года. Ксенія Карловна умылась холодной водой, затѣмъ поставила на спиртовую лампу приготовленную съ утра кастрюлю. Запахъ спирта вызвалъ въ ея памяти лабораторію. Что-то больно кольнуло Ксенію Карловну. «Да, злой безсердечный буржуа», — сказала она себѣ, вспомнивъ свой визитъ къ Брауну. Ксенія Карловна вернулась къ столу, зажгла лампу сбоку, надъ

зеркаломъ, и пододвинула папиросы, бумагу, — надо было сдѣлать изъ разныхъ статей выписки и замѣтки для отвѣтственнаго доклада. Она отвинтила крышку карманнаго пера, — перо не писало. Ксенія Карловна сильно его встряхнула и съ ужасомъ замѣтила, что капнула чернилами на брошюру «Шагъ впередъ, два шага назадъ». Кляксу кое-какъ удалось высосать свернутымъ въ трубочку кускомъ промокательной бумаги, — осталось только блѣдно-голубое пятнышко, — но все же это было неприятно, и Ксенія Карловна не сразу могла сосредоточить мысли. Однако, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она установила порядокъ положеній доклада, приблизительно намѣтила, что въ какой статьѣ надо просмотрѣть, и, нахмурившись, стала читать.

...«Философія хвостизма, процвѣтавшая три года тому назадъ въ вопросахъ тактики, воскресаетъ теперь въ примѣненіи къ вопросамъ организаціи»... — «Да, это очень важно сейчасъ, коль скоро бывшіе хвостисты собираются поднять голову», — удовлетворенно подумала Ксенія Карловна и взялась было за перо. Изъ ванной запахло капустой, — Ксенія Карловна забыла о супѣ. Она вскочила, пробѣжала въ ванную и погасила спиртовку. Супъ, шипя, переливался черезъ край кастрюли. Ксенія Карловна, морщась отъ боли, взялась за горячую ручку, быстро перелила супъ въ глубокую тарелку, захватила съ собой соль, хлѣбъ и перенесла все на столъ. «Да, злой буржуа, вообразившій себя сверхъчеловѣкомъ», — опять вспомнила она о Браунѣ. — «Осмѣиваетъ все живое и борющееся... Ну, и вычеркнуть его разъ навсегда изъ памяти». Но почему-то Браунъ изъ памяти у нея не выходилъ.

Ксенія Карловна познакомилась съ нимъ давно, вскорѣ послѣ разрыва съ отцомъ. Она тогда подумывала и о наукѣ. Къ Брауну у нея было рекомендательное письмо. Ксенія Карловна бывала и на его лекціяхъ, и въ лабораторіи. Наукой онъ не совѣтовалъ ей заниматься, но былъ съ ней

очень внимателенъ и любезенъ, зашелъ съ визитомъ,⁸ пригласилъ ее на обѣдъ въ ресторанъ. Ксенія Карловна охотно приняла приглашеніе: она и партійнымъ друзьямъ говорила, что любитъ «минутныя вылазки въ старый міръ». Ей — особенно въ ту пору — нравились хорошо одѣтые, хорошо воспитанные, хорошо говорящіе по французски мужчины. Обѣдъ впрочемъ сошелъ неудачно. Въ ресторанѣ, выпивъ шампанскаго, Ксенія Карловна рассказала Брауну всю свою жизнь. Онъ былъ однако въ дурномъ настроеніи, слушалъ ее мрачно и не очень внимательно, а когда она кончила, сказалъ:

— Это Шекспиръ съ примѣсью Вербицкой... Что, если въ дальнѣйшемъ Шекспира не хватитъ? Тогда вся ваша жизнь пройдетъ по Вербицкой, а? Право, не стоитъ, Ксенія Карловна.

— Я вамъ говорю чистую правду, — сказала, вспыхнувъ, Ксенія Карловна. вмѣсто «чистой» у нея вышло «чистой», — въ минуты волненія она немного шепелявила; это воспоминаніе потомъ очень ее мучило.

— Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, — постѣшно отвѣтилъ Браунъ. Мнѣніе Ксеніи Карловны объ его любезности и хорошемъ воспитаніи поколебалось. Однако добрыя отношенія остались, тѣмъ болѣе, что Браунъ видимо старался загладить свою рѣзкость. Онъ продолжалъ чрезвычайно ей нравиться. Она часто о немъ думала, стыдилась этого и вмѣстѣ этому радовалась.

...«Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежскій комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партійнаго съѣзда»... «Hôtel Héliopolis, le plus luxueux du monde, 800 chambres avec salles de bain»... «Паки и паки мы должны съ сожалѣніемъ констатировать, что бундовцы совершенно не сводятъ концы съ концами»... «Thos Cook & sons offices, Great Britain & Ireland, Europe, Af-

rica, Oriental)»... Ёсть и читать, скосивъ глаза, было неудобно, — глупыя объявленія подъ стекломъ развлекали Ксенію Карловну. Она поужинала, унесла тарелку въ ванную, вернулась и быстро набросала тезисы доклада. Это ее оживило. Для заключительной части, гдѣ говорилось о приходѣ партіи къ власти, надо было заглянуть въ прошлогоднія статьи Ленина. Ксенія Карловна внимательнo прочла рядъ вырѣзокъ и кое-что выписала. «Когда-то А. И. Герценъ сказалъ», — быстро, крупнымъ и четкимъ почеркомъ, выписывала она, — «что когда посмотришь на «художества» господствующихъ классовъ Россіи, то становится стыдно сознавать себя русскимъ. Это говорилось тогда, когда Россія стонала подъ игомъ крѣпостничества, когда кнутъ и палка властвовали надъ нашей страной. Теперь Россія свергла царя. Теперь отъ имени Россіи говорятъ Керенскіе и Львовы. Россія Керенскихъ и Львовыхъ обращается съ подчиненными національностями такъ, что и теперь напрашиваются на языкъ горькія слова А. И. Герцена»...

Въ одиннадцать часовъ Ксенія Карловна кончила конспектъ доклада, который несомнѣнно долженъ былъ вызвать много споровъ и шума въ городскомъ комитетѣ. Она прочла конспектъ съ начала до конца. Нѣкоторыя мѣста въ немъ доставили ей немалое удовлетвореніе, особенно то, которое со ссылкой на Ленина, было направлено противъ бывшихъ хвостистовъ, теперь примазавшихся къ комитету и явно компрометирующихъ партію. Ксенія Карловна завинтила самопишущее перо, аккуратно, въ хронологическомъ порядкѣ, сложила статьи Ленина и завязала шнурки папки. На слѣдующій день надо было идти на работу въ семь часовъ утра. Ксенія Карловна раздѣлась и стала продѣлывать шведскую гимнастику, которую ей рекомендовалъ одинъ врачъ, — прекрасный работникъ, состоявшій въ партіи съ 1907 года (Ленинъ тоже одобрялъ шведскую гимнастику). Зеркало отражало ее тощую фигуру, худыя повисшія руки, аккуратно, но некрасиво запла-

танное бѣлье — отъ Дусе. «Кожа желтая отъ электрическаго свѣта... И наша эпоха не время для личнаго счастья... Злой, злой человѣкъ и не надо о немъ вспоминать», — печально и безсвязно думала Ксенія Карловна, вздрагивая при мысли о своей послѣдней встрѣчѣ съ Брауномъ. — «Повысятся другія цѣнности, скажемъ, на примѣръ, наружность»... Какъ это плоско онъ сказалъ, и грубо, и пошло!.. Я ему отвѣтила: «Это ваше замѣчаніе сдѣлало бы честь Кузьмѣ Пруткову»... И очень хорошо, что такъ отвѣтила... — вспоминала она, вытягивая руки и присѣдая. Вдругъ Ксенія Карловна замерла: «Что, если сказала не честь а цесть!.. Нѣтъ, не сказала... Ахъ, да не все ли равно! Право, стыдно объ этомъ и думать... Для меня этотъ буржуазный эстетъ больше не существуетъ»...

XIV.

Денежное положеніе Горенскаго становилось съ каждымъ днемъ хуже. Посовѣтовавшись съ Мусей, Фоминъ задумалъ пристроить князя въ коллегію по охранѣ памятниковъ искусства и исторіи. Это было нелегко, хотя Фоминъ и пользовался немалымъ вліяніемъ въ коллегіи. Къ нему очень благоволила Карова.

Фоминъ былъ съ ней чрезвычайно внимателенъ и любезенъ, — однако безъ всякаго подхалимства. Ксенія Карловна знала, что онъ, какъ многіе другіе члены коллегіи, относится къ большевикамъ враждебно. Но она чрезмѣрной нетерпимостью не отличалась и всякіе знаки вниманія очень цѣнила. Поладить съ нею было нетрудно. Фоминъ интересовался ея взглядами на искусство, совѣтовался съ ней не какъ съ начальствомъ, а какъ съ хорошо освѣдомленнымъ специалистомъ, и называлъ ее по имени-отчеству. Другіе члены коллегіи обращались къ Ксеніи Карловнѣ официально: «товарищъ Карова», — она чувствовала, что въ устахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ слово «товарищъ» звучитъ насмѣшкой или ругательствомъ.

Впрочемъ при первой попыткѣ Фомина поговорить о должности для Горенскаго, Ксенія Карловна отнеслась къ этому какъ будто несочувственно.

— Князь Горенскій? Ну, вотъ еще!

— Почему же «ну вотъ еще», если смѣю спросить?

— Охъ, не люблю князей...

— Гейне говорилъ: «Надо быть очень осторожнымъ въ выборѣ своихъ родителей», — шутливо отвѣтилъ Фоминъ. — Разрѣшите сказать вамъ, что вы и сами допустили маленькую неосторожность, родившись въ привилегированной средѣ, въ мѣрѣ *haute finance*.

Фоминъ чувствовалъ, что это напоминаніе объ ея принадлежности къ привилегированной средѣ не слишкомъ непріятно Ксеніи Карловнѣ и что едва ли она ужъ такъ не любить князей.

— Но вѣдь этотъ Горенскій вдобавокъ очень ярко вывленная фигура буржуазно-либеральнаго лагеря?..

— Не такая ужъ яркая фигура... Наконецъ, позвольте вамъ напомнить, Ксенія Карловна, — сказалъ съ достоинствомъ Фоминъ, — что и вашъ покорный слуга тоже отнюдь не большевикъ и даже не сочувствующій. Я отъ васъ этого никогда не скрывалъ.

— Да, я знаю, — послѣшно сказала Ксенія Карловна, впадая въ его тонъ, въ тонъ дружески разговаривающихъ офицеровъ враждебныхъ армій. — Въ общемъ и цѣломъ мнѣ направленіе членовъ коллегіи безразлично.

— Разница въ политическихъ взглядахъ не мѣшаетъ намъ дѣлать культурное дѣло, которое и вы, и я находимъ полезнымъ. Да, Горенскій — князь, но такого знатока старыхъ книгъ, фарфора и миниатюръ у насъ въ коллегіи нѣтъ. Ему надо было бы предоставить отдѣльную секцію...

— Что-жъ, если онъ цѣнный культурный работникъ, — отвѣтила, сдаваясь, Ксенія Карловна, — я отнесусь индифферентно... Тогда, я думаю, надо мнѣ сначала съ нимъ познакомиться?

— Непремѣнно... Я его къ вамъ приведу...

Въ согласіи Каровой Фоминъ и раньше почти не сомнѣвался. Главная трудность заключалась въ томъ, чтобы уговорить князя. И Фоминъ, и Муся долго доказывали Горенскому, что коллегію по охранѣ памятниковъ искусства и старины никакъ нельзя причислять къ большевистскимъ учрежденіямъ или даже съ ними сравнивать.

— У насъ большевиковъ три человѣка и обчелся, — убѣдительно говорилъ князю Фоминъ. — Я лично имѣю дѣло только съ товарищемъ Каровой. Un petit, celle-là. Остальные члены коллегіи такіе же большевики, какъ мы съ вами. И самая коллегія то же самое, что на войнѣ былъ Красный Крестъ, только спасаютъ не гибнущихъ людей, а гибнущіе шедевры искусства.

— Ну, да, вотъ именно! Вотъ именно! — горячо подтверждала Муся.

— Можетъ быть, но что-жъ мнѣ дѣлать? Я этихъ людей видѣть не могу, — отвѣчалъ мрачно Горенскій. — Мнѣ противно якшаться съ ними, и руку имъ подавать гнушно.

— Позвольте, Алексѣй Андреевичъ, обиженнымъ тономъ сказала Фоминъ, — Почему же я могу подавать имъ руку? Вамъ отлично извѣстно, что я ихъ люблю не больше, чѣмъ вы.

— Пожалуйста, не сердитесь на меня, Платонъ Михайловичъ, — сказалъ князь, — я очень цѣню ваше доброе намѣреніе... Но вы знаете, какъ я теперь нервень.

— Да я нисколько не сержусь... Я только говорю: подумайте.

— По моему, тутъ и думать нечего, — говорила Муся. — Платонъ Михайловичъ совершенно правильно сказалъ: это Красный Крестъ. А на Красный Крестъ ни бойкотъ, ни саботажъ распространяться не могутъ.

— Хорошо, я подумаю, — упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Горенскій.

Жить князю было въ самомъ дѣлѣ нечѣмъ. Онъ не

могъ продавать вещи, какъ дѣлали другіе; домъ у него отобрали со всѣми вещами. По текущему счету выдавали ежемѣсячно гроши, которыхъ не хватало на нѣсколько дней жизни. Не могъ князь и уѣхать въ глушь, въ деревню, какъ хотѣлъ сдѣлать послѣ разгона Учредительнаго Собранія: землю у него тоже отобрали. Еще недавно многіе богатые люди сочли бы для себя честью оказать кредитъ князю Горенскому. Теперь денегъ ни у кого почти не было, а тѣ, у кого деньги оставались, гораздо менѣе охотно предлагали ихъ займы. Ужъ очень много теперь вездѣ было нужды. Лишенья, которымъ подвергались люди, прежде богатые и высокопоставленные, больше не удивляли и не трогали, тѣмъ болѣе, что, наряду съ подлинными богачами, тонъ раззоренныхъ революціей магнатовъ часто принимали люди, никогда никакого состоянія не имѣвшіе. Горенскій взялъ займы три тысячи, предложенныя ему Нецеретовымъ, былъ немного долженъ и Кременецкому. Деньги скоро разошлись, и теперь у князя не оставалось ничего.

Горенскій опустился и по внѣшности: брился не каждый день, носилъ помятые воротнички, некрасиво, съ торчащимъ изнутри язычкомъ, расходившіеся надъ галстухомъ. Какъ-то разъ Муся замѣтила, что у князя брюки съ бахромою и сбитые башмаки. Это почему-то особенно разстроило Мусю. Впослѣдствіи, когда она вспоминала Петербургъ 1918 года, въ памяти у нея прежде всего вставали не аресты, не грабежи, не убійства, даже не голодь, а бахрома на брюкахъ и сбитые каблуки князя. Муся знала, что онъ взялъ небольшую сумму денегъ у ея отца. Семь Исидоровичъ тогда сообщилъ объ этомъ семьѣ.

— Нынче я, друзья мои, устроилъ маленькій заемъ нашему милѣйшему Алексѣю Андреевичу, — сочувственно вздыхая, сказала Кременецкій. — Онъ, бѣдняга, чуть ли не голодаеть... Пусячокъ какой-то, не стоитъ и говорить.. Но подумать только: князь Горенскій, владѣлецъ двѣнадцати тысячъ десятинъ!..

Муся хотѣла было попросить отца опять предложить Алексѣю Андреевичу денегъ; она знала, что Семень Исидоровичъ тотчасъ дастъ Горенскому взаймы и во второй разъ, и даже дастъ охотно, однако не такъ охотно, какъ въ первый разъ, — это оскорбляло Мусю за князя. Къ отцу Муся не обратилась, но настойчиво потребовала у Фомина мѣста въ Коллегіи для Горенскаго. Въ глубинѣ души, она сама находила, что ему лучше было бы не служить и въ Коллегіи по охранѣ памятниковъ искусства.

— Надо же, наконецъ, и намъ что-нибудь для него сдѣлать, Платонъ Михайловичъ!

— Милая, да я и такъ дѣлаю все, что могу, — сказалъ Фоминъ, задѣтый этимъ замѣчаніемъ: все дѣлалъ онъ, а Муся только совѣтовала. — Пусть онъ представится товарищу Каровой и дѣло будетъ въ шляпѣ, я ручаюсь. Но вѣдь вы его знаете! Убѣдите его, милая.

Горенскій рѣшительно отказался представиться Каровой. По совѣту Муси, Фоминъ какъ бы случайно устроилъ встрѣчу на нейтральной почвѣ, у себя, во дворцѣ.

Князь очень понравился Ксеніи Карловнѣ.

— Конечно, какъ я и думала, махровый контръ-революціонеръ, — снисходительно сказала она позднѣе Фомину. — Но образованный и умный представитель своего класса. Вы правы: цѣнная культурная сила должна быть утилизирована въ интересахъ дѣла.

— Вѣдь я вамъ говорилъ.

— Да... Мы это устроимъ...

• На князя Ксенія Карловна не произвела отталкивающаго впечатлѣнія.

— Кажется, работать съ ней можно, — угрюмо сказалъ онъ Фомину.

— Она каждый день умывается! Мыломъ! — отвѣтили Фоминъ. — *C'est déjà quelque chose...* А дѣло, право, интересное и нужное... Вотъ, вчера мы опоздали и на смарку пошелъ дивный фарфоровый сервизъ. Его отдали въ общежитіе для пріѣзжихъ большевиковъ. Этотъ сервизъ

принадлежалъ генералу Талызину, одному изъ убійць Павла I.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Горенскій получилъ мѣсто въ коллегіи, съ окладомъ, который давалъ ему возможность кое-какъ жить безъ чужой помощи. Несмотря на всѣ доводы друзей, князь разсматривалъ свое поступленіе на службу, какъ моральное паденіе. Онъ и при старомъ строеѣ служилъ только по выборамъ, да еще въ гвардіи, молодымъ человѣкомъ. Теперь, онъ понималъ, его голодомъ заставили поступить на службу къ большевикамъ.

Горенскому было въ послѣднее время тяжело жить не только въ матеріальномъ отношеніи. Онъ не занималъ никакой должности въ 1917 году и не несъ прямой отвѣтственности за событія. Однако паденіе Временнаго Правительства, разгонъ Учредительнаго Собранія были для князя и личной драмой.

Политическіе интересы занимали въ жизни Горенскаго очень большое мѣсто, быть можетъ, отчасти потому, что для себя онъ почти ничего желать не могъ: у него все было, положеніе, имя, богатство. Немногочисленные враги Горенскаго говорили, что высокимъ общественнымъ положеніемъ онъ обязанъ именно либеральнымъ взглядамъ, или, точнѣе, ихъ сочетанію съ именемъ и богатствомъ. Однако своимъ взглядамъ князь Горенскій пожертвовалъ другой карьерой, болѣе медленной, зато и болѣе блестящей, — по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Съ взглядами этими онъ сжился очень прочно. Многіе изъ его единомышленниковъ увидѣли въ событіяхъ 1917 года крушеніе либеральныхъ идей и теперь отъ нихъ отрекались. Горенскому пойти на это было трудно: это значило признать бессмысленной всю свою жизнь. Провѣряя себя, онъ перечитывалъ тѣ книги (преимущественно англійскія), изъ которыхъ выводилъ «свое политическое credo», — онъ любилъ и часто употреблялъ это выраженіе. Въ кни-

гахъ ничего не измѣнилось; ихъ кругъ мыслей продолжалъ казаться князю вѣрнымъ. У Дж. Ст. Милля все выходило хорошо. Въ дѣйствительности все было скверно. Нельзя было ругать Милля. Но нельзя было и хвалить дѣйствительность. Другіе единомышленники Горенскаго, не отрекаясь отъ своихъ основныхъ взглядовъ, взваливали отвѣтственность за событія на отдѣльныхъ людей. Это было не въ его характерѣ, прямо въ благородномъ. Онъ могъ найти въ прошломъ такіе моменты, когда расходился съ людьми, стоявшими у власти, могъ признать это расхожденіе рѣшающимъ и такимъ образомъ освободить себя отъ всякой отвѣтственности. Но Горенскій помнилъ, что въ общемъ дѣйствія Временнаго Правительства тогда казались ему правильными. Помнилъ онъ и о томъ, что иногда самъ обходилъ Временное Правительство не справа, а слѣва. Правда, объ этомъ онъ вспоминалъ неохотно и, несмотря на всю свою искренность, только про себя.

Наиболѣе спокойные и терпѣливые изъ его единомышленниковъ относились къ событіямъ хладнокровно. Они признавали, что правительствомъ и обществомъ были допущены важныя ошибки, но тутъ же говорили: «Не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ». Они указывали на культурную отсталость Россіи и порою добавляли шуточно: «Помните, у Чехова сказано, «это тебѣ не Англія!» Они ссылались на гибельную роль подстрекателей, на усталость и опьяненіе арміи, на то, что народъ боленъ. Все это могло быть вѣрно, Горенскій и самъ это говорилъ, но жизнь его выходила безсмысленной и съ этими доводами. Терпѣливые наблюдатели подчеркивали сходство новаго строя со старымъ и даже старались — особенно вначалѣ — пристыдить этимъ сходствомъ большевиковъ: «Въ ихъ новизнѣ старина намъ слышится», — говорили они. Горенскому старина въ новизнѣ не слышалась. Собственная его судьба мѣшала ему ее слышать. «Вѣрно, и тогда былъ гнетъ, но такого гнета никогда не было!..» — гово

рилъ себѣ онъ. — «Нѣтъ, все разное, вплоть до мелочей»... (Прежде главными врагами являлись люди его круга, нынѣшніе враги были н и к т о. Это и было мелочью, скорѣе ощущеніемъ, чѣмъ доводомъ. Но ощущенія этого князь преодолѣть въ себѣ не могъ).

Тогда все было ясно. Прежде всего ясно было, кто враги и кто друзья. Главной опорой, единомышленникомъ, союзникомъ, Горенскій считалъ русскій народъ, на который и ссылался безпрестанно въ своихъ рѣчахъ. Въ ноябрѣ крестьяне сожгли его домъ въ деревнѣ, убили управляющаго, все въ усадьбѣ разграбили или уничтожили. Въ отличіе отъ многихъ либеральныхъ помѣщиковъ, князь Горенскій не считалъ себя благодѣтелемъ своихъ крестьянъ; въ молодости, читая Михайловскаго, онъ говорилъ, что прекрасно понимаетъ психологію кающагося дворянина, и даже немного этой психологіей гордился. Но все-таки онъ сдѣлалъ немало: завелъ школу, больницу, отдавалъ мужикамъ землю въ аренду на три рубля съ десятины дешевле чѣмъ другіе помѣщики, работалъ въ земствѣ, всячески отстаивалъ интересы крестьянъ при столкновеніи съ властями. Въ 1905 году въ его имѣніи не было никакихъ беспорядковъ, и это князь съ гордостью приписывалъ своимъ взглядамъ и дѣйствіямъ. Теперь все приходилось объяснять тѣмъ, что народъ боленъ. Горенскій такъ это и объяснялъ, но прежней ясности больше не было. Народъ не выздоравливалъ и о психологіи кающагося мужика говорить явно не приходилось.

Моральная тяжесть, которую испытывалъ князь Горенскій, еще увеличивалась отъ того, что въ себѣ самомъ онъ теперь находилъ чувства, прежде совершенно ему незнакомыя. Такъ, при новыхъ насиліяхъ и издѣвательствахъ большевиковъ, онъ ловилъ себя на мысляхъ о безпощадныхъ казняхъ, — между тѣмъ онъ былъ всегда противникомъ смертной казни и не разъ протестовалъ противъ нея въ Государственной Думѣ. Иногда Горенскій чувствовалъ, какъ въ немъ поднимается антисемитизмъ.

— чувство, которое онъ себѣ разъ навсегда запретилъ много лѣтъ тому назадъ, начиная общественную жизнь. Иногда ему казалось, что онъ теперь ненавидитъ и презираетъ весь русскій народъ. Это было очень тяжело.

Нелегко ему было выносить и рѣзкую перемену въ отношеніи къ себѣ окружающихъ. Князь Горенскій прожилъ всю жизнь въ атмосферѣ почта и уваженія. Большинство людей либеральнаго лагеря очень его почитало и любило; многіе даже имъ гордились, — такъ рядовые провинціальныя декабристы гордились своими столичными рюриковичами. Въ консервативныхъ кругахъ, къ которымъ принадлежала его родня, отдавали должное независимости Горенскаго, своеобразію избраннаго имъ пути. Теперь либералы имъ не интересовались, консерваторы говорили о немъ съ ненавистью, въ средѣ своихъ родныхъ онъ сталъ чуть только не посмѣшищемъ. Вокругъ князя образовалась и политическая, и бытовая пустота. Онъ самъ сталъ избѣгать общества и бывалъ лишь у тѣхъ людей, которые, хоть по видимости, относились къ нему совершенно такъ же, какъ прежде.

Особенно охотно князь Горенскій бесѣдовалъ теперь съ Глафирой Генриховной. Она восторженно его слушала, всячески давала понять, что считаетъ его необыкновеннымъ человѣкомъ, а иногда прямо такъ и заявляла, какъ бы проговариваясь въ присутствіи князя. Мусю вначалѣ забавляла эта манера; она считала ее наивно-провинціальной и называла «*action directe*». Сама Муся совершенно иначе болтала съ мужчинами, которымъ хотѣла нравиться. Но къ большому и неприятному своему удивленію, Муся скоро стала замѣчать, что манера ея подруги имѣетъ успѣхъ. Глаша, безтактная злюка-Глаша, которую въ кружкѣ самые снисходительные люди считали «недурненькой, но не болѣе», а Никоновъ называлъ «желтымъ мордальономъ», явно нравилась князю Горенскому! Онъ уединялся съ ней охотнѣе, чѣмъ съ самой Мусей.

Изъ случайныхъ бѣгло-равнодушныхъ замѣчаній Глафиры Генриховны выяснилось, что она встрѣчается съ княземъ не только у Кременецкихъ.

XV.

...«У колонны. № 35. Первый планъ. Изъ діафрагмы медленно выплываетъ лицо Лидіи. Крупно. На немъ написаны страсть и чисто материнская нѣжность. Она напоминаетъ дивную статуэтку Танагра. Взглядъ ея, неподвижно устремленный вдаль, гаснетъ. Фондю. Уколонны. № 36. Лидія во весь ростъ. Она медленно подноситъ розу къ губамъ, потомъ къ сердцу. Аппаратъ приближается на первый планъ, фиксируя переживанія Лидіи. На среднемъ планѣ въ профиль къ аппарату скользитъ тѣнь графа Карла фонъ-ундъ-цу Цингроде. Переходъ. Уколонны. № 37. Дикая ненависть вдругъ отражается на нѣжномъ лицѣ дѣвушки. Роза падаетъ у нея изъ рукъ. Аппаратъ панорамируетъ навстрѣчу. Какъ тигрица, Лидія стремительно бросается къ графу Карлу.

На дп. — Это ты, злодѣй, тайный виновникъ его несчастья»!..

Передъ большимъ зеркаломъ Сонечка въ двадцатый разъ разучивала эту сцену. Березинъ считалъ ее центральной въ роли Лидіи — роль, правда, была второстепенная — и отъ ея пробнаго выполненія зависѣло то, можно ли будетъ пригласить Сонечку. Сонечка замирала отъ счастья при мысли, что будетъ играть въ фильмѣ. Самое разучиваніе сцены, по указаніямъ и подъ руководствомъ Березина, доставляло ей наслажденье, равнаго которому она никогда не испытывала въ жизни.

Сонечку въ послѣднее время мучили вопросы, кото-

рыхъ она не называла «проклятыми» потому, что взрослые, въ особенности Муся, часто съ подчеркнутой насмѣшкой говорили о «проклятыхъ вопросахъ», и Сонечка понимала, что это очень устарѣлыя, книжныя, смѣшныя слова. Главный вопросъ, мучившій Сонечку, заключался въ томъ, въ кого именно она влюблена. Разумѣется, она не была влюблена ни въ Никонова, ни въ Фомина, — о Беневоленскомъ не стоило и говорить. Сонечка прекрасно знала, что любовь слѣпа, и все же очень ясно чувствовала, въ кого можно влюбиться и въ кого нельзя. Такъ, явно отпадалъ Клервилль. Онъ былъ красавецъ, и при другихъ условіяхъ въ него очень можно было бы влюбиться, — Сонечка и то иногда на него заглядывалась. Но Клервилль былъ женихомъ Муси, — въ него влюбиться не годилось. Иногда у Сонечки мелькало и такое демоническое настроеніе: «отбить любимаго человѣка у лучшей своей подружки!..» Однако она чувствовала, что это совершенно не серьезно: Мусю Сонечка боготворила и ни за что не сдѣлала бы ей никакой неспрiятности («не то что это!»). Сонечкѣ нравился «какъ человѣкъ» и Горенскій, нравился ей и его титулъ, какъ-то во всемъ придававшій ему достоинствъ. Но опять-таки въ него влюбиться «не имѣло смысла». Незачѣмъ было влюбиться и въ Витю (Сонечка и это чуть-было попробовала) — «потому же, почему и въ князя, но какъ разъ наоборотъ», — говорила себѣ она: это объясненіе другимъ могло быть непонятно; Сонечка же отлично знала, что хочетъ сказать. Все это въ мысли собственно и не выливалось, но чувствовалось само собой.

Витя вдобавокъ былъ влюбленъ въ Мусю. Сонечкѣ объ этомъ въ шутовскомъ тонѣ сообщила сама Муся, тутъ же взявъ съ нея честное слово, что она никогда никому ничего не скажетъ, — «я только вамъ проговорилась, больше никто рѣшительно не знаетъ». Сонечка свято хранила секретъ дня три, пока это не стало ей совершенно не подъ силу, затѣмъ рассказала Глафирѣ Генриховнѣ. Разказавъ.

она ужаснулась своей низости и потребовала отъ Глаши клятвы въ святомъ храненіи секрета.

— Витя способенъ застрѣлиться, если объ этомъ будутъ говорить и шутить! — говорила Сонечка, сама себя пугая и округляя глаза. — Глаша, милая, поклянитесь.. Поклянитесь своей жизнью! — Сонечка хотѣла было сказать: «поклянитесь моей жизнью», какъ требовала установленная у нихъ въ кружкѣ формула, но почему-то подумала, что клятва ея, Сонечкиной, жизнью едва ли остановитъ Глафиру Генриховну.

— Отстаньте, Сонечка, — съ досадой сказала Глаша. — Съ чего Витя будетъ стрѣляться! Всѣ мальчишки въ кого-нибудь влюблены и онъ естественно тоже. Да еще и правда ли?

— Разумѣется, правда! Какъ Богъ святъ!.. Миѣ сама Муся сказала.

— Вотъ то-то и оно, что сама Муся... Я ничего не хочу сказать худого, но Муся думаетъ, будто въ нее всѣ влюблены. И великіе князья ее на Невскомъ замѣтили... Кажется, и Вильгельмъ ее гдѣ-то преслѣдовалъ на курортѣ, лѣтъ восемь тому назадъ.

— Что вы выдумываете, Глаша? — обиженно сказала Сонечка. — Никогда Муся ничего такого не рассказываетъ, а восемь лѣтъ тому назадъ она подъ столомъ бѣгала.

— Не очень подъ столомъ.

— Ну да, подъ столомъ. Ей двадцать два года, значить тогда было четырнадцать.

— Скажемъ, что ей всѣ двадцать четыре, значить было шестнадцать.

— Да нѣтъ же, ей двадцать два!

Глафира Генриховна улыбалась снисходительной улыбкой, означавшей: «Какая вы легковѣрная, Сонечка»... Она впрочемъ обѣщала молчать. Витя былъ «клопъ» и его любовь была совершенно не нужна Глашѣ; но все же ей

было неприятно, что закрѣпляется версія о новой побѣдѣ Муси.

Разговоръ съ Глафирой Генриховной разстроилъ Сонечку. Вечеромъ она долго плакала: думала и о Березинѣ, и о близящемся Мусиномъ отъѣздѣ, и о томъ, есть ли у нея талантъ, и о томъ, что ей въ жизни дѣлать. Сонечка вообще мрачнымъ характеромъ не отличалась и плакала рѣдко, всего раза два-три въ мѣсяцъ, — и это несмотря на печальную зиму почти безъ всякихъ развлеченій, на постоянное ворчаніе старшей сестры Анны Сергѣевны, быстро старящейся классной дамы, несмотря на увеличивающуюся въ домѣ бѣдность: ни одного платья сшить не удалось, — только два старыхъ передѣлали, да и то домашними силами, плохо, такъ что даже иные мужчины, какъ Фоминъ, и ужъ, конечно, всѣ дамы, немедленно признавали въ нихъ старья. Утѣшеніемъ было то, что Сонечка, несмотря на всѣ невзгоды, очень похорошѣла въ послѣднее время и была необыкновенно мила. Мужчины не сводили съ нея глазъ, — она это видѣла, да ей это говорила и Муся.

— Я что, я старая гвардія, — полушутливо, но и съ грустью сказала ей какъ-то Муся въ отвѣтъ на комплиментъ. — Теперь ваше время, Сонечка...

— Мусенька, вы внѣ конкурса! — восторженно отвѣтила Сонечка. — Я никого красивѣе васъ не видала.

Глафира Генриховна пренебрежительно улыбалась. Она не завидовала Сонечкѣ: та была другого поколѣнія, несмотря на очень малую разницу въ годахъ.

Почему-то въ эту ночь Сонечка окончательно убѣдилась, что влюблена въ Березина. Въ постели она долго ворочалась, поправляла и перекладывала подушку, а на утро не безъ гордости утверждала, что «не сомкнула глазъ всю ночь», на что Анна Сергѣевна впрочемъ возражала: «Ну, и врешь, мать моя, въ двѣнадцать какъ убитая спала, пушкой было не разбудить»...

Къ веснѣ Сонечка была влюблена искренно и страстно.

Шутки друзей тотчасъ это закрѣпили. Березинъ, признанный покоритель сердець, былъ польщенъ и сталъ удѣлять Сонечкѣ немало вниманія.

— Свѣжая, милая дѣвочка, съ душой и, кажется, не безъ таланта, — говорилъ онъ Мусѣ. — Дара сценической рѣчи у нея нѣтъ, я пробовалъ, и голосокъ слабый-слабый... Но для великаго нѣмого есть большія задатки. Она чуть-чуть напоминаетъ мнѣ Вѣру Холодную... Разумѣется, какъ распускающійся нѣжный бутонъ можетъ напоминать пышную прекрасную розу.

Березинъ въ послѣднее время очень увлекался великимъ нѣмымъ. Незадолго до октябрьской революціи онъ подписалъ контрактъ съ частнымъ обществомъ, которое готово было дать до двухсотъ тысячъ на постановку истинно-художественныхъ фильмъ (тогда еще говорили ф и л ь м а). Однако дѣло шло не гладко. Финансовый директоръ общества признавалъ чрезвычайно интересной теорію сцены, какъ кристалла-тетраэдра, но мрачно говорилъ, что наша публика еще до этой теоріи не доросла. Переубѣдить финансоваго директора было нелегко. Онъ вдобавокъ былъ туговать на ухо.

— Вы говорите, милый, что надо идти на уступки вкусамъ толпы, — кричалъ Березинъ (убѣдительныя интонаціи его превосходнаго голоса нѣсколько теряли отъ крика). — Я это допускаю! Больше того, я на это иду!..

— Зачѣмъ вы такъ кричите?.. Вы на это что?..

— Я на это иду, иду на это!.. Но вѣдь надо же и публику поднимать до нашего уровня, поймите вы это, милый, ради самого Господа Бога!..

— Почему вы думаете, что я не понимаю? Я прекрасно понимаю!

— Поймите же, что это все-таки Некрасовъ!.. Поднимется ли у васъ рука на Некрасова?

— Понятное дѣло Некрасовъ, развѣ я не знаю? — отвѣчалъ директоръ, но въ тонѣ его, и обиженномъ, и власт-

номъ, чувствовалось, что у него рука поднимется и на Некрасова. — Вѣрьте мнѣ, Сергѣй Сергѣевичъ, это я вамъ говорю, отъ одной лишней роли съ Некрасовымъ ничего не сбѣлается. Что?.. А я куда Зарину дѣну, если они съ ней заключили этотъ проклятый контрактъ!.. И потомъ вы же и сами все насочиняли.

— Господи! Но вѣдь я же развивалъ Некрасовскую тему въ полномъ соотвѣтствіи съ его духомъ, я развивалъ ее художественно! А эта ваша женщина въ маскѣ, извините меня, ни къ селу, ни къ городу!

Финансовый директоръ печально, но твердо стоялъ на своемъ и не утверждалъ написаннаго Березинымъ сценарія «Бду ли ночью по улицѣ темной». Временно общество занималось фильмомъ стараго типа, тѣмъ самымъ, въ которомъ должна была играть Сонечка. Это Березина не удовлетворяло.

— Нѣтъ, милая дѣвочка, еще видно не доросли мы до настоящаго художественнаго кино, — жаловался онъ Сонечкѣ. — Трудно имѣть дѣло съ этими господами.

— Сергѣй Сергѣевичъ, у васъ все выйдетъ изумительно! Все!

— Посмотримъ, посмотримъ... А вотъ они хотятъ поставить фильмы на высоту, не останавливаясь ни передъ какими затратами. При нѣкоторыхъ условіяхъ это можетъ быть интересно, — вскользь замѣтилъ Березинъ. — Разумѣется, на началахъ аполитичности. Ихъ дѣло создать матеріальную базу и предоставить художнику свободу. Я такъ имъ и сказалъ и они на это идутъ, -- добавилъ онъ и спохватился, замѣтивъ ужасъ на лицѣ Сонечки. — Разумѣется, безъ этого о моемъ участіи не можетъ быть и рѣчи. Независимость художника мнѣ всего дороже! И такъ на меня милые собратья собакъ вѣщаютъ!

Въ артистическихъ кругахъ дѣйствительно недолюбливали Березина. Въ послѣднее же время актеры, раздѣлявшіе общую ненависть къ большевикамъ, отзвѣчались о

немъ очень рѣзко. «Карьеристъ-перевертень, да и таланта на грошъ!» — говорилъ старый знаменитый артистъ.

Другіе члены кружка тоже интересовались кинематографомъ, главнымъ образомъ благодаря Березину. Беневоленскій, оставшійся безъ средствъ, быть имъ привлеченъ къ дѣлу составленія сценаріевъ. Къ общему удивленію, авторъ непонятныхъ стиховъ «Голубого фарфора» обнаружилъ въ новомъ дѣлѣ немалое дарованіе, быстро усвоилъ технику и составлялъ сценаріи такъ, что самъ финансовый директоръ чрезвычайно его хвалилъ и даже мягко ставилъ его работу въ примѣръ Березину. Беневоленскій и написалъ, подъ руководствомъ Березина, тотъ фильмъ, въ которомъ Сонечка должна была играть роль Лидіи. Муся, чрезвычайно чуткая къ новымъ вѣяніямъ, одна изъ первыхъ въ Петербургѣ поняла, что больше не слѣдуетъ презирать кинематографъ и называть его «пошлятиной», «позоромъ нашего времени», — такъ же, какъ она въ свое время одна изъ первыхъ поняла, что надо перестать восторгаться «Міромъ Искусствъ» или сборниками «Знанія». Муся и прежде охотно ходила въ кинематографъ. Теперь она говорила объ этомъ съ нѣскольکو вызывающимъ видомъ и щеголяла разными техническими выраженіями, — такъ подрастающіе школьники щеголяютъ впервые заученными непристойными словами.

Еще больше интересовалась кинематографомъ Глафира Генриховна. Видъ молодыхъ, красивыхъ людей, имѣющихъ автомобили, обѣдающихъ въ дорогихъ ресторанахъ, пріятно ее волновалъ. Послѣ такихъ фильмовъ она выходила изъ кинематографа въ состояніи приподнятомъ, бодромъ, готовая къ борьбѣ (въ такомъ же приблизительно состояніи выходилъ изъ кинематографа Витя, по-видавъ необыкновенныя приключенія необыкновенно энергичныхъ людей, отряды вооруженныхъ всадниковъ, съ мѣста въ карьеръ выносящихся изъ воротъ гаціенды). Труд-

лая жизнь Глафиры Генриховны была подобна жизни полководца, вѣчно вѣдущаго войну, отъ которой зависитъ все его будущее. Такъ, въ сложныхъ стратегическихъ комбинаціяхъ, съ постоянной оглядкой на противника, на обстановку, на поле сраженія, проходили дни и годы Глаши. Никто ее не жалѣлъ. О ней всѣ только и знали, что она злая и любитъ говорить непріятности. Глафира Генриховна и сама считала себя злой. Иногда она давала себѣ слово больше никому непріятностей не говорить, — развѣ только иногда Мусѣ по дружбѣ. Но выполнить это было выше ея силъ: почти всѣ люди, которыхъ она знала, были, по ея мнѣнію, гораздо счастливѣе, чѣмъ она. Менѣе счастливы были, вѣроятно, горничныя, извозчики, рабочіе, но съ ними себя сравнивать естественно не приходилось. Отъ удара, нанесеннаго ей помолвкой Муси, Глафира Генриховна такъ и не могла оправиться. Муся дѣлала блестящую партію въ двадцать два года (про себя Глаша знала настоящій возрастъ Муси). У нея же былъ періодъ полнаго затишья. Въ пору своихъ генеральныхъ сраженій Глафира Генриховна чувствовала себя, хоть нервнѣе, зато и много оживленнѣе. Свѣршались міровыя событія, шла великая война, создавалось и пало Временное Правительство, пришли къ власти большевики, а Глафира Генриховна помнила одно и только объ этомъ думала: Муся блестяще выходитъ замужъ, а у нея никого нѣтъ. Она ненавидѣла Мусю тихой ненавистью и дѣлала надъ собой усилія, чтобъ не поссориться: Глафира Генриховна понимала, что ссора для нея гораздо невыгоднѣе, чѣмъ для Муси.

Номера 35 и 36 выходили недурно. Сонечкѣ казалось, что страсть и чисто материнская нѣжность вполне ей удаются. Но 37-ой номеръ, самый важный, отъ котораго зависѣла вся сцена, не выходилъ. Сонечка добросовѣстно старалась себѣ представить, какъ тигрица, съ дикой ненавистью, можетъ бросаться на человѣка, — прыжокъ все же не удался. Березинъ требовалъ влобавокъ, чтобъ без-

звучныя движенія губъ вполнѣ соответствовали произносимымъ словамъ. Сонечка добросовѣстно исполняла и это. Однако беззвучныя движенія губъ, соответствующія длинной надписи 37-го номера, явно вредили яростному выраженію лица, да и дошептать всю фразу до зеркала было совершенно невозможно. «Нѣтъ таланта!.. Не возьмутъ!.. Что жъ тогда?» — съ ужасомъ и отчаяньемъ думала Сонечка. Участвовать въ фильмѣ это значило цѣлый день, — да, цѣлый день! — проводить съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ.—«Вдругъ онъ въ меня влюбится и сдѣлаетъ предложеніе?.. Говорить же Мусенька, — она ангель, я ее обожаю, — что онъ въ меня влюбленъ!.. Нѣтъ, пока еще не влюбленъ, я чувствую, но вдругъ?.. Что, если вправду?.. За это можно полжизни отдать!» — Сонечка честно себя провѣрила. «Полжизни?.. Можетъ, я семьдесятъ лѣтъ прожила бы, значить, до тридцати пяти лѣтъ... Шестнадцать лѣтъ осталось бы... Ну, разумѣется сейчасъ готова!.. Да и почему семьдесятъ? Вотъ вѣдь бабушкѣ было восемьдесятъ два. Тогда сколько?.. И потомъ дѣтскіе годы считать нельзя... Если съ шестнадцати и до семидесяти, или до семидесяти пяти, да раздѣлить на два, сколько выйдетъ?..» Сосчитать было нелегко. Однако Сонечка ясно чувствовала, что согласна. «Какая я глупая! Да сколько бы ни было, разумѣется, согласна! Хотя на слѣдующій день умереть!.. Съ нимъ? Господи, да клянусь, сію минуту готова!.. Какъ онъ на меня вчера тамъ сбоку смотрѣлъ... Это и другіе замѣтили... Но если не возьмутъ, что тогда?.. Нѣтъ, надо, надо, чтобъ взяли, я этого добьюсь!» — въ припадкѣ бодрости подумала Сонечка. Она еще разъ отошла на край комнаты, — для разбѣга все-же было мало мѣста, — перевела дыханье, изготовилась, уронила розу, и стремительно бросилась на зеркало, вытянувъ впередъ руки, искрививъ лицо и яростно шепча: «Это ты, злодѣй, тайный»...

Дверь открылась. Въ комнату вошла Анна Сергѣевна. Сонечка сконфуженно остановилась.

— Совѣтъ съ ума сошла, мать моя, — сокрушенно сказала Анна Сергѣевна.

Сонечка хотѣла было огрызнуться. Но видъ у сестры былъ такой усталый, что Сонечкѣ стало ея жаль. Она очень любила сестру, знала, что та работаетъ цѣлый день и имѣеть немало правъ ворчать. У нея не было ни Сергѣя Сергѣевича, ни кинематографа, ничего не было...

— Что? Въ гимназiи опять что-нибудь? Неприятности? — кротко и робко спросила Сонечка.

— Трещить наша гимназiя, — сказала Анна Сергѣевна, сѣла на стулъ и вдругъ заплакала. Сонечка тоже заплакала горькими слезами.

— Ничего, ничего, скоро я начну зарабатывать... Увидишь... Вотъ увидишь!.. Я тебѣ говорю!..

— Все трещить, все! — вытирая слезы, говорила Анна Сергѣевна.

XVI.

.....
 .....

XVII.

Аресты въ городѣ все учащались и становились много серьезнѣе. Въ началѣ новаго строя арестованныхъ скоро освобождали или предавали суду Революціоннаго Трибунала, который чаще всего приговаривалъ ихъ къ общественному порицанiю. Но это длилось недолго. Теперь тюрьмы были переполнены, заключенные содержались въ очень дурныхъ условiяхъ, и объ ихъ освобожденiи больше не было слышно.

Въ числѣ арестованныхъ въ послѣдніе дни были знакомые Семена Исидоровича. Ему самому друзья настойчиво совѣтовали не ночевать дома и лучше всего поскорѣе уѣхать изъ Петербурга. Вопросъ, куда ѣхать, теперь

рѣшался самъ собою. Всѣ стремились на Украину. То, что Украина была захвачена нѣмцами, теперь уже никому не казалось препятствіемъ, — самъ Артамоновъ рѣшительно говорилъ: «Что-жъ, батюшка, изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее!» — эта фраза почему-то очень его успокаивала.

Украинская миссія въ Петербургѣ выдавала паспорта неохотно, но для Семена Исидоровича, при его новыхъ связяхъ, дѣло затрудненій не представляло. Ему выдали украинскія бумаги немедленно, внѣ очереди и съ особымъ почетомъ, даже какъ бы съ торжествомъ. День отъѣзда однако назначенъ не былъ. Тамара Матвѣевна переживала мучительную внутреннюю борьбу. Ей очень хотѣлось увезти мужа подальше отъ опасностей, грозившихъ ему въ Петербургѣ; она понимала, что Семену Исидоровичу хочется ѣхать именно въ Кіевъ, гдѣ его несомнѣнно ждала видная общественная роль. Однако Тamarъ Матвѣевнѣ теперь было страшно оставлять Петербургъ. Кременецкіе до войны каждое лѣто ѣздили всей семьей за границу, во время войны — въ Крымъ или на Кавказъ. Случалось Тamarъ Матвѣевнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Семень Исидоровичъ сталъ богатымъ, уѣзжать и зимою, безъ мужа, вдвоемъ съ Мусей, на Ривьеру, въ Италію, — «отдохнуть», привезти изъ Парижа, изъ Вѣны новые туалеты, или просто, какъ говорилъ Кременецкій, людей посмотреть и себя показать (семья Менисра также уѣзжала зимою изъ Петербурга, но не за границу, а на Иматру, что было сортомъ пониже). Однако никакого сравненія съ прежними путешествіями теперь, разумѣется, не могло быть. Тогда все было ясно. Семень Исидоровичъ, любившій порядокъ и опредѣленность во всемъ, заранѣе заказывалъ билеты въ международныхъ вагонахъ, устанавливалъ дни отъѣзда и пріѣзда, выписывалъ «аккредитивъ», всегда съ излишкомъ въ добрую треть противъ того, что имъ было нужно по мнѣнію Тамары Матвѣевны: «Въ дорогѣ могутъ экстренно понадобится лишнія деньги. Или тамъ тряпки какія-нибудь дорогія вамъ

полюбятся», — энергично говорилъ онъ. Эту энергію, опредѣленность и щедрость Тамара Матвѣевна очень любила въ Семенѣ Исидоровичѣ, — онѣ особенно ее умиляли. Цѣнила ихъ въ отцѣ и Муся, называя «мужскимъ началомъ». У Семена Исидоровича въ дорогѣ былъ всегда довольный, спокойный и увѣренный видъ, означавшій что все въ полномъ порядкѣ и что никакихъ непріятностей не бываетъ и быть не можетъ.

Теперь все было темно. Кременецкіе не знали, на сколько времени они ѣдутъ. Не ясно было даже, зачѣмъ они ѣдутъ. Правда, каждый, кто могъ, уѣзжалъ, и жизнь въ Петербургѣ становилась все болѣе тяжелой, но это опредѣленности не вносило. Хуже всего было то, что Муся должна была остаться одна въ Петербургѣ. Тамара Матвѣевна разставалась съ дочерью въ первый разъ. Это и само по себѣ было ей очень не легко, а теперь, въ виду неопредѣленности положенія и трудности петербургской жизни, казалось Тamarѣ Матвѣевнѣ дѣломъ чудовищнымъ. Вначалѣ она объ этомъ не хотѣла слышать и рѣшительно доказывала, что, ужь если ѣхать въ Кіевъ, то не иначе, какъ всѣмъ вмѣстѣ.

— Я знаю, Муся упрется какъ сумасшедшая, но, по суди самъ, развѣ можно въ такое время оставлять дѣвочку одну въ Петербургѣ? — съ ужасомъ говорила Тамара Матвѣевна мужу. — Гдѣ же это видано! Да и я тамъ безъ нея съ ума сойду!..

Семень Исидоровичъ не согласился съ женой, хоть и самъ понималъ, какъ все это тяжело и печально.

Муся невѣста, отрѣзанный или почти отрѣзанный домотъ, — твердо сказалъ онъ, — и изъ этого надо слѣдывать выводы. Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.

— Какіе выводы? Какой гужъ? Всѣ уѣзжаютъ всей семьей или остаются всей семьей. . Одни мы!.. Наконецъ, пусть и онъ ѣдетъ съ нами, если такъ... — Онъ былъ Клервилль.

Семень Исидоровичъ улыбнулся.

— Какъ же онъ можетъ ѣхать на Украину, гдѣ хозяйничаютъ нѣмцы? Ты забываешь, что онъ человѣкъ военный, онъ англійскій офицеръ.

— Ахъ, оставь, пожалуйста!.. Я увѣрена, что при твоихъ связяхъ можно достать какое-нибудь разрѣшеніе... Развѣ этотъ Кирилленко не сказалъ, что для тебя они сдѣлаютъ все что угодно?

Семень Исидоровичъ только развелъ руками передъ такой политической безпомощностью и вѣрою въ его всемогущество.

— Нѣтъ, золото, пожалуйста, не спорь: ему ѣхать въ Кіевъ совершенно невозможно, я тебѣ говорю... Въ Лондонѣ и въ Берлинѣ не будутъ считаться съ тѣмъ, что онъ Мусинъ женихъ. Тогда, значить, разстаться до конца войны? Это, я прямо скажу, это было бы неблагоразумно! Онъ человѣкъ молодой... Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ, знаешь? Нельзя рисковать разстройствомъ такой блестящей партіи, всѣмъ счастьемъ Муси...

Тамара Матвѣевна испугалась: это ей не приходило въ голову.

— Лучше всего было бы, конечно, если бъ они теперь же, въ два счета, повѣнчались... Если хочешь, поговори съ ней. Но это, конечно, ихъ дѣло, — сказалъ Семень Исидоровичъ. На его лицѣ выразилась крайняя деликатность. Тамара Матвѣевна только вздохнула. Она склонялась передъ мудростью мужа во всѣхъ важныхъ вопросахъ, хоть часто удивлялась тому, какъ этотъ умнѣйшій въ мірѣ человѣкъ не разбирается въ нѣкоторыхъ практическихъ дѣлахъ: «Устроить свадьбу Муси въ два счета! Это ихъ дѣло!» Онъ говоритъ объ этомъ такъ легко!.. Сама Тамара Матвѣевна еще совсѣмъ недавно связывала съ мыслью о свадьбѣ Муси представленіе объ обѣдахъ, пріемахъ, о подвѣнечномъ платьѣ, и т. д. Теперь и она готова была на уступки. Она больше не говорила мужу, что сойдетъ съ ума, разставшись съ Мусей. Однако, когда Семень Исидоровичъ принялся выправлять украинскія бума-

ги, Тамара Матвѣевна въ отчаяніи сдѣлала безнадежную попытку поговорить съ дочерью.

— Я думаю, Мусенька, — начала она, улучивъ удобную минуту, — я думаю, на всякій случай необходимо приготовить эту бумагу и для тебя.

— Какую бумагу, мама? — спросила Муся, сразу насторожившись при ласковомъ тонѣ Тамары Матвѣевны. Въ послѣднее время всѣ дома были раздражены и говорили другъ другу непріятности.

— Ну, этотъ украинскій паспортъ.

— Украинскій паспортъ? Нѣтъ, это совершенно не нужно.

— Почему, Мусенька, дорогая?

— Потому что я не украинка. Это вы съ папой украинцы, а я, слава Богу, родилась въ Петербургѣ.

— Какіе пустяки! Пойми же, вѣдь это одна формальность.

— Зачѣмъ же я буду продѣлывать такую странную формальность? Мнѣ все равно скоро мѣнять русскій паспортъ на англійскій, такъ хоть то по замужеству, и на англійскій, а не на украинскій.

— Хорошо, но если и тебѣ придется бѣжать отсюда?

— Ахъ, вотъ что?... Нѣтъ, мама, объ этомъ вы и не заикайтесь. Вы отлично знаете, что я не могу уѣхать изъ Петербурга и не уѣду.

— Но почему же, Мусенька?

— Потому что Вивіанъ остается здѣсь. — Мусѣ всегда было неловко называть жениха Вивіаномъ въ разговорѣ съ матерью, хотя Тамара Матвѣевна уже привыкла къ этому и иногда сама называла такъ Клервилля, произнося имя «Вивіанъ» съ особенной беззаботностью, какъ самое обыкновенное и ей привычное.

— Но тогда, Мусенька... — начала было Тамара Матвѣевна и остановилась, увидѣвъ раздраженіе на лицѣ дочери. Муся прекрасно понимала, что хотѣла сказать Тама-

ра Матвѣвна: «но тогда пусть онъ теперь на тебѣ женится, передъ нашимъ отъѣздомъ».

У Муси съ Клервиллемъ было съ самаго начала рѣшено, что свадьба ихъ состоится послѣ окончанія войны. Муся и сама не совсѣмъ понимала, почему ей нельзя было до того выйти замужъ. Но такъ сказала Вивіанъ и настаивать было больше, чѣмъ неделикатно.

— Вы, мама, обо мнѣ не безпокойтесь, — сказала Муся. — Со мной ничего случиться не можетъ.

— Ну, а если онъ уѣдетъ? — рѣшительно спросила Тамара Матвѣвна. — Вѣдь ихнее посольство уѣхало еще въ февралѣ.

— Онъ мнѣ какъ разъ вчера говорилъ, что останется по всей вѣроятности до конца войны въ Петербургѣ, — отвѣтила Муся. Это тоже было больное мѣсто: о своихъ служебныхъ дѣлахъ Клервилль очень сдержанно говорилъ даже съ невѣстгой. Муся до сихъ поръ не знала, что онъ собственно дѣлаетъ въ Россіи и зачѣмъ ѣздитъ въ Москву.

— Это очень хорошо «по всей вѣроятности», — переходя въ атаку, сказала Тамара Матвѣвна. — Но ты должна помнить, онъ человѣкъ военный, онъ англійскій офицеръ, значить, его въ любую минуту могутъ куда-нибудь послать. Напримѣръ, не дай Богъ, во Францію! Вѣдь въ Лондонѣ не будутъ считаться съ тѣмъ, что онъ твой женихъ!

— Тогда его дѣло будетъ все рѣшить, — сухо отвѣтила Муся, перенося на мать раздраженіе, которое, въ связи съ этимъ вопросомъ, вызывалъ въ ней Вивіанъ: «все рѣшить» значило жениться.

— Да, но пойми, что папа не можетъ ухватъ, оставляя тебя въ такомъ неопредѣленномъ положеніи.

— Въ какомъ неопредѣленномъ положеніи? Да что же можетъ со мной случиться? Денегъ вы мнѣ въ тайникахъ оставляете больше, чѣмъ нужно, на годъ хватить (Тамара Матвѣвна такъ и замерла при этомъ словѣ

«годъ», — мысль о томъ, что она можетъ цѣлый годъ не видать Мусю, была нестерпима). Кухарка остается, чего же въ самомъ дѣлѣ еще?... Со мной будетъ жить Витя, ему теперь и ѣхать некуда. Вы сами видите, я въ надежныхъ рукахъ.

— Кстати, я хотѣла поговорить съ тобой и объ этомъ, — сказала, смущенно глядя на столъ, Тамара Матвѣевна. — По моему, не совсѣмъ прилично, чтобы Витя оставался съ тобой вдвоемъ на квартирѣ, если мы уѣдемъ. Вѣдь онъ все-таки уже не ребенокъ.

Муся весело расхохоталась.

— Неужели не совсѣмъ прилично?

— Представь себѣ! И не я одна, а папа тоже такъ думаетъ!

— Что-жъ, выгоните его на улицу, если онъ такой развратникъ и компрометирующий мужчина. — заливаясь смѣхомъ, сказала Муся. — Но вѣдь тогда я останусь совсѣмъ одна... Что же вы выиграете, мама?

Муся на этотъ разъ не проникла въ мысли матери. Тамара Матвѣевна, разумѣется, нисколько не желала выгонять Витю на улицу. Напротивъ, она была чрезвычайно рада тому, что хоть онъ останется съ Мусей. Подъ хитро выдуманнымъ предлогомъ Тамара Матвѣевна хотѣла добиться другого.

— Знаете что, посылите съ нами для приличія кого-нибудь еще, — сказала Муся, переставъ смѣяться. — Хотите, я приглашу Сонечку? Она будетъ страшно рада и ея сестра тоже: Аннѣ Сергѣевнѣ какъ разъ предлагаютъ безплатную комнату при ся гимназiи. Хотите, мама, я возьму Сонечку? Тогда у меня будетъ совсѣмъ дѣтскiй садъ.

Она опять задилась смѣхомъ.

— Это, между прочимъ, совсѣмъ не плохая мысль, — поспѣшно сказала Тамара Матвѣевна, — тебѣ съ Сонечкой будетъ веселѣе и я сама буду просить Анну Сергѣевну... Но одной Сонечки мало, надо кого-нибудь посоліднѣе. Что ты скажешь о старикѣ Майкевичѣ?

Муся вытаращила глаза.

— Помилуйте, мама! Вы, конечно, шутите? — съ ужасомъ сказала она. — Зачѣмъ я возьму къ себѣ этого стараго идіота?

— Муся, какъ тебѣ не стыдно? Онъ прекрасный, честнѣйшій человѣкъ. Папа говоритъ, что Майкевичъ нашъ самый старый другъ... Его еще покойный дѣдушка зналъ и любилъ!...

— Мама, это очень хорошо, что его покойный дѣдушка зналъ и любилъ, я это очень цѣню. Но согласитесь, это не резонъ, чтобъ перевозить сюда стараго, больного человѣка, за которымъ мнѣ же пришлось бы цѣлый день ходить... Нѣтъ, вы шутите...

— Ну, если ты противъ Майкевича, тогда надо пригласить Глафиру Генриховну, — сказала Тамара Матвѣевна, открывая, наконецъ, свои карты. Майкевичъ былъ выдуманъ для того, чтобы Муся легче проглотила Глашу. Тамара Матвѣевна знала, что Муся Глашу не любитъ, и поэтому сама не слишкомъ ее любила. Но она очень вѣрила въ дѣловитость и практическія способности Глафиры Генриховны: на нее можно было положиться въ случаѣ какихъ-либо осложнений. То, что Муся оставалась въ Петербургѣ, было безуміемъ, — въ отчаяніи Тамара Матвѣевна хотѣла по крайней мѣрѣ окружить дочь надежными людьми, постарше Вити.

«Вотъ оно что», — сказала себѣ Муся. Ей было показалось, что Тамара Матвѣевна хочетъ поселить съ ними Клервилля. На это Муся не согласилась бы ни за что: жизнь съ Клервиллемъ въ одной квартирѣ до замужества была бы не нужной и неприятной переходной ступеню къ настоящему и могла-бъ настоящее испортить. Но мысль о Клервиллѣ не приходила въ голову Тamarѣ Матвѣевнѣ: по ея понятіямъ, совпавшимъ внѣшнимъ образомъ съ настроеніями Муси, совершенно не годилось жениху жить въ одной квартирѣ съ невѣстой.

— Глашу? — переспросила Муся. Ей сразу представились пріятныя и непріятныя стороны предложенія. По этому вопросу Тамара Матвѣвна съ радостью почувствовала, что ея дѣло выиграно: она готовилась было къ энергичному отперу Муси.

— Да, Глашу. Или Майкевича, или Глашу, выбирай, — твердо сказала Тамара Матвѣвна, закрѣпляя завоеванную позицію. — Повѣрь, она въ гостяхъ у тебя, на всемъ готовомъ, будетъ очень милая. А что она интересная и интеллигентная, это ты знаешь... Она можетъ спать въ нашей комнатѣ, — со вздохомъ добавила Тамара Матвѣвна. — А Сонечка въ будуарѣ. Или лучше Витю переведемъ въ будуаръ, а Сонечку въ его комнату.

При всемъ гостепрѣимствѣ Тамары Матвѣвны, ей не очень хотѣлось, чтобы чужіе люди жили въ ея спальней и въ будуарѣ, нарушая порядокъ годами сложившагося гнѣзда. Но дѣлать было нечего.

— Что-жъ, я ничего противъ этого не имѣю, — подумавъ, сказала Муся. — Глаша такъ Глаша. Да еще согласится ли она?

— Она согласна, — проговорила Тамара Матвѣвна. — Ты вѣдь знаешь, она плохо живетъ съ отцомъ, и онъ, кажется, получаетъ финляндскія бумаги и уѣзжаетъ въ Финляндію, а она ни за что не хочетъ... То-есть, мы, конечно, не уславливалась съ ней окончательно безъ тебя, но такъ, въ общей формѣ, она согласна...

— Ахъ, въ общей формѣ она согласна? — тотчасъ раздраженно сказала Муся. — И отлично... Но зачѣмъ же ставить и выносить кровати изъ комнатъ? Пусть она спитъ у папы въ кабинетѣ на диванѣ.

— Что ты, Муся? Какъ у папы въ кабинетѣ! — испуганно возразила Тамара Матвѣвна. На кабинетъ Семена Исидоровича нельзя было посягать ни при какихъ обстоятельствахъ и ни при какомъ строѣ.

— Ну, ладно... Дѣлайте, какъ знаете, — отвѣтила Му-

ся, устало зѣвая, какъ почти всегда послѣ длиннаго разговора съ матерью.

Нѣсколькими днями позднѣе былъ арестованъ одинъ изъ адвокатовъ, довольно близко связанныхъ съ Семеномъ Исидоровичемъ. Выяснилось, что арестовавшіе его люди въ кожаныхъ курткахъ, допрашивая прислугу, очень интересовались разными знакомствами адвоката. Между тѣмъ въ телефонной книжкѣ арестованнаго несомнѣнно долженъ былъ значиться телефонъ Кременецкаго. Тамара Матвѣевна очень встревожилась и своей тревогой заразила Семена Исидоровича, сколь ни дикой казалась ему мысль о томъ, что найденный въ книжкѣ телефонный номеръ можетъ быть какой-бы то ни было уликой или поводомъ для ареста. Друзья настойчиво совѣтовали Кременецкимъ бѣжать изъ Петербурга возможно скорѣе. Семень Исидоровичъ наконецъ принялъ рѣшеніе объ отъѣздѣ и велѣлъ ускорить приготовленія, которыя до того дѣлались медленно. Этимъ тотчасъ занялся весь домъ. Самъ Семень Исидоровичъ, несмотря на протесты и мольбы Тамары Матвѣевны, принималъ участіе въ приготовленіяхъ и даже помогъ Витѣ съ горничной снести съ чердака внизъ тяжелый чемоданъ жены. Дѣлалъ онъ это съ видомъ очень простымъ, скромнымъ и кроткимъ, — такой видъ могъ быть у императора Карла V, когда онъ, въ Страстной Четвергъ, стоя на колѣняхъ, мылъ изъ золотого кувшина ноги двѣнадцати нищимъ старцамъ.

— Оставь, пожалуйста, я тебя умоляю! Мы все сдѣлаемъ безъ тебя!.. — взволнованно кричала Тамара Матвѣевна. — Ты, кажется, забываешь, что у тебя почки!..

XVIII.

Послышался звонокъ. Витя оторвался отъ чемодана и пошелъ открывать дверь.

Въ переднюю вошла высокая нарядная дама. Витя по-

клонился. Дама окинула его взглядомъ, — кто-либо изъ семьи или прислуга? — и, рѣшивъ, что кто-либо изъ семьи, пріятно улыбнулась.

— Семень Сидоровичъ дома?

— Нѣтъ, его нѣтъ...

— Ахъ, какая досада! — сказала дама. Она еще разъ взглянула на Витю. — Можетъ, онъ скоро придетъ? Я, пожалуй, подожду?

— Тогда будьте любезны, пройдите сюда, — вѣжливо сказалъ Витя и проводилъ гостю въ кабинетъ, гдѣ на диванѣ лежали папки съ бумагами, портфели, книги, а на коврѣ передъ диваномъ былъ раскрытъ чемоданъ. Витя, по просьбѣ Кременецкаго, укладывалъ тѣ вещи, которыя Семень Исидоровичъ хотѣлъ взять съ собой въ Кіевъ.

— Когда уѣзжаетъ Семень Сидоровичъ?

— Кажется, завтра, — отвѣтилъ Витя, рѣшивъ, что можно сказать правду, если гостя все равно знаетъ о предстоящемъ отъѣздѣ Кременецкихъ: изъ предосторожности отъѣздъ рѣшено было по возможности держать въ секретѣ. Но эта нарядная свѣтская дама, конечно, не могла имѣть отношенія къ большевикамъ.

— Ахъ, какая досада! — повторила дама. — Можетъ быть, Тамара Матвѣвна дома? Нельзя ли мнѣ повидать ее?

— Ея тоже нѣтъ... Никого нѣтъ.

— Господи, какъ же мнѣ быть?.. А когда они вернутся?

— Вѣроятно, не скоро... Передъ отъѣздомъ разныя дѣла въ городѣ, — отвѣтилъ Витя и подумалъ, что это надо было сказать еще въ передней, а не просить даму въ кабинетъ. — Не зайдете ли вы сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я никакъ не могу, никакъ, — отвѣтила дама и даже руками замахала, точно Витя умолялъ ее придти. Она неожиданно сѣла въ кресло.

— Садитесь, пожалуйста, — сказалъ Витя и смутился подъ внимательнымъ взглядомъ дамы.

— А вы кто, молодой человекъ? — спросила дама. — Извините меня, но, можетъ быть, я черезъ васъ могу передать? Я васъ у нихъ не встрѣчала... Вы изъ ихъ семьи?

— Нѣтъ, но я теперь живу у Семена Исидоровича. Я съ удовольствіемъ передамъ...

— Ахъ, ради Бога, передайте, я вамъ такъ благодарна, — сказала дама съ силой, тоже нѣсколько преувеличенной по значенію ея словъ. — Видите ли, въ чемъ дѣло... Я Елена Федоровна Фишеръ, — сказала она, понижая голосъ и чуть опуская глаза, совершенно такъ, какъ послѣ смерти мужа называла себя Семену Исидоровичу. — Вы вѣрно обо мнѣ слышали?

— Да, разумѣется, — сказалъ Витя и окончательно смутился: «Не надо было говорить «разумѣется», выходить намекъ на то дѣло... Такъ вотъ она какая»...

— Вотъ въ чемъ дѣло. Позавчера въ Кіевъ уѣхалъ мой добрый знакомый Аркадій Николаевичъ Нещеретовъ... Вы запомните эту фамилію?

— Да, какъ же, я встрѣчалъ здѣсь Аркадія Николаевича, — сказалъ Витя. Онъ слышалъ о связи госпожи Фишеръ съ Нещеретовымъ. — Я не зналъ только, что онъ уѣхалъ....

— Да, позавчера уѣхалъ и, представьте, какъ-то очень экстренно, неожиданно. Я даже боюсь, ужъ не случилось ли что-нибудь? Мы были хороши съ Аркадіемъ Николаевичемъ, — стыдливимъ тономъ сказала госпожа Фишеръ, искоса быстро взглянувъ на Витю, — и я никакъ не могла подумать, что онъ уѣдетъ, не простившись со мной. Но, очевидно, онъ не успѣлъ, говорятъ, ему угрожалъ арестъ... Хотя я не понимаю, почему онъ... Однимъ словомъ, онъ уѣхалъ. Между тѣмъ мнѣ совершенно необходимо съ нимъ снестись. Какое теперь сообщеніе съ Кіевомъ, вы знаете. Только и есть, что оказіи, и вотъ я такъ обрадовалась, услышавъ вчера, что Семень Сидоровичъ ѣдетъ въ Кіевъ... Ради Бога, упросите его взять съ собой это... — Она вынула изъ сумки письмо. — Я на-

дѣюсь, Семенъ Сидоровичъ согласится оказать мнѣ эту услугу?..

— Передать письмо? Семенъ Исидоровичъ, навѣрное, охотно это сдѣлаетъ, онъ много писемъ везетъ... Адресъ на конвертѣ?

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло. Я понятія не имѣю объ адресѣ Аркадія Николаевича, знаю только, что онъ уѣхалъ въ Кіевъ. Но я увѣрена, что разыскать его тамъ будетъ очень легко, вѣдь его всѣ знаютъ... Рѣшительно всѣ...

— Да, конечно... По крайней мѣрѣ, я думаю...

— Но только одно, это очень спѣшно... Очень! Я умоляю Семена Сидоровича, какъ мнѣ ни совѣстно, разыскать Аркадія Николаевича возможно раньше. Это такъ спѣшно и такъ для меня важно!

— Я передамъ.

— Ради Бога, передайте!.. Вы тоже ѣдете съ ними въ Кіевъ?

— Нѣтъ, я остаюсь здѣсь.

— Ахъ, вы остаетесь здѣсь, — съ видимымъ интересомъ сказала госпожа Фишеръ. — Простите меня, какъ ваше имя?

— Яценко.

На лицѣ Елены Федоровны выразилось удивленіе.

— Яценко?.. Вы не сынъ ли бывшего слѣдователя?

— Да...

— Вотъ какъ?.. То-то ваше лицо показалось мнѣ знакомымъ: вы очень похожи на вашего батюшку... Я встрѣчалась съ вашимъ отцомъ, — сказала она неодобрительно. — Правда, въ такой обстановкѣ... По тому дѣлу, вы вѣрно слышали, хотя вы и очень молоды... Мнѣ говорили, что вашъ батюшка арестованъ? — спросила госпожа Фишеръ, не очень искусно стараясь выразить въ тонѣ вопроса огорченіе и участіе.

— Да...

— Онъ тогда меня допрашивалъ... Ну, я не сомнѣваюсь, что его скоро выпустятъ... Такъ вы, должно быть,

поэтому и живете у Семена Сидоровича? Да, я помню, они приятели съ вашимъ отцомъ... Очень рада съ вами познакомиться, молодой человѣкъ. — Она протянула Витѣ руку. — Вы и послѣ ихъ отъѣзда будете жить на этой квартирѣ?

— По всей вѣроятности, — отвѣтила почему-то Витя, хотя онъ долженъ былъ жить у Кременецкихъ не по всей вѣроятности, а навѣрное.

— Одинъ? Совсѣмъ одинъ?

— Нѣтъ, дочь Семена Исидоровича тоже остается въ Петербургѣ... И здѣсь будутъ жить еще двѣ ея подруги, — добавилъ неохотно Витя; слово «подруги» показалось ему глупымъ.

— Вотъ какъ?... Значитъ, вы будете жить, въ женскомъ царствѣ, — вдругъ игривымъ тономъ сказала Елена Федоровна. — Я знаю, она очень хорошенькая, дочь Семена Сидоровича. Муся, кажется, ее зовутъ?.. Вамъ сколько лѣтъ, молодой человѣкъ?

— Девятнадцатый годъ.

— Господи, какой вы старый!

«Кажется, авансы мнѣ дѣлаетъ, но что-то ужъ очень провинціальный тонъ», — подумалъ Витя. — «Что бы такое ей отвѣтить?»

— Но вѣдь у меня и къ вамъ будетъ громадная просьба, — продолжала Елена Федоровна. — Очень васъ прошу, какъ только Семень Сидоровичъ уѣдетъ, зайдите ко мнѣ и подтвердите, что онъ согласился взять мое письмо... Ради Бога! Это для моего успокоенія! — сказала она такимъ тономъ, точно ея успокоеніе не могло не быть важнымъ и для Вити.

«Собственно и по телефону бы можно», — подумалъ Витя. Но вниманіе Елены Федоровны ему льстило и онъ тотчасъ, не безъ удовольствія, согласился. Госпожа Фишеръ не слишкомъ ему нравилась. Онъ зналъ однако, что она считается очень красивой женщиной. Недаромъ самъ Нещеретовъ остановилъ на ней свой выборъ.

Елена Федоровна горячо его поблагодарила. Она взяла изъ сумки изящный золотой карандашъ и записала свой адресъ. Въ передней опять прозвучалъ звонокъ.

— Можеть быть, это Семень Сидоровичъ?

— Нѣтъ, у него ключъ, — отвѣтилъ, выходя въ переднюю, Витя. Онъ по звонку узналъ Мусю. Тамара Матвѣевна не разъ предлагала Мусѣ тоже носить съ собой ключъ съ квартиры: «Все-таки совѣстно, теперъ Витя всегда выбѣгаетъ на звонокъ», — говорила она. — «Вотъ еще, мнѣ нисколько не совѣстно, пусть побѣгаетъ», — отвѣчала Муся.

Елена Федоровна спрятала карандашъ и встала съ пріятной улыбкой. Муся, въ каракулевомъ жакетѣ и въ бархатной, отдѣланной каракулемъ, шляпкѣ, вошла въ комнату. Она довольно холодно поздоровалась съ Еленой Федоровной.

— Очень, очень рада васъ видѣть, — еще пріятнѣе улыбаясь, сказала госпожа Фишеръ. — Зашла по дѣлу къ вашему батюшкѣ. Но я уже объяснила этому милому молодому человѣку... Я хотѣла просить Семена Сидоровича взять съ собой въ Кіевъ письмо... Для Аркадія Николаевича Нещеретова, — значительнымъ тономъ сказала она. — Онъ позавчера уѣхалъ въ Кіевъ...

— Отецъ, разумѣется, охотно передастъ ваше письмо, — сухо сказала Муся. Витя взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Муся никогда, даже въ разговорѣ съ чужими людьми, не называла Семена Исидоровича «отцомъ».

Елена Федоровна заговорила о томъ, какъ теперъ все сложно, непріятно и трудно; однако, не встрѣтивъ со стороны Муси желанія продолжать разговоръ, простилась. Витя проводилъ ее въ переднюю. Муся въ переднюю не вышла, но постояла на порогѣ кабинета.

— Будьте совершенно спокойны, ваше письмо будетъ тотчасъ передано Аркадію Николаевичу. Его навѣрное легко найти, — уже любезнѣе сказала она. «Еще, чего добраго, подумаетъ, что я ее ревную къ Нещеретову!» —

подумала Муся. Въ глазахъ Елены Федоровны, когда она разговаривала съ Мусей, въ самомъ дѣлѣ скользило нѣкоторое торжество.

— Такъ вы, «милой молодой человекъ», принимаете дамъ въ мое отсутствіе? — погрозивъ Витѣ пальцемъ, спросила Муся, когда дверь захлопнулась и Елена Федоровна уже должна была отойти на достаточное разстояніе.

— Такъ точно, надо-же какъ-нибудь утѣшаться, — сгоряча отвѣтилъ Витя и тотчасъ самъ испугался своего игриваго тона. «Пошлакъ!.. И объ отцѣ забылъ»...

Мысль о томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ для спасенія отца, угнетала Витю. Вначалѣ въ его головѣ рождались самыя фантастическіе планы освобожденія Николая Петровича. Но слишкомъ ясно было, что ни одинъ изъ этихъ плановъ осуществить нельзя. Всѣ говорили Витѣ, что его отца навѣрное скоро освободятъ, что надо ждать и только.

— Погодите, я васъ теперь вышколю, — сказала Муся. — Пока что извольте укладывать вещи.

Муся взглянула на чемоданъ, нервно зѣвнула, вышла въ будуаръ и тамъ, не снимая каракулеваго жакета, сѣла въ кресло. Въ будуарѣ тоже былъ беспорядокъ. Даже портретъ Генриха Гейне въ золотой рамкѣ вѣнкомъ висѣлъ на стѣнѣ криво. Муся съ гримасой смотрѣла на вещи, разбросанныя на диванахъ, креслахъ, пуфахъ. «Ахъ, какъ мнѣ все это надоѣло!» — опять зѣвая, подумала она. Ей опротивѣли беспорядокъ, отсутствіе удобствъ, грубость жизни въ Петербургѣ. Внезапно Мусѣ вспомнилась ихъ поѣздка въ Италію незадолго до войны, роскошная гостиница на Лидо, гдѣ они провели нѣсколько недѣль: красивыя бронзовыя тѣла, раскинувшіяся на берегу моря, богатые, превосходно одѣтые люди, среди которыхъ они немного стирались, несмотря на то, что Семень Исидоровичъ сыпалъ деньгами, безконечное количество почтительной, чистой, нарядной прислуги, безшумно и быстро

переносившей чемоданы, укладывавшей вещи, исполнявшей точно приказанія, великолѣпные поѣзда, отходившіе и приходившіе минута въ минуту по расписанію. Единственной заботой тогда было, какъ лучше поразвлечься, а главнымъ огорченіемъ то, что не удалось достать мѣста на первый спектакль Карузо и пришлось взять билеты на второй. «Можетъ, такъ жить было и несправедливо, но очень хорошо было», — подумала Муся, — «и я за грѣхи міра не отвѣчаю... Дай Богъ съ Вивіаномъ такъ прожить до конца въ грѣшномъ мірѣ... А теперь все скучно, грязно, безтолково»...

— Витя, — позвала она, — бросьте-же наконецъ ваши глупые чемоданы. Идите сюда, поболтаемъ... Но сначала повѣсьте мой жакетъ въ передней... Живо!..

XIX — XXI.

.....
 .....

XXII.

Конспиративная квартира, въ которой Федосьевъ проводилъ нѣсколько часовъ днемъ, а иногда и ночевалъ, находилась на Петербургской сторонѣ. Въ распоряженіи его организациі было нѣсколько квартиръ, но въ эту онъ вѣрилъ немного больше, чѣмъ въ другія: на ней изъ участниковъ его организациі перебивало только два-три человѣка, какъ будто самыхъ надежныхъ, — имъ онъ вынужденъ былъ тамъ назначать свиданья. Федосьевъ рассчитывалъ, что одинъ предатель долженъ приходиться въ среднемъ человѣкъ на десять, — впрочемъ, онъ не скрывалъ отъ себя всей произвольности такого разсчета. Въ ту пору, когда онъ руководилъ политической полиціей государства, процентъ измѣнниковъ въ лагерѣ враговъ

былъ много ниже. Но Федосьевъ учитывалъ и то, что неопредѣленно-шутливо называлъ «общимъ паденіемъ нравовъ», и неограниченныя средства Чрезвычайной Комиссіи. Его учрежденію въ свое время отпускалось гораздо меньше денегъ, чѣмъ онъ требовалъ (въ глубинѣ души онъ это считалъ теперь одной изъ главныхъ причинъ гибели стараго строя). Въ расходахъ приходилось соблюдать экономію, и громадному большинству тайныхъ агентовъ платили очень немного. Федосьевъ самъ иногда удивлялся, какъ дешево, цѣликомъ, безъ остатка, покупалась человѣческая совѣсть.

Квартира на Петербургской сторонѣ имѣла два выхода. Дворъ былъ проходной. Тяжелая, хорошо закрывавшаяся дверь могла выдержать нѣсколько минутъ осады: за это время, при нѣкоторой удачѣ, можно было и скрыться. «Во всякомъ случаѣ застрѣлиться можно съ удобствами, не торопясь», — думалъ Федосьевъ. Браунингъ, всегда и прежде при немъ находившійся, теперь оказывался предметомъ первой необходимости, и носилъ его Федосьевъ не въ томъ заднемъ карманѣ брюкъ, который предназначается портными для револьвера и изъ котораго выхватить револьверъ невозможно, а въ боковомъ карманѣ пиджака или пальто. Ложась спать, онъ даже переводилъ на «fige» предохранитель браунинга: обыски и аресты обыкновенно производились ночью или поздно вечеромъ.

Федосьевъ принималъ всѣ мѣры предосторожности, хорошо ему знакомыя по практикѣ старыхъ террористовъ. Но онъ въ эти мѣры почти не вѣрилъ, какъ, впрочемъ, не вѣрилъ и въ технику Чрезвычайной Комиссіи. «Способные, кажется, люди, но пока все очень слабо», — говорилъ онъ, съ усмѣшкой, своимъ сотрудникамъ. Зато главная опасность — предательство — представлялась ему неотвратимой. Всякій разъ, принимая въ свою организацію новаго человѣка, Федосьевъ вглядывался въ него съ особымъ любопытствомъ: «Этотъ ли?»... Тѣхъ людей, которые съ особенной горячностью говорили о своей готов-

ности погибнуть за великое дѣло, онъ считалъ особенно подозрительными и имъ никогда никакихъ адресовъ не давалъ. Самъ же онъ, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, вынужденъ былъ рисковать безпрестанно и считалъ бы себя человѣкомъ обреченнымъ, если бы не слабая надежда на близкую развязку. Федосьевъ былъ совершенно увѣренъ, что нѣмцы могутъ задушить большевиковъ въ нѣсколько дней, почти безъ всякихъ усилій. Но онъ очень сомнѣвался, пожелаютъ ли нѣмцы задушить большевиковъ.

Весь этотъ день Федосьевъ провелъ одинъ, отбивая на машинкѣ длинную записку, въ которой именно и доказывалъ, насколько выгодно, легко и просто германскимъ властямъ раздавить въ нѣсколько дней большевиковъ. Федосьевъ съ трудомъ писалъ на машинкѣ; гораздо легче было бы написать бумагу перомъ. Но ему не хотѣлось, чтобы гдѣ-либо сохранился такой документъ, написанный его рукою, хотя онъ считалъ свой образъ дѣйствій совершенно правильнымъ и единственно возможнымъ. Перечитывая законченную къ вечеру бумагу, онъ поэтому оставилъ ошибки безъ правки. Въ одномъ мѣстѣ записки, чтобы увеличить силу довода, необходимо было добавить нѣсколько словъ. Федосьевъ ввелъ бумагу подъ валикъ и, неумѣло примѣриваясь, отстучалъ на машинкѣ между строчками эти слова, -- они некрасиво загнулись, перекрестивъ верхнюю строчку, первыя буквы шли въ два этажа. Да и вся бумага, съ многочисленными ошибками въ буквахъ, придававшими ей глупый видъ, съ отчетливыми порою строчками (онъ забывалъ переключать во время ленту), съ неожиданно появлявшимися кое-гдѣ красными черточками, рѣзала глазъ Федосьева, привыкшій къ безупречно написаннымъ документамъ. «Ничего, сойдетъ», — подумалъ онъ, — «лишь бы только прочли внимательно теперь, пока онъ тутъ... Жаль, что написано не по нѣмецки... Да нѣтъ времени на переводъ» ..

Шелъ шестой часъ. Федосьевъ сложилъ бумагу, спря-

таль ее въ карманъ, затѣмъ повернулъ стоявшую у окна высокую этажерку, на которой лежалъ, чуть наискось, небольшой кожаный чемоданъ, набитый ненужными бумагами. Это тоже было мѣрой предосторожности. Федосьевъ рассчитывалъ, что, если люди изъ Чрезвычайной Комиссии въ его отсутствіе проникнуть въ квартиру, они первымъ дѣломъ накинута на чемоданъ съ бумагами и либо вовсе не догадаются поставить его обратно, либо поставятъ не совсѣмъ такъ, какъ онъ стоялъ прежде: опытныхъ сыщиковъ среди нихъ было еще немного. Этажерку съ чемоданомъ въ не очень темный день можно было увидѣть со двора. Мѣра предосторожности была весьма ненадежна, но и ей пренебрегать не слѣдовало; сходными мѣрами пользовались, иногда съ успѣхомъ, прежніе революціонеры. «А смѣшно, какой на старости лѣтъ Майнъ-Ридъ пошелъ», — подумалъ Федосьевъ, внимательно оглядывая комнату. Все было въ порядкѣ.

Онъ надѣлъ пальто, расправилъ шарфъ, не застегиваясь (погода стояла теплая), положилъ револьверъ въ карманъ и послушалъ у дверей: на площадкѣ лѣстницы какъ будто ничего подозрительнаго не было. Федосьевъ, не спѣша, спустился по лѣстницѣ.

Улицы были еще оживлены, жалкимъ и страшнымъ оживленіемъ 1918 года. У лотковъ, старые, очень не похожіе на разносчиковъ, люди торговали какими-то лепешками, сахаромъ, «домашнимъ шоколадомъ». На заваленныхъ коробками и чемоданами дрожжахъ, испуганно оглядываясь по сторонамъ, ѣхали господинъ съ дамой. Прохожіе съ завистью смотрѣли на уѣзжающихъ. «А то не уѣхать ли и мнѣ? Выбраться можно», — подумалъ Федосьевъ. — «Бросить все къ чорту? Пусть онъ это и распутываетъ... Буду по крайней мѣрѣ цѣль... Въ Кіевъ поѣхать? Еще мѣсто тамъ предложили бы?.. Охъ, гадко, послѣ того, какъ служилъ великой имперіи... Откуда у нихъ столько мотоциклетокъ?.. Глупо и неудобно... Неужели

узналъ? Нѣтъ, не могъ узнать»... — У фонаря, покрашеннаго синей краской, мотоциклетка вдругъ стала замедлять ходъ. «На меня смотришь?.. Ну, смотри, смотри... Перевести на fige?.. Нѣтъ, не остановился», — съ облегченіемъ подумалъ онъ, провожая взглядомъ сыщиковъ (ихъ еще не называли чекистами).

Гдѣ-то вдали грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. Люди на улицѣ заахали. Одни шарахнулись въ сторону, другіе ускорили шаги. Старуха, торговавшая котлетами, перекрестилась. Со стороны Невскаго показался конный патруль. Желтолицые косоглазые люди на худыхъ лошаденкахъ проѣхали въ ту сторону, откуда слышались выстрѣлы. «Китайцы! Китайцы!» — послышались изумленные возгласы.

Федосьевъ вышелъ на Невскій, затѣмъ свернулъ на Морскую. Тамъ было гораздо спокойнѣе. Улицы были ярко освѣщены. На каждомъ шагу стояли милиціонеры, крупные, строгіе, хорошо одѣтые люди. «Это изъ моихъ голубчиковъ», — подумалъ Федосьевъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ полицейскихъ. — «Тутъ къ хозяевамъ ближе, да что-то ужъ очень все-таки подтянуты... Какъ въ былыя времена, передъ проѣздомъ государя... Или ждуть кого-то? Кого же это?»... Онъ остановился у фонаря и посмотрѣлъ на часы. — «Четверть седьмого... Приду раньше, чѣмъ нужно... Ну, погуляю у дворца, посмотрю, какъ они живутъ... Шансовъ мало»...

Нахмуренный милиціонеръ вдругъ вздрогнулъ и вытнулся. Вдали у Синяго Моста сверкнулъ фонарь и сталь приближаться, наливаясь свѣтомъ. Прохожій остановился рядомъ съ Федосьевымъ, полуоткрывъ ротъ. Мимо нихъ, очень громко трубя, проѣхалъ огромный, великолѣпный открытый автомобиль. Промелькнуло надменное лицо. Моложавый человекъ въ сѣрой, непривычной русскому глазу, шинели, въ перчаткахъ, со стѣкомъ въ рукѣ, окинулъ недовольнымъ взглядомъ людей у фонаря.

Автомобиль, не переставая трубить и все ускоряя ходъ, направился къ Невскому.

— Графъ Мирбахъ! — сказалъ взволнованнымъ шопотомъ прохожій.

Окна Юсуповскаго дворца горѣли оранжевыми огнями. По сторонамъ огромной рѣзной двери съ короной стояли на вытяжку часовые въ каскахъ. Надъ освѣщеннымъ тамбуромъ развѣвался германскій флагъ. По тротуару, здѣсь посыпанному пескомъ, Федосьевъ обогнулъ дворецъ. Ворота сада были открыты, изъ нихъ выѣхала телега. У начищенной до блеска рѣшетки не было часовыхъ. Федосьевъ вошелъ въ садъ и направился по дорожкѣ между черныхъ скелетовъ деревьевъ, ориентируясь по огнямъ дворца, игравшимъ оранжевыми пятнами на ноздреватомъ грязно-синемъ снѣгу. Холодный вѣтеръ дулъ ему въ лицо. «Вотъ, помнится, гдѣ это было», — подумалъ онъ. — «Отсюда онъ побѣждалъ вотъ къ тѣмъ воротамъ... Тамъ его доби́ли...»

На мѣстѣ, гдѣ доби́ли Распутина, работалъ лопатой человекъ. Онъ былъ видимо очень веселъ и что-то пѣлъ довольно громко. Федосьевъ подошелъ поближе. Нѣмецъ привѣтливо кивнулъ ему головою и продолжалъ пѣть. «Вѣроятно, принимаетъ меня за члена комиссiи», — подумалъ Федосьевъ. «Der edle Graf von Luxemburg»... — радостно пѣлъ выпившій нѣмецъ, размахивая въ тактъ лопатой. — «Да, помнится, тутъ онъ свалился... Такъ тогда говорили»... Федосьевъ постоялъ на дорожкѣ. Вдали было темно. Всѣ окна страшнаго дворца ярко свѣтились. «Гдѣ же входъ въ канцелярiю?.. Тотъ говорилъ пройти со двора... Да, очень все это странно!.. Нѣмцы распоряжаются въ Петербургѣ, въ единственной столицѣ, никогда не слававшейся врагу... Китайская кавалерiя на нашихъ улицахъ. Вотъ, вотъ онъ, «фантастическiй городъ»! — Федосьевъ зналъ, что Петербургъ называютъ фантастическимъ городомъ, и считалъ это обыкновенной писатель-

ской выдумкой: ничего фантастическаго въ Петербургѣ не было, была прекрасная величественная столица, которую онъ очень любилъ за имперскій стиль, за барскій размахъ, за барскую исторію имперіи. «Да, вотъ до чего дожили!.. А то бросить?» — опять спросилъ себя онъ. — «Вѣдь все равно ничего не выйдетъ. Стоитъ ли унижаться? Въ лучшемъ случаѣ пошлютъ мою записку въ Берлинъ, тамъ положить подъ сукно... Да не уходитъ же теперь. Вотъ кажется, и входъ», — подумалъ Федосьевъ и пошелъ дальше къ боковому подъѣзду дворца. Нѣмецъ радостно улыбулся и загорланилъ съ новымъ воодушевленіемъ:

...Der edle Graf von Luxemburg
Hat all sein Geld verjuckt-juckt-juckt...

XXIII.

Яценко содержался въ Петропавловской крѣпости уже довольно долго. Никакого обвиненія ему не предъявляли и къ допросу его не требовали. Гуманная инструкция очевидно не имѣла отношенія къ дѣйствительности. Съ другими заключенными онъ не встрѣчался и даже не зналъ точно, кто съ нимъ сидитъ: многихъ видныхъ политическихъ дѣятелей перевели изъ крѣпости въ «Крепты». Николая Петровича ежедневно выводили на прогулку въ садикъ Трубецкого бастіона. Это было развлеченіемъ; но въ первый же день, стоявшіе въ корридорѣ солдаты безъ всякой причины осыпали Яценко грубой бранью, и съ тѣхъ поръ онъ выходилъ на прогулку съ легкимъ сердцебіеніемъ (сердце у него стало пошаливать еще вначалѣ революціи).

Послѣ первой недѣли заключенія Николай Петровичъ рѣшилъ подать властямъ протестъ противъ безпричиннаго ареста и сталъ было составлять бумагу. Писалъ онъ въ привычныхъ ему старыхъ формахъ, логично и стройно, закругляя придаточныя предложенія. Но, когда Яцен-

ко прочелъ свой черновикъ, ему стало смѣшно. «Все, что они дѣлають, сплошное беззаконіе и издѣвательство, что-жь тутъ бумаги писать?» — подумалъ онъ и разорвалъ свой протестъ на мелкіе куски.

Жилось ему однако не худо. Николай Петровичъ получалъ пищу изъ ресторана. Кромѣ того ему немало посылали провизіи «съ воли» (такъ говорилъ сторожъ). Записокъ при посылкахъ съ воли не было; Яценко догадывался, что о немъ заботятся Кременецкіе. «Вотъ, казались иногда, смѣшные, а какіе на самомъ дѣлѣ добрые, прекрасные люди!» — думалъ онъ. — «Писать же вѣрно никому не разрѣшаютъ»... Спалъ Николай Петровичъ, къ собственному удивленію, превосходно; онъ приписывалъ это гробовой тишинѣ крѣпости. Постель была, конечно, значительно хуже, чѣмъ дома, но Яценко скоро привыкъ и къ впадинѣ посрединѣ койки, и къ шершавому суконному одѣялу, и къ тому, что койка стояла не вдоль стѣны, а перпендикулярно къ ней.

Независимо отъ инструкцій и правилъ, люди въ крѣпости были разные: были грубые и злые, были вѣжливые и приличные. Солдаты въ корридорахъ ограничились первымъ привѣтствіемъ и больше при встрѣчѣ не говорили: «Даромъ только церемонятся со всякой сволочью!» — оттого ли, что они привыкли къ Николаю Петровичу, или потому, что имъ надоѣло повторять столь азбучныя истины. Сторожа и вовсе не ругались, а смотритель, съ которымъ преимущественно имѣлъ дѣло Яценко, оказался очень вѣжливымъ, тихимъ, даже любезнымъ человекомъ. Онъ въ первое же утро посѣтилъ Николая Петровича, условился съ нимъ о доставкѣ пищи изъ ресторана за плату и предложилъ пользоваться книгами крѣпостной библиотеки. Это предложеніе очень обрадовало Яценко. Какъ ни соответствовало его настроенію духъ «Круга Чтенія», афористическая форма книги немного его утомляла.

— А у васъ что есть? — недовѣрчиво спросить онъ.

Смотритель принесъ ему каталогъ, — старую, потрепанную переплетенную тетрадь, въ которую, по алфавиту, разными почерками, разными чернилами, очевидно съ очень давнихъ временъ, записывались книги. Видъ тетради умилилъ Николая Петровича. Онъ подумалъ, что этими книгами пользовались Достоевскій, декабристы; они же, быть можетъ, рылись въ поданномъ ему каталогѣ (хоть это и было маловѣроятно).

Можно двѣ сразу заказывать, — сказала смотритель.

Николай Петровичъ торопливо перелисталъ тетрадь и выбралъ философскую книгу. Другую онъ хотѣлъ взять изъ отдѣла беллетристики.

— Можетъ быть, желаете Священное Писаніе? — спросилъ смотритель.

Яценко быстро на него взглянулъ: и самый вопросъ, и особенно учтиво-равнодушный тонъ вопроса немного его задѣли. «Точно въ моемъ положеніи надобно это спрашивать, или точно это общее для всѣхъ лѣкарство», — подумалъ онъ; однако согласился на предложеніе смотрителя.

Къ вечеру сторожъ принесъ ему двѣ книги, а также перо, бумагу и чернильницу, о которыхъ Николай Петровичъ забылъ попросить. Все это очень его ободрило. Теперь камера стала почти уютной. Яценко много читалъ, кое-что записывалъ. Очень трудно было примириться лишь со слабымъ освѣщеніемъ камеры и съ рано наступавшей полной темнотою. Послѣ вечерняго чая ждать было нечего и дѣлать тоже. Николай Петровичъ, слѣдуя примѣру заключенныхъ, о которыхъ ему случалось читать, ходилъ съ полчаса по камерѣ, затѣмъ ложился — сначала такъ, не раздѣваясь, — и долго прислушивался, все ожидая курантовъ. Потомъ умывался, раздѣвался, — онъ научился это дѣлать въ темнотѣ — и скоро засыпалъ. Иногда онъ спалъ и днемъ. Просыпаясь, Яценко лежалъ въ камерѣ съ открытыми глазами, съ бьющимся сердцемъ.

дожидаясь музыки «Коль Славень». Въ медленныхъ звукахъ курантовъ онъ всегда находилъ что-то новое, — вмѣстѣ и успокоительное, и грозное.

Письма Николая Петровича сторожъ передавалъ по начальству, но Яценко не зналъ, доставляются ли они Витѣ. Изъ осторожности онъ никому не писалъ, кромѣ сына. Отвѣтовъ отъ Вити Николай Петровичъ не получалъ. По вопросу о свиданіяхъ онъ не могъ добиться толка. Смотритель смущенно предложилъ ему поговорить съ замѣстителемъ коменданта во время очередного обхода камеръ. Замѣститель коменданта иногда обходилъ Трубецкой бастіонъ, но былъ онъ почти всегда навеселѣ и ругался самыми ужасными словами, — впрочемъ въ формѣ безличной, такъ что Николай Петровичъ могъ и не относить брани на свой счетъ. Яценко говорилъ себѣ, что глупо обижаться на такого человѣка, да еще на пьянаго, или разстраиваться отъ его ругательствъ; тѣмъ не менѣе самый видъ замѣстителя коменданта вызывалъ въ немъ огорченіе.

— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, вы сами выясните это дѣло. — попросилъ онъ смотрителя.

Смотритель вздохнулъ. Черезъ два дня онъ передалъ Николаю Петровичу отвѣтъ, изъ котораго слѣдовало, что на волѣ никто о свиданіи съ нимъ не просилъ. Это было очевидно невозможно. Николай Петровичъ вдобавокъ зналъ, что другіе заключенные легко получаютъ свиданія и съ родными, и даже съ посторонними людьми. Онъ опять было подумалъ, что надо подать жалобу, и опять отъ этого отказался, — тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души никого не хотѣлъ видѣть. Встрѣча съ Витей въ пріемной крѣпости ни тому, ни другому изъ нихъ не могла доставить утѣшенія.

Недѣль черезъ шесть на имя Яценко пришла бумага съ длиннымъ рядомъ разныхъ формальныхъ вопросовъ. Бумага эта представляла собой печатный формуляръ, какъ и приказъ объ арестѣ Николая Петровича, въ свое

время ему показанный на квартирѣ. Такъ же, какъ въ приказѣ объ арестѣ, въ началѣ бумаги послѣ печатныхъ буквъ «граждана» отъ руки были вписаны слова «и на Николая Петрова Яценко», и опять почеркъ, которыми эти слова были написаны, показался Николаю Петровичу знакомымъ.

Ему было очень легко отвѣтить на всѣ вопросы формуляра, да они очевидно никакого значенія не могли имѣть, — формуляръ былъ одинаковый для всѣхъ заключенныхъ. Тѣмъ не менѣ бумага эта вызвала странное безпокойство у Николая Петровича. Неразборчивая подпись ничьей знакомой фамилии ему не напоминала, — онъ къ тому же ни одного большевика и не зналъ. Яценко получилъ бумагу подъ вечеръ. Онъ долго въ нее вглядывался, пока въ камерѣ не стало совершенно темно, затѣмъ раздѣлся съ бьющимся сердцемъ и легъ безъ обычнаго вечерняго моціона. Спалъ онъ на этотъ разъ тревожно; впадина въ срединѣ постели вдругъ стала его безпокоить. Ему снились сны, что съ нимъ бывало рѣдко, — сны вполнѣ недѣльные, — въ нихъ почему-то проходили кинематографъ, Витя, и еще журналистъ донъ-Педро, о которомъ Николай Петровичъ никогда не вспоминалъ и не думалъ.

XXIV.

Въ концѣ апрѣля газеты, въ ту пору еще выходившія подъ мѣнявшимися безпрестанно названьями, сообщили, что перваго мая новая власть организуетъ грандіозный праздникъ на улицахъ города. Муся предложила было кружку выйти въ этотъ день пошататься всѣмъ вмѣстѣ. Однако, къ легкому ея разочарованію, предложеніе не имѣло успѣха. Березинъ былъ занятъ. Глаша собиралась куда-то пойти вдвоемъ съ Горенскимъ, о чемъ сообщила Мусѣ въ небрежно-уклончивой формѣ, съ бѣгающими въ

глазахъ огоньками торжества. Занять былъ даже Витя, и видъ у него былъ тоже нѣсколько таинственный.

Дня за три до перваго мая служащіе Коллегіи по охранѣ памятниковъ искусства были приглашены на общее собраніе коллективовъ. Въ Тронной Залѣ Зимняго Двора собралось много народа. Въ концѣ зала стояла эстрада, покрытая краснымъ сукномъ, а на ней бюстъ Карла Маркса, столъ съ графиномъ, стаканомъ и колокольчикомъ, пять раззолоченныхъ кресель и два ряда стульевъ.

Служащіе негромко и смущенно переговаривались. Засѣданіе было назначено на три часа. Около четырехъ пріѣхалъ сановникъ, отнюдь не изъ первыхъ, но довольно видный. Въ сопровожденіи безпокойной, суетливой свиты, сановникъ появился въ залѣ, съ порога окинулъ толпу подозрительнымъ взглядомъ, сдѣлалъ легкій поклонъ налево, легкій поклонъ направо и очень бодрой, раскачивающейся походкой прошелъ въ эстраду. При видѣ раззолоченныхъ кресель онъ слегка улыбнулся, какъ бы свидѣтельствуя, что это совершенно не нужно, затѣмъ сѣлъ съ торжественно сіяющимъ лицомъ. Рядомъ съ нимъ на креслахъ и позади на стульяхъ мгновенно размѣстились чины свиты и руководители коллективовъ, — очевидно, каждый твердо зналъ свой рангъ. Сановникъ пошептался съ сосѣдями, позвонилъ, всталъ и, открывъ засѣданіе отъ имени правительства рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, предложилъ собравшимся избрать предсѣдателя.

Съ разныхъ сторонъ эстрады и изъ зала раздались громкіе возгласы: «Просимъ товарища Гайскаго!..» «Просимъ васъ, товарищъ Гайскій!..» Въ возгласахъ слышался восторгъ, относившійся къ демократическимъ приемамъ сановника. Онъ кротко и скромно улыбнулся.

— Никто не возражаетъ?.. Другихъ кандидатовъ нѣтъ?
— спросилъ онъ.

Другихъ кандидатовъ не было и никто не возражалъ. Сановникъ поблагодарилъ и принялъ избраніе.

— Въ такомъ случаѣ я вынужденъ дать слово самому себѣ, — сказалъ онъ съ сіяющей улыбкой, развѣ чуть смущенной отъ такой неожиданности. Онъ съ минуту подождать, собираясь съ мыслями, и началъ: «Товарищи, граждане». Эти два слова сановникъ произнесъ съ нѣкоторой разницей въ отгѣнкахъ, — второе чуть суше и строже, чѣмъ первое. Въ дальнѣйшемъ онъ иногда, по привычкѣ, говорилъ просто «товарищи», но тотчасъ поправлялся: «товарищи и граждане», показывая, что въ общемъ собраніи коллективовъ слушатели имѣютъ несомнѣнное право быть просто-гражданами, хоть это нехорошо. Рѣчь сановника была выдержана въ двухъ тонахъ. Когда онъ говорилъ о великихъ завоеваніяхъ культуры, слова его имѣли явно-либеральный характеръ и говорилъ онъ бархатнымъ голосомъ, — это былъ Луначарскій. Сановникъ даже разъ назвалъ культуру общечеловѣческой, — правда, съ такимъ-же отгѣнкомъ строгости и неодобренія, какъ въ словѣ «граждане». Зато, когда онъ говорилъ о мощной, величественной поступи пролетаріата, о желѣзномъ инвентарѣ первой истинно-пролетарской революціи, у сановника сказался пламенный темпераментъ трибуна, голосъ его принялъ металлическій характеръ и рѣчь стала чеканной, — это былъ Троцкій. Центральнымъ мѣстомъ рѣчи явилось импровизированное обращеніе къ бюсту Карла Маркса. Какъ разъ въ нужный моментъ ораторъ оказался стоящимъ влоборота къ бюсту, влоборота къ публикѣ; онъ встрѣтился съ Марксомъ глазами, на мгновенье замеръ, вытянувъ правую руку съ легкимъ уклономъ вверхъ, и въ страстномъ обращеніи къ бюсту оба тона рѣчи сановника слились, голосъ оратора сталъ какъ-то одновременно и бархатнымъ, и металлическимъ: въ обликѣ Карла Маркса великія завоеванія культуры (общечеловѣческой) сливались съ желѣзнымъ инвентаремъ революціи (истинно-пролетарской).

Въ рѣчи сановника говорилось о самыхъ разныхъ предметахъ, но главнымъ образомъ она была посвящена предстоящему празднику, — первому, грозно-торжествующему празднику освобожденнаго пролетаріата на первой въ исторіи свободной отъ тисковъ капитализма землѣ. Сановникъ сообщилъ, что «лучшія наши артистическія силы, почувствовавъ художественной совѣстью своей все величіе нашего дѣла, принимаютъ активнѣйшее участіе въ организациі народныхъ торжищъ», — и назвалъ нѣсколько именъ, впрочемъ далеко не лучшихъ, въ ихъ числѣ имя Березина. Затѣмъ онъ выразилъ — бархатнымъ голосомъ — радость по поводу того, что «всѣ здѣсь представленные коллективы спонтанейно изъявили желаніе пріобщиться къ празднику посредствомъ посылки делегацій», — объ этомъ своемъ спонтанейномъ желаніи большинство слушателей узнало изъ рѣчи сановника. И наконецъ, сказалъ — металлическимъ голосомъ, — что и независимо отъ посылки делегацій, всѣ товарищи — и граждане, — всѣ члены коллективовъ, всѣ работники въ великомъ дѣлѣ строительства новаго міра, должны принять участіе въ славномъ историческомъ торжествѣ. Слово «должны» можно было понимать какъ угодно, но брошено оно было особенно чеканно, и сидѣвшіе на эстрадѣ руководители коллективовъ особенно значительно кивали головой, съ видомъ полного одобренія.

— Мы ничьей совѣсти не насилуемъ! — закончилъ громовымъ голосомъ ораторъ. — Да, не насилуемъ въ томъ плачѣ и въ той мѣрѣ, въ какой это намъ даютъ возможность классовое самосознаніе пролетаріата и желѣзные законы революціоннаго строительства! Но, товарищи и граждане, прежнюю буржуазную псевдосвободу, гнилую свободу мощны и рясы, мы, ученики и послѣдователи Ленина, готовы принести въ жертву свободѣ истинной, свободѣ пролетарской, великой свободѣ серпа и молота! Она, товарищи, вдохновляетъ нашу революціонную совѣсть, и,

пусть же знаютъ наши враги: горе тѣмъ, кто посмѣетъ поднять на нее святотатственную руку!

Рѣчь была покрыта рукоплесканьями, впрочемъ гораздо менѣе бурными, чѣмъ, повидимому, ожидалъ ораторъ. На его лицѣ мелькнуло неудовольствіе. Онъ закрылъ собраніе и тотчасъ пришелъ въ другой залъ, гдѣ былъ приготовленъ чай. За нимъ туда прошли всѣ сидѣвшіе на эстрадѣ, а также нѣкоторые лица изъ зала.

Служащіе расходились. Фоминъ остановился внизу, увидѣвъ Горенскаго, который быстро спускался по лѣстницѣ. Князь былъ очень блѣденъ.

— Хорошо, правда? — негромко, со слабой улыбкой, спросилъ Фоминъ. — Березинъ-то нашъ, слышали?.. Сейчасъ доложу Мусъ...

— Пожалуйста, скажите ей отъ меня, что я съ этимъ господиномъ больше встрѣчаться не намѣренъ! Меня съ нимъ прошу больше не звать...

Горенскій почти съ ненавистью взглянулъ на смущеннаго Фомина и той же быстрой, рѣшительной походкой направился къ выходу.

М. Алдановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Соглядатаи

1.

Съ этой дамой, съ этой Матильдой, я познакомился въ мою первую берлинскую осень. Мнѣ только что нашли мѣсто гувернера, — въ русской семьѣ, еще неуспѣвшей обнищать, еще жившей призраками своихъ петербургскихъ привычекъ. Я дѣтей никогда не воспитывалъ, совершенно не зналъ, о чемъ съ дѣтьми говорить, какъ держаться. Ихъ было двое: мальчишки. Я чувствовалъ въ ихъ присутствіи унижительное стѣсненіе. Они вели счетъ моимъ папиросамъ, и это ихъ ровное любопытство такъ на меня дѣйствовало, что я странно, на отлетѣ, держалъ папиросу, словно впервые курить, и все ронялъ пепель къ себѣ на колѣни. и тогда ихъ ясный взглядъ внимательно переходилъ съ моей дрожащей руки на блѣдно-сѣрую, уже размазанную по ворсу пыльцу. Матильда бывала въ гостяхъ у ихъ родителей и постоянно оставалась ужинать. Какъ то разъ шумѣлъ проливной дождь, ей дали зонтикъ, и она тогда сказала: «Вотъ и отлично, большое спасибо, молодой человекъ меня проводить и принесть зонтикъ обратно». Съ тѣхъ поръ вошло въ мои обязанности ее провожать. Она, пожалуй, нравилась мнѣ, — эта разбитная, полная, волоокзя дама съ большимъ ртомъ, который собирался въ пурпурный комокъ, когда она, пудрясь, смотрѣлась въ зеркальце. У нея были тонкія лодыжки, легкая поступь, за которую многое ей прощалось. Отъ нея исходило щедрое тепло: какъ только она появлялась, мнѣ уже мнилось, что въ комнатѣ жарко натоплено, и, когда, от-

ведя во-свояси эту большую живую печь, я возвращался одинъ среди чмоканія и ртутнаго блеска безжалостной ночи, было мнѣ холодно, холодно до омерзѣнія. Потомъ приѣхалъ изъ Парижа ея мужъ и сталъ съ ней бывать въ гостяхъ вмѣстѣ, — мужъ, какъ мужъ, я мало на него обратилъ вниманія, только замѣтилъ его манеру коротко и гулко откашливаться въ кулакъ передъ тѣмъ, какъ заговорить, и тяжелую, черную, съ блестящимъ набаладашникомъ трость, которой онъ постукивалъ объ полъ, пока Матильда, восторженно захлебываясь, превращала прощаніе съ хозяйкой дома въ многословный монологъ. Мужъ, спустя мѣсяць, отбылъ, и въ первую же ночь, что я снова провожалъ Матильду, она предложила мнѣ подняться къ ней наверхъ, чтобы взять книжку, которую давно увѣщевала меня прочесть, — что-то по-французски о какой-то русской дѣвицѣ Аріаднѣ. Шелъ, какъ обычно, дождь, вокругъ фонарей дрожали ореолы, правая моя рука утопала въ жаркомъ кротовомъ мѣху, лѣвая держала раскрытый зонтикъ, въ который ночь была, какъ въ барабанъ. Этотъ зонтикъ, — потомъ, въ квартирѣ у Матильды, — распятый вблизи парового отопленія, все капалъ, капалъ, ронялъ слезу каждыя полминуты и такъ наплакалъ большую лужу. А книжку взять я забылъ.

Матильда была не первой моей любовницей. До нея любила меня домашняя цортниха въ Петербургѣ, тоже полная и тоже все совѣтовавшая мнѣ прочесть какую-то книжку («Мурочка, исторія одной жизни»). Объ онѣ, эти полныя женщины, издавали среди тѣлесныхъ бурь тонкій, почти дѣтскій пискъ, и мнѣ казалось иногда, что не стоило продѣлать все, что я продѣлалъ, то-есть, помирая со страху, переѣхать финскую границу (въ курьерскомъ поѣздѣ, правда, и съ прозаическимъ пропускомъ), чтобы изъ однихъ объятій попасть въ другія, почти тождественныя. Къ тому же Матильда стала вскорѣ меня томить. У нея былъ одинъ постоянный, гнетущій меня разговоръ, — о мужѣ. Этотъ человекъ -- благородный звѣрь. Онъ ме-

ня бы убилъ на мѣстѣ, если бѣ узналъ. Онѣ обожаютъ меня и дико ревнивѣ. Онѣ въ Константинополѣ шлепалѣ однимъ французомъ объ полѣ, какъ тряпкой. Онѣ страстенѣ до жути. Но въ своей жестокости онѣ красивѣ. Я старался перемѣнить разговорѣ, но это былѣ матильдинѣ конекѣ, на который она садилась плотно и съ удовольствіемъ. Образѣ мужа, создаваемый ею, было трудно слить съ обликомъ человѣка, которому я такѣ мало удѣлилъ вниманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было чрезвычайно неприятно думать, что можетъ быть, это вовсе не ея добротная фантазія, и дѣйствительно сейчасѣ въ Парижѣ, почуя бѣду, тарашить глаза, скрипитѣ зубами и сильно дышитѣ черезѣ носѣ ревливый извергѣ.

Бывало, - плетусѣ домой, портсигарѣ пусть, отѣ разсвѣтнаго вѣтерка горитѣ лицо, какѣ послѣ грима, каждый шагѣ отдается гулкой болью въ головѣ, и вотѣ, поворачивая такѣ и сякѣ мое плохонькое счастье, я дивлюсь, я жалѣю себя, я чувствую уныніе и страхѣ. Въ самомъ дѣлѣ: человѣку, чтобы счастливо существовать, нужно хотѣ часѣ въ день, хотѣ десять минутѣ существовать машинально. Я же, всегда обнаженный, всегда зрячій, даже во снѣ не переставалѣ наблюдать за собой, ничего въ своемъ бытіи не понимая, шалѣя отѣ мысли, что не могу забыться, и завидуя всѣмъ тѣмъ простымъ людямъ, — чиновникамъ, революціонерамъ, лавочникамъ, — которые увѣренно и сосредоточенно дѣлаютѣ свое маленькое дѣло. У меня же оболочки не было. И въ эти страшныя, нѣжно-голубыя утра, цокая каблукомъ черезѣ пустыню города, я воображалѣ человѣка, потерявшаго разсудокѣ. оттого что онѣ началѣ бы явственно ощущать движеніе земного шара. Ходилѣ бы онѣ балансируя, хватаясь за мебель, или сидилѣ бы у окна, возбужденно улыбаясь, какѣ пассажирѣ, который въ поѣздѣ вамѣ вдругѣ говоритѣ: «здорово шварить!» Но вскорѣ, отѣ всей этой шаткости и качки, его стало бы тошнить, онѣ сосалѣ бы лимонѣ и ледѣ, ложилѣ бы плашмя на полѣ, и все—понапрасну Движеніе

остановить нельзя, машинистъ слѣпъ, а тормазъ не найти, — и умеръ бы онъ отъ разрыва сердца, когда скорость стала бы невыносимой.

И я былъ такъ одинокъ. Матильда, которая лукаво спрашивала меня, не пишу ли стиховъ, Матильда, которая на лѣстницѣ или у подъѣзда искусно науськивала меня на поцѣлуй, только чтобы имѣть поводъ отряхнуться и страстно прошипѣть: «сумасшедшій мальчикъ...» — Матильда, конечно, была не въ счетъ. Кого же я еще зналъ въ Берлинѣ? Секретаря благотворительнаго общества, семью, гдѣ служилъ гувернеромъ, владѣльца русскаго книжнаго магазина Вайнштока, старушку-нѣмку, у которой прежде снималъ комнату, — вотъ и обчелся. Такимъ образомъ, всѣмъ своимъ беззащитнымъ бытіемъ я служилъ заманчивой мишенью для несчастья. Оно и приняло приглашеніе.

Было около шести. Воздухъ въ комнатахъ по-сумеречному тяжелѣлъ, я едва различалъ строки смѣшного чеховскаго разсказа, который спотыкавшимся голосомъ читалъ моимъ воспитанникамъ, но не смѣлъ включить свѣтъ: у нихъ было, у этихъ мальчишекъ, странное, недѣтское тяготѣніе къ экономности, гнусная какая-то хозяйственность, они въ точности знали, сколько стоитъ колбаса, масло, свѣтъ, различныя породы автомобилей... И читая имъ вслухъ «Романъ съ контрабасомъ», тщетно пытаюсь ихъ развеселить и чувствуя стыдъ за себя и за бѣднаго автора, я зналъ, я зналъ, что они отлично видятъ мою борьбу съ сумеречной мутью и холодно слѣдятъ, выдержу ли я до той минуты, когда въ домѣ напротивъ, подавая при-мѣръ, зажжется первая лампа. Я выдержалъ и былъ награжденъ свѣтомъ. Только что я приготовился придать голосу большую живость (приближалось самое уморительное мѣсто въ разсказѣ), какъ вдругъ изъ прихожей позвалъ телефонъ. Мы были одни дома, мальчики сразу вскочили и бросились наперегонки по направленію къ зво-

ну. Я же остался сидѣть съ раскрытой книгой на колѣняхъ, нѣжно улыбаясь прерванной строкѣ. Оказалось, что вызываютъ меня. Я сѣлъ въ хрустящее кресло, приложилъ трубку къ уху. Мои ученики стояли подлѣ, — одинъ справа, другой слѣва, невозмутимо меня сторожа. «Сейчасъ собираюсь къ вамъ, — сказала мужской голосъ. — Вы будете дома, надѣюсь?» Я спросилъ: «Кто говоритъ?» «Не узнаете? Тѣмъ лучше, — будетъ сюрпризъ», — сказалъ голосъ. «Но я хочу знать, кто», — настаивалъ я со смѣхомъ. (Потомъ я не могъ безъ ужаса и стыда вспомнить жеманную ипривость моего тона). «Преждевременно», — сухо сказалъ голосъ. Тутъ я въ конецъ расшалился: «Отчего? Отчего? Вотъ это забавно...» Замѣтивъ, что говорю съ пустотой, я пожалъ плечами и повѣсилъ трубку. Мы вернулись въ гостиную, я сказалъ: «ну, гдѣ же, значитъ, мы остановились?» и, найдя мѣсто, продолжалъ чтеніе.

Но мнѣ было какъ то безпокойно. Механически читая вслухъ, я все разсуждалъ про себя, кто этотъ гость. Приѣзжій изъ Россіи, быть можетъ? Я смутно перебралъ знакомыя лица, знакомые голоса, — ихъ было, увы, немного, — остановился почему-то на студентѣ Ушаковѣ... Мой единственный университетскій годъ, небогатый встрѣчами, хранилъ этого Ушакова, какъ сокровище. Когда, среди разговора, при случайномъ упоминаніи о «Гаудеамусѣ» и студенческой безшабашности, я дѣлалъ знающее, слегка мечтательное лицо, то это относилось къ Ушакову, хотя, видить Богъ, я бесѣдовалъ съ нимъ всего дважды (о политическихъ или иныхъ пустякахъ, не помню). Врядъ ли однако онъ былъ бы такъ таинственецъ по телефону. И я терялся въ догадкахъ, воображая то агента коммунистическаго союза, то чудака-милліонщика, которому нуженъ секретарь.

Звонокъ. Мальчики опять опрометью бросились въ прихожую. Я тоже вышелъ посмотрѣть. Они съ удоволь-

ствіемъ, со знаніемъ дѣла отодвинули стальной болтикъ, что-то еще поковыряли, и дверь открылась...

Странное воспоминаніе... Даже теперь, когда многое измѣнилось, — даже теперь я слегка замираю, вызывая изъ памяти, какъ опаснаго преступника изъ камеры, то странное воспоминаніе. Тогда то обрушилась, совершенно беззвучно — какъ на экранѣ — цѣлая стѣна моей жизни. Я понялъ, что сейчасъ случится нѣчто потрясающее, но на лицѣ у меня несомнѣнно была улыбка, и кажется угодливая, и моя рука, которая тянулась, обреченная встрѣтить пустоту, эту пустоту предчувствовала и все-таки до конца пыталась довести жестъ, звенѣвшій у меня въ головѣ словами: элементарная вѣжливость. «Убрать руку», — было первое, что сказалъ гость, глядя на мою протянутую и уже опускавшуюся въ бездну ладонь.

Недаромъ я давеча не узналъ его голоса. То, что телефонъ передалъ, какъ нѣкоторую натуженность, искажившую знакомый тембръ, было на самомъ дѣлѣ совершенно исключительнымъ бѣшенствомъ, густымъ звукомъ, котораго я до тѣхъ поръ не слышалъ ни въ одномъ человеческомъ голосѣ. И какъ живая картина, стоитъ эта сцена у меня въ памяти: ярко озаренная прихожая, я, не знающій, что дѣлать съ непринятой моей рукой, справа мальчикъ, слева мальчикъ, глядящіе оба не на гостя, а почему-то на меня, и самъ этотъ гость, въ оливковомъ макинтошѣ съ модными нашивками на плечахъ, такой блѣдный, словно огорошенный магніемъ, — глаза на выкатѣ, черный равнобедренный треугольникъ подстриженныхъ уголковъ надъ ядовито-пухлой губой. И вдругъ началось легкое, сперва еле примѣтное движеніе: его губы, расклеившись, чмокнули, черная, толстая трость въ его рукѣ чуть дрогнула, и я уже не могъ отвести глаза отъ этой трости. «Въ чемъ дѣло? — спросилъ я. — Въ чемъ дѣло? Недоразумѣніе, кажется... Кажется, какое-то недоразумѣніе...» И тутъ для непристроенной и еще томившейся моей руки я нашелъ унизительное, невозможное мѣсто: въ смутномъ

стремленіи сохранить свое достоинство я опустилъ руку на плечо ученика; мальчикъ же усмѣхнулся и покосился на мою кисть. «Вотъ что, господинъ хорошій, — вдругъ брызнулъ гость, — отойдите-ка отъ нихъ малость: я ихъ трогать не буду, можете не защищать, — а мнѣ нуженъ просторъ, такъ какъ я собираюсь изъ васъ пылъ выколачивать». «Вы въ чужомъ домѣ, — сказалъ я. — Вы не имѣете права скандалить. Я не понимаю, чего вы отъ меня хотите...»

Онъ меня ударилъ. Онъ тростью хватилъ меня по плечу, горячо и звучно, и я отъ силы удара ухнулъ въ сторону, плетеное кресло отпрянуло отъ меня, какъ живое. Онъ размахнулся опять, скаля зубы; ударъ пришелся по моей поднятой рукѣ. Тогда я отступилъ, проскочилъ бокомъ въ гостиную, а онъ за мной. И вотъ еще любопытная подробность: я вѣдь въ голосъ кричалъ, звалъ его по имени и отчеству, громко спрашивалъ его, что я ему сдѣлалъ. Когда онъ опять меня настигъ, я попробовалъ защититься какой-то схваченной на ходу подушкой, но онъ выбилъ ее у меня изъ рукъ. «Это безобразіе, — крикнулъ я. — Я безоружный. Меня оклеветали. Вы за это дорого...»

Опять. Отступая, я зашелъ за столъ, и на минуту все оцѣпенѣло снова живой картиной. Онъ стоялъ, скалясь и поднявъ трость, а за нимъ, по сторонамъ двери, застыли мальчики, — и быть можетъ воспоминаніе у меня въ этомъ мѣстѣ какъ то исковеркано, но ей-Богу, мнѣ кажется, что одинъ изъ нихъ стоялъ, сложивъ руки крестомъ, прислонившись къ стѣнѣ, а другой сидѣлъ на ручкѣ кресла, и оба невозмутимо наблюдали за расправой, совершавшейся надо мной. И погода все опять пришло въ движеніе, мы всѣ четверо перешли въ слѣдующую комнату, — онъ попалъ мнѣ въ бедро, а потомъ ослѣпительнымъ и ужаснымъ ударомъ шарахнулъ меня по лицу. Любопытно, что я самъ никогда бы не могъ ударить человѣка, какъ бы онъ меня ни оскорбилъ, и даже теперь, подъ его тяжелой тростью, не только не умѣлъ перейти въ нападеніе,

будучи несвѣдущъ въ мужественныхъ пріемахъ, но — даже въ эти минуты боли и униженія, — не представлялъ себѣ, что могу поднять руку на ближняго, особенно ежели ближній гнѣвенъ и мускулистъ, и не пытался бѣжать къ себѣ въ комнату, гдѣ въ ящикѣ былъ револьверъ, купленный мною, увы, только для отпуга призраковъ.

Созерцательное оцѣленіе моихъ учениковъ, различныя позы, въ которыхъ они, какъ фрески, застывали по угламъ той или иной комнаты, предусмотрительность, съ которой они зажгли свѣтъ, какъ только я понятился въ темную столовую, — все это, должно быть, обманъ воспріятія, отдѣльныя впечатлѣнія, которымъ я придалъ значительность и постоянство, столь же условныя, впрочемъ, какъ на репортерскомъ снимкѣ согнутая въ колѣнѣ нога пѣшехода съ портфелемъ (такой-то по пути на конференцію). На самомъ же дѣлѣ они повидимому не все время присутствовали при моей казни, была какая то минута, когда, боясь за родительскую мебель, они дѣловито принялись звонить въ полицію, — попытка, сразу пресѣченная громовымъ окрикомъ, — но я не знаю, куда помѣстится эту минуту, въ начало или въ самый конецъ, послѣ того апофеоза страданія и ужаса, когда, упавъ мѣшкомъ на полъ, я подставлялъ круглую спину ударамъ и крило повторялъ: «Довольно, довольно, у меня больное сердце, довольно, у меня больное...» Сердце мое, отмѣчу въ скобкахъ, всегда работало исправно.

И черезъ нѣкоторое время все кончилось. Онъ закурилъ, громко дыша и гремя спичечной коробкой; постоялъ, поглядѣлъ, и, сказавъ что-то о маленькомъ урокѣ, поправилъ на головѣ шляпу и поспѣшно вышелъ. Я сразу всталъ съ полу и направился къ себѣ въ комнату. Мальчики бѣгомъ послѣдовали за мной. Одинъ изъ нихъ попробовалъ пролѣзть въ мою дверь. Я отшвырнулъ его ударомъ локтя и, знаю, сдѣлалъ ему больно. Дверь я заперъ на ключъ, обмылъ лицо, чуть не крича отъ ѣдкаго прикосновенія воды, и затѣмъ, вытащивъ изъ-подъ кро-

вати чемоданъ, принялся укладывать вещи. Это было трудно, ломило въ спинѣ, лѣвая рука плохо дѣйствовала, слѣпили слезы.

Когда, въ пальто, неся тяжелый чемоданъ, я вышелъ въ прихожую, мальчики сразу опять появились. Я на нихъ даже не взглянулъ. Спускаясь по лѣстницѣ, я чувствовалъ, какъ они сверху смотрятъ на меня, перегнувшись черезъ перила. Пониже я встрѣтилъ учительницу музыки, приходившую какъ разъ по вторникамъ. Это была кроткая русская дѣвица въ очкахъ, съ толстыми, кривыми ногами. Я не поклонился ей, отвернулъ опухшее лицо, и, подгоняемый смертельной тишиной ея удивленія, выскочилъ на улицу.

До того, какъ покончить съ собой, я хотѣлъ по традиціи написать кое-какія письма да посидѣть хоть пять минутъ въ безопасности, а потому, кликнувъ таксомоторъ, отправился туда, гдѣ жилъ раньше. По счастью знакомая мнѣ комнатка оказалась свободной, и старушка-хозяйка стала сразу стелить мнѣ постель... напрасныя хлопоты. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ ея ухода, она возилась долго, наполняла водой кувшинъ, графинъ, затягивала штору, что-то дергала, съ разинутымъ чернымъ ртомъ глядя вверхъ. Наконецъ, помяукавъ, она ушла.

Пошлый, несчастный, дрожащій маленькій человекъ зъ котелкѣ стоялъ посреди комнаты, почему то потирая руки. Такимъ я на мгновение увидѣлъ себя въ зеркалѣ. Затѣмъ я быстро вынулъ изъ чемодана бумагу, конверты, нашелъ въ карманѣ убогій карандашикъ и сѣлъ къ столу. Но оказалось, что писать мнѣ не къ кому. Я мало кого зналъ и никого не любилъ. Письма отпали, отпало все остальное: мнѣ смутно казалось, что необходимо прибрать вещи, надѣть чистое бѣлье, оставить въ конвертѣ всѣ мои деньги — двадцать марокъ - - съ запиской, кому ихъ отдать. Но тутъ я понялъ, что все это рѣшилъ я не сегодня, а когда то давно, въ разное время, когда беззаботно пред-

ставляя себѣ, какъ люди стрѣляются. Такъ закоренѣлый горожанинъ, получивъ неожиданное приглашеніе отъ знакомаго помѣщика, покушаетъ въ первую очередь фляжку и крѣпкіе сапоги, — не потому, что они могутъ и впрямь пригодиться, а такъ, бессознательно, вслѣдствіе какихъ-то прежнихъ неprovѣренныхъ мыслей о деревнѣ, о длинныхъ прогулкахъ по лѣсамъ и горамъ. Но лѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ, — сплошная пашня, и шагать въ жару по шоссе не охота. Такъ и я понялъ несуразность и условность моихъ прежнихъ представлений о предсмертныхъ занятіяхъ; человекъ, рѣшившійся на самоистребленіе, далеко отъ житейскихъ дѣлъ, и засѣсть, скажемъ, писать завѣщаніе было бы столь же нелѣпымъ, какъ принять въ такую минуту средство противъ выпаденія волосъ, ибо вмѣстѣ съ человекомъ истребляется и весь міръ, въ пыль разсыпается предсмертное письмо и съ нимъ всѣ почтальоны, и какъ дымъ исчезаетъ доходный домъ, завѣщанный несуществующему потомству.

И вотъ, то, что я давно подозрѣвалъ, — бессмысленность міра, — стало мнѣ очевидно. Я почувствовалъ вдругъ невѣроятную свободу, — вотъ она то и была знакомъ бессмысленности. Я взялъ двадцатимарковый билетъ и разорвалъ его на клочки. Я снялъ съ руки часики, швырнулъ ихъ на полъ и швырялъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не остановились. Я подумалъ, что могу, если захочу, выбѣжать сейчасъ на улицу, съ непристойными словами обнять любую женщину, застрѣлить всякаго, кто подвернется, расколошматить витрину... Фантазія беззаконія ограничена, — я ничего не могъ придумать далѣе.

Опасливо и неловко я зарядилъ револьверъ, затѣмъ потушилъ въ комнатѣ свѣтъ. Мысль о смерти, такъ пугавшая меня нѣкогда, была теперь близка и проста. Я боялся, страшно боялся чудовищной боли, которую быть можетъ мнѣ пуля причинить, но бояться чернаго бархатнаго сна, ровной тьмы, куда болѣе пріємлемой и понятной, чѣмъ безсонная пестрота жизни, — нѣтъ, какъ можно этого бо-

яться, глупости какія... Стоя посреди темной комнаты, я разстегнул на груди рубашку, наклонился корпусомъ впередъ, нащупаль между реберъ сердце, бившееся, какъ небольшое животное, которое хочешь перенести въ безопасное мѣсто, и которому не можешь объяснить, что нечего бояться, а напротивъ, для него же стараешься.. но оно было такое живое, мое сердце, — плотно приложить дуло къ тонкой кожѣ, подъ которой оно упруго пульсировало, было мнѣ какъ то противно, и потому я слегка отодвинулъ неудобно согнутую руку, такъ, чтобы сталь не касалась моей голой груди. Затѣмъ я напрягся и выстрѣлилъ. Былъ сильный толчокъ, и что-то позади меня дивно зазвенѣло, — никогда не забуду этого звона. Онъ сразу перешелъ въ журчаніе воды, въ гортанный водяной шумъ; я вздохнулъ, захлебнулся, все было во мнѣ и вокругъ меня текуче, бурливо. Я стоялъ почему то на колѣняхъ, хотѣлъ упереться рукой въ полъ, но рука погрузилась въ полъ, какъ въ бездонную воду.

2.

Черезъ нѣкоторое время, если вообще тутъ можно говорить о времени, выяснилось, что, послѣ наступленія смерти, человѣческая мысль продолжаетъ жить по инерціи. Я былъ туго закутанъ, — не то въ саванъ, не то просто въ плотную темноту. Я все помнилъ, — имя, земную жизнь, — со стеклянной ясностью, и меня необыкновенно утѣшало, что беспокоиться теперь не о чемъ. Когда изъ непонятнаго ощущенія тугихъ бинтовъ я съ озорной безнечностью вывелъ представленіе о госпиталѣ, то сразу, послушно моей волѣ, выросла вокругъ меня призрачная больничная палата, и были у меня сосѣди, — такія же муміи, какъ я, — по три муміи съ каждой стороны. Какая же это здоровенная штука, человѣческая мысль, что вотъ - -

бьетъ—поверхъ смерти, и Богъ знаетъ, сколько еще будетъ трепетать и творить, послѣ того, какъ мой мертвый мозгъ давно сталъ ни къ чему не способенъ. И съ легкимъ любопытствомъ я подумалъ о томъ, какъ это меня хоронили, была ли панихида, и кто пришелъ на похороны.

Но какъ цѣпко, какъ дѣловито, словно соскучившись по работѣ, принялась моя мысль мастерить подобіе больницы, подобіе движущихся бѣлыхъ людей между коекъ, съ одной изъ которыхъ доносилось подобіе человѣческаго стона! Благодушно поддаваясь этимъ представленіямъ, горяча и поддразнивая ихъ, я дошелъ до того, что создалъ цѣльную естественную картину, простую повѣсть о немѣткой пулѣ, о легкой сквозной ранѣ; и тутъ возникъ мной сотворенный врачъ и посиѣшилъ подтвердить мою безпечную догадку. А затѣмъ, когда я сталъ, смѣясь, клясться, что неумѣло разряжалъ револьверъ, -- появилась и моя старушка, въ черной соломенной шляпѣ съ вишнями, сѣла у моей койки, полюбопытствовала, какъ я себя чувствую, и, лукаво грозя пальцемъ, упомянула о какомъ то кувшинѣ, вдребезги разбитомъ пулей... о, какъ ловко, какъ по-житейски просто моя мысль объяснила звонъ и журчаніе, сопроводившіе меня въ небытіе.

Я полагалъ, что посмертный разбѣгъ моей мысли скоро выдохнется, но повидимому мое воображеніе при жизни было такъ мощно, такъ пружинисто, что теперь хвѣтало его надолго. Оно продолжало разрабатывать тему выздоровленія и довольно скоро выписало меня изъ больницы. Я вышелъ на улицу — реставрація берлинской улицы удалась на диво — и поплылъ по панели, осторожно и легко ступая еще слабыми, какъ бы безплотными ногами. И думалъ я о житейскихъ вещахъ, о томъ, что надо починить часы и достать папирозъ, и о томъ, что у меня нѣтъ ни гроша. Поймавъ себя на этихъ думкахъ, — не очень впрочемъ тревожныхъ, — я живо вообразилъ тотъ тѣлеснаго цвѣта съ карей тѣнью билетъ, который я разорвалъ передъ самоубійствомъ, и мое тогдашнее оцущеніе сво-

боды, безнаказанности. Теперь однако поступокъ мой прибрѣталъ нѣкоторое мстительное значеніе, и я былъ радъ, что ограничился только печальной шалостью, а не вышелъ куралесить на улицу, — такъ какъ я зналъ теперь, что послѣ смерти земная мысль, освобожденная отъ тѣла, продолжаетъ двигаться въ кругу, гдѣ все по прежнему связано, гдѣ все обладаетъ сравнительнымъ смысломъ, и что потусторонняя мука грѣшника именно и состоитъ въ томъ, что живучая его мысль не можетъ успокоиться, пока не разберется въ сложныхъ послѣдствіяхъ его земныхъ опрометчивыхъ поступковъ.

Я шелъ по знакомымъ улицамъ, и все было очень похоже на дѣйствительность, и ничто одна́ко не могло мнѣ доказать, что я не мертвъ, и что все это не загробная гроза. Я видѣлъ себя со стороны, тихо идущимъ по панели, — я умилялся и робѣлъ, какъ еще неопытный духъ, глядящій на жизнь чѣмъ-то знакомаго ему человѣка.

Плавное, машинальное стремление привело меня къ лавкѣ Вайнштока. Мгновенно напечатанныя въ угоду мнѣ книги спѣшно появились въ витринѣ. Одну долю секунды нѣкоторыя заглавія были еще туманны: я всмотрѣлся, туманъ разсѣялся. Когда я вошелъ, въ магазинѣ было пусто, и тусклымъ адовымъ пламенемъ горѣла въ углу чугунная печка. Гдѣ то внизу за прилавкомъ послышалось кряхтѣніе Вайнштока. «Закатилось, — бормоталъ онъ напряженно, — закатилось». Погодя онъ выпрямился, и тутъ я уличилъ въ неточности свою фантазію, принужденную правда работать очень быстро: Вайнштокъ носилъ усы, а теперь ихъ не было, моя мечта не успѣла его додѣлать, и вмѣсто усовъ было на его блѣдномъ лицѣ розоватое отъ бритья мѣсто. «Фу, какъ вы скверно смотрите, — сказалъ онъ, здороваясь со мной, — фу, фу. Что съ вами? Хворали?» Я отвѣтилъ, что дѣйствительно, — былъ боленъ. «Теперь гриппа», — загадочно сказалъ Вайнштокъ и вздохнулъ. «Давно не видались, -- заговорилъ онъ опять. — Скажите, вы тогда службу нашли?» Я отвѣтилъ, что былъ

одно время губернаторомъ, но теперь это мѣсто потерялъ, и очень хочу курить. Вошелъ покупатель и спросилъ русско-испанскій словарь. «Кажется, имѣется», — сказала Вайнштокъ, повернувшись къ полкѣ и пальцемъ проводя по толстенькимъ корешкамъ.

Межъ тѣмъ мое вниманіе привлекъ тихій кашель въ глубинѣ магазина. Кто-то, охая, прошуршалъ, скрытый книгами. «Вы себѣ завели помощника?» — спросилъ я у Вайнштока, когда покупатель ушелъ. «Я его на-дняхъ расчитаю, — тихо отвѣтилъ Вайнштокъ. — Это абсолютно негодный старикъ. Мнѣ нуженъ молодой». «А какъ поживаетъ черная рука, Викентій Львовичъ?» «Если бы вы не были такимъ злостнымъ скептикомъ, — внушительно сказалъ Вайнштокъ, — я сумѣлъ бы вамъ рассказать много интереснаго». Онъ немного обидѣлся, — а это было не к стати: прозрачная, безденежная моя легкость требовала какого-то разрѣшенія, а моя фантазія создавала довольно никчемный разговоръ... «Нѣтъ, нѣтъ, Викентій Львовичъ, почему скептикъ? Напротивъ. Вспомните, я изъ-за этого въ свое время раскошелился». Дѣйствительно, когда я познакомился съ Вайнштокомъ, то сразу въ немъ обнаружилъ родственную мнѣ черту, — склонность къ навязчивымъ идеямъ. Вайнштокъ былъ убѣжденъ, что какіе-то люди, которыхъ онъ съ таинственной лаконичностью и со зловѣщимъ удареніемъ на первомъ слогѣ называлъ «агенты», постоянно за нимъ слѣдятъ. Онъ намекалъ на существованіе чернаго списка, гдѣ будто бы находится его имя. Я посмѣивался надъ нимъ, но внутренне холодѣлъ. Мнѣ показалось однажды страннымъ, что человѣкъ, котораго я случайно замѣтилъ въ трамваѣ, — неприятный блондинъ съ бѣгающими глазами, — былъ въ тотъ же день встрѣченъ мною опять: онъ стоялъ на углу моей улицы и дѣлалъ видъ, что читаетъ газету. Съ той поры я началъ побаиваться. Я сердился на себя, издѣвался мысленно надъ Вайнштокомъ, но ничего не могъ подѣлать со своимъ воображеніемъ. По ночамъ мнѣ чудилось, что кто-то лѣзетъ

ко мнѣ въ окно. Наконецъ я купилъ револьверъ и совершенно успокоился. На этотъ расходъ (тѣмъ болѣе нелѣпный, что «ваффеншайнъ» у меня отняли), я теперь и нѣмекаль Вайнштоку. «На что вамъ оружіе? — отвѣтилъ онъ. — Они хитрые, какъ бестіи. Противъ нихъ возможна только одна защита — мозги. Моя организація — » Онъ вдругъ подозрительно вскинулъ на меня глаза, какъ будто сказалъ лишнее. Тогда я рѣшился, — объяснилъ, стараясь говорить шуточно, что мое положеніе странное, занимать денегъ больше негдѣ, а жить и курить нужно, — и, говоря все это, я вспоминалъ развязнаго незнакомца съ выбитымъ переднимъ зубомъ, который какъ то явился къ матери моихъ воспитанниковъ и совершенно такимъ же шутовымъ тономъ разсказалъ, что ему нужно ѣхать вечеромъ въ Висбаденъ, и не хватаетъ ровно девятиста пфенниговъ. («Ну, насчетъ Висбаденовъ вы оставьте, — спокойно сказала она. — А двадцать пфенниговъ я вамъ такъ и быть дамъ. Больше не могу изъ чисто принципиальныхъ соображеній»). Впрочемъ теперь при этомъ сопоставленіи я не ощутилъ ни малѣйшаго стыда. Послѣ выстрѣла, выстрѣла, по моему мнѣнію, смертельнаго, я съ любопытствомъ глядѣлъ на себя со стороны, и мучительное прошлое мое — до выстрѣла — было мнѣ какъ то чуждо. Этотъ разговоръ съ Вайнштокомъ оказался началомъ новой для меня жизни. Я былъ теперь по отношенію къ самому себѣ постороннимъ. Въра въ призрачность моего существованія давала мнѣ право на нѣкоторыя развлеченія.

Глупо искать закона, еще глупѣе его найти. Надумаетъ нищій духомъ, что весь путь человѣчества можно объяснить каверзной игрою планетъ или борьбой пустого съ тугонабитымъ желудкомъ, пригласить къ богинѣ Кліо аккуратнаго секретарчика изъ мѣщанъ, откроетъ оптовую торговлю эпохами, народными массами, и тогда не слобровать отдѣльному индивидууму, съ его двумя бѣдными «у». Безнадежно аукающимися въ чащобѣ экономическихъ причинъ. Къ счастью закона никакого нѣтъ, — зубная боль

проигрываетъ битву, дождливый денекъ отмѣняетъ намѣченный мятежъ, — все зыбко, все отъ случая, и напрасно старался тотъ расхлябанный и брюзгливый буржуа въ хлѣтчатыхъ штанахъ время Викторіи, написавшій темный трудъ «Капиталъ», — плодъ бессонницы и мигрени. Есть острая забава въ томъ, чтобы, оглядываясь на прошлое, спрашивать себя, — что было бы, если бы..., замѣнять одну случайность другой, наблюдать, какъ изъ какой-нибудь сѣрой минуты жизни, прошедшей незамѣтно и бесплодно, вырастаетъ дивное розовое событіе, которое въ свое время такъ и не вылупилось, не просіяло. Таинственна эта вѣтвистость жизни: въ каждомъ быломъ мгновѣніи чувствуется распутиѣ, — было такъ, а могло бы быть иначе, -- и тянутся, двоятся, троются несмѣтныя огненные извилины по темному полю прошлаго.

Всѣ эти простыя мысли — о зыбкости жизни — приходятъ мнѣ на умъ, когда я думаю о томъ, какъ легко могло случиться, что я никогда бы не попалъ въ домъ номеръ пять на Павлинѣей улицѣ, никогда бы не узналъ ни Вани, ни ваниной сестры, ни Романа Богдановича, ни многихъ другихъ людей, такъ неожиданно и непривычно зажившихъ вокругъ меня. И наоборотъ... Поселись я послѣ призрачнаго выхода изъ больницы въ другомъ домѣ, быть можетъ невысказанное счастье запросто бы со мной разгорилось, — какъ знать... какъ знать...

Надо мной, въ верхнемъ, надстроенномъ, этажѣ жили русскіе. Познакомилъ меня съ ними Вайнштокъ, у котораго они брали книги, — тоже очаровательный пріемъ со стороны фантазіи, управляющей жизнью. До настоящаго знакомства были, впрочемъ, постоянныя встрѣчи на лѣстницѣ и тѣ слегка тревожные взгляды, которыми заграницей обмѣниваются русскіе. Ваню я отмѣтилъ сразу, и сразу почувствовалъ сердцебіеніе, какъ во снѣ, когда добыча мечты тугъ, у тебя въ комнатѣ, — подойди и схвати. Молодая дама съ милымъ бульдожьимъ лицомъ оказалась вполслѣдствіи ваниной сестрой, Евгеніей Евгеньевной.

Мужъ Евгеніи Евгеньевны, веселый господинъ съ толстымъ носомъ, тоже былъ порожденіемъ лѣстницы. Я ему придержалъ какъ-то дверь, и его нѣмецкое — «спасибо» въ точности прориѣмовало съ предложнымъ надежомъ банка, въ которомъ онъ, кстати сказать, служилъ.

У нихъ жила родственница, Маріанна Николаевна, и по вечерамъ бывали гости, почти всегда одни и тѣ же. Хозяйкой дома считалась Евгенія Евгеньевна. У нея былъ пріятный юморъ, — она то и прозвала сестру Ваней, въ тѣ годы, когда меньшая требовала, чтобы ее звали Мойна-Ванной, находя въ звукѣ своего имени — Варвара — что-то толстое и рябое. Я не сразу привыкъ къ этому мужскому уменьшительному; постепенно же оно приняло для меня какъ разъ тотъ оттѣнокъ, который грезился Ванѣ въ томныхъ женскихъ именахъ. Сестры были похожи другъ на дружку, но откровенная бульдожья тяжеловатость лица старшей была у Вани только чуть-чуть намѣчена, и была иначе, и какъ бы придавала значительность и своеобразность общей красотѣ ея лица. Похожи у сестеръ были и глаза, черно-каріе, слегка ассиметричныя, слегка раскосые, съ забавными складками на темныхъ вѣкахъ. У Вани глаза были еще бархатнѣе, и, въ отличіе отъ сестриныхъ, нѣсколько близоруки, точно ихъ красота дѣлала ихъ несомнѣнно пригодными для употребленія. Обѣ были темно-волосы и носили одинаковыя прически, -- проборъ по срединѣ и большой, плотный узелъ низко на затылкѣ. Но у старшей волосы не лежали съ такой небесной гладкостью, лишены были драгоцѣннаго отлива... Мнѣ хочется стряхнуть Евгенію Евгеньевну, отставить ее совсѣмъ, чтобы сестеръ не приходилось сравнивать, и вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что, не будь этого сходства, чего-то бы недоставало ваниному обаянію. Вотъ только руки у нея были незаящныя, — блѣдная ладонь какъ-то не соответствовала верхней сторонѣ, красноватой, съ большими костяшками. И на круглыхъ ногтяхъ были всегда бѣлесыя пятнышки.

Какое еще нужно напряженіе, до какой еще присталь-

кости дойти, чтобы словами передать зримый образъ чело-
вѣка? Вотъ обѣ сестры сидятъ на диванѣ, Евгенія Ев-
геньевна въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ большими бу-
сами на бѣлой шеѣ, Ваня въ малиновомъ, съ мелкими жем-
чугами вмѣсто бусъ, глаза у нея сіяютъ, переносица между
черныхъ бровей почему то запудрена. Сестры въ одина-
ковыхъ новыхъ туфляхъ и вотъ, то и дѣло поглядываютъ
другъ дружку на ноги, — и на чужой ногѣ вѣрно выгла-
дить лучше, чѣмъ на своей. Ихъ родственница, Маріанна
Николаевна, бѣлокурая женщина-врачъ съ интенсивной ма-
нерой говорить, рассказываетъ Смурову и Роману Богда-
новичу объ ужасахъ гражданской войны. Мужъ Евгениі
Евгеньевны, Хрущовъ,—веселый господинъ съ толстымъ,
блѣднымъ носомъ, который онъ постоянно тискаетъ, по-
тягиваетъ, пытается отвернуть сбоку, уцѣпившись за но-
здрю, — говоритъ на порогѣ сосѣдней комнаты съ Мухи-
нымъ, молодымъ челоуѣкомъ въ пенсенѣ. Оба стоятъ по
бокамъ двери, другъ противъ друга, какъ каріатиды.

Мухинъ и величавый Романъ Богдановичъ давно уже
бываютъ здѣсь, Смуровъ же появился сравнительно не-
давно, но этого сразу не скажешь. Не было застѣнчивости,
которая такъ выдѣляетъ челоуѣка среди людей, хорошо
другъ друга знающихъ, связанныхъ между собой условны-
ми отзвуками бывшихъ шутокъ, живыми для нихъ име-
нами, такъ что новопоявившійся чувствуетъ себя, какъ ес-
ли бы онъ вдругъ спохватился, что повѣсть, которую онъ
принялся читать въ журналѣ, началась уже давно, въ ка-
кихъ то предыдущихъ, неизвѣстныхъ номерахъ, и, слушая
общій разговоръ, богатый намеками на невѣдомое, онъ
молчитъ, переводитъ взглядъ съ одного на другого, смо-
тря по тому, кто говоритъ, и чѣмъ быстрее реплики, тѣмъ
подвижнѣе его глаза; вскорѣ незримый міръ, живущій въ
словахъ окружающихъ, начинаетъ его тяготить, ему ка-
жется, что нарочно затѣянъ разговоръ, куда онъ не вхожъ.
Но, если порой Смуровъ и чувствовалъ себя неловко, онъ
во всякомъ случаѣ не показывалъ этого. Признаюсь, въ

тѣ первые вечера онѣ на меня произвелъ довольно пріятное впечатлѣніе. Былъ онѣ роста небольшого, но ладенъ и ловокъ, его скромный черный костюмъ и черный галстукъ бантикомъ, казалось, сдержанно намекають на какой-то тайный трауръ. Его блѣдное, тонкое лицо было молодо, но чуткій наблюдатель могъ бы въ его чертахъ найти слѣды печали и опыта. Онѣ держался прекрасно, улыбался спокойной, немного грустной улыбкой, медлившей у него на губахъ. Говорилъ онѣ мало, но все высказываемое имъ было умно и умѣстно, а рѣдкія шутки его, слишкомъ изящныя, чтобы вызвать бурный смѣхъ, открывали въ разговорѣ потайную дверцу, впуская неожиданную свѣжесть. Казалось, что онѣ не могъ сразу же не понравиться Ванѣ, — именно этой благородной, загадочной скромностью, блѣдностью лба и узостью рукъ... Кое-что, — напримеръ слово «благодарствуйте», произносимое полностью, съ сохраненіемъ букета согласныхъ, — должно было непременно открыть чуткому наблюдателю, что Смуровъ принадлежитъ къ лучшему петербургскому обществу.

Маріанна Николаевна, говорившая объ ужасахъ войны, на мгновеніе умолкла, почувствовавъ наконецъ, что бородатый и пышный Романъ Богдановичъ давно хочетъ вставить свое словцо, которое онѣ держалъ во рту, какъ большую карамель; но ему не повезло, Смуровъ оказался проворнѣе.

«Внимая ужасамъ войны, — сказалъ съ улыбкой Смуровъ, — мнѣ не жаль ни друга, ни матери друга, а жаль мнѣ тѣхъ, кто на войнѣ не побывалъ. Трудно передать, какое музыкальное наслажденіе въ жужжаніи пуль, — или когда летишь карьеромъ въ атаку»...

«Война всегда отвратительна, — сухо перебила Маріанна Николаевна. — Я вѣроятно иначе воспитана, чѣмъ вы. Человѣкъ, отнимающій жизнь у другого, всегда убійца, будь онѣ палачъ или кавалеристъ».

«Я лично...» сказалъ Смуровъ, но она опять перебила:

«Военная доблесть, это пережитокъ прошлаго. Въ теченіе моей врачебной практики мнѣ часто приходилось видѣть людей, искалѣченныхъ и выбитыхъ изъ жизни войной. Человѣчество теперь стремится къ другимъ идеаламъ. Нѣтъ ничего унизительнѣе, чѣмъ быть пушечнымъ мясомъ. Можетъ быть другое воспитаніе...»

«Я лично...» — сказала Смуровъ.

«Другое воспитаніе, — быстро продолжала она, — въ идеяхъ гуманности и общекультурныхъ интересовъ, заставляетъ меня на это смотрѣть другими глазами, чѣмъ вы. Я ни въ кого не налила и никого не закалявала. Будьте покойны — среди врачей, моихъ коллегъ, больше найдется героевъ, чѣмъ на полѣ битвы...»

«Я лично...» — сказалъ Смуровъ.

«Но довольно объ этомъ, — отрѣзала Маріанна Николаевна. — Я вижу, что ни вы меня не убѣдите, ни я васъ. Пренія закончены».

Наступило легкое молчаніе. Смуровъ спокойно размѣшивалъ ложечкой чай. Да, очевидно онъ бывший офицеръ, смѣльчакъ, партнеръ смерти, и только изъ скромности ничего не говоритъ о своихъ приключеніяхъ.

«А я вотъ что хотѣлъ рассказать, — грянулъ Романъ Богдановичъ. — Вы упомянули о Константинополѣ, Маріанна Николаевна. Былъ у меня тамъ одинъ хорошій знакомый, — нѣкій Кашмаринъ, впоследствии я съ нимъ поссорился, онъ былъ страшно рѣзокъ и вспыльчивъ, хотя отходчивъ и по своему добръ. Онъ, между прочимъ, одного француза избилъ до полусмерти — изъ ревности. Ну вотъ, онъ мнѣ рассказалъ слѣдующую исторію. Рисуетъ нравы Турціи. Представьте себѣ...»

«Неужели избилъ? — поервалъ Смуровъ съ улыбкой. — Вотъ это здорово, люблю...»

«До полусмерти», — сказалъ Романъ Богдановичъ, и пустился въ повѣствованіе.

Смуровъ, слушая, одобрительно кивалъ, и было видно, что такой человѣкъ, какъ онъ, несмотря на внѣшнюю

скромность и тихость, таить въ себѣ нѣкій пылъ и способенъ въ минуту гнѣва сдѣлать изъ человѣка шашлыкъ, а въ минуту страсти женщину умыкнуть подъ плащомъ, вѣтренной ночью, какъ сдѣлалъ кто-то въ разказѣ Романа Богдановича. Ваня, если разбиралась въ людяхъ, должна была это замѣтить.

«У меня все подробно въ дневникѣ изложено», — самодовольно закончилъ Романъ Богдановичъ, и хлебнулъ чаю.

Мухинъ и Хрущовъ опять застыли по косякамъ; Ваня и Евгенія Евгеньевна оправили платья на колѣняхъ совершенно одинаковымъ жестомъ; Маріанна Николаевна, ни съ того, ни съ сего, уставилась на Смурова, который сидѣлъ къ ней въ профиль и, по рецепту мужественныхъ тиковъ, игралъ желваками скулъ подъ ея недоброжелательнымъ взглядомъ. Онъ мнѣ нравился, да, онъ мнѣ нравился, — и я чувствовалъ, что, чѣмъ пристальнѣе смотритъ Маріанча Николаевна, культурная женщина-врачъ, тѣмъ отчетливѣе и стройнѣе растетъ образъ молодого головорѣза, съ желѣзными нервами, блѣднаго отъ прежнихъ безсонныхъ ночей въ степныхъ балкахъ, на разрушенныхъ снарядами станціяхъ. Казалось, все обстоитъ благополучно.

3.

Викентій Львовичъ Вайнштокъ, у котораго Смуровъ служилъ въ приказчикахъ (смѣнивъ негоднаго старика), зналъ о немъ меньше, чѣмъ кто-либо. Въ характерѣ у Вайнштока была доля пріятной азартности. Этимъ вѣроятно объясняется, что онъ далъ у себя мѣсто мало знакомому человѣку. Его подозрительность требовала постоянной пици. Какъ у иныхъ нормальныхъ и совершенно почтенныхъ людей вдругъ оказывается страсть къ собиранію стрекозъ или гравюръ, такъ и Вайнштокъ, внукъ старьевщика, сынъ антиквара, солидный, уравновѣшенный Вайн-

штокъ, всю свою жизнь занимавшійся книжнымъ дѣломъ, устроилъ себѣ нѣкій отдѣльный маленькій міръ. Тамъ, въ голутьмѣ, происходили таинственныя событія.

Индія вызывала въ немъ мистическое уваженіе: онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто, при упоминаніи Бомбея, представляетъ себѣ не англійскаго чиновника, багроваго отъ жары, а непременно факира. Онъ вѣрилъ въ чохъ и въ жохъ, въ четъ и въ чорта, вѣрилъ въ символы, въ силу начертаній и въ бронзовыя, голоузыя изображенія. По вечерамъ онъ клалъ руки, какъ застывшій піанистъ, на легонькій столикъ о трехъ ножкахъ: столикъ начиналъ нѣжно трещать, цыкать кузнечикомъ, и затѣмъ, набравшись силъ, медленно поднимался однимъ краемъ и неуклюже, но сильно ударялъ ножкой объ полъ. Вайнштокъ вслухъ читалъ азбуку. Столикъ внимательно слѣдилъ и на нужной буквѣ стучалъ. Являлся Цезарь, Магометъ, Пушкинъ и двоюродный братъ Вайнштока. Иногда столикъ начиналъ шалить, поднимался и повисалъ въ воздухѣ, а не то предпринималъ атаку на Вайнштока, бодалъ его въ животъ, и Вайнштокъ, добродушно успокаивая духа, словно укротитель, нарочно поддающийся игривости звѣря, отступалъ по всей комнатѣ, продолжая держать пальцы на столикѣ, шедшемъ вперевалку. Употреблялъ онъ для разговоровъ также и блюдечко съ мѣткой, и еще какое-то сложное приспособленіе, съ торчавшимъ внизъ карандашомъ. Разговоры записывались въ особыя тетрадки. Это были діалоги такого рода:

В а й н ш т о к ъ .

Нашелъ ли ты успокоеніе?

Л е н и н ъ .

Нѣтъ. Я страдаю.

В а й н ш т о к ъ .

Желаешь ли ты мнѣ рассказать о загробной жизни?

Ленинъ (послѣ паузы).

Нѣтъ...

Вайнштокъ.

Почему?

Ленинъ.

Тамъ ночь.

Тетрадокъ было множество, и Вайнштокъ говорилъ, что когда-нибудь опубликуеть наиболѣе значительные разговоры. И очень былъ забавенъ нѣкій духъ Абумень, неизвѣстнаго происхожденія, глуповатый и безвкусный, который игралъ роль посредника, устраивая Вайнштоку свиданія съ разными знаменитыми покойниками. Къ самому Вайнштоку онъ относился съ нѣкоторымъ амикошонствомъ:

Вайнштокъ.

Духъ, кто ты?

Отвѣтъ.

Иванъ Сергѣевичъ.

Вайнштокъ.

Какой Иванъ Сергѣевичъ?

Отвѣтъ.

Тургеневъ.

Вайнштокъ.

Продолжаешь ли ты творить?

Отвѣтъ.

Дуракъ.

Вайнштокъ.

За что ты меня ругаешь?

Отвѣтъ (столикъ буйствуетъ).

Надулъ. Я — Абумень.

Иногда отъ Абума, начавшаго озорничать, нельзя было отдѣлаться во весь сеансъ. «Прямо какая то обезьяна», -- жаловался Вайнштокъ.

Партнершей Вайнштока въ этихъ играхъ была маленькая розово-рыжая дама съ пухлыми ручками, крѣпко надушенная и всегда простуженная. Позже я узналъ, что у нихъ давнымъ давно связь, но странно откровенный въ иныхъ вещахъ Вайнштокъ ни разу не проговорился объ этомъ, называли они другъ друга по имени-отчеству, держались, какъ хорошіе знакомые, она часто приходила въ магазинъ и, грѣясь у печки, читала теософскій журналъ, выходившій въ Ригѣ. Она поощряла Вайнштока въ его опытахъ съ потустороннимъ, при чемъ рассказывала, что у нея періодически оживаетъ въ комнатѣ мебель, колода картъ перелетаетъ съ одного мѣста на другое или разсыпается по ковра, а однажды лампочка, спрыгнувъ съ ночного столика на полъ, стала подражать собачкѣ, нетерпѣливо натягивающей поводокъ, шнуръ въ концѣ концовъ выскочилъ, въ темнотѣ что-то убѣжало, и лампочка была найдена въ передней у самой двери. Вайнштокъ говорилъ, что ему, къ сожалѣнію, «сила» не дана, что у него нервы, какъ подтяжки, а у медиумовъ не нервы, а прямо какія-то струны. Въ матеріализацію онъ, впрочемъ, не вѣрилъ и только въ видѣ курьеза хранилъ у себя фотографію, подаренную ему спиритомъ, на которой изо-рта рыхлой, блѣдной женщины съ закрытыми глазами выливалась текучая, облачная масса.

Онъ любилъ Эдгара По, приключенія, разоблаченія, пророческіе сны и паутиный ужасъ тайныхъ обществъ. Масонскія ложи, клубы самоубійць, мессы демонопоклонниковъ и особенно агенты, присланные «оттуда» (и какъ краснорѣчиво и жутко звучало это «оттуда») для слѣжки за русскимъ человѣчкомъ за границей, превращали Берлинъ для Вайнштока въ городъ чудесъ, среди которыхъ снѣ себя чувствовалъ, какъ дома. Онъ намекалъ, что состоитъ членомъ большой организаціи, признанной будто бы

распутывать и разрывать тонкія ткани, которыя плететь нѣкій ярко-алый паукъ, изображенный у Вайнштока на ужасно безвкусномъ перстнѣ, придававшемъ его волосатой рукѣ что-то экзотическое. «Они всюду, — говорилъ онъ вѣско и тихо. — Они всюду. Я прихожу въ домъ, тамъ пять, десять, ну двадцать человѣкъ... И среди нихъ безъ всякаго сомнѣнія, ахъ, безъ всякаго сомнѣнія, хотъ одинъ агентъ. Вотъ я говорю съ Иванъ Ивановичемъ, и кто можетъ побожиться, что Иванъ Ивановичъ чистъ? Вотъ у меня человѣкъ служить въ конторѣ, — да, скажемъ, не въ книжной лавкѣ, а въ какой-то конторѣ, я хочу все это безъ всякихъ личностей, вы меня понимаете, — ну и развѣ я могу знать, что онъ не агентъ? Всюду, господа, всюду... Это такая тонкая слѣжка... Я прихожу въ домъ, тамъ гости, всѣ другъ друга знаютъ, и все-таки вы не гарантированы, что вотъ этотъ скромный и деликатный Иванъ Ивановичъ не является...» — и Вайнштокъ многозначительно кивалъ.

У меня вскорѣ возникло подозрѣніе, что Вайнштокъ, правда, очень осторожно, намекаетъ на кого-то опредѣленнаго. Вообще же говоря, всякій, кто съ нимъ бесѣдовалъ всегда выносилъ впечатлѣніе, что Вайнштокъ не то въ него самого мѣтитъ, не то въ общаго знакомаго. Самое замѣчательное, что однажды, — и этотъ случай Вайнштокъ вспоминалъ съ гордостью, — нюхъ его не обманулъ: человѣкъ, съ которымъ онъ былъ довольно близко знакомъ, пріятельный, простой, «рубашка нараспашку», какъ выразился Вайнштокъ, оказался дѣйствительно ядовитой софѣтской ягодкой. Мнѣ кажется, ему не такъ ужъ было бы обидно упустить шпіона, но страшно было бы обидно не успѣть намекнуть шпіону, что онъ, Вайнштокъ, его раскусилъ.

Пускай отъ Смурова вѣяло нѣкоторой загадочностью, пускай прошлое его было довольно туманно, — но неужели же...? Вотъ онъ, напримѣръ, за прилавкомъ въ своемъ аккуратномъ черномъ костюмѣ, гладко причесанный, съ

чистымъ, блѣднымъ лицомъ. Когда входитъ покупатель, онъ осторожно приставляетъ дымящуюся папиросу къ краю пепельницы и, потирая тонкія руки, внимательно выслушиваетъ желаніе вошедшаго. Иногда, — особенно если покупаетъ дама, — онъ съ легкой улыбкой, выражающей не то снисхожденіе къ книгамъ вообще, не то насмѣшечку надъ самимъ собой въ роли простого приказчика, даетъ цѣнные совѣты, — вотъ это стоитъ прочесть, а вотъ это немного слишкомъ серьезно; вотъ тутъ очень увлекательно описана вѣковѣчная борьба половъ, а вотъ этотъ романъ неглубокій, но очень блестящій, быстрый, прямо, знаете, какъ шампанское. И дама, купившая книгу, краснотубая дама въ котиковой шубѣ, уноситъ съ собой его привлекательный образъ: тонкость рукъ, немного неловко берущихъ деньги, матовый голосъ, скользящую улыбочку, прекрасныя манеры. Но въ гостяхъ у Евгеніи Евгеньевны Смуровъ уже начиналъ производиться на кое-кого нѣсколько другое впечатлѣніе.

Жизнь этой семьи въ пятомъ домѣ по Павлинной улицѣ была исключительно счастливой. Отецъ, жившій большую часть года въ Лондонѣ, былъ повидимому щедръ, да и самъ Хрущовъ зарабатывалъ отлично, — но не въ томъ дѣло: будь они нищіе, все равно ничего бы не измѣнилось, обвѣвалъ бы сестеръ такой же вѣтерокъ счастья, непонятно откуда дувшій, но чувствуемый самымъ угрюмымъ и толстокожимъ посѣтителемъ. Было похоже, что онѣ совершаютъ какое-то веселое путешествіе: этотъ надстроенный этажъ плыль, какъ дирижабль. Невозможно было точно опредѣлить, гдѣ именно находится источникъ счастья. Я глядѣлъ на Ваню, и вотъ, мнѣ уже казалось, что источникъ найденъ... Ея счастье было молчаливо. Иногда она вдругъ начинала задавать вопросы и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ умолкала, и пристально смотрѣла на человѣка своими удивленными, чудесными, плохо видящими глазами. «Гдѣ ваши родители?» — спросила она какъ то у Смурова. «Въ лучшемъ мѣрѣ», — отвѣтилъ Смуровъ и по-

чему то слегка поклонился. Ваня опять замерла на диванѣ, а Евгенія Евгеньевна, подбрасывая на ладони маленькій целлулоидовый мячикъ для игры въ пингъ-понгъ, сказала, что она помнить мать, а Ваня не помнить. Въ тотъ вечеръ, кромѣ Смурова и неизмѣннаго Мухина, никого не было: Маріанна Николаевна была на концертѣ, Хрущовъ работалъ у себя въ комнатѣ, не пришелъ и Романъ Богдановичъ, какъ всегда по пятницамъ, занятый своимъ дневникомъ. Мухинъ, тихій и чинный, молчалъ, изрѣдка поправляя зажимчикъ легкаго пенсне на узкомъ своемъ носу. Онъ былъ очень хорошо одѣтъ и курилъ настоящія англійскія папирсы.

Смуровъ, пользуясь его молчаніемъ, вдругъ разговорился, какъ еще никогда раньше. Обращаясь преимущественно къ Ванѣ, онъ сталъ рассказывать, какъ спасся отъ смерти.

«Это было въ Ялтѣ, — рассказывалъ Смуровъ, — послѣ ухода бѣлыхъ. Я отказался эвакуироваться съ остальными, такъ какъ предполагалъ организовать партизанскій отрядъ и продолжать борьбу. Мы сперва скрывались въ торахъ. Во время одной перестрѣлки я былъ раненъ. Пуля, не задѣвъ легкаго, прошла навывлетъ. Когда я очнулся, то лежалъ навзничъ, и надо мной плыли звѣзды. Что дѣлать? Былъ я одинъ въ горномъ ущельѣ и истекалъ кровью. Я рѣшилъ добраться до Ялты, — страшно рискованно, но ничего другого я не могъ придумать. Я шелъ всю ночь, съ невѣроятными усиліями, большей частью ползкомъ. На разсвѣтѣ я, наконецъ, очутился въ Ялтѣ. Улицы еще спали мертвымъ сномъ. Только со стороны вокзала доносились выстрѣлы. Вѣроятно тамъ кого-нибудь разстрѣливали.

У меня былъ хорошій знакомый, дантистъ. Къ нему то я и направился и захопалъ въ ладони подъ его окномъ. Онъ выглянулъ, узналъ меня и сразу впустилъ. Я скрывался у него, пока не зажила рана. Ясно, что моимъ присутствіемъ я навлекалъ на него страшную опасность,

и потому мнѣ не терпѣлось уйти. Но куда? Хорошенько подумавъ, я рѣшилъ поѣхать на сѣверъ, гдѣ по слухамъ опять вспыхнула борьба. Какъ-то вечеромъ я облобызался съ моимъ милымъ спасителемъ, онъ далъ мнѣ денегъ, которыя — дастъ Богъ — я когда-нибудь ему верну, — и вотъ я опять иду по знакомымъ ялтинскимъ улицамъ, въ очкахъ, съ бородкой, одѣтый въ старый френчъ. Я прямо направился къ вокзалу. У входа на перронъ стоялъ красноармеецъ и провѣрялъ документы. У меня былъ паспортъ на имя фельдшера Соколова. Красноармеецъ посмотрѣлъ, сунулъ мнѣ обратно бумаги, и все сошло бы благополучно, если бы не дурацкая случайность. Я вдругъ слышу женскій голосъ, который спокойно говоритъ: это бѣлый, я его хорошо знаю. Я сохранилъ самообладаніе, не обернулся, и хотѣлъ пройти на перронъ. Но не успѣлъ я сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ голосъ — на этотъ разъ мужской — крикнулъ: стой! Я сталъ. Двое солдатъ и полная, рыхлая женщина въ папахъ быстро подошли ко мнѣ. Да, это онъ, — сказала женщина. — Взять его. Я узналъ въ этой коммунисткѣ горничную, прежде служившую у однихъ моихъ друзей. Шутили, что она ко мнѣ равнодушна. Своей тучностью и плотоядными губами она была мнѣ чрезвычайно противна. Присоединилось еще трое солдатъ и человѣкъ въ полувоенной одеждѣ комиссарскаго типа. Пошевеливайся, — сказалъ онъ. Я пожалъ плечами и хладнокровно замѣтилъ, что произошла ошибка. Тамъ разберемъ, — сказалъ комиссаръ. — Маршъ.

Я думалъ, что меня поведутъ на допросъ. Оказалось, что пахнетъ кое-чѣмъ похуже. Когда мы дошли до пакгауза и мнѣ было велѣно раздѣться и стать къ стѣнѣ, то я сунулъ руку за пазуху, дѣлая видъ, что разстегиваю френчъ, и въ слѣдующій мигъ уложилъ изъ браунинга одного, другого и бросился бѣжать. Остальные, конечно, открыли по мнѣ стрѣльбу. Пуля сбила съ меня фуражку. Я обогнулъ пакгаузъ, прыгнувъ черезъ какой-то заборъ, застрѣлилъ человѣка, который бросился ко мнѣ съ лопа-

той, затѣмъ взбѣжалъ на желѣзнодорожную насыпь, пророскочилъ передъ носомъ поѣзда на другую сторону и, пока длинный составъ отдѣлялъ меня отъ преслѣдованія, успѣлъ благополучно скрыться».

Далѣе Смуровъ рассказывалъ, какъ онъ, подъ прикрытіемъ темноты, пошелъ по направленію къ морю, какъ ночевалъ въ порту, среди какихъ то бочекъ, а на утро, въ рыбацкой лодкѣ, пустился въ одинокое плаваніе и на пятый день, изможденный, въ полуобморочномъ состояніи, былъ спасенъ греческой шхуной. Онъ рассказывалъ все это ровнымъ, спокойнымъ, даже скучноватымъ голосомъ, будто шла рѣчь о вещахъ незначительныхъ. Евгенія Евгеньевна сочувственно цокала языкомъ, Мухинъ слушалъ внимательно и вдумчиво, и раза два тихонько прочистилъ горло, словно, помимо своей воли, былъ взволнованъ рассказомъ и чувствовалъ уваженіе, даже нѣкоторую — хорошую такую — зависть къ человѣку, безстрашно и просто заглянувшему въ лицо смерти. А Ваня... Да, теперь все было кончено, она не могла не увлечься Смуровымъ, — и какъ прелестно ея рѣсницы разставляли пунктуацію въ его рѣчахъ, какое было трепетное многоточіе, когда Смуровъ остановился, какъ она покосилась на сестру, — влажный блескъ въ сторону, — чтобы вѣроятно убѣдиться, что та не замѣтила ея возбужденія.

Молчаніе. Мухинъ открылъ портсигаръ. Евгенія Евгеньевна суетливо спохватилась, что пора звать мужа чай пить. Въ дверяхъ она обернулась и сказала что-то невнятное о тирогѣ. Ваня вскочила съ дивана и послѣдовала за ней. Мухинъ поднялъ съ полу и осторожно положилъ на столъ ея платочекъ.

«Дайте мнѣ одну изъ вашихъ», — сказалъ Смуровъ.

«Пожалуйста», — сказалъ Мухинъ.

«Ахъ, у васъ всего одна осталась», — сказалъ Смуровъ.

«Берите, берите, — сказалъ Мухинъ. — У меня еще есть въ пальто».

«Англійскія всегда пахнутъ медомъ», — сказала Смуровъ.

«Или черносливомъ, — сказалъ Мухинъ. — Къ сожалѣнію, — добавилъ онъ тѣмъ же голосомъ, — въ Ялтѣ вокзала нѣтъ».

Это было неожиданно и ужасно. Чудесный мыльный пузырь, сизо-радужный, съ отраженіемъ окна на глянцевиномъ боку, растеть, раздувается — и вдругъ нѣтъ его, — только немного щекочущей сырости прямо въ лицо.

«До революціи, — сказалъ Мухинъ, прерывая невозможное молчаніе, — былъ, кажется, проектъ соединить желѣзной дорогой Ялту и Симферополь. Я хорошо знаю Ялту, не разъ тамъ бывалъ. Скажите, почему вы сочинили всю эту абракадабру?»

О, да, Смуровъ могъ бы еще спасти положеніе, какъ-нибудь вывернуться, новымъ остроумнымъ вымысломъ или, наконецъ, просто добродушной шуткой поддержать то, что рушилось съ такой тошнотворной скоростью. Но Смуровъ не только не нашелся, — онъ сдѣлалъ худшее, что могъ сдѣлать. Понизивъ голосъ, онъ хрипло проговорилъ: «я васъ очень прошу... пусть это останется между нами». Мухину стало неловко, онъ поправилъ пенснэ, хотѣлъ что-то спросить, но запнулся, такъ какъ въ это мгновеніе сестры вернулись. За чаемъ Смуровъ мучительно старался казаться веселымъ. Но его черный костюмъ былъ потрепанъ и пятнистъ, галстучекъ, обычно завязанный такъ, чтобы въ узлѣ скрыть протертое мѣсто, показывалъ сегодня жалкую зазубрину, прыщикъ на подбородкѣ неприятно горѣлъ сквозь лиловатыя остатки пудры... Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Неужто и вправду у Смурова нѣтъ загадки, и онъ просто мелкій враль, уже разоблаченный? Такъ вотъ въ чемъ дѣло...

Нѣтъ, загадка осталась. Какъ то вечеромъ, въ другомъ домѣ, образъ Смурова получилъ новое, необыкновенное развитіе, которое прежде только едва-едва намѣчалось. Въ комнатѣ было тихо и темно. Маленькая лампа въ углу

была прикрыта газетой, и отъ этого простой газетный листъ пріобрѣталъ удивительную прозрачнѣйшую красоту. И вотъ, въ этомъ полусумракѣ вдругъ заговорили о Смуровѣ.

Началось съ пустяковъ. Сперва оборванные, смутныя рѣчи, затѣмъ назойливыя намеки на какого то инженера, затѣмъ страшное имя и отдѣльныя слова: кровь... хлопоты... довольно... Понемногу рѣчь стала связной, и послѣ краткаго разсказа о тихой кончинѣ отъ вполне приличной болѣзни, странно завершившей рѣдкую по своей мерзости жизнь, — сказано было слѣдующее: «Теперь я предупреждаю. Бойтесь нѣкоего человѣка. Онъ идетъ по моимъ стопамъ. Онъ слѣдитъ, заманиваетъ, предаетъ. Изъ-за него уже погибли многіе. Молодой вождь собирается перейти границу. Боевая группа. Но сѣти будутъ разставлены, группа погибнетъ. Онъ слѣдитъ, заманиваетъ, предаетъ. Будьте на чску. Бойтесь маленькаго человѣка въ черномъ. Не довѣряйте скромности вида. Я говорю правду...»

«Кто же этотъ человѣкъ?» — спросилъ Вайнштокъ.

Отвѣтъ медлилъ...

«Я прошу тебя, Азефъ, скажи намъ, кто этотъ человѣкъ?»

Блюдечко снова побѣжало по буквамъ алфавита, скачками, зигзагами. Вайнштокъ записалъ, прочелъ вслухъ знакомое имя. «Слышите? — сказалъ онъ, обращаясь въ самый темный уголь комнаты. — Хорошенькое дѣло! Вы понимаете, что я этому ни секунды не повѣрю. Вы не обидѣлись, надѣюсь? И почему бы вы обидѣлись? Это иногда не исключено на сеансахъ, что носить чужь», — и Вайнштокъ неестественно разсмѣялся.

4.

Положеніе становилось любопытнымъ. Я уже могъ насчитать три варианта Смурова, а подлинникъ оставался не-

извѣстнымъ. Такъ бываетъ въ научной систематикѣ. Давнымъ-давно, съ лаконическимъ примѣчаніемъ «*in gratis Westmanniae*», Линней описалъ распространенный видъ дневной бабочки. Проходитъ время, и, въ похвальномъ стремленіи къ точности, новые изслѣдователи даютъ названія расамъ и разновидностямъ этого распространеннаго вида, такъ что вскорѣ нѣтъ ни одного мѣста въ Европѣ, гдѣ бы леталъ типическій видъ, а не разновидность, форма, субспеція. Гдѣ типъ, гдѣ подлинникъ, гдѣ первообразъ? И вотъ, наконецъ, проницательный энтомологъ приводитъ въ продуманномъ трудѣ весь списокъ названныхъ формъ и принимаетъ за типъ двухсотлѣтній, выцвѣтшій, скандинавскій экземпляръ, пойманный Линнеемъ, и этой условностью все какъ будто улажено.

Вотъ такъ и я рѣшилъ докопаться до сущности Смурова, уже понимая, что на его образъ вліяютъ климатическія условія въ различныхъ душахъ, что въ холодной душѣ онъ одинъ, а въ цвѣтущей душѣ окрашенъ иначе. Я начиналъ этой игрой увлекаться. Самъ я относился къ Смурову спокойно. Нѣкоторая пристрастность, которая была вначалѣ, уже смѣнялась просто любопытствомъ. Зато я позналъ новое для меня волненіе. Какъ ученому все равно, красивъ ли или нѣтъ цвѣтъ крыла, изященъ ли или грубъ рисунокъ на немъ, а важны только видовыя примѣты, — такъ и я смотрѣлъ на Смурова безъ эстетическихъ содроганій, но зато находилъ острѣйшее ощущеніе въ той систематизаціи смуровскихъ личинъ, которую я безпечно предпринялъ.

Работа была далеко не легкая. Напримѣръ, я отлично зналъ, что прѣсная Маріанна Николаевна видитъ въ Смуровѣ блестящаго и жестокаго воина, «одного изъ тѣхъ, кто вѣшалъ направо и налево», какъ, подъ большимъ секретомъ, въ минуту откровенности передала мнѣ Евгенія Евгеньевна. Но чтобы точно опредѣлить этотъ образъ, мнѣ бы нужно было знать всю жизнь Маріанны Николаевны, все то побочное, что оживало въ ея душѣ, когда она

смотрѣла на Смурова, другія воспоминанія, другія случайныя впечатлѣнія и всѣ тѣ свѣтовые эффе́кты, которые во всѣхъ душахъ разные. Разговоръ съ Евгеніей Евгеньевной происходилъ вскорѣ послѣ отъѣзда Маріанны Николаевны, — говорили, что она уѣхала въ Варшаву, но подразумевалось что-то другое, были глухія недомолвки, и вотъ, значитъ, Маріанна Николаевна увезла съ собою и будетъ хранить до конца жизни, если никто ея не разуверитъ, совершенно особое представленіе о Смуровѣ. «Ну а вы, — спросилъ я у Евгеніи Евгеньевны, — вы какъ думаете?» «Ахъ, развѣ можно такъ сразу сказать?» — отвѣтила она, и ея милое бульдожье лицо съ бархатными глазами еще болѣе выпучилось отъ улыбки. «Ну а все-таки?» — настаивалъ я. «Во-первыхъ, застѣнчивость, — быстро произнесла она. — Да-да, большая доля застѣнчивости. У меня былъ двоюродный братъ, очень смиренный и симпатичный юноша, но, когда онъ входилъ въ гостиную, гдѣ сидѣло много новыхъ людей, онъ вдругъ начиналъ посвистывать, чтобы придать себѣ такой независимый видъ, — неглиже съ отвагой». «Ну, а еще?» «Что же еще... Я думаю, впечатлительность, большая впечатлительность, и затѣмъ, конечно, молодость, незнаніе людей...»

Больше ничего нельзя было изъ нея вытянуть, и образъ получался довольно блѣдный, мало привлекательный. Сильнѣе же всего меня занимала Ванина версія Смурова. Я думалъ объ этомъ постоянно. И вотъ, помню, мы всѣ вмѣстѣ вышли какъ-то вечеромъ на улицу, а вечеръ выдался неудачный: оказалось, что они собираются въ театръ, и напрасно я лѣзъ къ нимъ на шестой этажъ. Отъ нечего дѣлать я и вышелъ ихъ проводить до таксомоторной стоянки. Вдругъ замѣчаю, что забылъ дома ключи. «Ахъ, у насъ лѣвъ связки, — сказала Евгенія Евгеньевна, — повезло вамъ, что мы живемъ въ одномъ домѣ. Берите, завтра вернете. Спокойной ночи».

Я пошелъ домой, и по дорогѣ мнѣ явилась чудесная мысль. Мнѣ представился лощеный фильмовый хищникъ,

читающій тайный договоръ или письмо, найденное на чужомъ столѣ. Мой замыселъ, правда, былъ очень нечетокъ. Какъ то давно Смуровъ принесъ Ванѣ желтую, пятнистую, чѣмъ то похожую на лягушку, орхидею, — и вотъ, можно было выяснитъ, не сохранила ли Ваня завѣтные останки цвѣтка въ завѣтномъ ящикѣ. Какъ то разъ Смуровъ принесъ Ванѣ томикъ Гумилева, пѣвца мужественности, — хорошо посмотрѣть, разрѣзаны ли страницы, и не лежитъ ли книжка на ночномъ столикѣ. И была фотографія, снятая при вспышкѣ магнія, гдѣ Смуровъ вышелъ великолѣпно, — очень блѣднымъ, съ поднятой бровью, слегка въ профиль, — и рядомъ Ваня, а Мухинъ — на заднемъ планѣ. Да и вообще, мало ли что можно открыть... Рѣшивъ, что, если встрѣчу горничную, очень, кстати сказать, хорошенькую дѣвицу, — объясню, что пришелъ отдать ключи, я тихо-хонько отперъ дверь и на цыпочкахъ свернулъ въ знакомую гостиную.

Забавно застать чужую комнату врасплохъ. Мебель, когда я включилъ свѣтъ, оцѣпенѣла отъ удивленія. На столѣ лежало письмо, — опустошенный конвертъ, — какъ старая ненужная мать — и листокъ, въ сидячемъ положеніи, какъ большое дитя. Но жадность, трепеть, стремительное движеніе руки, — все это оказалось не къ мѣсту. Письмо было отъ неизвѣстнаго мнѣ лица, отъ какого то дяди Паши. Ни одного намека на Смурова. И если это былъ шифръ, то все равно ключа я не зналъ... Я перепорхнулъ въ столовую. Изюмъ и орѣхи въ вазѣ, и рядомъ, на буфетѣ же распластанная, вичкомъ лежащая книга, — приключенія какой то русской дѣвицы Аріадны. Дальше, въ ваниной спальнѣ, было холодно отъ раскрытаго окна, и странно было глядѣть на кружевной уборъ постели и на туалетный алтарь, гдѣ мистически блестяло граненое стекло. Орхидей нигдѣ не оказалось, но зато къ столбику лампы была прислонена фотографія. Ее снялъ Романъ Богдановичъ при вспышкѣ магнія: Ваня со свѣтлыми скрещенными ногами, за ней узкое лицо Мухина, а слѣва отъ Ва-

ни черный локоть, — все, что осталось отъ срѣзаннаго Смурова. Улика поразительная! На ваннѣй кружевной подушкѣ вдругъ появилась звѣздообразная мягкая впадина, — слѣдъ отъ удара моего кулака, и вотъ, я уже былъ въ столовой и, еще вздрагивая, пожиралъ изюмъ. Тутъ я вспомнилъ секретерчикъ въ гостиной и беззвучно къ нему подбѣжалъ. Но въ это мгновеніе донеслось съ парадной двери металлическое ерзаніе ключа. Я сталъ поспѣшно отступать, поворачивая за собой выключатели, и вотъ — оказался въ маленькой, шелковой комнаткѣ, смежной со столовой. Пошаривъ въ темнотѣ, я натолкнулся на оттоманку и легъ плашмя, словно зашелъ и вздремнулъ.

Межъ тѣмъ изъ прихожей зазвучали голоса, — обѣихъ сестеръ и Хруцова. Неужели мое безплотное порханіе по комнатамъ продолжалось три часа? Тамъ успѣли сыграть пьесу, а тутъ человѣкъ только пробѣжался черезъ три комнаты... Неужели же цѣлый часъ я думалъ надъ письмомъ въ гостиной, цѣлый часъ надъ книгой въ столовой, цѣлый часъ надъ снимкомъ въ странной прохладѣ спальни?. Ничего не было общаго между моимъ временемъ и чужимъ.

Хруцовъ вѣроятно сразу пошелъ спать, такъ какъ въ столовую сестры вошли однѣ. Дверь изъ моей шелковой тѣмы была неплотно прикрыта: яркая щель. Я вѣрялъ, что сейчасъ узнаю о Смуровѣ все, что хочу.

«...но довольно утомительно», — сказала Ваня и тихо заохала, выражая для меня въ звукахъ зѣвоту. — «Дай мальцбиру, чаю не нужно». Легко шаркнулъ стулъ, придвигаемый къ столу.

Долгое молчаніе. Потомъ голосъ Евгениі Евгеньевны, — такъ близко, что я съ опаской покосился на свѣтовую щель «...Главное, пускай онъ поставитъ свои условія. Это главное. Не знаю, мнѣ эта пастила не нравится».

Опять молчаніе. «Хорошо, я ему скажу», — сказала Ваня. Зазвенѣло что-то, упала, что ли, ложечка, и снова --- длинная пауза.

«Посмотри», - сказала Ваня и усмѣхнулась. «Что это, изъ дерева?» — спросила сестра. «Не знаю», — сказала Ваня и усмѣхнулась опять.

Погодя зѣвнула Евгенія Евгеньевна, еще уютнѣе, чѣмъ Ваня.

«Часы стали», — сказала она.

И все. Онѣ сидѣли еще довольно долго, чѣмъ то звякали, шелкали щипцы и со стукомъ ложились на скатерть, но разговоръ больше не было. Затѣмъ опять задвигались стулья, Евгенія Евгеньевна вяло проговорила: «Ахъ, это можно такъ оставить», — и дивная щель, отъ которой я столь многого ждалъ, внезапно погасла. Гдѣ то стукнула дверь, далекій ванинъ голосъ что-то сказалъ, уже неразборчиво, — и затѣмъ тишина, темнота. Я еще полежалъ на оттоманкѣ и вдругъ замѣтилъ, что уже разсвѣтъ, и тогда осторожно выбрался на лѣстницу, вернулся къ себѣ.

Я представлялъ себѣ довольно живо, какъ Ваня маленькими ножницами отхватывала ненужнаго ей Смурова. Но могло быть и другое: иногда отрѣзають, чтобы обрामить отдѣльно. И вотъ — чтобы подтвердить эту послѣднюю догадку — совершенно неожиданно явился изъ Мюнхена дядя Паша. Онъ ѣхалъ въ Лондонъ къ брату и пробылъ въ Берлинѣ всего два дня. Племянницъ своихъ онъ очень давно не видѣлъ и былъ склоненъ вспоминать, какъ Ваня будто бы ходила подъ столомъ, и какъ онъ — за это хожденіе вѣроятно — перекидывалъ ее черезъ колѣно и шлепалъ. На первый взглядъ этотъ дядя Паша казался бодрымъ пятидесятилѣтнимъ мужчиной, но стоило только взглянуть попристальнѣе, и онъ у васъ на глазахъ разрушался. Было ему не пятьдесятъ, а семьдесятъ, и ничего нельзя было себѣ представить ужаснѣе, чѣмъ эта смѣсь молоджавости и дряхлости. Веселенькій, говорливый трупъ въ синемъ костюмѣ, съ перхотью на плечахъ, очень бровастый, съ бритымъ подбородкомъ и съ замѣчательными кустами въ ноздряхъ, — дядя Паша былъ подви-

женъ, шуменъ и любознателенъ. Въ-первое свое появленіе онъ громкимъ шолотомъ разспрашивалъ Евгенію Евгеньевну про каждаго гостя и не стѣсняясь тыкалъ то туда, то сюда указательнымъ пальцемъ съ блѣдно-лиловымъ, чудовищно длиннымъ ногтемъ. А на слѣдующій день произошло одно изъ тѣхъ совпаденій, которыя почему то такъ часты, ибо есть какой то безвкусный, озорной рокъ бродѣ вайнштоковскаго Абума, который васъ заставляетъ въ первый день приѣзда домой встрѣтить человѣка, бывшаго вашимъ случайнымъ спутникомъ въ вагонѣ. Чувствуя уже нѣсколько дней странное неудобство въ прострѣленной груди, словно сквознякъ, я отправился къ русскому доктору, и въ приѣмной сидѣлъ, конечно, дядя Паша. Пока я раздумывалъ, подойти ли къ нему или нѣтъ (полагая, что со вчерашняго вечера онъ успѣлъ забыть и лицо мое, и фамилию), этотъ дряхлый болтунъ, боявшійся утаить крупницу зерна изъ закрововъ опыта, разговорился съ незнакомой ему пожилой дамой, падкой очевидно до всякой чужой души. Сначала я за разговоромъ не слѣдилъ, но вдругъ имя Смурова заставило меня встрепенуться. То, что я узналъ изъ торжественныхъ и пошлыхъ словъ дяди Паши, было такъ важно, что, когда онъ наконецъ исчезъ за докторской дверью, я сразу ушелъ, не дожидаясь очереди, и притомъ совершенно безсознательно — словно я къ доктору пришелъ только для того, чтобы послушать дядю Пашу: окончилось представленіе, и я ушелъ. «Вообразите, — рассказывалъ дядя Паша. — Изъ малютки вышла настоящая роза. Я старый воробей и сразу смекнулъ: есть кавалеръ. Вотъ Женечка мнѣ и говорить: это большой, дядя Паша, секретъ, не нужно разглашать, но она давно влюблена въ этого самаго Смурова. Ну, мое дѣло, конечно, сторона. Смуровъ, такъ Смуровъ. Но смѣшно подумать: я бывало эту дѣвчонку разъ-разъ! по голенькимъ ягодицамъ, а теперь — глядь и невѣста. Прямо молится на него. Ну, что жъ, мы съ вами, сударыня, пожили, — пускай и другіе...»

Итакъ — свершилось. Смуровъ любимъ. Очевидно Ваня, близорукая, но чуткая Ваня, разглядѣла что-то необыч-ное въ Смуровѣ, поняла что-то въ немъ, его тихость ее не обманула. Вечеромъ того же дня Смуровъ былъ особенно тихъ и скромнень. Но теперь, когда наблюдателю было ясно, какое счастье надъ Смуровымъ стряслось, — именно стряслось, — ибо есть такое счастье, которое по силѣ своей, по ураганному гулу, похоже на катастрофу, — теперь можно было разглядѣть нѣкій трепеть въ его тихости, нѣкій румянецъ радости сквозь его загадочную блѣдность. И Боже мой, какъ онъ смотрѣлъ на Ваню! Она опускала рѣсницы, ноздри у нея вздрагивали, она даже покусывала губы, скрывая отъ всѣхъ свои прелестныя чувства. Въ этотъ вечеръ, казалось, что-то должно разрѣшиться.

Бѣднаго Мухина не было. Хрушовъ тоже отсутствовалъ. Зато Романъ Богдановичъ (набиравшій матерьялъ для дневника, который онъ еженедѣльно, со стародѣвичьей аккуратностью, посылалъ въ видѣ писемъ пріятелю въ Ревель), былъ въ тотъ вечеръ звученъ и навязчивъ. Сестры, какъ всегда, сидѣли на диванѣ. Смуровъ стоялъ, облокотившись о рояль, и смотрѣлъ, смотрѣлъ на гладкій ваниль проборъ, на смугло-розовыя щеки... Евгенія Евгеньевна нѣсколько разъ вскакивала и высовывалась въ окно: долженъ былъ придти попрощаться дядя Паша, и она хотѣла непременно поднять его на лифтѣ. «Я его обожаю, — смѣясь говорила она. — Онъ ужасный чудакъ. Вотъ вы увидите, онъ ни за что не позволитъ, чтобы его поѣхали провожать». «Вы играете?» — любезно спросилъ Смурова Романъ Богдановичъ, многозначительно косясь на рояль. «Игралъ когда то», — спокойно отвѣтилъ Смуровъ, поднялъ крышку, мечтательно посмотрѣлъ на оскаль клавиатуры и опустил крышку опять. «Я люблю музыку, — конфиденціально сообщилъ Романъ Богдановичъ. — Помните, когда я былъ студентомъ — — » «Музыка, — сказалъ Смуровъ, повысивъ голосъ, — иногда выражаетъ то, что въ словахъ невыразимо. Въ этомъ смыслъ и тайна му-

зыки». «Вотъ онъ», — крикнула Евгенія Евгеньевна и выбѣжала изъ комнаты.

«А вы, Варвара Евгеньевна? — грубымъ и тучнымъ своимъ голосомъ спросилъ Романъ Богдановичъ. — Вы — перстами легкими, какъ сонъ — а? Ну, что-нибудь... Какую-нибудь ригурнеллу». Ваня замотала головой и какъ бы нахмурилась, но тотчасъ прыснула со смѣху и склонила лицо. Она смѣялась, вѣрно, надъ тѣмъ, что вотъ — какой-то чурбанъ предлагаетъ ей сѣсть за рояль, когда и такъ вся ея душа гремитъ и передливается. Въ эту минуту можно было видѣть на лицѣ у Смурова совершенно неестественное желаніе, чтобы лифтъ съ Евгеніей Евгеньевной и дядей Пашей навѣки застрялъ, чтобы Романъ Богдановичъ провалился прямо въ пасть къ синему персидскому льву, вытканному на коврѣ, и главное, чтобы исчезъ я, — этотъ холодный, настойчивый, неутомимый наблюдатель.

Но уже въ прихожей сморкался и посмѣивался дядя Паша; вотъ онъ вошелъ и остановился на порогѣ, глупо улыбаясь и потирая руки. «Женечка, — сказалъ онъ, — а я вѣдь здѣсь, кажется, никого не знаю. Познакомь, познакомь». «Ахъ ты, Господи, — сказала Евгенія Евгеньевна, — да вѣдь это ваша племянница». «Какъ же, какъ же», — сказалъ дядя Паша и добавилъ что-то возмутительное о бархатныхъ щечкахъ. «Остальныхъ онъ вѣроятно тоже не узнаетъ», — вздохнула Евгенія Евгеньевна и громко стала насъ представлять. «Смуровъ! — воскликнулъ дядя Паша, и брови его защетинились. — Ну, Смурова то я уже хорошо знаю. Счастливецъ, счастливецъ, — лукаво продолжалъ онъ, оцупывая Смурову руки и плечи, — какъ не знать... Мы знаемъ все... Одно скажу: береги ее! Это даръ небесъ. Будьте счастливы, мои дѣти...»

Онъ повернулся къ Ванѣ, но та, прижавъ скомканный платочекъ ко рту, выбѣжала изъ комнаты. Евгенія Евгеньевна, издавъ странный звукъ, послѣшно послѣдовала за ней. Дядя Паша однако не замѣтилъ, какъ неосторожной своей выходкой, непереносимой для нѣжной души, до-

вель Ваню до слезъ. Романъ Богдановичъ вытаращиль глаза и съ большимъ любопытствомъ разглядываль Смурова, который — какія бы чувства онъ ни испытываль — держался прекрасно.

«Любовь — большая вещь», — сказалъ дядя Паша, и Смуровъ вѣжливо улыбнулся. «Эта дѣвушка кладъ. Вы вѣдь молодой инженеръ, неправда ли? Работа клеится?» Смуровъ, не вдаваясь въ подробности, сказалъ, что зарабатываетъ хорошо. Романъ Богдановичъ вдругъ хлопнулъ себя по колѣнкамъ и побагровѣлъ. «Я вотъ поговорю о васъ въ Лондонѣ, — сказалъ дядя Паша. — У меня много связей. Да, я ѣду, я ѣду. И даже сейчасъ».

И необыкновенный этотъ старикъ, посмотрѣвъ на часы, протянулъ намъ руки, и Смуровъ, отъ избытка счастья, неожиданно съ нимъ обнялся.

«Ну и дѣла... Вотъ чудной!» — сказала Романъ Богдановичъ, когда дверь за дядей Пашей захлопнулась.

Въ гостиную вернулась Евгенія Евгеньевна. «Гдѣ онъ?» — спросила она съ недоумѣніемъ и, узнавъ, что онъ скрылся, забеспокоилась о томъ, что дверь внизу заперта. Она побѣжала на лѣстницу, но дядя Паша исчезъ, — и было что-то магическое въ его исчезновеніи.

Евгенія Евгеньевна быстро подошла къ Смурову. «Пожалуйста, простите моего дядю, — заговорила она. — Я имѣла глупость рассказать ему про Ваню и Мухина. Онъ очевидно перепуталь фамиліи. Я сперва совершенно не думала, что онъ такой гага...»

«А я слушалъ и думалъ, что съ ума схожу», — вставилъ Романъ Богдановичъ, разводя руками.

«Ну, перестаньте, Смуровъ, перестаньте, — продолжала Евгенія Евгеньевна. — Что съ вами? Не надо такъ принимать это къ сердцу. Вѣдь тутъ ничего нѣтъ обиднаго для васъ».

«Я ничего, я просто не зналъ», — хрипло сказалъ Смуровъ.

«Ну какъ — не знали! Всѣ знаютъ... Это уже сколько

времени длится. Да-да, они обожают друг друга. Почти уже два года. Слушайте, что я вамъ расскажу про дядю Пащу: однажды — еще когда онъ былъ сравнительно молодъ — нѣтъ, вы не отворачивайтесь, это очень интересно, — когда онъ былъ сравнительно молодъ — шелъ онъ какъ то по Невскому — — ».

5.

Далѣ слѣдуетъ короткая пора, когда я пересталъ наблюдать за Смуровымъ, отяжелѣлъ, одѣлся прежнею плотью, — словно дѣйствительно вся эта жизнь вокругъ меня была не игрой моего воображенія, а самъ я въ ней участвовалъ тѣломъ и душой. Если ты не любимъ, но не знаешь въ точности, любимъ ли возможный соперникъ, — а если ихъ нѣсколько, не знаешь, который изъ нихъ счастливѣе тебя;—если находишься въ томъ исполненномъ надеждъ невѣдѣннн, когда расточаешь на догадки невыносимое иначе волненіе, — тогда все хорошо, можно жить. Но бѣда, когда имя наконецъ названо, и это имя не твое. Вѣдь она была очаровательна до слезъ, во мнѣ поднималась со стономъ ужасная соленая ночь при всякой мысли о ней. Ея бархатное лицо, близорукіе глаза, нѣжныя губы, которыя на морозѣ сохли и припухали, и какъ бы линяли по краямъ, расплываясь лихорадочной розоватостью, требовавшей прохлады кольдъ-крема, ея яркія платья и крупныя колѣни, которыя нестерпимо тѣсно сдвигались, когда она, играя съ нами въ дурачки, наклоняла черную шелковую голову надъ картами, и руки ея, грубоватыя и холодныя, которыя особенно сильно хотѣлось трогать и цѣловать, — да, все въ ней было мучительно и какъ то непоправимо... И только во снѣ, обливаясь слезами, я ее наконецъ обнималъ и чувствовалъ подъ губами ея шею и впадину у плеча, — но она всегда вырывалась, и я просыпался, еще всхлипывая. Что мнѣ было до того, глупа ли

она, или умна, — и какое у нея было дѣтство, и какія она читала книги, и что она думаетъ о мѣрѣ, — я ничего толкомъ не зналъ, ослабленный той жгучей прелестью, которая все замѣняетъ и все оправдываетъ, и которую, въ отличіе отъ души человѣка, часто доступной нашему обладанію, никакъ нельзя себѣ присвоить, какъ нельзя къ имуществу своему приобщить яркость облаковъ въ вѣтреный вечеръ, или запахъ цвѣтка, который тянешь, тянешь до, одури напряженными ноздрями, и никогда не можешь до конца вытянуть изъ вѣнчика. Какъ то, на Рождествѣ, передъ баломъ, на который они всѣ шли безъ меня, я видѣлъ между двухъ дверей въ зеркальномъ просвѣтѣ, какъ сестра пудритъ ей обнаженные лопатки, а въ другой разъ я замѣтилъ у нихъ въ ванной комнатѣ особую такую дамскую сѣточку для поддержки груди, и это были для меня изнурительныя событія, которыя страшно и сладко вліяли на мои сны. Но долженъ признаться: ни разу во снѣ я не пошелъ дальше безнадежнаго поцѣлуя (я самъ не понимаю, почему я такъ всегда плакалъ, когда мы встрѣчались во снѣ). То, что мнѣ нужно было отъ Вани, я все равно никогда бы не могъ взять себѣ въ вѣчное свое пользованіе и обладаніе, какъ нельзя обладать окраской облака или запахомъ цвѣтка. И только, когда я наконецъ понялъ, что все равно мое желаніе неутолимо, и что Ваня всецѣло создана мной, я успокоился, привыкнувъ къ своему волненію и отыскавъ въ немъ всю ту сладость, которую вообще можетъ человѣкъ взять отъ любви.

Постепенно я началъ снова заниматься Смуровымъ. Между прочимъ оказалось, что, несмотря на свое неравнодушіе къ Ванѣ, Смуровъ подъ шумокъ облюбовалъ горничную Хрущовыхъ, — восемнадцатилѣтнюю дѣвицу, очень привлекательную соннымъ выраженіемъ глазъ. Сама то она вовсе не была сонной: смѣшно подумать до какихъ развратныхъ и игривыхъ ухищреній доходила эта скромная дѣвица — Гретхенъ или Гильда, не помню, — когда дверь была заперта на ключъ, и почти голая дампочка на

висячемъ шнурѣ озаряла фотографію молодца въ тирольской шляпѣ и яблоко съ барскаго стола. Объ этомъ Смуровъ подробно и не безъ нѣкоторой гордости рассказывать Вайнштоку, который, ненавидя игривыя исторіи, краснорѣчиво испускалъ сильное «фу!», когда слышалъ сальность. Потому то ему особенно охотно такія вещи и рассказывали.

Смуровъ проникалъ къ ней чернымъ ходомъ, оставался у нея долго, — и повидимому Евгенія Евгеньевна однажды что то замѣтила, — поспѣшное движеніе въ глубинѣ коридора, или глухой смѣхъ за дверью, — ибо сердито поговаривала о томъ, что Гильда (или Гретхенъ) завела себѣ пожарнаго. Смуровъ при этомъ самодовольно покашливалъ, — а, когда горничная, опустивъ прелестныя, мутныя глаза, проходила по комнатѣ съ подносомъ, который медленно и осторожно ставила на столъ, послѣ чего сонно поправляла на вискѣ прядь и сонно удалялась, онъ потиралъ руки, словно готовясь сказать рѣчь, и невпопадъ улыбался. Рассказы о томъ, какое это удовольствіе смотрѣть, какъ прислуживаетъ горничная, съ которой такъ недавно, мягко топая босыми ногами, танцовалъ въ узкой ея комнаткѣ подъ отдаленный звукъ граммофона, доносившійся съ господской половины, заставляли Вайнштока морщиться и отплевываться. «Авантюристъ, — говорилъ онъ, — авантюристъ. Донъ-Жуанъ, Казанова...» Про себя же онъ несомнѣнно называлъ Смурова темной личностью и ждалъ отъ легкаго столика, въ которомъ ерзалъ духъ Азефа, новыхъ важныхъ откровеній. Но этотъ образъ Смурова уже мало меня интересовалъ, онъ былъ обреченъ на медленное остываніе, по отсутствію улыкъ, любезныхъ сердцу Вайнштока. Загадочность, конечно, оставалась, и можно себѣ представить, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, въ другомъ городѣ, Вайнштокъ будетъ вскользь упоминать о странномъ челоувѣкѣ, который нѣкогда служилъ у него въ приказчикахъ, а теперь Богъ вѣсть, куда дѣлся. «Да, странная фигура, — задумчиво бу-

деть говорить Вайнштокъ. — Это былъ человекъ, соткан-
ный изъ недомолвокъ и скрывающій какую то тайну. Онъ
могъ обезчестить дѣвушку... Кѣмъ онъ былъ посланъ и
за кѣмъ слѣдилъ — трудно сказать. Но изъ одного вѣр-
наго источника... Впрочемъ я ничего не хочу говорить».

Гораздо занимательнѣе былъ образъ Смурова въ пред-
ставленіи Гретхенъ (или Гильды). Какъ то въ январѣ ис-
чезли изъ ванинаго шкапа новые шелковые чулки, и тот-
часъ всѣ вспомнили множество мелкихъ пропажъ, — мар-
ку сдачи, оставленную на столѣ и, какъ шашку, фукнутую;
стеклянную пудреницу, «бѣжавшую изъ несессера», какъ
сострилъ Хрущовъ; шелковый платокъ, очень почему то
любимый, — «и куда ты могла его сунуть?»... А однажды
Смуровъ явился въ синемъ галстукѣ, ярко-синемъ съ пав-
линнымъ переливомъ, — и Хрущовъ заморгаль и сказалъ,
что у него былъ точь-въ-точь такой же галстукъ, на что
Смуровъ нелѣпо смутился и больше никогда этого гал-
стука не носилъ. Но, конечно, никому не пришло въ голо-
ву, что эта дура, укравъ галстукъ (она кстати говорила,
что «галстукъ лучшее украшеніе мужчины»), подарила его
— по машинальной привычкѣ — очередному своему другу,
о чемъ съ горечью Смуровъ повѣствовалъ Вайнштоку. И
не на этомъ она попалась, — а попалась, когда Евгенія Ев-
геньевна, въ ея отсутствіе зайдя къ ней въ комнату, нашла
у нея въ комодѣ коллекцію знакомыхъ вещей, воскресшихъ
изъ мертвыхъ. И вотъ Гретхенъ (или Гильда) выѣхала въ
неизвѣстномъ направленіи, и Смуровъ нѣкоторое время ее
разыскивалъ, но потомъ бросилъ и признался Вайнштоку,
что хорошенькаго понемножку. И вечеромъ Евгенія Евгенъ-
евна рассказывала, что узнала отъ швейцарихи необычно-
венныя вещи. «Не пожарный, вовсе не пожарный, — смѣ-
ясь говорила Евгенія Евгеньевна, — а иностранный поэтъ,
какъ это прелестно... У иностранца-поэта была несчастная
любовь и родовое помѣстье величиной съ Германію, но
ему было запрещено вернуться во-свояси, какъ это пре-
лестно... Жалко, швейцариха не спросила фамилию, навѣр-

ное русскій, я даже подозрѣваю, что это кто-нибудь, кто бываеъ у насъ, — вотъ напримѣръ этотъ прошлагодній, ну, этотъ же, — роковой брюнетъ, какъ его — ». «Я знаю, кого ты думаеъ, — вставила Ваня. — Ты думаеъ, — Корфъ». «А можетъ быть кто-нибудь другой, — продолжала Евгенія Евгеньевна. — Нѣтъ, господа, это такъ прелестно! Полный души мужчина, духовный мужчина, говоритъ швейцариха. Съ ума сойти...» «Я все это непремѣнно запишу, — сказала сдобнымъ голосомъ Романъ Богдановичъ. — Мой ревельскій пріятель получить на этотъ разъ интереснѣйшее письмо». «Неужели вамъ не пріѣдается, — спросила Ваня. — Я нѣсколько разъ начала писать и потомъ всегда бросала; и потомъ перечитывала, и потомъ было стыдно за написанное». «Нѣтъ, почему же, — протянулъ Романъ Богдановичъ. — Если писать обстоятельно и постоянно, то дѣлается пріятное чувство, чувство самосохраненія, такъ сказать, всю свою жизнь сохраняеъ, и впоследствии чтеніе не лишено любопытства. Васъ я, напримѣръ, описалъ, какъ дай Богъ описать кадровому писателю. Тутъ черточку, тамъ черточку, — и получилась полная картина...» «Ахъ, покажите», — сказала Ваня. «Не могу», — съ улыбкой отвѣтилъ Романъ Богдановичъ. «Ну покажите Женичкѣ», — сказала Ваня. «Не могу, — хотѣлъ бы, да не могу. Мой ревельскій пріятель складываеъ у себя рукописи по мѣрѣ ихъ полученія, и коній я нарочно не оставляю, чтобы не было соблазна постфактумъ подирать, вычеркивать и такъ далѣе. И когда-нибудь, когда Романъ Богдановичъ будетъ очень старъ, сядетъ Романъ Богдановичъ за столъ и начнетъ перечитывать свою жизнь. Вотъ для кого я пишу, — для будущаго старика съ рождественской бородой... И, если я тогда найду, что жизнь была богатая, цѣнная, то оставляю эти мемуары потомкамъ въ назиданіе». «А если все ерунда?» — спросила Ваня. «Кому ерунда, кому нѣтъ», — довольно кисло отвѣтилъ Романъ Богдановичъ.

Меня уже давно занимала и нѣсколько тревожила мысль

объ этомъ эпистолярномъ дневникѣ. Постепенно желаніе прочесть хоть одинъ отрывокъ стало страстнымъ терзаніемъ, ежеминутной моею заботой. Я не сомнѣвался, что въ этихъ записяхъ изображень Смуровъ. Я зналъ, что очень часто пустой дневникъ о бесѣдахъ, о прогулкахъ, о попугаяхъ сосѣда и о томъ, что было къ завтраку въ тотъ пасмурный день, когда, скажемъ, казнили короля, — я зналъ, что такія пустыя записи часто живутъ сотни лѣтъ, и что читаешь ихъ съ удовольствіемъ, — ради привкуса старины, ради названія блюда, ради фестивального простора тамъ, гдѣ нынѣ тѣсно отъ большихъ домовъ. Да и кромѣ того нерѣдко случается, что самъ авторъ, при жизни своей незамѣченный, оказывается черезъ двѣсти лѣтъ прекраснымъ писателемъ, умѣющимъ старомодно легкимъ прикосновеніемъ пера увѣковѣчить какой-нибудь воздушный пейзажъ, дремоту въ дилижансѣ, причуды знакомага... Отъ одной мысли, что образъ Смурова можетъ быть такъ прочно, такъ надолго запечатлѣнъ, меня прохватывала ознобъ, я шалѣлъ отъ желанія, надо было мнѣ во что бы то ни стало просунуться призракомъ между Романомъ Богдановичемъ и его ревелскимъ другомъ. Богатый нѣкоторымъ опытомъ, я вполне былъ готовъ къ тому, что образъ Смурова, предназначенный быть можетъ жить безсмертно, на радость книгочиму, окажется для меня сюрпризомъ, но самое желаніе обладать этой тайной, увидѣть Смурова въ будущихъ вѣкахъ, такъ меня ослѣпляло, что никакое разочарованіе не было страшно, и я только боялся одного, — длительной и кропотливой перлюстраціи, ибо трудно было предположить, что въ первомъ же письмѣ, которое я перехвачу, Романъ Богдановичъ сразу начнетъ краснорѣчиво рассказывать (какъ тотъ ѣголось, который въ полномъ расцвѣтѣ силъ врывается въ слухъ, когда на минуту включишь радіо) именно о Смуровѣ.

Я помню темную улицу и бурную мартовскую ночь. Облака, принимая различныя позы, какъ пьяные на розваль-

няхъ, мчались по небу, а я, сгорбившись, придерживая котелокъ, который, казалось, взорвется, какъ бомба, если отпущу его край, стоялъ у дома, гдѣ жилъ Романъ Богдановичъ, и единственными свидѣтелями моего ожиданія были фонарь, какъ будто мигавшій отъ вѣтра, да листъ оберточной бумаги, который то бѣжалъ по панели, то пытался съ постылой рѣзвостью обернуться вокругъ моихъ ногъ, какъ я его ни отпихивалъ. Никогда прежде я такого вѣтра не испытывалъ, никогда не видалъ такого стремительнаго и простоволосаго неба. И это мнѣ мѣшало. Я пришелъ, чтобы подсмотреть тайнство, — Романа Богдановича, въ полночь съ пятницы на субботу опускающаго письмо въ почтовый ящикъ, — мнѣ непременно нужно было это увидѣть воочію, прежде чѣмъ приступить къ разработкѣ смутнаго плана, который я задумалъ. Я надѣялся, что, какъ только увижу Романа Богдановича, борющагося съ вѣтромъ за обладаніе почтовымъ ящикомъ, мой безплотный планъ сразу станетъ живымъ и отчетливымъ (онъ состоялъ въ томъ, чтобы смастерить мѣшокъ съ широкимъ отверстіемъ, который я предварительно сунулъ бы въ почтовый ящикъ, такъ его закрѣпивъ, чтобы письмо, опущенное въ щель, попало бы въ мой неводъ). Но теперь мнѣ казалось, что вѣтеръ, то гудѣвшій подъ котелкомъ, то раздувавшій мнѣ штаны, или заворачивавшій ихъ такъ, что мои ноги становились похожи на ноги скелета, — мнѣ казалось, что этотъ вѣтеръ мѣшаетъ мнѣ, мѣшаетъ сосредоточить мысль на картинѣ похищенія. Близила полночь, я зналъ, что Романъ Богдановичъ пунктуаленъ. Я смотрѣлъ на домъ и старался угадать, за которыми изъ трехъ-четырехъ освѣщенныхъ оконъ сейчасъ сидитъ человѣкъ, склонившись надъ ярко-бѣлымъ листомъ, и создаетъ, быть можетъ безсмертный, образъ Смурова. Затѣмъ я переводилъ взглядъ на темный кубъ, придѣланный къ чугунной рѣшеткѣ, на темный этотъ ящикъ, куда черезъ минуту канетъ, какъ въ вѣчность, невыслемое письмо. Стоялъ я въ сторонкѣ, сумракъ лихорадочно

меня скрывалъ. Я увидѣлъ вдругъ, какъ зажглась желтымъ свѣтомъ парадная дверь, и отъ волненія разжалъ пальцы, державшіе край котелка. Въ слѣдующій мигъ я кружился на мѣстѣ, поднимая руки, словно сорванная съ меня шляпа еще летала вокругъ моей головы. Но раздался легкій стукъ, — котелокъ колесомъ побѣжалъ по панели, и я кинулся за нимъ, стараясь на него хотя бы наступить, лишь бы какъ-нибудь его удержать. На бѣгу я столкнулся съ Романомъ Богдановичемъ, онъ поднималъ мою шляпу, а въ другой рукѣ держалъ запечатанный конвертъ, показавшійся мнѣ бѣлымъ и огромнымъ. Кажется, его озадачило мое появленіе на его улицѣ въ этотъ поздній часъ. На мгновеніе насъ бурно окружилъ вѣтеръ, я заорала привѣтствіе, стараясь перекричать шумъ этой бѣшеной ночи, и затѣмъ двумя пальцами легкимъ и точнымъ движеніемъ выхватила у Романа Богдановича письмо. «Я опущу, опущу, опущу, — закричала я. — Мнѣ по дорогѣ, по дорогѣ...» Я успѣла замѣтить на его лицѣ выраженіе тревоги и неувѣренности, но сразу бросился прочь, отбѣжалъ на двадцать шаговъ къ ящику, и, дѣлая видъ, что что-то въ него сую, быстро втиснулъ письмо въ грудной карманъ. Тутъ онъ меня нагналъ. Я замѣтилъ его клѣтчатыя ночныя туфли. «Какія манеры, — сказалъ онъ недовольно. — Можетъ быть, я вовсе не собирался... да берите же вашу шляпу... Ну, и вѣтрище...» «Я спѣшу, — сказала я, задыхаясь отъ быстроты ночи. — Всего лучшаго, всего лучшаго». Моя тѣнь, полавъ въ свѣтъ фонаря, вытянулась и меня перегнала, но сразу опять потерялась въ темнотѣ, и, какъ только я покинулъ эту улицу, вѣтеръ прекратился. — было поразительно тихо, и среди этой тишины ярко освѣщенный трамвай со стономъ бралъ поворотъ.

Я вскочилъ въ первый попавшійся номеръ, прельстая трамвайнымъ праздничнымъ свѣтомъ, мнѣ нуженъ былъ свѣтъ непременно, сейчасъ же... Найдя уютный уголокъ у передней двери, я съ неистовой поспѣшностью вскрылъ конвертъ. Тутъ кто-то ко мнѣ подошелъ, и я, вздрогнувъ,

скомкалъ письмо. Это былъ только кондукторъ. Я дѣлано зѣвнулъ, спокойно сталъ платить, но все время прикрывалъ письмо, опасаясь возможныхъ показаній на судѣ, ибо ничего нѣтъ вреднѣе этихъ незамѣтныхъ свидѣтелей, — кондукторовъ, шоферовъ, швейцаровъ. Онъ удалился, я развернулъ письмо. Оно было длинное, страничекъ десять, исписанныхъ круглымъ почеркомъ, безъ единой помарки. Начало было мало интересно. Я перевернулъ нѣсколько листковъ, и вдругъ, какъ знакомое лицо среди туманной толпы, выскочило имя Смурова, это было поразительно удачно...

«Я предполагаю, мой милый Федоръ Робертовичъ, не надолго вернуться къ этому субъекту. Боюсь, что будетъ скучно, но, какъ сказалъ Веймарскій Лебедь, — я имѣю въ виду великаго Гете — (тутъ слѣдовала нѣмецкая фраза, написанная готическимъ шрифтомъ). Поэтому позвольте мнѣ остановиться на господинѣ Смуровѣ и попотчевать Васъ небольшимъ психологическимъ этюдомъ...»

Я прикрылъ письмо ладонью. Въ послѣдній разъ мнѣ представлялась возможность отказаться отъ проникновенія въ тайну смуровскаго безсмертія. Что мнѣ до того, если даже и впрямь вотъ это письмо перевалить въ будущій вѣкъ, въ этотъ невообразимый вѣкъ, одно начертаніе котораго, — двойка и три нуля, — фантастично до нелѣпости? Что мнѣ до того, какимъ портретомъ давно умершій авторъ попотчуетъ, по гнусному его выраженію, не вѣдомыхъ потомковъ? И вообще — не пора ли бросить эту затѣю, не пора ли прервать охоту, соглядатайство, безумную попытку изловить Смурова? Но увы, это были риторическія мысли, — я превосходно зналъ, что никакая сила не можетъ меня заставить отложить письмо...

«Мнѣ сдается, милѣйшій другъ, что я уже писалъ о томъ, что господинъ Смуровъ принадлежитъ къ той любопытной кастѣ людей, которую я какъ то назвалъ «сексуальными лѣвшами». Весь обликъ господина Смурова, его хрупкость, декадентство, жеманство жестовъ, любовь

къ пудрѣ, а въ особенности тѣ быстрые, страстные взгляды, которые онъ постоянно кидаетъ на Вашего покорнаго слугу, все это давно утвердило меня въ мой догадкѣ. Замѣчательно, что такіе, несчастные въ половомъ смыслѣ, субъекты, часто выбираютъ себѣ предметъ воздыханій — правда, вполне платоническій — среди знакомыхъ, мало знакомыхъ или вовсе незнакомыхъ имъ дамъ. Такъ и господинъ Смуровъ, несмотря на свою извращенность, выбралъ себѣ въ идеалы Варвару: эта смазливая, но достаточно глупая дѣвчонка обручена съ инженеромъ Мухинымъ, такъ что Смуровъ вполне гарантированъ, что его не привлекутъ къ отвѣтственности, — то, бишь, къ вѣнцу, — и не заставятъ исполнить то, что онъ никогда бы ни съ какой женщиной, будь она самой Клеопатрой, не могъ, да и не желалъ бы исполнить. Кромѣ того, «сексуальный лѣвшакъ» — признаюсь, я нахожу это выраженіе исключительно удачнымъ, — часто питаетъ склонность къ нарушенію закона, закона человѣческаго, каковое нарушеніе ему тѣмъ болѣе легко совершить, что нарушеніе законовъ природы уже налицо. И опять же господинъ Смуровъ не является исключеніемъ. Представьте себѣ, что Филиппъ Иннокентьевичъ Хрущовъ на дняхъ мнѣ конфиденціально повѣдалъ, что Смуровъ — воръ, воръ. въ самомъ вульгарномъ смыслѣ этого слова. Мой собесѣдникъ, оказывается, далъ въ руки господину Смурову серебряную табакерку съ кабалистическими знаками — очень старинную вещь — и просилъ его показать ее знатоку. Смуровъ взялъ эту красивую и античную вещь, а на слѣдующій день со всѣми признаками растерянности объявилъ Хрущову, что вещь онъ, молъ, потерялъ. Выслушавъ Хрущова, я разъяснилъ ему, что иногда склонность къ кражѣ явленіе чисто патологическое и даже имѣетъ научное названіе: клептоманія. Хрущовъ, какъ многіе милые, но недалекіе люди, сталъ наивно отрицать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ преступникомъ, а съ душевнобольнымъ. Я не сталъ приводить тѣ доводы, которые бы

конечно убѣдили его. Для меня все ясно, какъ день. Въ-сто того, чтобы клеймить Смурова унизительной кличкой вора, я искренно его жалѣю, какъ это ни кажется парадоксально.

Погода измѣнилась къ худшему или вѣрнѣе сказать къ лучшему, ибо не суть ли эти слякоть и вѣтеръ предназначения весны, милой маленькой весны, которая даже въ сердцѣ пожилого человѣка будить неясныя желанія? Мнѣ приходитъ въ голову афоризмъ, который несомнѣнно —

Я просмотрѣлъ письмо до конца. Больше ничего не было для меня интереснаго. Легко кашлянувъ, недожжащими руками, я аккуратно сложилъ странички.

«Конечная остановка, сударь», — сказалъ надо мною суровый голосъ.

Ночь, дождь, городская окраина...

6.

Смуровъ, въ замѣчательной черной дохѣ съ дамскимъ воротомъ, сидитъ на ступеняхъ лѣстницы. Вдругъ къ нему спускается Хрущовъ, тоже въ дохѣ, и садится съ нимъ рядомъ. Смурову очень трудно начать, но времени мало, надо рѣшиться. Онъ высвобождаетъ тонкую бѣлую руку съ переливающимися перстнями — все рубины, рубины — изъ мѣхового рукава и, пригладивъ проборъ, говоритъ: «Я хочу кое-что вамъ напомнить, Филиппъ Иннокентьевичъ. Пожалуйста, слушайте внимательно». Хрущовъ киваетъ, сморкается — у него сильный насморкъ отъ постоянного сидѣнія на лѣстницѣ, — киваетъ опять, шевеля опухшимъ носомъ. Смуровъ продолжаетъ: «Я буду говорить о небольшомъ инцидентѣ, происшедшемъ недавно. Пожалуйста, слушайте внимательно». «Я къ вашимъ услугамъ», — отвѣчаетъ Хрущовъ. «Мнѣ трудно начать, — говоритъ Смуровъ. Я могу выдать себя неосторожнымъ словомъ. Слушайте внимательно. Слушайте меня, пожа-

луйста. Мнѣ важно, чтобы вы поняли, что я возвращаюсь къ этому инциденту безъ всякой задней мысли. Мнѣ и въ голову не можетъ придти, что вы считаете меня воромъ. Согласитесь сами, что знать это я не могу, вѣдь я чужихъ писемъ не читаю. Я хочу, чтобы вы поняли, что нашъ разговоръ совершенно случаенъ... Вы слушаете?» «Продолжайте», — говоритъ Хрущовъ, кутаясь въ доху. «Итакъ, Филиппъ Иннокентьевичъ, давайте вспомнимъ. Вспомнимъ, какъ вы мнѣ дали табакерку. Вы меня просили ее показать Вайнштоку. Слушайте внимательно, Филиппъ Иннокентьевичъ. Уходя отъ васъ, я держалъ ее въ рукахъ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не читайте азбуки, я могу говорить и безъ азбуки... И вотъ — я клянусь, клянусь Ваней, клянусь всѣми женщинами, которыхъ любилъ, клянусь, что каждое слово того, чье имя я произнести не могу. -- иначе вы подумаете, что я читаю чужія письма, а потому способенъ и на воровство, — клянусь, что каждое его слово ложь, -- я дѣйствительно ее потерялъ. Я пришелъ къ себѣ, и ея не было, я не виноватъ, я только очень разсѣянъ, и я такъ люблю ее». Но Хрущовъ не вѣрить, онъ качаетъ головой, и напрасно Смуровъ клянется, напрасно заламываетъ бѣлья, сверкающія руки, — все равно, нѣтъ такихъ словъ, чтобы убѣдить Хрущова. (И тутъ мой сонъ растратилъ свой небольшой запасъ логики: лѣстница, на которой происходилъ разговоръ, уже высилась сама по себѣ, среди открытой мѣстности, и внизу были сады террасами, туманный дымъ цвѣтущихъ деревьевъ, и террасы уходили въ даль, и тамъ былъ, кажется, портикъ, въ которомъ горѣло сквозной синевою море). «Да-да, -- съ угрозой въ голосъ тяжело говоритъ Хрущовъ, — въ табакеркѣ кое-что было, и потому она незамѣнима. Въ ней была Витня, — да, да, это иногда бываетъ съ лѣвушками, очень рѣдкое явленіе, — но это бываетъ, это бываетъ...»

Я проснулся. Было раннее утро. Стекла дрожали отъ проѣзжавшаго грузовика. Окно давно не бывало покрыто поволокой лилового румянца, — ибо приближалась вес-

на. И задумался я надъ тѣмъ, какъ много произошло за это время, — и сколько новыхъ людей я узналъ, и какъ увлекателенъ, какъ безнадеженъ сыскъ, мое стремленіе найти настоящаго Смурова... Что скрывать: всѣ тѣ люди, которыхъ я встрѣтилъ, — не живыя существа, а только случайныя зеркала для Смурова, но одно существо среди нихъ — самое важное для меня, самое ясное зеркало — все еще отказывалось выдать мнѣ смуровское отраженіе. Легко и совершенно безобидно, созданные лишь для моего развлеченія, движутся передо мной изъ свѣта въ тѣнь жители и гости пятого дома по Павлинѣй улицѣ. Опять Мухинъ, приподнявшись съ дивана, тянется черезъ столъ къ пепельницѣ, но ни его лица, ни руки его съ папиросой я не вижу, а вижу только другую руку его, которой онъ — уже, уже безсознательно! — опирается на мгновеніе о ванино колѣно. Опять лицо Романа Богдановича, бородастое, съ двумя красными яблоками вмѣсто скульпъ, наливается и дуетъ надъ чаемъ, и опять Маріанна Николаевна закидываетъ ногу на ногу, худую ногу въ абрикосовомъ чулкѣ. И въ шутку, — въ Сочельникъ, кажется, — напаяливъ котиковую шубу жены, Хрущовъ передъ зеркаломъ принимаетъ витринныя позы, и ходитъ по комнатѣ при общемъ смѣхѣ, который становится понемногу неестественнымъ, оттого что балагуръ Хрущовъ всегда слишкомъ растягиваетъ шутку. И прелестная маленькая рука Евгеніи Евгеньевны, съ блестящими, словно мокрыми ногтями, беретъ лопатку для игры въ пингъ-понгъ, и целлулоидовый мячикъ съ трогательнымъ звукомъ пенькаетъ черезъ зеленую сѣтку. И въ полутьмѣ проплываетъ Вайнштокъ, сидя за спиритическимъ столикомъ, какъ за рулемъ; и опять сонно проходитъ изъ двери въ дверь и вдругъ начинает шептать и послѣшно раздѣваться горничная Гильда или Гретхенъ. По желанію моему я ускоряю или напротивъ добожу до смѣшной медлительности движеніе всѣхъ этихъ людей, группирую ихъ по разному, дѣлаю изъ нихъ раз-

ные узоры, освѣщаю ихъ то снизу, то сбоку... Такъ, все ихъ бытіе было для меня только экраномъ.

Но вотъ, въ послѣдній разъ жизнь сдѣлала попытку мнѣ доказать, что она дѣйствительно существуетъ, тяжелая и нѣжная, возбуждающая волненіе и муку, съ ослѣпительными возможностями счастья, со слезами, съ теплымъ вѣтромъ. Я поднялся къ нимъ въ полдень, и комнаты были пусты, и окна были раскрыты, и гдѣ то жаднымъ, страстнымъ жужжаніемъ исходилъ пылесосъ. И вдругъ изъ гостиной, сквозь стеклянную дверь на балконъ, я увидѣлъ склоненную ванину голову; Ваня сидѣла съ книгой на балконѣ, и — какъ ни странно — это было первый разъ, что я заставлялъ ее одну. Съ тѣхъ поръ, какъ я заглушалъ свою любовь при помощи мысли, что и Ваня, какъ всѣ другіе, только воображеніе мое, только зеркало, — я усвоилъ съ ней особый тончикъ, и теперь, здороваясь, я сказалъ безъ всякаго стѣсненія, что она «какъ принцесса, смотритъ на весну съ высокой башни». Балконъ былъ совсѣмъ маленькій, съ пустыми, зелеными ящиками для цвѣтовъ и съ разбитымъ глинянымъ горшкомъ въ углу, который я мысленно сравнилъ со своимъ сердцемъ, ибо очень часто манера говорить съ человѣкомъ отражается на манерѣ мыслить въ его присутствіи. И было тепло, хоть не очень солнечно, а такъ, что-то мутное, сырое, — разбавленное солнце и вѣтерокъ, пьяненькій, но кроткій, послѣ пребыванія въ какомъ-нибудь скверѣ, гдѣ уже видна молодая трава, зеленый бобрикъ по чернозему. Вдохнувъ этотъ воздухъ, я вспомнилъ, что черезъ недѣлю — ванина свадьба, и вотъ тутъ-то я отяжелѣлъ, опять забылъ Смурова, забылъ, что нужно безопасно говорить, и, отвернувшись, сталъ смотрѣть внизъ, на улицу. Какъ мы были высоко, — и совершенно сдни. «Онъ еще не скоро придетъ, — сказала Ваня. — Въ этихъ учрежденіяхъ страшно задерживаютъ». «Ваше романтическое ожиданіе...» — началъ я, снова принуждая себя къ спасительной легкости и стараясь увѣрить себя, что этотъ весенній вѣтеръ тоже какой-то пошленькій, и что мнѣ

счень весело... Я еще не взглянул хорошенько на Ваню, мнѣ всегда нужно было нѣкоторое время, чтобы освоиться съ ея присутствіемъ прежде, чѣмъ посмотрѣть на нее. Теперь оказалось, что она въ бѣлой вязаной кофточкѣ съ треугольнымъ глубокимъ вырѣзомъ, и прическа особенно гладкая. Она продолжала смотрѣть сквозь лорнетъ въ раскрытую книжку, — и какъ мы были высоко надъ улицей, прямо въ нѣжномъ шершавомъ небѣ, и пылесось въ комнатахъ пересталь жужжать. «Дядя Паша умеръ, — сказала она, поднявъ голову. — Да. Сегодня пришла телеграмма».

Какое мнѣ было дѣло до того, что окончилось существованіе этого веселаго, полоумнаго старика? Но при мысли, что вмѣстѣ съ нимъ умеръ самый счастливый, самый недолговѣчный образъ Смурова, образъ Смурова-жениха, я почувствовалъ, что уже не могу сдержать давно поднимавшееся во мнѣ волненіе. Не знаю точно, съ чего началось, были вѣроятно какія-то подготовительныя движенія, но помню, что я очутился сидящимъ на широкой плетеной ручкѣ ванинаго кресла, и уже сжималъ ей кисть, — давно снявшееся, запретное прикосновеніе. Она сильно покраснѣла, и вдругъ ея глаза загорѣлись слезами, — я такъ явственно видѣлъ, какъ темное нижнее вѣко налилось блестящей влагой. Одновременно она улыбалась, — какъ будто хотѣла сразу мнѣ дать съ невиданной щедростью всѣ выраженія своей красоты. «Да, ужасно жалко его», — говорила она, но я ее перебилъ: «Такъ дальше нельзя, нельзя выдержать, забормоталъ я, то хватая ее за кисть, сразу напрягавшуюся, то поворачивая покорный листъ книги у нея на колѣняхъ, — я долженъ вамъ сказать... Теперь все равно, я уйду и больше никогда васъ не увижу. Я долженъ вамъ сказать. Вѣдь вы меня не знаете... Но право же, я ношу маску, я всегда подъ маской...» «Господь съ вами, — сказала Ваня. — Я очень насъ хорошо знаю, и все вижу, и все понимаю. Вы — хороший, умный человекъ. Подождите, я возьму платочекъ.

Вы на него съѣли. Нѣтъ, онъ упалъ. Спасибо. Пожалуйста, оставьте мою руку, не надо меня такъ трогать. Ну, пожалуйста».

И она опять улыбалась, старательно и смѣшно поднимая брови, словно приглашая меня улыбнуться тоже, но я уже былъ самъ не свой, вокругъ меня летала какая-то немислимая надежда, я продолжалъ быстро говорить и все время двигалъ руками, плечами, такъ что скрипѣла подомной плетеная ручка кресла, и мгновениями ванинъ шелковый приборъ оказывался у самыхъ моихъ губъ, и тогда она осторожно отклоняла голову.

«Больше жизни, — говорилъ я послѣшно. — Больше жизни, и уже давно — съ первой минуты. И вы первый человекъ, который сказалъ мнѣ, что я хорошій...»

«Пожалуйста, не надо, — просила Ваня. — Вы только себя дѣлаете больно, и мнѣ тоже. Я вамъ лучше расскажу, какъ Романъ Богдановичъ мнѣ объяснялся въ любви. Это было уморительно — — ».

«Не смѣйте, — крикнулъ я. — При чемъ этотъ шутъ? Я знаю, я знаю, что вы были бы счастливы со мной. И, если вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится, я измѣнюсь, какъ вы захотите, я измѣнюсь».

«Въ васъ мнѣ все нравится, — сказала Ваня. — Даже ваше поэтическое воображеніе. Даже то, что вы иногда преувеличиваете. А главное, ваша доброта, — вѣдь вы очень добрый, и очень любите всѣхъ, и вообще вы такой смѣшной и милый. Но все-таки, пожалуйста, перестаньте меня хватать за руку, а то я просто встану и уйду».

«Значить, все-таки есть надежда?» — спросить я.

«Никакой, — сказала Ваня. — Вы же отлично сами знаете. И онъ сейчасъ долженъ придти»

«Вы его не можете любить, — закричалъ я. — Это обманъ. Онъ недостоинъ васъ. Я бы могъ вамъ рассказать про него ужасныя вещи...»

«Ну, довольно», — сказала Ваня и хотѣла встать. Но тутъ, желая остановить ея движеніе, я невольно и неудоб-

но ее обнялъ, и, отъ ощущенія сквозного шерстяного теп-ла ея кофточки, во мнѣ забурлило мучительное и мутное наслажденіе, я готовъ былъ на все, на самую отвратитель-ную пытку, — но я долженъ былъ хоть разъ ее поцѣло-вать.

«Почему вы сопротивляетесь? — лепеталъ я. — Что вамъ стоитъ? Для васъ это маленькій актъ милосердія, а для меня — все». Ей удалось высвободиться и встать. Она отошла къ периламъ балкончика, покашливая и щурясь на меня, и гдѣ то въ небѣ намѣтился ровный, струн-ный звукъ, заключительная нота. Мнѣ уже нечего было терять. Я ей высказалъ все до конца, я кричалъ, что Му-хинъ не любитъ, не можетъ ее любить, я быстро освѣтилъ чудесную перспективу нашего возможного счастья вдво-емъ, и, наконецъ, почувствовавъ, что сейчасъ разрыдаюсь, бросилъ съ размаху объ полъ книгу, которую почему то держалъ въ рукахъ, и, повернувшись, навсегда оставилъ Ваню на балконѣ, вмѣстѣ съ вѣтромъ, вмѣстѣ съ мутнымъ гесеннимъ небомъ, вмѣстѣ съ таинственнымъ басовымъ звукомъ невидимаго аэроплана.

Въ гостиной, неподалеку отъ двери, сидѣлъ Мухинъ и курилъ. Онъ проводилъ меня глазами и спокойно ска-залъ: «Какой вы, однако, негодяй!» Я холодно ему кив-нулъ и вышелъ.

Вернувшись внизъ къ себѣ, я взялъ шляпу и поспѣ-шилъ на улицу. Зайдя въ первый попавшійся ивѣточнй магазинъ, я сталъ постукивать каблукомъ и громко по-свистывать, такъ какъ въ магазинѣ никого не было. Пре-честно и свѣжо пахло ивѣтами, что почему то усиливало мое истеріи. Въ зеркальномъ стеклѣ сбоку отъ выстав-ки продолжалась улица, но это было продолженіе мнимое: автомобиль, проѣхавшій слѣва направо, вдругъ исчезалъ, хотя улица невозмутимо его ждала, исчезалъ и другой, ѣхавшій ему навстрѣчу, — ибо одинъ изъ нихъ былъ толь-ко отраженіемъ. Наконецъ, явилась продавщица. Я вы-бралъ большой букетъ ландышей: съ ихъ тугицъ коло

кольчиковъ капала вода, у продавщицы безымянный па-лецъ былъ обмотанъ тряпочкой, вѣроятно укололась. Она ушла за прилавокъ и долго возилась, шуршала бумагой. Связанные стебли образовали что-то толстое и твердое, я никогда не думалъ, что ландыши могутъ быть такіе тяжелые. Взявшись за дверную скобку, я увидѣлъ, какъ ско-бу въ зеркалѣ поспѣшило ко мнѣ мое отраженіе, молодой человекъ въ котелкѣ, съ букетомъ. Отраженіе со мною шло, я вышелъ на улицу,

Торопился я чрезвычайно, сѣменилъ, сѣменилъ, въ об-лачкѣ ландышевой сырости, стараясь ни о чемъ не думать, стараясь вѣрить въ чудную врачующую силу той опредѣ-ленной точки, къ которой я стремился. Это былъ единст-венный способъ предотвратить несчастье: жизнь, тяжелая и жаркая, полная знакомаго страданья, собиралась опять навалиться на меня, грубо опровергнуть мою призрач-ность. Страшно, когда явь вдругъ оказывается сномъ, но гораздо страшнѣе, когда то, что принималъ за сонъ, лег-кій и безответственный, начинаетъ вдругъ остывать явью. Надо было это пресѣчь, и я зналъ, какъ это слѣдуетъ.

Дойдя до моей цѣли, я сталъ звонить, не переводя ду-ха, звонилъ такъ, словно утолялъ нестерпимую жажду, долго, жадно, самозабвенно звонилъ. «Будетъ, будетъ, будетъ», - забормотала она, открывая мнѣ дверь. Я пе-реметнулся черезъ порогъ и сразу сунулъ ей въ руки купленный для нея букетъ. «Ахъ, — сказала она. — Какъ красиво!» — и, немного оторопѣвъ, уставилась на меня своими старыми, блѣдно-голубыми глазами. «Не благо-дарите меня, — крикнулъ я, стремительно поднявъ руку, но вотъ что: позвольте мнѣ взглянуть на мою бывшую комнату, умоляю васъ». «Комнату? — переспросила ста-рушка. — Простите, она, къ сожалѣнію, не свободна. Но какъ красиво, какъ мило...» «Вы несовсѣмъ меня поняли, — сказала я, дрожа отъ нетерпѣнія. — Мнѣ просто хочет-ся взглянуть. Только это. Больше ничего. Вотъ я принесъ

вамъ цвѣты. Я прошу васъ. Вѣдь жилецъ вѣроятно за службѣ...»

Ловко ее миновавъ, я побѣжалъ по коридору, а она за мной. «Боже мой, комната сдана, повторяла старушка. — Докторъ Гибель съѣзжать не собирается. Я не могу вамъ ее сдать».

Я рвануль дверь. Расположеніе мебели было нѣсколько измѣнено; другой кувшинъ стоялъ на умывальникѣ; а за нимъ въ стѣнѣ я нашель тщательно замазанную дырку, — да, я ее нашель и сразу успокоился, глядѣль, прижавъ руку къ сердцу, на сокровенный знакъ моей пули: она доказывала мнѣ, что я дѣйствительно умеръ, міръ сразу пріобрѣталъ опять успокоительную незначительность, я снова былъ силенъ, ничто не могло смутить меня, я готовъ былъ вызвать взмахомъ воображенія самую страшную тѣнь изъ моей прошлой жизни.

Съ достоинствомъ поклонившись старушкѣ, я вышелъ изъ этой комнаты, гдѣ нѣкогда какой-то человекъ, согнувшись вдвое, отпустилъ смертельную пружину. Проходя черезъ переднюю, я замѣтилъ на столѣ мой букетъ и, словно въ разсѣяніи, на ходу прихватилъ его, подумавъ, что тупая старушка мало заслужила такой дорогой подарокъ, и что можно иначе его примѣнить, послать его, на примѣръ, Ванѣ съ запиской, полной грустнаго юмора... Влажная свѣжесть цвѣтовъ была мнѣ пріятна, тонкая бумага мѣстами разошлась, и, сжимая пальцами холодное зеленое тѣло стеблей, я вспоминалъ журчаніе, сопровождавшее меня въ небытіе. Я шелъ неспѣша по самому краю панели и жмурился, представляя себѣ, что иду надъ бездной, и вдругъ меня сзади окликнулъ голосъ:

«Господинъ Смуровъ», — сказалъ онъ громко, но неуверенно.

Я обернулся на звукъ моего имени, при чемъ одной ногой невольно сошелъ на мостовую. Кашмаринъ, матильдинъ мужъ, сдергивалъ желтую перчатку, страшно спѣша мнѣ протянуть руку. Онъ былъ безъ пресловутой трости

и какъ то измѣнился,—пополнилъ, что-ли,—выраженіе у него было смущенное, онъ показывалъ крупныя, тусклыя зубы, одновременно скалясь на строптивую перчатку и улыбаясь мнѣ. Наконецъ ко мнѣ хлынула его растопыренная рука. Я почувствовалъ странную слабость и умиленіе, даже защипало въ глазахъ. «Смуровъ, — сказалъ онъ, — вы не можете представить себѣ, какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ. Я васъ искалъ, какъ безумный, никто не зналъ вашего адреса».

Тутъ я спохватился, что слишкомъ любезно слушаю это привидѣніе изъ моей прошлой жизни, и, рѣшивъ немного его осадить, сказалъ: «Мнѣ не о чемъ съ вами говорить. Будьте еще благодарны, что я не подалъ на васъ въ судъ». «Смуровъ, — протянулъ онъ виновато, — я вѣдь прошу у васъ прощенія за мою подлую вспыльчивость. Я не находилъ себѣ мѣста послѣ нашего... крупнаго разговора. Я ужасался. Разрѣшите мнѣ признаться вамъ, какъ джентльменъ джентльмену: я, вѣдь, потомъ узналъ, что вы были не первымъ и не послѣднимъ, и я развелся, да, я развелся».

«Между нами не можетъ быть никакихъ разговоровъ», — сказалъ я — и понюхалъ мой толстый, холодный букетъ.

«Ахъ, не будьте такъ злопамятны, — воскликнулъ Кашмаринъ. — Ну, ладно, — ударьте меня, — двиньте хорошенько, а затѣмъ давайте мириться. Не хотите? Вотъ, вы улыбаетесь, — это хорошо. Не прячьте лицо въ ландыши, — вы улыбаетесь. Итакъ, мы теперь можемъ говорить, какъ друзья. Разрѣшите мнѣ васъ спросить, сколько вы зарабатываете?»

Я еще немного пожался, но потомъ отвѣтилъ. Мнѣ все время приходилось сдерживать желаніе сказать этому чело-вѣку что-нибудь пріятное, растроганное.

«Вотъ видите, — сказалъ Кашмаринъ. — Я вамъ устрою службу, на которой будете получать втрое больше. Заходите завтра утромъ ко мнѣ, въ отель Монополь. Я васъ

кое съ кѣмъ познакомлю. Служба вольготная, не исключены поѣздки на Ривьеру, въ Италію. Автомобильное дѣло. Зайдете?»

Онъ, какъ говорится, попалъ въ точку. Вайнштокъ и его книги давно мнѣ пріѣлись. Я опять сталъ нюхать холодные цвѣты, скрывая въ нихъ свое удовольствіе и благодарность.

«Еще подумаю», — сказала я и чихнулъ. «На здоровье, — воскликнулъ Кашмаринъ. — Такъ не забудьте. Завтра. Какъ я радъ, какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ».

Мы разстались. Я тихо побрелъ дальше, уткнувшись въ свой букетъ.

Кашмаринъ унесъ съ собою еще одинъ образъ Смурова. Не все ли равно, какой? Вѣдь меня нѣтъ, — есть только тысячи зеркалъ, которыя меня отражаютъ. Съ каждымъ новымъ знакомствомъ растутъ населеніе призраковъ, похожихъ на меня. Они гдѣ то живутъ, гдѣ то множатся. Меня же нѣтъ. Но Смуровъ будетъ жить долго. Тѣ двое мальчиковъ, моихъ воспитанниковъ, состарятся, — и въ нихъ будетъ жить цѣлкимъ паразитомъ какой-то мой образъ. И настанетъ день, когда умретъ послѣдній человѣкъ, помнящій меня. Быть можетъ, случайный рассказъ обо мнѣ, простой анекдотъ, гдѣ я фигурирую, перейдетъ отъ него къ его сыну или внуку, — такъ что еще будетъ нѣкоторое время мелькать мое имя, мой призракъ. А потомъ конецъ.

И все же я счастливъ. Да, я счастливъ. Я клянусь, клянусь, что счастливъ. Я понялъ, что единственное счастье въ этомъ мірѣ, это наблюдать, соглядатайствовать, во всѣ глаза смотрѣть на себя, на другихъ, — не дѣлать никакихъ выводовъ, — просто глазѣть. Клянусь, что это счастье. И пускай самъ по себѣ я пошловать, подловать, пускай никто не знаетъ, не цѣнить того замѣчательнаго, что есть во мнѣ, — моей фантазіи, моей эрудиціи, моего литературнаго дара... Я счастливъ тѣмъ, что могу глядѣть на себя, ибо всякій человѣкъ занятень, — право же занятень!

Миръ, какъ ни старайся, не можетъ меня оскорбить, я неуязвимъ. И какое мнѣ дѣло, что она выходитъ за другого? У меня съ нею были по ночамъ душераздирающія свиданія, и ея мужъ никогда не узнаетъ этихъ моихъ сновъ о ней. Вотъ высшее достиженіе любви. Я счастливъ, я счастливъ, какъ мнѣ еще доказать, какъ мнѣ крикнуть, что я счастливъ, - такъ, чтобы вы всѣ наконецъ повѣрили. жестокіе, самодовольные...

В. Сиринъ.

Послѣдніе и первые

(Главы изъ романа*)

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Илья былъ голоденъ. Лиловый воздухъ, тяжелый отъ влаги и городскихъ испареній, то шелъ вѣтромъ навстрѣчу, то ложился на плечи всей неподвижной сыростью, собранной съ каменныхъ улицъ. Былъ первый часъ. Въ этихъ богатыхъ мѣстахъ ресторановъ не было, да если бы они и были -- Илья не отважился бы зайти. Онъ не очень зналъ, гдѣ именно предстоитъ ему завтракать. Самое лучшее было вернуться къ площади Клиши и тамъ, гдѣ нибудь въ сторонѣ дома, недорого закусить. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Все, наконецъ, окончательно высвѣтлилось передъ нимъ. Онъ не лгалъ Шайбину ни однимъ словомъ: онъ и вправду не надѣялся, что Келлерманъ откажется отъ Васи. Илья радъ былъ, что не дошло у нихъ даже до переговоровъ объ этомъ: они не спорили, не требовали другъ у друга уступокъ во имя отцовскихъ чувствъ Степана Васильевича. О Васѣ, какъ о сынѣ, на котораго отецъ имѣетъ нѣкоторыя права, и вообще-то не было сказано ни одного слова. Самъ Келлерманъ перевелъ разговоръ въ плоскость иную, политическую. И это было хорошо.

Не для упорядоченія семейныхъ дѣлъ, своихъ покинулъ Илья Горбатовъ провансальскую ферму. Давно уже

---

*) См. «Современ. Записки» № 43. Понимать романъ по-явится въ концѣ года въ изданіи Н. Новолоцкого (Паризъ).

писали ему, что въ Парижѣ идетъ правильная работа среди людей, ждущихъ земли, — работа осторожная, работа скрытная, — и давно уже стало Ильѣ понятно, что Адольфъ и отецъ его связаны съ этой работой, что уловление Васи есть какъ бы нѣкоторое побѣдное начало ихъ дѣятельности; но доказательства не проникали въ далекій департаментъ Воклюзъ

Было нѣчто, во что Ильѣ вѣрилъ это была Васина автоматическая честность За полчаса до отъѣзда Ильи въ Парижъ Вася успѣлъ отдать ему чекъ и сказать то самое, но безсвязно и поспѣшно, что передалъ Келлерману Ильѣ. Оставалось бѣжать домой, завѣрить Васю, въ с и с т е м ѣ. Быть средствомъ для темныхъ цѣлей Келлермана — нѣтъ, этого Вася не могъ Такъ думалъ Ильѣ.

Между тѣмъ, онъ вошелъ въ ресторанъ

Ему очистили мѣсто въ углу, у окна, гдѣ въ щель грязной занавѣски онъ могъ видѣть троттуаръ и узкую полосу улицы Возлѣ него, въ чаду близкой кухни, сосредоточенно завтракали дѣвушка и рабочій, время отъ времени вода по тарелкѣ кускомъ хлѣбнаго мякиша

Для нихъ это были будни, для Ильи — странный, безрадостный праздникъ Онъ былъ въ городѣ и немного мислѣлъ отъ шума и недостатка воздуха. Какое было сегодня небо? Онъ еще не видѣлъ его Погода была влажная, вѣтреная, такихъ дней осенью, въ особенности въ октябрѣ, бываетъ слишкомъ много. Ильѣ ихъ не зналъ

Онъ спросилъ картофель въ укусуѣ, бифштексъ, но насквозь прожаренный деревенскимъ людямъ трудно ѣсть кровавое мясо Съѣвъ бифштексъ, онъ потребовалъ еще одинъ — сосѣди посмотрѣли на него дружелюбно и почтительно Потомъ ему подали сыръ и сладкое Виномъ онъ угостилъ своихъ сосѣдей

Ему предстояло побывать еще въ двухъ мѣстахъ, но онъ рѣшилъ отложить оба дѣла на завтра Завтра было воскресенье онъ успеетъ и туда, и сюда и застанетъ, кого надо. Сейчасъ ему сильно хотѣлось спать, двѣ ночи

онъ спалъ непростительно мало, послѣднюю ночь въ вагонѣ ему мѣшаль Шайбинъ. О Шайбинѣ Илья не зналъ, что думать, и, однако, чувствовалъ, что самое трудное уже позади.

Придя къ себѣ, онъ раскрылъ чемоданъ — сверху лежала записка Марьяны «Ильюща! Привези мнѣ въ подарокъ лиловое мыло, какимъ моются въ Парижѣ» Онъ разбросалъ во всѣ стороны сорочку, бритву, мыло, платки, щетку; снялъ пиджакъ и башмаки и повалился на постель. И тогда только, надъ крышей дома напротивъ, онъ увидѣлъ край неба: это былъ край неподвижнаго, дымнаго облака. Илья тотчасъ же заснулъ.

Онъ не шелохнулся не то два часа, не то три. Въ комнатѣ сѣрѣло, смеркалось, свѣтъ истаявалъ за окномъ. Илья лежалъ на спинѣ, полуоткрывъ ротъ, разбросавъ руки, на противоположномъ концѣ кровати торчали его ноги въ сѣрыхъ, полосатыхъ носкахъ. Женщина, вошедшая безъ стука и присѣвшая у стола, долго смотрѣла на нихъ, потомъ пошарила въ карманахъ его куртки, нашла спички и закурила.

Она сидѣла долго. Вода стонала въ трубахъ, темнѣло; улица то затихала, то, сотрясая домъ, мчался по ней грузовикъ. Женщина видѣла себя въ зеркалѣ шкафа, и это развлекало ее. На ней было то же темное платье и коричневые туфли, что и утромъ. Она успѣла сосчитать ряды тусклыхъ цвѣтовъ на обояхъ и вновь прочесть записку Марьяны. Она сидѣла и курила, но ни за что на свѣтѣ не разбудила бы Илью.

Прежде всего — у нея не было никакого опредѣленнаго дѣла, и она могла свободно просидѣть такимъ образомъ до вечера. Вечерами, вѣрнѣе ночами, она была занята: она выступала въ увеселительномъ заведеніи, которое называлось «Aux horions des boyards». Она, вмѣстѣ съ партнеромъ Лешей, танцевала с и ц и л і а н с к о е т а н ц о, въ черномъ платьѣ, закрытомъ до подбородка спереди и съ голой спиной. Леша вывихивалъ ей мизинцы отъ пре-

зрѣнія къ ней — въ этомъ заключались всѣ ихъ отношенія. Лешу увозили американцы или нѣмцы (а съ виду кто бы могъ подумать) въ тайные притоны или вводили въ ближайшій отель. И Леша богатѣль: говорили, что онъ копить, что хочетъ вывезти мать изъ Жиздры въ Парижъ.

Нюша танцевала свое сициlianское танго. Если бы она попробовала, она могла бы танцевать что-нибудь другое, или даже пѣть. Потому она снимала черное платье, надѣвала другое, съ рукавами, и продавала куклы; она носила ихъ между столиками въ большой плоской корзинѣ, у нихъ были длинныя слабыя руки, парчевыя платья, лица, раскрашенные господиномъ Расторопенкой въ его мастерской (говорили, впрочемъ, что онъ прогаераетъ). Надъ Нюшей смѣялись въ «*Lux hogomes des boyards*» и въ другихъ мѣстахъ: въ «Тройкѣ», въ «Каво», въ «Усадебкѣ». Когда она приходила ужинать въ «Занзибаръ», ей говорили, что она рошлетъ себя, что скоро ее перестанутъ считать артисткой. Удивлялись ей и по другому поводу: она никогда ни къ кому не подсаживалась, она отбывала службу.

Въ «Занзибаръ» она приходила къ двумъ, когда увеселительное заведеніе закрывалось. Здѣсь поджидала она изъ самыхъ различныхъ мѣстъ БERTУ, Наташу и Меричку, — Наташу, ту прямо съ улипы: дѣла ея въ послѣднее время были изъ рукъ вонъ. Здѣсь онѣ ужинали. Здѣсь рыжий Анри леталъ для шихъ отъ салата къ горчицѣ, съ грохотомъ бросалъ чашку на блюде и, вихляя локтемъ, наливалъ кофе рыжей струйкой, другой рукой поднося зажигалку къ чьимъ-то потухающимъ папиросамъ. Здѣсь Нюша проводила часъ, другой, прежде чѣмъ отправиться въ отель Сельтикъ. И здѣсь часто душа ея бывала непокойна: шли недѣли, приходили письма изъ Африки, приходили письма изъ Прованса, Адольфъ Келлерманъ писалъ ей записки. Жизнь текла.

Нюша сидѣла въ густомъ дымѣ: дымъ трехъ папиросъ стоялъ въ воздухѣ. За окномъ было черно. Она, не зажи-

гая свѣта, подошла къ кровати и наклонилась надъ Ильей. И тогда только онъ открылъ глаза.

— Здравствуйте, Илья, сказала она, потерявшись.

Онъ взялъ ее за руки, подвинулся, заставилъ ее сѣсть, а потомъ и лечь рядомъ съ нимъ.

— Вы давно ждете? — спросилъ онъ, глядя ей въ лицо, темнѣющее передъ нимъ на бѣлой подушкѣ.

— Да.

— Что жъ вы не разбудили меня?

Не зная, что сказать, она закрыла глаза, и онъ нѣжно, безмолвно, провелъ рукой по ея плечу и бедру. Она сдѣлала усилие и не шевельнулась. Онъ потрогалъ ея волосы, гладкіе у лба, собранные у затылка; оба не могли заговорить. Въ недружномъ, слабомъ объятіи пролежали они долгое время, отъ дыханія лицамъ ихъ стало тепло.

Нюша сказала:

— Я поцѣлую васъ, Илья, я такъ рада вамъ.

Она потянулась къ нему, поцѣловала его въ лобъ, въ глаза, онъ поцѣловалъ ея руку. Она смотрѣла на него сияющимъ взглядомъ, она видѣла въ сумеркахъ его широкое лицо, оно казалось ей сдѣланнымъ изъ камня, только глаза Ильи блестѣли свѣтло и живо.

— Хотите послѣ завтра уѣхать со мной? — спросилъ Илья.

— Вашей женой? Вашей любовницей?

— Нѣтъ.

— Не могу, сказала она, прижимаясь лицомъ къ его широкой груди, — не могу вамъ лгать. у меня нѣтъ силъ на это.

Онъ смотрѣлъ поверхъ нея, на раскиданныя вещи, которыя, вотъ подите же, оказались съ нимъ въ этомъ Парижѣ! Онъ смотрѣлъ не мигая, пока не усталъ глаза.

— Не зажечь ли? — спросилъ онъ.

— Не надо.

Ему казалось, что она пахнетъ абрикосами. Она лежа-

ла, слабо согнувъ колѣни, будго грѣя руки у самаго его сердца.

— Почему съ вами такъ хорошо молчать, Илья? — сказала она, вовсе не ожидая отъ него отвѣта. — Вы вообще сплошное «почему» для меня, — улыбнулась она тому, какъ это у нея вышло. — Почему вы не любите меня? Почему вы никого не любите? Не отвѣчайте мнѣ, я больше всего васъ люблю, когда вы молчите.

Она осторожно отвела голову отъ его груди и стала смотрѣть ему въ лицо. Медленно протянула она руку и обняла его за шею.

— Куда вы зовете меня? Куда вы безъ васъ зовете меня, другъ милый? — сказала она съ нѣжностью, и въ мигъ слезы застлали ей глаза. Неужели вы думаете, что я могу жить подлѣ васъ и не мучиться? Неужели вы думаете, что я могу сама по себѣ жить и не пропасть? Кто это можетъ самъ по себѣ жить и не пропасть? Изъ насъ — никто.

— Изъ васъ?

— Изъ насъ, послѣднихъ. И если кто захочетъ не пропасть, Илья, (а вѣдь бываетъ такъ, что не захочетъ) — тотъ сейчасъ руку ищеть... Дайте мнѣ вашу руку.

Илья сжалъ ея слабую, чуть влажную руку.

— Вы не черствый, вы не холодный, почему же вы не любите меня? На минутку одну загляните въ меня: вотъ, я хочу спастись, любовью спастись хочу, васъ нашла. А вы... Сколько вамъ лѣтъ?

-- Двадцать пять.

— Да. Это мало. Потому-то я такъ и откровенна съ вами. Мнѣ нравигся, что вы ни съ кѣмъ меня сравнить не можете, мнѣ отъ этого гордо какъ то передъ собой, отъ этого иллюзія, что я ваша единственная, а на самомъ-то дѣлѣ -- я никакая не ваша. Вамъ не смѣшно, что мы съ вами въ темнотѣ лежимъ? Что я васъ обнимаю? Вы, кажется, хотѣли зажечь свѣтъ?

— Пѣть, оставьте.

— Какъ удивились бы ваши, если бы я прѣѣхала. Ваша мачеха не выпустила бы меня.

— Она меня спрашивала, ждате ли васъ.

Нюша отстранилась слегка.

— Вы говорите неправду.

— Я говорю правду. Она думала, что я привезу васъ.

— Она не ненавидитъ меня? Она не... Простите меня, Илья, я думала, она считаетъ меня во всемъ виноватой.

— Вы не виноваты, что Шайбинъ васъ любитъ.

Нюша, откинувшись, выпустила шею Ильи и закрылась рукой. Ея кружевной рукавчикъ забѣлѣлъ въ темнотѣ.

— Какъ вы это сказали! — съ мукой воскликнула она. — Я во всемъ, во всемъ виновата. Три его года въ Африкѣ, смерть сестры моей — все у меня на совѣсти. И еще другое, многое другое. Да зачѣмъ вамъ знать? Вы вѣдь и безъ того жалѣете меня.

Она опять взглянула на него и увидѣла его слегка разомкнутыя губы.

— Вамъ отсюда уѣхать надо, — прошептала Илья, поймавъ ея взглядъ.

Она усмѣхнулась съ горечью.

— Куда? Тамъ у васъ, вѣрно, и парикмахера-то нѣтъ! кто меня стричь будетъ?

Она вся заметалась на широкой постели, закинула обѣ руки за голову.

— Мнѣ ни ѣхать, ни оставаться, поняли? — сказала она съ внезапною черствостью въ голосъ. — Мнѣ жить невозможно. Хочу жить, спастись хочу, а выходитъ — дѣваться мнѣ некуда.

Илья порывисто одной рукой сжалъ обѣ ея руки.

— Не смѣйте, молчите! Не смѣйте говорить такъ! — сказалъ онъ съ силой, наклонившись надъ ней. Если вы еще разъ посмѣете сказать это! Да вы понимаете ли, что говорите? Слушайте меня: вы уѣдете отсюда; пройдетъ какое-то время, можетъ быть очень короткое, и жизнь ваша измѣнится. Вы судьбы своей боитесь, вы зна-

ете, что такое судьба? Всѣ кругомъ судьбы своей боятся, но перестануть, перестануть! Вѣрите мнѣ — вы же вѣрили мнѣ во всемъ, или я ошибался? Все измѣнится, все пройдетъ... Вы не знаете, сколько еще... Только помощи не ищите. Не люди васъ спасутъ — вы сами спасетесь, если только по настоящему пожелаете этого, и еще черезъ васъ, можетъ быть, оживетъ кто нибудь. Милая, бѣдная моя, какъ я хочу, чтобы вы повѣрили мнѣ!

Она безпомощно молчала.

— Значитъ, мнѣ вѣрить вамъ? — прошептала она, раскрывъ глаза и глядя въ пространство. — Но почему, почему? Неужели вы все знаете? Надежду мою вы отняли — вѣдь я, представьте себѣ, до сегодняшняго дня надѣялась, всѣ мы надѣмся, ничего то какъ слѣдуетъ по письмамъ понять не умѣемъ; любви вы мнѣ не даете. — Она опять приблизила свое лицо къ его лицу. — И теперь вы хотите, чтобы я вѣрила вамъ.

Она медленно наклонилась и, давая ему время сдѣлать самое ничтожное, самое незамѣтное движеніе, которое она не могла не почувствовать, нѣжно и цѣломудренно поцѣловала его въ губы. Онъ закрылъ глаза.

— Никогда ни съ кѣмъ? — спросила она тихо.

— Никогда.

— Но какъ же это возможно?

— Нюша, милая, о чемъ вы спрашиваете? Развѣ я знаю? Такъ просто — не пришлось, по настоящему — жажды не было. Развѣ я могу знать? Можетъ быть, я уродъ, калѣка, не знаю. Простите меня.

Она скользнула съ постели, зажгла свѣтъ и невольно подошла къ зеркалу. Съ тревогой и стыдомъ заглянула она себѣ въ глаза.

— Что же вы отвѣтили вашей мачехѣ, когда она спросила обо мнѣ? — проговорила она, не глядя въ сторону кровати.

— Я сказала, что вы не прѣдете.

— Зачѣмъ же вы сейчасъ звали меня?

— Я могъ ошибаться, но какъ видите, я не ошибся.

— Вы опять не ошиблись?.. Такъ вы говорите, что я спасусь?

— Непремѣнно спасетесь.

— Господи, дай, чтобы онъ не ошибся и на этотъ разъ, и помилуй меня! — сказала Нюша и перекрестилась съ поклономъ.

Илья оставался лежать; онъ потерялъ лицомъ о подушку, подушка пахла абрикосами.

— Что вы со мной вечеромъ дѣлать будете? — спросила Нюша.

— Мы пообедаемъ вмѣстѣ, — сказала онъ, — и потомъ пойдемъ гулять... въ какойнибудь садъ.

— Сады закрываютъ, да и погода не та.

Она подошла къ нему; въ наволочкѣ, грубой и плотной, торчалъ кончикъ пера, какимъ обыкновенно бывають набиты подушки. Она ухватила его; Илья не двигаясь слѣдилъ за ея пальцами.

— Съ вами случилось въ дѣтствѣ, въ постели (у меня была съ рѣшеткой по обѣ стороны), нащупывать вотъ такіе остренькіе хвостики; съ волненіемъ вытягиваешь, и вдругъ, неожиданно — чудное, красивое перышко, нивѣсть откуда, изъ стараго матраца, выходитъ на Божій свѣтъ. Случалось?

Она потянула и дѣйствительно изъ подушки вышло гладкое, сѣрое перо.

— Вотъ точно такое бывало, — сказала Нюша и улыбнулась. Улыбнулся и Илья. — Ну, а теперь я пойду одѣнусь, будьте готовы. Пойдемъ обѣдать.

И она вышла. Часы внизу пробили семь. Илья услышалъ надъ собой Нюшины шаги, потомъ все стихло. И тогда на него нахлынули разомъ всѣ тѣ мысли, всѣ тѣ чувства, что жили въ немъ полубезсознательно всѣ послѣдніе часы. Онъ закрылъ глаза. Вѣки его были горячи. Онъ взялъ перо, которое Нюша бросила и провелъ имъ по глазамъ. И словно кто то шелковистыми рѣсницами

коснулся его вѣкъ. «Мама!» вслухъ сказалъ онъ. И все было кончено. Онъ вскочилъ, надѣлъ башмаки, пригладилъ волосы.

Этотъ вечеръ 22 сентября першелъ самъ собою въ сонъ для памяти Ильи. Отъ него осталось немного: печальные глаза Нюши, сѣвшей насупротивъ него въ шумномъ маленькомъ ресторанѣ, и молчаливый ихъ ужинъ. Холодъ улицъ, блескъ огней, женская рука въ его рукѣ (онъ никогда не носилъ перчатокъ) и, наконецъ, фокусникъ. Были ли они въ циркѣ или въ ярмарочномъ балаганѣ, — онъ такъ и не помнилъ. Фокусникъ творилъ свои чудеса въ трехъ шагахъ отъ Ильи — онъ сошелъ прямо въ публику. Этотъ фокусникъ потомъ, ночью, приходилъ къ нему, продолжая претворять воду въ вино.

— Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ не сумѣлъ бы сдѣлать лучше, — приговаривалъ онъ.

Но ночью это былъ уже настоящий сонъ, такой, какими они съ Васей обычно спали: глубокий, неподвижный, неслышимый. Въ балаганѣ же былъ еще япончикъ.

Ему было лѣтъ шесть, на немъ были розовые штаны, которые постепенно намокали спереди, пока япончикъ выдѣлывалъ сложныя акробатическія упражненія. Кончилось тѣмъ, что япончика унесли: подъ трапезней была лужа.

Нюша смѣялась и немного плакала. Взявшись подъ руки, они вернулись домой. Было одиннадцать часовъ: пора было Нюшѣ идти въ заведеніе, танцовать свое с и ц и л и а н с к о е т а н г о .

Пусть этотъ грустный вечеръ съ Нюшей перейдетъ для Ильи въ сонъ! Пусть сейчасъ, въ трудовомъ Провансѣ, гдѣ земля такъ любитъ человѣческую руку, онъ уже не помнитъ: плакала или смѣялась Нюша, когда отходила отъ двери его, номеръ тридцать четыре, пусть и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда все, что было въ наисей туманной молодости, станетъ вдругъ опять яснымъ таинственной человѣческой памяти, пусть и тогда не вспомнитъ Илья этихъ холодныхъ вечернихъ часовъ! Но пусть и сейчасъ,

и черезъ пятьдесятъ лѣтъ (онъ, вѣроятно, будетъ жить очень долго) онъ не забудетъ то свѣжее воскресное утро и встрѣчи тѣ -- волныя и неволныя въ одномъ изъ угловъ города Парижа. Да и нельзя, невозможно ихъ забыть! Кто разъ былъ тамъ, кто разъ видѣлъ тѣхъ, тотъ въ сердцѣ своемъ навсегда сохранить, пусть тайно, воспоминаніе, которому равнаго на свѣтѣ нѣтъ по обидѣ и боли. И въ зрѣлые годы борьбы и сознаний пусть пройдетъ передъ Ильей Горбатовымъ, пронизетъ его остримъ своимъ мыслью о томъ сентябрьскомъ утрѣ; и въ старости, когда подойдутъ воспоминанія другія, воспоминанія сложно и страстно прожитой жизни, и захотятъ замутить мечту о той горькой прогулкѣ, — да не замутятъ они ее! Да будутъ внуки у васъ, Илья, чтобы рассказать имъ, чтобы сердцамъ ихъ передать эту явь. Созовите правнуковъ вашихъ, пусть слушаютъ сказку, страшнѣе сказки о Синей Бородѣ, страшнѣе всѣхъ бывшихъ на землѣ сказокъ, которую, можетъ быть, по возрасту ихъ еще и не слѣдуетъ имъ рассказывать. А когда вамъ начнетъ сниться могила, и вамъ захочется, по старческой безмопощности вашей, найти тѣхъ, что тоже въ прогулкахъ своихъ забредали въ эти темныя мѣста, слово «Парижъ» станетъ для васъ, углѣвшихъ съ обветшалымъ сердцемъ, паролемъ. Пусть все останется въ вашемъ сердцѣ: и каждое слово умирающаго Пашки, и мать господина Расторопенки, и тотъ Петръ Ивановичъ, что стоялъ ближе къ двери... Тотъ, кто самъ не видалъ, — не повѣритъ вашему рассказу, Илья, и даже сама Вѣра Кирилловна сейчасъ закипучая въ чужія страны, даже сама она не повѣритъ вамъ. Сказкой прозвучитъ это на весь міръ

То утро было свѣжо и пасмурно; разорванныя облака дѣлали высоту утомительно пестрой; люди мелькали, кружились автомобили; вѣтеръ съ Ламанша налеталъ порывами, завивалъ вѣтви пищавшихъ платановъ; бульвары роскошной кривой уходили въ сизое пространство.

Часовъ въ девять Илья вышелъ и иѣшкомъ отправил-

ся черезъ городъ туда, гдѣ жили «наши». Ему не хватало движенія: камень троттуаровъ никакъ не могъ досыта утомить его прочныя ноги.

«Наши» живутъ, какъ и подобаетъ имъ, въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ Парижа (не говоря уже о пригородахъ); тѣ, къ которымъ пошелъ Илья, селились не столь далеко отъ лучшихъ мѣстъ столицы: военной школы, Марсова поля. Впрочемъ, отъ Марсова поля было и вовсе не такъ близко: полчаса, а то и больше ходу. Здѣсь, нѣсколько неожиданно, начинались въ полномъ смыслѣ слова труппы.

Сначала шли улицы по большей части торговыя — торговля шла почти исключительно снѣдью и башмаками. Лотки ломались отъ яблокъ, войлочные туфли были вынесены изъ помѣщеній чуть ли не до самой мостовой. Въ праздничные дни здѣсь торговали бойчѣе, чѣмъ въ будни: шалый народъ бродилъ прямо по мостовой, не зная, какъ убить время. Потомъ шли улицы значительно тише, мощеныя булыжникомъ, съ двухэтажными, облупленными домами, деревянными воротами и торчачимъ подлѣ нихъ краномъ. За этими, уже достаточно невмѣстными для Парижа улицами, начинались тихіе, безлюдныя тупики.

Сюда не доносилось жужжаніе и ревъ моторовъ; здѣсь была нищета — и облака надъ нею. На окнахъ, видимо давно немытыхъ, не было занавѣсокъ, но разглядѣть что либо въ нихъ было невозможно: да око и лучше, — чего, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть другъ на друга? Сукотная кошка перебѣжала отъ однихъ воротъ къ другимъ. Илья остановился, взглянулъ на номеръ дома. На мостовой стояла ручная телѣжка съ наваленными на нее дырвыми соломёнными стульями.

Да, это и былъ нужный ему домъ. Изъ подъ воротъ былъ ходъ въ трактиръ «Городъ Кіевъ», и у захватанной, узкой двери стояло огромное цинковое ведро, полное мусора. Рядомъ съ нимъ было свалено все то, что въ него

не помѣстилось: рыжая зола, букетъ вялыхъ цвѣтовъ, пустыя консервныя банки и различныя иные предметы, разглядѣть которые Ильѣ не удалось. А надъ этой кучей, надъ смрадомъ гніющей гвоздики, склонялись худенькая дѣвочка лѣтъ десяти и мальчикъ нѣсколько моложе. Оба молча рылись въ сомнительныхъ предметахъ.

Дѣвочка успѣла порѣзаться консервной банкой и терпѣливо посасывала испачканный кровью палець; мальчикъ зорко наблюдалъ, какъ бы она чего не вытащила, что могло пригодиться и ему.

— Зачѣмъ вы здѣсь? — спросилъ Илья, и холодный потъ выступилъ у него на лбу и на шеѣ.

Дѣвочка подняла на него робкіе, голодные глаза. Она была причесана на двѣ ровныя косички, но одѣта дурно и грязно.

— Цвѣточка ищемъ, — сказала она лукаво и опять принялась за прерванное дѣло. Мальчикъ и не взглянулъ на Илью.

Да, это былъ нужный ему домъ.

Черномазый поваръ «Города Кіева» внезапно распахнулъ дверь - - въ тѣсной кухнѣ, которую въ тотъ мигъ увидѣлъ Илья, уже трудно было дышать отъ пригорѣвшаго сала. Поваръ ожесточенно затрясъ сѣтку съ салатомъ, и брызги полетѣли во всѣ стороны.

— Пошли вонъ, комары! — крикнулъ онъ, и едва успѣли дѣти поднять головы, какъ цѣлая пригоршня картофельной шелухи пролетѣла мимо нихъ. Они тотчасъ кинулись къ ней.

Илья пошелъ дальше.

Узкій дворъ, неровно вымощенный, отчего въ немъ застаивалась жидкая, блестящая тутъ и тамъ мокредь, съ одной стороны замыкался длиннымъ одноэтажнымъ флигелемъ, съ другой — заборомъ давней кирпичной кладки; прямо, въ тѣсной глубинѣ двора, было крытое отхожее мѣсто, и рядомъ съ нимъ навѣсъ, подъ которымъ сидѣлъ человѣкъ, подстеливъ подъ себя газету, и чинилъ плете-

ное сиденье ветхаго стула. Ему, по всей видимости, и принадлежала ручная телѣжка, оставленная на улицѣ.

Но Илья не сразу подошелъ къ нему. Онъ медленно пошелъ мимо оконъ флигеля. Люди здѣсь жили не только въ первомъ этажѣ, но и въ подвалѣ, окна котораго приходились вровень съ землей и куда заглянувши можно было увидѣть каменный съ выбоинами полъ и немногочисленную домашнюю рухлядь. Тутъ же, у одного изъ оконъ, у выбитаго стекла, прижавшись носомъ къ острымъ краямъ его, присѣвъ на корточки, застылъ маленькій свѣтловолосый мальчикъ. Онъ не мигая смотрѣлъ внизъ, въ окно, гдѣ въ глубинѣ пустой, низкой комнаты, въ углу на тощемъ матрасикѣ, прикрытый старой солдатской шинелью, лежалъ на спинѣ, съ широко открытыми глазамч, такой же, какъ и онъ, мальчикъ лѣтъ семи.

Онъ лежалъ не двигаясь и тоже не сводилъ огромныхъ, воспаленныхъ глазъ съ окна. По всему видно было, что у него жаръ, и жаръ сильный: губы его были раскрыты, и оттуда, вмѣстѣ съ краткимъ хрипомъ, шелъ слабый паръ; волосы его слиплись — лобъ былъ въ испаринѣ.

Мальчикъ, стоящій у окна, наконецъ осторожно вынулъ руку изъ кармана затрепанной куртки. Въ рукѣ его блеснулъ сломанный перочинный ножикъ.

— Пашка, а Пашка! А у меня ножикъ есть, - - сказала онъ, словно начиналъ игру, замирая отъ любопытства.

Пашка шевельнулся подъ шинелью, тоска исказила его худенькое лицо.

— Дай! — тихо выговорилъ онъ и еще больше расширилъ темные глаза. Мальчикъ у окна засмѣялся.

— А помрешь ты — кто мнѣ его отдасть? — спросилъ онъ жадно.

— Папа отдасть, — донесся слабый голосъ Пашки.

— Не отдасть. Лучше я съ нимъ еще малость поиграю, а когда ты помрешь, я тебѣ его въ гробъ положу.

Тѣнь надежды прошла въ глазахъ Пашки, онъ попытался улыбнуться.

-- Не врешь?

— Ей-бо!

— Не ври. Не то съ того свѣта приду пугать, слышишь?

Столько словъ въ конецъ истомили его. Нѣсколько мгновеній онъ метался подъ шинелью и затихъ.

— Кто это? — спросилъ Илья.

— Это Пашка, отвѣтилъ ему мальчикъ, не отводя отъ окна озабоченнаго взгляда.

И Илья пошелъ дальше.

Въ окнѣ шили женщины; одна была еще молода и она не подняла головы, когда онъ остановился. Старуха съ тревогой въ глазахъ отложила работу.

— Гдѣ здѣсь найти Расторопенку? — крикнулъ Илья, чтобъ онъ услышали его сквозь стекло.

— Дальше, дальше, — махнула рукой старуха.

Дальше была низкая дверь въ сапожную мастерскую. Здѣсь же, спиною къ сапожнику, сидѣлъ человѣкъ съ медалью и ковырялъ разобранные стѣнные часы. Да полно. воскресенье ли нынче? Сапожнику было, по правдѣ сказать, все равно. Онъ съ какимъ-то лихимъ отчаяніемъ билъ по каблуку разношеннаго дамскаго, на гвоздяхъ, ботинка.

Нынче закрыто, — сказалъ человѣкъ съ медалью.

— Нельзя ли узнать, гдѣ здѣсь живетъ Расторопенко?

— Узнать можно, — опять сказалъ человѣкъ, — сейчасъ узнаете.

Онъ всталъ съ табурета, положилъ часы и, съ гирей въ рукѣ, пошелъ къ дверямъ, показать Ильѣ, какъ пройти въ нужную ему квартиру. Но въ это время сапожникъ внезапно пересталъ бить и сощурился, глядя на Илью.

— Если вы по дѣлу о натиркѣ половъ, то они этимъ больше не занимаются, — сказалъ человѣкъ съ медалью, дойдя до двери.

— Нѣтъ, я изъ провинціи.

— Да вы не на счетъ путешествія нашего? — съ ро-

двора. Въ дверяхъ стояла цѣлая толпа, чловѣкъ не менѣе десяти.

Они раздалися немного — господинъ Расторопенко протиснулся въ комнату.

— Илья Степановичъ, дорогой, простите за волненіе, -- сказалъ онъ, неизвѣстно, извиняясь ли за свое волненіе или за всеобщее, беспорядочное, но тихое волненіе «нашихъ».

Онъ поздоровался съ Ильей. Они хорошо знали другъ друга, хоть никогда до того не видались; но длительное дѣло переселенія расторопенскихъ на землю, которое въ Сень-Дидье вслѣ Илья, и постоянная переписка укрѣпили ихъ несложныя отношенія. Они едва дали себѣ время разсмотрѣть другъ друга.

— Вы слышали, что онъ сказалъ? — воскликнула Марина Петровна. — Ъдемъ мы, слышали?

Люди заколыхались. Мамаша собрала куклы — не дай Богъ попортятъ! И за проволокой стали видны блѣдныя (и отчего это, правда, всегда такія блѣдныя?) лица.

— А съ одежкой какъ? — раздался чей-то голосъ.

— Одежду, если кто не имѣетъ, тамъ справите, не трудно это, — сказалъ Илья. — На первое время все дадутъ, даже топливо. Дѣло новое, и французы эти ужъ очень душевные.

— Благодаря вамъ, Илья Степановичъ, душевность ихъ, — вставилъ Расторопенко, — развѣ мы не знаемъ?

— Благотворители, можетъ, какіе? — спросилъ еще голосъ.

— Нѣтъ, не благотворители: сейчасъ потратятъ, да потомъ свое возьмутъ: дѣло съ будущимъ, я писалъ. Тоже и мѣстныя кассы сельско-хозяйственнаго кредита на помощь вамъ приходятъ.

Задніе начинали тѣснить переднихъ.

— Пусть заводскіе не напираютъ, — говорила мамаша. — Заводскіе всегда всѣхъ перетолкаютъ.

Были среди вошедшихъ и женщины, тѣ двѣ, что шили

у окна. Мужчины пришли всѣ — точно сейчасъ съ работы: никто не былъ одѣтъ, какъ говорится, по праздничному. Половина, впрочемъ, уже давно никакой работы не имѣла.

— Вотъ что я спросить хотѣлъ: тутъ вѣдь среди васъ кустари есть, такъ временно придется ремесла бросить. Временно потому, что потомъ, можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, если все пойдетъ, какъ сейчасъ, тамъ организуется русскій поселокъ; сейчасъ идетъ горячая работа именно по собиранію — очень всѣ распылены. Тогда русскимъ кустарямъ найдется дѣло. А сейчасъ — всѣмъ придется на землѣ работать.

Сапожникъ, Петромъ Ивановичемъ его звали, стоялъ всѣхъ ближе къ Ильѣ.

— На это идемъ, — воскликнулъ онъ, — ни Боже мой ремесла не жалко! Да и случайно оно — у большинства съ кочевья нашего пошло, не съ измальства, — съ бѣды.

— Еще я сказать хотѣлъ: трудная работа предстоитъ. И вообще, какъ вы, можетъ быть, знаете, то, что вы изъ себя, изъ пролетаріевъ, крестьянъ дѣлаете — противостественно это. Теперь наоборотъ — естественнымъ считается процессъ обратный: сейчасъ люди изъ деревни въ городъ идутъ. Значить, въ самомъ корнѣ вашего переселенія уже есть нѣкоторая трудность, органическая какъ бы, — понимаете?

Люди неподвижно стояли передъ нимъ; Расторопенко за разъ обратился и къ нимъ, и къ Ильѣ.

— А мы, значить, обратнымъ путемъ, противоположнымъ, какъ бы Европѣ всей на удивленіе...

— Въ работѣ — жизнь; научены мы, не страшно, — сказалъ кто-то.

— Работа каторжная, я писалъ, — продолжалъ Ильѣ. — Вы не сразу помѣщиками сдѣлаетесь. Ваша работа будетъ въ родѣ какъ бы переходная: жить будете, какъ крестьяне тамошніе живутъ; птица, кролики будутъ; работать на опаржѣ будете, тамъ заводъ консервный. Ини-

ціативы никакой, пока не скопите; скопить можно въ два-три года, — тогда будетъ хорошо, тогда къ фермажу ближе. Только удовольствій и развлеченій — никакихъ.

Марина Петровна, въ возбужденіи, съ горящими глазами и лихорадкой въ рукахъ, прервала его:

— А здѣсь что за радости? А ну, скажите мнѣ? Кинематографъ да кровать, и то отравя одна — кинематографъ... А кровать --- къ чему она, когда дѣтей дѣвать некуда, когда дѣтей имѣть нельзя: для русской женщины кровать безъ дѣтей — не радость!

Она вся пылала, на глаза ея навернулись слезы; всѣ потупились, Расторопенко дѣлалъ ей знаки, которыхъ она не видѣла и не хотѣла видѣть.

— Тамъ дѣтямъ тяжело, — опять заговорилъ Илья, — школь нѣтъ, ученья нѣтъ настоящаго. Вотъ переѣдете — мачеха моя хочетъ передвижную школу начать, а сейчасъ плохо — хотъ коровъ паси.

Человѣкъ, бородатый и блѣдный, выступилъ изъ послѣднихъ рядовъ. Въ комнатѣ становилось трудно дышать отъ людей, постепенно ставшихъ вокругъ Ильи и господина Расторопенко.

— А тутъ, дорогой, что имъ, дѣткамъ нашимъ, предстоитъ, не знаете? — спросилъ бородатый, и губы его дрожали. — Учитъ ихъ тутъ не на что: каждая копѣйка алтынномъ прибита. Коровъ паси — эка сказали! Тутъ помирать имъ на улицѣ, туберкулезъ тутъ. Помилуй Богъ

Расторопенко, волнуясь, заговорилъ:

— Сами вы знаете, Илья Степановичъ, и только по щепетильности душевной хотите насъ обо всемъ предупредить: сами вы два мѣсяца назадъ изъ этого вотъ самаго дома однимъ своимъ письмомъ дѣвчонку вывели.

Илья смутился.

— Она теперь ходитъ, — сказалъ онъ тихо.

— Съ нимъ?

— Съ нимъ.

— А онъ какъ?

— Плохъ. Недавно видѣлись.

Постепенно люди отходили отъ двери. Былъ здѣсь и поваръ «Города Кіева», и человекъ, чинившій стулья и оказавшійся безъ ноги. Они вытягивали шеи по направлению къ Ильѣ, но Илья терялся: онъ рѣшительно не зналъ, что еще имъ сказать, — ужь очень не приученъ былъ говорить да и столько писалъ онъ имъ обо всемъ!

— Вотъ мы о дѣтяхъ говоримъ. Главное дѣло на землѣ — семейственность. Если женщина въ домѣ — иначе все идетъ, если старшой есть — все спорится лучше. Казаки въ Пиренеяхъ, слухъ идетъ, сильно страдаютъ отъ отсутствія хозяекъ: у нихъ инвалиды посуду моютъ, рубахи чинятъ, вмѣсто женщинъ.

Кое-кто улыбнулся, Илья и самъ былъ не прочь кончить шуткой. Но въ это время кто-то шумно взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— Мама! — крикнулъ за спинами стоящихъ дѣтскій голосъ, и такая тоска, такой страхъ были въ этомъ крикѣ, что люди у двери разступились. Илья увидѣлъ, между двумя рядами ихъ, мальчика съ перочиннымъ ножомъ въ рукѣ, того самаго, что стоялъ давеча у окна. Онъ былъ такъ блѣденъ, что казалось, его сейчасъ начнетъ тошнить или онъ упадетъ въ обморокъ. Мгновеніе стоялъ онъ на порогѣ, и вдругъ въ судорогахъ, съ долгимъ пронзительнымъ воплемъ кинулся къ Маринѣ Петровнѣ.

— Пашка померъ! — закричалъ онъ и забился у нея въ рукахъ.

Всѣ бросились во дворъ.

Марина Петровна брызнула сыну въ лицо холодной воды, мальчика сводило отъ рыданій, его уложили на тахту. Мамаша господина Расторопенки, крестясь, стала вновь развѣшивать куклы.

Илья всталъ. Въ общей суматохѣ его не удерживали, да и стоило ли прощаться — раньше, чѣмъ черезъ недѣлю, онъ встрѣтитъ всѣхъ въ поляхъ далекаго Прованса. Правда, около четверти часа онъ еще проговорилъ съ

Расторопенкой на лѣстницѣ. На имя Расторопенки должны были притти прогонныя. Да! Чуть не забылъ: передайте всѣмъ, что они будутъ застрахованы на мѣстѣ...

Во дворѣ толпились любопытныя; маленькая дверь въ подвалъ была пріоткрыта. Кто тамъ убивался надъ трупомъ Пашки? отецъ? мать? Пока еще никто, пока суетились тамъ чужія женщины. Матери и вообще-то не было, отецъ долженъ былъ притти домой не раньше ночи.

Кое съ кѣмъ Илья простился; Петръ Ивановичъ, сапожникъ, попросилъ у него папиросу. На вѣтру поймалъ онъ огонь спички въ ладони Ильи. И вновь потянулся безлюдный тупикъ, улица, другая. Вновь загалдѣлъ, засновалъ народъ, и вновь Илья пошелъ черезъ весь городъ: пришло время описать намъ посѣщеніе имъ нѣкоего общественнаго дѣятеля.

.....

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ появился въ гостинишѣ въ воскресенье, часовъ въ восемь вечера. Никто не спросилъ его, гдѣ онъ провелъ ночь. Видъ онъ имѣлъ несвѣжій, постарѣвшій — при взглядѣ на него становилось ясно: у человѣка на исходѣ послѣднія деньги. И ошибки въ этомъ не было.

Онъ прошелъ къ себѣ въ номеръ, гдѣ постель со вчерашняго дня стояла нетронутая, гдѣ все имѣло весьма нежилой видъ, и раскурилъ трубку. По всему видно было, что онъ сильно замучился за эти сутки и, однако, былъ спокоенъ, даже слегка важенъ, такъ что со стороны, и особенно благодаря его крайней небритости, могло показаться: вотъ сидитъ господинъ лѣтъ сорока пяти, а можетъ быть и больше, и размышляетъ о вещахъ непустяшныхъ, но въ то же время и не слишкомъ возвышенныхъ.

Лампочка горѣла подъ потолкомъ, дождь тихо стекалъ по стекламъ, плакала улица. Въ этотъ вечерній часъ (Илья постучалъ къ Алексѣю Ивановичу часу въ десятомъ) все и рѣшилось для Шайбина. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ впоследствии признавался Вѣрѣ Кирилловнѣ, хотя, конечно, рѣшеніе, принятое имъ въ ту пору и ставшее поворотомъ нашей повѣсти, готовилось имъ нѣсколько раньше, а сознательно было уяснено (со всѣми послѣдствіями) тремя днями позже.

Оно готовилось — и теперь невозможно это скрыть — въ самой Африкѣ, когда имя Ильи Горбатова звучало для Алексѣя Ивановича мучительнѣйшей загадкой, когда письма Вѣры Кирилловны, открывая ему впервые трудности горбатовскаго пути, готовили его къ жизни суровой и отвѣтственной. Оно готовилось и въ двѣ послѣднія ночи — первую въ вагонѣ (наиболѣе безсознательно) и вторую въ маленькомъ, чистомъ и тихомъ публичномъ домѣ, куда въ полной трезвости отправился онъ наканунѣ вечеромъ (прямо изъ квартиры политическаго своего друга), гдѣ выпилъ много дешеваго и крѣпкаго вина и гдѣ пролежалъ нѣсколько долгихъ, глухихъ часовъ возлѣ молчаливой, красивой дѣвушки.

Рѣшеніе это впервые въ жизни касалось личной его, Шайбина, судьбы. Не пора ли было ему, взрослому въ «государственномъ комфортѣ» и нашедшему въ недавнемъ своемъ «пропаданіи» вторую жизнь, судить себя судомъ строгимъ и немилостивымъ? Не была ли эта вторая жизнь безчисленное количество разъ унижена въ эти послѣдніе три дня? Не разбивалъ ли всѣ его доводы Ильи Горбатовъ — однимъ своимъ существованіемъ, Вѣра Кирилловна — нѣжными, упорными словами?

Онъ съ нѣкоторой снисходительностью къ самому себѣ вспоминалъ вчерашнее посѣщеніе политическаго друга. Друзьями они, въ сущности, не были никогда, они были дальними, очень дальними родственниками, но по щекотливости, свойственной цивилизованнымъ людямъ, ни-

когда не пытались родством этимъ счестся. Въ тотъ годъ, когда политическій другъ въ сопровожденіи жандарма впервые отправился за границу, Шайбинъ окончилъ гимназію. Тогда собственная судьба казалась ему завлекательнѣе.

Онъ вспоминалъ вчерашній день и слова объ Ильѣ, возвышенно произнесенныя лишь для того, чтобы услышать ихъ еще разъ въ собственныхъ устахъ. Политическій другъ еще сомнѣвался въ окончательной правотѣ Горбатова, и Шайбинъ старался его убѣдить. Немного смѣшно было слушать собственный голосъ, звучавшій увѣренно, какъ бы даже нагло. Политическій другъ не прерывалъ его. Потомъ заговорилъ онъ самъ. Разсудивъ, что Шайбину нечего попустительствовать въ склонности къ отвлеченностямъ, онъ сразу перешелъ на вопросы о поликультурѣ, о крупныхъ зерновыхъ хозяйствахъ подъ Ліономъ, о гасконскомъ трехпольи, о томъ, что всюду хромаетъ овцеводство, — а напрасно! И тогда Шайбинъ вновь закричалъ что то о «правдѣ Горбатова»...

Только черезъ сутки онъ смогъ обдумать весь этотъ порывъ, пришедшій къ нему послѣ вольнаго его бѣгства изъ Нюшиной комнаты, послѣ прогулки по кладбищу. И теперь, когда сидѣлъ онъ въ номерѣ гостиницы, со стороны можно было подумать: человекъ этотъ такъ спокоенъ, такъ почти важенъ, что вотъ-вотъ онъ возьметъ листъ бумаги, карандашъ, да не простой, а эдакій усовершенствованный, и начнетъ вычислять и чиркать... Онъ курилъ трубку.

Въ гостиницѣ, гдѣ комнаты сдавались и на часъ, и на два, все время слышались шаги, голоса, хлопали двери. Дождь за окномъ шелъ не переставая, дождь мелкій, теплый и долгій, подъ однообразный шумъ котораго пришла ранняя, осенняя ночь. Она надвинулась чернотою неба и свѣтомъ движущихся огней. Въ сырой, алый туманъ убѣжали концы улицъ. Городъ сталъ стихать. Пронзительный звонокъ кинематографа дозвонилъ, автомобили

стали въ очередь на углу, дожидаясь конца представленія. Пробѣжалъ часъ затишья. Потомъ внезапно завертѣлись двери ночныхъ ресторановъ; нищіе стали на углахъ плакаться ночнымъ прохожимъ, переходящимъ изъ однихъ освѣщенныхъ дверей въ другія, и дѣвушки собрались по три, по четыре подъ навѣсами кофеенъ. По большей части это все были крестьянскія дѣвушки, съ большими, до сихъ поръ красными руками, густыми волосами и широкими бедрами. Онѣ ни за что не вернулись бы къ себѣ на родину, къ коровамъ и птичьему помету. Онѣ выкрикивали непристойности, и мужчины трусливо отбѣгали отъ нихъ.

Было около полуночи и надъ «Занзибаромъ», въ вышинѣ черно-зеленой темноты, мигала выпуклая свѣтовая вывѣска; она мигала одинъ разъ въ полъ минуты — это привлекало прохожихъ и мучило въ бессонницу венеролога, жившаго въ первомъ этажѣ. Аври метался между столиками и стойкой, гдѣ стояла проволочная подставка съ крутыми яйцами и едва начатый, кирпичнаго цвѣта ростбифъ. Аври носился взадъ и впередъ съ зеркальнымъ подносомъ и салфеткой — нѣтъ, не первой чистоты!

Огни семи цвѣтовъ отогнали ночь въ небо, туда, гдѣ надъ крышами мутная, дождливая луна ходила за красными облаками. Поймали пьянаго. Двѣ женщины сидѣли за столикомъ и плакали, ихъ имена безразличны намъ — ихъ звали Берта и Наташа. Обѣ плакали надъ письмомъ. Аври выпросилъ у нихъ марку — у него не было такой марки; на ней былъ изображенъ матросъ съ «Авроры», но пойдите, объясните Аври, что значитъ «Аврора». Богъ съ нимъ!

Въ Шполѣ, въ убогой, крохотной Шполѣ, опять за налоги терзали отца, мать, тетю Цецилю, сестру Деборочку и Гришу, надежду семьи. А торговля весь годъ не шла, торговали резиновыми подошвами и мѣдными пуговицами — важно для т. т. военныхъ. Отца посадили въ тюрьму, имущество описали. И когда же этому конецъ, Ната-

ша? Или уже не будетъ конца, Наташа? И деньги, которыя она имъ послала, отняли, Наташа... Всѣхъ жалко, и папу, и Деборочку, и Гришу, надежду семьи... Ты знаешь, что такое Шпола, Наташа?

Наташа плачетъ очень тихо и все время, надо или нѣтъ, сморкается. Что такое Шпола? Нѣтъ, она не знаетъ. Она никогда ничего не видѣла, кромѣ Константинополя и Парижа, и то въ Константинополѣ ей было всего двѣнадцать лѣтъ. А Россіи она почти не помнитъ. Еще видѣла она Біаррицъ, куда завезли ее и бросили

— Ты не плачь, Берточка, — говоритъ она сквозь слезы и прячетъ лицо. — Смотри, тѣ два господина смѣются надъ нами. Ты не плачь, никого не жалѣй, тебѣ самой тяжелѣ всѣхъ, я всегда утѣшаюсь, что намъ съ тобой тяжелѣ всѣхъ.

— А сама плачешь, — шепчетъ Берта. — Не могу я такъ Куда пойдутъ они теперь, куда дѣнутся? Мама кипяткомъ руку обварила, шить не можетъ, тетя Цециля слѣпнетъ, на операцию денегъ нѣтъ И неужели же это не кончится раньше, чѣмъ на томъ свѣтѣ?

Она облокачивается на столъ, еще глубже надвигаетъ черную шляпу съ блестящей пряжкой, подбираетъ мѣховой воротникъ темнаго пальто. У нея нѣжныя, бѣлыя руки и сильно покрашенное, миловидное еврейское лицо.

Наташа вынимаетъ пудреницу Онѣ сидятъ молча, прижавшись другъ къ другу, какъ двѣ птицы, уставивъ воспаленные глаза въ рекламу эльзасскаго пива.

— Тебѣ еще тяжелѣ, — говоритъ Берта, собравшись съ силами. — Мои хоть далеко, а твои близко.

— Молчи ужъ! — Наташа перебираетъ Бертины перчатки, трогаетъ Бертину сумку Все это вещи, сто разъ ею видѣнныя, знакомыя и родныя, какъ свои собственныя, купленныя вдвоемъ, послѣ долгихъ вычисленій и обсужденій, и при видѣ ихъ опять хочется долго и горячо плакать.

— Была я у нихъ сегодня, — говоритъ Наташа —

Пришла, сѣла у двери, курить хочется - боюсь Отецъ лежитъ, Александра Ш портретъ вырѣзалъ, на стѣну повѣсилъ; до перваго припадка дома будетъ, а тамъ опять въ больницу свезутъ, а то сосѣди жалуются. Мать говорить: если бы ты того англичанина не упустила, жили бы мы теперь гдѣ-нибудь въ собственномъ домѣ, подъ Ниццей, напримѣръ. Попрекнула меня беззаботной жизнью. Я ушла.

Берта закрываетъ глаза.

— А потомъ что, Наташа? — спрашиваетъ она очень тихо.

— Когда потомъ?

— Вообще потомъ, черезъ пять лѣтъ?

— Вѣроятно, то же самое.

Опять онѣ прижимаются другъ къ другу Проходить много времени Кое-кто рядомъ заплатилъ и ушелъ, пришли другіе.

- Знаешь, что? — говорить вдругъ Наташа — закажемъ яичницу.

Берта улыбается мелкими ровными зубами, киваетъ Да, это лучшее, что можно придумать. Еще хорошо бы заказать пива

Анри стелеть салфетку, со звономъ и грохотомъ бросаетъ вилки, перецъ, хлѣбъ; пиво, какъ ледъ, яичница стрекочетъ на сковородкѣ. Дѣвушки начинаютъ ѣсть такъ, какъ научились здѣсь, въ Парижѣ, гдѣ жизнь трудна и сурова чтобы ни одна крошка не пропала даромъ, чтобы все, за что будетъ заплачено, прошло бы въ ихъ пищеводъ, въ ихъ кровь

— Можетъ быть, заказать салатъ? — спрашиваетъ Берта

Имъ подають салатъ и къ нему судокъ съ масломъ, уксусомъ и горчицей Ахъ, какое утѣшеніе самимъ заправлять салатъ! Только надо быть осторожной, чтобы ни одинъ листикъ не выпалъ изъ бѣлой, прохладной мисочки.

Дверь распахивается: отряхивая маленькій зонтикъ, горделиво и весело входитъ Меричка.

— Здравствуйте, Анри, какая противная погода! Берта, ты уже здѣсь, ты ужинаешь? Да что у васъ за лица?

Ахъ, эта Меричка, ничего то отъ нея не скроешь!

Она растегиваетъ шубку и показываетъ новое платье, фисташковое, съ оборкой и серебромъ — чудное платье! восхитительное! Она сегодня въ немъ пѣла, и смотрите, туфли къ нему подошли, какъ нельзя лучше, старья, позапрошлогоннія туфли, за семьдесятъ франковъ куплены, — есть такое мѣсто.

Ахъ, эта Меричка, никого-то у нея нѣтъ, какая она счастливая!

Она крутится у столика такъ, что всѣ начинаютъ на нее смотрѣть: и господинъ съ дамой, и тотъ, что одинъ, и тѣ двое мужчинъ (ни одного изъ нихъ нельзя назвать господиномъ), что сидятъ рядомъ, давно молчатъ и слушаютъ

Наконецъ, Меричка садится.

— Начнемъ ужинать сызнава, — говоритъ она, стуча агатовымъ кольцомъ о столикъ. Для начала она велитъ убрать грязную посуду и платить за пиво, яичницу и салатъ Берты и Наташи. Потомъ долго читаетъ засаленную карточку и выбираетъ самое необыкновенное блюдо

— Они вывезли пьянино, — говоритъ Берта, все еще о своемъ, — то самое пьянино, Наташа. — Тамъ одно «ре» было съ трещинкой, и когда она играла Листа (въ черномъ фартукѣ и съ косою) оно разсѣивало ее. Пьянино вывезли, а косу отрѣзаль парикмахеръ.

Мужчины уставились на нихъ и не сводятъ глазъ. Провинциалы какіе то! Лучше не смотрѣть въ ихъ сторону. Только Наташа время отъ времени поднимаетъ глаза. ей почему то пріятно смотрѣть на того, что помоложе; у него по шву распоролся пиджакъ на плечѣ, тѣсенъ онъ ему, что ли?

И тогда походкою легкой, съ лицомъ печальнымъ и

неподвижнымъ, входитъ въ «Занзибаръ» Нюша Слѣтова. На ней кротовая шуба — единственное, что есть у нея на цѣломъ свѣтѣ. Она глазами обводитъ ресторанъ и видитъ всѣхъ, кого ей надо видѣть.

— Анри, — говоритъ она, еще ни съ кѣмъ не поздоровавшись, — сдвиньте эти два столика. Алеша, познакомьтесь съ Меричкой, Бертой и Наташей. И вы, Илья.

Вслѣдъ за Нюшей входятъ еще трое, они тоже изъ «Aux hogomes des boyards», одинъ изъ нихъ съ гитарой. И тогда придвигаютъ третій столикъ, чтобы всѣмъ было куда сѣсть. Шайбинъ рѣшается, наконецъ, сказать «здравствуйте».

Онъ самъ бы, конечно, не пришелъ сюда, въ эту ночь, въ эти огни, это Илья привелъ его. Илья такъ и сказалъ: «Нюша назначила мнѣ свиданіе», — и этимъ съ самаго начала далъ цѣль и смыслъ всему проведенному вмѣстѣ вечеру. Сперва они довольно долго просидѣли у Шайбина въ номерѣ, почти не разговаривая, куря и читая вечернюю газету. Потомъ, въ сильнѣйшій дождь, они вышли, проблуждали по бульвару, пока не вымокли. Въ первомъ часу пришли они въ «Занзибаръ» и здѣсь долго слушали всхлипыванія двухъ дѣвушекъ и ихъ русскіе разговоры. Илья, со вспухшей жилой посреди лба, сидѣлъ неподвижно, въ разсѣянности уставившись въ лицо Наташѣ — что такъ ее смущало. Шайбинъ пилъ и постепенно блѣднѣлъ, морщины, шедшія отъ крыльевъ тонкаго носа его къ подбородку, дѣлались похожими на два черныхъ шнура. Эти разговоры, эти жалобы, были здѣсь тѣ же, что и три года назадъ. Да и какъ могли они измѣниться? Здѣсь никто другу другу помочь не могъ.

Тѣ, что пришли вслѣдъ за Нюшей, всѣ трое были заняты гитарой, которую одинъ изъ нихъ держалъ у живота. Это былъ человѣкъ, когда то извѣстный въ Россіи; его тяжелый носъ и огромные восточные глаза украшали обложки цыганскихъ романсовъ. Сейчасъ отъ лица стараго спившагося человѣка остались одни густыя, поднятыя

надъ переносицей съ особымъ, трагическимъ выраженіемъ брови. Цвѣтъ лица у него былъ темнооливковый, громадная пижняя челюсть напоминала челюсть мертвой лошади, вмѣсто голоса изо рта его исходилъ хриплый шепотъ, то высокій, то низкій, какого требовала нескончаемая мелодія, полная лирическихъ ферматъ.

Двое, пришедшихъ съ нимъ, одинъ — въ черкескѣ, съ краснымъ лицомъ, сильно выпившій, въ нечищенныхъ чувякахъ, другой — въ смокингѣ, но всей видимости, танцоръ, изъ тѣхъ, которыхъ нанимаютъ за плату, — оба наклонились къ нему, подуприкрывъ глаза и впивая всюю ночной душевной расслабленностью минорные ходы какихъ-то цыганскихъ варьяцій. Пѣвецъ большими зеленоватыми и сильно волосатыми пальцами перебиралъ струны, время отъ времени пріостанавливаясь и дѣлая глупое, удивленное лицо: ишь, молъ, какъ оно вышло! Словно на его блестящемъ вѣку ему ни разу не случалось брать именно этого аккорда, не случалось итти этимъ рядомъ шемящихъ душу звуковъ.

— Въ селеньи, у большой дороги,
Цыганку баринъ полюбилъ,
И сердце, полное тревоги,
Въ одинъ аккордъ съ гитарой слилъ, —

въ десятый разъ повторилъ онъ хрипло, и на длинномъ лицѣ его опять и опять отразилось волненіе, изъ мутныхъ глазъ готовы были потечь слезы.

— Ахъ, ты чортъ! А ну-ка еще разъ, Карпуша! — шмыгая носомъ вскрикивалъ человѣкъ въ черкескѣ. — И до чего это тонко сказано: въ одинъ аккордъ съ гитарой слилъ! Вѣдь это даже не всѣмъ понятно, а? Правду я говорю, Леша? Не всѣмъ понять, какому-нибудь грубіяну не понять: нужны были десятки поколѣній съ аристократическимъ вкусомъ всего эдакого носового, глазового, ротового, чтобы я могъ это понять!

Эта рѣчь окончательно заглушила голосъ Карпуши, онъ и не пытался бороться съ черкеской.

— Былъ голосъ, да нѣту больше голоса, братцы, — поникъ онъ внезапно, и въ минутной тишинѣ раздался глубокой, уже почти старческой вздохъ.

Но изъ сидѣвшихъ рядомъ никто на этихъ троихъ не обращалъ вниманія. Дѣвушки не сводили съ Ильи глазъ — всѣмъ троемъ онъ сразу ужасно понравился. Нюша распахнула шубу, отъ нея слишкомъ сильно запахло духами.

— Вотъ это — Илья Горбатовъ, — сказала она, указывая на Илью пальцемъ. — У него оттого такое румяное лицо, что онъ все морковь ѣстъ. Онъ кромѣ того знаетъ, какъ сдѣлаться счастливымъ. Вы бы, Илья, торговали рецептами «въ чемъ счастье», деньги бы нажили.

Меричка засмѣялась — и нельзя было сказать, искренне ли ей весело, или она притворяется: такъ хорошо она это дѣлала.

— А мы развѣ не знаемъ? — воскликнула она сквозь смѣхъ. — Берта, мы тоже могли бы торговать рецептомъ, правда?

Берта покраснѣла.

— А это вотъ — Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ, — опять сказала Нюша, — онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, и до рецептовъ ему дѣла нѣтъ.

Шайбинъ сидѣлъ рядомъ съ Ильей и, какъ и тотъ, ничего не отвѣтилъ. Онъ только стремительно опустил напряденный взглядъ, чтобы не догадались, что онъ все это время думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Помните, — сказалъ онъ наклоняясь къ Ильѣ очень тихо, но такъ, словно никого вокругъ не было, — помните, я васъ въ вагонѣ спросилъ: что вы съ ней будете дѣлать, въ случаѣ, если я соглашусь? Вы мнѣ не отвѣтили.

Илья медленно повернулся къ нему, лицо его потемнѣло.

— Не вамъ ее тащить на себѣ отсюда, — сказалъ онъ, едва разжавъ губы. — Думайте о себѣ: вамъ должно быть все равно, что будетъ съ нею, иначе и вы станете ходить сюда съ гитарой.

Шайбинъ поблѣднѣлъ еще больше, дѣвушки смотрѣли на него съ досадой.

— Почему вы пріѣхали изъ Африки, — спросила Берта, — развѣ тамъ плохо?

Шайбинъ не слышалъ вопроса, Илья отвѣтилъ за него:

— А вы развѣ тоже изъ Африки, коли знаете, что тамъ плохо?

Нюша сдвинула брови.

— Илья, скажите имъ, откуда вы. Карпуша, слушайте! Леша!

— Я изъ деревни, — сказалъ Илья съ опаской.

— Изъ какой деревни?

— Изъ французской.

— Развѣ есть еще деревни? — спросила Наташа.

Въ лицѣ Нюши мелькнуло нетерпѣливое желаніе, чтобы разговоръ этотъ наконецъ «склеился», она почти повелительно смотрѣла на Илью и вовсе не замѣчала Алексѣя Ивановича.

— Что же вы въ деревнѣ, на дачѣ жили? — спросилъ Карпуша, пріятно осклабясь.

— Нѣтъ, я тамъ круглый годъ живу.

— Слабы здоровьемъ?

— Нѣтъ, я работаю тамъ.

Опять всѣ замолчали; Карпуша любезно сказалъ «а мы — здѣсь», и опять взялся за гитару. Но Нюша заставила его притихнуть.

— Да кто вы такой? — спросила Меричка.

— Я — фермеръ. — Илья вдругъ смутился и покраснѣлъ.

— Это что же такое? — опять осмѣлилась спросить Наташа.

Теперь на него смотрѣли глаза всѣхъ, онъ не зналъ,

куда ему дѣваться. «Нѣтъ, разговору вѣрно такъ и не склеится, — подумала Нюша. — Илью не заставишь говорить, пропадешь съ нимъ. Ничего то онъ не умѣетъ. Вотъ, зажалъ руки между колѣнъ и уставился въ столъ. Онъ можетъ быть, просто отвыкъ разговаривать и сидитъ теперь такъ, будто потерялъ всякую возможность сообщаться».

— У меня тамъ домъ, волю, земля арендована, — сказала онъ, наконецъ, словно выжалъ пудовую гиру. — Огородъ есть. Развѣ вы не слыхали, сейчасъ много русскихихъ такъ живутъ...

— Въ газетахъ писали, — сказалъ Леша.

— Да, да, вотъ именно, тамъ иногда пишутъ. Такъ вотъ, значить и я, я хотѣю и вы можете.

Всѣ молчали.

— А пьянино у васъ есть? — спросила Берта, широко открывъ глаза.

Шайбинъ внезапно поднялъ голову. Онъ, казалось, ничего не слышалъ, что дѣлается вокругъ него, онъ опять наклонился къ самому уху Ильи.

— А какъ же хромота моя? Вы замѣтили, я вѣдь хромаю немного. Помѣшаетъ это?

Илья вздрогнулъ, но ни за что на свѣтѣ не оглянулся бы онъ на Шайбина.

— Нѣтъ, — отрывисто пробормоталъ онъ, — не помѣшаетъ.

Нюша начинала уставать отъ нетерпѣнія, оставалось такъ мало времени. Теперь ей было ясно: это Шайбинъ мѣшаетъ ему говорить и думать. Она не удержалась:

— Да рассказывайте же связно, Илья, — спокойно сказала она, ища встрѣтиться съ нимъ глазами. — Мы для того пришли сюда, — солгала она не краснѣя, — намъ интересно послушать про вашу жизнь и теоріи ваши (вѣдь у него теоріи есть!). Неужели вамъ такъ таки ничего не можетъ прійти въ голову?

Отъ звука голоса Шайбинъ очнулся.

— Старинная русская привычка - въ кабакъ о жизни и Россіи говорить, о всякихъ теоріяхъ, — произнесъ онъ, дернувшись. — Неужели и вы, Илья, не свободны отъ этого проклятія, вѣдь это теперь просто моветономъ сдѣлалось, ей-Богу!

— А коли вся наша жизнь — кабакъ и моветонъ? -- вскричалъ обиженнымъ голосомъ человекъ въ черкескѣ. — Коли кабакомъ дышемъ?

Леша тотчасъ успокоилъ его, даже не взглянувъ на Шайбина. Карпуша сидѣлъ надъ гитарой, осоловѣвъ окончательно.

— Простите меня и не шумите, Бога ради, - сказалъ Шайбинъ поспѣшно. — Рассказывайте, Илья, только что же это за «правда» ваша, если ее можно и монмартрскимъ дѣвицамъ преподносить, и въ Лигѣ Націй обсуждать?

Но удивительно, какъ до Шайбина и до тяжелыхъ словъ никому не было дѣла! Никому, кромѣ Берты, вдругъ покраснѣвшей и закусившей губу. Но она не посмѣла раскрыть ротъ.

«Неужели онъ меня къ нимъ ревнуетъ?» мелькнуло въ мысляхъ Ильи, и онъ почувствовалъ смущеніе.

— Алексѣй Ивановичъ потому такъ говорить, — сказалъ онъ, передвигая на столѣ предметы, — что ему все это давно извѣстно: я ему надоѣлъ съ моими разговорами.

— Какъ, вы съ нимъ говорили объ этомъ? — спросила Нюша тревожно, — вы, можетъ быть, предлагали ему...

— Нѣтъ, я ему ничего не предлагалъ.

Илья почувствовалъ, какъ легкая, горячая рука Шайбина легла ему на руку.

— Ни слова обо мнѣ, — прошепталъ Алексѣй Ивановичъ.

Этотъ шопотъ показался Ильѣ шопотомъ сообщника, онъ испугался, что кто-нибудь еще могъ его услышать, что по этому шопоту догадаются о томъ поворотѣ Шай-

бинской жизни, о которомъ сегодня первый намекъ далъ ему Дѣятель.

— Хорошо, я расскажу вамъ, какъ мы тамъ живемъ, — началъ Илья, чтобы окончательно покрыть Шайбина. — Я расскажу вамъ, хоть и знаю, что вамъ это вовсе ужъ не такъ любопытно, какъ говорить Анна Мартыновна... И если вамъ спать не хочется?

Нюша благодарно взглянула на него, дѣвушки придвинулись другъ къ другу и Наташа положила руку на плечо Бергѣ. Илья попросилъ подать еще пива.

— Подождите, дайте мнѣ уйти, — сказала вдругъ Шайбинѣ. — Мнѣ нечего васъ слушать, я пойду домой спать. Я, собственно, совершенно перестала спать послѣднія ночи, я даже порошки въ аптекѣ купила.

Алексѣй Ивановичъ осторожно сталъ выбираться со своего мѣста, въ лицѣ у него былъ миръ, какого Илья еще не видѣлъ; онъ безъ улыбки поклонился всѣмъ и отдѣльно Нюшѣ. Подъ всеобщее молчаніе онъ пошелъ къ дверямъ.

Мысль, мелькнувшая въ умѣ Ильи въ это мгновеніе, была отчетлива, и отчетливостью и своевременностью для него совершенно необычайна. «Неужели же и я умѣю соображать, когда надо?» — тутъ же удивился онъ самому себѣ. Въ одинъ мигъ вынулъ онъ изъ кармана огрызокъ карандаша, оторвалъ край лежащей на столѣ вечерней газеты, и быстро написалъ на немъ нѣсколько словъ, протянулъ Алексѣю Ивановичу. Тотъ неспѣшно взялъ его и сунулъ въ правый наружный карманъ пиджака. Но выйдя изъ «Занзибара» на улицу, гдѣ къ этому времени кончился дождь и гдѣ шины автомобилей шелестѣли по мокрому асфальту, онъ остановился.

На краю газеты былъ написанъ адресъ господина Рас-торопенки. Шайбинѣ два раза перечелъ его. Судьба Алексѣя Ивановича рѣшалась.

Между тѣмъ, Илья начиналъ свой рассказъ. Онъ почти совсѣмъ не смотрѣлъ на Нюшу, онъ обращался то къ Ме-

ричкѣ, то къ Бертѣ, онъ обращался даже къ Наташѣ, чьи взоры опять восторженно начали слѣдить за нимъ. Карпуша и человекъ въ черкескѣ пили вино, въ дремотѣ положили локти на столъ, Леша макалъ въ коньякъ кусочки сахара. Аври, по причинѣ того, что въ этотъ поздній часъ другихъ посѣтителей не было, стоялъ за стуломъ Мерички и, крутя пальцами за спиной, смотрѣлъ Ильѣ въ ротъ. Ему казалось, что нѣкоторыя слова онъ вотъ-вотъ пойметъ — они ускользали отъ него, онъ гонялся за ними.

Илья рассказывалъ не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось Ньюшѣ: ни единымъ словомъ не обмолвился онъ о мысляхъ своихъ, о которыхъ съ такой охотой говорилъ недавно Дѣятелю. Онъ долго и весело рассказывалъ о Габриелѣ и Марьяннѣ, о томъ, какъ прѣзжала къ нимъ лѣтомъ ярмарка и они вмѣстѣ ѣздили верхомъ на коровѣ, о томъ, какъ съ этого все у нихъ началось; онъ говорилъ о Сень-Дидье, гдѣ люди чинно гуляютъ по праздникамъ, о господинѣ Жолифлерѣ и о томъ, какъ увидавъ Марьянну верхомъ на коровѣ за спиною сына, господинъ Жолифлеръ въ тотъ же день, поздно ночью, пришелъ къ фермѣ Горбатовыхъ и заглядывалъ въ окна: ему хотѣлось знать, что за люди эти русскіе; и какъ онъ увидѣлъ Марьянну подъ лампой, въ фартукѣ, съ бусами на шеѣ и наперсткомъ на пальцѣ, и какъ она полюбила ему.

Онъ рассказывалъ о прежнемъ своемъ хозяинѣ, богатомъ землевладѣльцѣ и мэрѣ, обладателѣ того самага лѣса, который споконъ вѣковъ стоялъ себѣ и стоялъ, и съ которымъ теперь происходятъ неслыханныя перемѣны; объ акціяхъ консервной компаніи — можетъ быть, кто-нибудь даже видѣлъ такія зеленныя, узкія банки, онѣ продаются во всѣхъ магазинахъ? — это и есть знаменитая спаржа... Онъ рассказывалъ о будущемъ хлѣбѣ, о пшеницѣ и, наконецъ, о Вѣрѣ Кирилловнѣ, у которой въ первый годъ погибли на огородѣ чеснокъ и порей изъ-за проклятой *ruscivina olii*, и какъ она плакала тогда; какъ она въ прошломъ году сшила себѣ новое платье въ горо-

дѣ, у портнихи, и какъ къ веснѣ новое платье готовится сшить себѣ Марьянна. Онъ говорилъ о русскомъ батракѣ, прожившемъ лѣто у нихъ, ушедшемъ въ Гасконь, на испольщину, и о томъ, что хочетъ взять къ веснѣ опять кого-нибудь, чтобы подучить и отправить подъ Тулузу.. Вотъ и все, — что зналъ, то и рассказалъ.

— А вашъ братъ Вася? — спросила Нюша нетерпѣливо.

О Васѣ Ильѣ нечего было рассказывать; всѣ молчали и онъ помолчалъ съ минуту.

— Трудно жить, — сказала вдругъ Меричка, скосивъ глаза, все кажется, будто легко-легко, а задумаешься — нѣтъ, какое тамъ легко! Только трудно. Можетъ быть, вы еще расскажете?

Человѣкъ въ черкескѣ ударилъ по столу рукой съ загнутыми, какъ у коршуна, ногтями.

— Вдемъ, Леша, а? Не хочешь? Вдемъ картошку копать? Карпуша, не опускайся, братъ, на донышко, воскресни! Вдемъ теребить сосцы матери-земли!

— Тише, не шумите, — сейчасъ же обернулась къ нимъ Берта. — Эхъ вы, ни на что не способные, пьяные люди! Вотъ Гриша нашъ навѣрное поѣхалъ бы, навѣрное бы рѣшился, да и насъ бы всѣхъ съ собой взялъ! Да что говорить!

— Насъ не возьмешь, — печально шепнула ей Нюша, — намъ кромѣ этого еще столько въ жизни надо; бѣдныя мы, — правда, Меричка?

— Правда, Нюша, — кивнула та, и двѣ слезы стали у нея въ глазахъ. — Только нѣтъ, нѣтъ! Ничего намъ не нужно, ничего. Мы и такъ счастливыя!

Всѣ четыре дѣвушки поняли другъ друга съ одного взгляда.

— Мы и такъ счастливыя, — повторила Берта, украдкой взглядывая на Илью.

Тотъ чувствовалъ, что не въ силахъ болѣе присутствовать на этомъ весельи, но Карпушѣ захотѣлось спѣть на

прощаніе: онъ попросилъ послушать его. Долго тренькалъ онъ какіе-то ходы, все выше поднимая надъ переносицей похожія на гусеницъ брови.

— Въ селеньи, у большой дороги,
Цыганку баринъ полюбилъ,
И сердце, полное тревоги,
Въ одинъ аккордъ съ гитарой слилъ, —

хрипло продекламировалъ онъ подъ хватающей за душу аккомпаниментъ и вдругъ заплакалъ:

— Ни пѣтъ, ни дышать не могу больше, братцы, — сквозь рыданія произнесъ онъ.

— Уйдемъ сейчасъ же, — вскочила Наташа, — иначе онъ всѣхъ насъ плакать заставитъ, какъ вчера.

Дѣвушки встали. Теперь въ нихъ во всѣхъ было что-то схожее, что сближало ихъ, и видно было съ мимолетнаго даже взгляда, что долго прожили онѣ вмѣстѣ и много вмѣстѣ промучились.

Илья тоже всталъ. Ньюша сказала:

— Мнѣ съ вами, Илья, поговорить надо, мы пойдемъ пройти четверть часика, согласны? Дѣло у меня къ вамъ есть.

Дѣвушки молча подали Ильѣ руки. Тѣ трое еще сидѣли — оставалось меньше часа до закрытія «Занзибара», они каждую ночь уходили отсюда послѣдними.

Дождь давно кончился, и улица успѣла высохнуть. Облака раздвинулись и показали предутреннее, легкое и далекое небо. Въ угловомъ кафе, гдѣ дверь была раскрыта настежь, и откуда шелъ дымъ дешеваго табака, негры въ однѣхъ жилеткахъ, но при часахъ и цѣпочкахъ, играли на биллиардѣ. Зубы и бѣлки глазъ сверкнули Ильѣ бѣлизною биллиардныхъ шаровъ. Ньюша взяла его подъ руку и увлекла. Онъ не узнавалъ улицъ, бумажки и соръ носились по вѣтру, зеленоватый свѣтъ фонарей растекался по бессоннымъ лицамъ прохожихъ, дрожали и гасли блѣд-

нья свѣтотыя рекламы — съ каждой минутой небо становилось прозрачнѣе, въ его свѣтѣ тонули высокія звѣзды. Въ окнѣ большого ресторана, на безпутной площади съ пустымъ фонтаномъ, доигрывалъ потный скрипачъ, а изъ узкой, золоченой двери, по зашлеваннымъ ступенькамъ, слускалась къ дребезжащему автомобилю, богато и дурно одѣтая женщина, со стотысячнымъ жемчугомъ, обвинитимъ вокругъ отвратительной шеи.

.....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

.....

День этотъ для многихъ изъ нашихъ второстепенныхъ, а то и третестепенныхъ героевъ оказался далеко не пустымъ. Такъ, на примѣръ, въ этотъ день получила въ Москвѣ телеграмма (правда, къ вечеру), что Горбатовъ младшій благополучно прибылъ въ Парижъ и завтра отправляется дальше.

Что касается господина Расторопенки, то и онъ, и всѣ его (въ количествѣ тридцати двухъ мужчинъ и пяти женщинъ) стали, какъ говорится, увязывать свое барахлишко и спѣшно сдавать работу, если у кого таковая имѣлась, съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ лятницу, какъ только получатся деньги и бумага о льготномъ проѣздѣ, чтобы уже не проживаться зря. Въ тѣхъ краяхъ, куда должны были они ѣхать, или, точнѣе, поблизости отъ тѣхъ краевъ, а именно на фермѣ Ильи Горбатова, этотъ понедѣльникъ также оказался не окончательно безмятежнымъ: въ этотъ день Марьянна рѣшила не шить себѣ голубое платье къ Рождеству, а сшить прямо бѣлое, подвѣнечное, которое потомъ, къ веснѣ, можно будетъ перекрасить, — и Вѣра Кирилловна была съ ней отъ души согласна. Кромѣ того, вниманіе ихъ обѣихъ, особенно Вѣры Кирилловны, было обращено на слѣднаго, котораго въ самый ужинъ привезли на

телѣтъ изъ Л., порядкомъ его растряся, и который пребывалъ въ забытїи. Въ бреду онъ два раза вспомнилъ о Васѣ и спросилъ, между прочимъ, отчего онъ его до сихъ поръ не видѣлъ. До вечера Анюта проплакала, не отходя отъ старика, а на слѣдующій день она оказалась свидѣтельницами дотола невиданныхъ ею вещей. Но объ этомъ предстоитъ намъ рассказать нѣсколько позже.

Нюша въ этотъ день попросила Меричку побыть съ нею. Изъ мыслей не выходилъ у нея Вася и его путешествіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась остаться одна, боялась съ нимъ встрѣтиться: для того и не отпускала она Меричку, что опасалась его прихода — минутами ей казалось, что ей необходимо выслѣживать каждый его шагъ, минутами — что ей не должно быть дѣла до этого грубаго, неуклюжаго парня. При Меричкѣ, по крайней мѣрѣ, не могло быть рѣчи, чтобы съ нимъ встрѣтиться: Нюша отъ стыда сгорѣла бы за короткіе рукава Васиной куртки, за его голубой галстухъ. Когда она вспоминала этотъ невыносимый небесный цвѣтъ, она чувствовала къ Васѣ настоящую злобу.

И все-таки -- онъ былъ единственное, что еще оставалось у нея въ мірѣ, въ цѣломъ мірѣ, гдѣ она жила и мучилась. Ночью, когда вернулась она домой съ Бертой и Наташей, ей показалось, что зайти къ нему, къ спящему, и остаться съ нимъ до утра, значить удержать его въ Парижѣ. Но этотъ способъ не былъ проченъ — это она сознавала, — этотъ способъ былъ самымъ постыднымъ изъ всѣхъ — у нея никогда не хватило бы мужества сознаться въ немъ Ильѣ. «Найдите послѣдняго изъ всѣхъ послѣднихъ» — такъ сказалъ онъ ей. Но вѣдь не придя къ Васѣ ночью и не оставивъ его при себѣ насильно?

Въ тотъ самый часъ, когда въ Москвѣ получилась телеграмма, Вася сталъ подъ окнами Келлермановой квартиры, безъ шапки и пальто, въ той роскошной, пустынной улицѣ, которая нами уже была однажды описана. То, что Нюша такъ подробно знала всю его, Васк-

ну, исторію, то, что ее занимала его судьба — судьба какого то «недоросля» (это слово тайно даже пришлось ему по вкусу), уѣзжающаго къ отцу въ Россію, съ помощью школьнаго товарища, пробудило въ немъ съ первой минуты любопытство. Любопытство это помогло Васѣ рѣшиться отправиться къ Келлерману. Но онъ простоялъ около часу у дома напротивъ (такъ, что его, конечно, хорошо видѣли изъ оконъ бывшей квартиры господина де-Р.), и когда вошелъ, наконецъ, въ домъ, швейцариха послѣшно заявила, что никого дома нѣтъ, что подниматься и беспокоиться ему незачѣмъ.

Но зачѣмъ, собственно, пришелъ онъ и сталъ, какъ былъ, напротивъ этого дома? Любопытство на самомъ днѣ его души постепенно переходило въ трепеть. Одинъ вопросъ всталъ тамъ, какъ итогъ всѣхъ разговоровъ, бывшихъ нѣкогда съ Ильей, вопросъ давно и полусознательно родившійся, но заглушенный Васей отъ невозможности разрѣшить его. Появленіе Нюши опять заставило его задуматься. Вопросъ этотъ былъ: неужели кромѣ Степана Васильевича Горбатова Вася Горбатовъ еще кому-нибудь нуженъ? Неужели отъѣздъ его важенъ не только для него и отца его, но и для другихъ какихъ-то людей, которыхъ онъ не зналъ и не хотѣлъ знать?

Онъ долго не ложился въ этотъ вечеръ и слышалъ, какъ вернулся Шайбинъ (онъ уже зналъ, что они сосѣди), какъ умывался и какъ долго ворочался въ постели. Потомъ Вася заснулъ въ изнеможеніи отъ проведеннаго въ городѣ и безъ особаго смысла дня. Его разбудила горничная: былъ первый часъ дня. Верхняя барышня спрашивала: не хочетъ ли мосье подняться на минуту? Вася подумалъ и сказалъ, что не хочетъ. Больше всего онъ боялся, что Нюша опять предложитъ ему себя, — это было ему совершенно невыносимо. Все, все, отъ самого его сна о ней, было тайной, за которую (еще и не зная Нюшу во все) онъ уже былъ готовъ бороться. Онъ зналъ, онъ помнилъ всегда, что это легко даться не можетъ, иначе и

счастья нѣтъ. И вдругъ она сама призывала его, сама давалась ему. Онъ закрылъ глаза, онъ холодѣлъ. Отъ стыда онъ не могъ двинуться.

Онъ пролежалъ часовъ до двухъ и тогда только отправился по городу. Онъ зашелъ въ магазины, онъ дважды съѣлъ у цинковой стойки жесткій бутербродъ съ зеленоватой ветчиной. Вернулся домой къ шести, усталый, грязный, — онъ со вчерашняго дня не умывался. Адольфъ вошелъ къ нему, не постучавшись, какъ старшій, какъ хозяинъ.

Въ Адольфѣ теперь была уже явная развязность и та непринужденность, которая дается большими и легко нажитыми деньгами, дорогимъ бѣльемъ и полной свободой. Онъ попросилъ Васю громко на вокзалѣ не разговаривать — какъ всегда, будетъ много сыщиковъ, и не надо, чтобы они обратили на нихъ излишнее вниманіе. Вася присѣлъ на постели. Ему хотѣлось узнать по глазамъ Адольфа: знаетъ ли тотъ, что Вася приходилъ къ нему вчера вечеромъ? Но глаза Адольфа бѣгали.

— Скажи, не лучше ли написать отцу, чтобы меня встрѣтили? — спросилъ Вася. Сыщики опять напомнили ему тотъ давній вопросъ, который его такъ мучилъ.

— Написать? Какому отцу?

— Степану Васильевичу. Или телеграфировать.

— Ахъ, да! Будетъ сдѣлано, если хочешь.

Нѣтъ, изъ этихъ словъ ничего нельзя было понять.

Вася вышелъ — это Адольфъ вывелъ его. И такъ, онъ уѣзжаетъ не простясь съ Нюшей, а можетъ быть, она-то и знаетъ, зачѣмъ онъ ѣдетъ и кому онъ нуженъ? Слишкомъ многое она знала! Но робость, неловкость, не дали ему увидѣть ее еще разъ.

Странные люди окружали отъѣздъ Васи. Часть поѣзда шла до Варшавы, другая до самой границы государства Россійскаго Négoréloé, какъ было написано на вагонахъ

Въ первыхъ двухъ классахъ, гдѣ Ѥхаль и Вася, были почти все поляки съ багажомъ превосходной отдѣлки, съ молчаливыми, лѣнивыми женщинами, еще задолго до отхода поѣзда откупорившими сласти. Въ третьемъ классѣ, какъ всегда, народъ былъ куда пестрѣе: тамъ, во-первыхъ, Ѥхали два молодыхъ православныхъ дьякона, подвязавшихъ косички, гремѣвшихъ въ окнѣ эмалированнымъ чайникомъ. Они, видимо, прїѣзжали въ Парижъ гостить и теперь возвращались въ свой приходъ, въ далекій польскій уѣздъ. Тутъ было много женщинъ въ платочкахъ, преимущественно молодыхъ, нѣкоторыя кормили грудью. Въ предчувствіи ночного путешествія начинались неторопливые разговоры.

У Васи вмѣсто багажа была небольшая, чрезвычайно скрипучая корзинка, удивительно недостойно выглядѣвшая на полкѣ рядомъ съ барскими погребцами и несессерами поляковъ. Ему, прежде всего, предстояло замерзнуть сейчасъ же послѣ Берлина, если не раньше. На оставшіяся деньги онъ купилъ себѣ, кромѣ этой самой корзинки, еще бѣлья и носковъ, больше ничего не пришло ему въ голову. У него оставалось около полтораста франковъ, онъ не зналъ: хватитъ ли ему этого на билетъ отъ границы до Москвы? Эти деньги были спрятаны въ старый холщевый кошелекъ.

Адольфъ то и дѣло поглядывалъ на часы, — для этого надо было отходить нѣсколько шаговъ въ сторону отъ поѣзда — они висѣли надъ входомъ въ залъ перваго класса; тяжелая стрѣлка не двигалась полную минуту, затѣмъ однимъ скокомъ переносилась на слѣдующее дѣленіе гигантскаго циферблата и нѣсколько мгновеній еще содрогалась, словно приходя въ себя отъ напряженія.

Провожающихъ было немало. Да были ли это провожающіе? Кое-кто сновалъ съ озабоченнымъ видомъ, добѣгая въ усердіи своемъ до самого вагона-ресторана, гдѣ въ тонкихъ, но устойчивыхъ вазахъ увядали прозрачные

цвѣты, гдѣ сіяли тарелки съ огромными вензелями, гдѣ лакей-итальянецъ засовывалъ между стаканомъ и солонкою блестящій бристолю франко-польскаго меню.

Изъ этихъ спующихъ одинъ, впрочемъ, слишкомъ близко останавливался отъ Адольфа. У него не было ни высоко поднятаго воротника, ни особенно глубоко надвинутой шляпы. Это былъ такъ себѣ человекъ: въ правой рукѣ онъ держалъ небольшой пакетикъ, и если бы не скрипучіе башмаки, Вася вовсе не обратилъ бы на него вниманіе.

Нюша бѣжала по перрону, словно боялась не успѣть, хотя до отхода поѣзда оставалось двадцать двѣ минуты — Адольфъ только что взглянулъ на часы. Шуба ея на этотъ разъ была вовсе не застегнута, и короткое, широкоз платье завивалось вокругъ колѣнъ. Съ зонтика ея текло -- опять шелъ дождь въ этомъ осеннемъ городѣ! Она бѣжала, вглядываясь въ каждаго, кто стоялъ у вагоновъ, вглядываясь въ окна вагоновъ, и глаза ея бѣгали на растерянномъ, блѣдномъ, ставшемъ вдругъ некрасивымъ лицѣ.

Первымъ она замѣтила Адольфа, его нельзя было не замѣтить — на егѣ широкіе штаны поглядывали многіе. Онъ помахивалъ бамбуковой тросточкой и блисталъ черными очками. Она увидѣла его, и мысль, что онъ будетъ свидѣтелемъ ея возможной побѣды, закружила ей голову. Она подбѣжала къ Васѣ — онъ не узналъ ее въ уличномъ нарядѣ.

— Зачѣмъ я здѣсь? — спросила она, запыхавшись, не то самое себя, не то Васю. — Вы, можетъ быть, въ душѣ смѣтаетесь надо мной, Василій Степановичъ? Вчера вечеромъ вы не пришли ко мнѣ, а мнѣ показалось слишкомъ грубымъ, слишкомъ откровеннымъ придти къ вамъ. Зато сегодня вы прямо отказались, когда я послала за вами — и я весь день не знала, что думать. И вотъ, я все таки здѣсь, и здѣсь мнѣ не стыдно разговаривать съ вами — и въ особенности при немъ, — она глазами показала на Адольфа.

— Я не провожать васъ пріѣхала — много чести! Я васъ увозить пріѣхала. Стойте, не мѣшайте!

Это почти крикнула она Адольфу, который успѣлъ схватить ее за руку повыше локтя.

— Убирайтесь вонъ, — сказалъ онъ краснѣя, — вы сошли съ ума.

Она вздернула плечомъ и сильно рванулась отъ него. На знаменитой кротовой шубѣ остался слѣдъ — лепестокъ тонкаго мѣха оторвался и упалъ на асфальтъ платформы.

— Ахъ Господи, да этотъ, кажется, драться готовъ! Вы знаете, почему я за вами, какъ дура, прибѣжала? Я все сомнѣвалась, до послѣдней минуты сомнѣвалась, вы ли это, Василий Степановичъ, тотъ самый, который... Нѣтъ, не могу вамъ объяснить сейчасъ, послѣ скажу. И вдругъ что-то прямо укололо меня: вы! И я все забыла, забыла что вамъ девятнадцать лѣтъ и что у васъ этотъ отвратительный голубой галстухъ, надъ которымъ будетъ смѣяться Меричка. Слушайте меня!

Вася съ невыразимымъ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Пересохшій ротъ его былъ полуоткрытъ.

— Илья для того и уѣхалъ, чтобы сказать вамъ: не такъ себѣ, милый, ѣдешь и вообще-то въ жизни мало что «такъ себѣ» бываетъ. Илья бросился за вами потому, что думалъ, какъ и я, что телеграмма только въ понедѣльникъ вечеромъ придетъ — это вотъ онъ, такъ сказалъ мнѣ, онъ подлець, солгалъ, а я еще разъ повѣрила. — Она всей рукой показала на Адольфа, и тотъ покраснѣлъ еще больше прежняго, и видно было, какъ внезапно онъ зажалъ въ рукѣ (въ замшевой перчаткѣ) легкую свою трость. — Илья бросился за вами — а вы оказались здѣсь, вы ѣдете... куда? Къ кому? Вы вѣрите, что васъ папаша ждетъ? Да что вы въ самомъ дѣлѣ думаете — нужны вы ему?

Адольфъ слегка замахнулся тростью, но не слишкомъ, чтобы не обратить на себя вниманіе другихъ провожающихъ, словно онъ въ шутку стоитъ и помахиваетъ ею, стоитъ себѣ и помахиваетъ.

— Убирайтесь вонъ, — сказалъ онъ опять, нижняя губа его прыгала, — все что вы ни скажете — вранье и гадость.

Вася стоялъ въ какомъ то оцѣпенѣнии. «Вотъ еще минута, — пронеслось въ его мысляхъ, — и я узнаю все, и впервые въ жизни моей представится мнѣ случай быть рѣшительнымъ, быть честнымъ».

— Ложь? Гадость? — прошептала Нюша и слезы блеснули у нея въ глазахъ, но она не дала имъ упасть. — Василий Степановичъ, этотъ подлецъ на службѣ у собственнаго отца, вся будущность этого кораблестроителя обезпечена, если вы сейчасъ уѣдете. Деньги, которыя вамъ дали, думаете, отецъ ихъ вамъ прислалъ? Стойте! Нѣтъ никакого Степана Васильевича Горбатова!

Вася ринулся къ ней.

— Что вы говорите, не можетъ этого быть! — вскричалъ онъ, ловя ее за руку.

— *En voitures!* — прозвучало гдѣ-то далеко, у самага товарнаго вагона. — *En voitures! En voitures!* — повторилось ближе и еще ближе. Захлопали тяжелыя двери.

Адольфъ не двинулся. Что дѣлалось въ глазахъ его, за черными стеклами, никто не видѣлъ.

— Ну, довольно, — сказалъ онъ раздѣльно, — полюбай въ вагонъ, не то корзинка твоя уѣдетъ.

Вася повернулъ къ нему искаженное лицо. Онъ весь собрался въ до сихъ поръ невѣдомомъ душевномъ усилии. Это мгновение для него было такъ ярко, такъ остро — оно вылилось въ два слова, которыя онъ едва не выкрикнулъ во весь голосъ: я живу!

То, что совершилось внутри него — онъ не зналъ этому названія, онъ и не старался найти нужныя слова, чтобы высказать то, что жгло ему душу. Онъ преодолѣлъ это трудное, это счастливое озареніе, лицо его вновь приняло прежній, лишь нѣсколько возбужденный обликъ. Онъ увидѣлъ Нюшу, и то, какъ слезы текли у нея по ли-

цу, и то, какъ онѣ капали ей на руки. И переспрашивать о чемъ бы то ни было показалось ему невозможнымъ.

— Какъ-нибудь увезите меня отсюда, — сказала онѣ ей.

Съ грохотомъ заперли дверь за его спиной, долгій свистокъ, отъ котораго передъ глазами идутъ красные круги, задрожалъ въ воздухѣ. Колеса двинулись.

Спѣшно настраивался многопудовый, стальной оркестръ — спѣшно строились музыканты. Въ каждомъ окнѣ кто-то взмахнулъ бѣлымъ платкомъ, каждому кто-то отвѣтилъ. Вагоны, подрагивая, постепенно находили свой ритмъ въ общей мелодіи.

Съ дикимъ жужжаньемъ на стрѣлкахъ пронесся поѣздъ мимо депо; онѣ свистнулъ еще разъ и отрыдалъ долгимъ, колеблющимся ревомъ. И во мракѣ, сырость, осеннемъ, надъ тусклыми рельсами, остался на долгую минуту маленькій, красный огонь.

Адольфъ стоялъ ровно столько, сколько стояли всѣ. Онѣ со всѣми вмѣстѣ смотрѣлъ во слѣдъ, пока слѣдъ не пропалъ среди десятка другихъ огней, красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ. Рядомъ ревелъ поѣздъ, пришедшій изъ Калэ, носильщики орали, гремѣли желѣзными телѣжками.

Когда всѣ пошли къ выходу, пошелъ и Адольфъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ не отстать отъ другихъ. Онѣ старался идти въ ногу съ тѣми, что шли рядомъ съ нимъ, но всей спиной чувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ. Онѣ чувствовалъ его затылкомъ, плечами, поясницей, словно его прокалывали; онѣ изо всей силы старался не спѣшить. Съ какой-то нарочитой лѣнницей прошелъ онѣ широкимъ корридормъ и лѣстницей, вышелъ на площадь. Онѣ сразу увидѣлъ, какъ, наконецъ, найдя автомобиль — пассажиры изъ Калэ расхватывали ихъ, погода этому способствовала — Нюша и Вася усаживались, шофферъ лѣниво опускалъ счетчикъ. И въ эту самую минуту Адольфу перестали смотрѣть въ спину: рядомъ съ нимъ скрипнули башмаки, и человекъ съ пакетикомъ, покачавъ головой

и подмигнувъ одновременно, побѣжалъ по лужамъ къ станціи метрополитена.

Автомобиль отѣхалъ отъ вокзала, завернулъ въ улицу, и стекла тотчасъ же замутились отъ дождя. Внутри были сумерки, сырость, бензинъ. Изрѣдка сквозь эти сумерки хлесталъ широкой и быстрый лучъ бѣгущаго навстрѣчу фонаря, и тогда онъ за одно пробѣгалъ и по Ньюшѣ, по ея открытой шеѣ, по рукамъ и даже по свѣтлымъ чулкамъ.

Вася, не глядя, почувствовалъ, какъ проходятъ по ней мимоскользящіе свѣты, и искушеніе увидѣть ее, взглянуть на нее въ упоръ, стало непреодолимымъ. Въ этомъ искушеніи было для него столько истиннаго, неповторимаго блаженства, что онъ сперва медленно перевелъ глаза на ея маленькія, тѣсно одна къ другой прижатыя ноги, на ея колѣни, обтянутыя короткой шубой, на ея руки въ лайковыхъ перчаткахъ. Онъ задержался на нѣсколько долгихъ, безконечно счастливыхъ секундъ гдѣ-то возлѣ распахнутаго ворота, между клѣтчатымъ платкомъ, тѣнью платья и нѣжной шей и, наконецъ, взглянулъ ей въ лицо.

— Поцѣлуйте меня, — сказалъ онъ вдругъ неожиданно для самого себя, замирая отъ страха и осторожно касаясь пальцемъ ея разорваннаго рукава.

Она обернулась къ нему, удивленно и сурово посмотрѣла на него.

— Вы работать умѣете? Что вы дѣлать можете?

Онъ не спускалъ съ нея свѣтлыхъ, блестящихъ глазъ.

— Я спрашиваю: чѣмъ вы заниматься собираетесь? Вамъ завтра же нужно найти работу.

— Я найду. Я на заводъ пойду. Мы переѣдемъ изъ вашей гостиницы, — онъ задохнулся.

Они теперь стояли на перекресткѣ, подъ палочкой городского.

— Поцѣлуйте меня, — сказалъ онъ опять, не помня себя, — посмотрите на меня.

Онъ не зналъ, какъ ему быть; онъ протянулъ руку и словно ожегшись дотронулся до ея лайковой перчатки.

— Вы сегодня же вечеромъ найдете другія комнаты, я вамъ скажу, гдѣ искать.

— Другую комнату.

Онъ придвинулъ колѣни къ ея колѣнямъ — и вдругъ почувствовалъ, что больше словъ не должно быть произнесено. Изъ чувства противорѣчія и отъ чудовищнаго смущенія онъ еще сказалъ:

-- Снимите перчатку.

— Снимите сами, — прешентала она совсѣмъ тихо.

Онъ еще обнималъ ее, когда автомобиль остановился у подъѣзда гостиницы.

Лѣстница дѣлала крутой поворотъ влѣво къ первому этажу, каждая морщина пыльного ковра, каждое пятно ободранной дорожки были Нюшѣ знакомы. Рожокъ освѣщаль лѣстницу свѣтомъ напряженно краснымъ, надпись о томъ, что надобно вытирать ноги оставалась въ тѣни при этомъ освѣщеніи. Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ медленно, словно оцупью, сходилъ внизъ — было время обѣда. На немъ была шляпа и непромокаемое пальто — плачевнаго вида. Лицо его, подъ полями нѣсколько шире обыкновеннаго, было разсѣяно; онъ спускался прямо на Васю, крѣпко держась за перила — у него была такая привычка.

Лицо его было неясно видно изъ-за полей шляпы и скуднаго свѣта лампочки, но во всей высокой, до сихъ поръ еще очень стройной, несмотря на незначительную сутулость, фигурѣ было выраженіе безразличія ко всему окружающему и сосредоточенности на самомъ себѣ. И, правда, просидѣвъ часъ надъ планомъ города Парижа (Богъ вѣсть, откуда онъ добылъ этотъ старый, прозрачный на сгибахъ планъ), онъ имѣлъ право на подобное выраженіе.

Онъ приподнялъ шляпу — и въ этой вѣжливости было опять-таки что-то новое и даже высокомѣрное. Васю онъ

на этотъ разъ узналъ, едва его увидѣвъ. Нюша оставалась еще внизу.

— Вы, кажется, собирались нынче куда то ѣхать? — спросилъ Шайбинъ съ чрезвычайной сдержанностью. — Или вы раздумали?

Вася прошелъ мимо него и вдругъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, вы ошиблись, — сказалъ онъ, теряясь, — я никуда не ѣду.

Шайбинъ въ эту минуту встрѣтился глазами съ Нюшей, и глаза Нюши поразили его. Онъ увидѣлъ ее другой, совсѣмъ новой, чужой, съ заплаканнымъ лицомъ (при немъ она никогда не плакала), съ губами, съ которыхъ безпомощно сошли румяна. Ему показалось, что она хочетъ подать какой-то знакъ: она двинула бровями, быстро показала ему на Васю. Не хотѣла ли она сказать Шайбину: молчи! не спрашивай! У нея въ это время былъ такой видъ, будто она приглашала Алексѣя Ивановича быть съ ней за одно.

Онъ посторонился. Она прошла.

Онъ надвинулъ шляпу на глаза и снова взялся за перила. «Она вернула его» — прошла въ немъ первый разъ за долгое время ясная мысль. «Теперь время исполнить, наконецъ, то, что остается».

И онъ въ задумчивости вышелъ на улицу.

Автомобиль еще стоялъ у подъѣзда. Шофферъ не спѣшилъ, дождь все усиливался. Шайбинъ открылъ дверцу (о, у него еще оставались кое-какія деньги!). Онъ вдохнулъ въ себя остатокъ Нюшиныхъ духовъ, это было ея съ нимъ прощаніе! И вынувъ изъ кармана пиджака обрывокъ газеты и осторожно обращаясь съ дверцей, чтобы Боже упаси, не задѣтъ кого изъ проходившихъ по тротуару, онъ явственно прочелъ шофферу адресъ господина Расторопенки.

Машина легко откатила отъ подъѣзда, и такъ какъ ули-

ца была слишкомъ узка, то чтобы повернуть, пришлось проѣхать нѣсколько дальше, домовъ шесть, въ направленіи кладбища, и уже потомъ свернуть внизъ, къ широкому бульвару.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

.....
Часовъ въ пять вечера, въ субботу, на слѣдующій день послѣ похоронъ слѣпого, въ часъ когда Илья былъ въ полѣ, въ часъ, когда онъ не могъ быть дома, у ограды горбатовской фермы появился Алексѣй Ивановичъ Шайбинъ.

Онъ уже не имѣлъ вида «человѣка изъ Африки». Онъ, напримѣръ, уже не шелъ пѣшкомъ изъ города, какъ въ тотъ разъ, когда уставалъ вглядываться въ даль, ища въ этой дали горбатовскіе платаны, о которыхъ ему говорили въ городѣ. Онъ доѣхалъ въ автобусѣ до почему-то памятнаго ему перекрестка, и только уже оттуда пошелъ пѣшкомъ.

Онъ шелъ не скоро и не медленно. День былъ чистъ и свѣтелъ. У мостика, что ведетъ къ старой фермѣ, онъ неувѣренно остановился — онъ старался заглянуть за ряды курчавыхъ яблонь, чтобы увидѣть хотя бы часть той жизни, которая предстояла и ему: увидѣть соломенную шляпу, лопату въ грубой рукѣ, черные комья разрытой жирной земли... Миновавъ первые платаны, дремотно прошумѣвшіе ему, онъ увидѣлъ дымъ надъ крышей, прозрачный, какой-то особенно чистый дымъ, синій, какъ небо, курчавый, какъ облако. Онъ подошелъ къ воротамъ.

Быть можетъ, изъ окна кухни кто-нибудь и видѣлъ его — онъ никого не замѣтилъ. Онъ простоялъ довольно долго, ему некуда было спѣшить. Онъ стоялъ у цѣли. Наконецъ, кто-то прошелъ по двору, какая-то женщина. Это могла быть либо Марьянна, либо Вѣра Кирилловна.

Женщина увидѣла издали Алексѣя Ивановича и уро-

нила сверкающій, бѣлой жести тазъ, который со звономъ покатился ей подъ ноги. Женщина такъ и не подняла его; она быстрымъ и почти неслышнымъ шагомъ — до того былъ онъ легокъ — пошла къ воротамъ; съ каждой секундой Шайбинъ видѣлъ яснѣе блѣдное, чуть смуглое лицо, брови, глаза Вѣры Кирилловны и два яркихъ пятна, выступившія у нея на щекахъ.

— Войдите, что жъ вы стоите такъ? — сказала она, берясь за кольцо калитки.

Онъ увидѣлъ ея длинные, ровные пальцы въ маленькихъ черныхъ трещинахъ, съ темно золотымъ обручальнымъ кольцомъ и другимъ, старымъ, серебрянымъ, изъ котораго выпала за эти годы вся бирюза; онъ увидѣлъ большую, нѣтъ, огромную англійскую булавку, которой былъ заколотъ передникъ на груди, все еще ровной, все еще высокой; онъ увидѣлъ тогда же какія-то вовсе лишеныя всякаго смысла матерчатая пуговики у ворота платья и грубоватую, давнюю цѣлочку креста.

— Вѣра, удивитесь мнѣ, удивитесь моему возвращенію, посмѣйтесь надо мной, иначе мнѣ слишкомъ тяжело, мнѣ слишкомъ стыдно будетъ съ вами, — проговорилъ Шайбинъ, и глаза его вдругъ стали влажными и напряженными.

Она качнула головой.

— Вернулись и ладно, — сказала она тихо. — Не требуйте отъ меня слишкомъ многого.

Онъ вошелъ слѣдомъ за нею въ этотъ садъ, гдѣ, многимъ больше недѣли тому назадъ, онъ испыталъ сильнѣйшее головокруженіе. Такъ вотъ какъ они жили! Передъ самымъ домомъ дрались два пѣтуха — молодой и старый — такъ, что песокъ летѣлъ въ разныя стороны; чьи-то дѣтскія туфли (развѣ есть у нихъ дѣти?) бѣлились на солнцѣ.

Шайбинъ снялъ шляпу и сѣлъ на ступеньку крыльца, на теплую, каменную ступеньку со слѣдами птичьяго помета.

— На этотъ разъ, Вѣра, я къ вамъ «на совѣтъ», какъ говоритъ Марьянна. Парижъ мой поконченъ. Илья распорядился моею жизнью.

Она сѣла напротивъ него на низкую скамейку, поставленную здѣсь безо всякой нужды.

— Илья ли, вы ли, какъ знать, да и знать не надо. Теперь ужъ я съ вами — камнемъ вамъ на шею. Не отвяжете.

Она улыбнулась, и на обѣихъ щекахъ появились у нея морщинки, которыя были у нея съ молодю, и которыя Марьянна называла «ямочками».

— Камнемъ на шею, — повторила она. — Васино мѣсто свободно.

Ея улыбка опять заставила глаза его напряженно заблестѣть.

— Вы не поняли меня, — сказалъ онъ молодю. — Ахъ, Боже мой, я вѣдь сказалъ ужасную глупость: я пріѣхалъ со всей партіей, и Расторопенко уже нашелъ мнѣ работу. Она вся вытянулась.

— Вы пріѣхали со всѣми, Алеша, значитъ не на «слово природы», не «размякнувъ душой»?

Она не удержалась и разсмѣялась тихо и коротко, руки ея, сложенные до тѣхъ поръ на колѣняхъ, распались.

— И знаете, какую онъ мнѣ работу нашелъ? Никогда не повѣрите: по счетной части!

Она подняла брови и полуоткрыла ротъ -- каждое его слово было для нея, какъ пѣсня, — оно ей туманило умъ и наполняло душу восторгомъ.

— Хотите расскажу, какъ все случилось? Случилось не такъ ужъ просто, и я боялся, что они меня съ собой не возьмутъ. Когда я пришелъ къ Расторопенкѣ, онъ на меня посмотрѣлъ, какъ на совершеннаго проходимца. Откуда? Что такое? (Это Илья оставилъ мнѣ его адресъ).

— Илья? Значитъ онъ зналъ, что вы пріѣдете?

— Охъ, нѣтъ. Иначе бы онъ непременно вамъ объ этомъ сказалъ. Онъ оставилъ мнѣ адресъ «на всякій слу-

чай» — чортъ знаетъ что это выраженіе для него значить, вѣдь онъ дѣйствуетъ «безъ надежды»... Такъ вотъ господинъ Расторопенко (презанный, я вамъ скажу, субъектъ, въ наше время модно было такихъ въ литературѣ изображать), господинъ этотъ просто выставилъ меня вонъ. И тогда мнѣ пришлось обратиться за помощью къ одному доброму человѣку, нѣкогда весьма дѣятельному по части революцій, который сейчасъ особенно хорошъ тѣмъ, что на покой. Я зналъ, что онъ занимается всяческой филантропіей, я зналъ также, что онъ знакомъ съ Ильей, но оказалось, онъ и Расторопенку знаетъ — въ Парижѣ всѣ другъ друга знаютъ, вы и не повѣрите. Этотъ добрый человѣкъ сейчасъ же повезъ меня къ Расторопенкѣ обратно, сказалъ, что ручается за меня и даже далъ мнѣ немного денегъ взаймы — по правдѣ сказать, прожилъ я въ Парижѣ страшно. Но и это обошлось — деньги его не понадобились: накануне отъѣзда трое изъ партіи отказались ѣхать, говорятъ — имъ мѣсто вышло на Деляжъ, они предпочли остаться. Расторопенко говорилъ, что тутъ дѣло не чисто, но на что онъ намекалъ, я не понялъ. Однимъ словомъ, меня взяли вмѣсто одного изъ оставшихся, я пріѣхалъ на казенный счетъ, подписалъ нынче контрактъ, и меня даже застраховали. Но изъ уваженія къ моимъ сѣдинамъ — (онъ улыбнулся, выждалъ нѣсколько мгновений), — изъ меня рѣшили сдѣлать что-то вродѣ старшаго: говорятъ — университетъ и все такое... Кромѣ того, — хромота. Тамъ, за городомъ огромное дѣло дѣлается, Вѣра, тамъ предполагаютъ чуть ли не вдвое фабрику спаржныхъ консервовъ расширять, но рабочихъ русскихъ на фабрику вовсе не берутъ — русскихъ приспособляютъ къ самой этой спаржѣ. А имъ того только и надо, — для всѣхъ это лишь начало какой-то прочной и «своей» жизни.

Вѣра Кирилловна сидѣла и слушала. Это онъ ей разъяснялъ! Откуда бралась у него дерзость! Она улыбнулась и сейчасъ же вновь стала внимательной.

— Я рассказываю вамъ все это съ какой то легкостью, съ легкомысліемъ даже, — сказала Шайбинь. — Илья научилъ меня этому. И развѣ сами вы не говорили: или сдѣлать то, что я сдѣлалъ, или сгинуть? Вы сами говорили, что иначе — петля. Вѣра, вы были правы...

Вѣра Кирилловна вслушивалась въ каждое слово. Несмотря на ровный голосъ, на радостное лицо, онъ за время ихъ короткой разлуки измѣнился, онъ не могъ не измѣниться, онъ не могъ не замучиться въ столицѣ, и слѣды этихъ мученій были повсюду, даже въ слишкомъ отчетливо заблестѣвшей сѣдинѣ. Она угадывала въ немъ подъемъ, какой наступаетъ послѣ принятаго рѣшенія, она знала, что послѣ этого подъема придетъ усталость, можетъ быть, разочарованіе, можетъ быть, сожалѣніе. А потомъ пройдетъ и это. Она видѣла за нимъ, за дорогими ей чертаніями его плечъ и немного узкой головы, его жизнь. И прошло для нея въ эту минуту какъ бы вовсе не существовало. Тутъ начиналось прямо противоположное прошлому — тутъ начиналось то будущее, въ которомъ она становилась хозяйкой.

— Я долженъ идти, я не хочу вернуться слишкомъ поздно, — сказалъ Шайбинь.

— Вы не поужинаете съ нами?

Онъ отказался. Онъ уже видѣлъ себя на обратномъ пути, видѣлъ поля, платаны...

Онъ всталъ, и горбатовскій дворъ съ безпокойными курами, съ неповоротливой, мохнатой собакой, вдругъ напомнилъ ему, что пришелъ онъ сюда не только похвастать собою, но и сказать послѣднее слово Васиной исторіи.

— Онъ не писалъ вамъ, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ? — спросилъ Шайбинь, и Вѣра Кирилловна сразу угадала, о комъ онъ говорить.

— Нѣтъ, онъ не напишетъ.

— Вѣрно, что не напишетъ. Я видѣлъ его. Онъ не уѣхалъ въ Москву, онъ остался въ Парижѣ. Его вернули съ вокзала.

— Онъ не уѣхалъ? — повторила Вѣра Кирилловна. — Что вы, вы ошибаетесь! Кто могъ его вернуть?

— Я говорю вамъ: его вернули. Въ тотъ же вечеръ онъ выѣхалъ изъ гостиницы, гдѣ всѣ мы жили, и адреса его я не знаю. Это она вернула его. Говорятъ, багажъ его уѣхалъ, былъ у него багажъ или нѣтъ — не знаю. Она съ нимъ и переѣхала.

— Да кто она такая?

— Вы не знаете ее... Она вытащила его прямо изъ поѣзда — такъ рассказывали ея подруги, и теперь она уже не отпуститъ его отъ себя. Я ихъ видѣлъ въ тотъ самый вечеръ.

— Да кто она?

Шайбинъ не взглянулъ на Вѣру Кирилловну; онъ смѣтрѣлъ въ сторону, можетъ быть, на дорогу, гдѣ въ это самое время пронеслась высокая телега; бичъ кружилъ по небу, тарахтѣли колеса.

— Вы не знаете ее, — сказалъ онъ съ усиленіемъ. — Илья знаетъ. Скажите ему, что ее зовутъ Анна Мартыновна Слѣтова.

Онъ опять не взглянулъ на нее, не протянулъ ей руки. Она стояла въ растерянности, не зная, что подумать: смѣется ли она радоваться тому, что онъ сказалъ, или не смѣется? Радость или горе значили его слова? Радость, радость, — шепнула она про себя. Или оттого это радость ей, что слова эти говорилъ Шайбинъ?

Она сложила руки.

— Алеша, — тихо сказала она, — нѣтъ, ничего, простите меня!.. Такъ вы совсѣмъ навѣрное знаете, что Вася въ Парижѣ?

— Навѣрное.

— Ну, спасибо вамъ, это все-таки большое мнѣ утѣшеніе, и Марьяннѣ, и Ильѣ. Спасибо, что пришли, что сказали.

Онъ пошелъ внизъ, къ воротамъ, онъ шелъ и думалъ. Онъ думалъ душою, — «здѣсь кончается одна жизнь и на-

чинается другая. Здѣсь вертикальная линия, разсѣкающая мое время пополамъ. Я все сдѣлалъ, я все сказалъ. О, моя совѣсть!»

Онъ скрылся за большимъ, беспорядочнымъ кустомъ смородины; въ саду стало тихо. Въ саду шептались въ предвечернемъ дыханіи персиковыя деревья, неподвижны и царственны были одни кипарисы, тѣ, за которыми начинались поля, начинались дуга, лѣса, просторы...

Вѣра Кирилловна стояла и смотрѣла передъ собой. Прислоненный къ крыльцу колунъ блестѣлъ на солнцѣ, словно кусокъ зеркала. Наконецъ, она закрыла глаза — кусокъ ослѣпительнаго зеркала, кусокъ солнца, превратился въ черное пятно.

Оно то ширилось, заволакивая собою какія-то падающія вверхъ искры, и тогда становилось похоже на огромную медузу; то уменьшалось до колючей точки — и тогда искры переставали падать, онѣ плыли на мѣстѣ, дрожали, мѣняя окраску; онѣ сіяли, пока чернѣла точка, и вмѣстѣ съ нею стали блѣднѣть. И красное небо, въ которомъ все это происходило, постепенно сдѣлалось сѣрымъ; растаяли, ушли куда-то въ сторону золотыя и черныя звѣзды.

Когда Вѣра Кирилловна подняла вѣки, изъ огорода, съ дейкой въ рукахъ, вышла Аня. Она теперь тоже стала носить круглую соломенную шляпу (Марьянна подарила ей свою старую). Аня подошла къ крану, съ важностью подставила лейку и дождалась, пока лейка наполнится. Тогда она обѣими руками крѣпко завернула кранъ и пошла обратно, наклонившись отъ тяжести въ сторону и преувеличенно далеко отставивъ руку (такъ дѣлала Марьянна). Нѣсколько тяжелыхъ капель упало ей на пыльный деревянный башмакъ.

1928 - 29. Провансъ-Парижъ.

Н. Берберова.

ХОРОШАЯ ПОГОДА.

Травы, травы, тростники
На сухой вершинѣ...
Почему бы тростники?
Ни ручья здѣсь, ни рѣки,
Вся вода въ долинѣ.

Небо каждый Божій день
Ровноголубое.
Почему бы каждый день?
И куда дѣвалась тѣнь?
Что это такое?

Для того, чтобъ обмануть
Сводъ небесъ такъ ясенъ.
Соблазнить и обмануть,
Убѣдить кого нибудь
Что нашъ міръ прекрасенъ.

Не поддамся этой лжи,
Знаю, не забуду:
Міръ кругомъ лежитъ во лжи...

Ворожи не ворожи —
Не повѣрю чуду.

II.

ИГРА.

Совсѣмъ не плохъ и спускъ съ горы:
Кто бури зналъ — тотъ мудрость цѣнитъ.
Лишь одного миѣ жаль: игры.
Ее и мудрость не замѣнитъ.

Игра загадочнѣй всего
И безкорыстнѣе на свѣтѣ.
Она всегда — ни для чего,
Какъ ни надъ чѣмъ смѣются дѣти.

Котенокъ возится съ клубкомъ,
Играетъ море въ постоянство,
И всякій вѣдалъ, за рулемъ,
Игру бездумную съ пространствомъ.

Играетъ съ ризамами поэтъ, —
И пѣна по краямъ бокала...
На спускѣ тихо. Все-же слѣдъ
Игры и здѣсь остался малый.

Когда придетъ моя пора,
И всѣ окончатся дороги,
Я объ игрѣ спрошу Петра,
Остановившись на порогѣ.

И если нѣтъ игры въ раю,
Скажу, что рая не приѣмлю;
Возьму опять суму мою,
И снова попрошусь на землю.

III.

БЫТЬ МОЖЕТЪ?

Г. В. Адамовичъ.

Какъ этотъ странный міръ меня тревожить!
Чѣмъ дальше — тѣмъ все меньше понимаю.
Отвѣтовъ нѣтъ. Одинъ всегда: «быть можетъ»...
А самый честный и прямой — «не знаю».

Задумчивой тревогѣ нѣтъ отвѣта?
Но почему-же дни ее все множатъ?
Какъ родилась она? Откуда?.. Гдѣ-то, —
Не знаю гдѣ, — но есть отвѣтъ... быть можетъ.

3. Гиппіусъ.

Сент 1930 г.

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІИ.

1.

Въ сумракѣ счастья невѣрнаго
Смутно горитъ торжество,
Нѣтъ ничего достовѣрнаго
Въ синемъ сіяньи его.
Въ пропасти холода нѣжнаго,
Нѣтъ ничего неизбѣжнаго
Вѣчнаго нѣтъ ничего.

...Сердце твое опечалили
Небо, весна и вода.
Легкія тучи растаяли,
Легкая встала звѣзда.
Легкія лодки отчалили
Въ синюю даль навсегда.

2.

Теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга,
Умираетъ человѣкъ.
Это вьюга, это вьюга
Это вьюга крутитъ снѣгъ.

«Пожалѣй меня, подруга,
Такъ ужасно умирать»
...Только вѣтеръ вѣетъ съ юга
Да и словъ не разобрать.

— Тотъ блаженъ, кто умираетъ
 Тотъ блаженъ, кто обреченъ,
 Въ мигъ, когда онъ все теряетъ
 Все приобрѣтаетъ онъ.

«Пожалѣй меня, подруга» —
 И уже ни капли силъ.
 Теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга
 Съ бѣлыхъ камней и могилъ.
 Заметаетъ быстро вьюга
 Все, что въ мѣрѣ ты любилъ.

3.

Россія, Россія «рабоче-крестьянская» —
 И какъ не отчаяться! —
 Едва началось твое счастье цыганское
 И вотъ ужъ кончается.

...Деревни голодныя, степи бесплодныя...
 И ледъ твой не тронется —
 Едва поднялося твое солнце холодное
 И вотъ уже клонится.

4.

Это только бессмысленный рай
 Только пѣсенъ растерянный ладъ —
 Задыхайся душа и сгорай
 Какъ закатныя розы горять.

Задыхайся отъ нѣжныхъ утратъ
И сгорай отъ блаженныхъ обидъ —
Это только сіяющей адъ
Золотые сады Гесперидъ.

Это — надъ ледяною водой
Это — сквозь холодѣющій мракъ --
Синей розой, печальной звѣздой
Погибающимъ свѣтитъ маякъ.

5.

Анна! Анна! Тишина.

Блокъ.

Холодно бродить по свѣту,
Холоднѣй — лежать въ гробу.
Помни это, помни это
Не кляни свою судьбу.

Ты еще читаешь Блока
Ты еще глядишь въ окно
Ты еще не знаешь срока —
Все неясно, все жестоко
Все навѣкъ обречено.

И конечно жизнь прекрасна,
И конечно смерть страшна,
Отвратительна, ужасна...
Но всему одна цѣна.

Помни это. Помни это.
— Каплю жизни, каплю свѣта...

«Донна Анна! Нѣтъ отвѣта
Анна! Анна! Тишина».

6.

Надъ закатами и розами —
Остальное все равно -- -
Надъ торжественными звѣздами
Наше счастье зажжено.

Счастье мучить или мучиться
Ревновать и забывать —

Счастье намъ отъ Бога данное
Счастье наше долгожданное
И другого не бывать!

Все другое только музыка,
Отраженье, колдовство —
Или — синее, холодное
Безконечное, бесплодное
Мировое торжество.

Георгій Ивановъ.

Солнце нисходитъ; еще такъ жарко,
Но въ воздухѣ осень и паркъ порѣдѣлъ.
Тамъ ярко горять лимонады въ хибаркѣ
И желтые листья на темной водѣ.

Еще мы такъ молоды. Дождь лилъ все лѣто,
Но лодки качались за мокрымъ стекломъ.
Трещали въ зеленомъ саду пистолеты.
Какъ быстро, какъ неожиданно время прошло.

Такъ поздно въ стеклѣ синева отражалась,
И мѣсяцъ вставалъ надъ фабричной трубой.
Душа мірозданья — Надежда на жалость, —
Быть можетъ мы лѣтомъ разстались съ Тобой.

Такъ тише и чище. Молчитъ въ амбразурѣ
Высокой тюрьмы арестантъ на закатѣ,
И въ яркомъ сіяньи осенней лазури
Свиститъ паровозъ на кривой эстакадѣ.

Вагоны качаясь уходятъ на западъ.
Съ бульвара доносится шумъ карусели.
Онъ смотритъ въ сіяньи. Не хочется плакать.
Какъ пыльно и кратко отъѣздовъ веселье.
Надъ башней проносятся позднія птицы.
Какъ быстро о солнцѣ листва забываетъ.
Рука открываетъ святыя страницы.
Глаза закрываются. Боль убываетъ.

Борисъ Поплавскій.

Жизнь Тургенева

Колыбель.

Орловская губернія не весьма живописна: поля, ровныя, то взбѣгающія изволоками, то пересѣченныя оврагами; лѣсочки, ленты березъ по большакамъ, уходящія въ опаловую даль, ведущія Богъ вѣсть куда. Нехитрыя деревушки по косогорамъ, съ прудками, сажалками, гдѣ въ жару подъ раkitами укрывается залѣнившееся стадо — а вокругъ вся трава вытоптана. Коегдѣ пятна густой зелени среди полей — помѣщичьи усадьбы. Все однообразно, неказисто. Поля къ июлю залиты ржами поспѣвающими, по ржамъ вѣтеръ идетъ ровно, безъ конца безъ начала, и онѣ кланяются, разступаются, тоже безъ конца-начала. Васильки, жаворонки... благодать.

Это предъ-черноземье. Мѣсто встрѣчи сѣверно-средней Руси съ южною. Москвы со степью. Къ западу заходя въ Калужскую, къ сѣверу въ Московскую, области Тулы и Орла являются какъ-бы Тосканю русскою. Богатство земли, тучность и многообразіе самого языка давали людей искусства. Святые появлялись въ лѣсахъ сѣвера. Тургеневы, Толстые, Достоевскіе порождены этими щедрыми краями.

Село Спасское-Лутовиново находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мценска, уѣзднаго города Орловской губерніи. Огромное барское помѣстье, въ березовой рошѣ, съ усадьбой въ видѣ подковы, съ церковью насупротивъ, съ домомъ въ сорокъ комнатъ, безконечными службами, оранжереями, винными подвалами, кладовыми, конюшнями, со знаменитымъ паркомъ и фруктовымъ садомъ. Въ началѣ прошлаго вѣка это какъ-бы столица маленькаго царства, съ правительствомъ, чиновниками, подданными. Даже колоніи были: разныя подчиненныя имѣнія и селъ, всякія Любовши, Тапки, Холодовы.

Спасское принадлежало Лутовиновымъ. Послѣднею изъ Лутовиновыхъ владѣла имъ дѣвица Варвара Петров-

на, унаследовавшая его отъ дяди Ивана Ивановича. Ей было уже подъ тридцать, когда въ Спасское заѣхалъ молодой офицеръ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ — для закупки лошадей съ ея завода, классическій «ремонтёръ». Варвара Петровна сразу въ него влюбилась: отличался онъ рѣдкостной красотой. Она пригласила его бывать за-просто безъ дѣла; и оставила у себя его португено: чтобы крѣпче выходило. Сергѣй Николаевичъ сталъ появляться въ Спасскомъ. Въ 1816 году она вышла за него замужъ. Черезъ годъ у нихъ родился сынъ Николай, а затѣмъ Иванъ.

Варвара Петровна не могла похвастаться предками: дѣдъ ея былъ скряга, отецъ скандалистъ и бунянь, обиравшій, еще будучи молодымъ офицеромъ, валдайскихъ ямщиковъ. Дядя — сумрачный скупецъ (любилъ только покупать жемчугъ). Знаменитый сынъ Варвары Петровны не одну горькую страницу своихъ писаній посвятилъ Лутовиновымъ.

Молодость ея оказалась не изъ легкихъ. Мать, рано овдовѣвъ, вышла замужъ за нѣкоего Сомова. Онъ мало отличался отъ Лутовиновыхъ. Былъ пьяницей. Тянулъ ерофеича и сладкую мятную водку. Тиранилъ падчерицу — дѣвочку некрасивую, но съ душой пламенной, своеобразной. Мать тоже ее не любила. Одиночество, оскорбленія, побои — вотъ дѣтство Варвары Петровны. Черезъ много лѣтъ, уже хозяйкою Спасскаго, побывала она со своей воспитанницей Житовой въ имѣнїи, гдѣ прошла ея юность. Обошли комнаты дома, и выйдя изъ залы въ корридоръ, наткнулись на заколоченную досками, крестъ на крестъ, дверь. Житова подошла къ двери, дотронулась до стариннаго мѣднаго замка, торчавшаго изъ подъ досокъ. Варвара Петровна схватила ее за руку. «Не трогай, нельзя! Это проклятыя комнаты!» Что именно тамъ происходило, она не рассказала. Но извѣстно, что въ этомъ домѣ, когда ей близилось шестнадцать, отчимъ покушался на ея юность. Въ одну страшную ночь измученная дѣвушка, которой грозило «позорное наказаніе», бѣжала изъ дому — ей помогла няня. Полуодѣтая, пѣшкомъ, прошла шестьдесятъ верстъ до Спасскаго. Тамъ укрылась у дяди своего, Ивана Ивановича.

Здѣсь ждала тоже несладкая жизнь — у крутого и скупого старика. Будто бы онъ лишилъ ее наслѣдства и отъ него она тоже бѣжала, онъ-же умеръ внезапно, ударомъ,

не успѣвъ написать завѣщанія противъ нея. О смерти Ивана Иваныча извѣстія смутны. И вторичное бѣгство Варвары Петровны не есть-ли уже легенда? Такъ-ли ей на роду написано всегда убѣгать?

Во всякомъ случаѣ лучшіе ея годы полны глубокой горечи. Она прожила у дяди десять лѣтъ, ей шелъ двадцать седьмой, когда неожиданно изъ Сандрильоны обратилась она во владѣлицу тысячъ крѣпостныхъ, тысячъ десятинъ орловскихъ и тульскихъ благодатныхъ земель.

Эти крѣпостные, эти земли опредѣлили и любовную ея жизнь — бракъ съ Тургеневымъ.

Родъ Тургеневыхъ иной, чѣмъ Лутовиновыхъ. Очень древній, татарскаго корня, онъ болѣе благообразенъ. Съ пятнадцатаго вѣка Тургеневы служили на военной и общественной службѣ. «Отличались честностью и неустрашимостью», говоритъ преданіе. Были среди нихъ мученики: Петръ Тургеневъ не побоялся сказать Лжедмитрію: «ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря, я тебя знаю» — за что былъ пытанъ и казненъ, какъ впоследствии погибъ отъ удалцовъ Стеньки Разина воевода Тимофей Тургеневъ, не пожелавшій стать имъ Царицына. (Заперся въ башнѣ съ десяткомъ стрѣльцовъ. Васька Усть на веревкѣ тащилъ его къ Волгѣ, гдѣ и утопилъ).

Тургеневы восемнадцатаго вѣка не столь воинственны и героичны. Они мирно служатъ въ арміи, выходятъ въ среднихъ чинахъ въ отставку, и болѣе или менѣе лѣнливо доживаютъ дни въ деревнѣ. Только у одного изъ нихъ необычная судьба — связанная съ красотой его и любовными дѣлами. Это Алексѣй Тургеневъ, въ юности пажъ Анны Іоанновны. Биронъ изъ ревности услалъ его на Турецкую войну, гдѣ онъ и попалъ въ плѣнъ. Оказавшись въ гаремѣ, подавалъ кофе султану и раскуривалъ ему трубку. Вѣкъ-бы Тургеневу ее раскуривать, если-бы красотой его не была тронута султанша. Она дала ему кошелекъ съ золотомъ и помогла бѣжать.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ соединялъ въ себѣ разныя качества предковъ: былъ прямъ и мужественъ, очень красивъ, очень женолюбивъ. «Великій ловецъ передъ Господомъ», говорилъ о немъ сынъ. Сергѣй Николаевичъ совсѣмъ мало служилъ на военной службѣ: уже двадцати восьми лѣтъ вышелъ въ отставку. Но до послѣдняго вздоха былъ преданъ Эросу, и завоеванія его ока-

зались огромны. Онъ могъ быть съ женщинами мягокъ, нѣженъ, твердъ и настойчивъ, смотря по надобности. Тактика и стратегія любви были ему хорошо извѣстны, нѣкоторыя его побѣды блестящи.

И вотъ этотъ молодой человѣкъ съ тонкимъ и нѣжнымъ какъ у дѣвушки лицомъ, съ «лебединою» шеей, синими «русалочьими» глазами, неистощимымъ запасомъ любовной стремительности, попался на пути Варвары Петровны.

У него — единственное имѣніе въ сто тридцать душъ. У нея крѣпостныхъ не менѣе пяти тысячъ. Женился-ли бы онъ, если-бъ было обратнѣ? Кавалеристъ съ русалочьими глазами быть можетъ и соблазнилъ-бы нѣсколько полоумную дѣвушку, но жениться... — для этого необходимо дѣла дѣда изъ гарема, такъ женитьба на Варварѣ Петровнѣ укрѣпила внука въ жизни.

Повѣнчавшись, Тургенсвы жили то въ Орлѣ, то въ Спасскомъ. Счастливою съ мужемъ Варвара Петровна не могла быть — любила его безгранично и безотвѣтно. Сергѣй-же Николаевичъ, подъ знаменитыми своими глазами былъ вѣжливъ, холоденъ, велъ многочисленнымъ любовнымъ интриги и ревность жены переносилъ сдержанно. Въ случаяхъ бурныхъ умѣлъ и грозить. Вообще надъ нимъ Варвара Петровна власти не имѣла: воля и сила риваловъ были на его сторонѣ.

Такъ или иначе прожилъ Сергѣй Николаевичъ жизнь съ некрасивою и старше его женою, несомнѣнно, что онъ зналъ и Любовь истинную. Иногда ее профанировалъ. Но иногда отдавалъ ей всего себя и потому понималъ странную ея силу и силу женщины. «Бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» говорилъ сыну. Сергѣй Николаевичъ обычно побѣждалъ, все-таки роковой характеръ Эроса зналъ. И не было въ немъ колебаній, половинчатости. По пути своему, иногда жестокому, мало жалостливому, почти всегда грѣшному, шелъ Тургеневъ-отецъ не сворачивая. Его девизъ: взять, взявъ всю жизнь, ни одного мгновенія не упустить — а дальше бездна.

Онъ очень походилъ на Донъ-Жуана.

**

Городъ Орелъ столь-же неказистъ и ненаряденъ, какъ и окружающая его страна. Ока здѣсь еще мала. Нѣтъ жч-

вописнаго нагорнаго берега, какъ въ Калугѣ. Нѣтъ дѣса церковей, дальнихъ зарѣчныхъ видовъ. Разумѣется, есть Соборъ и городской садъ. Вблизи Левашовой горы Болховская, прорѣзвающая весь городъ, да Дворянская, гдѣ жила Лиза Калитина. Главное-же, что отличаетъ Орель, это лѣтняя жара и пыль — облака бѣлой известковой пыли надъ улицами.

«1818 года 28 октября, въ понедѣльникъ, родился сынъ Иванъ, ростомъ 12 вершковъ, въ Орлѣ, въ своемъ домѣ, въ 12 часовъ утра. Крестили 4-го числа ноября, Федоръ Семеновичъ Уваровъ съ сестрою Федосьей Николаевной Тепловой» — такъ записала въ памятной книжкѣ Варвара Петровна. Меньше всего думала, конечно, что родила будущую славу Россіи.

Рожденіемъ своимъ Тургеневъ связанъ съ Орломъ-городомъ, но только рожденіемъ. Довольно скоро перебрались родители въ Спасское, и Орель въ жизни, какъ и писаніи Тургенева сыгралъ роль небольшую.

Истинной его «колыбелью» оказалось Спасское, со всѣмъ своимъ пышнымъ и тяжеловѣснымъ, медленнымъ, суровымъ и поэтическимъ складомъ. Домъ — чуть не дворецъ. Дворня — лакеи, горничныя, казачки на побѣгушкахъ, повара, конюхи, садовники, швеи, приживалки — все это двигалось мѣрно и возглавлялось владыкою — Варварой Петровной. Сергѣй Николаевичъ на второмъ планѣ. Жили праздно и сытно, не безъ нарядности. Устраивали балы, маскарады. Въ одной галлерей давались спектакли. Ставили пьесы и подъ открытымъ небомъ, въ саду. Игралъ свой оркестръ, своя крепостная труппа. Тренущій батюшка служилъ по праздникамъ молебствія. Гувернеры и гувернантки учили дѣтей.

Дѣтство Тургенева могло стать золотымъ — но не стало. Слишкомъ суровой оказалась мать, слишкомъ отравила жестокостью нѣжные годы. Она очень любила сына — и очень его мучила. Въ этомъ-же самомъ роскошномъ домѣ чуть не каждый день свѣкли будущаго владѣльца Спасскаго, за всякую мелочь, за каждый пустякъ. Достаточно полоумной приживалкѣ шепнуть что-нибудь Варварѣ Петровнѣ, и та собственноручно его наказываетъ. Онъ даже не понимаетъ, за что его бьютъ. На его мольбы мать отвѣчаетъ: «самъ знаешь, самъ знаешь, за что я сѣку тебя».

На другой день онъ объявляетъ, что все-таки не по-нялъ, за что его сѣкли — его сѣкутъ вторично и заяв-ляютъ, что такъ и будутъ сѣчь ежедневно, пока не созна-ется въ преступленіи.

Кажется, Варвара Петровна могла-бы вспомнить, какъ сама нѣкогда бѣжала изъ ненавистнаго сомовскаго дома. Но вотъ не вспомнила. А сынъ чуть не убѣжалъ. «Я на-ходился въ такомъ страхѣ, въ такомъ ужасѣ, что ночью рѣшилъ бѣжать. Я уже всталъ, потихоньку одѣлся и впо-темкахъ пробрался по корридору въ сѣни...» Его поймалъ учитель, добросердечный нѣмецъ (толстовскій Карлъ Ива-нычъ!), и рыдавшій мальчикъ признался ему, что бѣжить потому, что не можетъ долѣе сносить оскорбленій и без-смысленныхъ наказаній. Нѣмецъ обнялъ его, обласкалъ, и общалъ заступиться. Заступился и на самомъ дѣлѣ: его временно оставили въ покоѣ.

Внѣ-же матери Спасское давало очень много. Тутъ узналъ онъ природу, русскихъ простыхъ людей, жизнь жи-вотныхъ и птицъ — не весь же день уроки съ учи-телями и гувернантками. Выдавались счастливыя ми-нуты и даже часы, когда удиралъ онъ въ Спасскій знаменитый паркъ. Изящный и далекій, отецъ плелъ свои донжуанскія кружева то съ орловскими дамами, то съ крѣ-постными дѣвицами. Мать правила царствомъ: принимала поваровъ, бурмистровъ, наблюдала за работами, но и са-ма читала, сама кормила голубей въ полдень, бесѣдовала съ приживалками, охала, жалѣла себя.

А у сына появились, конечно, свои пріатели изъ дво-ровыхъ. На прудахъ можно было чудесно пускать кораб-лики. Изъ молодыхъ липовыхъ вѣтокъ вырѣзать свистуль-ки. Бѣгать въ догонялки. Ловить птицъ. Это послѣднее занятіе правилось ему особенно. Водились у него всякія сѣтки, пленки, западни. Съ семилѣтняго возраста его тя-нуло именно къ птицамъ. Съ этихъ поръ онъ ихъ и изу-чилъ такъ любовно, зналъ въ подробностяхъ жизнь, пѣніе, и когда какая утромъ начинаетъ раньше щебетать. Мало-ли всякихъ иволгъ, кукушекъ, горлинокъ, малиновокъ, дроздовъ, удоновъ, соловьевъ, коноплянокъ жило въ спас-скомъ привольѣ? Въ дуплистыхъ липахъ гнѣздились скворцы — на дорожкахъ аллея, среди нѣжной гусиной травы валялись весною пестрыя скорлупки ихъ яичекъ. Вокругъ дома — рѣющая сѣтъ ласточекъ. Въ глухихъ мѣ-стахъ парка сороки. Гдѣ нибудь на дубу тяжкій воронъ.

Надъ прудомъ трясогузки — перелѣтываютъ, или попрыгиваютъ по тѣнистому бережку, качаютъ длинными своими хвостиками. Въ зной — тишина, бѣлая зеркальность воды, цвѣтенье липъ, пчелы, смутный, неумолчный гудъ въ паркѣ полутемномъ.

Здѣсь узналъ онъ и поэзію книжную — кромѣ природы. Любовь къ ней пришла изъ чтенія дворовымъ человѣкомъ въ уединенномъ углу того-же парка — Пунинымъ назвалъ въ разсказѣ Тургеневъ перваго своего учителя словесности, милаго старика, который на глухой полянкѣ за прудомъ могъ и подзывать зябликовъ, и декламировать Хераскова. Дружба съ Пунинымъ, конечно — полутайна, все это вдали отъ гувернантокъ, приживалокъ, изперекоръ всему. Но тѣмъ прелестнѣй. И неважно, какъ въ дѣйствительности звали его. Важно и хорошо, что поэзія предстала передъ мальчикомъ Тургеневымъ въ обликѣ смиреннаго энтузіаста, въ обликѣ «низкомъ» и одновременно возвышенномъ, полу-раба, полу-учителя. Въ паркѣ, въ зелени и среди свѣта солнца ощутилъ онъ впервые «холодъ восторга».

Пуниинъ, крѣпостной человѣкъ, самоучка и любитель словесности, читалъ особннымъ образомъ: сперва бормоталъ вполголоса, «начерно», а потомъ «пьюически» гремѣлъ, «не то молитвенно, не то повелительно» — это священнодѣйствіе и побѣждало. Такъ прочитали они не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира, но и Хераскова. Въ зеленой глубинѣ спасскаго парка и была рѣшена участь мальчика. Какъ ни презрительно относилась Варвара Петровна къ писателямъ (по ея мнѣнію, сочинять «канты» могъ «либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ») — у ней самой подъ бокомъ росъ уже такой сочинитель. Безвѣстный, добродушный Пуниинъ тронулъ въ барчукъ тайную струну: и уже пропалъ въ немъ помѣщикъ, начался поэтъ.

Вѣрнѣе — въ одномъ существѣ началась жизнь и другого. Мечтатель, опьяняющійся стихами — вмѣстѣ съ тѣмъ и сынъ Варвары Петровны, барское отродье. Самъ страдаетъ отъ грубости, жестокости окружающаго. Но и тотчасъ подымаетъ тонъ, какъ только ему кажется, что низшіе недостаточно къ нему почтительны. «Мнѣ не понравилось, что онъ назвалъ меня барчукомъ. Что за фамильярность!» «Вы, должно быть, не знаете, произнесъ я уже не развязно, а надменно: «я здѣшней барыни внукъ».

Варвара Петровна считала себя вѣрующей, но къ религіи относилась странно. Православіе для нея какая-то «мужицкая» вѣра, на нее, а ужъ особенно на ея служителей смотрѣла она свысока, въ родѣ какъ на русскую литературу. Молитвы въ Спасскомъ произносились по французски! Воспитанница читала ежедневно по главѣ «Imitation de Jesus Christ»... Сергѣй-же Николаевичъ вовсе былъ далекъ отъ всего этого. Жилъ самъ по себѣ, одиноко и безъ Бога, но при всей смѣлости своей былъ, какъ нерѣдко именно мужественные и невѣрующіе люди, суевѣренъ: боялся не Бога, не смерти и суда, а домовыхъ. То, какъ отецъ ходилъ за священникомъ, освящавшимъ позднимъ вечеромъ углы обширнаго дома, какъ колебалось пламя свѣчи и какъ жутко это было, маленькій Тургеневъ запомнилъ. (Священникъ являлся тутъ для Сергѣя Николаевича чѣмъ-то вродѣ колдуна, заклинателя — одна таинственная сила противостояла другой). Но поэзія быта православнаго, существовавшая тогда въ нѣкоторыхъ семьяхъ, Тургенева, къ сожалѣнію, не коснулась. Доброты, свѣтлаго уюта въ отчемъ домѣ онъ не встрѣтилъ — какъ то съ первыхъ шаговъ оказался одинокимъ.

Далекій холодъ и парадность Сергѣя Николаевича, причудливая карамазовщина Варвары Петровны (тяжкое дѣтство, некрасота, властолюбіе, разъ на всегда обиженность) — изъ этой смѣси родился букетъ Спасскаго. Нѣкоторыя черты его почти фантастичны. Другія мрачно жестки.

Хотѣлось, чтобы все было грандіозно, чтобы походило на «дворъ». Слуги называются министрами. Дворецкій — министръ двора, ему дали даже фамилію тогдашняго шефа жандармовъ — Бенкендорфа. Мальчишка лѣтъ четырнадцать, завѣдывавшій почтой, назывался министромъ почтъ. Компаньонки и женская прислуга — гофмейстерины, камеръ-фрейлины, и пр. Существовалъ извѣстный церемоніаль обращенія съ барыней: не сразу министръ двора могъ начинать, напริมѣръ, съ ней разговоръ. Она сама должна была дать знакъ разрѣшенія.

За почтой посылали ежедневно верхового во Миенскъ. Но не сразу, не просто можно отдать эти письма. Варва-

ра Петровна всегда отличалась нервною (паденіе ножицъ приводило ее въ такое волненіе, что приходилось подавать флаконъ со спиртомъ). Министръ двора разбиралъ письма и смотрѣлъ, нѣтъ-ли какого съ траурной печати. Смотря по содержанію почты, дворовой флейтистъ игралъ мелодію веселую или печальную, подготовляя барыню къ готовящимся впечатлѣніямъ.

Постороннему, особенно не-именитому лицу не такъ легко было и вѣхаться въ Спасское. Еще не знаешь, вѣхавъ, куда попадешь! Но «дворъ» знаетъ. Прямо подъѣзжать къ дому, съ колокольчиками, могъ исправникъ. А станové отвязывали ихъ за версту, за полаты, чтобы не беспокоить барыню. Уѣздный лѣкарь могъ подъѣзжать съ колокольчиками только ко флигелю.

Все это еще безобидно, хотя и болѣзненно. Бывало и много хуже. За не такъ поданную чашку, за нестертую пыль со столика горничныхъ ссылали на скотный дворъ или въ дальнія деревни — на тяжелую работу. За сорванный кѣмъ-то тюльпанъ въ цвѣтникѣ сѣкли подрядъ всѣхъ садовниковъ. За недостаточно почтительный поклонъ барыни можно было угодить въ солдаты (по тѣмъ временамъ равнялось каторгѣ).

Тургеневъ-дита, Тургеневъ время Спасскаго знаетъ уже многое о жизни. Кромѣ пѣнія птицъ въ паркѣ да вонющаго звона стиховъ, слышалъ и вопли съ конюшенъ, и по себѣ знаетъ, что такое «наказаніе». Всякіе деревенскіе друзья-сверстники, Савоськи и Масетки, подробно доносили, кому забрили лобъ, кого ссылаютъ, кого какъ драли. Не въ оранжереѣ росъ онъ. И нельзя сказать, чтобы образъ правленія Варвары Петровны приближать къ ней ребенка, въ которомъ жилъ уже бродильный грибокъ. Мать растила не только далекаго себѣ сына, но и довольно устойчиваго, неукоснительнаго врага того жизненнаго склада, котораго страстной носительницей была сама.

Отрокъ и юноша.

Въ 1827 году Тургеневы переѣхали въ Москву, купивъ домъ на Самотекѣ. Лѣтомъ выѣзжали и въ имѣніе: связь съ деревней не прерывалась.

Въ это время Сергѣй Николаевичъ заболѣлъ каменной болѣзью, и для лѣченія ему и Варварѣ Петровнѣ

пришлось отправиться въ Парижъ, быть въ Эмсѣ и Франкфуртѣ.

Иванъ остался въ Москвѣ, въ пансіонѣ Вейденгаммера (а старшаго сына Николая отдали въ артиллерійское училище въ Петербургѣ). У Вейденгаммера провелъ Иванъ года полтора, потомъ на нѣсколько мѣсяцевъ попалъ въ армянскій пансіонъ (впослѣдствіи Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ) и, наконецъ, оказался еще въ новомъ, у Краузе.

Его можно представить себѣ изящнымъ и благовоспитаннымъ мальчикомъ, хорошо учившимся, нѣсколько чувствительнымъ и нелишеннымъ высокоумія. Неудивительно, если онъ тяготѣетъ къ аристократическимъ знакомствамъ въ пансіонѣ, къ князьямъ и графамъ. Столь-же неудивительно, что съ глубокимъ вниманіемъ слушаетъ пересказъ гувернеромъ «Юрія Милославскаго», восхищается имъ, помнитъ наизусть и бросается даже бить товарища, помѣнавшаго слушать. Такъ-же понятно, что Гургеневъ-пансіонеръ, увидѣвъ послѣ игры въ лапчу, во дворѣ подъ кустомъ сирени скромнаго юношу съ нѣмецкой книгой, могъ не безъ надменности спросить: «а вы читаете по нѣмецки?» И когда оказалось, что тотъ не только читаетъ, но и гораздо лучше его, и любитъ поэзію — то съ нимъ-то какъ разъ барчукъ, дорожившій свѣтскими друзьями, и сошелся. Мало того, просто подпалъ подъ его вліяніе.

Съ пансіона идетъ начало тургеневскихъ юношескихъ дружбъ, отмѣченныхъ восторженностью, не надолго удерживавшихся, но возникавшихъ всегда на почвѣ «высшаго»: томленій по красотѣ, истинѣ, питанія загадокъ міра, и т. п. Это было вообще время романтическихъ привязанностей, раскрытій душъ, откровенностей, заходившихъ иногда очень далеко. Можно и улыбнуться на такую «патетическую болтовню», кончавшуюся иногда тѣмъ, что прежніе друзья становились смертельными врагами. Но не всегда такъ бывало. Случалось и надолго сохранить память о чудесномъ пламени молодости, да и само такое пламя развѣ ужъ не имѣетъ никакой цѣны? Развѣ плохо — сладостно волноваться, когда «другъ» читаетъ вслухъ стихи? (Теперь уже Шиллера, не Хераскова). Развѣ плохо — выйти лотихоньку съ нимъ ночью въ пансіонскій садъ, когда всѣ ужъ заснули, сѣсть подъ тѣмъ-же кустомъ сирени, гдѣ впервые они познакомились, и кото-

рый полюбили, ощущать дуновение ночного вѣтерка, сквозь листву видѣть милое московское небо въ звѣздахъ (съ Арктуромъ, зашѣпившимся за крестъ сосѣдней церковки), шептаться, мечтать... А когда другъ, взглянувъ на небо, «тихо» восклицаетъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами
А надъ звѣздами ихъ Творецъ...

— вновь испытать «благоговѣйный» трепеть и «принасть» къ плечу?

Однако, отрокъ Тургеневъ приближался къ возрасту, когда другое начинало волновать его. Романтическія дружбы пришли и ушли съ юностью. Любовь, поклоненіе женщинъ наполнили всю его жизнь, сопровождали до могилы.

Въ ранней молодости любовь предстала Тургеневу сразу въ двухъ видахъ. Афродиту-Пандемось и Афродиту-Уранію онъ позналъ почти одновременно — явились онѣ раздѣльно, и такъ раздѣленными остались навсегда.

«Простонародная» Афродита связана съ крѣпостнымъ бытомъ и укладомъ. («Помѣщицье» вкушеніе отъ древа познанія) У Варвары Петровны служила горничная, «красивая, съ глупымъ видомъ», и глупость эта придавала ей нѣчто «величавое». Разумѣется, она была старше и опытнѣе его — ему исполнилось тогда пятнадцать лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ Спасское на каникулы.

Полный силъ юноша бродилъ однажды въ сыроватый весенній день въ паркѣ. Близились сумерки. Дрозды перепархивали въ яблоняхъ. Иволга заливалась. Березы спаской роши были въ зеленомъ, клейкомъ луху. Афродита предстала ему со своимъ «глупо-величавымъ» видомъ. Его раба, крѣпостная. Но и властительница. Она взяла его за волосы на затылкѣ и сказала:

— Пойдемъ.

А вечеромъ, въ непроглядную темень, онъ крался къ ней на свиданіе, въ пустую, заброшенную хату. Перелѣзалъ черезъ канавы, падалъ въ крапиву, пробирался по межѣ съ горькою серебряной пылью, подъ теплымъ, накрапывавшимъ дождичкомъ, отъ котораго такъ зеленѣютъ всходы. Сова кричала въ паркѣ. Можетъ быть, и Сергѣй Николаевичъ отдавался той-же ночью зову любви.

Въ жизни Тургенева-сына этотъ опытъ не оставилъ слѣда. Исчезла деревенская богиня! Даже имени ея не сохранилось.

Первая истинная его влюбленность прославлена имъ же самимъ. Испытавъ полу-ребенкомъ чувства высокія и блаженно-мучительныя, въ зрѣлости создалъ онъ изъ нихъ лучшее свое произведеніе. Толстой и Достоевскій должны завидовать «Первой любви» - явленію Афродиты Ураніи въ жизнь пятнадцатилѣтняго юноши.

Повѣсть извѣстна. Съ дѣтскихъ лѣтъ видишь и какъ-бы насквозь знаешь паркъ съ домомъ Зинаиды, сосѣдки по дачѣ съ Тургеневыми въ Нескучномъ (подъ Москвою). И ее самое знаешь, всегда въ таинственной прелести, въ печали и ослѣпленіи любви, и мучительно-сладкую любовь мальчика — его мечтанія, надежды, слезы, ревность, подозрѣнія. Въ судьбѣ Тургенева-сына важно, что первая же его встрѣча съ истинной любовью была встрѣча безотвѣтная. «Нераздѣленная любовь» — такъ началась жизнь изящнѣйшаго, умнѣйшаго, очень красиваго человѣка и великаго художника.

Ему предпочли другого. Въ загадочно-волнующемъ впечатлѣніи, остающемся отъ этой исторіи, имѣетъ большое значеніе, что «другой» оказался отцомъ.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ появляется здѣсь портретно. Сынъ-писатель не возненавидѣлъ отца. Наоборотъ, былъ имъ побѣжденъ, изображасть почти влюбленно. Такому сопернику не грѣхъ уступить. Это не есть побѣда ничтожества. Какъ легко ходитъ отецъ, какъ онъ изящно одѣвается, какъ онъ «изысканно-спокоенъ», холоденъ и нѣженъ, какъ замѣчательно ѣздитъ верхомъ... И онъ умѣетъ хотѣть! Когда хочеть, ни предъ чѣмъ не останавливается. «Я такихъ любить не могу», говоритъ Зинаида: «на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ надобно такого, который самъ-бы меня сломилъ». Могъ-ли сломить ее мечтательный мальчикъ, благоговѣвшій предъ отцомъ и боявшійся его? Онъ все мечталъ, мечталъ... а тотъ дѣйствовалъ.

Тургеневъ-отецъ вложилъ въ этотъ романъ всю силу природы. Сосѣдка не была для него лишь приключеніемъ. Онъ завоевалъ ее, взялъ, но и самъ много поставилъ на карту. Оттѣнокъ трагедіи сразу легъ на ихъ любовь. Пронзительна знаменитая сцена прогулки верхомъ у Крымскаго брода, когда Зинаида сошла съ отцомъ и жи-

веть въ маленькомъ мѣщанскомъ домикѣ. (Сыну надоѣло стеречь лошадей и онъ подсматриваетъ Зинаиду и отца, который, стоя у окошка домика, гдѣ сидитъ Зинаида, разговариваетъ съ нею, ссорится и ударяетъ хлыстомъ по обнаженной ея рукѣ. Она цѣлуетъ этотъ рубецъ. Отецъ въ ярости врывается въ домикъ).

Сынъ отбѣгаетъ вновь къ рѣкѣ и лошадямъ... На отца «находили иногда порывы бѣшенства». Билъ-ли онъ Зинаиду, не желавшую уступить, или не билъ — сыну казалось, что билъ... и что-же онъ самъ дѣлалъ? Сидѣлъ на берегу рѣки и плакалъ. Онъ обожалъ отца и безумно его боялся. Обожалъ Зинаиду, но не двинулся, чтобы помочь въ бѣдѣ — пусть даже и воображаемой.

Это ужъ исполняѣ Тургеневъ. Не Сергѣй Николаевичъ со своими русалочьими глазами и непреодолимой силой мужчины, а будущій знаменитый Иванъ Сергѣевичъ.

Романъ Сергѣя Николаевича съ сосѣдкою-княжной имѣлъ трагическій оттѣнокъ — на своей страсти не смогли они основать жизни. Получилось въ духѣ Тургенева-сына: онъ не любилъ семьи, не пожелалъ любимымъ своимъ героямъ полнѣть въ теплѣ и уютѣ. Онъ для нихъ приберегъ смерть. Донъ Жуана ранѣе она постигаетъ; Зинаиду позже. Но любовь ихъ уходитъ неувиданною.

Первый свой студенческій годъ Тургеневъ провелъ въ Москвѣ. Учился хорошо, но особаго дѣйствія Университетъ на него не произвелъ. Осенью 34-го года отецъ перевелъ его въ Петербургъ. Тамъ удобнѣе было жить съ братомъ Николаемъ, поступившимъ въ гвардейскую артиллерию. 30 октября Сергѣй Николаевичъ скончался — онъ давно страдалъ каменною болѣзною. Умеръ довольно молодымъ, сорока одного года. Такъ что дѣйствительно не надолго пережилъ свой романъ съ Зинаидой, и правда, жизнь его оказалась кратка и непокойна.

Теперь у Ивана Тургенева оставалась только мать, жившая далеко, пока что не стѣснявшая его молодости въ Петербургѣ.

Какъ принялъ онъ смерть отца? Нѣкое благоговѣнне, вѣдь, у него къ отцу существовало, онъ какъ-то преклонялся передъ нимъ. Но врядъ-ли очень страдалъ, потерявъ

его. Въ Тургеневѣ всегда была прохлада. Онъ жилъ собою. Не было глубокимъ чувство къ отцу — хоть эстетически онъ и плѣнялъ его.

Тургеневъ вообще легко забывалъ. Впечатлительный, и впечатлительности быстрой, текучей, онъ легко поддавался текучести жизни, неудержимости ея потока. Такой онъ юношей, такой и въ зрѣлости. Встрѣчалъ новаго человѣка, могъ его обласкать, наговорить много добраго и привѣтливаго, пообѣщать немало — и въ данную минуту искренно — а отойдя такъ же искренно и позабыть о немъ. Онъ романтически увлекался отцомъ. И тотчасъ-же забылъ его по смерти.

Жизнь-же въ Петербургѣ сложилась неплохо. Большой интересъ къ «наукамъ и искусствамъ» — и осведомленность въ нихъ. Тургеневъ-студентъ Петербургскаго университета не просто хорошо учится: онъ сугубо жаждетъ до познаній. Все хочется узнать — и латинскій языкъ, и классиковъ, и побывать на выставкѣ брюлловской «Помпей», и посмотрѣть Каратыгина, и попасть на первое представленіе Ревизора, и поглядѣть Пушкина.

Подходила пора и самому превратиться въ «сочинителя кантовъ». И хотя онъ ни «пьяница горькій», ни «круглый дуракъ», все-же занялся этимъ страннымъ дѣломъ.

Въ Петербургѣ, въ томъ-же самомъ Университетѣ, нашелъ онъ сочувственную душу изъ старшихъ. Петръ Александровичъ Плетневъ, профессоръ, тихій и спокойный старичекъ, читалъ русскую словесность. Это уже не Пунинъ со своимъ Херасковымъ. Плетневъ талантами не выдавался. Но былъ другомъ Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гоголя. Обладалъ хорошимъ вкусомъ. Находился въ вѣрной литературной линіи — пушкинско-гоголевской. Значительность ея не всѣ еще чувствовали. Тургеневу совѣтъ недавно правился Марлинскій, да и Бенедиктовъ. Тутъ Плетневъ въ извѣстной степени ему помогъ.

Въ началѣ 1837 года Тургеневъ представилъ ему первую свою поэму «Стено» — вещь полудѣтскую, подражательную, подъ «Манфреда». Со стороны артистической ничто, но какъ свидѣтельство о молодомъ Тургеневѣ важно. Разумѣется, Байронъ былъ модой. И Пушкинъ, и Лермонтовъ черезъ него прошли. Все-же душевной червоточинѣ Тургенева, сказавшейся ужъ очень рано, байроновскій звукъ подошелъ, и получилъ у него свой отгѣнокъ.

Онъ подражалъ — но не случайно выбралъ предметъ подражанія.

Плетневъ добросовѣстно, подслѣповатыми своими глазами прочелъ «Стено» и забраковалъ. На лекціи — не называя Тургенева, разобралъ поэму, осудилъ, но съ благодушіемъ. И выходя изъ Университета, подозвавъ къ себѣ красиваго и взволнованнаго третьякурсника съ прекрасными сѣрыми глазами, все-же ободривъ его. «Сочинитель кантовъ» настолько осмѣлѣлъ, что далъ ему нѣсколько стихотвореній. Плетневъ взялъ два изъ нихъ для «Современника» и черезъ годъ напечаталъ. Не знаю, что давалъ ему Тургеневъ. Но выбралъ Плетневъ спокойное и описательно-элегическое стихотвореніе «Маститый царь лѣсовъ» — какъ бы подсказывая путь ясный и трезвый. Кромѣ того — пригласилъ его къ себѣ на литературный вечеръ.

Первый вечеръ начинающаго, первая встрѣча съ писателями! Можно себѣ представить, какъ трепеталъ Тургеневъ, направляясь по морознымъ улицамъ Петербурга къ Плетневу, въ скромную квартиру гдѣ нибудь на Васильевскомъ островѣ!

Первый, кого онъ встрѣтилъ въ передней, былъ Пушкинъ, ни болѣе, ни менѣ — живой обликъ того пути, который подсказывалъ ему Плетневъ. Встрѣча эта оказалась мгновенной — какъ молнія сверкнула ему Пушкинъ — Плетневъ не успѣлъ даже ихъ познакомить. Человѣкъ въ шляпѣ и шинели звучнымъ голосомъ воскликнулъ: — «Да, да! Хороши-же наши министры, нечего сказать!» — и вышелъ. Остались въ памяти живые глаза, столь быстрые! да бѣлые зубы.

Въ гостиной Тургеневъ робко жался среди литераторовъ — взрослыхъ и настоящихъ. Тутъ находились Воейковъ, Гребенка, князь Одоевскій, и еще одинъ смиренный человѣкъ, въ длинномъ двубортномъ сюртукѣ, съ лицомъ русскаго мѣщанина, почтительно слушавшій, но когда его попросили прочесть свои стихи — покраснѣвшій и замахаившій руками: «что вы, послѣ Александра-го Сергѣевича!» Это былъ Кольцовъ. Воейковъ читалъ стихи Бенедиктова. Жена Плетнева, болѣзненная, тихая дама завѣдывала своимъ нехитрымъ салономъ, гдѣ о политикѣ говорили побавивались, держались болѣе вѣрныхъ береговъ — литературы, и судить о ней могли просвѣщенно. Бесѣдовали до полуночи. Баричъ Тургеневъ, уходя, подвезъ

въ санкахъ покашливавшаго воронежскаго прасола въ длинномъ его сюртукѣ, шейномъ платочкѣ бантикомъ, съ голубой бисерной цѣлочкой часовъ и очень умными и очень грустными глазами. Кольцовъ простился съ нимъ морозной ночью и ушелъ куда-то. Никогда больше она не встрѣтилась.

А Пушкина онъ увидалъ еще однажды - за нѣсколькими днями до дуэли, на утреннемъ концертѣ въ залѣ Энгельгардта. Пушкинъ стоялъ у двери, скрестивъ руки, хмурый и мрачный. Тургеневъ кружилъ какъ влюбленный, рассматривалъ и такъ, и этакъ. На этотъ разъ запомнилъ все: и темные, раздраженные глаза, и высокій лобъ, и едва замѣтныя брови, и курчавые волосы, и бакенбарды, и африканскія губы съ крупными бѣлыми зубами.

Ничего не было общаго въ темпераментѣ, складѣ души у изящнаго, слегка уже отравленнаго юноши съ этимъ дѣйствительно страстнымъ «африканцемъ», которому черезъ нѣсколько дней предстояло — корчась на снѣгу съ прострѣленнымъ животомъ — цѣлиться въ противника. (Представить только себя Тургенева на дуэли!). Но въ словѣ, въ духѣ искусства были они родственны — два русскихъ аполлиническихъ художника. Въ сердцѣ Тургенева Пушкинъ остался навсегда. Онъ сталъ для него даже нѣкоей пробой: если что-нибудь противъ Пушкина, наперекоръ ему, значитъ плохо. Если за, то хорошо.

Тургеневъ кончилъ университетъ столь успѣшно, что ему предложили при немъ остаться. Можетъ быть, онъ и остался бы. Но уѣхавъ на каникулы въ Спасское, такъ увлекся охотой, что диссертациіи не написалъ.

Чужіе края.

Въ маѣ 1838 года Варвара Петровна провожала сына Ивана изъ Петербурга за границу. Въ дѣтствѣ она его собственноручно сѣкла. Теперь рыдала, сидя въ Казанскомъ Соборѣ на скамеечкѣ, во время напутственнаго молебна. (Но если-бы можно было, то отрыдавъ сколько полагается, при случаѣ вновь бы его высѣкла). Сынъ уѣзжалъ въ Германію на пароходѣ, шедшемъ прямо въ Любекъ. Оттуда сухимъ путемъ долженъ былъ добраться до Берлина, продолжать ученіе.

Прощались горячо — среди суматохи послѣднихъ минутъ на пристани. Варвару Петровну подъ руки отвели къ каретѣ. Пароходъ удалялся, неловко лопоча колесами, дымя темнымъ дымомъ. Съ Варварой Петровной сдѣлался на обратномъ пути обморокъ, ей давали нюхать соли и натирали виски одеколономъ. Сынъ ся стоялъ въ это время у борта и глядѣлъ, какъ удаляются берега. Ему было двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ красивъ, богатъ, впереди, за хмурыми волнами новый мѣръ, новыя встрѣчи, наука, быть можетъ — любовь... Врядъ-ли онъ думалъ о матери. И мало огорчался, разставаясь съ ней.

Пароходъ «Николай I» по тѣмъ временамъ могъ считаться большимъ, теперешнему взору показался-бы игрушкой. На немъ ѣхало много русскихъ. Отцы семействъ, мамыши, нянюшки и дѣти, дѣтскія колясочки и настоящіе экипажи для путешествія по чужимъ странамъ — все это сгрудилось тутъ. Молодой Тургеневъ, тщательно выбритый, въ модной «листовской» прическѣ, съ галстукомъ, завязаннымъ въ видѣ шарфа вокругъ шеи, очень скоро почувствовалъ себя на свободѣ, и эту свободу сколь могъ использовалъ: пристрастился къ карточной игрѣ въ общей каютѣ. Это было тѣмъ увлекательнѣй, что мать взяла съ него слово именно не притрогиваться къ картамъ. Но соблазнилъ ѣхавшій изъ Петербурга картежникъ. Какъ и полагается, новичку повезло, онъ выигрывалъ, сидѣлъ красный отъ волненія, передъ нимъ лежали кучки золота. Хорошо, что Варвара Петровна не видала его за этимъ занятіемъ! Туго-бы ему пришлось.

Впрочемъ, и безъ вмѣшательства матери игра кончилась очень печально: недалеко уже отъ Любека, въ самый разгаръ ея въ каюту вбѣжала запыхавшаяся дама и съ крикомъ «пожаръ!» упала въ обморокъ на диванъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ, деньги, выигранные, проигранные, все позабылось. Бросились на палубу. Изъ подъ нея, близъ трубы, выбивалось пламя, валилъ темный дымъ. Суматоха поднялась невообразимая. Тургеневъ паль духомъ. Онъ бессмысленно сидѣлъ на наружной лѣстницѣ, брызги обдавали ему лицо. Сзади гудѣло и бушевало пламя, выгибаясь сводомъ. Съ нимъ рядомъ оказалась богобоязненная старушка, кухарка одного изъ русскихъ семействъ. Она крестилась, шептала молитвы и удерживала юношу — онъ пытался (или дѣлалъ видъ, что пытается)

броситься въ воду. Тургеневъ и самъ признавался, что отчасти онъ тутъ игралъ передъ нею... какъ бы то ни было, минуты страшныя. Обоихъ ихъ извлекъ оттуда матросъ. Прыгая по верхамъ экипажей, стоявшихъ на палубѣ и уже загоравшихся снизу, они добрались до носа корабля. Тамъ столпились пассажиры. Спускали шлюпку.

Тутъ-то Тургеневъ и предложилъ отъ имени матери матросу десять тысячъ, если тотъ спасетъ его.

Матросъ его не спасалъ. Крикнулъ юноша эти слова въ тоскѣ и отчаяннн. Спасся самъ, благодаря тому, что пожаръ начался недалеко отъ берега, капитанъ направилъ пароходъ къ суши и онъ успѣлъ съѣсть на мель во время — пассажиры попрыгали въ шлюпки и въ мелкую воду, промокли, иззябли, наволновались, но трагедіи не произошло. На Тургенева-же пала нѣкая тѣнь. Онъ велъ себя не весьма мужественно. Ему страстно хотѣлось жить. Онъ впервые встрѣтился со смертью. Принять, понять ее никогда и позже не могъ. Она была для него врагомъ, ужасомъ, бессмыслицей. Онъ молодъ, здоровъ, талантливъ, впереди жизнь, въ которой онъ скажетъ свое слово—это острое чувство бытія, вѣрный спутникъ избранности и крикнуло его устами:

— Не хочу умирать! Спасите!

Крика о помощи ему не забыли во всю долгую, славную жизнь. Корили въ молодости, вспоминали и тогда, когда ужъ былъ онъ знаменитымъ старикомъ, переверая, искажая — показали себя во всей человѣческой предели.

Берлинъ тридцатыхъ годовъ былъ небольшой, довольно тихій и довольно скучный, весьма добродѣтельный городъ. Король смирно благоговѣлъ передъ нашимъ Николаемъ, нѣмцы вставали въ шесть утра, работали цѣлый день, въ десять всѣ по домамъ и одни «меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитались по пустымъ улицамъ, да какой нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ брелъ изъ Тиргартена, и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гасилъ свою сигарку, нѣмца передъ закономъ».

Но процвѣтала наука. Берлинскій университетъ былъ хорошо поставленъ, привлекалъ юношей издалека, между прочимъ и русскихъ. Существовали еще романтическія отношенія между учащими и учащимися, вродѣ нашихъ «интеллигентскихъ»: профессоръ считался учителемъ жизни, какъ-бы ея духовнымъ вождемъ. Возможны были поклоненіе, восторгъ. Выражалось это, на примѣръ, въ обычай серенадъ. Студенты нанимали музыкантовъ, вечеромъ собирались у дома любимаго профессора и послѣ увертюры пѣли пѣсни въ честь науки, университета и преподавателей. Профессоръ выходилъ — въ горячей рѣчи благодарилъ поклонниковъ. Подымались крики, студенты бросались съ рукопожатіями, слезами, и т. п.

Молодой Тургеневъ, попавъ въ Берлинъ, занялся наукой основательно, не хуже Петербурга. Слушалъ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, а на дому зубрилъ латинскую и греческую грамматику — подготовки петербургскаго университета не хватало. Главное-же, изучалъ Гегеля. Гегель-то и привлекалъ болѣе всего въ Берлинѣ русскихъ. Въ Тургеневѣ была складка усидчивости, онъ могъ одолѣвать и латынь, и греческій. Берлинскій университетъ далъ ему знаніе древнихъ языковъ — онъ всю жизнь свободно читалъ классиковъ. Но Гегель завладѣвалъ душою и сердцемъ русскихъ въ иномъ родѣ. Въ Берлинѣ въ эти годы находились Грановскіе, Бакунины, Станкевичи, зачинатели нашей интеллигенціи, патетики и энтузіасты не хуже, а яростнѣе нѣмецкихъ студентовъ. Гегелевская философія оглушала и пронзала ихъ, подымала самые «основные» вопросы — академически относиться къ ней они не могли. По русскому обыкновенію Гегеля обратили въ идола. Поставили въ капище и у дверей толпились молодые жрецы, начетчики и изувѣры. Воевали и сражались изъ-за каждой мелочи. «Абсолютная личность», «перехватывающій духъ», «по себѣ бытіе» — изъ-за этого близкіе другъ другу люди расходились на цѣлыя недѣли, не разговаривали между собой. Книжонки и брошюрки о Гегелѣ зачитывались «до дыръ, до пятень».

Тургеневъ погрузился во все это раздутое кипѣнье. «Кружки» и ночные споры на себѣ извѣдалъ. Зналъ, что такое — собираться по вечерамъ, въ студенческой комнатѣ, гдѣ подають чай (а къ нему бутерброды съ ломтиками холодной говядины) — и до утра кричать о Гегелѣ.

Бывалъ и на серенадахъ, и самъ въ нихъ принималъ участіе.

Особенно любили студенты Вердера, гегельянца, излагавшаго учителя въ возвышенномъ и патетическомъ духѣ, нерѣдко примѣняя къ жизни его ученіе. Вердеръ былъ молодой, вѣрующій человѣкъ, большой душевной чистоты и доброты, другъ нашего Станкевича. Тургеневъ слушалъ лекціи Вердера и очень его почиталъ, какъ и Станкевича. Къ «кружкамъ»-же, спорамъ и восторженному общенію молодежи относился сдержанно: любилъ и цѣнилъ нѣкоторыхъ участниковъ, но лично, внѣ собраній. Были слишкомъ вообще одиночка? Или слишкомъ ужъ художникъ? Онъ любилъ самъ говорить, но больше разсказывалъ, и з о б р а ж а л ъ. Отъ кружковъ-же его отталкивало доктринерство, духъ учительства. Тургеневъ смолоду любилъ духовную свободу, ведущую, конечно, къ одиночеству.

Въ Берлинѣ онъ не только много учился, не только видѣлъ привлекательныхъ и духовно-высокихъ нѣмецкихъ людей, но встрѣтился и съ замѣчательными русскими, оказавшими на него вліяніе.

Со Станкевичемъ познакомился осенью 1838 года — благодаря Грановскому. Въ началѣ Станкевичъ держался отдаленно. Тургеневъ робѣлъ передъ нимъ, внутренне стѣснялся. Но очарованіе этого болѣзненнаго (иногда впрочемъ, и очень веселаго) юноши было огромно. Тургеневъ въ него влюбился. Попривыкнувъ, вошелъ и въ воздухъ Станкевича, въ ту высокую искренность, простоту и вмѣстѣ — всегдашній полетъ, которые для Станкевича характерны. Да, Станкевичъ создалъ свой «кружокъ». Къ нему принадлежали Грановскій, Невѣровъ, Тургеневъ, и другіе. Но самъ онъ какъ разъ никого не подавлялъ, ничего не навязывалъ и ни предъ кѣмъ не блисталъ. Дѣйствовалъ тишиною и правдой. Можно было сколько угодно разлагольствовать о Гегелѣ и разныхъ другихъ модныхъ предметахъ — Станкевичъ просто излучалъ нѣчто, и этимъ воспитывалъ.

Среди тургеневскихъ червоточинъ была одна, очень его мучившая — онъ замѣтилъ ее за собою еще въ дѣтствѣ: неполная правдивость. Живое-ли воображеніе, желаніе-ли «блеснуть», «выказаться», текучесть ли и перемѣнчивость самой природы, но онъ иногда бывалъ лживъ. Это отдаляло отъ него многихъ... Создавало впечатлѣніе

позера и человека, на которого нельзя положиться (на него и действительно нельзя было положиться! Но онъ и действительно обладалъ даромъ прелыченія).

Станкевичъ, какъ позднѣе Бѣлинскій, принялъ Тургенева, полюбилъ такимъ, каковъ онъ былъ, ни благаго, ни чернаго, а пестраго, живого Тургенева. И тѣмъ, что принялъ, любовію своей, его перевоспиталъ. При немъ студентъ Тургеневъ не могъ такъ распускаться. Правдивость, простота Станкевича и пафосъ его истинный — вліяли.

Вмѣстѣ со Станкевичемъ посѣщалъ онъ довольно замѣчательный домъ, литературный салонъ Фроловыхъ. Н. Г. Фроловъ, человекъ малозамѣтный, перевелъ «Космосъ» Гумбольдта и издавалъ «Магазинъ земледѣлнія и путешествій». Жена его, немолодая, болѣзненная, очень тонкая и умная женщина, являлась центромъ дома. Вела разговоръ, вносила въ него умственное изящество, высокую просвѣщенность. У нея встрѣчались Александръ Гумбольдтъ, Варнгагенъ Фонъ-Энзе, Беттина Арнимъ. Вершины Германіи видѣлъ двадцатилѣтній Тургеневъ въ этомъ русскомъ семействѣ. Гумбольдтъ былъ уже знаменитымъ ученымъ. Варнгагенъ писалъ по цѣмъцки о Пушкинѣ. Съ Беттиной входило въ жизнь Тургенева вѣяніе Гете.

Однимъ словомъ, какъ это всегда случалось — гдѣ-бы онъ ни поселялся, всегда попадалъ въ кристаллизацию умственныхъ и духовныхъ верхушекъ — а позже и вокругъ себя кристаллизовалъ кого надо.

Но не только наукой, не только тяжеловѣснымъ и серьезнымъ занимался онъ въ Берлинѣ. Любилъ бывать на гуляньяхъ, маскарадахъ. Катался довольно много верхомъ — въ Тиргартенѣ Охотничьей страсти здѣсь не предавался и не пилъ. Однако, заходить въ погребокъ, гдѣ нѣкогда пьянствовали и разносили филистеровъ романтикъ Гофманъ. Много посѣщалъ театры: черта вполне тургеневская — и впредь такъ будетъ.

Съ нимъ жилъ дядька, Порфирій Тимофеевичъ Кудряшевъ, человекъ довольно милый и не безъ замѣчательности, домашній лѣкарь-самоучка Варвары Петровны, ея секретарь и министръ. Но главная его особенность въ томъ состояла, что онъ приходился своднымъ братомъ своему молодому барину, берлинскому гегельянцу. Знали-ли Иванъ Тургеневъ, что отецъ его крѣпостного Порфирія

все тотъ-же Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ? Навѣрно нѣтъ, но крайней мѣрѣ въ тѣ годы.

Порфирій состоялъ при немъ какъ бы секретаремъ — писалъ иногда Варварѣ Петровнѣ. Онъ былъ нѣсколько старше своего брата-барина, но отношенія у нихъ сложились пріятельскія, и нерѣдко они занимались вполнѣ дѣтскими дѣлами: воспитывали случайно попавшую къ нимъ собаку, притравливая ее къ крысамъ. Играли въ солдатики. А потомъ Тургеневъ-младшій строчилъ старшему по нѣмецки любовныя письма.

Самъ-же переписывался съ матерью довольно неудачно. Какъ жаль, что не сохранились его письма! Но ея посланія уцѣлѣли. Они прелестны. Безъ нихъ Варвара Петровна казалась бы просто самодуркой-крѣпостницею. А это далеко не такъ.

Когда умеръ Сергѣй Николаевичъ, вся ея любовь перешла на сына. («Иванъ мое солнце. Когда оно закатывается, я ничего больше не вижу, я не знаю, гдѣ нахожусь»). Романъ съ сыномъ оказался столь-же мучительнымъ, какъ и съ отцомъ. Сынъ тоже не любилъ ее. Ему трудно съ ней переписываться, онъ пишетъ мало, вяло. Просто ему неинтересно — самое ужасное для любви слово! Забываетъ отвѣчать (по лѣни), иногда вдругъ обижается, молчитъ подолгу.

«...А! Такъ ты изволилъ гнѣваться на меня, и пропустилъ пять почтъ, не писавъ. Извольте слушать, первая почта пришла — я вздохнула, вторая — я задумалась очень, третья — меня стали уговаривать, что осень.. рѣки.. почта... оттепель. Повѣрила. Четвертая почта пришла — писемъ нѣтъ! Дядя, испуганный самъ, старался меня успокоить. — Нѣтъ! Ваничка боленъ, говорила я. — Нѣтъ! — онъ опять переломилъ руку... Словомъ, не было силъ меня урезонить. Вотъ и пятая почта. Всѣ перепугались. Думали, я съ ума сошла. И текущую недѣлю я была какъ истуканъ: всѣ ночи безъ сна, дни безъ пищи. Ночью не лежу, а сижу на постели и придумываю... Ваничка мой умеръ, его нѣтъ на свѣтѣ... Похудѣла, пожелтѣла. А Ваничка изволилъ гнѣваться...»

Времена, когда Ваничку просто можно было высѣчь, прошли. Но быть можетъ тогда она его меньше и любила. Онъ-же, конечно, тогда особенно нуждался въ ласкѣ и любви, а сейчасъ уходилъ отъ нея, начиналъ широкую и славную свою, взрослую жизнь.

Сколько страсти, блеска, кипѣнія въ ея письмахъ! Какой темпераментъ! Гибкость, острота словъ, чудесная ихъ путаница, огонь, и какъ мало похоже на всегда ровную и круглую прозу, прославившую сына. Ея писаніе — монологъ, безъ всякихъ условностей, изъ нѣдръ, изъ «натуры».

«...Моя жизнь отъ тебя зависитъ. Какъ нитка въ иглѣ; куда игла, туда и нитка. Cher Jean! Я иногда боюсь, чтобы тебя не слишкомъ ожесточить своими упреками и наставленьями. — Но! — ты долженъ принять мое оправданье. Въкъ мой имѣла я однихъ враговъ, однихъ завистниковъ».

Вотъ это «но!» съ восклицательнымъ знакомъ, — гдѣ, въ чьей прозѣ виданы такія вещи — и какъ очаровательно выходитъ, нервно, властно, капризно.

Вовсе не дикая степная помѣщица писала изъ Спасскаго двуликому гегельянцу. Варвара Петровна и сама путешествовала, и была довольно просвѣщенной, и любила читать, читала много — преимущественно по французски. Русской литературы почти не признавала. Вообще къ литературѣ, какъ и къ религіи ея отношеніе — сплошь противорѣчіе. Писатель какъ будто и *gratte-papier* (писецъ), но вотъ сама она охотно читаетъ, и образована, и латинскую поговорку приводитъ сыну, и укоряетъ свекровь, что та умѣетъ только въ карты играть. И главное, она сама — почти писатель. Какъ описываетъ свой день! Какъ изображаетъ пожаръ! Всюду въ ней артистическая натура, талантъ. Вотъ слово горькое и радостное, неожиданное для такой салтычихи, какую намъ подавали ее. Талантъ и тогда, когда пишетъ она вещи ѣдкія.

«...Опять повторяю мой господскій, деспотическій приказъ. — Ты можешь и не писать. — Ты можешь пропустить просто почту, — но! — ты долженъ сказать Порфирію — я нынѣшнюю почту не пишу къ мамашѣ. — Тогда Порфирій беретъ бумагу и перо. — И пишетъ мнѣ коротко и ясно — Иванъ Сергѣевичъ-де, здоровъ, — болѣ мнѣ не нужно, я буду покойна до трехъ почтъ. Кажется, довольно снисходительно. Но! Ту почту, когда вы оба пропустите, я непременно Николашку выѣску; жаль мнѣ этого, а онъ прехорошенькій и премиленькій мальчикъ, и я имъ занимаюсь, онъ здоровъ и хорошо учится. Что дѣлать, бѣдный мальчикъ будетъ терпѣть... Смотрите-же, не доведите меня до такой несправедливости...»

Довели-ли Тургеневъ съ Порфириемъ ее до «такой несправедливости?»

Ясно лишь одно: всегдашняя прохлада Тургенева къ матери. Вниманія, дружественности къ ней у него нѣтъ. Варвара Петровна, напримѣръ, просить его присылать изъ Берлина цвѣточныхъ сѣмянъ (въ конвертахъ писемъ) — она цвѣты всегда очень любила, да и эти сѣмена казались ей связью съ сыномъ. Онъ иногда посылалъ, иногда нѣтъ, смотря по настроенію. Просто онъ не думалъ — ни о ней, ни о ея желаньяхъ.

Любви нельзя заказать: явись! У Тургенева къ матери этого чувства не возникло. Онъ имѣлъ большія основанія ее не любить. И все-же его равнодушіе рядомъ съ ея пламенемъ не выигрываетъ. Она нерѣдко грубо упрекала его (въ эгоизмѣ, расточительности) — но въ своей изступленной любви, въ страданіяхъ, безсонныхъ ночахъ и «несправедливостяхъ» возбуждаетъ она сочувствіе.

А онъ въ это время жилъ. Писалъ стихи, но пряталъ ихъ, не печаталъ. Главное — росъ, вбиралъ, что можно, начиная съ лекцій Вердера и до катаній въ Тиргартенъ съ Бертой, до ухаживаній еще за нѣкой дѣвицей. Видѣть, жить, обогащаться можно было еще столько, еще такъ онъ молодъ! А мать — въ какой-то Орловской губерніи..

Старый домъ Спасскаго сгорѣлъ майскимъ вечеромъ 1839 года, и мать картинно изобразила, какъ уѣхали гости, какъ она легла на патѣ (диванъ), вокругъ возились дѣти, она начала «съ Лизетой о чемъ-то споръ», и вдругъ въ окнѣ пролетѣла искра, за ней горящій отломокъ, и сразу весь садъ освѣтился заревомъ. Варвара Петровна убѣжала въ церковь. Мычали коровы, вопили женщины, мужики довольно безтолково толкались съ ведрами и баграми. Деревенскій пожаръ — ужасъ и беспомощность... въ багровой иллюминаціи съ розовыми клубами дыма, гдѣ носятся перепуганные голуби, къ полуночи отъ стараго гнѣзда ничего не осталось, кромѣ бокового крыла. Варвара Петровна перебралась временно во Мценскъ.

Можетъ быть, гегельянецъ въ Берлинѣ и вздохнулъ, и задумался, но — все это дальняя Скѣвія, страна работа,

владыкъ: мелькнуло и ушло. Гумбольдты-же, Станкевичи, Вердеры — живое, окружающее.

Въ концѣ года Тургеневъ съѣздилъ, однако, въ эту Скиюю, побывалъ въ Петербургѣ, а въ началѣ 1840-го года черезъ Вѣну попадаетъ онъ въ Италию. Римъ сороковыхъ годовъ! — Трудно сейчасъ даже представить себѣ его. Карнавалы на Корсо, альбанки цвѣточницы на Испанской лѣстницѣ, бандитскія шляпы, абруцскіе бархатные корсеты, ослики, папская полиція, коровы на Форумѣ, полузасыпанномъ вѣковымъ прахомъ — и тотчасъ за нимъ начинающаяся Кампанья, луга тамъ, гдѣ сейчасъ Судь, рогатки по вечерамъ на улицахъ... и несмущаемое вѣянье поэзіи, терпкій, живоносный воздухъ Рима.

Въ этотъ первый итальянскій пріѣздъ ничего у Тургенева не было на душѣ, кромѣ молодости и порыва все взять, не упустить, узнать. И онъ зажилъ милой, свѣтлой жизнью итальянскаго паломника. Ему нашелся превосходный сотоварищъ, другъ и вождь — тотъ-же Станкевичъ. Къ Риму идетъ тонкій, изящный профиль Станкевича, съ длинными, набокъ заложенными кудрями, съ огромнымъ поперечнымъ галстукомъ, благообразнымъ рединготомъ. Станкевичъ жилъ на Корсо. Въ маленькую его квартирку сходились Тургеневъ, Ховрины, Фроловъ. Недалеко гоголевская *via Sistina*. Вѣроятно, часто заѣзжали въ кафе Греко, на *via Condotti*, знаменитомъ еще со временъ Гете. Главная прелесть жизни римской, конечно, внѣ дома, въ блужданіяхъ и экскурсіяхъ. Тургеневъ со Станкевичемъ много выходили, много высмотрѣли. «Царскій сынъ, не знавшій о своемъ происхожденіи» (такъ называлъ друга впоследствии Тургеневъ) доблестно водилъ его по Коллизеямъ, Ватиканамъ, катакомбамъ. Воспитаніе Тургенева продолжалось. Италия помогла царскому сыну отшлифовать другого юнаго принца, престолонаслѣдника русской литературы. Именно въ Италиі, на пейзажѣ Лациума, вблизи «Аѳинской школы» и «Парнасса» Рафаэля, овладѣвалъ Тургеневымъ духъ Станкевича — духъ поэзіи и правды. Прелестно, что и самую Италию увидалъ, узналъ и полюбилъ онъ въ юности. Свѣтлый ея слѣдъ остался навсегда на этомъ патріици.

Станкевичъ былъ болѣзненъ — чахоточный. Можетъ быть, это обостряло, утончало его. Придавало нѣкую пронзительность. Тургеневъ вздыхалъ по старшей дочери Ховриныхъ, Шушу, но довольно безболѣзненно. По-

лякъ Брыкчинскій, тоже туберкулезный, угощаль ихъ музыкой. Тургеневъ собирался брать уроки живописи, да такъ и не собрался. Впрочемъ, рисоваль разные шуточные рисунки, въ родѣ каррикатуръ. Пожалуй, это первыя черты позднѣйшаго тургеневского сатиризма.

Римъ склоненъ располагать къ меланхоли, но прозрачной, творческой. Въ Римѣ человекъ чувствуетъ и свою бренность, и свою вѣчность. Гете, Гоголь многое въ Римѣ создали. Тургеневъ учился. Станкевичъ заглядывалъ уже въ бездну. Вотъ онъ подымается на четвертый этажъ къ Ховринимъ, читаетъ стихи Пушкина и вдругъ, задохнувшись, останавливается, кашляетъ. На поднесенномъ ко рту платкѣ кровь.

Или они съ Тургеневымъ возвращаются въ коляскѣ изъ Альбано, по анниевой дорогѣ. Близки сумерки. Прозрочно въ воздухѣ, справа нѣмбуютъ подъ небомъ Сабинскія горы, вершины ихъ тронуты розовымъ. Акведуки, стада, все замолкшее, закаменѣлое. Пастухи въ кожаныхъ штанахъ и безбрежный куполь св. Петра, и налѣво, къ Остии, тихое полыханье заката, уходящаго въ море, прорѣзаннаго одинокой башней.

У высокой развалины, обросшей плющемъ — онѣ идутъ по обѣимъ сторонамъ дороги — Тургеневъ остановилъ экипажъ, высунулъ, крикнулъ:

— *Divus Caius Julius Caesar!*

Эхо отвѣтило какимъ-то стономъ. Станкевичъ, дотолѣ веселый и разговорчивый, вдругъ поблѣднѣлъ, поникъ острымъ подбородкомъ въ свой огромный галстукъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросилъ онъ, когда коляска тронулась. И до самыхъ Порты Санъ-Себастьяно былъ молчаливъ. Наступалъ вечеръ. Древняя земля Кампаньи дышала прахомъ.

Его предчувствія сбылись. Разставшись поздною весной съ Тургеневымъ, онъ больше съ нимъ не встрѣтился: скончался лѣтомъ въ Нови, на рукахъ Дьяковой и Ефремова. Тургеневъ находился въ это время въ Неаполѣ. А возвращался въ Берлинъ черезъ Геную.

Смерть Станкевича очень его взволновала, но не могла остановить. Можетъ быть, сквозь вуаль искренней слезы острѣй воспринимался самый мiръ. Пѣшкомъ путешествовалъ онъ по Швейцарии, въ костюмѣ туриста, съ палкою и ранцемъ за плечами. Проѣзжая черезъ Франкфуртъ, влюбился во встрѣченную въ кондитерской кра-

савицу-дѣвушку (Джемма изъ «Вешнихъ водъ» — только была она еврейка, а не итальянка). Чуть во Франкфуртѣ изъ-за нея не застрялъ — но не его судьба, конечно, прикрѣпиться къ захолустной булочницѣ. Добралшисъ до Берлина, прекрасное письмо Грановскому написали о смерти Станкевича.

Станкевичъ былъ залетный гость, русскій Новалисъ. Прилетѣлъ голубемъ, оставилъ во всѣхъ, знавшихъ его, слѣдъ чистый и вѣрный — и унесся. Для чего-то былъ нуженъ Тургеневу. Для чего-то оказался нужнымъ и другой человекъ, уже не голубь и не залетный, съ которымъ тоже свела его судьба. Онъ познакомился съ Михаиломъ Бакунинимъ черезъ мѣсяць послѣ смерти Станкевича. Даже поселились они вмѣстѣ, быстро сблизились, цѣлый годъ прожили душа въ душу. Новый другъ только то имѣлъ общее съ прежнимъ, что былъ гегельянцемъ. Здоровенный, красивый, шумный, рѣчистый — сплошной натискъ, командованіе. Что-то, однако, прельщало въ немъ Тургенева. Обратное Станкевичу — не широкая ли поза, «вдохновенность», кудри, сила? Молодому Тургеневу и «такое» очень нравилось. Совсѣмъ недалеко время, когда онъ увлекался Марлинскимъ и Бенедиктовымъ. Портретъ (рѣдчайшій) начала сороковыхъ годовъ, даетъ Тургенева съ довольно «роковымъ» поворотомъ головы, взоромъ не безъ вызова, съ романтическими кольцами кудрей — очень красивый и замѣчательный молодой человекъ, но ужъ конечно не безъ позы. Передъ Станкевичемъ ему такимъ не пристало быть. Передъ Бакунинымъ — какъ разъ впору. Оба высокіе, оба красивые, видные, Тургеневъ и Бакунинъ представляли отличную пару, выдѣлявшуюся и на лекціяхъ, и на разныхъ собраніяхъ. Анненкову бросились они въ глаза въ извѣстномъ берлинскомъ кафѣ Спарньяпани, гдѣ получалось много иностранныхъ газетъ и журналовъ: разумѣется, русскіе барчуки-гегельянцы украшали собой это учрежденіе.

При всемъ своемъ шумѣ и грохотѣ Бакунинъ въ то время вовсе не «разрушалъ основъ» — напротивъ, съ русскою яростностью защищалъ и оправдывалъ все существующее, какъ разумное, доводилъ Гегеля до послѣдняго предѣла. Тургеневъ и тутъ держался тише — никогда къ крайностямъ пристрастія не питалъ.

И быть можетъ, кромѣ идейной близости, просто удобно и пріятно ему было жить съ этимъ жизнерадостнымъ

бариномъ, съ какого-то конца «своимъ». Отъ жизни ихъ остались нѣкоторые свѣжіе и чистые слѣды. Могли-бы они вспомнить хорошія минуты, «ночныя бдѣнія», какъ говорилъ Бакунищъ, въ ихъ комнатѣ — Тургеневъ у любимой печки, Бакунинъ на диванѣ. Вечера у сестры Вареньки, гдѣ слушали бетховенскія симфоніи, пили чай съ конченными языками, пѣли, смѣялись, спорили... Или визиты къ фрейлейнъ Зольмаръ (молоденькой актрисѣ) — Тургеневъ въ зеленомъ бархатномъ жилетѣ, Бакунинъ въ лиловомъ. Да и то же кафѣ Спарньяпани...

Кажется, эта полоса Тургенева, берлинско-итальянская, — изъ лучшихъ его полосъ.

Въ Россіи.

Онъ вернулся на родину наряднымъ и блестящимъ юношей. Любилъ франтить — носилъ лорнетъ, щеголялъ разноцвѣтными сюртуками и жилетами — панталоны тогда шили узкіе, со штрипками, и очень нѣжныхъ цвѣтовъ. Любилъ поболтать, пустить пыль въ глаза. Разумѣется — прихвастнуть. Внѣшній его обликъ довольно долго еще не совпадаетъ съ тѣмъ, чѣмъ надлежало ему быть въ дѣйствительности. Многихъ это обманывало. Уже позже, встрѣчая на Невскомъ высокаго, красиваго юношу, очень изысканно одѣтаго, Панаевъ не думалъ, что это поэтъ, философъ — принималъ за свѣтскаго барчука. Не такъ-ли франтилъ въ свое время Петрарка въ Авиньонѣ? Только моды были иныя: итальянскій поэтъ занимался правильностью кудрей, обрамлявшихъ лобъ.

Тургеневъ жилъ лѣтомъ въ Спасскомъ, зимой въ Москвѣ съ матерью на Остоженкѣ, въ домѣ Лошаковского, занимая комнаты въ мезонинѣ — теплыя, уютныя съ неразказуемой прелестью старинныхъ московскихъ домовъ, запахомъ вѣковой мебели, легкихъ куреній, съ лампадка ми въ углу, засохшими вербами передъ иконами. Онъ много выѣзжалъ. Въ московскихъ салонахъ часто появлялся — тамъ-же, гдѣ блистала прежде Пушкинъ, Грибоѣдовъ, гдѣ можно было встрѣтить Гоголя и Хомякова, Аксакова, Чаадаева. Думалъ сдать магистерскій экзамень, получить каѳедру философіи. Ничего изъ этого не вышло. Такъ и остался Тургеневъ того времени маменькинымъ сынкомъ, молодымъ человѣкомъ съ поэтическими устремленіями.

Съ матерью уживался еще очень прилично. Она была счастлива, что сынъ вернулся. Въ Спасскомъ закармливала его любимымъ крыжовеннымъ вареньемъ. А онъ стрѣлялъ дупелей, рассказывалъ, валяясь на огромномъ диванѣ-патэ, сказки маленькой Варѣ Житовой, воспитанницѣ, и иногда съ ней-же дѣлалъ набѣги на знаменитый бакалейный шкафъ Спасскаго, находившійся у входа въ каменную галлерею, уцѣлѣвшую отъ пожара — тамъ помѣщалась библиотека. Этимъ шкафомъ завѣдывалъ камердинеръ покойнаго Сергѣя Николаевича — глуховатый и слегка полоумный старикъ Михаилъ Филипповичъ. Тургеневъ съ Варей забирались туда — баринъ уже взрослый, запретить ему нельзя! — и опустошали «добро» и сласти. Старикъ ужасался, страдалъ... но ничего не могъ подѣлать. Съ грустью докладывалъ потомъ Варварѣ Петровнѣ: «Опять все изволили покушать! Да вѣдь у нихъ такъ-то и желудочки разстроятся!» Конечно, убивало и то, что вотъ истребляется это самое хозяйское «добро».

Но Варвара Петровна за это на сына не нападала.

— Ну, ничего, Филиппычъ, придется отправить подводу въ Орелъ, или во Мценскъ.

Идиллія смущалась, однако, темнымъ бытомъ. Варвара Петровна умѣла портить жизнь. Дворецкаго Полякова она очень цѣнила. Смиреную Агашу, его жену, просто любила... и когда у той появилось дитя, разсердилась. Во-первыхъ, ребенокъ пищитъ. Второе — отвлекаетъ мать отъ заботъ объ особѣ Варвары Петровны (въ священности своей она была глубоко убѣждена).

— Если у тебя дѣти при тебѣ, ты не можешь служить мнѣ какъ надо!

И распорядилась услать дитя въ деревню Петровское, тамъ воспитывать. Агаея много терпѣла, долго. Но тутъ не покорилась. Ребенка не услали, держали тайно въ Спасскомъ, устроивъ какъ-бы заговоръ противъ барыни. Дворня держалась стойко. Агаею и Андрея уважали, и не выдали. Но родители вѣчно дрожали. Однажды крикъ грудного младенца чуть его не выдалъ — отцу пришлось зажать ему ротикъ рукою. Все это тянулось долго. Закончилось въ Москвѣ, позже, когда Агаея осмѣлилась наконецъ сказать прямо въ лицо господамъ, что дѣтей (еще двое родились позже) она въ Москву взяла — вопреки барской волѣ. Что за сiena произошла, нетрудно вообразить. Агаею разжаловали, на-

казали, но дѣти все-таки остались въ домѣ: ихъ вновь спрятали.

Тургеневъ былъ уже не мальчикъ. Въ Москвѣ къ нему прїѣзжалъ Грановскій, и они горячо разсуждали въ верхнихъ комнатахъ о крѣпостномъ правѣ, объ освобожденіи крестьянъ. Онъ не могъ терпѣть такихъ исторій какъ съ Агашей — вмѣшивался, мучился, иногда успѣвалъ, иногда не удавалось: во всякомъ случаѣ, подѣ приличною вѣшностью — внутренно отношенія съ матерью портились.

Среди этой сытой, широкой барской жизни вновь появляются, какъ уже однажды раньше, дѣла любовныя.

Афродита-Пандемось снова предстала въ видѣ рабскомъ, вновь на тучныхъ нивахъ Спасскаго — скромная Афродита-швея, тихая блондинка. Онъ завоевалъ Авдотью Ермолаевну безъ усилій. Она робѣла предъ нимъ и трепетала передъ барыней. Вѣроятно, послѣднее и было самымъ сильнымъ ея чувствомъ. Ему-же внушила извѣстную нѣжность. Конечно, былъ онъ съ нею такъ ласковъ, какъ никто въ ея быту. Она покорно отдала ему и молодость свою, и дѣвичество, какъ существу высшему. Связь оказалась простой, нѣсколько грустной, человѣчной... и неинтересной.

Разумѣется, Варвара Петровна скоро узнала обо всемъ. Авдотью Ермолаевну изъ Спасскаго изгнали. Тургеневъ поселилъ ее въ Москвѣ, на Пречистенкѣ — тамъ сняла она квартиру изъ двухъ комнатъ въ первомъ этажѣ небольшого дома, и занялась рукодѣліемъ.

Что-то безотвѣтное, скромно-покорное остается отъ неяркаго образа Авдотьи Ермолаевны. Орловская Дунечка, не посмѣвшая не отвѣтить на случайный пылъ барина. Не эту-ли Дунечку, смиренно-пришедшую, вспомнилъ онъ стихотворно въ сорокъ третьемъ году?

Открытое окно, садъ «огромный, и темный, и нѣмой». Они сидятъ у этого окна, онъ гладитъ ея распущенные волосы, она «съ улыбкой томной» смотритъ въ садъ. И соловей спасскій, все дыханіе тѣхъ мѣстъ, и луна.

«И ты сказала мнѣ,

«Къ таинственнымъ звѣздамъ поднявши взоръ унылый:

«Не быть намъ никогда съ тобой, о другъ мой милый,

«Блаженными вполнѣ!»

«Я отвѣчать хотѣлъ, но странно замирая,

«Погасла рѣчь моя... Томительно нѣмая

«Настала тишина...

«Въ большихъ твоихъ глазахъ слеза затрепетала,

«А голову твою печально лобызала

«Холодная луна».

Была-ли, не была въ этой нехитрой молодой связи частица поэзии, во всякомъ случаѣ орловская Душенька не такъ уже безслѣдно ушла изъ жизни Тургенева: въ маѣ 1842 г. родила она ему дочь. Ея назвали незамѣтнымъ, мѣщанскимъ именемъ Пелагеи, а таинственная рука судьбы навсегда увела ее впоследствии изъ Орла и Мценска, русскую Полю пересадила въ Парижъ, обратила въ Полину и ввела въ чуждую ей французскую семью иной, блестящей Полины — Виардо. Но пока молодой гегельянецъ ничего этого не подозрѣвалъ. Дворовый Федоръ Лобинъ выплачивалъ Авдотѣ Ермолаевнѣ ежемѣсячную сумму. Тургеневъ-же велъ въ это время другой романъ, смутно-интеллектуальный, рудински-разговорный и обставленный всею изяществомъ утонченнаго дворянскаго быта.

Странная русская семья жила въ имѣнии Премухино Тверской губерніи, на берегахъ прохладной рѣчки Осуги. Бакунины — отецъ и мать, и цѣлос племя дѣтей, больше дѣвицъ, но среди нихъ и тотъ самый Михаилъ Бакунинъ, «Мишель», съ которымъ молодой Тургеневъ прожилъ въ Берлинѣ цѣлый годъ. Изъ-за Мишеля стала семья исторической, но она была, конечно, любопытна и сама по себѣ. Это какъ-бы дѣвическое царство — въ немъ господствовалъ, однако, и велъ всехъ за собой Михаилъ. Сестры его, опредѣлившія «климатъ» Премухина — Любовь, Варвара, Татьяна и Александра Александровны. Съ старинныхъ изображеній глядятъ эти лица, не совсѣмъ правильныя, иногда (какъ у Варвары) вовсе некрасивыя, иногда тилично русскія (Татьяна), но все съ отпечаткомъ незаурядности и нѣкоего безпокойства. Во всехъ нихъ, какъ и въ братѣ Михаилѣ, вѣчно кипѣло, сгарало что-то, вѣчные порывы и терзанія, восторги, отчаяніе. Варвара въ ранней юности отличалась изступленной религіозностью, пережила мучительнѣйшія сомнѣнія, доходя иногда по-

чти до безумія. Пятнадцати лѣтъ, со стиснутыми зубами и обливаясь холоднымъ потомъ доводилось ей кататься по полу, заглушая страшный внутренній вопль. («Бога нѣтъ, Бога нѣтъ!»). Старшая сестра Любовь была нѣсколько тише, съ огромнымъ обаяніемъ, но такой же внутренней восторженностью, какъ и младшая, Татьяна. Всѣ онѣ съ дѣтства знали по нѣскольку языковъ, музыку, зачитывались нѣмецкими романтиками — Новалисомъ, Жанъ Польемъ Рихтеромъ. Продѣлали весь философскій путь брата — то Фихте, то Гегель владѣли ими.

Барская жизнь того времени оставила намъ хорошіе архивы. Черезъ сто лѣтъ многое можно прочесть изъ переписки энтузіастокъ съ братомъ, между собою и съ другими. Есть въ этомъ особый «премухинскій» стиль: все всегда свято, небесно, вѣчно, всегда сердце и умъ направлены или на Бога, или на добро, любовь, человѣчество. Или собственная душа усовершенствуется, или даже надо спасать и «просвѣтлять» человѣчество. Среднихъ нотъ нѣтъ. Всегда «по звѣздамъ» Если любовь, то это пареніе, сліяніе двухъ душъ въ одну сіяющую вѣчность, и т. п. Прскраснодушіе — искреннее, иногда глубокое, иногда съ нѣсколько напыщеннымъ оттѣнкомъ. Влюбленности, слезы, много томленій и много страданій въ этой семьѣ — и замѣчательной, и очень несчастной. Особенности привлекаютъ и необычныхъ друзей: «премухинскимъ» захвачены люди какъ Станкевичъ, Бѣлинскій — у всѣхъ нихъ сложные и запутанные сердечныя дѣла съ обитательницами Премухина. Самъ «Мишель» тоже, разумѣется, влюбленъ (въ Наталію Бееръ), но и къ собственной сестрѣ Татьянѣ питаетъ чувства довольно странныя — ревность входила въ нихъ большой дозой. Онъ «духовно» и «патетически» былъ чуть-ли не влюбленъ въ нее. Ея переписка съ нимъ мѣстами похожа на романъ.

Въ это Премухино и попалъ Тургеневъ въ іюнь 1841 года, когда уѣхалъ отъ «Мишеля» изъ Берлина. Онъ уже встрѣчался съ Бакуниными (съ Варварой, вышедшей замужъ за Дьякова — за границей. Не совсѣмъ ясно, гдѣ познакомился съ Татьяной, видимо, въ концѣ 1840 г.). Еще менѣе ясно, когда возникло между ними то, что продержало его при ней почти до самой Віардо. Но трудно представить себѣ іюньскіе дни 1841 года внѣ завязки романа. Слишкомъ все подходящее.

Въ Премухинѣ былъ домъ съ колоннами у балкона,

увитыми хмелемъ. Съ боковъ кусты сирени, жасмина, почти заглядывавшіе въ окна. Передъ балкономъ цвѣтники. Конечно, паркъ. Замѣчательная церковь, екатерининскихъ временъ, классическаго стиля. Извилистая Осуга, дуга, поля и перелѣски. Вся прелесть русскаго іюня предстала Тургеневу въ это его посѣщеніе. Еще соловьи не отошли. Кукушки кукуютъ, ночи коротки и звѣздъ мало, это не звѣздный августъ. Зато чудесно благоухаютъ дуга, полные звончиковъ, медвяной зари, всякихъ клшекъ, цикоріевъ. Скоро покось. Нѣжны іюньскіе вечера. Ливни сіяютъ сквозь солнце и радугу. Молодая ржи наливаются — колось еще сизо-молочный, и какъ пахнутъ онъ послѣ дождя!

Кто знаетъ, о чемъ и какъ говорили Тургеневъ съ Татьяной и на балконѣ, въ бесѣдкѣ, подъ дубами Премухина. Были сладкія и нѣжныя минуты въ обрамленіи типическаго «тургеневскаго» романа. Именно такъ, какъ впоследствии будетъ въ его повѣстяхъ. Тургеневъ игралъ какъ бы собственную пьесу. На прогулкахъ по рощамъ и въ ночной тѣмѣ на балконѣ, послѣ сыграннаго въ залѣ Бетховена, при блѣдныхъ звѣздахъ говорилось, разумѣется, не мало романтическихъ заоблачностей. «Святая дружба», вѣчная любовь, небеса души и многое въ подобномъ родѣ, вздохи и загадочные взгляды, чувства и нѣкая игра въ нихъ, поза, все перемѣшивалось и создало туманно-бродящій напитокъ, опьянявшій — но въ разной мѣрѣ — обоихъ. Тургенева онъ цѣликомъ не захватилъ. Истинный его часъ еще не насталъ. Сердце оставалось прохладнымъ, и онъ довольно точно изображалъ себя, когда позже писалъ Татьянѣ: «я никогда ни одной женщины не любилъ больше васъ — хотя не люблю и васъ полной и прочной любовью». Тамъ-же называетъ онъ ее «сестрой» своей и «лучшей единственной подругой». Вотъ именно сестра и подруга... Но она не владела имъ. Не плѣнь это, а тотъ поэтически-эротическій трепеть, въ которомъ почти постоянно Тургеневъ жилъ. На этотъ разъ предметомъ его стала Татьяна. Онъ не лгалъ, говоря, что «ни одной женщины не любилъ больше»: сравнивать еще не съ кѣмъ. Юная влюбленность въ Зинаиду, правда очень острая, все-же дѣтская болѣзнь. Нехитрую связь съ Дунечкой воядъ-ли можно вообще считать — это пока и весь любовный опытъ Тургенева.

Татьяна-же поддалась вполне. Когда-то писала она

«Мишелю»: «ты хорошо знаешь, что человекъ, котораго я могла-бы полюбить, который долженъ наполнить все мое сердце, все мое существо, существуетъ лишь въ моемъ воображеніи. Можетъ быть, я встрѣчу его лишь на небѣ». Она ошиблась. Встрѣтила и на землѣ, и хотя была, разумѣется, величайшая фантазерка, и всякія чувства наряжала въ романтику, все-же влюбилась глубоко, по настоящему.

Романъ протекалъ и въ Москвѣ, и въ Премухинѣ, и въ Шашкинѣ, орловскомъ имѣніи Бееровъ, друзей Бакуниныхъ. Яркую и страдательную роль играла въ немъ Татьяна. По духу своего премухинскаго дома, внесла въ него всю силу, восторженность и беззабѣтность души. «Христость былъ моей первой любовью. Какъ часто, стоя на колѣняхъ у Его Креста, я плакала и молилась Ему. Вы, мой другъ, вы будете моей послѣдней, вѣчно искренней, вѣчно святой любовью». Татьяна не могла-бы сказать, что любить Тургенева «неполно», или раздвоенно.

Любила всячески, и ужъ тогда чувствовала въ немъ великаго художника. А у него въ маѣ 1842 г. пицала дѣвочка отъ Авдотьи Ермолаевны. Но «душевный» романъ съ Татьяной еще продолжался. Она все болѣе убѣждалась въ неравновѣсїи чувствъ, неравенствѣ ролей и безнадѣжности своего положенія. Сколько бессонныхъ ночей, слезъ, мученій! Но ужъ такъ полагается въ Премухинѣ, да впрочемъ, и во всякой большой любви.

«Вчера вечеромъ мнѣ было глубоко, безконечно грустно — я много играла — и много и долго думала. — Молча стояли мы на крыльцѣ съ Alexandrine — вечеръ былъ такъ дивно хорошъ — послѣ грозы звѣзды тихо загорались на небѣ, и мнѣ казалось, онѣ смотрятъ мнѣ прямо въ душу — и хотятъ, чтобы я надѣялась и я какъ будто прощалась съ землей и жизнью — и жаль мнѣ было ее — жаль мнѣ было васъ всѣхъ — я хотѣла удержать васъ въ рукахъ моихъ — мнѣ грустно было оторваться отъ васъ — вѣдь жизнь не повторяется и смерть отнимаетъ не на одинъ мигъ, а навсегда»...

Тургеневъ уходилъ отъ нея, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше. Тому, кого любила она чуть-ли не какъ Христа, чье предчувствовала огромное назначеніе, судьбу блестящую, приходилось ей писать: «Я знаю, вы сами мнѣ сказали, что я вамъ чужая, что я вамъ ничто».

Но любовь сдается не сразу. Не такъ легко сердцу при-

знать свое поражение, смириться. Оно ищетъ утѣшиться. Иной разъ мелькастъ для Татьяны это утѣшеніе въ самоотреченіи и покорности волѣ Божіей. «И если-бы я могла окружить васъ всѣмъ, что жизнь заключаетъ въ себѣ прекраснаго, святаго, великаго, если-бы я могла умолить Бога дать вамъ всѣ радости, все счастье — мнѣ кажется, я бы позабыла тогда требовать для себя самой». А рядомъ съ этимъ великая горечь «неспрошенной», «ненужной» любви, такое униженіе любить безъ отвѣта... Иногда она «готова ненавидѣть» его «за ту власть», которой сама-же и покорилась.

Все это терзало и раздирало Татьяну не одинъ мѣсяць. Въ нихъ проходитъ весь 42-й годъ. Жизнь Тургенева видимо принимаетъ свос, съ ней несвязанное теченіе. Человѣколюбія въ любви не такъ-то много. Тургеневъ врядъ-ли мучился ея страданьями.

Лѣтомъ 43-го года наступилъ полный, и окончательный разрывъ. Внутренно онъ готовъ давно, внѣшній поводъ — исторія съ деньгами для «Мишеля». Михаилъ Бакунинъ попалъ въ затруднительное положеніе съ деньгами въ Берлинѣ — задолжалъ издателю Руге 2800 талеровъ. Татьяна просила Тургенева заплатить за брата, обѣщая, что отдастъ ему впоследствии семья. Тургеневъ просьбу ея исполнилъ, хотя и съ опозданіемъ. Но тутъ онъ нѣчто написалъ Татьянѣ, очснь ес задѣвшее. Письмо это не сохранилось. Въ отвѣтѣ на него Татьяны говорится о желаніи Тургенева оскорбить ее, о «сухомъ и презрительномъ» тонѣ письма, чего она никакъ не ожидала. Уцѣлѣло еще одно, прощальное письмо ея, помѣченное августомъ 43-го года. На немъ кончается и переписка, и романъ.

Что такое могъ написать Тургеневъ? Ничего особеннаго. Особенное для нея была прохладность, равнодушіе... Онъ уже не взволнованъ ею. Можетъ быть, даже самая восторженность Татьяны ему стала надоѣдать. Этого — разъ появилось — скрыть нельзя. Отсюда и тонъ *sec. Meprisable* она сама опредѣлила, приписавъ холоду презрительность.

Такова генеральная репетиція взрослоаго Тургенева въ любви. Онъ побѣдилъ тамъ, гдѣ это не было для него важно. Побѣда не дала ему ни радости, ни счастья. Татьянѣ принесла страданія.

Романъ отозвался въ двухъ-трехъ его стихотвореніяхъ. Потомъ онъ помянулъ его — жестко и неудачно — въ

«Татьянѣ Борисовнѣ и ся племянникѣ». Напрасно пылала Татьяна! Тургеневъ несмѣшно посмѣялся надъ ея восторженностью, надъ всѣмъ «премухинскимъ». Зачѣмъ это понадобилось ему? Понять не такъ легко.

За эти годы не одною, однако, любовью занимался онъ. Въ Берлинѣ писалъ стихи (не уцѣлѣвшіе), продолжалъ ихъ писать и въ Россіи. Это уже не «Стено» — литература, настоящая поэзія. Позднѣйшее его писаніе заслонило ту полосу. Обычно знаютъ лишь Тургенева прозаика. Но уже нора правильно распредѣлить планы, отдать должное его молодости. Стихи исходятъ, разумѣется, изъ Пушкина. Музыкальны, однако, имѣютъ и свой оттънокъ — нѣкой медлительности, волнообразной плавности. Будто хорошо плыть ему по спокойной, элегической рѣкѣ. Тутъ, конечно, темпераментъ Тургенева. Это не удивляетъ. Не удивить и живопись въ стихахъ — эти краски, какъ и манера, хорошо извѣстны по его прозѣ. Мотивъ любви — тоже Тургеневъ. Но изъ за музыки, живописи и пейзажа выступаетъ, какъ нѣкогда въ «Стено», обликъ горькій, уязвленный. Совсѣмъ нѣтъ въ тургеневской лирикѣ и юныхъ поэмахъ прекраснодушія премухинскихъ барышень! Многое онъ любитъ, но надъ многимъ посмѣется, многое осудитъ. Смиреной восторженности въ немъ не надо искать. Онъ бываетъ холодновать, язвительнѣ. У него срываются иногда тяжкія слова.

Вотъ говоритъ онъ о толпѣ. Кто изъ поэтовъ любилъ толпу! И Пушкинъ ее громилъ. Но не пушкинскія строки заключаютъ эту вещь:

И я тяну съ усмѣшкой торопавой
Холодной злости, злости молчаливой,
Хоть горькое, но пьяное вино.

Жизнь, люди, міръ.. это еще должно быть оправдано.
А то вотъ

..Женился на сосѣдкѣ,
Надѣлъ халать,
И уподобился насѣлкѣ —
Разветъ цыплять.

Вердеръ Вердеромъ, Станкевичъ Станкевичемъ, и премухинскія изліянія Татьяны — это одинъ фасадъ, но есть и другой, горестно-ироническій. Не зря мальчикъ, написавшій «Стено», воскликнулъ:

Но я какъ неба жажду вѣры!

Она не пришла, какъ не пришла и полная, осуществленная любовь. Если-бы была вѣра, и такая любовь, какъ у Татьяны (или позже у его-же собственной Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда»), не было-бы холодной и презрительной тоски. Странно сказать, но молодой Тургеневъ хорошо чувствовалъ дьявола — вѣриѣ, мелкаго бѣса, духа пошлости и середины. Бесплодность, испеленность сердца оказались ему близки.

Въ 1843 году онъ написалъ поэму «Параша», первую вещь, обратившую на него вниманіе. Въ ней есть чудесная помѣщичья деревня, дѣвушка, первый трепетъ любви — опять все «тургеневское». Есть и герой (сосѣдъ помѣщикъ) родственникъ Онѣгина, но съ нѣсколькими иными отгѣнкомъ. Нѣтъ, однако, ни Ленскихъ, ни дуэлей... Все благополучно, и все страшно потому, что такъ благополучно. Поэту и хотѣлось-бы, чтобы была трагедія. Пусть-бы коснулась героини «спасительность страданья». Но вотъ не касается. Что-то мелькнуло прекрасное и поэтическое въ ихъ первой прогулкѣ -- вечеромъ, въ помѣщичьемъ саду. Будто начало «большого». Но это только кажется. И уже надъ ними тѣнь насмѣшки, предвѣстіе будущаго.

Что если-бъ бѣсъ печальный и могучій
Надъ садомъ тѣмъ, на лонѣ мрачной тучи
Пронесся — и надъ любящей четой
Поникъ-бы вдругъ угрюмой` головой?

Бѣсу есть надъ чѣмъ пораздумать. Сосѣдъ женился на Парашѣ. Отецъ «молодымъ поставилъ славный домъ», племянникъ Онѣгина въ немъ поселился съ милою Парашей... вѣроятно, стали они толстѣть и разводить индюшекъ.

Поздравляю
Парашу, и судьбѣ ее вручаю —
Подобной жизнью будетъ жить она,
А кажется, хохочетъ сатана.

Съ раннихъ лѣтъ невзлюбилъ Тургеневъ бракъ, семью, «основы» — толстовскій укладъ. Въ горечи и пошлости жизни особенно ненавидѣлъ «мѣщанское счастье». Кто знаетъ, если-бы женился на Татьянѣ и развелъ бы по бакуински семью, можетъ быть, и самъ сталъ бы инымъ. Но вотъ, не женился, ни теперь, ни позже... Во всѣхъ противорѣчяхъ его облика есть одна горестно-мудрая, но послѣдовательная черта: одиночество, «не-семейственность».

«Параша» появилась весной 1843 года, когда онъ попробовалъ уже (по настоянію матери) службу — служилъ у Даля, извѣстнаго этнографа и знатока языка, въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Служба его не заинтересовала. И ничего изъ нея не вышло, какъ и изъ профессуры. Славный его путь заключался уже въ книжечкѣ «Параша».

«Парашу» прочла Варвара Петровна и — къ удивленію — одобрила. Это было первое писаніе сына, которое она какъ-то признала. «Безъ шутокъ — прекрасно. Не читала я критики, но! въ «Отечественныхъ Запискахъ» разборъ справедливъ и многое прекрасно... Сейчасъ подаю мнѣ землянику. Мы, деревенскіе, все реально любимъ. Итакъ, твоя «Параша», твой рассказъ, твоя поэма... пахнетъ земляникой!».

Такъ писала она сыну въ Петербургъ. Онъ только что познакомился тамъ съ Бѣлинскимъ — знакомство тоже роковое, прочно прищиплявшее его къ литературѣ. Уѣзжая весной въ деревню. Тургеневъ занесъ Бѣлинскому «Парашу», не засталъ хозяина и оставилъ экземпляръ, уѣхалъ. Въ Спасскомъ получилъ тотъ № «Отеч. Записокъ», о которомъ говоритъ мать. Бѣлинскій помѣстилъ въ немъ подробный, очень сочувственный разборъ «Параша».

Молодой авторъ, въ деревнѣ, о немъ появилась первая хвалебная статья... Какъ ясно можно представить себѣ Тургенева, разрѣзающаго страницы Бѣлинскаго! Волновался, то пряталъ, то клалъ книжку на видное мѣсто. Дѣлалъ видъ, что ему все равно, а въ дѣйствительности трепеталъ. Приѣзжали сосѣди, смотрѣли, ахали... Мать что нибудь острила, будто-бы пренебрежительно — но на этотъ разъ тоже съ гордостью — «пахнетъ земляникой!»

Чудесное время. Май, Спасское, молодость. Только что отошла тяга. Быстро іюнь пролетитъ. И къ Петрову дню

закатится Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, полный ощущенія таланта своего, успѣха своего, куда-нибудь за утками и дупелями, можетъ быть вдаль, въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи, къ разнымъ Брынямъ, Сопѣлкамъ, на парѣ въ бричкѣ — тамъ болота знаменитыя: въ его времсна прямо кишѣли дичью.

Віардо.

Полина Віардо была дочерью знаменитаго испанскаго тенора Мануэля Гарсіа. Мать ея, Джоваккина Сичесъ, тоже пѣла, какъ и старшая сестра Марія, по мужу Мали бранъ — прославленная пѣвица. Полину съ дѣтства учили властный и суровый отецъ. Первые уроки на парусномъ суднѣ, шедшемъ въ Мексику — съ голоса, безъ рояля. Ноты писалъ самъ отецъ. Она пѣла съ нимъ по вечерамъ, на мостикѣ «къ большому удовольствію всего экипажа».

Эти удивительные уроки въ океанѣ, подъ открытымъ небомъ, связаны съ артистическими странствіями отца: онъ пѣлъ и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Въ той-же Мексикѣ приходилось семьѣ Гарсіа путешествовать на лошадахъ, по дикимъ лѣснымъ дорогамъ. Отецъ и братъ скакали верхомъ рядомъ съ экипажемъ женщинъ, по временамъ слѣзали, расчищали буреломъ, нарывали цвѣтовъ для дамъ — ѣхали дальше.

Полина съ дѣтства знала театръ, слушала оперы, росла среди артистовъ. У нея оказался отличный голосъ. Судьба ея опредѣлилась.

Она рано начала выступать. Впервые въ Брюсселѣ — въ 1837 г., шестнадцати лѣтъ. Затѣмъ въ Лондонѣ и Парижѣ — камерною пѣвицей. Въ Парижской Оперѣ дебютировала въ 1839 году, въ «Отелло» Верди, успѣхъ имѣла огромный, и съ этого времени начинается ея извѣстность. Ее пригласили въ итальянскую оперу. Въ 1841 году она вышла замужъ за директора этой оперы, г. Луи Віардо — врядъ-ли по любви, скорѣе для жизненнаго укрѣпленія. Віардо былъ на двадцать лѣтъ старше ея, по видимому, человекъ смиренный, просвѣщенный, малозамѣтный — мужъ знаменитости.

Начались ея странствія по столицамъ и полустолицамъ Европы: Лондонъ, Мадридъ, Миланъ, Неаполь, Вѣна, Берлинъ — всюду она выступала, всюду покоряла. Обладала

удивительнымъ голосомъ, гибкимъ, могучимъ, столь разнообразнымъ, что она пѣла и высокія колоратуры, и партіи драматическаго сопрано, и даже контральто (Фидесь въ «Пророкъ», «Орфей» Глюка). Сценическая ея выразительность была столь-же высока, какъ и умѣніе пѣть.

Красотою Віардо не славилась. Выступающія вперёдъ губы, большой ротъ, но замѣчательные черные глаза — пламенные и выразительные. Волосы тоже какъ смоль — она зачесывала ихъ гладко на проборъ, съ буклями надъ ушами, они очень блестяли и лоснились. Любила носить шали. Въ разговорѣ жива, блестяща, смѣла. Характеръ имѣла властный — въ отца. Насквозь была проникнута искусствомъ — искусство это опиралось, разумѣется, на страстный женскій темпераментъ.

На сценѣ она воспламенялась. И сквозь некрасоту лица излучала свое обаяніе.

Древняя кровь, древнія страсти таились въ ней. Малибранъ считали болѣе лирической пѣвицею, Віардо трагической. Гейне ощущалъ въ ней нѣкую стихію, самое Природу: море, лѣсъ, пустыню. Можетъ быть, и дѣйствительно, сберегла она въ себѣ первозданное. Можетъ быть, странствія юности, океаны, лѣса Мексики, плоскогорья Испаніи навсегда оставили на ней отпечатокъ. Гейне, человекъ эротическій, боялся ея улыбки, «жестокой и сладостной», и чувствовалъ въ ней экзотику. Онъ находилъ, что когда она поетъ, то внезапно на сценѣ могутъ появиться тропическія растенія, ліаны и пальмы, леопарды, жирафы, «и даже цѣлое стадо слонять».

Такова была молодая звѣзда, облетающая Европу, всюду побѣждающая. Россія находилась далеко, но слава ея шла и на западъ императоръ, дворъ, Петербургъ, фантастическіе сибѣга, фантастическіе гонорары. Направляясь туда, вѣроятно считала Віардо, что будетъ чуть-ли не ѣздить на бѣлыхъ медвѣдяхъ и жить среди царей и робовъ. Въ дѣйствительности — попала въ пышный императорскій Петербургъ 1843-го года, со всей тяжкой и великолѣпною придворной жизнью, съ русскимъ барствомъ и блестящими театрами. Въдъ это — время высшей силы Николая I-го! Фридрихъ Вильгельмъ склоняется предъ нимъ, вся Европа трепещетъ.

Віардо не ошиблась, конечно, въ расчетахъ (она вообще отлично понимала жизнь): пріемъ оказался рѣдкимъ. Въ Петербургѣ итальянскую оперу только что во-

зобновили, послѣ многолѣтняго перерыва. Пѣвица открыла гастроль «Севильскимъ цирюльникомъ» (Розина), и успѣхъ имѣла потрясающій. По окончаніи первой-же арии все въ залѣ неистовствовало, кричало, стучало, хлопало — пронеслась буря, вродѣ тропической, хоть и подъ сѣвернымъ небомъ. Одна экзотика встрѣтилась съ другой. Послѣ спектакля толпа ждала пѣвицу у выхода. Рас-таскивали цвѣты изъ букетовъ, цѣловали руки, провожали карету до дома — все, какъ полагается въ «дикой» странѣ.

Среди энтузіастовъ оказался и одинъ молодой человекъ, очень образованный и рѣчистый, красивый, эlegantно одѣвавшійся, будущій владѣлецъ пяти тысячъ «рабовъ», а нынѣ, изъ-за ухудшившихся отношеній съ матерью, ведущій жизнь весьма тѣсную — Иванъ Тургеневъ. Въ литературѣ за нимъ числилось нѣсколько стихотвореній да «Параша». Въ жизни — два-три неопредѣленныхъ романа и кое-какія случайныя влюбленности.

28-го октября, въ день своего рожденія, онъ охотился гдѣ-то подлѣ Петербургомъ — съ гончими, или облавой на волковъ (послѣднее вѣроятнѣй). Нѣкій майоръ Комаровъ, маленькій и смѣшной человекъ, познакомилъ его на охотѣ съ г. Луи Виардо. Очевидно, Тургеневъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. 1-го ноября, утромъ, тотъ-же майоръ представилъ его уже самой преходительной пѣвицѣ, въ квартирѣ ея противъ Александринскаго театра. Тургеневу только что исполнилось двадцать пять, Полинѣ шель двадцать третій. Въ то туманно-бѣлое, мокрое петербургское утро съ летящимъ снѣгомъ юная знаменитость ласково-равнодушно принимала у себя русскаго медвѣдя. Съ нимъ только-что познакомился мужъ. Его прелодносили какъ «молодого помѣщика, хорошаго стрѣлка, пріятнаго собесѣдника и плохого стихотворца» — за восторгами такихъ медвѣдей она сюда и пріѣхала. Могла-ли подумать тогда, что этотъ «молодой помѣщикъ и плохой стихотворецъ» станетъ русскимъ классикомъ и въ славѣ своей далеко превзойдетъ ее? Что на сорокъ лѣтъ будетъ онъ прикрѣпленъ къ ней? Что ея собственная жизнь переплетется съ его жизнью? Что г-ну Луи Виардо такъ до конца дней своихъ и охотиться съ этимъ помѣщикомъ и мирно бесѣдовать съ нимъ о разныхъ домашнихъ дѣлахъ?

Тогда, между двумя репетиціями и какимъ-нибудь но-

вымъ выступленіемъ, среди ежедневныхъ визитовъ такихъ-же, или гораздо болѣе знатныхъ поклонниковъ, Полина Віардо-Гарсія просто улыбнулась-бы, если-бъ какая-нибудь цыганка нагадала ей подобную судьбу. Можетъ быть, улыбнулся-бы и самъ Тургеневъ.

Но вотъ именно его судьба, больше всего его собственная, свершилась въ двадцать пятый годъ его рожденія и въ утро начала ноября.

Началось знакомство. Сталъ онъ посѣщать ихъ. Началось время, для него и сладостное, и нелегкое. Сладость заключалась въ томъ, что онъ полюбилъ. Что опьянѣніе владѣло имъ — сдержаться онъ не могъ. Не только онъ бывалъ у нихъ, и конечно, часто — но обратился и въ навсегда театральную оперу, гдѣ она пѣла, хлопалъ, вызывалъ, неистовствовалъ. Повсюду ее превозносилъ. Говорилъ о ней много, жадно — злые языки утверждали, что слишкомъ много. Быть можетъ. Но что подѣлать, онъ ею заболѣлъ. Нравилось произносить самое имя ея. Незамѣтно для себя стремился навести разговоръ на нее — и выводилъ. Ядовитая дама Панаева высмѣивала его за это... Ничего не осталось въ исторіи отъ ея шипѣнья, а о любви Тургенева пишутся и будутъ писаться книги.

Трудность его положенія заключалась въ неравенствѣ силъ. Онъ влюбленъ... — она «позволяетъ себя любить». Для нея онъ одинъ изъ многихъ, ею восхищавшихся, многихъ, съ кѣмъ она вела легкую словесную игру.

Выдѣляла-ли она его? Въ началѣ, повидимому, средне. То, что впоследствии онъ изучилъ основательно, ревность — съ этимъ встрѣтился сразу-же. За Віардо много ухаживали. Ее посѣщали и люди высокаго общественнаго положенія, и артисты, и молодежь. Мужъ въ счетъ не шель. Луи Віардо безмолвная фигура, «полезное домашнее животное». Съ нимъ, будто-бы, иногда приходилось Тургеневу бесѣдовать уединенно, въ кабинетѣ, объ охотѣ, и еще пожалуй о рыбной ловлѣ, о земледѣліи и скотоводствѣ, пока Полина принимала у себя болѣе видныхъ гостей. Или-же такая картина: огромная медвѣжья шкура въ гостиной, распростертый русскій звѣрь, съ позолоченными когтями лапъ. На каждой изъ нихъ по поклоннику, а королева на диванѣ — это ся маленькій дворъ, ручные преданные звѣри. Віардо смолоду взяла вѣнценосную позу — очевидно, имѣла на то данныя, да и характеръ подходить: не изъ смиренныхъ-же она была!

Среди придворныхъ, на соотвѣтственномъ, не очень важномъ мѣстѣ, и Иванъ Тургеневъ. Являлся еще молодой человѣкъ, тоже, конечно, эlegantный Гедеоновъ, сынъ директора Императорскихъ театровъ и самъ драматургъ (въ духѣ Кукольника) — фигура для иностранки довольно видная. Віардо благоволила къ нему. Тургеневъ много менѣе. Кромѣ того, что засѣдалъ на золоченыхъ лапахъ и соперничалъ съ Тургеневымъ, написалъ Гедеоновъ пьесу «Смерть Ляпунова». Въ 1846 г. Тургеневъ длинное созданіе въ «Отечеств. Запискахъ».

Тяжело давалось ему, конечно, и безденежье. Мать очень его прижимала. Чтобы посѣщать Віардо, приходилось быть хорошо одѣтымъ. Имѣть возможность подносить цвѣты. Больше, и еще горше: чтобы въ театрѣ слушать ее, надо платить за мѣсто. Барскій тонъ Тургенева извѣстенъ — съ отрочества еще сказанъ. Тутъ, передъ любимой женщиной, конечно, хотѣлось предстать и понаряднѣй, и блестящѣй. А у него въ то время иной разъ на фду не хватало. Питался онъ кос-какъ и случалось пускаться на ухищренія. Недоброжелатели сохранили всякіе рассказы о томъ, какъ онъ, сидя въ райкѣ и спускаясь въ антрактахъ внизъ, объяснялъ будто-бы свою позицію тѣмъ, что нарочно сидитъ тамъ съ «клакѣрами». Или что устраивался не совсѣмъ лояльно въ ложѣ знакомыхъ. Два простыхъ слова, однако, все оправдываютъ: любовь и бѣдность.

Такъ или иначе, онъ за эту зиму очень съ Віардо сблизился. Она его выдѣлила изъ «молодыхъ людей». Когда весной уѣхала, онъ уже писалъ ей. Одно письмо — тотчасъ по ея отѣздѣ — уцѣлѣло. Тамъ есть указанія на довольно большую близость. Не просто «знакомый» могъ написать: «Я хотѣлъ заглянуть здѣсь въ наши маленькія комнатки, но теперь тамъ кто-то живетъ». По первому впечатлѣнію это даже слишкомъ. Ни о какихъ «нашихъ» комнатахъ въ прямомъ смыслѣ не могло быть рѣчи — дѣло касается все того-же дома Демидова противъ Александринскаго театра, гдѣ они познакомились. Почему «маленькія»? Квартиру, навѣрно, она снимала хорошую. Но могъ быть маленькій будваръ, гдѣ она принимала его пачинѣ, показывала какія-нибудь фотографіи, говорила о своей жизни, дѣтствѣ — гдѣ, можетъ быть, впервые обмѣнялись они пѣжными взорами и словами. Во всякомъ

случаѣ, такое письмо мало порадовало-бы г-на Віардо. Опасался-ли онъ, страдалъ-ли отъ возникавшей близости между молоденькой женой и русскимъ «помѣщикомъ»? Кто знаетъ! Его роль predetermined. Мужъ знаменитости долженъ быть терпѣливъ и покоренъ, подавать ей утромъ въ постель кофе, собирать статьи, рецензіи, давать совѣты объ ангажементѣхъ. И ничему не препятствовать.

Зиму 44-45 г. г. Віардо вновь пѣла въ Петербургѣ, вновь видѣлась и «дружила» съ Тургеневымъ. Лѣтомъ онъ ухитрился уѣхать за границу, разумѣется, въ Парижъ, и разумѣется, изъ за нея. Тѣмъ-же лѣтомъ гостилъ въ Куртавенелѣ, парижской «Подмосковной» Віардо. Это и были первые шаги по пересадкѣ нашего писателя на иноземную почву. И въ исторіи его любви, и въ исторіи писаній Куртавенель сыгралъ роль большую. Уже въ письмѣ 21 октября 1846 г. (въ Берлинъ изъ Петербурга), Тургеневъ вспоминаетъ о Куртавенелѣ, говоритъ, что много думалъ о немъ лѣтомъ, спрашиваетъ, достопа-ли оранжерея. Начинаются тѣ милыя, столь для него впоследствии драгоценныя подробности о «Подмосковной», которыхъ въ дальнѣйшемъ будетъ еще больше. Переписка не совсѣмъ налажена. Віардо пишетъ неаккуратно, онъ упрекаетъ ее: «А знаете, что большой жестокостью съ вашей стороны было не написать ни слова изъ Куртавенеля».

Возможно. Полина лѣдилась. Да и не такъ еще прочно вошелъ онъ въ ея жизнь, но можетъ быть и мужъ дѣлалъ попытки (безнадежныя) сопротивленія. Въ болѣе позднемъ письмѣ Тургеневъ пишетъ (вновь въ Берлинъ изъ Петербурга). «Адресую на ваше имя, такъ какъ не знаю, находится-ли вашъ супругъ въ Берлинѣ» — какъ будто онъ долженъ писать на имя мужа, тотъ за всѣмъ этимъ слѣдилъ. Впрочемъ, тутъ-же сказано: «Объщайте написать мнѣ на другой-же день послѣ перваго нѣмецкаго представленія.. Я-же, со своей стороны, теперь, когда плотина прорвана, намѣренъ затопить васъ письмами».

«Плотина прорвана», значить, она воздвигалась... со стороны-ли г-на Віардо, или самой Полины, неясно. Видно лишь, что не все шло гладко. Но теперь, въ ноябрѣ, затрудненія устранены. Открывается многолѣтній рядъ тургеневскихъ писемъ Полинѣ Віардо, точныя записи и мелочей жизни, и важнаго, и о куртавенельскомъ кроликѣ, и о Кальдеронѣ — нѣкій преданный дневникъ, направляе-

мый къ «прекрасной дамѣ» — съ лирическими свирѣлями по ея адресу. Можно по разному это оцѣнивать. Можетъ быть, письма любви и вообще не подлежатъ оглашенію: ихъ звукъ хорошъ для двоихъ, чужому они кажутся превеличенными, чрезмѣрно умиленными. Во всякомъ случаѣ въ письмахъ Тургенева много золотыхъ подробностей, сорвавшихся невзначай словъ, милыхъ, иногда чудесныхъ блѣстокъ. И въ приведенномъ письмѣ, сквозь тонъ преданности и полного подчиненія видно, что писалъ начинавшій созрѣвать Тургеневъ, человѣкъ очень просвѣщенный, знающій и театръ, и музыку, на искусство имѣющій свой глазъ и свой вкусъ. Она цѣла въ Берлинѣ «Норму». «Вы достигли» (онъ пишетъ на основаніи отзывовъ нѣмецкихъ газетъ). «теперь и того, что усвоили себѣ элементъ трагическій (единственный, которымъ не владѣли въ совершенствѣ)». Совѣтуетъ внимательно перечестъ «Ифигенію» Гёте (въ этой оперѣ она должна была выступать въ Берлинѣ), вдуматься въ нее какъ слѣдуетъ: «вамъ предстоитъ имѣть дѣло съ нѣмцами, которые почти всё знаютъ «Ифигенію» наизусть». (Да и самъ онъ зналъ Гёте отлично — много лучше, чѣмъ она). Предупреждаетъ, что хотя она хорошо выговариваетъ по нѣмецки, но иногда превеличиваетъ ударенія — чего надо избѣгать.

Такъ что, если все это пишетъ и вѣрный, пристрастный, уже «свой» челоѣкъ, все-же нельзя обходить его мнѣнія. не считаться съ нимъ: изъ засѣдавшихъ на золоченыхъ медвѣжьихъ лапахъ въ домѣ Демидова оказался онъ умственно и духовно наиболѣе ей по плечу. Любила-ли она его? Въ изяществѣ, умѣ, красотѣ молодого Тургенева было много привлекательнаго. Конечно, ей это нравилось. Еще нравилось его любовь къ пей. Но она не болѣла имъ. Онъ не имѣлъ надъ ней власти. Она не мучилась по немъ, не страдала, не пролила той крови сердца, которую требуетъ любовь.

**

Кто былъ онъ самъ къ этому времени? «Параша» окончательно ввела его въ литературу. Аплодируя Віардо въ театрѣ, рассказывая о ней и восторгаясь ею по знакомымъ, иногда рисуясь и «играя» (молодой Тургеневъ терпѣть не могъ быть «какъ всѣ», что вело его иногда на

невыгодные пути), жилъ онъ и подземною жизнью художника, далекою отъ фатовства и позы.

Издали, съ разстоянія чуть не столѣтій, обликъ Бѣлинскаго не кажется ужъ такъ заманчивымъ и привлекательнымъ. Но въ «становленіи» Тургенева Бѣлинскій роль сыгралъ — и немалую.

Въ Тургеневѣ противорѣчій было достаточно. Одно изъ нихъ: не будучи энтузіастомъ, часто энтузіазмъ высмѣивавшій (и вообще очень склонный къ ироніи), онъ питалъ слабость именно къ энтузіастамъ. О Станкевичѣ и Бакунинѣ упоминалось. Теперь Бѣлинскій занялъ мѣсто вдохновителя при Тургеневѣ.

Главное сближеніе съ Бѣлинскимъ произошло послѣ «Параши», лѣтомъ 1844 года Бѣлинскій жилъ въ Лѣсномъ, подъ Петербургомъ, Тургеневъ въ Парголовѣ, недалеко отъ Лѣснаго. Каждое утро онъ приходилъ къ Бѣлинскому, уже больному, чахоточному, съ лихорадочными глазами и холодными руками, подолгу и трудно кашлявшему, и они вели длиннѣйшіе, возбужденнѣйшіе разговоры... о Богѣ, назначеніи человѣка, Гегелѣ, о справедливости въ устройствѣ общества, и т. п. Ходили вмѣстѣ гулять. Среди сосонниковъ и ельниковъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ много всякой ежевики и брусники, земляники, въ пригрѣтомъ, иногда душномъ, но всегда благоуханномъ и цѣлительномъ сѣверномъ лѣсу продолжали тѣ-же безконечные разговоры. Очевидно, были они какъ-то нужны Тургеневу. Жена Бѣлинскаго, дома, всячески уговаривала мужа помолчать, не кипятиться — конечно это приносило ему вредъ. Но на то и звали Виссаріона неистовымъ, что остановить его, расналенного, съ прилипшей прядью волосъ, въ поту, кашляющаго — не такъ-то легко. Острая душа билась въ немъ. Прославлены его слова оголодавшему Тургеневу:

— Мы еще не рѣшили вопроса о существованіи Бога, а вы хотите ѣсть!

Тургеневъ съ одинаковой увлекательностью могъ спорить о Гегелѣ, обсуждать бытіе Божіе, интересоваться изящнымъ обѣдомъ (не у Бѣлинскаго, конечно), прихвастнуть и высказать какое-нибудь странное мнѣніе. Денежно ему приходилось очень туго, но онъ не славался, нептѣлся какъ могъ, занималъ, гдѣ могъ, подъ будущее наслѣдство, вообще велъ жизнь избалованнаго барчука въ тѣснотѣ. Бѣлинскій его любилъ всего, зная и силу его, и слабость. Иногда его бранилъ, осаживалъ. И все-таки

любиль, и вотъ являлся-же къ нему Тургеневъ за пять верстъ, по утрамъ! Но тотъ-же самый Тургеневъ, который уже писалъ влюбленнымъ письма Влардо, который вѣталъ съ Бѣлинскимъ въ разговорныхъ заоблачностяхъ, оказывался способенъ на такую, на примѣръ, штуку: вдругъ онъ сталъ говорить, что у него въ Парголово превосходный поваръ — и пригласилъ къ себѣ обѣдать шестерыхъ друзей, среди нихъ Бѣлинскаго и Панаевыхъ. Тѣ наняли коляску и къ одиннадцати утра явились въ Парголово. Душно, жарко, всѣ устали и проголодались. Дача Тургенева совершенно безмолвна. Ихъ удивило, что хозяинъ не вышелъ встрѣчать. Но... никакого хозяина и вообще не оказалось! Бѣлинскій вскипѣлъ. У выскочившаго изъ воротъ мальчишки узнали, что барина дома нѣтъ, а поваръ сидитъ въ сосѣднемъ трактирѣ. Пришлось Панаевой купить у хозяйки дачи молока, яицъ, хлѣба, и кое-какъ подкормить приглашенныхъ. За поваромъ послали мальчишку. Поваръ явился.

— Заказывали тебѣ обѣдъ на сегодня? — спросили его.

— Никакъ нѣтъ!

До Тургенева все-таки добрались. Опъ сидѣлъ въ гостяхъ у священника (по словамъ Панаевой «ухаживалъ за его дочкой»). Общество, позавтракавъ, отправилось къ озеру. Туда явился, наконецъ, и бѣдный хозяинъ. На упреки Бѣлинскаго отвѣчалъ, что обѣдать звалъ ихъ на завтра. Никто этому не повѣрилъ, но тутъ-же Тургеневъ гакъ мило сталъ уговаривать ихъ остаться, общая все же изкормить обѣдомъ, что они и правда остались. Поваръ бѣгалъ куда-то за курами, а хозяинъ развлекалъ гостей, устроилъ стрѣльбу въ цѣль, такъ смѣшилъ и забавлялъ ихъ, что въ концѣ концовъ побѣдилъ. Много смѣялись, и онъ самъ надъ собой смѣялся, и рассказывалъ, какъ боялся идти къ озеру отъ священника. Обѣдъ какъ ни какъ они съѣли — правда, въ шесть вечера, вмѣсто полудня, и ужъ конечно, обѣдъ оказался самый обыкновенный — пострадали старья, тощія парголовскія куры.

Но пока веселился Тургеневъ, быть можетъ, и вправду ухаживалъ за поповной, въ промежуткахъ словопреній съ Бѣлинскимъ и вздоховъ по Влардо, успѣвалъ очень много и читать, и самъ писалъ. «Андрей Колосовъ» лежалъ уже у него въ столѣ, въ рукописи, во время удивительнаго обѣда. Пробовалъ онъ и сценическія вещи («Безде-

нежьс»), написали очень серьезную статью о «Фаустъ», опять стихи, и накоплялись рассказы «Бретеръ», «Три портрета» (изъ семейной хроники, но уже съ большимъ знаніемъ жизни и горестныхъ обликовъ ея). Быть можетъ, задумывался и «Пѣтушковъ».

Бѣлинскій дружественно слѣдилъ за тургеневскимъ писаніемъ, но нельзя сказать, чтобы оказался очень внимательнымъ. Было что-то покровительственное, нѣсколько «свысока» въ его отношеніи къ Тургеневу. Тургеневъ безпредѣльно выше его, и образованнѣе, и талантливѣй: а занимаетъ мѣсто вродѣ ученика. Позднѣе Бѣлинскій вѣрно угадалъ въ «Хорѣ и Калинычѣ» и во всемъ началѣ «Записокъ Охотника» поворотъ къ новому. Но весьма похоже, что нравилось ему тутъ больше народолюбчески-общественное, чѣмъ поэзія, чѣмъ собственно литература.

Разумѣется, и крѣпостное право, и несвобода тогдашней жизни немало обсуждались въ Лѣсномъ. Такъ что «борьба съ крѣпостничествомъ» Тургенева и всѣ «аннибаловы клятвы» весьма коренятся въ Бѣлинскомъ. Крѣпостному праву подходилъ конецъ. Рушить его надлежало. И все-таки, Тургеневу было чѣмъ заняться и помимо этой борьбы.

Бѣлинскій находилъ, что у Тургенева мало «творческаго дара», сблизжалъ его съ этнографомъ Далемъ. Тургеневъ интересовалъ его больше какъ союзникъ въ нѣкоемъ дѣлѣ. Онъ разсчитывалъ на него какъ на помощника въ осуществленіи «честныхъ» дѣлей. Собственно-же поэтъ, художникъ — это оказывалось для него второстепеннымъ.

Послѣ «Параша» Бѣлинскій охладѣлъ къ Тургеневу вплоть до «Хоря» — а между тѣмъ за это время написалъ Тургеневъ и «Андрея Колосова», и «Три портрета», и «Бреттера», и «Жида», и «Пѣтушкова» (1846-47 г. г.). Бѣлинскій одно время, какъ увидимъ, жилъ за границей вмѣстѣ съ Тургеневымъ. Нельзя утверждать, что онъ зналъ всѣ эти произведенія, находившіяся частью въ рукописяхъ. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что съ нѣкоторыми въ рукописяхъ-то и ознакомился (Тургеневъ всегда любилъ читать друзьямъ до печатанія). Во всякомъ случаѣ, они не могли его особенно захватить: изъ нихъ мало что выдвинулось для борьбы съ николаевскимъ режимомъ. И если къ Пушкину Бѣлинскій въ это время измѣнился, то куда ужъ Тургеневу...

А между тѣмъ, эта холодность такъ на Тургенева дѣйствовала, что одно время (и сколько разъ это случалось съ нимъ впоследствии!) онъ собирався даже отойти отъ литературы. Вотъ удружилъ-бы намъ Бѣлинскій!

Итакъ, Тургеневъ жилъ разными своими слоями — и франтилъ, носилъ лорнеты, козырялъ, — и сочинялъ со-всѣмъ нелегкомысленныя вещи. Устраивалъ мальчишескія выходки и сердечно вздыхалъ по Віардо, писалъ ей объ «Ифигеніи», Куртавенелѣ и прочихъ высокихъ предметахъ. Можетъ быть, въ «студенческихъ» преніяхъ съ Бѣлинскимъ оказывался моложе себя самого — того Тургенева, который наединѣ съ собою раздумывалъ произведе-нія много постарше Бѣлинскаго.

Хотя Варварѣ Петровнѣ и очень понравилась «Параша», все-таки сыномъ она не могла быть довольна: изъ профессорства его ничего не вышло, изъ службы въ министерствѣ тоже. Въ сущности, что-же онъ дѣлалъ? Сидѣлъ въ Петербургѣ, водилъ съ разными литераторами, писалъ стишки и рассказы, которыми почти ничего нельзя было заработать. Это ее раздражало. Не нравилось и увлеченіе Полиной. Прослушавъ однажды Віардо въ концертѣ, сказала она извѣстную фразу о хорошо поющей «проклятой цыганкѣ» — въ самомъ сочетаніи словъ не выразила-ли, безсознательно, тревогу передъ судьбой?

Но недовольство свое тотчасъ-же переводила на житейское: прижимала сына денежно. Не хочешь дѣломъ заниматься — ну и подголаживай. Разумѣется, сынъ принималъ это тягостно.

Еще давнія, дѣтскія воспоминанія возстановливали его противъ крѣпостничества. Въ молодыхъ годахъ рядомъ стоялъ образъ матери — очень живое воплощеніе строя. Появились и петербургскіе литераторы, тотъ-же Бѣлинскій (позднѣ Панаевъ и Некрасовъ) — другой міръ, другой полюсъ жизни. Гегельянцу Тургеневу, поклоннику просвѣщенной и могущественной Віардо, невмѣстно радоваться рабовладѣнію. Начинающему писателю не могла доставлять удовольствіе цензура. Европой Тургеневъ оказался отравленъ довольно уже давно, а своя страна, особенно на верхяхъ, давала мало хорошаго.

Уже немолодымъ, говоря о первомъ длительномъ своемъ уходѣ изъ Россіи, Тургеневъ подчеркивалъ, что дѣлалъ это изъ протеста, изъ невозможности принять тогдашнюю русскую жизнь и изъ желанія бороться. Тутъ есть и правда, и преувеличеніе. Думаль-ли онъ ужъ такъ много, уѣзжая въ январѣ 1847 года, о сраженіяхъ съ «проклятымъ режимомъ?» Вѣрнѣе — за парадной и словесной стороною была и другая. Вѣдь вотъ не въ Парижъ, тогдашнее горнило всяческихъ «теченій» направлялся онъ, а въ Берлинъ. Съ Западомъ у него издавна связывались хорошія воспоминанія. Всегда пріятно было жить среди культурныхъ, просвѣщенныхъ людей. Языки онъ зналъ въ совершенствѣ.

Главное-же: въ королевскомъ Берлинѣ пѣла въ январѣ 1847 года Полина Гарсія-Віардо.

Бор. Зайцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Девятьсотъ пятый годъ

(Къ юбилею).

Въ нижеслѣдующихъ строчкахъ — остатки и очёски личныхъ воспоминаній о нашей первой, героической революціи, юбилей которой наступилъ. О большихъ ея людяхъ и о большихъ дняхъ писано много — хотя еще и недостаточно — ея участниками и свидѣтелями; писалъ, что зналъ и помнилъ, и я, и много разъ. Сейчасъ еще припомнились бытовья революціонныя сценки, настроенія и житейскіе пустяки. Для исторіи все это, вѣроятно, ни къ чему, а для будущихъ беллетристовъ можетъ пригодиться.

Молодые беллетристы, особенно совѣтскіе, уже начали описывать девятьсотъ пятый годъ стилемъ торжественнымъ, историческимъ, не живымъ. Это значитъ, что первая революція дѣйствительно уходитъ въ исторію, и ликъ ея соотвѣтственно искажается. Противъ этого ничего не подѣлаешь. Полагается, чтобы люди въ исторіи говорили готовыми и красивыми фразами, дрожащими голосами, и чтобы были они фигурами, литыми изъ бронзы, а не простыми людьми и людишками. И еще — чтобы событія развивались логически, слѣдствія вызывались причинами, и вытекала отсюда историческая мораль.

Для насъ же, современниковъ, это не совсѣмъ такъ. Для насъ въ трагическое вплетается немало пустяковъ и откровенной чепухи, а бронзовыхъ героевъ мы помнимъ Петями и Сашками, не теряя къ нимъ отъ этого ни любви ни уваженія. Поэтому намъ дороги и мелочи воспоминаній: и какъ мы геройствовали, и какъ мы трусили, какъ умирали, и какъ мальчишествовали, какъ были правы и какъ ошибались. Что прошло — то мило: все мило, а не въ просвѣянномъ видѣ.

Самъ я былъ въ революціи незначущей пѣшкой, рядовымъ взволнованнымъ интеллигентомъ, больше зрителемъ, чѣмъ участникомъ. Соотвѣтственны и мои воспоминанія

Были первыя выступленія молодыхъ блестящихъ эсеровъ, «Жореса» и «Непобѣдимага», развивавшихъ программу партіи. Я буду избѣгать собственныхъ именъ, хотя бы эти имена значились сейчасъ на титульномъ листѣ «Современныхъ Записокъ». На доклады приглашались лишь избранные, которымъ подъ большимъ секретомъ выдавался адресъ. Противъ дома Шекина, гдѣ я тогда жилъ, былъ домъ Щукина, а номерами домовъ въ то время Москва не пользовалась, и это порождало путаницу. Конспираторы, толкнувшись въ одинъ домъ и не найдя нужной квартиры, робко подходили къ городовому и освѣдомлялись, гдѣ домъ Шекина. Городовой отвѣчалъ недружелюбно:

— Вонъ онъ, красный кирпичный. Пятнадцатый человекъ спрашиваетъ!

«Непобѣдимый», блестя молодыми глазами, доказывалъ, что по представленію крестьянина земля — ничья, Божья, и что спасемся мы черезъ социализацію. «Жоресь», какъ философъ, подводилъ подъ эсеровскую программу прочную идеологию. Мы слушали, любовались ораторами и вѣрили. Соціалъ-демократы повергались въ прахъ. Однако меньшевика въ кофточкѣ со стоячимъ воротомъ, сложивъ руки крестомъ на груди, пыталась сопротивляться, язвительно выкрикивая:

— Предыдущій ораторъ, со свойственной мелкобуржуазному мышленію небрежностью обращенія съ кричащими фактами дѣйствительности...

Расходились группами по пять человекъ, — и послѣ ухода невозможно было вывѣтрить табачный дымъ.

Утромъ дѣвица, таинственная и торжественная, приносила мелко-исписанную рукопись и свертокъ восковой бумаги въ картонной трубочкѣ. Многострадальная машинка, забывая шрифтъ воскомъ, выстукивала:

«Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ даровали крестьянамъ волю. И что же мы видимъ?..»

Далѣе излагалось то, что мы видимъ и что мы предполагаемъ предпринять. Помѣщикамъ, фабрикантамъ, попамъ и охранникамъ приходилось солоно. За то жизнь крестьянъ, рабочихъ и трудовой интеллигенціи какъ будто имѣла всѣ шансы улучшиться. Самодержавіе рушилось, федеративная республика начинала процвѣтать непосредственно за созывомъ учредительнаго собранія, на основѣ

равнаго, тайнаго и пр. О нѣкоторыхъ мелочахъ договоримся потомъ.

Послѣ нѣсколькихъ докладовъ появилось около дома гороховое пальто. Гороховикъ-посыльный, приносившій на кухню повѣстки мировыхъ судовъ, говорилъ кухаркѣ:

— У вашего барина народъ собирается; въ участкѣ знаютъ, да дѣло не наше.

Я былъ маленькимъ начинающимъ адвокатомъ, и квартира моя была удобна для конспиративныхъ собраний. Людей забѣгало немало. Не всѣхъ помню, но немало лицъ и типовъ запечатлѣлось въ памяти.

Членъ литературной коллегіи. Очень милый человѣкъ, большой конспираторъ. Приѣзжалъ онъ на извозчикѣ, котораго оставлялъ за угломъ. Сойдя, осматривался, низко надвигалъ шляпу, нѣсколько разъ проходилъ по улицѣ мимо дома, головы не поворачивая и озираясь только глазами. Затѣмъ заходилъ въ ближнюю лавочку, гдѣ покупалъ коробку папиросъ, хотя не курилъ. Наконецъ, медленнымъ шагомъ подойдя къ крыльцу, быстро повертывался и, слегка пригнувшись, шмыгалъ въ дверь.

Другого прохожаго человѣка не замѣтишь, а этого не замѣтить было нельзя: типъ заговорщика изъ дешевыхъ романовъ. За его эволюціями я наблюдалъ въ окно.

— Почему вы сразу не зашли?

— Слѣды заметалъ.

Грузинская княжна, курсистка, родъ почтальона. Дома очень стройная, а на улицѣ — неуклюжая толстушка. Изобрѣла систему мѣшковъ, которые навѣшивала подъ пальто. Въ одномъ мѣшкѣ плоскія коробки съ восковой бумагой, въ другомъ картонныя трубочки для отстуканныхъ на машинкѣ трафаретовъ ротатора, въ третьемъ заграничная литература и мѣстные воззванія.

Когда приходила, мы ее разгружали или нагружали — въ зависимости отъ потребности. Ея бумажныя вериги вѣсили иногда больше поллуца. Отдыхала и весело отправлялась въ дальнѣйшій путь.

Лекторъ. Человѣкъ почтенный, семейный и достойнѣйшій. Старый врачъ, практикъ. Во всемъ былъ спокоенъ и разуменъ, — не могъ только слышать слово «марксистъ». Основная тема — «православіе и социалдемократія». Тексты изъ Маркса и изъ священнаго писанія. Вѣчная мечта — словесно сразиться съ Ленинымъ. Когда узнавалъ, что

гдѣ нибудь выступаетъ Ленинъ — бросаль все и мчался оппонировать.

Ему я однажды написалъ и посвятилъ стихи «Молитва социаль-демократа». Онъ былъ такъ доводепъ, что на другой день отдалъ напечатать ихъ на ротаторѣ въ тысячѣ экземпляровъ. Потомъ эти стихи были напечатаны въ юмористическомъ журналѣ времени свободы «Сигналь», потомъ были изданы анархистами, декламировались, комментировались, а въ 17 году попали въ историческій журналъ, гдѣ было раскрыто и авторство.

Эти стихи породили между нами долгую и прочную дружбу. Нельзя было придумать лучшаго подарка такому марксофду. Свои лекціи онъ заканчиваль словами:

Марксъ сказалъ: «отойди отъ меня, сатана,
И прочти третій томъ «Капитала».

Третій томъ «Капитала» былъ обычнымъ эсеровскимъ оружіемъ противъ марксистовъ, ибо «Марксъ не былъ марксистомъ».

Студентъ изъ «оппозиціи», впоследствии максималистъ. Добрый и милый человекъ, идеалистъ, ставшій страшнымъ террористомъ и окончившій свои дни на висѣлицѣ. Въ дни «свободы» онъ говорилъ:

— Но вѣдь это что же значить? Вѣдь это значить, что можно бросить всякія наши подполья, можно и самому учиться и учить другихъ! Вы знаете, я — рожденный педагогъ; и съ дѣтьми могу, и съ рабочими. Какъ это хорошо: безъ насилія, безъ террора, культурная мирная работа! Я готовъ хоть въ село учителемъ.

Полугодомъ спустя онъ поймалъ и лично убилъ охранника. Былъ участникомъ самыхъ безумныхъ террористическихъ выступлений, оказалъ при арестѣ вооруженное сопротивление, былъ арестованъ и казненъ. Его имя назыву: Володя Мазуринъ.

Юноша изъ рабочихъ. Жилъ въ провинціи, потянуло въ Москву. Передъ отъѣздомъ убилъ шпіона.

— Мы его знали, только не было на него управы. А я подумаль: чего жалѣть? Разъ позвалъ его пить чай въ трактиръ, да по дорогѣ хлопнулъ по головѣ бульжникомъ. А въ газетѣ написали, что рабочаго убили черносотенцы. Мнѣ было очень обидно, я и уѣхаль.

Этого юношу я очень долго убѣждалъ поучиться и

подумать, а не дробить людямъ головы булыжникомъ. Онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— О чемъ сейчасъ думать? Учиться будемъ потомъ, а сейчасъ сама партія говорить — нужно возстаніе. Вотъ я и возсталъ. Силы у меня много, мнѣ за книжкой сидѣть никакъ нельзя. Мнѣ бы въ боевую организацію нужно обязательно.

Онъ погибъ въ дни московскаго возстанія. Дрался на улицѣ, а когда увидалъ, что одолеваютъ, — убѣжалъ и перепрыгнуть заборъ, чтобы скрыться отъ погони. Но на несчастье свое — попалъ во дворъ, гдѣ были укрыты рядъ полиціи. Больше мы Гриши не видали.

Пропагандистка. Имѣла кличку «пулеметь». Могла въ любое время говорить на любую тему, какъ заводная: объ учредительномъ собраніи, о социализаціи земли, о роли личности въ исторіи, объ исторіи русской революціи, о чемъ угодно. Когда всѣ уставали и исчерпывались — командировалась она. Сыпала словомъ толково, мелкимъ бисеромъ, съ цитатами, съ язвительностью, съ чувствомъ. Если аудиторія не сложная и податливая — предлагала готовую резолюцію. Кладъ, а не дѣвушка!

Слушая ее, я часто думалъ: а сама то она вѣрить ли въ то, что говоритъ? Ужъ очень у нея все выходитъ гладко.

Дома она пила чай съ ложечки и штопала свои чулки, но на «отвлеченныя» темы говорила не охотно. Для этого есть эстрада — дома можно и отдохнуть. Пожалуй, и дѣйствительно — не было въ ея головѣ никакихъ сомнѣній. Вотъ счастливая!

Замкнутый, ученый, не сомнѣвающийся, всезнающій, на высокихъ постахъ, конспираторъ. На свиданья бралъ съ собой номеръ «Московского Листка», подозрѣвалъ всѣхъ и каждого, а въ душѣ былъ дѣтски-довѣрчивъ. Шедшихъ «на подвигъ» цѣловалъ сухимъ поцѣлуемъ; они спали довольно спокойно, а онъ всю ночь ворочался въ постели. Изъ тѣхъ, кто на вопросахъ не отвѣчаетъ и только поблескиваетъ глазами. Специалистъ по тюремнымъ голодовкамъ. Стыдился своей чувствительности къ цыганскимъ романсамъ. Аскетъ, хотя очень любилъ шоколадъ. При тревогѣ исчезалъ, но однажды не выдержалъ: бросился въ опасность — и погибъ. Любилъ всѣхъ, но никому никогда не сказалъ «люблю». Его цѣнили; но любилъ ли его ктонибудь просто и искренно?

.....

Не классифицирую — только вспоминаю. Среди прочих часто вспоминаю одну дѣвушку, изъ военной среды, всегда оживленную, пріятную, хорошо одѣтую. Однажды, въ дни возстанія, она вынесла изъ квартиры коробку конфетъ фабрики Сіу, перевязанную ленточкой. Въ дверяхъ столкнулась съ франтоватымъ жандармскимъ офицеромъ, жившимъ на одной со мной лѣстницѣ; онъ былъ изъ менѣ вредныхъ, желѣзнодорожныхъ жандармовъ. Увидавъ изящную женщину, онъ расплауль передъ ней выходную дверь и любезно откозырять. Она подарила его улыбкой, вышла, взяла извозчика и поѣхала, ровно покачивая коробку на вѣсу. Въ коробкѣ были очень страшныя конфеты, боявшіяся толчковъ. Но у этой дѣвушки было удивительное присутствіе духа...

Дядя Эля — начинающій врачъ, высокій красивый чело­вѣкъ, съ каштановой шевелюрой и небольшою бородкой и великолѣпнѣйшими длинными усами. Очень хороши его глаза: молодые, темные, съ революціоннымъ огонькомъ. Онъ носилъ шляпу съ большими полями и нѣчто среднее между пальто и плащемъ. Видъ имѣлъ заграничный, какъ и всѣ пріѣзжіе эсеры.

И вотъ дядя Эля шель по Страстной площади — и за­смотрѣлся. Одна изъ коробочекъ, которыя онъ несъ въ рукахъ и во всѣхъ карманахъ пиджака и пальто, выскользнула, упала на панель, открылась, — и прямо подъ ноги постовому городовику разсыпались револьверные патроны. Дядя Эля похолодѣлъ, но не замеръ, а прибавилъ шагу и остановилъ проѣзжавшаго лихача. Возможно, что эсеръ колотилъ извозчика въ спину — чтобы скорѣе ѣхалъ. На счастье, городской оказался растяпой, и дядя Эля благополучно доскакалъ ко мнѣ на Садовую.

Когда ему отворили, онъ ворвался ураганомъ и крикнуть:

- Скорѣе ножницы!

Ему дали большія газетныя ножницы. Съ лицомъ чело­вѣка, который отдаетъ родинѣ лучшее и послѣднее, онъ началъ снѣжино ключьями выстригать свою кудрявую бороду, отрывисто рассказывая про случившееся съ нимъ

несчастье. Тѣмъ временемъ мы выгружали изъ его кармановъ револьверы и патроны, предназначавшіеся совсѣмъ въ другое мѣсто. Но нужно было спасать взволнованнаго дядю Эдю.

Когда онъ, наконецъ, повернулъ къ намъ лицо, мы покатились отъ хохота: трудно было больше обезобразить физиономію. Было ясно, что теперь бородка погибла и нужно снести ее начисто. Дядя Эдя самъ это понялъ и со вздохомъ согласился.

Когда бородка была сбрита, оказалось, что лицо дяди Эди очень мало перемѣнилось, такъ какъ лучшей его достопримѣчательностью и отличительной примѣтой были усы, а не борода. Если ужъ мѣнять лицо, — то нужно пожертвовать именно усами.

Но волненіе дяди Эди уже упало, и жертвенность его ослабѣла. Лишиться усовъ, которые выращиваются и выхлизываются годами! Сдѣлаться изъ прекраснаго бандита — англійскимъ чиновникомъ! И главное — можетъ напрасно, такъ какъ городской и не разсмотрѣлъ его лица.

Слабость человѣческая преодолѣла чувство самосохраненія; какъ мы ни убѣждали, дядя Эдя усами не пожертвовалъ.

Когда онъ вышелъ, мы успѣли полюбоваться въ окно его стройной фигурой, въ плащъ и широкополой шляпѣ. Несомнѣнно, нужно было прежде всего окарнать края шляпы! При такомъ нарядѣ бесполезно мѣнять лицо. Но такъ ужъ, вѣроятно, вкусь революціоннаго интеллигента, что его за версту можно отличить отъ обыкновеннаго смертнаго.

Прошла недѣля, ничего съ дядей Эдей не случилось — и онъ былъ очень доволенъ.

Я сидѣлъ въ кабинетѣ и расписывался въ разсылной книгѣ, принесенной изъ участка; въ передней ждалъ околоточный надзиратель. Повѣстки мировыхъ судей разносила полиція.

Слышу, какъ отворилась входная дверь и какъ веселый голосъ дяди Эди произнесъ:

— Эге, открыто живете; приходи и тащи пальто съ вѣшалки!

Въ отвѣтъ — вѣжливый и солидный голосъ около-

дочнаго, котораго въ полутьмѣ передней вѣроятно не замѣтилъ дядя Эдя.

Затѣмъ нѣсколько секундъ мертвой тишины. Я чувствую, что дѣло неладно, и спѣшу въ переднюю съ разсыльной книгой. Съ порога кричу:

— А, здравствуйте, милый, раздѣвайтесь.

Я вижу у двери застывшую фигуру съ блѣднымъ лицомъ, а у вѣшалки молодцеватаго околочнаго. Полицейскій чинъ беретъ книгу, галантно благодаритъ за серебряное къ ней приложеніе, козыряетъ и выходитъ. Дядя Эдя остается въ той же замершей позѣ.

— Ну чего вы?

Не раздѣваясь, онъ проходитъ въ комнаты и медленно опускается на стулъ.

— Знаете, — говоритъ онъ отдышавшись, — былъ моментъ... да, это хорошо, что я растерялся! Иначе было бы скверно.

— Вы бы стали стрѣлять?

— Нѣтъ, стрѣлять я не собирался, но, не выйди вы такъ быстро, я бросился бы бѣжать. Я ужъ рассчитывалъ, въ какую сторону лучше удариться, когда я сбѣгу съ лѣстницы; и уже почти рѣшилъ, что къ Краснымъ Воротамъ, тамъ легче затеряться. И я побѣжалъ бы, если бы ноги не прирасли къ полу.

— Вы приподнесли бы мнѣ хорошей сюрпризъ, если бы убѣжали.

— Да, но въ такихъ случаяхъ всего сразу не сообразишь.

— Да чего вы, собственно, испугались?

— Какъ чего? Войти въ квартиру — и попасть на полицію! Я думалъ, что у васъ засада.

— А что такое вамъ сказалъ околочный?

— Что сказалъ? Онъ мнѣ сказалъ: «Никакъ нѣтъ-съ, здѣсь есть кому и задержать-съ!»

Эпидемія обысковъ. Полиція приходитъ всегда ночью. Александровнѣ, единой прислугѣ, отдано распоряженіе: «Если будетъ ночью звонокъ, то сразу не отпирать, а разбудить барина».

— Понимаете, Александровна?

— Понимаю, понимаю.

— Значить, какъ вы сдѣлаете, если будетъ звонокъ?

— А ужъ сначала не отопру, барина разбуджу.

Часовъ въ шесть утра словно бы скребется кто-то въ дверь спальни; потомъ стучить, потомъ еще сильнѣе.

— Баринъ!

— Что Александровна?

— Ужъ не знаю, какъ и сказать, баринъ. Забыла я.

— Что вы забыли, Александровна?

— Разбудить то васъ забыла. Звонокъ былъ, а я не разбудила васъ.

— Когда звонокъ? Сейчасъ звонокъ?

— Нѣтъ, ночью, еще въ четвертомъ часу. А я забыла, какъ приказывали, да и отворила.

— Ну, и что же?

- Пришли, баринъ, двое.

— Гдѣ же они, Александровна? Кто такіе?

— Кто такіе не знаю, а у васъ въ кабинетъ оба.

— Что они тамъ дѣлаютъ? я сейчасъ выйду...

— А они, баринъ, спать легли. Одинъ у васъ на диванѣ, а другой на креслахъ устроился, который помоложе. Я смотрѣла сейчасъ. Вотъ я и подумала, -- разбудить то васъ я и забыла, сама отперла.

Разъ снять — значить люди мирные Успокоилъ бѣдную Александровну, но строго-на-строго повторилъ, что-бы никогда не отворяла ночью дверей, меня не разбудивши

— Я и разбудила, баринъ, да видно поздно..

— Ладно, Александровна, идите

Однако чутье у Александровны было, я въ этомъ убѣдился Когда однажды пришелъ съ чернаго крыльца полицейскій чинъ и сталъ выспрашивать, много ли бываетъ у барина народу, Александровна отвѣтила:

— Мно-о-го къ нимъ ходятъ!

— А кто да кто, не знаешь?

— Какъ не знать. Ходятъ все важные господа, чиновники

- Что дѣлаютъ-то, читаютъ, разговариваютъ?

— Чего имъ читать, они и такъ все знаютъ. А придутъ, ѣдятъ да чай пьютъ, а потомъ всю ночь въ карты играютъ. Тоже и вино пьютъ бутылками. Все, какъ въ хорошихъ домахъ, баринъ богатый.

Никогда у меня не бывало вина, и никогда никто не игралъ въ карты «Чиновниковъ» тоже не бывало, а бывалъ

народъ молодой, явно «конспиративный» и частенько трепанный. Почему Александровна дала такой блестящій отвѣтъ — такъ я и не понялъ. Вѣроятно, изъ уваженія къ барину, она хотѣла охарактеризовать его и образъ его жизни какъ можно лучше, благороднѣе, и ради этого немного покривила совѣстью.

Любопытно, что позже, когда я былъ подъ судомъ, а ее вызвалъ слѣдователь, она точно повторила тѣ же показанія относительно моего образа жизни и ни словомъ не уломянула, что у меня бывали многочисленные собранія, съ участіемъ рабочихъ, и что подолгу жила безъ прописки странные люди, у которыхъ не было ни чемодановъ, ни даже перемѣны бѣлья. Не рассказала о томъ, что на дачѣ цѣлая комната была завалена свинцовыми палочками — типографскимъ шрифтомъ, который цѣлыми днями разбирался по мѣшечкамъ, что на столахъ сушились бумажки съ лиловыми буквами, а сама она, Александровна, помогала варить глицеринъ съ желатиномъ для гектографа. Нѣтъ, Александровна верхнимъ чутьемъ простого человѣка знала, что говорить можно, а о чемъ лучше помолчать! Сидя въ тюремной конторѣ за чтеніемъ бумагъ, предъявленныхъ мнѣ слѣдователемъ, я посмѣивался и съ благодарностью думалъ о нелѣпой и милой Александровнѣ, неграмотной, простодушной и достаточно догадливой.

Только одного она не могла постигнуть — будить меня, когда звонятъ ночью. Сонливость отбивала память. И когда, уже во время возстанія, пришла, наконецъ, ночью полиція, — Александровна, отворивши и вспомнивъ приказаніе, немедленно бросилась будить. На этотъ разъ было безразлично, потому что къ приходу полиціи мы давно были готовы — это было только вопросомъ дня: не сегодня — такъ завтра.

Гордостью моей адвокатской практики было то, что я работалъ безъ патрона; патронъ у меня, конечно, былъ, старый московскій цивилистъ, богатый и спокойный человѣкъ, бравшійся только за солидные и вѣрныя дѣла. Ихъ онъ мнѣ не поручалъ, маленькихъ не имѣлъ, и мы выдались два-три раза въ годъ, при чемъ говорили только о чолитикѣ; онъ былъ умѣреннымъ либераломъ.

Мои же собственныя дѣла заключались во взысканіи

по векселямъ, главнымъ образомъ безнадежнымъ, въ опеку надъ имуществомъ умершихъ, не оставившихъ состоянія, да въ защитѣ у мировыхъ судей и въ сѣздѣ по пуляковымъ обвиненіямъ. Но когда много малюсенькихъ дѣлъ, тогда въ приемной много людей. Александровна умѣла этихъ посѣтителей называть «клеентами».

Только что ушли владимірскіе каменщики, судившіеся со своимъ подрядчикомъ, ловкимъ шельмой, котораго мнѣ все же удалось прищемить. Александровна докладываетъ, что пришелъ еще одинъ «клеентъ».

Входитъ очень плохо одѣтый, высокій, рябоватый челоуѣкъ съ умнымъ лицомъ; то ли интеллигентъ, то ли арестантская шпана. Въ кресло садится безъ смущенія. На вопросительный мой взглядъ подаетъ записку. Въ запискѣ значится:

«Если можно, окажите всякую помощь подателю сего, который самъ вамъ отрекомендуется. Довѣряйте ему такъ, какъ если бы это былъ я».

Подписано моимъ близкимъ знакомымъ, жившимъ въ другомъ городѣ.

— Чѣмъ же вамъ могу помочь? Какое нибудь судебное дѣло?

— Нѣтъ. У меня просто нѣтъ ночлега.

— Только что пріѣхали?

— Вродѣ этого.

Издадека?

— Д-да. Собственно изъ Сибири.

— Ага. Ну, а какъ же я васъ долженъ звать?

— Зовите Николаемъ Ивановичемъ.

— Такъ что же, Николай Ивановичъ, вонъ тамъ диванъ; ночью спите на немъ, а днемъ сидите, гдѣ хотите. Будете гостемъ.

У Николая Ивановича очаровательная улыбка. Онъ не ожидалъ, что все устроится такъ просто. Онъ почти годъ шель пѣнкомъ, ночуя тамъ, гдѣ его заставляла ночь, избѣгая долго оставаться въ одномъ городкѣ и являясь только къ вѣрнымъ людямъ. Въ Москвѣ неудачно явился по первому адресу, но къ счастью имѣлъ записку и ко мнѣ.

Онъ жилъ у меня долго, иногда исчезая на недѣлю, иногда почти не выходя изъ дому. Изрѣдка я получалъ и отдавалъ ему письма, адресованныя на меня, но написанныя шифромъ. О прежней своей жизни, до ссылки, онъ

много и очень интересно рассказывалъ, о томъ же, что онъ дѣлаетъ сейчасъ, мы не говорили ни слова. Я догадывался, что онъ въ боевой организаціи, но меня это касаться не могло. Его настоящую фамилію я узналъ позже, въ связи съ его арестомъ, новымъ бѣгствомъ и — новымъ появленіемъ у меня на дачѣ. Но для меня онъ такъ и оставался Николаемъ Ивановичемъ до того момента, когда въ Москвѣ былъ убитъ градоначальникъ Шуваловъ боевикомъ-эсеромъ Петромъ Александровичемъ Куликовскимъ.

Въ другомъ мѣстѣ я напечаталъ свои воспоминанія объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, добромъ, даже нѣжномъ и страшномъ. Въ 20-мъ году онъ былъ убитъ въ сибирской Чекѣ ударомъ револьвера по головѣ за отказъ дать показанія. Здѣсь хочу вспомнить только одну сцену нашего знакомства — у меня за вечернимъ чаемъ.

Это было вскорѣ послѣ убійства Сергія Александровича — въ день казни Каляева. Въ эти дни «Николай Ивановичъ» почти не выходилъ изъ дому и былъ очень грустенъ и задумчивъ. Я не спрашивалъ его, знаетъ ли онъ Каляева, но читалъ ему стихи Каляева, написанные въ тюрьмѣ. Стихи были у меня въ подлинникѣ, хранились въ особо-секретномъ тайникѣ и много разъ были переписаны на машинкѣ, для распространенія. Были и листы дневника Каляева. Хотя никакого отношенія къ террористическимъ дѣламъ я не имѣлъ, но квартира моя почиталась удобной для храненія революціонныхъ реликвій, впрочемъ и еще для многого, что могло мнѣ обойтись — и позже обошлось — дорого.

Въ этотъ день я только къ вечеру вернулся изъ суда, гдѣ узналъ, что Каляевъ былъ въ ночь казненъ. Наканунъ мы еще надѣялись — хотя безъ основаній — что казнь будетъ замѣнена каторгой.

Когда я рассказалъ, что Каляевъ казненъ, воцарилось молчаніе. Никто изъ моихъ домашнихъ лично Каляева не зналъ. Въ общемъ молчаніи отчетливо звякала чайная ложечка въ стаканѣ Николая Ивановича, и я замѣтилъ, что его рука дрожитъ. На минуту онъ поднялъ голову и взглянулъ странными, далекими глазами. — потомъ опять голову опустилъ. Другіе стали спрашивать о подробностяхъ, а онъ молчалъ. Потомъ вышелъ и легъ на свой диванъ.

Такъ понятно было его волненіе — всѣ были взволно-

ваны извѣстіемъ. Но и было въ его глазахъ что-то такое, что заставило меня задуматься: а гдѣ былъ и что дѣлать въ тотъ день Николай Ивановичъ, -- въ день взрыва въ Кремлѣ? Конечно я не спросилъ его -- и вообще мы не говорили больше ни о Калыевѣ, ни объ его дѣлѣ, ни въ этотъ день, ни послѣ.

Въ тотъ день у меня лишь зародилась мысль по увѣренности не было. Николай Ивановичъ умѣлъ быть скрытнымъ, хотя никогда не казался «конспираторомъ» и таинственной личностью. Если бы мнѣ пришлось тогда давать показанія о Николаѣ Ивановичѣ, -- я бы могъ искренне сказать, что знаю его только какъ моего тихаго и милаго гостя, большого домосѣда, чудеснаго декламатора, любителя поэзіи, очень скромнаго и привѣтливаго человѣка.

Полной увѣренности въ томъ, что Николай Ивановичъ имѣлъ близкое отношеніе къ убійству великаго князя не было у меня до тѣхъ поръ, пока я не прочиталъ объ этомъ, уже послѣ февральской революціи, въ воспоминаніяхъ Савинова; тамъ подъ буквой К. значился в то ро и участникъ, сторожившій проѣздъ князя съ бомбой. Наканунѣ главный постъ занималъ онъ; въ этотъ роковой день его мѣсто занялъ Калыевъ. Бомба Куликовскаго осталась неиспользованной.

Къ дому Общества купеческихъ приказчиковъ, гдѣ я, какъ бесплатный юрисконсультъ Общества, имѣю дѣловую кабинетъ, пользуется коляска. Выходитъ изящно одѣтая дама, оставивъ младенца въ коляскѣ на рукахъ бонны. Даму я принимаю внѣ очереди, -- а впрочемъ ожидающихъ кліентовъ всего два человѣка. Она протягиваетъ мнѣ свертокъ бумагъ:

— Это нужно сохранить

— Зачѣмъ мнѣ это? Я живу на дачѣ, и тамъ у меня разбираютъ шрифтъ для типографіи. Невозможно хранить тамъ воззванія.

— Спрячьте здѣсь.

Здѣсь не могу. Здѣсь -- общественное мѣсто, и въ этомъ кабинетѣ кромѣ меня принимаетъ въ другіе дни врачъ. И вообще мнѣ не нужны эти бумажки, мнѣ съ ними нечего дѣлать.

— Все равно я ихъ оставляю вамъ; не возить же ихъ по городу.

Коляска отъѣзжаетъ. Я заглядываю въ пачку: сотни двѣ свѣжеотпечатанныхъ на гектографѣ извѣщеній объ убійствѣ градоначальника Шувалова по постановленію московскаго комитета эсеровъ.

Нужно было догадаться привезти ихъ ко мнѣ! Куликовскій жилъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ, и въ городѣ и на дачѣ, и уѣхалъ лишь дня за три-четыре до террористическаго акта. Я — единственный, кого въ это дѣло легко замѣшать, хотя я въ немъ не участвовалъ и о немъ не зналъ; съ участниками Куликовскій встрѣчался въ лѣсу близъ Покровскаго-Глѣбова и въ другихъ «нейтральныхъ» мѣстахъ.

Но дѣлать нечего. Окончивъ консультацію, я сую пачку въ карманъ легкаго пальто и ѣду на вокзалъ съ намереніемъ выбросить прокламаціи гдѣнибудь изъ окна дачнаго поѣзда.

На вокзалѣ встрѣчаюсь съ Васей А., большимъ дѣтливой, веселымъ и простодушнымъ. Онъ ѣдетъ ко мнѣ. Сидшимъ заняты мѣсто въ вагонѣ. Оба мы достаточно молоды, чтобы имѣть склонность къ мальчишеству. Рядомъ съ нами въ вагонѣ ѣдетъ какой-то лабазникъ и громко ругаетъ «синилистовъ». Его мѣшокъ съ яблоками у меня подъ бокомъ. Незамѣтно я вытягиваю изъ кармана бумажку и сую лабазнику въ яблоки: пускай дома прочитаетъ! Васѣ это нравится, и онъ тоже суетъ куда-то бумажку. Мнѣ приходитъ въ голову, что не плохо оставить экземпляръ въ уборной — и я это выполняю. Ѣдемъ дальше и посмѣиваемся. Можетъ быть и напрасно я пожалѣлъ комитетскія извѣщенія и не выкинулъ пачку въ окно; сдѣлаю это на большемъ перегонѣ.

Дѣловымъ шагомъ проходитъ черезъ вагонъ кондукторъ, за нимъ жандармъ. Вижу — или мнѣ только кажется, что кондукторъ, приостановившись, показываетъ жандарму на меня глазами. Затѣмъ они проходятъ дальше.

Говорю Васѣ:

— Что-то, кажется, неладно?

Онъ отвѣчаетъ:

— Я тоже замѣтилъ. Лучше выйдемъ на площадку.

На площадкѣ вѣтрено, и мы останавливаемся въ корридорчикѣ, гдѣ даръ кондуктора. Я готовлюсь выбросить

пакетъ, а Вася суетъ въ щель ларя оставшуюся у него бумажку:

— Пусть не шпионить!

Въ это время пріоткрывается дверь и въ корридорчикъ входитъ жандармъ. Приложивъ руку къ козырку, онъ вѣжливо обращается ко мнѣ:

— Виноватъ, господинъ, дозвольте осмотрѣть вашъ портфельчикъ!

Я чувствую, какъ на шеѣ у меня шуршитъ и тихо затягивается веревка. Если я потеряюсь — она затянется мертвымъ узломъ.

— Въ чемъ дѣло? Почему это?

Молодой жандармъ держитъ въ рукахъ бумажку, одну изъ тѣхъ, которыя я вынулъ изъ кармана, вѣроятно, ту, которую я оставилъ у зеркала въ уборной.

— Почему именно мой портфель васъ интересуесть?

— Всѣхъ будемъ осматривать.

Мнѣ ничего не остается, какъ негодуяюще швырнуть ему портфель.

— Имѣйте въ виду, что я — адвокатъ, и въ портфель у меня могутъ быть важныя бумаги я буду жаловаться на такое безобразіе.

Въ портфель номеръ журнала «Право» въ желтой обложкѣ, «Уставъ о наказаніяхъ» и именная моя дѣловая обложка съ протестованнымъ векселемъ и копіей искового прошенія. Жандармъ со страдающимъ лицомъ заглядываетъ въ портфель; ему стыдно, малопонятно, онъ, по молодости лѣтъ, не умѣетъ обыскивать. Смущенно спрашиваетъ:

— Можеть у васъ еще что есть, ваше благородіе?

— Да что вамъ нужно?

— А вотъ — бумажки разбрасываютъ.

— Что мнѣ за дѣло до вашихъ бумажекъ! Кто ихъ разбрасываетъ?

Не могу знать. Дозвольте вашу коробочку осмотрѣть.

Со мной завернутая въ бумагу коробка гильзъ «Китыка». Я кричу раздраженно:

Да это же папиросы, видите.

Жандармъ отступаетъ, снова козыряетъ и выходитъ. Мы съ Васей обмѣниваемся выразительнымъ взглядомъ. Поѣздъ стоитъ у станціи, и противъ нашего окна мы видимъ усатаго унтера. Я говорю Васѣ сквозь зубы:

— Бѣжимъ, что-ли?

И вижу, что глаза Васи приняли равнодушное выраженіе, а плечи презрительно подымаются. Громко онъ говоритъ:

— Какая глупость подозрѣвать!

По театральности его позы и тона я заключаю, что за моей спиной жандармъ подсматриваетъ въ щелку, и Вася это видитъ. Дѣйствительно — опять отворяется дверь, и тотъ же голосъ просительно говоритъ:

— Можетъ быть, ваше благородіе, въ карманчикахъ...

Пачка въ карманѣ пальто давить мнѣ на сердце. Нужно дѣйствовать: либо душить жандарма, либо разыгрывать гнѣвъ въ надеждѣ, что онъ испугается и отстанетъ. На первое мы съ Васей не способны, да и поѣздъ продолжаетъ стоять. Я топаю ногами, кричу о недопустимости оскорбленія присяжнаго повѣреннаго (пропускаю «помощника»), распахиваю широко пиджакъ, придерживая пальто пальцами, и заявляю:

— Вотъ мои карманчики; ищите, а потомъ узнаете, чѣмъ это кончится!

Вижу, что жандармъ въ замѣшательствѣ. Тогда, сразу мѣняя тонъ, я говорю:

— Да вы скажите лучше, въ чемъ дѣло? Что это у васъ за бумажка? А ну-ка, покажите.

Хватаю бумажку и тяну. Жандармъ не даетъ. Тогда я догадываюсь:

— А, это которыя синимъ напечатаны. Знаю! У насъ на станціи ихъ много набросано, я видѣлъ. Это революціонеры разбрасываютъ.

Я называю остановку, на три станціи дальше нашей. Вася, понявъ мою политику, тоже тянется къ бумажкѣ:

— Да ты покажи, дай почитать!

Жандармъ испуганно косится въ окно, гдѣ съ прежней неподвижностью стоитъ унтеръ. Лучше ему уйти отъ грѣха. Въ послѣдній разъ откланиваясь, онъ пятится къ двери.

— Извините, ваше благородіе, намъ приказано.

— Ну что-жъ, я понимаю. Только нужно людей различать. А вы пошарьте на нашей станціи, тамъ найдете много.

Онъ уходитъ, а мы считаемъ мгновенія. Бѣжать все еще невозможно; все наше спасеніе въ выдержкѣ. Мы «выразительно» смѣемся и «добродушно» смотримъ въ

окно на унтера. Онъ кому то киваетъ — и поѣздъ трогается.

Живы или нѣтъ? Ждемъ, пока проплыветъ мимо оконъ станція. Затѣмъ разомъ на площадку, черезъ три вагона, и на первомъ заворотѣ я швыряю злополучную пачку въ окно уборной. Слѣдующая станція наша.

Мы выходимъ съ толпой дачниковъ. Вася пригнулся, чтобы его непомѣрный ростъ насъ не выдалъ. Оглядываться нельзя, но и бѣжать не слѣдуетъ. Хорошо, все-таки, что я догадался назвать не нашу станцію; жандармъ еще можетъ спохватиться. Суюмъ билеты контролеру и радуемся, что толпа дачниковъ достаточно густа. Шумъ уходящаго поѣзда. Неужели мы спасены?

- Ну и глупость! — говорю Вася.

— Да, отличились. Точно мальчишки.

- А куда же было дѣть эту дрянь?

- Выбросить бы раньше. И вообще брать не слѣдовало. Насъ и сейчасъ могутъ выслѣдить, а вѣдь у тебя дома шрифтъ.

Онъ не зналъ, что кромѣ шрифта было и худшее: что Куликовскій, котораго онъ не зналъ, и Николай Ивановичъ, у меня жившій, одно и то же лицо, и что при этихъ условіяхъ «бумажки» грозили веревкой.

Дома я самодовольно улыбаюсь, пока Вася подробно рассказываетъ и изображаетъ въ лицахъ, какъ я внушалъ жандарму уваженіе къ адвокатскому сословію. Но вмѣсто сочувственныхъ улыбокъ — общее негодованіе:

- Безобразіе! Взрослые люди, а вели себя, какъ гимназисты. Да вы понимаете ли, что теперь будетъ? Могутъ сдѣлать обыскъ — и пропай наша типографія.

Типографія еще, собственно, нѣтъ, но столовая завалена шрифтомъ. Мы — въ оппозиціи къ московскому комитету партіи, у котораго есть средства, но который не способенъ даже поставить типографію, а печатаетъ воззванія на гектографѣ. Оппозиція не означаетъ противодѣйствія, а лишь извѣстную степень самостоятельности. Лучшіе работники у насъ, и теперь мы ставимъ типографію «студентовъ-лѣсниковъ. Мы», по литературно-типографскимъ связямъ, удалось раздобыть пуда два стараго шрифта, отъ разсыпаннаго набора; теперь этотъ шрифтъ раз

бирается по буквамъ въ отдѣльные мѣшечки. Кромѣ того мнѣ удалось добыть и новый шрифтъ изъ словолитни свѣтлый, серебромъ отливающий въ тяжелыхъ скрѣпленныхъ плиткахъ. Его я привозилъ на дачу въ портфель, сгибаясь подъ его тяжестью. Выйдетъ отличная типографія, которая должна обслуживать и комитетъ и нашу «автономную» группу. Это — нашъ подарокъ партін.

Но какъ же теперь быть; опасность несомнѣнна. Быстро совѣщаемся и рѣшаемъ на время похоронить шрифтъ въ лѣсу, чтобы послѣ перенести его въ Петровскій паркъ, къ «лѣсникамъ». И медить нельзя. Пока свѣтло, мы вынесемъ шрифтъ, погрузивъ его въ карманы въ мѣшечкахъ, пойдемъ въ лѣсъ, будто бы погулять веселой компаніей, и тамъ зароемъ въ примѣтномъ для насъ мѣстѣ.

Мѣшечковъ имѣется по числу буквъ и знаковъ. Незабранный шрифтъ — въ большихъ мѣшкахъ. Новый — сохранить въ плиткахъ, его разбивать жалко.

Похоронная процессія -- шесть человѣкъ, всѣ въ пальто, чтобы кармановъ было больше -- весело выходитъ съ дачи; шрифтъ оттягиваетъ карманы. Путь лежитъ черезъ все мѣстечко, на улицѣ котораго людно. Петровецъ Павло несетъ подъ форменнымъ пальто лопату. Я, какъ виновникъ происшествія, иду въ хвостѣ, поодаль отъ другихъ, и несу въ портфель гяжелыя плитки новаго шрифта, зашитыя въ холстъ.

И вдругъ, опустивъ глаза, вижу на песочномъ троттуарѣ свинцовую дорожку, узкую и ровненькую, образовавшуюся изъ темныхъ палочекъ. У кого то, и вѣрнѣе всего у Васи, такъ какъ у него карманы дырявые, слышется изъ мѣшочка шрифтъ, --- какъ овесъ съ телѣги. Пока я догоняю остальныхъ, пока всѣ изслѣдуютъ карманы, — успѣваемъ пройти большое разстояніе, отмѣтивъ свинцовыми палочками всю дорогу отъ дома.

У меня отбираютъ портфель и командируютъ меня «заметать слѣды». Собрать всѣ буквы невозможно, и прохожіе непремѣнно обратили бы вниманіе на человѣка, собирающаго что-то на троттуарахъ. Тихо иду, стараясь расшвыривать наборъ ногами, — но и эта работа не выполняема на всемъ протяженіи пути. Кромѣ того я замѣчаю впереди мальчика, который, наклонившись, съ любопытствомъ подбираетъ и разсматриваетъ буквы. Скорѣе бросаюсь къ дому, чтобы хоть поблизости «замести слѣ-

ды». Къ счастью дорожка прекращается за нѣсколько дачъ до нашей, мѣшечекъ развязался въ пути.

Нѣсколько успокоившись, иду обратно, продолжая работу ногами, будто бы разсѣянно сбиваю камушки. За поселкомъ догоняю всю компаню, веселье которой не нарушено: очень ужъ смѣшной вышла наша конспирація. Углубившись въ ближній лѣсокъ, выкапываемъ между кустами яму и набрасываемъ «планъ» лѣсочка, чтобы, въ случаѣ ареста памятливыхъ, можно было разыскать шрифтъ по рисунку мѣстности. Хранить бумажку будетъ солиднѣйшая изъ нашихъ дамъ, которая и передастъ ее петровцамъ.

Вернувшись другой дорогой — устраиваемъ прощальный вечеръ: приходится нѣсколько ранѣ памѣченнаго разстаться съ дачей и переѣхать въ городъ. Здѣсь сосѣди видали всѣхъ насъ, какъ видали, конечно, и «Николая Ивановича». Если мальчишка, подобравшій буквы на дорожкѣ, покажетъ ихъ кому нибудь, — а онъ конечно покажетъ, можетъ выйти плохое дѣло. Лѣтній сезонъ оконченъ.

Памятные дни Москвы либеральной: рѣчи, банкеты, надежды. Неизвѣстно, что можно, а чего нельзя. Расцвѣтъ эоловскаго языка: и все сказано, и, какъ будто, не къ чему придраться. Дамы доходятъ до того, что готовы записаться въ эсеровскую партію.

Похороны Трубецкого.

Я попалъ на похороны прямо изъ суда, во фракѣ подъ шубой и съ большимъ портфелемъ. Кажется въ первый разъ улица видѣла такое пышное выступленіе интеллигенціи; впрочемъ было много и рабочихъ.

На кладбище шли ровными колоннами и пѣли, помнится, только похоронное. Обрато, уже въ сумеркахъ, шли группами человекъ по двѣсти-триста и пѣли «Вы жертвою пали», вѣроятно «Варшавянку», а можетъ быть и «Интернаціональ»; онъ былъ тогда революціонной, а не правительственной пѣсней.

Въ Замоскворѣчьи на нашу группу надвинулись казаки; это сплотило, и толпа выросла до тысячной. Вхали казаки мирно, вѣроятно лишь для острастки; разбили процессію, оттиснувъ толпу по обѣ стороны троттуара, но не разгоняли. Могли бы, повернувши, ударить въ тылъ и по-

гнать, — но не ударили. Толпа замолчала, рѣшила пропустить. И вдругъ, въ уже наступавшей темнотѣ, огонекъ: револьверный выстрѣлъ — первый уличный выстрѣлъ, который слышала въ Москвѣ надвигающаяся революція. Онъ вызвалъ тогда общее возмущеніе, и всѣ считали, что это выстрѣлъ — провокаціонный. Можетъ быть такъ и было, а можетъ быть по неразумію.

Казаки дрогнули, но начальникъ отряда крикнулъ что то — и отрядъ проѣхалъ едва ускореннымъ шагомъ.

Близъ каменнаго моста насъ ждали солдаты: они не двинулись на мирную толпу, — очевидно имѣли приказъ не вызывать безпорядковъ. Но у самаго устья моста внезапно налетѣлъ отрядъ жандармовъ, карьеромъ, съ нагайками. Въ этомъ былъ уже ясный планъ, а поводомъ могъ быть револьверный выстрѣлъ по отряду казаковъ. Скрыться въ этомъ мѣстѣ было невозможно и «разойтись» некуда. По мосту проходили трамваи, полные манифестантовъ. Кто успѣлъ — прицѣплялся къ подножкамъ. Жандармы били жестоко, очевидно ихъ, какъ обычно, подпоили. На набережной налетѣлъ на меня конный и замахнулся нагайкой. Рядомъ былъ какой то балаганчикъ, и я быстро отбѣжалъ къ нему. Жандармъ съ такой силой ударилъ, что отъ свинцовой гирьки звякнула и треснула доска. Такой ударъ могъ бы положить меня на мѣстѣ; но лошадь пронесла жандарма дальше.

Я смалодушествовалъ и скользнулъ въ темноту набережной. Обойти ближнимъ переулкомъ было невозможно: стоялъ нарядъ городовыхъ; другой такой же шельмнѣ навстрѣчу, растянувшись линіей во всю мостовую. Все было предусмотрено, чтобы никто не могъ ускользнуть.

Понадѣявшись на почтенную свою шубу и почтенный портфель, я прямо пошелъ на нарядъ и еще издали крикнулъ:

— А что, можно ли перейти на ту сторону?

Ближній городской отвѣтилъ:

- А вотъ сейчасъ перевеземъ!

Остальные засмѣялись. Еще одинъ хмуро прибавилъ:

— Ворочай назадъ, все равно не пропустимъ.

Пришлось повернуть обратно къ мосту, гдѣ происходила свалка. Прибавивъ шагу, чтобы не попасть въ тиски между нарядомъ городовыхъ и жандармами, я вышелъ на освѣщенное мѣсто и увидалъ приближавшійся трамвай.

Подобравъ свою адвокатскую шубу, я ловко проскочилъ между лошадыми «работавшихъ» жандармовъ, добѣжалъ до рельсъ и повисъ на проходившемъ трамваѣ. Тутъ не били, вѣроятно жалѣя стеколь; за мостомъ были только солдаты, никого не трогавшіе. Проѣхалъ благополучно.

Вотъ она — мирная манифестація! Вѣроятно въ тотъ день многіе излѣчились отъ излишняго либерализма: жандармы поработали для революціи.

И еще вспоминаю другіе похороны: убитаго революціонера Баумана.

Мнѣ не разъ пришлось читать описаніе убійства соц.-дем. Баумана, въ память котораго сейчасъ переименована въ Москвѣ одна изъ большихъ улицъ. Писали, будто бы онъ былъ убитъ по приказу полиціи, что его выслѣдили и наняли спеціального убійцу, что смерть его была результатомъ сложнаго подстроенаго плана.

Все это неправда. Бауманъ былъ убитъ въ десяти шагахъ отъ меня; никакого предварительнаго «плана» не могло быть.

Въ тѣ дни повсюду происходили митинги; было нѣсколько митинговъ одновременно въ техническомъ институтѣ. Народу было очень много — занять рядъ аудиторий. Говорился разный сѹмбуръ, настроеніе было довольно приподнятымъ, многіе требовали «выхода революціи на улицу». Выйти было можно, а идти, въ сущности, пока некуда, хотя были припасены даже красныя знамена. Мы вышли одновременно изъ разныхъ аудиторий, получалась довольно внушительная толпа, которая на улицѣ, вѣроятно, разсѣялась бы, такъ какъ никакой определенной «цѣли» похода не было.

Такъ какъ толпа пѣла, то на перекресткахъ ближнихъ улицъ собрались любопытные. Кто то высказалъ предположеніе, что это «толпы народа и рабочихъ», которые хотятъ къ намъ присоединиться. Бауманъ, бывший среди манифестантовъ, схвативъ красное знамя, остановилъ проѣзжавшаго извозчика, вскочилъ въ его пролетку и, стоя со знаменемъ въ рукахъ, поѣхалъ навстрѣчу «сочувствующимъ массамъ».

Хотя это было совершеннымъ вздоромъ, такъ какъ никакихъ «массъ» не было (а виднѣлись вдалекѣ, на углахъ улицы, только любопытствующіе прохожіе, но время было такое, что были необходимы красивыя и героическія жесты.

Перепуганный извоцикъ погналъ лошадь, но едва онъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ изъ калитки дома выбѣжалъ человѣкъ съ желѣзнымъ ломомъ и, подбѣжавъ къ извоцику, ударилъ Баумана ломомъ по головѣ. Несомнѣнно, онъ и самъ не зналъ, кого убиваетъ; но тоже, по своему, жаждалъ «подвига». Бауманъ былъ убитъ на мѣстѣ, а человѣкъ скрылся обратно въ ворота; онъ былъ дворникомъ этого дома.

Что происходило дальше - - было трудно разобратъ. Кто то крикнулъ: «убиваютъ», толпа разсыпалась, раздалась выстрѣлы. Я помню, что самъ я бѣжалъ по какому то переулку, держа въ рукахъ револьверъ, то ли защищать, то ли нападать, пока не столкнулся на углу съ такимъ же обезумѣвшимъ человѣкомъ, тоже съ револьверомъ въ рукѣ. Мы налетѣли другъ на друга и, къ счастью, оказались знакомыми и успѣли другъ друга узнать раньше, чѣмъ произошла бы эта странная дуэль. Успокоились и пошли вмѣстѣ домой.

Несомнѣнно, единственнымъ «врагомъ» по близости былъ дворникъ, убившій Баумана и убѣжавшій. Въ то время нападенія «черной сотни» изъ воротъ были довольно часты, но «отрядовъ» она никогда не имѣла. «Отряды» только ходили иногда по улицамъ съ царскими портретами, но разбѣгались при первомъ окрикѣ «студента» или «дружинника». У насъ въ группѣ былъ студентъ-петровецъ Павло, бравый малый, который специально занимался такими разгонами монархическихъ толпъ. Онъ замѣшивался въ толпу, выхватывалъ револьверъ и кричалъ:

— Если вы честные люди - расходитесь! Если вы черносотенцы — сейчасъ буду стрѣлять.

Онъ былъ высокъ ростомъ, краснощекъ и носилъ папаху. Черезъ минуту отъ толпы никого не оставалось, а портретъ царя лежалъ на мостовой. Павло съ хохотомъ рассказывалъ про свои похождения.

Баумана хоронили съ большой торжественностью. Полициѣ былъ отданъ приказъ исчезнуть — что она и выполнила, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ. Гробъ сопровождала огромнѣйшая процессія — такой Москва раньше никогда не видала. Шли рядами человѣкъ по десять-пятнадцать, и для порядка у каждого ряда былъ свой фланговой съ красной повязкой, внимательно слѣдившій за тѣмъ, чтобы не было паники и всѣ шли стройно, какъ солдаты. Паника все-же была, особенно вначалѣ, когда

еще не знали, какъ поведеть себя полиція. При крикѣ «казаки» несшіе гробъ шарахнулись и ряды поколебались. Но позже процессія шла дѣйствительно въ образцовомъ порядкѣ, а въ ней было нѣсколько десятковъ тысячъ чело- вѣкъ; по одному мѣсту процессія проходила почти пять часовъ подрядъ.

Я шелъ въ процессіи до кладбища; къ счастью, мнѣ не пришлось быть ни свидѣтелемъ, ни участникомъ крова- ваго финала этого дня, когда казаки изъ манежа разстрѣ- ливали студентовъ около университета.

Бауманъ былъ незначительной фигурой; но хорошили не его, а «жертву самодержавія», и за гробомъ его шли люди всѣхъ партій и множество людей самага мирнаго темперамента. Большинство, конечно, даже и не знало, кѣмъ быть Бауманъ.

И, несомнѣнно, финалъ этого дня, закончившагося кровью, несмотря на обѣщаніе властей не мѣшать мани- фестации, — очень приблизилъ день московскаго возста- нія. Теперь обѣщанія уже никто не могъ вѣрить.

Бѣлое зданіе Фидлеровскаго училища было видно изъ моихъ оконъ; я жилъ тогда на Покровкѣ. И видно было въ злополучную ночь, какъ вспыхивали револьверные огонѣи и какъ синимъ огнемъ разорвалась на лету бом- ба со слишкомъ короткимъ фитилемъ. Нѣкоторымъ фид- леровцамъ удалось убѣжать черезъ два владѣнія, но большинство отказалось сдаться и оборонялось, чѣмъ могло. Первый пушечный выстрѣлъ, отъ котораго звякнули окна въ спальной, былъ вообще первымъ пушечнымъ вы- стрѣломъ въ Москвѣ; не вѣрилось и думалось, что это тоже взрывъ самодѣльной бомбы.

Рано утромъ забѣжалъ одинъ изъ фидлеровскихъ дру- жинниковъ, ускользнувшій отъ избиенія. Рассказалъ, какъ велись переговоры о сдачѣ, какъ женщины настаивали на томъ, чтобы не сдаваться, какъ, послѣ пушечнаго выстрѣ- ла, разрушившаго уголь дома, директоръ училища И. Фидлеръ вышелъ на крыльцо съ бѣлымъ платкомъ и какъ дружинники за это выстрѣлили ему по ногамъ. Какъ на- конецъ договорились, что всѣ осажденные будутъ выпу- щены невредимыми, если оставятъ оружіе. Почти все ору- жіе поломали — а былъ цѣлый складъ — и вышли. Тутъ и началось избиеніе безоружныхъ. Били не солдаты, а го-

родовые, и били жестоко, многихъ изранивъ и нѣсколькихъ убивъ. Многихъ увезли арестованными.

— А какъ вы спаслись?

— Я хотѣлъ забѣжать въ сосѣднія ворота, да дворникъ ихъ захлопнулъ. Тутъ на меня налетѣлъ одинъ съ шашкой. Ну, а у меня былъ ножъ. Такъ и спасся. А потомъ я вломился въ какое то окно въ нижнемъ этажѣ, прямо — стекло выдавилъ. Попалъ въ квартиру къ людямъ, въ темную комнату. Хозяева выбѣжали неодѣтые, и я имъ говорю: спасайте меня, все равно не уйду! Думалъ — побоятся, выдадутъ, а они меня спрятали и до утра продержали, даже и чаемъ напоили. Сейчасъ я отъ нихъ.

Берется за шапку.

— Да куда вы?

— Хочу въ участокъ пойти, справиться о нашихъ, кого взяли.

— Вы съ ума сошли, Павелъ! Васъ тамъ арестуютъ!

— Да они меня не знаютъ. Я скажу, что родственникъ. Вотъ увидите — скоро вернусь къ вамъ.

Его, конечно, арестовали. Три дня продержали въ участкѣ, на четвертый отправили для удостовѣренія личности, давъ провожатымъ городского съ винтовкой. Городовой не вернулся, а Павелъ послѣ рассказывалъ:

— Щупленькій такой. Жалко его было — да видъ какъ сдѣлаемъ! Либо я его, либо они меня. Хотѣлъ винтовку съ собой взять, да побоялся, бросилъ.

— Какъ вы могли, Павелъ?

— А такъ и могъ. Васъ въ участкахъ не бивали? А меня бивали, мнѣ жалѣть некого! Коли борьба, такъ борьба, а то одни разговоры.

Павелъ былъ молодымъ рабочимъ. Не помню его дальнейшей судьбы.

Я зналъ нѣсколькихъ такихъ же изъ тогдашней рабочей молодежи. Для иныхъ изъ нихъ терроръ былъ дѣломъ частной инициативы и, пожалуй, молодечества. Они не любили митинговыхъ рѣчей, но вѣрили: если сказано «вооруженное возстаніе», то нечего миндальничать. Разговаривать нечего — дѣлать надо. «Не я его — такъ онъ меня». Ихъ логика была проще нашей, ихъ поведеніе — прямѣе. Съ тою же послѣдовательностью они гибли.

Началомъ ихъ массовой гибели была филтеровская бойня.

Декабрьское возстаніе... Оно еще мало описано, — но мнѣ его не описать. У двухъ сторонъ — сильнѣйшаго государства и слабой кучки революціонной молодежи — шансы на выигрышъ были равны. Въ Москвѣ было мало войска, и оно было ненадежно. Спасскія казармы могли стать страшнымъ оплотомъ возстанія. Солдатъ не выпускали. Ненадежны были и казаки. Въ Москву прислали семеновцевъ.

Много револьверовъ, ни одного пулемета, не говоря уже о пушкѣ, — мудрено было защищать баррикады! И все-таки защищали. Помню, какъ горсть дружинниковъ отбила пушку на углу Садовой — и не знала, что съ этой пушкой дѣлать. Использовать ее невозможно, а отвинтить замокъ никто не умѣлъ. До вечера охраняли пушку, затѣмъ бросили. Къ вечеру кто то изъ партійныхъ досталъ и принесъ чертежъ: какъ заряжать и разбирать орудіе. Мы посмѣялись: маленькое опозданіе! Ну, пригодится для будущаго.

Я встрѣтилъ отрядъ семеновцевъ на Арбатѣ, гдѣ они только что взяли и сожгли баррикаду. Семеновцы ѣхали съ винтовками, направленными на рѣдкихъ прохожихъ. Я не зналъ, что нельзя держать руки въ карманахъ — стрѣляютъ. Но вѣроятно опять спасла меня «адвокатская шуба», и подъ направленными на меня дулами винтовокъ я прошелъ благополучно. Въ карманѣ былъ револьверъ — послѣдняя глупость, которую можетъ сдѣлать невоинственный человѣкъ. Къ счастью меня не обыскали; взятыхъ съ оружіемъ тутъ же разстрѣливали.

Убитыхъ было очень много, въ равной мѣрѣ — рабочихъ и простыхъ обывателей; пожалуй, послѣднихъ больше. Посмотрѣть, какъ картечью стрѣляютъ вдоль улицы, сбѣгались кухарки, гимназисты, дѣти, которые толпились на углахъ. Это и были главныя жертвы Настоящая борьба была только на Прѣси. Я этой борьбы не видалъ, хотя и былъ позже привлеченъ къ суду за «руководство прѣсенскимъ возстаніемъ» и за «разстрѣлъ полицейскихъ чиновъ на дворѣ прохоровской фабрики». Но я и до сихъ поръ не знаю, гдѣ эта фабрика. — никогда на ней не былъ.

Въ другомъ мѣстѣ я описывалъ взрывъ московской охранки; одинъ изъ героевъ взрыва ночевалъ въ ту ночь у меня — спалъ спокойно, довольный успѣхомъ. Другой, тоже юноша-студентъ, уже убѣжавъ далеко отъ мѣста

взрыва, попалъ на отрядъ семеновцевъ. Револьверъ онъ успѣлъ бросить въ снѣгъ, а на вопросъ, куда онъ идетъ ночью, отвѣтили, притворяясь придурковатымъ парнемъ:

— Въ картишки, ваше благородіе, заигрался; простите ужъ; вотъ домой иду.

И его отпустили.

Описаніе разрушеній отъ взрыва, чертежи, фотографіи, показанія очевидцевъ, — я видѣлъ послѣ февральской революціи въ бумагахъ охраннаго отдѣленія. Какой эффектный былъ докладъ объ «отрядѣ заговорщиковъ», подѣхавшихъ на рысакахъ къ зданію охраннаго отдѣленія! Не было, въ дѣйствительности, ни рысаковъ, ни заговорщиковъ: просто подошли два мальчика подъ окна зданія, держа подъ мышкой восьмифунтовыя неуклюжія бомбы съ фитилемъ, зажгли фитили отъ папиросокъ и бросили бомбы въ окна. Одинъ не добросилъ, но сейчасъ же наклонился, поднялъ ее и успѣлъ швырнуть снова прежде, чѣмъ она взорвалась. Въ нихъ стрѣляли отъ воротъ, но они успѣли пробѣжать весь Гнѣздяниковскій переулокъ прежде, чѣмъ отправили за ними погоню. Впрочемъ была ли погоня — не знаю. Полиція была такъ терроризована, что врядъ ли нашлись смѣльчаки.

Былъ предположенъ и другой взрывъ — дома градоначальника, но не состоялся. Революція работала «кустарно», — но и подавляли ее, по тому времени, кустари. Подавляли кустарно, но, подавивъ, расправлялись жестоко.

Возстаніе пятаго года было въ большой мѣрѣ обывательскимъ: безъ прямого сочувствія и содѣйствія обывательской Москвы оно было бы невозможнымъ. Обыватели помогали строить баррикады, укрывали дружинниковъ, помогали средствами, а главное—сѣяли панику въ рядахъ правительственныхъ. Настоящихъ «борцовъ» было очень мало, и рабочіе были плохо организованы. «Мозгомъ» возстанія было студенчество — смѣлые юноши, многіе изъ которыхъ положили свою жизнь. Въ самый разгаръ личной борьбы партійные комитеты потеряли руководство настроеніями и дѣйствіями, — въ чемъ они, впрочемъ, врядъ ли признавались и признаются. Что до либераловъ, пытавшихся вызвать революцію митингами и банкетами, то они, конечно, сидѣли по домамъ, и вопросъ объ ихъ сочувствіи или несочувствіи вполнѣ зависѣлъ отъ возможныхъ результатовъ возстанія. Оно окончилось поражени-

емъ значить оно было неблагоприятнымъ и гибельнымъ шагомъ.

Думаю, что это было восемнадцатаго декабря. За проваломъ большинства подходящихъ квартиръ, эсеровскій комитетъ долженъ былъ вечеромъ собраться у меня. Самъ я никогда не былъ «комитетчикомъ» по полной неспособности къ руководящимъ ролямъ; больше, чѣмъ я самъ, дѣятельное участіе въ революціи пятого года принимала моя квартира, — и по части типографской, и по части явочной, и какъ мѣсто собраній и докладовъ, и какъ «ночлежка», и какъ временное пристанище оружія (къ чему я былъ равнодушенъ) и конфетныхъ коробочекъ съ бомбами (что было неприятно и жутко).

Квартира была во дворѣ, въ большомъ флигелѣ. День былъ морозный. Какой то солдатикъ-вольноопредѣляющійся хлопалъ руками, потиралъ уши и быстро обѣгалъ большой дворъ, гдѣ было нѣсколько флигелей. Чаще всего возвращался къ моему подъѣзду, особенно, если видѣлъ кого нибудь у входа.

Если бы не морозъ — солдатикъ велъ бы себя не такъ замѣтно. Но тутъ онъ мнѣ не понравился, и я успѣлъ предупредить по телефону всѣхъ, кто долженъ былъ явиться вечеромъ на засѣданіе комитета. Подъ вечеръ солдатикъ исчезъ, или смѣнился кѣмъ нибудь, одѣтымъ не такъ замѣтно.

Обыска приходилось ждать каждый день, и наша квартира была «чисто прибрана»; но, конечно, за всѣмъ не углядишь.

Мнѣ пришлось въ этотъ день пріютить у себя семью моего стараго друга — врача Б., жившаго на окраинѣ Москвы. Онъ получилъ извѣстіе, что его больницу и квартиру будутъ громить мѣстные черносотенцы; съ женой и четверыми дѣтьми онъ переселился на время ко мнѣ; младшій сынъ былъ груднымъ; въ его кроватку мы сунули большую библиографическую цѣнность — полный комплектъ «Революціонной Россіи», съ которымъ не хотѣлось разставаться.

Звонокъ ночью не удивилъ. Тяжелые шаги и стукъ прикладовъ. Когда я вышелъ въ гостиную, то увидалъ цѣлую толпу городовыхъ, тыкавшихъ штыками подъ диваны и кресла. Довольно бравый приставъ обратился ко мнѣ:

— Ваше оружіе!

Терять мнѣ было нечего. Поэтому я показалъ ему языкъ и прибавилъ:

— Вотъ оно. Я — адвокатъ. А ваше?

Онъ вынулъ изъ кармана руки съ револьверами:

— Мое — вотъ-съ!

Обыскъ тянулся часа три; кипы писемъ и бумагъ откладывались въ сторону, на большой обѣденный столъ. Сторожилъ ихъ околоточный. Когда приставъ вышелъ въ другую комнату, околоточный взялъ со стола пачку писемъ, вѣроятно показавшуюся ему особо-важною, протянулъ мнѣ за спиной и сказалъ:

— Спрячьте въ шкапъ; тамъ уже смотрѣли.

Хотѣлъ ли онъ меня подвести, или дѣйствовалъ искренне — такъ и не знаю. Въ пачкѣ не было ничего предосудительнаго, и я только разсмѣялся.

Ребенка не тронули, и комплектъ остался цѣлъ. Остальныхъ обыскали, даже дѣтей. Изъ предъявленнаго ордера я уже зналъ, что буду арестованъ независимо отъ исхода обыска. По численности наряда было ясно, что у меня рассчитывали застать много людей и что ожидали вооруженнаго сопротивленія. Кромѣ меня, на мое горе, взяли и доктора, главу семейства, которому я далъ пріютъ. Это обошлось ему въ годъ тюрьмы и три года высылки за границу, хотя обвинить его было рѣшительно не въ чемъ. Его увезли первымъ.

Когда везли меня въ тюремной каретѣ, уже свѣтало, и я въ заднее окошечко кареты могъ наблюдать, куда везутъ. Вотъ сейчасъ повернуть направо — значитъ въ охранку, и значитъ я погибъ! Въ охранкѣ били, оскорбляли, и этого я бы не вынесъ; если же оказать сопротивленіе, ударитъ какогонибудь чина — навѣрное разстрѣляютъ. Въ тѣ дни разстрѣливали и на дворѣ и въ зданіи охранки. А если.. а если вотъ сейчасъ повернуть налево — значитъ я пока спасенъ, такъ какъ везутъ въ тюрьму.

Я затаился папиросою, задержалъ дымъ и ждалъ. Карета повернула налево. Я выпустилъ дымъ съ облегченіемъ тоненькой струйкой. Еще никогда табакъ Асмолова, съ небольшою примѣсью Месакусуди, не былъ такъ пріятенъ!

Въ первые дни въ въ тюремную форточку еще доноси- лась канонада. Къ рождественскимъ днямъ она стихла. Героическое кончилось — начался бытъ.

Я писалъ въ тюрьмѣ дневникъ, а послѣ напечаталъ его въ «Русскомъ Богатствѣ». Въ тѣ времена еще можно было описывать тюремное сидѣніе, былъ къ этому извѣст- ный интересъ; сейчасъ это смѣшно — все равно, что сво- ими словами рассказывать Евгенія Онегина, котораго вся- кій грамотный человѣкъ читалъ.

Обыски, аресты, допросы, тюрьмы, слѣдователи, ссыл- ки и высылки (тонкое различіе!), бѣгство и эмиграція знакомы мнѣ съ юношескихъ лѣтъ и при разныхъ режи- махъ. Все, что можно бы по этому поводу сказать, я и сказалъ въ 1919 году Л. Каменеву, тогда предсѣдателю моссовѣта, прѣбывавшему въ чекистскій «корабль смерти» съ поэтомъ Балтрукайтисомъ, предсѣдателемъ Союза Пи- сателей, освободить меня отъ случайнаго ареста. Каме- невъ сказалъ:

— Ну что-же, вѣдь писателю интересно все посмот- рѣть. Каковы же ваши впечатлѣнія?

— Да ничего особеннаго, то же самое.

-- То есть что?

— Какъ прежде было. Пища одинакова, обращеніе сейчасъ грубѣе, но большой разницы нѣтъ.

Онъ былъ немного смущенъ, но спусходительно улыб- нулся.

Позже, сидя въ Особомъ отдѣлѣ, я убѣдился, что раз- ница есть, и не въ пользу новаго режима. Но разница эта незначительна, потому что вѣдь главное — отсутствіе сво- боды, а обстановка — дѣло второстепенное. Когда ждешь смерти, въ груди пустѣеть, и безразлично, отъ чьего име- ни вынесутъ приговоръ: отъ имени царя или отъ имени пролетаріата.

Самымъ тяжелымъ днемъ моего полугодоваго сидѣ- нія въ таганской одиночкѣ былъ тотъ день, когда тюрь- ма ждала результатовъ открытія первой Думы. Надзира- тели приносили намъ газетныя вырѣзки, запрятавъ ихъ въ дуло револьверовъ. Надзиратели были по тому време- ни кадетами.

Вечеромъ, послѣ обхода, мой старикъ тихо пріоткрылъ форточку:

— А что, господинъ, можетъ послѣднюю ночьку тутъ спите. Товарищи ваши чемоданы уложили.

— Я не тороплюсь.

— А вотъ въ конторѣ сегодня весь день книжки подсчитываютъ, сколько кому денегъ возвращать. А то, коли прикажутъ всѣхъ разомъ выпустить, скоро не подсчитаешь. Тоже приказано слѣдить за уголовными, чтобы ч они не выскочили.

— Не будетъ никакой амнистіи, Федоровъ.

— А какъ же Дума? Ужели не распорядится?

— Поговорятъ и успокоятся.

— Ужъ не знаю. А мы готовы, не задержимъ васъ.

Я былъ въ тюрьмѣ старостой этажа. На мою долю выпало обходить камеры и успокаивать истериковъ, обманутыхъ въ своихъ упованіяхъ на Думу. Два дня они сидѣли на связанныхъ чемоданахъ, на третій бились головой о стѣнку и сокрушали табуреты ударами о дверь. Но надзиратели уже подтянулись и переставали быть каде-тами.

Но какія рѣчи, какія рѣчи говорились въ Думѣ! Сколько прекрасныхъ негодующихъ словъ — совсѣмъ какъ въ Европѣ! Все это мы читали, вдыхая черезъ оконную форточку весенній воздухъ. Потомъ эти форточки намъ забили, и пришлось разбивать стекла. Тогда насъ стали связывать. Это очень неприятно — но зато въ Россіи былъ парламентъ, почти настоящій.

Рапо утромъ надзиратель выпускалъ меня изъ камеры для обхода моей камеры. Прежде всего я спѣшилъ навѣстить студента, которому на допросѣ въ охранкѣ вывернули и изуродовали всѣ пальцы. Онъ сидѣлъ въ той самой камерѣ, гдѣ сидѣлъ до него тоже студентъ Шмидтъ. Этотъ Шмидтъ еще зимой зарѣзался стекломъ послѣ того, какъ его нѣсколько разъ выводили послѣ вопроса во дворъ вмѣстѣ съ рабочими, рабочихъ разстрѣливали, а его вели обратно на допросъ. Недѣлю онъ крѣпился, только очень бился въ камерѣ по ночамъ. Наконецъ, онъ разбилъ окно и стекломъ перерѣзалъ себѣ горло. Я очень боялся, что его преемникъ по камерѣ послѣдуетъ его примѣру. Но онъ не послѣдовалъ — онъ былъ позже повѣшенъ, уже полусумасшедшимъ. Это былъ Полторацкій.

А въ Думѣ собирали документы о «рижскихъ застѣнкахъ» и спорили, примѣняется ли въ Россіи пытка. Ея существованіе доказывали неубѣдительно, хотя очень литературно, гораздо литературнѣе, чѣмъ сейчасъ въ эми-

граціи бывшіе охранные генералы въ своихъ мемуарахъ доказываютъ противоположное.

Въ маѣ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ сообщилъ мнѣ, что можетъ освободить меня подъ залогъ, но что все равно меня не выпуститъ жандармское управленіе, за которымъ я числюсь по другимъ дѣламъ. Залогъ былъ внесенъ. При выпускѣ изъ тюрьмы, уже въ тюремной конторѣ, когда былъ поданъ извошникъ, меня снова задержали приказомъ изъ охранки — изъ третьяго органа опеки и расправы; жандармское управленіе о моемъ освобожденіи еще не знало. Долго и ненужно рассказывать, какъ случилось, что я все-таки въ тюрьму не вернулся и скоро оказался на финляндскихъ шхерахъ, гдѣ чудесно ловится щука, а ужъ объ окуняхъ и говорить нечего.

Я ни разу не упомянулъ о «рабочихъ массахъ», хотя вѣдь на ихъ участіи строились революціонныя надежды. Въ девятьсотъ пятомъ году рабочіе выходили на улицу (9 января въ Петербургѣ), бились на баррикадахъ и умирали (Прѣсня въ Москвѣ). И все-таки революціи не была «массовой», и вдохновляли ее единицы интеллигентовъ. Преобладающая роль единицы дѣлаетъ революцію пятого года героической по преимуществу. Въ семнадцатомъ году героизмъ личностей тонулъ и растворялся въ массовомъ подъемѣ. Въ первую революцію револьверы напали на армію, во вторую массы и армія возстали противъ обезоруженныхъ и разомъ попрятавшихся враговъ. Въ девятьсотъ пятомъ году въ Перми провели по улицѣ губернатора Наумова, нацѣливъ ему на пальто красный бантъ и давъ въ руки красное знамя; въ семнадцатомъ красный бантъ успѣли нацѣпить себѣ великіе князья. Кто изъ тѣхъ, кто теперь громитъ въ печати обезвреженнаго Керенскаго, не называлъ его со слезами «совѣстью Россіи»? Чьи уста, привыкшіе произносить «Ваше превосходительство», не злоупотребляли словомъ «товарищ»? Кто, изъ вздыхающихъ сейчасъ по царскому режиму, не клялъ его устно и печатно отъ февраля до октября? Въ февральскіе дни гораздо большимъ героизмомъ было не принимать революціи, чѣмъ клясться въ вѣрности новому, красному русскому знамени, оторванному отъ полотнища трехцвѣтнаго. Слишкомъ легко было снимать и

класть въ сундучокъ золотые погоны, отламывать орла съ университетскихъ значковъ и откидывать отъ фамиліи титуль; труднѣе, конечно, прощаться съ помѣстьями, которыхъ никакое временное правительство отстоять не могло.

Девятьсотъ пятый, теперь забытый революціонный годъ былъ героиченъ, — и въ томъ его отличіе. Шли безъ увѣренности въ побѣдѣ, нападали съ ничтожными средствами, боролись съ неравными силами. И гибли гордо, безъ предсмертнаго подличанья.

Событія отодвигаютъ событія. А впереди видятся новыя. Какая путаница для историковъ — какой матеріаль для романистовъ! И какая тягость на плечи людей нашего поколѣнія, уже столько пережившихъ, въ столькомъ извѣрившихся и еще не дожившихъ до желаннаго покоя, который одинъ только и есть — непреложная истина, необманное искомое и самый вѣрный итогъ.

Мих. Осоргинъ.

О Ближнемъ Востокѣ

У. Пальмира и Дура *).

Иную исторію, чѣмъ романтическая Пальмира, имѣетъ прозаическая Дура. До 1920 г. мѣсто это только изрѣдка навѣщалось туристами и археологами. Говорю туристами, гипотетически; ни одного достовѣрнаго случая тако-го посѣщенія я не знаю. Но такія посѣщенія не невѣроятны, такъ какъ Дура и теперь, какъ сотни лѣтъ тому назадъ, лежитъ на большой караванной дорогѣ вверхъ или внизъ по Евфрату, на перегонѣ между Деиръ-эсъ-Дзоръ, большимъ торговымъ и военнымъ центромъ на среднемъ Евфратѣ, гдѣ вотъ уже годами строится мостъ черезъ Евфратъ, и Абу-Кемалемъ, небольшой деревней на границѣ французскаго мандата и Ирака. Изъ археологовъ здѣсь было два или три предприимчивыхъ изслѣдователя, но ни одинъ изъ нихъ не заинтересовался могучими башнями Дуры, ея стѣнами и цитаделью. Поэтому ни въ археологіи, ни въ исторіи имя Дуры до послѣдняго времени не упоминалось. То, что я сказала объ ея исторіи выше, всецѣло основано на результатѣ раскопокъ послѣднихъ лѣтъ.

Исторія открытія Дуры, хотя и въ достаточной мѣрѣ извѣстна археологамъ, очень поучительна и романтична. Въ 1920 г., въ концѣ войны, командиръ англійскаго отряда сипаевъ, стоявшаго въ Дурѣ, капитанъ Мэрфи, роя въ Дурѣ траншеи и строя укрѣпленные блокгаузы, наткнулся въ одномъ изъ угловъ древней городской стѣны на интереснѣйшія фрески, украшавшія, какъ оказалось впоследствии, стѣны святилища, посвященнаго въ послѣдній періодъ его существованія тремъ пальмирскимъ богамъ-воителямъ — Малакбелу, Агриболу и Яриболу. Объ этомъ открытіи капитанъ Мэрфи извѣстилъ директора древностей Ирака — Гертруду Белль. Въ это время въ Месопотаміи находился извѣстный американскій египто-

*) См. № 43 «Соврем. Записокъ».

логъ Джемсъ Брестедъ. Миссъ Беллъ направила его въ Дуру. Брестедъ засталъ англійскій отрядъ готовымъ покинуть Дуру. Въ его распоряженіи имѣлся только одинъ день. Въ этотъ день онъ успѣлъ зарисовать и сфотографировать фрески, снять планъ святилища, насколько это было возможно безъ раскопокъ, и набросать планъ города и его укрѣпленій.

Послѣ окончанія войны Брестедъ сдѣлалъ докладъ съ своемъ открытіи во Французской Академіи надписей и Академія немедленно рѣшила начать раскопки въ городѣ (Дура въ это время была уже въ предѣлахъ французскаго мандата) и подъ руководствомъ одного изъ своихъ членовъ, извѣстнаго бельгійскаго ученаго Франца Кюмонъ. Раскопки Кюмономъ велись втеченіе трехъ лѣтъ. Его рабочими были солдаты иностраннаго легіона, среди нихъ немало русскихъ. Открыто было много интересныхъ памятниковъ. Результаты своихъ раскопокъ Кюмонъ опубликовалъ въ большой 2-хтомной превосходной книгѣ, вышедшей въ Парижѣ въ 1926 г.: *Fouilles de Douga — Europos*. Къ сожалѣнію, на продолженіе раскопокъ средствъ ни у Академіи, ни у сирійскаго правительства не оказалось. Между тѣмъ очевидно было, что раскопки Кюмонъ далеко не выяснили всѣхъ тѣхъ важныхъ историческихъ проблемъ, которыя ставитъ Дура. Говоря по существу, раскопки Кюмонъ большинство этихъ вопросовъ впервые поставили. Хотя Дура, какъ мы видѣли, и не можетъ тягаться съ Пальмирой ни по богатству, ни по исторической роли, которую она играла, тѣмъ не менѣе какъ разъ въ такомъ городѣ, какъ Дура, брошенномъ уже въ III в. по Р. Хр. и никогда послѣ этого (за исключеніемъ некрополя) не бывшемъ предметомъ систематическаго разграбленія, въ городѣ, гдѣ послѣдовательно жили македонцы, паряне и римляне, какъ господствующій элементъ, какъ надстройка надъ арабскимъ фундаментомъ, мы вправѣ надѣяться даже болѣе чѣмъ въ Пальмирѣ найти матеріалъ для разрѣшенія многихъ историческихъ вопросовъ первостепеннаго значенія.

Въ Дурѣ мы можемъ, вѣроятно, прослѣдить за тѣмъ, что стало съ тѣми македонско - греческими островками въ семитическомъ и иранскомъ морѣ, которые разбросали Александръ Великій и его преемники по всѣмъ большимъ дорогамъ семитическаго и иранскаго міра. Мы знаемъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ островковъ. Но ни о

жизни, ни о дѣятельности, ни о культурѣ ихъ мы не знаемъ ничего. Результатъ намъ болѣе или менѣе извѣстенъ: иранская и семитическая волны захлестнули эти островки. Но ни какъ это случилось, ни что представляли изъ себя въ это время эти островки, мы не знаемъ.

Я уже говорилъ о томъ, какъ важно для историка древности знать культуру Парѳіи, ея государственный строй и ея исторію. Конечно, Парѳія безконечно разнообразна: она одна въ Индіи, другая въ Персіи, третья въ Месопотаміи. Но каковы эти аспекты, что ихъ разнить и что роднить, что въ каждомъ аспектѣ самое основное и важное, это проблемы неразрѣшимыя и при состояніи нашего освѣдомленія неразрѣшимыя. Дура всѣхъ этихъ вопросовъ, конечно, полностью не разрѣшить, но она уже позволила поставить ихъ и въ будущемъ несомнѣнно дастъ кое-что для ихъ разрѣшенія. Надписи на своихъ монетахъ парѳіане дѣлали по гречески и называли себя филелленами. Не потому ли, что политически, а также въ военныхъ дѣлахъ ихъ опорой, по крайней мѣрѣ въ Месопотаміи, въ значительной степени были греческіе города?

Конечно большинство памятниковъ Дуры окажутся памятниками римскаго времени. Если Македонія и Парѳія въ Месопотаміи для насъ загадки, то Римъ въ Сириі болѣе или менѣе осязаемъ. Но много ли мы о немъ знаемъ? И много ли сдѣлано для того, чтобы использовать имѣющійся матеріалъ? Въ Сириі Римъ осязаемъ. Но осязаемъ ли онъ на Евфратѣ? Не есть ли политика Рима въ территоріи Пальмиры одинъ изъ самыхъ интересныхъ экспериментовъ столь гибкой политики Рима? И не интересно ли прослѣдить въ деталяхъ за тѣмъ, что сдѣлали римляне въ столь чуждой имъ македоно-иранской (на семитической основѣ) обстановкѣ Дуры. Что сдѣлали они для эллинизма и заботилъ ли ихъ вообще этотъ вопросъ на берегахъ Евфрата?

Опытъ раскопокъ Кюмонъ показалъ, что Дура даетъ возможности для подхода ко всѣмъ этимъ вопросамъ. Изъ его раскопокъ ясно стало, что первостепенныхъ произведений живописи, скульптуры и архитектуры Дура не дастъ. Дура была небольшимъ и не очень богатымъ городомъ, затеряннымъ на границѣ двухъ цивилизацій — греческой и парѳянской. Но тѣмъ не менѣе работа Кюмонъ показала, что при счастья — раскопки всегда болѣе или менѣе дѣло счастья — и при умѣнши Дура многое можетъ дать для исторіи и жизни не только самой Дуры, но и значительной

части римской имперіи. Песокъ пустыни сохранилъ въ Дурѣ не только то, что сохраняетъ земля въ другихъ мѣстностяхъ древняго міра—камень и металлъ, онъ оберегъ своимъ покровомъ и дерево, и матеріи, и бумагу—папирусы и пергаменты. Египетъ показалъ, что это значитъ. Не даромъ же объ Египтѣ мы знаемъ больше, чѣмъ о какой бы то ни было части древняго міра. Это потому, что съ нами говоритъ сама жизнь Египта, отразившаяся въ документахъ, написанныхъ не только на камнѣ и металлѣ для вѣчности, но и на бумагѣ и деревѣ для даннаго момента, для текущаго дня.

Когда выяснилось, что надеждъ на дальнѣйшія раскопки Дуры средствами французовъ и сирійцевъ мало, я предпринялъ по соглашенію съ Кюмонъ рядъ шаговъ, чтобы найти средства на это въ Америкѣ. Благодаря дѣятельной поддержкѣ президента моего Университета Yale University проф. Джемсъ Р. Энджелль удалось добыть деньги на раскопки Дуры, раскопки, ведущіяся совмѣстно Yale University и французской Академіей Надписей. Вотъ уже третій годъ копаемъ мы въ Дурѣ. Уже изданъ первый предварительный отчетъ о раскопкахъ. Будемъ надѣяться, что намъ удастся и закончить раскопку такъ же успѣшно, какъ мы ее начали. Директоромъ раскопокъ является архитекторъ и археологъ М. Pillet, за научно-историческую сторону и программу раскопокъ ответственны Ф. Кюмонъ и авторъ этихъ строкъ. Средства даетъ всецѣло Yale University. Постараюсь вкратцѣ дать представленіе о томъ, какъ идетъ работа въ Дурѣ и что тамъ сдѣлано Кюмонъ и нами. О прошломъ, т. е. о дѣятельности Кюмонъ вкратцѣ, о настоящемъ болѣе подробно. Я лично былъ въ Дурѣ весной 1928 года, въ первые недѣли раскопокъ. Скажу сначала нѣсколько словъ о моей поѣздкѣ въ Дуру и объ условіяхъ жизни въ ней.

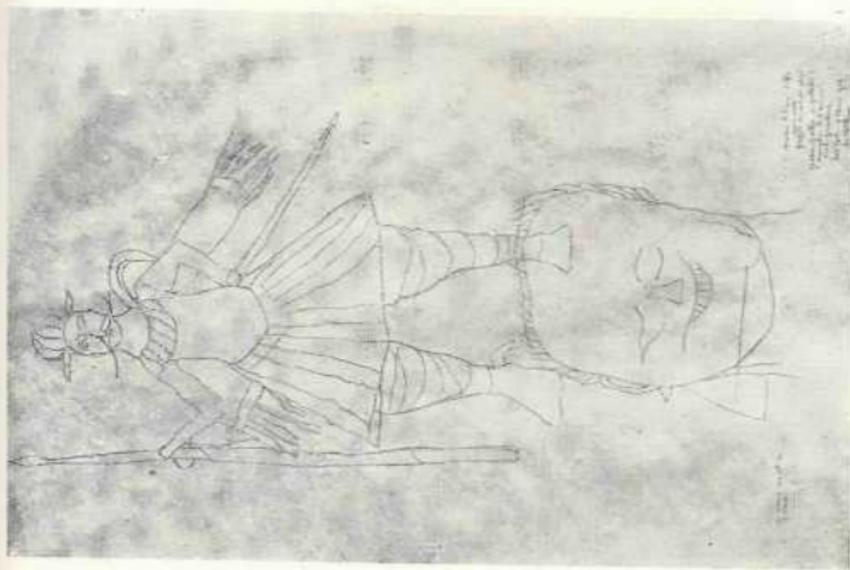
Попастъ въ Дуру не такъ просто. Путешествіе долгое, утомительное и трудное. Меньше чѣмъ въ три дня, изъ Бейрута ли или изъ Алеппо, его не сдѣлаешь, хотя разстояніе и не велико — не болѣе 700 километровъ. Лучше же считать четыре дня съ тремя ночевками. Проще всего ѣхать изъ Бейрута, если попадешь въ Сирію моремъ. Если ѣхать по желѣзной дорогѣ изъ Константинополя — отправнымъ пунктомъ будетъ Алеппо. Отъ Бейрута до главныхъ отправныхъ пунктовъ къ Дурѣ, Дамаска, Хомса или Алеппо имѣется желѣзная дорога. Но желѣзными дорога-

ми мало кто пользуется въ Сиріи. Пассажи́рское сообще́ніе по желе́знымъ дорогамъ убито автомобилями. Для сиріи́ца проще заплатить сирі́йскій фунтъ (20 фр.) и трястись въ переполненномъ Фордѣ, чѣмъ ѡхотѣ за болѣе чѣмъ двойную плату въ переполненномъ, грязномъ и душномъ вагонѣ третьяго класса. Отъ Дамаска же, Хомса или Алеппо другихъ способовъ сообщенія кромѣ Форда и Шевроле́ (верблюды отошелъ въ область преданія) нѣтъ. Отъ Дамаска или Хомса ѡдутъ прямо черезъ пустыню въ Пальмиру и оттуда также черезъ пустыню въ Деиръ-эсъ-Зоръ. Отъ Алеппо ѡдутъ черезъ долину Алеппо къ Евфрату и затѣмъ внизъ по теченію Евфрата (для сокращенія пути часть дороги дѣлается черезъ пустыню) до того же Деиръ-эсъ-Зора. Надо помнить, что Евфратъ рѣка для судоходства неудобная. Теченіе быстрое, масса водоворотовъ. Ходятъ только тяжелыя мѣстныя баржи, да и то только внизъ по рѣкѣ. Вверхъ пустую баржу тянуть на бечевѣ. Отъ Деиръ-эсъ-Зора до Дуры 90 километровъ внизъ по Евфрату.

Путешествіе, какъ я уже сказалъ, длинное и утомительное. Тамъ, гдѣ есть дороги, онѣ изъ рукъ вонъ плохи. Но въ большинствѣ случаевъ дороги нѣтъ. Пустыня — сплошная дорога. Выбирай только ту часть ея, гдѣ поменьше песка (въ песокѣ завязнешь), гдѣ камни помельче (растрясешь кости, потомъ не соберешь, а главное ось можно сломать), гдѣ мелкій гравій, Богомъ насыпанный, даетъ лучшую автомобильную дорогу въ мірѣ. Но не вездѣ можно избѣгать Сциллы и Харибды; часто приходится перематывать на большой скорости дюны песка или взлетать на воздухъ къ крышѣ автомобиля по скалистымъ ухабамъ. Нельзя сказать, чтобы путешествіе было безопасно. Бедуины не страшны. Имъ данъ французами хорошій урокъ послѣ дамаскаго возстанія. Но и по части бедуиновъ — кто ихъ разберетъ. Похитили же они недавно (французы говорятъ «у англичанъ въ Иракѣ») англичанку и отпустили только тогда, когда она — дѣвственная миссъ — заявила похитившему ее шейху, предлагающему ей мѣсто въ своемъ гаремѣ, что она мать троихъ или четырехъ дѣтей. Главная опасность не бедуины, а «блѣдъ», пустыня. Испортится машина, долнуть шины, сломается ось и сиди часами въ пустынѣ, ожидая выручки. безъ питья и ѣды. Поэтому лучше ѡздить группами, по два и по три автомобиля и брать съ собою ѣду и питье.

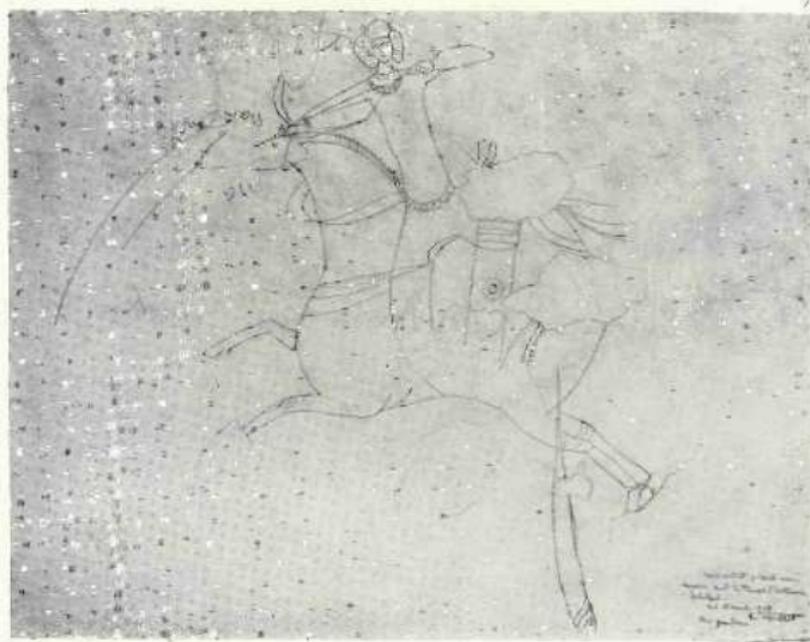
1. Сѣв. часть цитадели Дурри.
Передъ башней руины римскаго храма.

2. Паренскій воиць.

1. Памирскія ворота Дурь.

2. Конный парянянь.

Дорога въ Дуру очень интересна. Особенно старая дорога, по которой въ эпоху Селевкидовъ шли караваны: отъ Антиохіи къ Селевкии черезъ Апамею въ Алеппо и оттуда внизъ по Евфрату. Вся селевкидская Сирія лежитъ передъ вами какъ на ладони. И условія жизни въ ней врядъ ли значительно измѣнились не то что со времени Селевкидовъ, но даже со времени вавилонцевъ, хетовъ и ассирійцевъ. Интересно, какъ рѣзко мѣняется характеръ поселеній и домовъ отъ области къ области, отъ района къ району. Въ долину Оронта, гдѣ нѣтъ лѣса и гдѣ много тростника, дома строятся изъ тростниковыхъ циновокъ и глины. Топливомъ служитъ кизякъ. Форма домовъ — навѣсъ вродѣ бедуинской палатки. Какъ только изъ долины начнешь карабкаться черезъ горы — характеръ поселеній рѣзко мѣняется. вмѣсто глины и тростника — камень. Дома (тамъ, гдѣ они есть) высокіе, прочные, даже изящные. И вмѣсто теллей долины Оронта — кургановъ, подъ которыми лежатъ руины глиняно-тростниковыхъ домовъ прошлаго, лучшія въ мірѣ, наиболѣе сохранныя, наиболѣе цѣльныя руины фермъ, деревень, монастырей, церквей и небольшихъ городовъ, которыми такъ славится сѣверная Сирія. Этихъ руинъ — сотни въ горахъ Сиріи. Всѣ онѣ — поздне-римскаго и византійскаго времени. Послѣ этого времени горныя мѣстности сѣв. Сиріи запустѣли. Вѣроятно и здѣсь уменьшилось количество дождей. Одна изъ наиболѣе интересныхъ руинъ — развалины монастыря св. Симеона (недалеко отъ Алеппо): церкви на холмѣ, и Симеоновское подворье — рядъ гостиницъ, подворьевъ, лавокъ, ресторановъ и т. д. для тѣхъ паломниковъ, что шли поклониться святому столпнику — въ долину. Ни дать, ни взять Троицко-Сергіевская лавра.

Спустишься въ равнину Алеппо — эту жирно-глинистую безлѣсную и маловодную степь — предверье пустыни — и характеръ поселеній вновь мѣняется. Большая русскія пасѣки стараго времени (съ колодами, а не ульями-домиками) напоминаютъ эти деревни. Въ нихъ все — глина. Нѣтъ ни камня, ни дерева, ни тростника. Домъ — большой коническій улей. И внутри, говорятъ, очень чисто и уютно. Подъѣзжаешь къ Евфрату — новая переменная декорация, особенно важная для насъ — изслѣдователей Дуры. Дома — обычнаго четырехугольнаго типа, частью изъ камня, но главнымъ образомъ изъ необожженныхъ кирпичей. Для потолковъ — тонкіе стволы тамариска, расту-

щаго вдоль Евфрата, или пальмовыя балки, привезенныя изъ Месопотаміи. Крыша — глинобитная.

Черезъ всё эти области или прямо черезъ пустыню отъ Дамаска къ Пальмиръ и отъ Пальмиры къ Евфрату и въ древнее время, какъ и нынѣ, добирались путники до Дуры. И передъ тѣмъ какъ понасть въ Дуру, можетъ быть, какъ и мы, ночевали въ Деиръ-эсъ-Зорѣ, въ «гостиницѣ» съ кроватями безъ бѣлья по пять или шесть въ комнатѣ съ разнообразнымъ населеніемъ помимо людей. Но все же попадали, если не погибали по дорогѣ. Попали въ Дуру и мы; и началась наша жизнь раскопщиковъ-археологовъ.

Если кто мнѣ скажетъ, что жизнь археолога полна интереса, привлекательна и заманчива, я ему посоветую пожить этой жизнью мѣсяца два. Ремесло или искусство археолога, конечно, занятно, особенно когда находишь интересныя вещи, но въ общемъ грязное, пыльное, жаркое или холодное (смотря по времени года) и почти всегда голоднос. Что мы нашли въ Дурѣ? На первый взглядъ покажется рай. Крутой берегъ Евфрата съ чуднымъ видомъ на ту сторону, на поля и пустыни Ирака, на самую рѣку — широкую, мутную и быструю, на заросли тамариска, гдѣ еще водятся дикіе кабаны. На этомъ крутомъ берегу на самомъ обрывѣ гордо высится цитадель Дуры — длинный укрѣпленный прямоугольникъ съ парой могучихъ двойныхъ воротъ на двухъ длинныхъ его концахъ. Евфратская стѣна цитадели давно уже обвалилась въ Евфратъ. Въ этой цитадели мы и поставили наши палатки. Изъ арки полузасыпанныхъ воротъ сдѣлали мы себѣ столовую и гостиную; въ одной башнѣ съ провалившейся крышей — складъ для инструментовъ и древностей; въ другой — кухню. Верхъ комфорта не такъ ли и какъ поэтично! Да, недурно. Особенно ночью, когда такъ ярко свѣтять звѣзды въ пустынѣ, когда свѣжестью вѣетъ отъ Евфрата, когда мѣрно гудятъ на той сторонѣ колеса оросительныхъ водочерпалокъ, когда въ воздухѣ носятся летучія мыши и ночные ястребки, когда отъ времени и до времени слышится вой шакала или лисицы. Или рано утромъ, когда розовеетъ заря и встаетъ солнце.

Но начинается день и съ нимъ проза. Людямъ нужно ѣсть и главнымъ образомъ пить: въ сухой и жаркой пустынѣ пить хочется безмѣрно. Вопросъ о водѣ, казалось

бы, простъ: Евфратъ подъ рукой, пей, черна́я воду, купайся, жажду утолишь и чистъ будешь. Не тутъ то было. Съ обрыва не соскочишь къ Евфрату. Шагай километра четыре пока доберешься до воды. Да и тутъ близокъ ледь, да не укусишь. Берсгъ и тутъ крутъ и къ тому же предатель-подлецъ. На него ступишь, а онъ свалится. И поминай, какъ звали. Евфратъ быстръ и полонъ водоворотовъ. Въ немъ не поплывешь. Хочешь выкупаться, бери полотняное ведро, веревку, тащи воду въ потъ лица и обливайся. Да ненарокомъ не попей евфратской воды. Не то, что она коричневая, какъ жидкѣй кофе, но въ ней уйма всякой нечисти — амэбы энтерита, производящѣе злостную дизентерію и т. д. Значитъ воду не только надо привезти, но и профильтровать и вскипятить. Тогда пей, сколько хочешь. И то же насчетъ нищи. Дичью полна пустыня и заросли Евфрата: куропатки двухъ или трехъ видовъ ходятъ какъ курицы, голуби, газели, зайцы, дикіе кабаны. Дичи много, но не достанешь. У арабовъ-бедуиновъ нѣтъ ружьевъ — французы отобрали, а у насъ — нѣтъ времени. У арабовъ немало овецъ и козъ. Мясо можно имѣть. Но какое! Молока нѣтъ. Хлѣбъ — лепешки, вродѣ chewing gum моей новой родины. Питаешься поэтому консервами.

Но это полъ бѣды. Хуже то — для нашего дѣла хуже — что рабочихъ достать трудно. Бедуинъ не привыкъ къ работѣ, слабъ, плохо ѣсть, лѣнивъ. Деньги его мало привлекаютъ. Работаетъ онъ, чтобы заплатить подати. Отработалъ, и поминай какъ звали. Кромѣ того недовѣрчивъ — требуетъ платы исключительно жирными турецкими меджидіэ и притомъ каждый вечеръ. Чуть что капризничаетъ и уходитъ. Сверхъ того — настоящій варваръ. Все разобьетъ, все искромсаетъ въ куски. Да и воръ. Что можно, украдетъ. Не лучше и солдаты сирійскаго легіона, которыхъ намъ дали. Если работаютъ, то только изъ-подъ палки. И слѣдить за ними трудно. Суха и гола пустыня. Чуть тронешь землю — подымается и не садится облако пыли. Стоишь въ этой пыли — ѣшь ее, дышишь ею, во всѣ поры она проклятая проникаетъ. Возвращаешься домой — настоящимъ негромъ, а выкупаться негдѣ. А затѣмъ — песочные вихри. Какъ задуетъ съ утра, такъ и не прекращается три дня. И на мѣстный европейскій персоналъ положиться трудно. Европейцы въ Сиріи — второй и третій сортъ. Вору и пьяници. Нашихъ, европейскаго

шоффера и повара, пришлось выставить изъ лагеря при помощи вооруженныхъ силъ. Великая была разруха.

Работать въ Дурѣ можно и работа интересная. Поработали мы за короткое время первой кампаніи хорошо и кое-что нашли. Еще болѣе плодотворна была вторая кампанія. Но объ этомъ ниже. Сейчасъ объ условіяхъ работы. Работа въ общемъ живая и возбуждающая. Для примѣра. Копаемъ мы въ главныхъ воротахъ города. Подъ тройными воротами входы въ башни. Направо и налево отъ этихъ входовъ на стѣнахъ сотни надписей: солдаты гарнизона, купцы, таможенники, привратники увѣковѣчили свои имена. Около одной изъ дверей надписей особенно много и кромѣ того рядъ алтарей. Всѣ они покрыты густымъ слоемъ штукатурки. На одномъ надпись, но не вырѣзанная, а нацарапанная. Смотрю на этотъ алтарь — вижу вылѣзаетъ краешекъ камня. Что то есть въ немъ подъ толстымъ слоемъ штукатурки. Взялъ ножъ и, благословясь, отколунилъ штукатурку. Представьте — внутри чудесный маленькій каменный алтарь съ армейской надписью. Документъ цѣннѣйшій. Осмѣлѣвъ я. Вижу штукатуркой покрытъ весь низъ алтарей и просранство между алтарями. Сколунилъ ее, и въ ней — миниатюрный алтарь съ гравированными рисунками и надписями, опять таки цѣннѣйшій памятникъ для поздней военной исторіи Дуры.

Таковы условія работы въ Дурѣ. Въ этомъ году они улучшились: выстроены домъ для жилья экспедиціи и для складовъ, отношенія съ рабочими болѣе или менѣе налаживаются и т. д., но въ общемъ условія остались тѣми же: они продиктованы природой и исторіей.

Что же представляетъ изъ себя Дура послѣ раскопокъ Кюмона и нашихъ? Конечно, говорить объ этомъ сейчасъ преждевременно, такъ какъ раскопки продолжаются, но кое-что ясно и теперь и врядъ ли въ основѣ измѣнится въ результатѣ приближающагося изслѣдованія.

Къ сожалѣнію, мы все еще вполнѣ точнаго плана Дуры не имѣемъ. Планъ Кюмона, сдѣланный при помощи воздушной фотографіи, исправленъ и подновленъ моимъ ученикомъ, проводившимъ послѣдній годъ въ Дурѣ К. Гопкинсомъ (См. рисунокъ). Но и этотъ планъ, конечно, неточенъ и въ подробностяхъ можетъ быть исправленъ. Основные линіи его однако правильны, а онѣ насъ главнымъ образомъ здѣсь интересуютъ. Дура, какъ она лежитъ передъ

нами въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ III в. по Р. Хр., это интереснѣйшая комбинація крѣпости и караваннаго города. Было ли такъ всегда, объ этомъ мы сейчасъ судить не можемъ. Слишкомъ мало знаемъ мы объ исторической топографіи города. Возможно, что Дура римская, это Дура поздне-селевкидская и главнымъ образомъ парѣянская. Возможно, что Дура македонская была меньше и скромнѣе, занимала только пространство по обѣ стороны Евфратскаго караваннаго пути подъ защитой одной или двухъ крѣпостей, какъ я это предположилъ выше. Но доказать мы этого не можемъ. Если хватитъ денегъ, можно будетъ выяснитъ и этотъ вопросъ путемъ систематическихъ раскопокъ тѣхъ зданій города, которыя занимали нижнюю террасу города и лѣпились по склону оврага, идущаго отъ плато верхней Дуры къ цитадели, вдоль такъ назыв. редута.

Дура римская и Дура парѣянская, какъ сказано, въ основныхъ линіяхъ ясны. Кусокъ пустыни между двумя оврагами, спускающійся уступомъ къ Евфрату, охваченъ съ запада, юга и сѣвера могучей каменной стѣной съ рядомъ башенъ разныхъ формъ. Прямо какъ стрѣла идетъ стѣна, отгораживающая городъ отъ плато пустыни. По обрыву овраговъ вьется она съ юга и сѣвера вплоть до Евфрата. Охваченное стѣной плато, какъ я уже сказалъ, тянется къ Евфрату. Верхняя часть его составляетъ продолженіе плато пустыни на томъ же уровнѣ. Ближе къ Евфрату это плато спускается широкимъ оврагомъ ко второму нижнему плато. По этому оврагу лѣнятся террасами дома города. Узкое нижнее плато Дуры занимаетъ часть Евфратскаго дорога, частью цитадель, имѣющая форму продолговатаго прямоугольника съ двумя воротами, защищенными башнями, въ длинной сторонѣ, обращенной къ городу. Другой своей длинной стороной цитадель выходила на Евфратъ, омывавшій когда-то крутой обрывъ плато надъ рѣкой. Эта вторая длинная сторона болѣе не существуетъ. Когда-то — мы не знаемъ когда — одинъ изъ разливовъ Евфрата подмылъ крутой обрывъ, на которомъ возвышалась цитадель, и болѣе половины ея свалилось въ рѣку. Когда-то послѣ этого — опять-таки мы не знаемъ, когда — рѣка отошла отъ плато и теперь между плато Дуры и рѣкой — широкая полоса намывной земли, поросшей тамарисками. Военный аспектъ Дуры дополняется небольшою крѣпостью, окруженной крѣпкими камен-

ными стѣнами, которую мы называемъ редутомъ. Крѣпость эта построена была на носу верхняго плато, смотрящемъ на Евфратъ и доминирующемъ какъ надъ Евфратской дорогой, такъ и надъ тѣмъ оврагомъ, которымъ верхнее плато города спускается къ нижнему, занятому, какъ сказано, цитаделью и Евфратской дорогой. Я уже говорилъ, что эта крѣпость принадлежитъ III в. до Р. Хр. Это древнѣйшее сооруженіе Дуры. Въ римское время она была застроена частными домами.

Таковъ военный, крѣпостной аспектъ Дуры. Топографія города внутри стѣнъ опредѣляется отчасти стратегическими соображеніями, но главнымъ образомъ продиктована она путями сообщенія — тѣми двумя караванными дорогами, для охраны которыхъ и построена была Дура-крѣпость. Дорога вдоль Евфрата и вдоль цитадели составляетъ главную артерію нижняго города. Входила ли эта дорога въ городъ или шла мимо него по Евфрату подъ защитой цитадели, мы еще не знаемъ. Мѣстоположеніе редута и открытіе воротъ города рядомъ съ цитаделью, но внутри города говорятъ за первое. Впрочемъ точное traced этой дороги нечлѣвѣстно, такъ какъ топографія этой части Дуры искажена работами новаго времени для улучшенія и сейчасъ еще дѣйствующей Евфратской дороги. Вторая большая дорога опредѣляетъ топографію верхняго города. Это большой караванный трактъ, шедшій изъ пустыни, съ запада, изъ Пальмиры на соединеніе съ Евфратской дорогой. Въ городъ эта дорога входитъ черезъ прямую западную стѣну города, черезъ могучія тройныя ворота, о которыхъ рѣчь еще будетъ ниже. Въ городѣ эта дорога дѣлается главной улицей города, прямо идущей отъ воротъ къ цитадели сначала по верхнему плато, затѣмъ по дну оврага, о которомъ я говорилъ выше. Направо и налево въ нее впадаютъ перпендикулярныя улицы города. Весь верхній городъ имѣетъ видъ шахматной доски — типичный способъ планированія новыхъ городовъ въ эллинистическое и римское время. О способѣ планировки города нижняго мы не имѣемъ представленія.

Какъ около этихъ двухъ главнѣйшихъ артерій города группировались его общественныя зданія, это пока еще не выяснено. Мы знаемъ только мѣстоположеніе двухъ храмовъ. Одинъ, частью раскопанный Кюмономъ, храмъ Артемиды-Нанайи, великой вавилонской богини, унаследованной и царями, занимаетъ кварталъ въ юж-

ной половинѣ верхняго плато. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ римское время, онъ былъ построенъ не раньше I в. до Р. Хр., т. е. въ эпоху парфянскаго владычества. Рядомъ съ нимъ работы нынѣшняго города открыли второй, нѣсколько меньшій храмъ, посвященный той знаменитой «Сирийской богинѣ» (dea Syria), о которой такъ много говорятъ римскіе писатели эпохи имперіи и храмами которой — соперницы Изиды — усыяны Италия и римскія провинціи. Звали ее въ Сирии Атергатисъ. Божественнымъ супругомъ ея былъ Гададъ. Самымъ знаменитымъ ея храмомъ было роскошное ея святилище въ Герополисѣ. Вѣроятно и храмы Бальбека посвящены были Атаргатисъ и Гададу. Третій храмъ — знаменитый храмъ съ фресками — угнѣздился въ с.-з. углу города. Интересно, какъ бережно стѣна города вобрала этотъ храмъ въ себя, окружила и защитила его. Несомнѣнно, что строители стѣны при ея постройкѣ считались съ существованіемъ храма, ни разрушить который, ни оставить внѣ укрѣпленія, они не хотѣли и вѣроятно не могли. Если стѣна, какъ думаетъ Кюмонъ, дѣло рукъ раннихъ Селевкидовъ, то храмъ, о которомъ идетъ рѣчь, существовалъ здѣсь еще раньше, въ персидскую и можетъ быть ассирийскую эпохи. Если стѣна болѣе поздняго происхожденія, то храмъ могъ возникнуть и много позже, въ ранне-эллинистическое время и могъ быть выстроенъ той частью населенія мѣстнаго происхожденія, которая либо жила здѣсь раньше, либо поселилась здѣсь послѣ основанія македонской колоніи. Въ III в. по Р. Хр. храмъ былъ посвященъ пальмирскимъ богамъ. Рядъ указаній, о которыхъ говоритъ здѣсь не мѣсто, заставляетъ меня думать, что старый храмъ посвященъ былъ другому вавилонскому божеству — Белу, и только поздиѣ принялъ въ стѣны свои пальмирскихъ боговъ-воителей, вѣроятно тогда, когда Дура въ III в. по Р. Хр. изъ римской сдѣлалась пальмирской крѣпостью. Если я не правъ, и храмъ искони посвященъ былъ пальмирскимъ богамъ, онъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, такъ какъ показываетъ, что уже до постройки стѣны пальмирскіе боги почитались въ Дурѣ. Въ такомъ случаѣ стѣна не можетъ быть Селевкидской и вѣроятно созданіе парфянъ, и созданіе сравнительно позднее.

О другихъ общественныхъ зданіяхъ города мы ничего не знаемъ. Мало знаемъ мы и о частныхъ домахъ. Кю-

монь раскопалъ одинъ домъ. Послѣ него одинъ изъ французскихъ офицеровъ варварски разграбилъ еще десятокъ-другой домовъ, копая ямы то тамъ, то здѣсь. Въ общемъ форма и развитіе частнаго дома въ Дурѣ еще проблема. Имѣются указанія на то, что домъ жителей Дуры копія не семитическаго, и не греческаго, и даже не парѣянскаго дома, а ближе всего стоитъ къ типу дома въ Македоніи, какъ онъ былъ выясненъ въ послѣднее время раскопками D. Robinson'a въ Олинѣ.

Такова конфигурація города. Она оригинальна и интересна. Подобной комбинаціи города-крѣпости съ городомъ караваннымъ мы еще не имѣли. Особый интересъ поэтому пріобрѣтаетъ выясненіе дальнѣйшихъ особенностей топографіи города. Въ этомъ отношеніи раскопки послѣднихъ двухъ лѣтъ дали кое-что новое. Больше всего выиграла картина римской Дуры. Но кое-что новаго дали раскопки и для болѣе ранняго времени.

Меньше всего для старшаго македонскаго періода. О немъ мы знаемъ теперь столько же, сколько знали послѣ раскопокъ Кюмонъ. И то, что мы знаемъ, основано не на зданіяхъ города, а на данныхъ, которыя содержатся въ нѣсколькихъ документахъ, написанныхъ на пергаментѣ, найденныхъ Кюмономъ въ одной изъ башенъ укрѣпленій города. Негативно ново то, что наши раскопки заставили многихъ изъ насъ усомниться въ томъ, чтобы уже македонская колонія укрѣплена была стѣнами.

Въ связи съ вопросомъ о датѣ стѣнъ пріобрѣтаетъ особый интересъ вопросъ объ исторіи цитадели. Въ цитадели мы копали два года. Стѣв. уголь ея раскопанъ полностью. Только тщательное изслѣдованіе архитектуры воротъ, башни и такъ назыв. донжона покажетъ, дали ли что-нибудь наши раскопки для исторіи цитадели. Еще больше обѣщаетъ открытіе фундаментовъ обширнаго зданія внутри цитадели. По настоящему надо говорить о двухъ зданіяхъ: одномъ болѣе раннемъ, отъ котораго сохранилось только нѣсколько стѣнъ, и другомъ болѣе позднемъ. Это послѣднее болѣе чѣмъ наполовину обвалилось въ Евфратѣ вмѣстѣ съ вост. частью цитадели. То, что сохранилось, достаточно, чтобы утверждать, что передъ нами руины большаго зданія съ центральнымъ колоннымъ дворомъ и глубокой цистерной въ его центрѣ и съ рядомъ большихъ комнатъ вокругъ двора, частью вѣроятно пріемныхъ. Что это? Казармы парѣянскаго и ранъ

ше селевкидскаго гарнизона или дворець губернатора и казармы его военной охраны? Во всякомъ случаѣ передъ нами руина не римскаго, а болѣе ранняго времени.

Для пареянскаго періода Дуры раскопки наши дали мало. То, что мы знаемъ, почти всецѣло основано на памятникахъ, открытыхъ Кюмономъ. Прежде всего на раннихъ (I в. по Р. Хр.) фрескахъ храма Бела, знаменитой картиной жертвоприношенія Конона, одного изъ почетнѣйшихъ гражданъ Дуры, его жены Бианайи и его дѣтей, щедрыхъ жертвователей храма. Жертву приносятъ отъ имени жертвователей эффектные жрецы Бела, въ высокихъ бѣлыхъ коническихъ шапкахъ, такъ напоминающіе маговъ Персіи и современныхъ дервишей. Затѣмъ на двухъ въраскопанныхъ храмахъ Артемиды-Нанайи и Атаргатисъ съ ихъ культовыми дворами, главными адидулами, особенно же съ ихъ небольшими полукруглыми театрами, напоминающими театръ Пальмиры и служившими вѣроятно тѣмъ же религиознымъ и политическимъ цѣлямъ, что и пальмирскій театръ. Интересно, что небольшое квадратное помещеніе въ храмѣ Атаргатисъ въ формѣ театра — настоящій гинекей. Отдѣльныя мѣста на ступенькахъ этого квадратнаго театра принадлежали, какъ показываютъ надписи на ступеняхъ, исключительно женщинамъ, женамъ гражданъ Дуры, которыя собирались здѣсь, какъ мужчины въ полукругломъ театрѣ храма Нанайи и для религиозныхъ церемоній и вѣроятно для принятія нѣкоторыхъ совмѣстныхъ рѣшеній. Исторія Зенобіи показываетъ, что женщины въ этой части Сиріи не были заперты въ гаремахъ, а принимали дѣятельное участіе въ дѣловой и политической жизни города. Имена женщинъ Дуры, увѣковѣченныя на этихъ ступеняхъ, въ высокой мѣрѣ поучительны. Они и имена ихъ мужей даютъ намъ разрѣзъ структуры гражданства Дуры въ два періода ея существованія.

Къ картинѣ жизни Дуры, какъ мы ее можемъ реконструировать по фрескамъ храма Бела и памятникамъ храма Артемиды, наши раскопки добавили, какъ я уже сказалъ, немного. Интересны нѣкоторые нацарапанныя на штукатуркѣ стѣнъ фигуры солдатъ пареянскаго гарнизона — пѣшихъ и конныхъ. Еще болѣе интересенъ текстъ на пергаментѣ: заемное письмо, данное однимъ жителемъ сосѣдней Дурѣ деревни пареяниномъ доугому — арабу и датированное временемъ пареянскаго царя, современника императора Адріана, пять лѣтъ послѣ знаменитаго по-

хода Траяна. Документъ даетъ интереснѣйшую картину жизни поздне-парѣянскаго времени съ его феодальнымъ строемъ, съ его греко-парѣянскою іерархіей, съ его оригинальнымъ социальнымъ и экономическимъ строемъ.

Новый свѣтъ пролили наши раскопки на послѣдній римскій періодъ въ исторіи Дуры. Освѣтился критическій періодъ перехода Дуры подъ власть римлянъ и годы господства римскаго гарнизона въ городѣ. Скромная греческая надпись изъ храма Бела сообщила намъ, что въ 160 г. по Р. Хр. Дюра сильно пострадала отъ землетрясенія. Слѣды этого землетрясенія мы видимъ вездѣ и повсюду въ Дурѣ. Многія башни, поваленныя землетрясеніемъ, такъ и не возстановлены были римлянами. Въ другихъ римляне наспѣхъ соорудили подпорки изъ кирпича. О работахъ надъ возстановленіемъ стѣны говорить одна надпись поздняго времени. Кто знаетъ, можетъ быть и половина цитадели свалилась въ Евфратъ еще въ 160 г. по Р. Хр. Интересно однако, что въ 160 г. землетрясеніе свалило башни и стѣны города, а въ 164 г. городъ очутился въ рукахъ римлянъ. Еще интереснѣе для римской политики конца II-го и III-го в., что римляне не справились съ стихійною катастрофой 160 г. То, что они сдѣлали, носить характеръ снѣшной и небрежной работы. Въмѣсто камня — необожженный кирпичъ. Какъ далеко это отъ монументальныхъ солидныхъ сооружений, созданныхъ Селевкидами и поддержанныхъ парѣянами, а можетъ быть и созданныхъ цѣликомъ парѣянами!

Какъ бы то ни было въ 164 г. парѣянскій гарнизонъ въ Дурѣ смѣнился римскимъ. О жизни этого гарнизона многое рассказали намъ наши раскопки. Первое, что сдѣлалъ римскіе солдаты въ Дурѣ, было устроиться въ ней прочно и комфортабельно. По близости отъ цитадели устроили они свой *campus*, какъ говорить латинская надпись въ этомъ *campus* найденная, т. е. свою площадь для своихъ военныхъ цѣлей. Для украшенія этого «экзерцирплага» первые отряды, занявшіе Дюру послѣ похода Л. Вера, немедленно выстроили небольшое святилище, вѣроятно, *caesellum castrorum*, святилище знаменъ и императора. Руины его у самаго подножія южной башни цитадели мы раскопали и въ нихъ нашли *in situ* надпись, говорящую о томъ, кто построилъ храмъ и кто поставилъ въ немъ на еще сохранившейся базѣ статую, вѣроятно, императора. Были это вторая когорта римскихъ грѣжданъ конныхъ луч-

никовъ и римскій офицеръ, командиръ перваго римскаго гарнизона Дуры. Вообще, какъ кажется, римскіе солдаты отвели себѣ для жительства сѣв. часть города, между цитаделью и храмомъ Бела. Здѣсь былъ ихъ сагрус, здѣсь же выстроили они и то, безъ чего римскій лагерь не могъ существовать ни минуты—роскошныя, по мѣстнымъ условіямъ, бани со всѣми усовершенствованіями римской строительной техники: съ холодной и горячей водой, съ центральнымъ отопленіемъ, съ полами на суспензурахъ и со стѣнами, облицованными глиняными трубами, въ которыхъ циркулировалъ горячій воздухъ. Комната для раздѣванія была въ тоже время, вѣроятно, военнымъ клубомъ Дуры. Она украшена была фресками, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, сохранились только жалкіе остатки. Поражаешься этой спокойной увѣренности римской арміи. Башни и стѣны исправлены были какъ попало. Но баня выстроена была на славу. И откуда только брали они воду для нея? Ведрами таскали изъ Евфрата? Или выстроили водопроводъ? Еще загадочнѣе вопросъ о топливѣ. Вообще въ Дурѣ поражаетъ количество дерева, какъ строительнаго матеріала. Но и для топлива пользовались въ Дурѣ деревомъ. Объ этомъ говорятъ горы древесной золы по соседству съ банями. Откуда брали они его? Изъ лѣсовъ верхняго Евфрата? Или мѣстность около Дуры стала безлѣсной только позднѣе?

Главной задачей римскаго гарнизона была охрана караванныхъ и стратегическихъ дорогъ, шедшихъ черезъ Дуру. Центръ охраны Евфратской дороги былъ вѣроятно въ и около цитадели. Центромъ защиты дороги изъ Пальмиры несомнѣнно были главныя ворота города, монументальное сооруженіе, тщательно нами разслѣдованное. Ворота импозантны и могучи. Двѣ башни, трое массивныхъ деревянныхъ дверей, два внутреннихъ двора. Изъ главнаго центрального внутренняго двора низкія двери вели въ башни. Самъ дворъ былъ дворомъ-святилищемъ. Въ немъ почитали богиню покровительницу Дуры — Тихе или Фортуну (счастье) ея. Три алтаря — одинъ съ надписью на латинскомъ, другой съ надписью на пальмирскомъ діалектѣ арамейскаго языка и третій съ надписью на греческомъ языкѣ — такое типичное сочтаніе для Дуры — опредѣленно говорятъ объ этомъ. Всѣ они посвященія Тихе Дуры. Еще опредѣленнѣе говорятъ о томъ же сотни посвячительно-напоминательныхъ надписей, кото-

рыми усѣяны стѣны двора. Часть ихъ вырѣзана въ камнѣ, часть написана краской по штукатуркѣ, часть нацарапана острымъ инструментомъ на камнѣ или на штукатуркѣ; языкъ этихъ надписей греческій, латинскій и арабскій. Всѣ эти надписи держатся одной формулы: «помни!», говорятъ онѣ, и прибавляютъ имя автора надписи, иногда титулъ его и дату. Очевидно это обращеніе къ богинѣ. Иногда къ обычной формулѣ прибавляется или се замѣняетъ другая: «благодарю тебя Тихе Дуры». Очевидно, этотъ вариантъ формулы имѣетъ не просительный-напоминательный, а благодарственный характеръ.

Эти надписи могутъ быть раздѣлены хронологически на двѣ группы. Одна, болѣе ранняя, другая болѣе поздняя. Надписи первой группы вырѣзаны въ камнѣ, часть надписей второй сначала вырѣзана была въ камнѣ, а затѣмъ повторена на покрывшей камень штукатуркѣ или была только написана краской по штукатуркѣ. Очевидно въ самомъ началѣ III в. (о датѣ говорятъ тѣ надписи, что были сначала вырѣзаны, а затѣмъ повторены краской по штукатуркѣ) дворъ воротъ былъ отштукатуренъ и вѣроятно расписанъ. Остатки росписи его еще сохранились въ одномъ изъ пролетовъ воротъ и въ верхней части стѣны. На штукатуркѣ послѣдніе посвятителѣ врѣзанныхъ въ камень надписей повторили свои посвященія краской. Въ высокой степени печально, что роспись этого двора вся погибла почти безъ слѣда.

Самое святилище, его святое святыхъ, вѣроятно, пріютилось въ одной изъ башенъ воротъ. Ему принадлежалъ одинъ интереснѣйшій открытый нами памятникъ: небольшая деревянная дверь съ написанной на ней красками чисто парѣйской по стилю фигурой Побѣды (рисунокъ). Побѣда летитъ вправо, въ рукахъ ея пальма и вѣнокъ, стоитъ она на шарѣ. Ясно, что наша расписная дверь составляла часть небольшой деревянной капеллы, наиска, эдикулы, храма съ двумя дверями. Внутри деревянной эдикулы стояла статуэтка или была написана фигура главнаго божества. Ни дать, ни взять египетскіе наиски или средневѣковыя капеллы-триптихи. Если нашъ наискъ стоялъ въ святомъ святыхъ святилища воротъ, то центральная фигура въ немъ несомнѣнно была Тихе Дуры, которую — властительницу міра — вѣнчали двѣ Побѣды. Подходящій символъ для военнаго святилища!

Къ сожалѣнію, посвятителѣ надписей рѣдко говорятъ намъ, кто они были. Позднѣйшіе посвятителѣ всѣ утеря-

офицеры, обязанностью которыхъ въ римской арміи III в. было слѣдить за порядкомъ на большихъ дорогахъ римской имперіи, ловить разбойниковъ, дѣлать со своими солдатами налеты на безпокойныхъ сосѣдей. Настоящая военная полевая жандармерія! Рядомъ съ ними увѣковѣчили свои имена и простые солдаты, ихъ подчиненные. Но ни одинъ изъ нихъ этого не сказалъ *expressis verbis*.

Очень досадно, что не датирована другая интересная серия стѣнныхъ надписей, та, въ которой увѣковѣчили свои имена двѣ семитическія семьи: одна семья мытарей, взимателей таможенныхъ пошлинъ, телоновъ, другая — привратниковъ, вѣроятно также взимавшихъ деньги за право пользованія воротами — «подворотныя».

Кромѣ этихъ намъ извѣстныхъ лицъ въ надписяхъ, перваго болѣе ранняго періода (до начала III в. по Р. Хр.) увѣковѣчили свои имена сотни лицъ — греки и семиты, на греческомъ и на арабскомъ языкахъ (последнія сафаитскимъ алфавитомъ). Кто они? Солдаты парѣянскаго гарнизона, караванщики, жители города? Кто знаетъ. Многія изъ этихъ надписей до-римскаго времени. Датированныхъ надписей болѣе древнихъ чѣмъ I в. до Р. Хр. не имѣется. Не есть ли это указаніе на позднее происхожденіе если не стѣны, то главныхъ воротъ города? За ихъ парѣянское происхожденіе говорить кромѣ этихъ датъ необычайная близость ихъ плана и конструкціи плану и конструкціи воротъ парѣянской крѣпости въ Ассурѣ, разслѣдованной въ послѣднее время Андрэ.

Дополняетъ картину воротъ одно оригинальное сооруженіе, открытое внѣ воротъ, около сѣверной внѣшней ихъ башни. Это — большая рама, въ формѣ стелы, заполненная штукатуркой, и около нея ниша, очевидно культового характера. Что это? Большая икона передъ воротами, монументальная написанная краской по штукатуркѣ фигура богини покровительницы города? Или нѣчто болѣе прозаическое, можетъ быть, таможенный тарифъ города, сразу же напоминавшій путникамъ, что прежде чѣмъ насладиться прелестями Дуры, они должны имѣть интимную бесѣду съ однимъ изъ членовъ семьи подворотныхъ мытарей, откулищиковъ города? Если правильно послѣднее, то тѣмъ досаднѣе, что городъ не раскошелился на выгравированіе тарифа на камнѣ, а увѣковѣчилъ его болѣе дешевымъ способомъ, краской по штукатуркѣ.

Какъ бы то ни было, раскопки Дуры уже послѣ пер-

выхъ двухъ кампаній можно считать многообѣщающими. Если удастся раскопками выяснитъ тѣ проблемы исторіи города, которыя я намѣтилъ выше, разграничить въ исторіи и топографіи города македонскій, парѳяиискій, римскій и пальмирскій періоды — а на это надо только деньги и время — то и въ этомъ случаѣ расширение нашего знанія будетъ значительнымъ. Если же къ тому же судьба будетъ намъ милостива, счастье Дуры будетъ намъ покровительствовать, и мы найдемъ не только стѣны, но и вещи, главнымъ же образомъ тексты — на камнѣ, на пергаментѣ и папирусѣ — то предѣлы обогащенія нашего знанія никто предвидѣть не можетъ. То, что сдѣлано до сихъ поръ, показываетъ, что Дура богата разнообразными памятниками. Въ ней уже найдены были сотни надписей и десятки документовъ на «бумагѣ» (пергаментѣ и папирусѣ), не говорю уже о томъ, что штукатурка стѣнъ зданій Дуры одинъ сплошной архивъ — жители Дуры писали на стѣнахъ все, что имъ приходило въ голову, и важное, и неважное. Нѣтъ никакого основанія думать, что въ будущемъ находки будутъ менѣе обильны. Но въ раскопкахъ все — дѣло счастья. Раскопать весь городъ цѣликомъ конечно невозможно. Для этого нужны годы времени и сотни тысячъ денегъ. Если же не раскопать всего, то никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что какъ разъ нераскопанныя части не хранятъ наиболѣе интересныя находки. Въ раскопкахъ поэтому всегда Счастье, Случай факторъ огромнаго значенія. Но наряду съ нимъ и главнымъ образомъ нужны система и умѣнье. Правильно поставить вопросъ и умѣло подойти къ его разрѣшенію въ условіяхъ мѣста и времени, это — главное искусство археологіи. За эффектную находку отвѣтственна Судьба, за правильное веденіе раскопокъ — мы — руководители ихъ. Будемъ надѣяться, что мы окажемся на высотѣ положенія и черезъ короткое время набросанный выше очеркъ окажется безнадежно устарѣлымъ.

VI. Послѣсловіе.

Набросанныя выше картины, конечно, неисчерпывающи, ни поскольку они говорятъ о караванной торговлѣ вообще, ни поскольку они пытаются дать картину жизни нѣсколькихъ отдѣльныхъ караванныхъ городовъ. Съ во-

просомъ о караванной торговлѣ связано безконечное количество проблемъ — экономическихъ, географическихъ, климатологическихъ, историческихъ. Ни одна изъ этихъ проблемъ никогда основательно трактована не была. Никто никогда не задавался цѣлью подойти къ нимъ съ точки зрѣнія исторіи караванной торговли. Поэтому тѣ строки, которыя я посвятилъ исторіи караванной торговли Ближняго Востока въ древности, надо считать только наброскомъ, канвой большой книги, которую напишетъ когда-нибудь кто-нибудь другой. Не менѣе несовершенны очерки, посвященные караваннымъ городамъ. Выборъ ихъ случаенъ — онъ продиктованъ не историческимъ значеніемъ отдѣльныхъ городовъ, а количествомъ данныхъ о нихъ, еще точнѣе будетъ сказать, состояніемъ ихъ руинъ. Къ караваннымъ городамъ, разобраннымъ выше, я подошелъ прежде всего какъ археологъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ Сиріи Дамаскъ, какъ караванный городъ, имѣетъ болѣе длинную и болѣе поучительную исторію, чѣмъ Пальмира. Въ Заіорданьи Амманъ крупнѣе и важнѣе Джераша. Въ сѣверной Сиріи поучительнѣе чѣмъ исторія Дуры была бы многовѣковая исторія Алеппо. Но исторія этихъ городовъ плохо и мало извѣстна, ее пришлось бы собирать по отрывкамъ и полной картины не получилось бы. Руины нѣкоторыхъ изъ нихъ импозантны. И въ Дамаскѣ такъ ясны караванная дорога, харамъ, караванъ-сераи. Но даже въ Дамаскѣ старое такъ затянута новымъ, что топографія его становится понятной только въ свѣтъ Петры и Пальмиры. Еще сложнѣе топографія Алеппо, которую никто никогда не изслѣдовалъ. Этими соображеніями продиктованъ былъ мой выборъ. Правъ ли я или нѣтъ, судить не мнѣ. Наконецъ, самая трактовка отдѣльныхъ городовъ. Сирія, Палестина, Аравія вступаютъ теперь въ періодъ ихъ систематическаго историческаго и археологическаго разслѣдованія. Надо думать, что первыми будутъ разслѣдованы систематически тѣ караванные города, которыя служатъ предметомъ моихъ очерковъ. Казалось бы, зачѣмъ спѣшить? Почему не подождать, пока о нихъ можно будетъ сказать больше и дать менѣе гипотетическій ихъ обликъ? Все это такъ. Но въ наукѣ часто то, что кажется преждевременнымъ является болѣе важнымъ, чѣмъ конечное заключительное слово. Для изслѣдованія важна точка зрѣнія, важно знать, чего ищешь и чего надо искать. И тогда исканіе становится болѣе про-

стымъ, и болѣ легкимъ. Я отнюдь не думаю, что историческія проблемы, намѣченныя выше, указаны мною исчерпывающе. Но думаю, что линія изслѣдованія мною намѣченная, правильна. Многіе города Сиріи только тогда будутъ поняты въ ихъ историческомъ значеніи, когда усвоено будетъ то основное положеніе, что они города особаго типа и соотвѣтственно этому имѣютъ особое развитіе, развитіе караваннаго города.

М. И. Ростовцевъ.

Первородный грѣхъ и социальное творчество

I.

Нѣтъ такой истины и правды, которой бы человѣкъ не могъ воспользоваться для поддержанія лжи и неправды. Нелѣпа и бессмысленна идея существованія классовой истины, но безспорно существованіе классоваго искаженія истины, классовой лжи. Ученіе о первородномъ грѣхѣ есть неотрывная часть христіанскаго откровенія и великая истина о человѣческой природѣ. Но этимъ ученіемъ страшно злоупотребляли въ исторіи христіанства, и злоупотребленіе это само было выраженіемъ грѣха. Ссылкой на грѣховность человѣческой природы возражали противъ социальныхъ реформъ, осущестляющихъ въ жизни христіанскую правду, противъ социальнаго творчества, защищали рабство и насиліе. Въ консервативныхъ христіанскихъ кругахъ стало банальнымъ осужденіе всякаго стремленія къ болѣе справедливому и свободному общественному строю, какъ основанному на ложномъ ученіи Ж. Ж. Руссо объ естественной благодности человѣка. И эти ссылки на руссоизмъ дѣлались въ умственную эпоху, въ которую никто уже руссоизма не защищалъ. Не Маркса же обвинять въ руссоизмѣ? Для Маркса человѣческая природа была скорѣе сатанической, чѣмъ благодной. Можно подумать, что мы все еще находимся въ эпоху столкновенія міросозерцанія Жозефа де Местра съ міросозерцаніемъ Ж. Ж. Руссо. Но съ точки зрѣнія этого столкновенія социализмъ и коммунизмъ К. Маркса ближе къ Жозефу де Местру, чѣмъ къ Ж. Ж. Руссо. Ученіе о первородномъ грѣхѣ и переживаніе ужаса гибели породили духовный терроръ и оправдывали обскурантизмъ. Я помню, какъ на одномъ собраніи въ Москвѣ, въ которомъ обсуждался вопросъ о расширеніи программы преподаванія наукъ философскихъ и сравнительной исторіи религіи въ духовныхъ ака-

деміяхъ, епископъ ярко выраженнаго аскетически-монашескаго тина, тогда ректоръ духовной академіи, сказалъ: что наука, зачѣмъ наука, когда вопросъ идетъ о спасеніи и гибели для вѣчной жизни. Никакое культурное и социальное творчество невозможно при міросозерцаніи и мироощущеніи цѣликомъ опредѣляющемся ужасомъ гибели и жаждой личнаго спасенія. На этой почвѣ рождается желаніе увеличить не свои только страданія, но и страданія другихъ людей для ихъ спасенія. И если накормить голоднаго, посѣтить больного и заключеннаго въ тюрьмѣ продолжаютъ считать абсолютнымъ евангельскимъ предписаніемъ, то исключительно для личнаго спасенія, для борьбы съ собственнымъ грѣхомъ. Если социальный строй создаетъ для людей стѣсненія и страданія, то это признается полезнымъ для дѣла ихъ спасенія. Болѣе же свободный, справедливый, и обезнечивающій жизнь социальный строй признается опаснымъ для дѣла спасенія, затрудняющимъ борьбу съ грѣхами. Испугъ и ужасъ передъ грѣхомъ стоитъ на путяхъ творческаго реформирования и преобразования социальной жизни, какъ величайшее психологическое препятствіе. При такомъ сознаніи социальный вопросъ исчерпывается вопросомъ о благотворительности, благотворительности же есть «добрыя дѣла», помогающія личному спасенію. Не только стремленіе къ благу въ жизни общественной, но и стремленіе къ правдѣ, къ самой христіанской правдѣ пресѣкается мыслью о грѣхѣ, о гибели и спасеніи, какъ единомъ на потребу. Въ земной жизни ничего творить не стоитъ и не должно, хотя бы самого благого и цѣннаго, ибо единственное важное, — спастись отъ грѣха и гибели. Всякое творчество, всякое благо и цѣнность все равно будутъ искажены грѣхомъ. Социально возможно и допустимо лишь охраненіе вѣками сложившагося строя жизни, который долженъ быть принятъ въ порядкѣ духовнаго смиренія и послушанія, какъ ниспосланный свыше. Какъ будто бы вѣками сложившійся строй не былъ когда-то созданъ усиліями людей, пожелавшихъ измѣненія, и не смѣнилъ собой предшествующій ему строй, противъ котораго велась борьба! Изъ ученія о первородномъ грѣхѣ и изъ связанной съ нимъ аскетической метафизики выводятъ исключительно сотеріологическій планъ христіанской жизни. Единственная цѣль жизни,—спасеніе отъ грѣха и вѣчной гибели. Хорошо все, что этому способствуетъ. Плохо все, что этому

мѣшаетъ. Самый рабскій и несправедливый социальный строй можетъ способствовать дѣлу спасенія ужь потому, что порождаетъ страданія и противоположенъ прельщенія и соблазнамъ земнаго блаженства. Болѣе же свободный и справедливый социальный строй можетъ мѣшать дѣлу спасенія, прельщая и соблазняя земными благами. Въ этомъ есть, хотя и искаженная, но несомнѣнная доля христіанской правды, ибо человѣкъ легко забываетъ о Богѣ и вѣчной жизни, прельщаясь и плѣняясь благами временной земной жизни. Но плохо то, что аргументируютъ идеей первороднаго грѣха и ужасомъ гибели противъ социальнаго улучшенія и социальнаго творчества въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые принадлежатъ не къ социально обездоленнымъ и страдающимъ, а къ социально привилегированнымъ группамъ, пользующимся всѣми социальными благами. Парадоксально выходитъ даже, что они принуждены болѣе думать о спасеніи для вѣчности другихъ, обездоленныхъ и несчастныхъ, чѣмъ о своемъ собственномъ спасеніи, ибо сами принуждены жить въ социальныхъ условіяхъ, поработавшихъ ихъ всѣмъ земнымъ благамъ. Они вспоминаютъ о спасеніи для вѣчной жизни преимущественно въ тѣ минуты, когда нужно отстаивать социальный строй, который для обездоленныхъ и несчастныхъ не оставляетъ никакихъ надеждъ кромѣ надежды на жизнь небесную. Поэтому аргументація эта въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лжива и лицемерна. Какъ говорилъ пламенный католикъ-апокалиптикъ Леонъ Блуа, Господь Богъ сталъ особенно декоративенъ въ лавкахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Эта аргументація страданіями и стѣсненіями, какъ полезными для борьбы съ грѣхомъ и для достиженія спасенія, была особенно фальшива и лжива въ условіяхъ капиталистическаго строя, гдѣ фабричныя рабочіе сплосъ и рядомъ находились въ положеніи, въ которомъ страданія являлись страданіями къ смерти, а не къ жизни, страданіями, ведущими къ духовной гибели, а не къ спасенію Тотъ противосестественный фактъ, что христіане и іерархи церкви защищали богатыхъ и сильныхъ противъ бѣдныхъ и слабыхъ, отравилъ сердца рабочихъ ядомъ атеизма и внушилъ убѣжденіе въ реакціонномъ и буржуазномъ характерѣ христіанства.

Исключительно сотеріологическое міросозерцаніе понимаетъ спасеніе всегда, какъ спасеніе личное, никогда не

спасеніе соціальное. Тутъ мы встрѣчаемся съ явнымъ противорѣчіемъ quasi-христіанской аргументаціи, основанной на идеѣ первороднаго грѣха. Заслуживаетъ глубокаго уваженія аскетико-мистическая точка зрѣнія, которая требуетъ ухода изъ грѣшнаго міра и исключительной отдачи всѣхъ своихъ силъ внутреннему духовному дѣланію, богообщенію и богосозерцанію. Это есть переживаніе личнаго, а не всемірно-историческаго апокалипсиса. Это очень серьезная, глубокая, подлинно-духовная точка зрѣнія, единственно послѣдовательная, если понимать христіанство, какъ религію личнаго спасенія для вѣчной жизни. Въ этой точкѣ зрѣнія есть вѣчная христіанская правда, хотя и неполная, и въ ней нѣтъ ничего соціальнаго. Никто не можетъ извлечь изъ нея никакихъ соціальныхъ выгодъ, она свободна отъ всякаго утилитаризма. Но аргументація, возстающая противъ всякаго соціальнаго творчества и всякаго усилія осуществить соціальную правду на основаніи ученія о первородномъ грѣхѣ, носитъ вполне соціальныя характеръ, она совсѣмъ не обращена на духовную жизнь личности, она борется за извѣстный соціальныя строй, за земныя блага. Въ этомъ ея внутренняя порочность. Это оказывается міросозерцаніемъ, въ дурномъ смыслѣ очень соціальнымъ и связывающимъ христіанство непосредственно съ извѣстными политическими и соціальными формами, хотя христіанство и считается исключительно религіей личнаго спасенія. Съ точки зрѣнія внутренней духовной жизни и личнаго спасенія для вѣчности совершенно не важно, будетъ ли въ Россіи священная монархія и священная частная собственность или коммунизмъ, тоже вѣдь по своему «священный». Мы видимъ даже, что духовная жизнь подлинныхъ христіанъ въ коммунистическомъ строѣ качественно возрасла и усилилась, а вѣдь въ христіанствѣ важнѣе всего качество. Что же касается стѣсненій и страданій, полезныхъ для борьбы съ грѣхомъ и спасенія души, то коммунистическій строй порождаетъ ихъ въ максимальномъ количествѣ. Поэтому совершенно непонятно, какія возраженія съ этой точки зрѣнія могутъ быть сдѣланы противъ коммунистическаго строя, если не считатьъ съ тѣмъ совершенно «личнымъ» соображеніемъ, которое вызывается перемѣной ролей «обездоленныхъ» и «привилегированныхъ». Не все ли равно, что теперь помѣщики и фабриканты будутъ поставлены въ болѣе благоприятныя условія для дѣла ихъ спасенія, переживая вся-

кія стѣсненія и страданія, а рабочіе и крестьяне въ положеніе менѣе благоприятное, переживая великіе соблазны и прельщенія земными благами и земной властью. Съ духовной и вѣчной точки зрѣнія одно другого стоитъ. Очевидно нужно стать на какую-то объективную точку зрѣнія, чтобы совершать социальныя оцѣнки. И старый, дореволюціонный социальный строй, и новый коммунистическій строй одинаково плохи съ точки зрѣнія социальной правды, хотя и тотъ и другой одинаково могутъ породить страданія, благоприятныя для личнаго спасенія. Невозможно и недопустимо социальное устройство, въ основаніе котораго будетъ положено увеличеніе количества страданій. Съ точки зрѣнія личнаго спасенія христіанское сознаніе никогда не могло построить никакого социального идеала и совершить социальныя оцѣнки, имѣющія объективную значимость. Идея спасенія пріобрѣтаетъ свою специфичность и остроту въ перспективѣ личной судьбы. Въ перспективѣ судьбы социальной и космической она превращается въ идею преображенія. Предѣльная, конечная идея христіанства есть идея социального и космическаго преображенія, т. е. идея Царства Божьяго.

Попиманіе христіанства, какъ религіи личнаго спасенія, никогда не было полнотой христіанской истины, а лишь однимъ изъ теченій въ христіанствѣ. Аскетическомонашеское пониманіе христіанства, антисоциальное и вмѣстѣ съ тѣмъ социально использованное тѣми, кому это оказалось выгодно, противорѣчитъ евангельскому благовѣстію о наступленіи Царства Божьяго, противорѣчитъ мессіанской идеѣ христіанства, противорѣчитъ пророчествамъ, духу апостольскому, духу первохристіанства, традиціямъ греческой патристики. Откровеніе Царства Божьяго имѣетъ социальную и космическую сторону и требуетъ преображенія всего міра, всей твари, оно не соединимо съ религіознымъ индивидуализмомъ и съ заботой исключительно о собственной душѣ. Религіозный индивидуализмъ, антисоциальный, антикультурный и антикосмическій, запрещающій думать о чемъ-либо кромѣ личнаго спасенія, трансцендентный эгоизмъ есть извращенное порожденіе аскетической литературы, по преимуществу сирійской, извѣстнаго ограниченнаго періода въ исторіи христіанства. Эта тенденція въ Византіи и Россіи опиралась главнымъ образомъ на «Добротолубіе», въ которомъ собраны отрывки аскетической святоотеческой литерату-

ры, къ тому же съ исключеніемъ мистической стороны. Проводникомъ этой традиціи въ Россіи XIX вѣка былъ епископъ Теофанъ Затворникъ, очень плодовитый церковный писатель. Многимъ эта традиція представлялась единственнымъ подлиннымъ, единственнымъ ортодоксальнымъ православіемъ. Но это было страшное оскотленіе христіанства, угашеніе и умерщвленіе духа пророческаго и мессіанскаго. Вся русская творческая религіозная мысль XIX вѣка была протестомъ противъ такого пониманія христіанства, вся она была метафизически социальна и космична, проникнута исканіемъ Царства Божія и увованіемъ на преображеніе міра и космическое воскресеніе. И поразительно, что пониманіе христіанства въ духѣ религіознаго индивидуализма и трансцендентнаго эгоизма, исключаящее всякія социальныя и космическія перспективы, совсѣмъ не благопріятно для духовной свободы и творчества личности. Наоборотъ, личность при этомъ оказывается подавленной, ея духовная свобода стѣсненной, ея своеобразіе признано грѣховнымъ. Парадоксъ тутъ въ томъ, что этотъ типъ религіознаго міросозерзанія совсѣмъ не есть персонализмъ, наоборотъ, это есть насквозь въ дурномъ смыслѣ социальное міровоззрѣніе, авторитарно-социальное, не допускающее социальнаго творчества личности, но подчиняющее все существованіе личности религіозно-социальнымъ нормамъ и законамъ, голосу социальной обыденности.

Аскетическая метафизика личнаго спасенія отрицаетъ не только реальность общества и космоса, но въ концѣ концовъ уничтожаетъ и человѣка, не признаетъ цѣнность человѣческаго и означаетъ моноэпитскій уклонъ. Это есть ересь, сумѣвшая принять формы крайней ортодоксіи. Впрочемъ, нужно сказать, что крайняя и изстудленная ортодоксія всегда есть ересь, ибо ересь и есть нарушеніе гармонической полноты. Всякое оскотленіе христіанства есть ересь (въ единственномъ достойномъ и серьезномъ смыслѣ слова). Антисоциальное, антикосмическое и античеловѣческое пониманіе христіанства сталкивается непримиримо съ самой сущностью христіанскаго откровенія, — съ боговоплощеніемъ, черезъ которое трансцендентное божественное дѣлается имманентнымъ твари, какъ сталкивается и съ благой вѣстью о Царствѣ Божьемъ и съ призывомъ къ совершенству, подобному совершенству Отца Небеснаго. Искаженная и извращенная интерпрета-

ція христіанства отражала тотъ фактичекій дуализмъ перспективъ личнаго спасенія для вѣчности и соціально-го и космическаго улучшенія и преобразованія во времени, которымъ жилъ христіанскій міръ въ теченіе ряда вѣковъ. Соціальное и культурное улучшеніе и преобразованіе жизни въ христіанскомъ мірѣ происходило, творчествомъ челоуѣка себя обнаруживало, несмотря ни на какіе аскетическіе запреты, но все это было контрабандой съ точки зрѣнія религіи личнаго спасенія, не нужно и даже вредно для нея, религіозно не оправдано. Дуализмъ спасенія и творчества, спасенія и преображенія, личнаго духовнаго устройства и устройства соціально-космическаго, заложенъ очень глубоко въ историческомъ христіанствѣ, но въ XIX и XX вѣкѣ онъ принялъ формы непереносимыя для религіозной совѣсти. И особенно остро переживается этотъ дуализмъ въ православіи. Быть можетъ именно потому, что вопросъ о соціальномъ творествѣ былъ наименѣе поставленъ и наименѣе рѣшенъ въ православіи, русская христіанская мысль XIX вѣка наиболѣе остро его ставила и наиболѣе мучительно его переживала. Единственное соціальное ученіе, выставленное православіемъ въ прошломъ, было ученіе о самодержавной монархіи, на которую возлагалось всякое соціальное дѣйствіе. Идея священно-самодержавной монархіи была коррелятивна аскетической метафизикѣ личнаго спасенія. Западное христіанство всегда было соціальнѣе восточнаго. Католическая Церковь очень соціальна и соціальнымъ ея характеромъ опредѣлялись даже ея догматическія особенности. И средневѣковая католическая Церковь была соціальна въ болѣе узкомъ смыслѣ слова и имѣла свою систему рѣшенія соціальнаго вопроса. Въ XIX и XX вѣкахъ католичество создало свои формы соціальнаго движенія и свой католическій соціализмъ. Въ другихъ формахъ соціально-активенъ былъ и протестантизмъ, особенно кальвинизмъ, наиболѣе соціальная форма протестантизма. Протестантское ученіе о призваніи (Beruf) было соціальное ученіе, обосновывающее соціальное дѣйствіе и творчество. Ни католическую, ни протестантскую форму постановки и рѣшенія соціальнаго вопроса нельзя признать радикальной и удовлетворительной. Но все-таки и католичество и протестантизмъ имѣли свои рѣшенія вопроса о соціальной активности и соціальномъ творествѣ челоуѣка. Въ православіи такихъ рѣшеній не было. Вопросъ о бѣдныхъ вообще, конечно, су-

ществовалъ для православнаго сознанія, но онъ рѣшался исключительно благотворительностью. Отсталость церковнаго сознанія въ отношеніи къ социальнымъ процессамъ, происходящимъ въ человѣческомъ обществѣ, выражается въ томъ, что и до сихъ поръ люди церковнаго сознанія думаютъ, что социальный вопросъ есть вопросъ о помощи бѣднымъ и благотвореніи, т. е. о «добрыхъ дѣлахъ», благоприятныхъ для спасенія души. Это связано съ отсутствіемъ того сознанія, что существуетъ не только личный возрастъ христіанина, но и социальный, историческій возрастъ христіанства, не только личное спасеніе, но и спасеніе социальное, спасеніе общества, которое тоже есть онтологическая реальность. Существуетъ всеобщая виновность и отвѣтственность всѣхъ за всѣхъ. Абсолютный приматъ, который принадлежитъ внутреннему духовному устроению личности, этимъ сознаніемъ нисколько не затрагивается. Возрожденіе общества невозможно безъ духовнаго возрожденія личности. Но возрожденіе общества есть самостоятельная творческая задача, стоящая передъ духовно возрожденной личностью. И она совѣсть не можетъ быть рѣшена въ порядкѣ личнаго благотворенія. Говорятъ: плохи люди, а не учрежденія, нужно, чтобы люди стали лучше, грѣховность людей извращаетъ и искажаетъ всякое учрежденіе. Это, вѣрно, но это истина неполная, которая легко можетъ быть превращена въ ложь. Личность и общество коррелятивны и находятся въ постоянномъ взаимодействіи и взаимовліяніи. Измѣненія неизбежно происходятъ не только въ личности, но и въ обществѣ, и измѣненія эти неизбежно затрагиваютъ жизнь личности, которая не можетъ быть изолирована отъ жизни общества. Это совершенно элементарная истина, о которой почти неловко напоминать. Но она не проникла достаточно въ христіанское сознаніе. Съ точки зрѣнія христіанской этики должнымъ нужно признать такое соотношеніе между личностью и обществомъ, при которомъ личная нравственная совѣсть, имѣющая божественный источникъ, опредѣляетъ собой социальную жизнь, а не социальная жизнь опредѣляетъ собой нравственную совѣсть. Но нравственная совѣсть не можетъ не болѣть объ устроении социальной жизни согласно правдѣ и не можетъ чье требовать активности отъ личности. Въ католичество дUALИЗМЪ, раздвоявающій христіанское сознаніе, былъ смягченъ еще въ средневѣковьи св. Томой Аквинатомъ, ко-

торый возродилъ «натуральное» и далъ ему мѣсто въ христіанской жизни, — натуральную разумную философію, натуральную мораль, натуральное право. Онъ ослабилъ послѣдствія ученія о первородномъ грѣхѣ и сдѣлалъ возможнымъ оправданіе культуры. Въ православіи социальное и космическое преображеніе и просвѣтленіе было отодвинуто въ эсхатологическую перспективу. Эсхатологическое ожиданіе Града Божьяго было коррективомъ пониманія христіанства, какъ религіи личного спасенія. И это создавало большія трудности для социального и культурнаго гворчества.

II.

Какіе же конкретные социальные выводы дѣлались изъ ученія о первородномъ грѣхѣ? К. Леонтьевъ, по свойственному ему радикализму мышленія, обострилъ до крайности связанный съ этимъ парадоксъ. Ортодоксальное христіанство, въ которое онъ укрывался отъ своего природнаго язычества, есть для него исключительно религія личного спасенія, трансцендентнаго страха и трансцендентнаго эгоизма. Онъ сознательно утверждалъ непреодолимый дуализмъ. Такъ какъ міръ во злѣ лежитъ, такъ какъ челоувѣческая природа грѣховна, такъ какъ христіанскія пророчества не предсказываютъ торжества правды и любви на землѣ, то къ осуществленію правды, къ социальному излученію любви не должно и даже дурно стремиться, то хорошо и согласно съ христіанской вѣрой, чтобы въ социальной жизни, въ строѣ общества была неправда, несправедливость, принужденіе, зло. Зло въ социальной жизни даже необходимо, какъ оправданіе христіанскаго ученія о первородномъ грѣхѣ и христіанскихъ пессимистическихъ пророчествъ. Правда пророчествъ будетъ нарушена осуществленіемъ правды въ социальной жизни. Единственное возможное осуществленіе правды въ жизни есть личная аскеза и святость. Но въ дѣйствительности за христіанскимъ парадоксомъ К. Леонтьева скрываются безсознательно инстинкты иного порядка. Онъ любилъ міръ и культуру, какъ язычникъ и челоувѣкъ Возрожденія XVI вѣка, любилъ сложное цвѣтеніе жизни, любилъ натуральной, не облагодатствованной, не христіанской любовью, былъ плѣненъ красотой міра и былъ убѣжденъ, что при сохраненіи социальной неправды, несправедливости и стѣс-

ненности сохранится болѣе цвѣтушая, болѣе прекрасная, болѣе аристократическая культура. Его преслѣдовалъ и подавлялъ призракъ уродства либерально-эгалитарнаго, демократическаго прогресса, и онъ боролся противъ него не только, какъ апокалиптикъ, но и какъ эстетъ. Правда въ жизни личной была для него святостью, и она прекрасна, правда въ жизни социальной была для него сѣрымъ земнымъ раемъ, и она уродлива, въ ней гибнуть всѣ цѣнности. Тутъ дано было К. Леонтьеву что-то очень остро почувствовать и предчувствовать. Осушествленіе социальной правды, реализація совершеннаго общества можеть оказаться плѣненностью царствомъ міра сего. Это сознавалъ К. Леонтьевъ и объ этомъ пророчествовалъ Достоевскій. Но если съ христіанской точки зрѣнія есть живая плѣненность «міромъ» въ социальныхъ утопіяхъ совершеннаго социального строя на землѣ, то такая же живая плѣненность «міромъ» есть въ охраненіи царства, основаннаго на неправдѣ и рабствѣ. Возможно, что рабочіе создадутъ сѣрый земной рай безъ Бога, антихристово царство міра сего. Но отсюда не слѣдуетъ, что рабочія массы нужно держать въ рабствѣ и не допускать насильственными мѣрами ихъ исторической активности и ихъ пріобщенія къ культурѣ. Въ такой точкѣ зрѣнія нѣтъ ничего христіанскаго и это есть самый безнадежный способъ борьбы съ духомъ антихриста. Такъ какъ раньше или позже рабочія массы все равно прорвутся, то остается лишь бороться за ихъ духовное облагораживаніе, и отстаивать въ новомъ, рабочемъ и трудовомъ строѣ права аристократіи качествъ противъ власти количествъ, противъ господства сѣраго мѣщанства. Скоро наступитъ время, и уже наступаетъ, когда социальный вопросъ станетъ прежде всего вопросомъ о духовномъ, культурномъ и религиозномъ состояніи рабочихъ массъ, идущихъ къ господству. Мало кто рѣшится такъ смѣло и радикально выразить парадоксъ о социальномъ добрѣ и злѣ, какъ это дѣлалъ К. Леонтьевъ, по что-то Леонтьевское есть во всемъ традиціонномъ, ортодоксально-христіанскомъ отношеніи къ проблемѣ социальной. На этомъ же стоялъ и К. Побѣдоносцевъ, хотя ему совершенно чужды были Леонтьевскій эстетизмъ, Леонтьевская языческа я любовь къ творчеству прекрасной культуры. Въ официальной ортодоксіи это выливалось не въ форму эстетизма и не въ форму апокалиптическихъ предчувствій, а въ форму чуждаго и

сѣраго морализма, требующаго прежде всего послушанія. Неосознанный парадоксъ этого морализма заключался въ томъ, что послушаніе требовалось не только въ отношеніи къ добру, но и въ отношеніи къ злу. Смиряться и передъ зломъ, передъ неправдой и несправедливостью, и этимъ заслужишь себѣ Царство Небесное. Константинъ Леонтьевъ по крайней мѣрѣ требовалъ смиренія передъ красотой, во имя красоты нужны жертвы, насилія и несправедливости, и въ этомъ онъ походилъ на Ницше. Но социальная обыденность, которую хотѣла охранить официальная ортодоксія, никогда красотой не интересовалась.

Творчество въ христіанскомъ мірѣ никогда не было оправдано съ точки зрѣнія спасенія, оно или отрицалось, или терпѣлось благодаря коррективамъ, которые вносятъ дуализмъ. Соціальное реформированіе и улучшеніе не оправдывалось, потому что грѣховная природа человѣка не допускаетъ совершенства жизни, и строй жизни, основанный на большей правдѣ, вреденъ для дѣла спасенія. Полезно для спасенія терпѣніе и страданіе. Всякій освободительный социальный и культурный процессъ опасенъ, онъ ослабляетъ чувство первороднаго грѣха, даетъ свободу грѣховнымъ страстямъ, ведетъ человѣка широкимъ, а не узкимъ путемъ. Узкій путь предполагаетъ стѣсненіе, и только стѣсненіе благоприятно для спасенія. Въ этомъ была бы христіанская правда, если бы она не была совершенно искажена тѣмъ, что широкій, не стѣсненный путь оказывался раскрытымъ для тѣхъ привилегированныхъ социальныхъ слоевъ, которые эту точку зрѣнія защищали, и онъ былъ закрытъ для обездоленныхъ социальныхъ слоевъ, которымъ отъ этой точки зрѣнія приходилось страдать. Къ аскезѣ подобаетъ принуждать себя, а не другихъ. Стѣсненіе предполагаетъ не только стѣсненныхъ, но и стѣсняющихъ. Соціальная неправда и несправедливость предполагаетъ существованіе творящихъ неправду и несправедливость. Существованіе зла, признаннаго полезнымъ для дѣла личнаго спасенія, предполагаетъ существованіе злыхъ, творящихъ зло. Зло можно считать непобѣдимымъ окончательно до конца міра, до преображенія міра, до новой земли и новаго неба. Но отсюда невозможно сдѣлать выводъ, что со зломъ не нужно бороться, и не нужно его преодолевать. Невозможно принципиально связать спасеніе души для вѣчной жизни съ необходимостью существованія неправды и несправедливости, съ охранені-

емъ творящихъ эту неправду и несправедливость. Въ зло, въ неправду, въ несправедливость входитъ также и погубленіе человѣческихъ душъ. И сами творяшіе неправду и несправедливость губятъ свои души. Отчего же и о нихъ не подумать? Кромѣ того защита социальной несправедливости христіанами губить души классовъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ, вызывая въ нихъ месть, злобу и безбожіе. Соціальный консерватизмъ пользуется двоякаго рода аргументами и этимъ запутывается проблема. Съ одной стороны онъ утверждаетъ извѣчность старыхъ устоевъ общества, видитъ въ нихъ правду и справедливость и неправду и несправедливость въ реформаціонныхъ или революціонныхъ носягательствахъ на нихъ. Но съ другой стороны, когда его убѣждаютъ въ неправдѣ и несправедливости нѣкоторыхъ изъ этихъ устоевъ, онъ начинаетъ аргументировать тѣмъ, что неправда и несправедливость необходимы и непреодолимы, и вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы болѣе справедливый и совершенный строй не осуществимъ. Противъ социальныхъ реформъ, защищающихъ интересы трудящихся, возражаютъ то тѣмъ, что онѣ несправедливы, нарушая, напр., абсолютный принципъ собственности, то тѣмъ, что онѣ, хотя могутъ быть и справедливы, но уточичны и неосуществимы, такъ какъ человѣкъ грѣховенъ и золъ. Но между этими аргументами нужно выбирать, нельзя пользоваться разомъ и тѣми и другими аргументами, ибо такимъ образомъ обличается фальшь и неискренность аргументаціи. И наиболѣе несостоятельны аргументы противъ социаль-ныхъ реформъ общества, основанные на грѣховности человѣческой природы. Мы увидимъ, что утопіи осуществимы, осуществимъ и коммунизмъ, и самъ грѣхъ возьметъ на себя переустройство человѣческаго общества, если правда не хочетъ себя осуществлять.

III.

Всѣ творческіе процессы новаго времени ставятъ мучительную для христіанскаго сознанія проблему. Въ средніе вѣка христіанство по своему отстаивало социальную правду, творило красоту, изъ него раскрывалась утонченная философская мысль. Но въ новое время творчество въ наукахъ и въ искусствахъ, социальныя улучшенія и реформы

взяли на себя силы не христіанскія и даже антихристіанскія. Въ новое время христіанство начало бояться творческаго процесса жизни и пыталось остановить его. Церковь признавала и санкціонировала цѣлый рядъ положительныхъ завоеваній творческаго генія челоувѣка лишь послѣ длительного осужденія и сопротивленія. Такъ съ большимъ затрудненіемъ католическая Церковь признала Коперника и Галлилея, признала и многія освободительныя соціальныя реформы. Церковь же православная не высказала опредѣленно своего отношенія къ соціальнымъ и культурнымъ процессамъ, происходившимъ въ новой исторіи. Еще сравнительно недавно самый замѣчательный и одаренный изъ русскихъ іерарховъ, — митрополитъ Филаретъ, защищалъ крѣпостное право и ввелъ даже эту защиту въ свой катехизисъ, изъ котораго она была выброшена послѣ 61 года. Не христіане разрушали Бастилію, символъ безправія и рабства, отмѣняли жестокія наказанія, боролись противъ рабства и крѣпостнаго права, провозглашали свободу мысли и творчества, стремились къ улучшенію положенія трудящихся. Ортодоксальное христіанство находится въ состояніи испуга передъ жизнью. Испугъ же есть состояніе очень неблагоприятное для творческаго участія въ жизни. Испугъ или уводитъ изъ жизни или ставитъ жизни препятствія и задержки. Творческій жизненный процессъ представляется грѣховнымъ и уготовляющимъ царство антихриста. Проблема эта странно усложняется тѣмъ, что дѣйствительно многіе жизненные процессы современности, порожденные духомъ новой исторіи, грѣховны и уготовляютъ царство антихриста. Есть свобода, которая ведетъ къ рабству, есть творчество, которое ведетъ къ небытію, есть справедливое соціальное устройство, которое закрѣпощаетъ царству міра сего. Христіанское сознаніе совѣмъ не можетъ просто одобрить и санкціонировать «гуманистическій прогрессъ» новаго времени. Отношеніе къ нему можетъ быть лишь двойственнымъ и мечомъ разсѣкать въ немъ правое и неправое. Вл. Соловьевъ, который очень остро чувствовалъ самую проблему, но рѣшилъ ее слишкомъ упрощенно, предлагалъ просто признать въ гуманистическомъ прогрессѣ осуществленіе христіанской правды, которую не осуществляли сами христіане. Это вѣрно лишь на половину. Въ гуманистическомъ прогрессѣ было также ослабленіе духовности, побѣда времени надъ вѣчностью. по-

гоня за призрачными благами міра, обнаруживалась соблазненность и плѣненность духа «міромъ» въ дурномъ смыслѣ слова. «Свобода, равенство и братство», лишены своихъ духовныхъ основъ, оказывались призрачными и переходили въ свою противоположность. Но отсюда никакъ нельзя сдѣлать вывода, что христіане должны отрицать свободу и братство людей, должны защищать насилие, рабство и небратскую рознь и вражду между людьми. Психологическая трудность связана тутъ съ необходимостью бороться на два фронта. И сейчасъ въ Европѣ можно услышать отъ консервативно и право настроенныхъ христіанъ, что масоны стремятся къ миру народовъ и прекращенію войнъ, что социалисты стремятся къ улучшенію положенія рабочихъ и увеличенію ихъ социальнаго вѣса, и потому они стоятъ за національную вражду и войну, за банкировъ и капиталистовъ, враждуютъ противъ идеи мира и противъ рабочаго класса. Въ этомъ обнаруживается грѣховная ограниченность человѣческой природы, ея малая вмѣстительность, ея склонность быть одержимой однимъ какимъ-либо аффектомъ, съ вытѣсненіемъ всѣхъ другихъ аффектовъ. Мышленіе человѣка искажено эмоціональностью, связанной съ социальной средой, которая наноситъ человѣку пораненія. И если съ какой-нибудь стороны человѣкъ получилъ пораненія, вызывающія въ немъ аффективную реакцію, то онъ не въ силахъ уже оцѣнить и то положительное, что на этой сторонѣ находится. На этомъ основаны оцѣнки, окрашенные аффектами революціонными или контръ-революціонными, классовыми или національными, а въ жизни религіозной аффектами конфессіональными. Если человѣкъ былъ раненъ социализмомъ, то онъ не въ силахъ признать правду рабочаго движенія, если у него есть тяжелая ассоціація, связанная съ католичествомъ, то онъ не въ силахъ понять и оцѣнить внутреннюю духовную жизнь католическаго міра, если революція тяжко ранила его и его близкихъ, то для него закрывается объективный смыслъ революціи и т. д. Христіане полны аффективными и эмоціональными реакціями, которыя засоряютъ ихъ совѣсть и мѣшаютъ свободѣ ихъ сужденія о процессахъ жизни. Очень рѣдко можно услышать дѣйствительно свободныя сужденія по существу. И вотъ приходится сказать, что сужденія значительной части христіанъ, преданныхъ своей церкви, о социальномъ преобразованіи общества и объ осуществле-

ни социальной правды не обнаруживают этой свободы и независимости, они опредѣляются отрицательными аффектами и бо́льшими ассоціаціями. Въ этихъ сужденіяхъ обнаруживается такая же цѣлѣнность однимъ «міромъ», какъ въ сужденіяхъ «прогрессистовъ-гуманистовъ» обнаруживается цѣлѣнность другимъ «міромъ».

Христіане не пытались во имя Христа и Царства Божьяго осуществлять правду въ потнотѣ жизни и безсознательно искали оправданія своей лѣности и нерадѣнія, а иногда и корысти въ ученіи о грѣховности человѣческой природы. Это вызвало кризисъ христіанства. И нехристіане, антихристіане начали осуществлять правду на землѣ во имя блага человѣческаго, во имя гуманистической вѣры. Это «во имя» было живое, но въ самомъ дѣлѣ ихъ былъ элементъ человѣчности, который христіане должны были бы принять и освятить именемъ Христовымъ, ибо христіанство есть религія богочеловѣчества и въ немъ раскрывается высшая человѣчность. Но ортодоксальные христіане, справедливо обличая неправду гуманизма, какъ ложнаго міросозерцанія и ложной религіи, дѣлаются нерѣдко врагами самой человѣчности и защищаютъ то, что ниже человѣчности, а не выше ея, опускаясь до защиты звѣре-человѣчества вмѣсто Бого-человѣчества. Въ этомъ трагедія христіанства въ новой исторіи. Эта проблема справедливо мучила Вл. Соловьева, хотя онъ не всегда предвидѣлъ результаты безбожнаго гуманистическаго прогресса. Лишь въ «Повѣсти объ антихристѣ» напустила для него катастрофа сознанія. Въхристіанскій и антихристіанскій міръ, увлеченный социальнымъ строительствомъ безъ Бога, внутренне вырождается, претерпѣваетъ фатальную діалектику, гуманизмъ переходитъ въ отрицаніе человѣка, въ истребленіе личности и свободы. Мы это явленіе видимъ и въ послѣднихъ результатахъ современной механической цивилизаціи, и въ коммунизмѣ. Такъ съ противоположныхъ концовъ отрицается человѣкъ и человѣчность, и отрицаніе это есть послѣдствіе разрыва въ цѣлостной истинѣ о Богочеловѣчествѣ, невмѣщеніе полноты христіанскаго откровенія о Богочеловѣкѣ и челоѣкѣ. Коммунизмъ является, какъ великое предупрежденіе христіанскому міру и напоминаніе объ неисполненной правдѣ. Когда христіане пользуются ученіемъ о первородномъ грѣхѣ для того, чтобы оправдать свое уклоненіе отъ осуществления христіанской правды въ жизни, то они этимъ обна-

руживаютъ лишь свою собственную грѣховность, свою инерцію и свои корыстные интересы. Такое использованіе ученія о первородномъ грѣхѣ есть тяжкій грѣхъ. Но христіанская вѣра не учитъ стремиться къ грѣху. Коммунизмъ есть справедливая и провиденціальная кара христіанскаго общества за стремленіе увѣковѣчить грѣхъ въ социальной жизни. Сознаніе грѣха должно вести къ улучшенію жизни, а никакъ не къ успокоенію на невозможности улучшенія. Власть денегъ въ капиталистическихъ обществахъ есть кристаллизація грѣха и созданіе грѣховныхъ фантазмовъ, управляющихъ жизнью вмѣсто реальностей. Противъ этой сатанической власти должна была бы возставать христіанская совѣсть. Тутъ въ коммунизмѣ есть несомнѣнная отрицательная правда, но искаженная новой неправдой.

Порочна и совершенно устарѣла та точка зрѣнія, которая возражаетъ противъ возможности демократіи или социализма ссылкой на грѣховность человѣческой природы. Я сейчасъ не буду входить въ обсужденіе вопроса о демократіи или социализмѣ по существу. Но хочу показать, что для критики демократіи и социализма нужно прибѣгать къ другимъ аргументамъ, чѣмъ аргументы, основанные на грѣховности человѣка. Христіанская вѣра дѣйствительно не допускаетъ возможности осуществленія совершеннаго строя жизни въ нашемъ времени на нашей старой землѣ. Наступленіе совершенной жизни есть наступленіе Царства Божьяго, побѣда надъ грѣхомъ и преображеніе міра. Безъ побѣды надъ грѣхомъ и смертью невозможно наступленіе совершенной жизни. Побѣда эта невозможна до конца міра и означаетъ конецъ міра. Никакой социальной строй не побѣждаетъ смерти. Христіанство дѣйствительно враждебно всякому социальному утопизму и ложной социальной мечтательности, оно благоприятно социальному реализму, видѣнію реальностей, различенію силъ добра и силъ зла. На почвѣ христіанства создавались свои утопіи. Такова утопія теократическая. Но теократическая утопія разрушена и процессомъ жизни и процессомъ мысли. И возвратъ къ ней невозможенъ. Утопія социалистическая, которую такъ же пытаются осуществить, дѣйствительно противоположна христіанскимъ надеждамъ и упованіямъ. Но эту противоположность совсѣмъ нельзя такъ формулировать, что социалистическая утопія неосу-

шествима вслѣдствіе христіанскаго ученія о грѣховности человѣческой природы. Можно было бы формулировать эту противоположность обратно: социалистическая утопія, въ своихъ основахъ противоположная христіанской идеѣ Царства Божьяго, ибо она предполагаетъ осуществить совершенную жизнь внѣшнимъ и принудительнымъ путемъ, безъ Бога, безъ свободы духа, безъ духовнаго перерожденія человѣка, можетъ оказаться осуществимой именно вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы. Соціальный утопизмъ не только не считается съ свободой человѣка, но и принужденъ отрицать ее, онъ никогда не видитъ ирраціональной стороны міровой жизни, связанной со свободой. Мы это видимъ уже въ утопіи совершеннаго государства Платона. Соціальный утопизмъ есть насильственная и абсолютная раціоналізація и регуляція жизни. И въ этомъ онъ противоположенъ христіанству, которое не допускаетъ абсолютизаціи соціальныхъ формъ, считается съ свободой человѣческаго духа, со свободой совѣсти, и потому не основываетъ своихъ упованій на принудительномъ осуществленіи добра. Но опытъ принудительнаго осуществленія добра, принудительной раціоналізаціи всей жизни возможенъ, и онъ будетъ означать не преодоленіе грѣха, онъ будетъ выраженіемъ грѣха, будетъ зломъ. Грѣхъ можетъ принять формы насильственнаго своего отрицанія. Соціализмъ, какъ утопія плохъ и противоположенъ христіанству совсѣмъ не потому, что онъ пытается осуществлять соціальную справедливость и улучшить положеніе труда, а потому, что онъ дѣлаетъ это, отрицая свободу духа и совѣсти, что онъ отрицаетъ личность человѣческую, и онъ плохъ лишь постольку, поскольку онъ отрицаетъ свободу духа и личность. Отсюда никакъ нельзя сдѣлать того логическаго вывода, что для христіанскаго сознанія капитализмъ лучше социализма и что христіане должны быть за капиталистовъ противъ рабочихъ. Нужно сдѣлать рѣшительное различеніе между социализмомъ, какъ революціонной антихристіанской утопіей, т. е. социализмомъ, претендующимъ стать новой религіей, и социализмомъ, какъ соціальной техникой, какъ реальнымъ соціальнымъ движеніемъ, направленнымъ къ улучшенію положенія труда и трудящихся, и къ реформированію общества въ направленіи бѣльшей соціальной правды. Соціализмъ въ формѣ коммунистической рѣшительно враждебенъ христіанству. И онъ можетъ быть осуществленъ

именно вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы, онъ можетъ быть новымъ выраженіемъ грѣха и основать свое царство на грѣховныхъ инстинктахъ человѣка. Мы это и видимъ въ русскомъ опытѣ. Но даже коммунизмъ враждебенъ христіанству не экономической и политической своей стороною, которая можетъ быть нейтральна, а своимъ духомъ. Первохристіанство было коммунистично, но имѣло духъ, полярно противоположный современному коммунизму. Соціализмъ же не коммунистическій, реформаторскій, работающій надъ улучшеніемъ положенія труда и организаціей труда въ человѣческомъ обществѣ, всѣмъ не есть утопія совершеннаго строя жизни, побѣдившаго грѣхъ, онъ требуетъ лишь относительнаго улучшенія и онъ нисколько не противорѣчитъ христіанству своей соціальной стороною и даже болѣе съ нимъ согласенъ, чѣмъ капиталистическій буржуазный строй, извратившій іерархію цѣнностей и требующій поклоненія Мамонѣ. Соціализмъ враждебенъ христіанству, какъ міро-созерцаніе, какъ лже-религіозное притязаніе. Но соціализмъ, какъ міросозерцаніе, разлагается, онъ то превращается въ коммунизмъ, то дѣлается буржуазнымъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ ему чуждъ духъ христіанскій, и въ томъ и въ другомъ случаѣ ослабляется духовность.

Мы безусловно вступаемъ въ эпоху, когда въ мірѣ побѣждаетъ социализирующая тенденція. Участіе въ социальномъ творчествѣ совершенно несмыслимо внѣ этой социализирующей тенденціи. Въ нѣкоторомъ частичномъ смыслѣ «соціализмъ» совершенно неизбѣженъ въ судьбахъ человѣческихъ обществъ. Его можно духовно облагораживать, но его невозможно игнорировать и отрицать. И чѣмъ болѣе его игнорировать и отрицать, тѣмъ болѣе онъ будетъ неблагороденъ. Но по мѣрѣ того, какъ соціализмъ дѣлается болѣе обыденъ, повседневенъ и внѣдренъ въ буржуазную дѣйствительность, онъ теряетъ свой паѳосъ, идеологія его вывѣтривается. Паѳосъ есть еще въ коммунизмѣ, который живетъ вѣрой въ созданіе новой, не бывшей еще дѣйствительности — коллективнаго соціального организма, въ которомъ окончательно исчезнетъ человѣческая личность. Соціальный максимализмъ, подымающійся надъ обыденностью и повседневною, основанъ на смѣшеніи моментовъ религіозныхъ и соціальныхъ, на абсолютизаціи соціального. Соціальный максимализмъ принципиально невозможенъ и есть ложная утопія и прельщеніе. Возможенъ

лишь религіозный максимализмъ. Но религіозный максимализмъ есть исканіе Царства Божьяго. Онъ не можетъ имѣть адекватнаго выраженія въ терминахъ какого-то совершеннаго социальнаго, экономическаго и политическаго строя. Соціальный строй всегда относителенъ и преходящъ, онъ относится къ средствамъ, а не цѣлямъ жизни. Соціализмъ возможенъ несмотря на грѣховность человѣческой природы и именно вслѣдствіе этой грѣховности, но лишь какъ относительное улучшение, какъ коррективъ того зла, которое стало невыносимымъ въ строѣ капиталистическомъ. Относительность и ограниченность социализма связаны съ тѣмъ, что онъ въ значительной степени опредѣляется зломъ, накопившимся въ капитализмѣ, что онъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови буржуазнаго міра. И смѣшно съ нимъ связывать не временныя улучшения, а достиженіе совершенства въ социальной жизни. Соціализация должна побѣдить непереносимыя формы социальнаго зла и неправды, т.е. связывать слишкомъ грѣховную волю, но по ту сторону ея относительныхъ достижений открывается несоизмѣримо болѣе глубокая правда индивидуализаціи жизни. Соціализмъ есть дитя грѣха и онъ есть социальная правда для грѣховной воли, которая въ капитализмѣ ничѣмъ не сдержана и не связана. Если бы человѣческая природа не была грѣховна и человѣкъ не эксплуатировалъ человѣка, то социализмъ былъ бы не нуженъ и никакой правды въ немъ не было бы, то осуществилось бы братство во Христѣ.

Совершенно такъ же невозможно возражать противъ демократіи на томъ основаніи, что грѣховна человѣческая природа, и считать монархію вѣчной политической формой, единственной возможной при этой грѣховности. Въ фѣйствительности правильнѣе было бы сказать наоборотъ. Монархія въ ея принципиальной формѣ легко превращается въ утопію совершеннаго социальнаго и государственнаго строя. Такова и была русская самодержавная монархія въ сея идѣѣ, не въ практическомъ осуществленіи своемъ, конечно. Фактическая демократія, совсѣмъ не основанная обязательно на религіи Ж. Ж. Руссо, можетъ быть строемъ, наиболѣе соответствующимъ грѣховной человѣческой природѣ, и наиболѣе считающимся съ этой грѣховностью. Демократія совсѣмъ не есть утопія совершеннаго социальнаго строя, наоборотъ, она есть именно принципиально несовершенный строй, допускающій свободное

выраженіе самыхъ противоположныхъ и самыхъ грѣховныхъ направленій воли и идеологій. Демократіи въ мірѣ побѣждаютъ и черезъ нихъ проходятъ общества именно вслѣдствіе грѣховности, вслѣдствіе того, что не происходитъ духовное преображеніе и не достигается реальное духовное единство. Насильственно, принудительно этого духовнаго преображенія и единства достигнуть нельзя. Въ этомъ правда демократій, и противъ нихъ невозможно аргументировать ученіемъ о первородномъ грѣхѣ. Монархіи же все болѣе и болѣе дѣлаются утопіями и отношеніе къ нимъ перестаетъ быть реалистическимъ и становится романтическимъ, какъ раньше романтическимъ было отношеніе къ демократіи или къ социализму. Изъ ученія о первородномъ грѣхѣ дѣлается еще тотъ выводъ, что въ то время, какъ человѣкъ находится во власти грѣха, и потому воля его не можетъ быть предоставлена свобода выраженія, и изъявленія, носитель власти, іерархической чинъ, оказывается какъ-бы изъятымъ въ такомъ его качествѣ изъ-подъ власти первороднаго грѣха. Монархъ, министръ, полицейскій, генералъ, отецъ семейства, хозяинъ предприятия какъ человѣкъ, остается грѣховнымъ существомъ, но какъ іерархической чинъ, какъ начальство, онъ представляетъ волю справедливую, а не грѣховную, онъ борется противъ зла и грѣха. Это есть пессимистическое въ отношеніи къ человѣку міросозерцаніе, подозрительное и скептическое ко всему человѣческому, которое хочетъ организовать жизнь не на человѣческихъ качествахъ. Но возможно еще болѣе пессимистическое міросозерцаніе, совѣтъ не отрицающее грѣховности человѣческой природы, которое думаетъ, что іерархической чинъ и носитель власти не менѣе зараженъ грѣхомъ, чѣмъ обыкновенные люди, и что грѣхъ проникаетъ въ самую природу власти. Грѣховная похоть власти есть специфической грѣхъ всѣхъ іерархическихъ чиновъ въ мірѣ. И именно вслѣдствіе этой грѣховности нужно ограничивать начало власти. Всякая абсолютизація власти означаетъ отдачу человѣческихъ судебъ ея похоти и ея грѣху. Однимъ изъ величайшихъ сообразностей въ исторіи христіанства было образованіе ученія, во которому благодать Божія дѣйствуетъ не на человѣческую свободу, не на человѣческую личность, а на іерархической чинъ, на носителя власти. Дѣйствіе благодати проявляется въ охраненіе существующей власти и существующаго порядка. И всѣ попытки социального утѣ-

шенія и освобожденія разсматриваются, какъ безблагодатныя. Такимъ образомъ утверждались ложныя и призрачныя теософїи и слишкомъ человѣческое принималось за божеское. Съ чисто богословской точки зрѣнія ясно, что благодать не можетъ иначе дѣйствовать, какъ на свободу и черезъ свободу. Благодать, которая дѣйствовала бы не черезъ свободу и помимо свободы, была бы магической натуральной энергіей, она была бы не духовна и обращена не къ духу. Идея священной монархіи, восходящая къ древнему Египту, есть идея не духовно-мистическая, а натуралистически-магическая. Идея социальнаго порядка, основаннаго на облагодатствованной власти, и не желающая знать свободы человѣческаго духа, есть не духовный, магическій натурализмъ. И этотъ магическій натурализмъ мѣшалъ осуществленію социальной правды.

IV.

Нѣтъ никакихъ христіанскихъ основаній утверждать социальный оптимизмъ, оптимизмъ прогресса и цивилизаціи, свойственный «просвѣтительскому» міросозерцанію. Христіанство, — трагично. Для христіанскаго сознанія въ историческомъ процессѣ возрастаютъ не только силы добра, но и силы зла, и будущее представляется двойственнымъ. Силы организованнаго зла въ современномъ мірѣ велики и ихъ размѣрамъ не соответствуютъ организованныя силы христіанскаго добра. Этимъ и объясняется катастрофизмъ нашего времени. Времена слащаваго, розоваго гуманизма кончились. Наступили болѣе суровыя времена, когда срываются всѣ покровы и разоблачаются всѣ реальности. Но если нѣтъ никакихъ основаній утверждать оптимизмъ прогресса, основанный въ сущности на отрицаніи свободы человѣка, то есть всѣ основанія утверждать творческую волю человѣка, реализующую полученные имъ свыше дары, осуществляющую призваніе человѣка въ мірѣ. Дары даны человѣку не только для того, чтобы онъ переживалъ ужасъ гибели, и стремился къ спасенію, но и для того, чтобы онъ участвовалъ въ Божьемъ міротвореніи и осуществлялъ призваніе дѣтей Божіихъ. Соціальное дѣйствіе христіанъ должно стоять не подъ знакомъ идеи прогресса, а подъ знакомъ идеи творчества, и это идеи совершенно разнаго порядка. Личность со-

всѣмъ не призвана служить прогрессу, т. е. превращать себя въ его орудіе. Прогрессъ безличенъ и по своимъ причинамъ и по своимъ цѣлямъ. Личность призвана реализовать, актуализировать свою творческую энергію, свои дары и свое призваніе. Осуществленіе соціальной правды совсѣмъ не есть служеніе соціальному развитію, основанному на оптимистическихъ представленіяхъ о будущемъ. Осуществленіе соціальной правды есть творческая активность личности, предполагающая свободу оцѣнокъ и избранія пути. Христіанство не есть религія личнаго спасенія, т. е. трансцендентнаго страха и эгоизма, но въ христіанствѣ все личное, все идетъ отъ личности и къ личности. Христіанское міровоззрѣніе насквозь персоналистично и этимъ создается абсолютное условіе христіанскаго отношенія къ жизни. Безликая соціальность, превращающая человѣческую личность въ свое орудіе, есть зло, и отъ безликихъ силъ нельзя ждать блага. Соціальная правда не только должна осуществляться личными усилиями, но и ея критеріемъ должна быть признана верховная цѣнность личности. Отсюда съ христіанской точки зрѣнія должны были бы имѣть особенное духовное значеніе субъективные права личности, право свободы совѣсти, свободы мысли и т. д., которыя стоятъ выше относительныхъ и преходящихъ политическихъ формъ, всегда имѣющихъ тенденцію угнетать личность и отрицать ея свободу. Христіанскій персонализмъ совсѣмъ не означаетъ отрицанія сверхличныхъ цѣнностей, безъ котораго личность лишена своего качественного содержанія. Но сверхличныя цѣнности не должны быть для личности властью безличныхъ силъ, безличныхъ коллективовъ. Сверхличныя цѣнности проходятъ черезъ духовную свободу личности и раскрываются въ ея духовной жизни. Утвержденіе верховнаго значенія духовно личнаго начала есть абсолютная предпосылка христіанскаго отношенія къ обществу и къ соціальному вопросу. Передъ христіанскимъ сознаніемъ стоитъ не только задача личнаго духовнаго устройства и личнаго спасенія, но и задача соціальнаго творчества и соціальнаго преображенія. Но христіанскій характеръ соціальнаго творчества и соціальнаго преображенія всегда опредѣляется тѣмъ, что духовно-личное начало признается абсолютнымъ по своему значенію, съ нимъ связанъ и субъектъ соціальнаго творчества, и цѣль его. Христіанскій персонализмъ совсѣмъ, конечно, не мѣшаетъ трезво видѣть и учи-

тивать безличныя силы, дѣйствующія въ социальномъ процессѣ. Самый фактъ существованія социальной обыденности предполагаетъ существованіе безликихъ силъ, починающихъ себя личность и ея оцѣнки и дѣйствія. Но христіанскія оцѣнки и дѣйствія означаютъ протыводѣйствіе вліянію безликихъ силъ. Само христіанство въ исторіи было искажено безликими силами социальной обыденности. Но мы ищемъ выявленія чистоты христіанской совѣсти.

Какъ это ни кажется по видимости парадоксальнымъ, но истолкованіе христіанства исключительно какъ дѣла личнаго спасенія было результатомъ власти безликой социальной обыденности надъ личностью. Оно скрывало творческій духъ личности, внушая ужасъ вѣчной гибели. Одинъ очень православный человѣкъ выразилъ свою вѣру словами: «спасайся, кто можетъ, пролѣзай въ Царство Небесное». Такимъ образомъ создается паника и давленіе у входа. Человѣкъ готовъ давить по дорогѣ другихъ людей бы самому пролѣзть въ Царство Небесное. Это и есть трансцендентный эгоизмъ, забвеніе о томъ, что христіанство есть религія любви, и что въ Царство Небесное нельзя проникнуть, не опредѣливъ въ любви своего отношенія къ ближнимъ. Дѣло личнаго спасенія неизбежно превращается въ дѣло социального спасенія въ томъ глубинномъ, не виѣшнемъ смыслѣ слова, что оно предполагаетъ общеніе людей. Личность не можетъ себя изолировать въ дѣлѣ спасенія. Объ этомъ свидѣтельство Евангелія непреложно. Само грѣхопаденіе было предмѣрнымъ космическимъ и социальнымъ событіемъ, пала душа міра. Тѣ, которые хотятъ спастись изолированно и давить ближнихъ при входѣ въ Царство Небесное, принадлежатъ осѣвшей и кристаллизовавшейся формѣ социальной обыденности и готовы ее охранять. Но они во имя личнаго спасенія отрицаютъ социальное творчество, враждуютъ противъ осуществленія правды въ социальной жизни, перенося правду исключительно въ міръ потусторонній, въ постороннемъ же мірѣ смиряясь и смиряя другихъ передъ неправдой. Христіанство учитъ о трудности жизни, обусловленной грѣхомъ, о трудности стяжанія Царства Божьяго. Трудность эта есть трудъ и освященіе труда въ мірѣ. Трудъ, трудъ духовный и трудъ матеріальный, неизбежно имѣетъ социальную сторону, онъ есть сотрудничество. Трудъ предполагаетъ отношеніе человѣка къ

природѣ и человѣка къ человѣку, въ немъ человѣкъ не остается изолированнымъ. И духовный трудъ, связанный съ отношеніемъ человѣка къ Богу, требуетъ неустанныхъ усилій человѣка въ отношеніи къ природѣ и къ другимъ людямъ. Поэтому трудъ стяжанія Царства Божья есть трудъ глубоко личный и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно социальный. Стяжаніе Царства Божьяго невозможно безъ общенія, безъ выхода личности за свои предѣлы. Личность совершенно не можетъ въ путяхъ своего спасенія не опредѣлять такъ или иначе своего отношенія къ окружающему ее міру, къ общенію съ другими людьми, къ давящей ее социальной обиденности. Если она не хочетъ опредѣлять это отношеніе положительно, то она опредѣляетъ его отрицательно, если она не хочетъ опредѣлять его творчески, то она опредѣляетъ его консервативно. Даже монастырь, въ который уходили отъ «міра», былъ явленіемъ социальнымъ, и игралъ даже значительную социальную роль, иногда роль въ высшей степени творческую. Анти-социальная и антикосмическая идея личнаго спасенія принадлежитъ упадочной эпохѣ въ христіанствѣ. Въ такой формѣ она была чужда эпохамъ героическимъ, когда личность боролась противъ власти «міра», но не строила теорій пассивнаго послушанія передъ социальной неправдой. Ужась личной гибели можетъ принять такія паническія формы, при которыхъ невозможно никакое творческое дѣло. И всякое творческое дѣло должно ослаблять паническій ужась гибели. Въ моментъ самого творческаго акта этотъ ужась не переживается, онъ отодвигается, къ другимъ моментамъ жизни. Это есть безспорная психологическая истина, которую всякій человѣкъ знаетъ по собственному опыту творчества во всѣхъ областяхъ жизни. Не только творческіе акты въ наукѣ и въ искусствѣ, въ государствѣ, въ хозяйствѣ или въ техникѣ, но и творческіе акты любви къ ближнему въ обиденной жизни освобождаютъ отъ остраго переживанія паническаго ужаса гибели. Эта сторона религіозной психологіи не была еще достаточно разработана. Очевидно, творческіе акты, личные по своему субъекту и социальные по своему объекту, ослабляютъ ужась гибели потому, что способствуютъ дѣлу личнаго спасенія. Для личнаго спасенія очень важно, чтобы человѣкъ забывалъ о себѣ во имя другихъ и другого, во имя сверхличныхъ цѣнностей соглашался душу свою погубить. Это есть парадоксъ въ личномъ духов-

номъ пути, который нельзя упрощать и рационализировать, отрицая значеніе личнаго духовнаго устройства и личной духовной жизни, какъ это пытается сдѣлать «соціальное христіанство». Соціальное христіанство мнѣ представляется заблужденіемъ, и заблужденіемъ поверхностнымъ. Призывъ къ социальной активности христіанъ, къ осуществленію социальной правды совѣмъ не означаетъ «соціального христіанства». Христіанство есть духовная, а не социальная религія, и христіанское откровеніе обращено прежде всего къ вѣчному въ личности. Соціальное же истолкованіе христіанства отдаетъ все во власть времени.

Совершенно извращенной является та психологія, которая предлагаетъ ослабить и даже угасить энергію въ осуществленіи правды въ виду того, что сила грѣха и зла слишкомъ велика. Если сила грѣха и зла очень велика, то отсюда, казалось бы, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что энергія въ осуществленіи правды должна быть особенно напряженной. Величайшее заблужденіе думать, что нравственный актъ долженъ зависѣть отъ успѣха, отъ удачи въ побѣдѣ надъ противодѣйствующими силами зла. Это есть принципиальный этический оппортунизмъ. Нравственный актъ долженъ быть совершенъ независимо отъ того, каковы будутъ его практическіе результаты. Онъ учитывается въ нравственномъ мироустройствѣ и при видимой неудачѣ. Я долженъ творить правду, хотя бы даже предстояло въ мірѣ господство и власть неправды овладѣла бы въ будущемъ міромъ. Осуществленіе христіанства въ жизни есть творческой актъ свободы, а не приспособленія къ необходимымъ процессамъ, гарантирующимъ торжество въ будущемъ. Но ирраціональность свободы дѣлаетъ возможнымъ противодѣйствіе силъ зла и неправды. Во всякомъ случаѣ можно признать этической аксіомой, что должно стремиться къ реализаціи максимальной правды въ жизни, независимо отъ того, помѣшаютъ ли силы зла и грѣха реализовать ее. Сообразованіе съ реальной социальной обстановкой распространяется лишь на социальную-относительную сторону актовъ, а не на этико-абсолютную ихъ сторону. Ссылки же на силу грѣха и зла связаны обыкновенно съ нежеланіемъ, чтобы правда осуществилась, и являются лишь прикрытіемъ этого нежеланія. Но тѣ, которые хотятъ охранять социальное зло на основаніи грѣховности человѣческой природы пусть помнятъ, что грѣхъ всегда можетъ явиться въ неожиданныхъ для нихъ и очень

невыгодныхъ для нихъ формахъ. Если они хотятъ охранять грѣхъ, кристаллизовавшійся въ капитализмъ, и признать его вѣковѣчнымъ и сообразнымъ съ человѣческой природой, то неожиданно и катастрофически явится грѣхъ въ новой формѣ и кристаллизуется себя въ коммунизмъ, и ему придется подчиниться въ виду грѣховности человѣской природы. Вѣдь и рабство защищали на томъ основаніи, что человѣческая природа грѣховна и грѣхъ непреодолимъ. Эта аргументація всегда бываетъ опасна для тѣхъ, которые къ ней прибѣгаютъ, и легко обращается противъ нихъ. Защитники пониманія христіанства, какъ дѣла личнаго спасенія, признаютъ грѣхъ всегда личнымъ, и изъ личнаго грѣха дальше выводятъ невозможность болѣе справедливаго и свободнаго социальнаго строя. Безспорно грѣхъ коренится въ той глубинѣ личнаго бытія, въ которой онъ соприкасается съ сверхличнымъ. И онъ всегда имѣетъ социальную прозѣцію. Отсюда вытекаетъ выводъ обратный тому, который дѣлаетъ теорія невозможности осуществить социальную правду въ виду грѣховности человѣческой природы. Эксплуатація есть грѣхъ. Но грѣхъ, всегда вкорененный въ глубины личнаго бытія, въ формѣ эксплуатаціи переходитъ въ явленіе социальное. Если канитальность эксплуатируетъ рабочихъ, то это есть грѣхъ, принявшій социальныя формы. Если носитель власти совершаетъ насилія и издѣвается надъ человѣческимъ достоинствомъ подчиненнаго ему, то это есть грѣхъ, принявшій социальныя формы. Между тѣмъ, какъ консервативная христіанская теорія думаетъ, что человѣкъ бываетъ грѣховенъ въ качествѣ какого-то отвлеченнаго частнаго существа, въ качествѣ же носителя власти или капиталиста онъ изъятъ изъ оцѣнки съ точки зрѣнія грѣха. Но человѣкъ силою и рядомъ бываетъ наиболѣе грѣшнъ въ своихъ социальныхъ функціяхъ, въ обнаруженіи похоти власти или похоти наживы. Человѣкъ пасилуетъ и эксплуатируетъ другихъ въ своихъ социальныхъ функціяхъ не потому, что вообще человѣческая природа грѣховна и что насиліе или эксплуатація неустраимы въ виду этой грѣховности, а потому что именно онъ грѣховенъ. Между тѣмъ, какъ его же готовы защищать на томъ основаніи, что все равно человѣческая природа безнадежно грѣховна. Это есть совершенно порочная аргументація. И обыкновенно она неожиданно оборачивается и начинаетъ признавать насиліе и эксплуатацію уже не продук-

томъ грѣха, а вѣчной и даже справедливой основой чело-
вѣческаго общества. Нѣтъ ничего циничнѣе и безстыднѣе,
чѣмъ провозглашеніе истинъ такого порядка: люди стра-
даютъ отъ соціального строя вслѣдствіе своей грѣховно-
сти и должны съ этимъ мириться. При этомъ невозможно
никакими аргументами доказать, что тѣ, которые наибо-
лѣе страдаютъ отъ даннаго строя являются и наибо-
лѣе грѣховными, напримѣръ, рабочіе въ капиталистическомъ
строѣ или крестьяне въ крѣпостномъ хозяйствѣ, или всѣ
кромѣ рабочихъ и коммунистовъ въ строѣ совѣтскомъ.
Это всегда оказывается теодицеей, построенной по типу
разсужденій утѣшителей Іова. Но они то, какъ извѣстно,
и были осуждены Богомъ. Христіанская вѣра зоветъ каж-
даго изъ насъ просвѣтленно переживать собственныя стра-
данія, какъ результатъ грѣха, но никого не зоветъ увели-
чивать чужія страданія на томъ основаніи, что они являют-
ся послѣдствіемъ грѣха. Исчислять чужіе грѣхи и устанав-
ливать соответствующія имъ соціальныя страданія есть
очень низменный и нехристіанскій родъ занятій, — хотя
христіанскіе лицемѣры всѣхъ вѣроисповѣданій имъ много
занимались. Подлиннымъ христіанскимъ императивомъ яв-
ляется облегченіе чужихъ страданій, не только личныхъ,
но и соціальныхъ. А это предполагаетъ борьбу съ соці-
альной проекціей зла.

V.

Невозможно отрицать, что христіанство переживаетъ
глубокій кризисъ и вступасть въ совершенно новую эпо-
ху. Церковь поставлена предъ соціальной дѣйствитель-
ностью еще невиданной и къ которой она еще не устано-
вила опредѣленнаго отношенія. Новое положеніе христіан-
ской Церкви въ мірѣ опредѣляется съ одной стороны раз-
рушеніемъ старыхъ отношеній Церкви и государства, без-
поворотнымъ повидимому крушеніемъ такъ называемаго
«христіанскаго государства», съ другой стороны вступле-
ніемъ въ историческій процессъ новыхъ соціальныхъ клас-
совъ, которые раньше были угнетены и подавлены, теперь
же обнаруживаютъ волю къ господству и преобладанію.
Церковь не можетъ въ своей внутренней жизни опредѣ-
ляться какой бы то ни было соціальной обыденностью, ка-
кимъ бы то ни было состояніемъ соціальной среды, по

изъ собственной внутренней жизни она должна опредѣлять свое отношеніе къ возникающимъ социальнымъ задачамъ. А это будетъ означать преодоленіе застарѣвшаго дуализма личного и общественнаго, небеснаго и земнаго, спасающаго и творящаго. Раньше или позже церковное сознаніе должно будетъ высказаться объ отношеніи къ социальному творчеству, къ усиліямъ осуществлять правду въ социальной жизни. И заранее можно сказать, что это отношеніе, освобожденное отъ старыхъ предрассудковъ и отъ обслуживания интересовъ, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющихъ, будетъ сложнымъ и невыразимымъ въ простой формулѣ. Преодоленіе нестерпимаго дуализма, разрывающаго нашу жизнь, должно вѣдрить въ христіанскую жизнь психологію творчества и строительства, которая въ прошломъ была подавлена психологіей грѣха и покаянія. Эта новая психологія обнаружитъ невозможность творить и строить жизнь при исключительной сосредоточенности на грѣхѣ. Но Церковь всегда будетъ духовно бороться противъ социальныхъ движеній, которыя совѣмъ забываютъ о грѣхѣ и на этомъ забвеніи хотятъ основать свое царство. Христіанство не можетъ не прिवѣтствовать всякаго осуществленія правды въ социальной жизни, подлиннаго освобожденія отъ рабства, подлиннаго братства людей, социального строя, основаннаго на уваженіи къ достоинству человѣческой личности, какъ образа и подобія Божьяго. Но оно не можетъ не возставать противъ абсолютной власти и диктатуры общества, мнящаго себя носителемъ совершенства, надъ духовной жизнью человѣческой личности, въ чемъ бы эта абсолютная власть ни проявлялась, — въ неограниченномъ ли народовластіи и господствѣ массъ, въ тираніи ли общественного мнѣнія или въ новомъ социальномъ коллективѣ. Не только власть государства, но и власть общества съ христіанской точки зрѣнія ограничена и относительна. Духовная жизнь въ глубинѣ своей непроницаема не только для государства, но и для общества, для организованнаго народа. Этимъ опредѣляется сложность отношенія христіанства къ социальному движенію нашего времени, ибо движеніе это стремится не только къ социальной правдѣ, но и къ новой тираніи общества, болѣе страшной, чѣмъ старая тиранія государства. Съ христіанской точки зрѣнія всякая абсолютизація социальности, тѣхъ или иныхъ социальныхъ формъ есть ложь и духов-

ное рабство. Духъ долженъ быть раскрытъ отъ власти социальности, которая принимаетъ самыя разнообразныя формы, и свободно определить свое отношеніе къ социальному творчеству, къ осуществленію социальной правды. Парадоксъ человѣческаго существованія въ томъ, что одержимость правдой можетъ стать источникомъ неправды и лжи, одержимость свободой можетъ стать источникомъ рабства и тираніи, одержимость справедливостью можетъ творить величайшую несправедливость. Это достаточно показано во всѣхъ революціяхъ, не только въ революціи русской. Грѣхъ то внушаетъ человѣку мысль, что социальной правды осуществлять совѣмъ не нужно, то извращаетъ эту самую правду и перерождаетъ ее въ неправду.

Вотъ почему въ подлинно христіанскомъ отношеніи къ социальной жизни есть суровая трезвость, отсутствіе иллюзій и ложной мечтательности. Воля къ осуществленію правды въ жизни должна быть совершенно независима отъ оптимистическихъ или пессимистическихъ представлений о будущемъ. Никто изъ насъ не можетъ учесть силу грѣха и отнести его пребываніе къ опредѣленному лагерю, взвѣсить дѣйствіе ирраціональныхъ силъ въ социальномъ процессѣ, предвидѣть искаженія и извращенія, порожденныя злымъ направленіемъ свободы. Въ каждый моментъ правда должна осуществляться во всей полнотѣ жизни, во всей полнотѣ отношеній человѣка къ человѣку. Социальная активность христіанства не можетъ быть созданіемъ новой утопіи. Крушеніе утопіи теократической должно быть въ этомъ отношеніи поучительнымъ и предостерегать относительно будущаго. Центръ тяжести христіанскаго социального творчества лежитъ въ христіанизации жизни, а не въ созданіи плановъ и проектовъ совершеннаго социального строя. Христіанизация же жизни не можетъ быть принудительной, она предполагаетъ свободу. Царство Божіе приходитъ непримѣтно. Оно приходитъ изнутри, а не извне. Всѣ социальные утопіи имѣютъ религиозные источники и означаютъ безосознательное переживаніе хиліастическихъ упованій. Но въ социальныхъ утопіяхъ эти хиліастическія упованія секуляризованы и рационализированы. Въ нихъ обнаруживаются отрицательныя и соблазнительныя стороны хиліазма, какъ ожиданіе, что Царствіе Божіе наступитъ въ чувственномъ мірѣ, въ нашемъ времени, въ матеріальныхъ условіяхъ земной дѣй-

ствительности. Этотъ ложный хилиазмъ, осужденный церковнымъ сознаніемъ, и торжествуетъ въ социальномъ утопизмѣ. Но христіане ищутъ Царства Божьяго, и Царство Божіе приходитъ не только въ концѣ временъ, но и въ каждомъ мгновеніи жизни. И въ каждомъ мгновении жизни Царство Божіе творится, создается, приходитъ. Идея Царства Божьяго, центральная для христіанства, постигается прежде всего въ перспективѣ внутренней жизни и активности духа, а не во внѣшней перспективѣ времени и социального строя. Тогда она дѣлается источникомъ творчества лучшей жизни. Христіане не могутъ не стремиться къ новой и лучшей жизни, къ радикальному перерожденію жизни. Въ этомъ смыслѣ христіанство совершенно революціонно, ибо оно устремлено къ Царству Божьему, т. е. къ жизни непохожей на нашу старую грѣшную жизнь. Но именно потому, что оно устремлено къ подлинному и радикальному перерожденію жизни, оно отличается по своему духу, по своимъ упованіямъ отъ внѣшнихъ социальныхъ революцій. Осуществленіе евангельскихъ завѣтовъ есть перерожденіе всей жизни. И тутъ мы сталкиваемся съ основной антиноміей и парадоксомъ христіанства въ вопросѣ, который насъ сейчасъ интересуетъ. Евангеліе само по себѣ не социально и социальное истолкованіе христіанства есть ложное и поверхностное истолкованіе. Если бы Евангеліе было социально, то оно было бы временно, а не вѣчно, оно не было бы для всѣхъ временъ, для всѣхъ классовъ, для всѣхъ людей, каково бы ни было ихъ социальное положеніе. Евангеліе одинаково обращено къ человѣку средневѣковому и къ человѣку новаго времени, и къ человѣку время грядущихъ, къ помѣщику и крестьянину, къ буржуа и рабочему, къ аристократу и простому человѣку, къ элиту и къ іудею. Оно обращено къ глубинѣ человѣческой души, къ вѣчной основѣ въ человѣкѣ, и оно въ каждомъ пробуждаетъ образъ и подобіе Божье. Евангеліе призываетъ искать Царства Божія и правды его, но въ Евангеліи нельзя пайти начертанія какого-нибудь социального строя, ему чужды какой-либо социальный идеаль, какой-либо идеаль государственнаго устройства. Социальныя формы, принадлежащія времени, предоставлены творческой активности человѣка.

Можно ли изъ Евангелія, совсѣмъ не социальнаго и не къ социальному обращеннаго, сдѣлать какіе-нибудь социальные выводы, или Евангеліе вызываетъ совершенное

соціальное равнодушіе? Въ этомъ трудность проблемы. Это въ сущности есть проблема отношенія духовнаго къ соціальному, внутренняго къ внѣшнему, вѣчнаго къ временному. Духовное, внутреннее и вѣчное должно возвышаться надъ всѣмъ соціальнымъ, внѣшнимъ и временнымъ и должно быть абсолютно независимо отъ него. Безспорно христіанство учитъ, что перерожденіе жизни, осуществленіе правды въ жизни есть результатъ измѣненія людей, духовнаго ихъ перерожденія. Но измѣненіе людей, духовное ихъ перерожденіе, осуществленіе людьми евангельскихъ завѣтовъ, неизбежно влечетъ за собой соціальныя послѣдствія, соціальныя измѣненія, осуществленіе правды и въ жизни соціальной. И само духовное измѣненіе и перерожденіе людей невозможно понимать индивидуалистически, личность не можетъ быть изолирована въ своемъ стремленіи къ Царству Божьему и совершенству, подобному совершенству Отца Небеснаго, она неизбежно измѣняетъ и перерождаетъ общество, его первичныя клѣтки, общеніе человѣка съ человѣкомъ. Евангеліе не соціально во внѣшнемъ смыслѣ слова, но Царство Божіе метафизически соціально. И ожиданіе Царства Божьяго, Новаго Иерусалима есть и соціальное ожиданіе, хотя соціальность эта невыразима ни въ какихъ извѣстныхъ намъ соціальныхъ формахъ. Никакая самая идеальная соціальная форма не можетъ требовать себѣ монополіи быть по преимуществу и исключительно христіанской. Христіанское откровеніе о Царствѣ Божіемъ есть кризисъ и катастрофа всякой соціальной формы, есть абсолютный прерывъ во времени. Но съ точки зрѣнія абсолютныхъ духовныхъ основъ общества христіане могутъ совершать оцѣнки относительныхъ формъ общества. И вотъ они должны оцѣнивать болѣе высоко тѣ относительныя формы общества, въ которыхъ свобода духа и достоинство человѣческаго лица побѣждаютъ рабство и униженіе человѣка человѣкомъ. Христіанство отвергаетъ соблазнъ Царства міра сего. Соблазнъ этотъ былъ отвергнутъ Христомъ въ пустынѣ. Но если христіанство отвергаетъ соблазнъ рая на землѣ, то это не значитъ, что оно хочетъ ада на землѣ, какъ болѣе соответствующаго грѣховности человѣческой природы. Земная человѣческая жизнь лежитъ между адомъ и раемъ. Въ ней есть много адскаго, но не наше дѣло увеличивать эту адскость, наше дѣло уменьшить ее. Изъ того, что въ нашей грѣшной земной жизни недости-

жима абсолютная и совершенная свобода, не слѣдуетъ, что нужно стремиться къ насилию и рабству. Изъ того, что въ ней неосуществима совершенная любовь и братство людей, не слѣдуетъ, что нужно стремиться къ звѣрскимъ отношеніямъ между людьми и къ эксплуатаціи чело-вѣка чело-вѣкомъ. Изъ того, что недостижима на землѣ легкость и беззаботность райской жизни, и что чело-вѣкъ долженъ въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой, не слѣдуетъ, что нужно потъ этотъ сдѣлать кровавымъ и возложить на людей тяжесть и заботу непереносимую. Дѣло грѣха мѣшать осуществленію жизни болѣе просвѣтленной и болѣе соответствующей царственному назначенію чело-вѣка въ мірѣ, — наше дѣло способствовать осуществленію такой жизни. Въ творческомъ актѣ тоже побѣждается тяжесть грѣха и въ творествѣ социальномъ должна побѣждаться тяжесть грѣха социального. Существуетъ социальная кристаллизація грѣха, и ее необходимо разбивать творческими усиліями. Наша христіанская совѣсть должна осуждать не только личный, но и социальный грѣхъ и стремиться къ его искупленію. Неискупленный социальный грѣхъ ведетъ къ катастрофамъ. Добро мирится съ социальнымъ грѣхомъ и зло возстаетъ противъ него. Это ведетъ къ концу цѣлыхъ историческихъ эпохъ, къ гибели цѣлыхъ цивилизацій. Мы живемъ въ одну изъ такихъ эпохъ. И она съ необычайной остротой ставитъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ социальному творчеству и къ социальной правдѣ.

Николай Бердяевъ.

Изъ записной тетради

Извѣстна судьба Гегелевскаго изреченія: «Was vernünftig ist, das ist wirklich; und was wirklich ist, das ist vernünftig», — «все дѣйствительное разумно; и все разумное дѣйствительно». Когда-то оно возбуждало бури негодованія и восторговъ. Потомъ его растолковали: Гегель «не ставилъ знака равенства между разумомъ и дѣйствительностью-вообще». Онъ имѣлъ въ виду истинно-дѣйствительное. И уже Эдуардъ Гансъ, выпустившій посмертное издание «Философiи Права», доказывалъ, что въ формулѣ Гегеля не было ничего реакціоннаго.

Вотъ что говорить, однако, Гегель въ знаменитомъ предисловіи къ «Основамъ философiи права»: «Настоящая работа, поскольку она содержитъ ученіе о государствѣ, должна быть лишь попыткой понять и представить государство, какъ нѣчто разумное въ себѣ (als ein in sich Vernünftiges). Въ качествѣ философскаго произведенія она всего дальше отъ конструированья государства, — какимъ государство быть должно (einen Staat wie er sein soll). Стоитъ прочесть хотя бы девятнадцать параграфовъ (§ § 231-249), посвященныхъ Гегелемъ полиціи, чтобы усомниться въ вѣрности словъ Эдуарда Ганса. Или же пришлось бы затѣять споръ о томъ, что такое полиція: просто ли дѣйствительное или истинно-дѣйствительное? Конечно, въ свое время велись и такіе философскіе споры; ибо, какъ говорить, по другому поводу, не безъ гордости тотъ же Эдуардъ Гансъ: «Чего только не обосновывалъ или не пытался обосновать нѣмецкій духъ?..»

Безъ всякихъ оговорокъ, безъ всякаго желанія укрыться за истинно-дѣйствительное, ту же идею гораздо раньше высказывалъ Попъ:

All discord — harmony not understood,
All partial evil — universal good;

And spite of pride, in erring reason's spite,
One truth is clear: whatever is is right *).

Поэты смѣлѣе философовъ, — съ нихъ спрашиваютъ меньше...

Всего нѣсколькими страницами дальше знаменитаго изреченія, Гегель бросилъ мысль, менѣе вызывающую, но неизмѣримо болѣе значительную и интересную:

«Um noch über das Belehren, wie die Welt seyn soll, ein Wort zu sagen, so kommt dazu ohnehin die Philosophie immer zu spät. Als der Gedanke der Welt erscheint sie erst in der Zeit, nachdem die Wirklichkeit ihren Bildungsprocess vollendet und sich fertig gemacht hat... Wenn die Philosophie ihr Grau in Grau malt, dann ist eine Gestalt des Lebens alt geworden, und mit Grau in Grau lässt sie sich nicht verjungen, sondern nur erkennen; die Eule der Minerva beginnt erst mit der einbrechenden Dämmerung ihren Flug»...

Эта мысль не только прекрасна (переводить не рѣшались). Въ наши дни она кромѣ того и до нѣкоторой степени утѣшительна. Въ часъ наступленія сумерокъ (такихъ сумерокъ, какія Гегелю и не снились) сова Минервы должна начать свой тяжелый полетъ...

Но все-таки очень жаль, что философія является «immer zu spät».

**

Фридрихъ Штейнъ писалъ на склонѣ своихъ дней: «Результатъ моего жизненнаго опыта — ничтожество челоувѣческаго знанія и дѣйствія, въ особенности политическаго»...

Его считаютъ главнымъ создателемъ новой Пруссіи. Лѣтъ восемь тому назадъ я слышалъ рѣчь Штреземана въ рейхстагѣ: въ очень трудную для Германіи минуту онъ призывалъ нѣмцевъ бодро вѣрить въ завѣты великаго Штейна.

**

До 1918 года я не понималъ, какъ можно быть пораженцемъ. Потомъ понялъ отлично. Сравниваю обѣ логическія

*) Всякій диссонансъ есть непонятая гармонія; всякое частное зло — общее благо. Вопреки горлости, вопреки заблуждающемуся разуму, одна истина ясна: все существующее хорошо.

цѣпи. Одна хуже другой. Но при вполне послѣдовательномъ оборонческомъ образѣ мыслей, мы неизбѣжно должны будемъ пожелать успѣха и пятилѣткѣ, и «колхозамъ», и даже ГПУ.

Арманъ Каррель съ оружіемъ въ рукахъ сражался за испанскую свободу противъ армій французскаго короля. Байронъ считалъ великимъ несчастьемъ англійскую побѣду при Ватерлоо. Вольтеръ поздравлялъ Фридриха II съ военными неудачами французовъ. У насъ на пораженчество, казалось бы, есть нѣсколько больше правъ.

На протяженіи двухъ столѣтій два человѣка подняли вооруженное возстаніе противъ могущественной страны; оба обратились за помощью къ ея «исконному врагу», который, впрочемъ, успѣлъ перемѣниться за время между двумя возстаніями. Первому изъ этихъ революціонеровъ поставили памятники; второго — повѣсили. Въ честь перваго слагали оды величайшіе поэты міра; второго забрасывали грязью. Историкъ, вѣрящій въ имманентную справедливость, вѣроятно, признаетъ, что геройское возстаніе Джорджа Вашингтона, въ отличіе отъ безумной попытки Роджера Кэзмента, шло по линіи движенія общечеловѣческаго прогресса. Историкъ, не вѣрящій въ имманентную справедливость, со вздохомъ повторитъ, что въ политикѣ успѣхъ даетъ возможность отличить подвигъ отъ преступленія... А преступленіе отъ «ошибки». Послѣднее вѣрно также и для казнящихъ. Ибо часто (хотя и не всегда) оправдываются слова Мальбранша: «колдуновъ всего больше тамъ, гдѣ ихъ жгутъ».

**

«Но то, что жизнью взято разъ, не въ силахъ рокъ отнять у насъ»... — Неужели? — Рокъ ежедневно отнимаетъ у насъ то, что казалось взятымъ жизнью. Прежде въ такихъ случаяхъ мы все вваливали на «рудиншину», на «обломовщину», на «русскую жизнь», на «среду», которая заѣла половину героевъ нашей литературы. Теперь надо придумать что-либо другое. И красотой образа Рудина тоже нельзя будетъ никого прельстить: ни красотой безвольнаго начала, ни красотой баррикаднаго конца. Вдобавокъ, иностранцамъ, я думаю, оно и не совсѣмъ понят-

но: безвольнаго Рудина Тургеневъ писалъ съ Бакунина! Какіе же у нихъ въ Россіи волевые?

**

Тургеневъ писалъ Герцену:

«Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ ты видишь великую благодать и новизну, и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, *das Absolute*... Богъ вашъ любить до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите, богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете»... «Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій меньше всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человѣкъ, самому себѣ предоставленный, неминуемо вырастаетъ въ старообрядца: вотъ, куда его гнѣтъ и претъ, а вы сами лично достаточно обожглись ча этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темъ, и тиранія. Что же дѣлать? Я отвѣчаю, какъ Скрибъ: *regardez mon ours*, --- возьмите науку».

Тургеневъ мало предсказывалъ и неохотно проповѣдывалъ, но почти всегда хорошо, потому что и предсказывалъ, и проповѣдывалъ онъ самыя элементарныя вещи, вродѣ: ученье — свѣтъ, а неученье — тьма. Онъ-то и оказался первымъ политическимъ мудрецомъ среди классическихъ русскихъ писателей. Снисходительная тонкая мудрость Тургенева еще недостаточно оцѣнена.

И въ области чистой политики всего пріятнѣе мнѣ были люди Тургеневскаго склада. Сдѣлали, быть можетъ, и они не такъ много, но зато не такъ много и общали. Отъ нихъ не останется ни историческихъ восклицаній, ни «бронзовыхъ векселей».

**

Интересный человѣческій документъ: разговоръ Наполеона съ Бенжаменомъ Констаномъ, рассказанный въ воспоминаніяхъ Констана. Изъ этихъ двухъ людей одинъ — теоретикъ исторіи и права, другой — ихъ создатель; одинъ — философъ, другой — тема для философа; одинъ пишетъ романы, другой творить ихъ своей жизнью. Оба внимательно всматриваются другъ въ друга. Наполеонъ чуть презираетъ Констана, — надменная мудрость все пе-

режившаго челоуѣка, снисхожденіе легендарнаго диктатора къ либеральному юристу. Констанъ не безъ робости вглядывается въ стоящее передъ нимъ живое чудо, хочетъ понять душу Наполеона художественнымъ инстинктомъ, старается противопоставить идеѣ императора одну изъ своихъ идей... «Дѣло пятнадцати лѣтъ моей жизни погибло», — говоритъ Наполеонъ, — «оно не можетъ быть начато вновь». И въ это хладнокровное замѣчаніе челоуѣка, который констатируетъ фактъ и дѣлаетъ изъ него выводъ, вдругъ вскальзываетъ нота неукротимаго кондотьера, давно утратившаго представленіе о невозможномъ: «Il faudrait vingt ans et deux millions d'hommes à sacrifier!...» Но нѣтъ ни того, ни другого, — ни двадцатилѣтняго срока, ни двухъ милліоновъ жизней... Практикъ тотчасъ же беретъ верхъ надъ кондотьеромъ. — Мнѣ нуженъ народный энтузіазмъ. Народъ хочетъ (*veut ou croit vouloir*) свободы, — говоритъ Наполеонъ тономъ челоуѣка, котораго нельзя удивить никакой игрушкой, я готовъ заплатить ему за одушевленіе конституціей, свободой слова, отвѣтственностью министровъ. «Je comprends la liberté»...

Именно такъ онъ понималъ свободу; да и не только ее. Демократія — политическія развлеченія для всѣхъ; диктатура — политическія развлеченія для одного. Диктатура преимущественно на основѣ устрашенія; демократія преимущественно на основѣ подкупа.

А теперь? За сто пятнадцать лѣтъ политическая мысль должна была уйти впередъ.

Опытный челоуѣкъ предлагаетъ выходъ. Надо организовать парламентскую коррупцію, которая до сихъ поръ не упорядочена. «Надо же понять, что въ основѣ парламентскаго строя лежитъ коррупція. Это не цинизмъ. Это признаніе безспорной истины. Нужно принимать людей такими, каковы они въ дѣйствительности, а не изображать на лицѣ брезгливость»...

Слѣдуетъ подробное развитіе этихъ мыслей: демократія должна дать удовлетвореніе возможно большому числу честолюбивыхъ людей въ парламентъ; нужно поэтому увеличить число министерствъ; нужно завести, какъ въ Англии, секретаря по дѣламъ распредѣленія правительственныхъ подачекъ, *patronage secretary*, или, по терминологіи автора, «*le corrupteur en chef*».

Кто же это такъ изображаетъ демократію? Леонъ До-

дэ? Гитлеръ? Нѣтъ, это пишетъ одинъ изъ столповъ демократіи, лѣвый профессоръ Гастонъ Жезъ, финансовый совѣтникъ «Картеля».

Этому авгуру даже не смѣшно смотрѣть въ лицо другимъ авгурамъ: что тутъ смѣяться, дѣло житейское.

Сходныя мысли можно найти и у сторонниковъ диктатуры. Очень интересно писалъ, на примѣръ, Муссолини о Маккиавелли. Только у нихъ все же откровенности меньше, а дисциплины больше. О кризисѣ демократіи вѣдь первые заговорили демократы. Еще ни одинъ диктаторъ о кризисѣ диктатуры не говорилъ.

А можетъ быть, Жезъ — «внутренній врагъ»? Очень они опасны, незамѣтные внутренние враги — и для диктатуры, и для демократіи. Зарѣжутъ — да еще скажутъ надгробное слово,—какъ императоръ Фердинандъ, подославшій къ Вааленштейну убійцу, велѣлъ отслужить по немъ три тысячи панихидъ.

**

«Неутолимое страданіе, нищета, развратъ — что такъ широко разлито на страницахъ Достоевскаго — это только гноище, на которомъ по закону необходимости вырастаютъ преступное; искаженные характеры, то возвышающіеся до гениальности, то ниспадающіе до слабоумія — это отраженіе того же преступнаго въ человѣческихъ генераціяхъ, наконецъ, это борьба съ ними человѣка и безсиліе его побѣдить; среди хаоса беспорядочныхъ сценъ, забавно-нелѣпыхъ разговоровъ (быть можетъ, умышленно нагроможденныхъ авторомъ) — чудные діалоги и монологи, содержащіе высочайшее созерцаніе судебъ человѣка на землѣ — здѣсь и бредъ, и ропотъ, и высокое умиленіе его страдающей души. Все, въ общемъ, образуетъ картину, одновременно и изумительно вѣрную дѣйствительности, и удаленную отъ нея въ какую-то безконечную абстракцію... Удивительно. — въ эпоху совершенно безрелигіозную, въ эпоху существеннымъ образомъ разлагающуюся, хаотически смѣшивающуюся, создается рядъ произведеній, образующихъ въ цѣломъ что-то напоминающее религіозную эпопею, однако со всѣми чертами кощунства и хаоса своего времени. Всѣ подробности здѣсь — наши; это — мы, въ своей плоти и крови, въ безконечномъ грѣхѣ и покаяніи говоримъ въ его произведеніяхъ;

и, однако, во всё эти подробности вложенъ не нашъ смыслъ или, по крайней мѣрѣ, смыслъ, котораго мы въ себѣ не знали. Точно кто-то, взявъ наши хулящія Бога языки и, ничего не измѣняя въ нихъ, сложилъ ихъ такъ, такъ сочеталъ тысячи разнородныхъ ихъ звуковъ, что уже не хулу мы слышимъ въ окончательномъ и общемъ созвучіи, но хвалу Богу; и ей удивляясь, къ ней влечемся».

Въ ту пору, когда это писалъ Розановъ, мы еще были молоды. «*Топ siècle était, dit-on, trop jeune pour le lire*»... Жизнь оказалась лучшимъ комментаторомъ Достоевщины. Въ Москвѣ есть по Достоевскому семинаріи. Самый наглядный — на Лубянкѣ.

Какъ нѣкоторыя геніальныя мысли Чаадаева, романъ «Бѣсы» не былъ понятенъ до событій послѣдняго десятилѣтія. Въ минуты мрачнаго вдохновенія зародилась эта книга въ умѣ Достоевскаго. Этотъ человекъ, не имѣвшій представленія о политикѣ, былъ въ своей области подлинный пророкъ, провидецъ глубины и силы необычайной. Октябрьская революція безъ него непонятна; но безъ «прорекціи» на нынѣшнія событія непонятенъ до конца и онъ, черный брилліантъ русской литературы...

«Преступленіе и наказаніе». Геніальный ребусъ. «Парадоксъ» о Наполеонѣ и Аленѣ Ивановѣ логически не разрѣшается и не разрѣшимъ. Достоевскій ничего не можетъ отвѣтить Раскольникову (такъ же, какъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Алеша ничего не можетъ отвѣтить Ивану). Преступленіе занимаетъ въ книгѣ десять страницъ, а наказаніе семьсотъ. Преступленіе (гнусное и ужасное) рассказано такъ, что духъ захватываетъ (помню, какъ я читалъ въ первый разъ): «Вдругъ схватятъ Раскольникова?.. Нѣтъ, слава Богу, спася!..» А при изображеніи наказанія — художественный фокусъ: каторга показана очень уклончиво, сдержанно, въ эпилогѣ. Достоевскій хорошо зналъ, что такое каторга. Описать ее здѣсь по настоящему значило бы вызвать безнадежную путаницу во всемъ замыслѣ романа. Наказаніе стало бы тоже преступленіемъ и отъ злополучной идеи «очищенія страданіемъ» осталось бы, вѣроятно, немного. Пришлось бы очистить страданіемъ и все каторжное начальство. Когда у Достоевскаго зло

побѣждается добромъ, читатель испытываетъ смутное безпокойство. Въ свѣтѣ того, что Достоевскій зналъ и думалъ о жизни, «Дневникъ писателя» кажется насмѣшкой.

Въ мирѣ не было столь мрачнаго писателя. Удивительно то, какъ непривлекательны его пр и в л е к а т е л ь н ы е герои (о другихъ не стоитъ и говорить). Его собственная жизнь — сплошное страданіе, порою настоящій адъ. Онъ былъ больше, чѣмъ «un de ces pauvres diables qui sont la sougonne de l'humanité», — какъ говорилъ о Гейне Бодлеръ.

Умъ Достоевскаго: кладбище, объятое пожаромъ. — не нахожу другого сравненія.

«Плохо писалъ... Кинематографъ!..» говорилъ мнѣ о Достоевскомъ знаменитый русскій писатель, который очень его не любитъ.

Врубель какъ-то сказалъ, что, если-бъ онъ былъ богатъ, не писалъ бы самъ картинъ, а заказывалъ бы ихъ художнику съ техникой, объяснивъ подробно весь свой замыселъ!

Техника Достоевскаго, въ нѣкоторыхъ романахъ изумительная, была со срывами (какъ языкъ у него астматическій). У Толстого глава о Нехлюдовѣ въ «Воскресеніи» начинается такъ: «Въ то время, когда Маслова, измученная длиннымъ переходомъ, подошла со своими конвойными къ зданію окружного суда, тотъ самый племянникъ ея воспитательницы, князь Дмитрій Нехлюдовъ, который соблазнилъ ее, лежалъ еще на своей высокой постели», и т. д. Это значитъ: можно было бы, конечно, устроить тебѣ, читатель, эффектный сюрпризъ, но мнѣ сюрпризы и эффекты не нужны и не подобаютъ, — сразу говорю: «тотъ самый, который соблазнилъ ее»... Достоевскій въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» тщательнѣйшимъ образомъ скрываетъ до конца, что Нелли дочь князя. Однако читатель тотчасъ объ этомъ догадывается.

Во всякомъ случаѣ Достоевскій имѣлъ право писать «плохо», — Жюль Ренаръ только за Бальзакомъ и признавалъ это право.

**

Говорятъ: «le style c'est l'homme». Едва ли это вѣрно. Какіе сдѣлаешь выводы о душѣ Лермонтова изъ простоты, изъ ясности его божественной прозы (лучшей въ русской, а, можетъ быть, и въ міровой литературѣ)? По великолѣпнымъ законченнымъ періодамъ Флобера никто не скажетъ, что онъ былъ эпилептикъ и очень несчастный человѣкъ. Мистикъ Сведенборгъ былъ инженеръ-химикъ и свои работы по металлургіи писалъ, вѣроятно, такъ, какъ полагается писать инженерамъ. Le style c'est l'homme de lettres — и только.

**

«Мертвыя души». Изумительная книга. Какой гениальный писатель! Даже Толстой имѣетъ предшественниковъ (вѣдь считаютъ его иные западные критики «продолжателемъ дѣла Стендаля»). У Гоголя предшественниковъ нѣтъ (хоть тоже, конечно, называли). Онъ не похожъ ни на кого.

Въ учебникахъ исторіи словесности его называютъ «реалистомъ»: онъ «принесъ правду въ русскую литературу».

Почти наудачу:

«Господинъ былъ встрѣченъ половымъ, живымъ и вертявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо»...

«Шумъ отъ перьевъ (въ гражданской палатѣ) былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣтъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями»...

«Хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что «городъ нашъ украсился, благодаря попенченію гражданского правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день», и что при этомъ «было очень умиительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику»...

Разумѣется, не было и не могло быть ни такихъ газетъ, ни такихъ канцелярій, ни такихъ половыхъ. Надоѣ-

ли школьные термины, но если это «реализмъ», что такое «гротескъ»? Гоголь правдивѣе Жуковского, какъ Домье правдивѣе, чѣмъ Мурильо. Настоящую правду принесъ въ мировую литературу Толстой. Онъ и Крылова не признавалъ: выдуманный языкъ, выдуманныя положенія (тоже и у Лафонтена), лиса сыра терифть не можетъ!..

И поговорить Гоголь очень любилъ:

«Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любить чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человекъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ»...

Любилъ поболтать — несмотря на «смѣхъ сквозь слезы», «необыкновенную скупость въ изобразительныхъ средствахъ», и все то, чему насъ учили въ гимназіяхъ. Вся плохая часть русской литературы вышла изъ нѣсколькихъ неудачныхъ страницъ Гоголя, — это въ сущности высшая ему похвала.

Въ своихъ «*Reflexions on the Revolution in France*» Эдмундъ Беркъ доказывалъ, что революція погубила Францію своимъ неуваженіемъ къ историческимъ традиціямъ страны: «Вы начали плохо, такъ какъ начали съ презрѣнія ко всему, что у васъ было. Вы затѣяли торговлю безъ основнаго капитала. Если послѣднія поколѣнія въ вашей странѣ представлялись вамъ лишенными блеска, вы могли пройти мимо нихъ, обратившись къ болѣе отдаленной линіи предковъ. Вы не должны были разсматривать французовъ, какъ народъ, существующій со вчерашняго дня (*as a people of yesterday*), какъ націю, состоявшую изъ низкорожденныхъ тварей до освободительнаго 1789 года».

Слова эти точно вчера написаны. Но къ чему, къ кому надо было обратиться Россіи? Къ декабристамъ? Къ первымъ годамъ царствованія Александра? Къ Петру Великому?

Ни къ кому въ болѣе отдаленной линіи предковъ не обращались въ 1789 году французы. Ни къ кому не обращались за полтора вѣка до того англичане. У революцій своя историческая традиція (очень скверная): ни съ какими историческими традиціями не считается.

Вольтеръ и Руссо, идеологи той революціи, были по крайней мѣрѣ классическими писателями Франціи.

А у насъ — Ленинъ....

**

«Стиль Ленина»... «Литературные приемы Ильича»... «Какъ писалъ Ленинъ»... О, Господи!

Нѣтъ, этого никогда въ исторіи не было. Ни Павелъ I, ни императрица Екатерина, ни Людовикъ XIV не потерпѣли бы такой безстыдной лести. Да и придворные были умнѣе.

Бюловъ рассказываетъ анекдотъ:

Людовикъ XIV показалъ Сень-Симону свои стихи и спросилъ, что онъ о нихъ думаетъ. — «Sire, rien n'est impossible à Votre Majesté», — отвѣтилъ Сень-Симонъ. — «Vous avez voulu faire un mauvais sonnet, vous avez pleinement réussi».

**

Судъ современника:

Салтыковъ писалъ Анненкову объ «Аннѣ Карениной»: «Вѣроятно, Вы читали романъ Толстого о наилучшемъ устройствѣ быта дѣтородныхъ частей. Меня это волнуетъ ужасно. Ужасно думать, что еще существуетъ возможность строить романы на однихъ половыхъ побужденіяхъ... Можно ли себѣ представить, что изъ коровьяго романа Толстого дѣлается какое-то политическое знамя».

Мораль: вотъ до чего партійность и кружковщина доводятъ страстныхъ людей, даже такихъ умныхъ и талантливыхъ, какъ Салтыковъ!

Противоядіе: «судъ потомства». Правда, онъ мѣняется каждые двадцать пять лѣтъ. Но Толстые выдерживаютъ. Другимъ репутація дается въ аренду, — еще очень хорошо, если въ пожизненную. Отъ литературы девятнадцатаго вѣка по настоящему остался десятокъ именъ. Остальнымъ — пять строкъ въ Grundriss'ахъ и десять въ Hand-

buch'ахъ. Такъ съ парижскихъ кладбищъ по минованіи срока свозятъ кости въ общую могилу. «Concession à perpétuité» больше почти нигдѣ не выдаются. Вслѣдствіе переполненія.

**
*

Есть люди-анахронизмы. Особенно много ихъ у насъ. Но встрѣчаются они и на западѣ. Таковъ Уинстонъ Черчилль, — Бріанъ де-Буагильберъ въ роли канцлера казначейства. Онъ опоздалъ. Ему бы носиться въ латахъ, съ копьемъ, на боевомъ конѣ. А онъ составляетъ (или крикуетъ) бюджетъ.

**
*

Шартръ. Маленькій прелестный городокъ. Утромъ кажется: здѣсь бы прожить всю жизнь. А въ тотъ же вечеръ справляешься: нѣтъ ли повѣзда, чтобы сейчасъ же уѣхать.

Въ двухъ шагахъ отъ знаменитаго собора *Maison du Saumon*, домъ 15-го вѣка. Такіе дома во Франціи есть вездѣ; у насъ, если не ошибаюсь, былъ только одинъ частный домъ, насчитывавшій три столѣтія жизни; обиліе лѣсовъ въ Россіи было несчастьемъ русскаго искусства.

Старый домъ ужасенъ: какъ здѣсь жили люди? почему не устраивались лучше? Да потому и не устраивались, что на это смотрѣли, какъ на временное, неважное, скоро преходящее. Вся земля была въ ту пору постояннымъ дворомъ. Для настоящаго былъ соборъ, — онъ великолѣпнень.

Стали старше — одумались. Мольеръ говоритъ съ презрѣніемъ: «*le fade goût des monuments gothiques, ces monstres odieux des siècles ignorants*»...

**
*

Непостижимое мировоззрѣніе Клемансо: жизнь бессмысленна, міръ отвратителенъ, люди подлцы или бзраны, а потому — «*agir! agir!...*»

Зачѣмъ же *agir*?

Да еще легкій тикъ: «*les boches*».

**

Царь Петръ наказывалъ Никитѣ Демидову, своему комиссару на какихъ-то заводахъ: «Работать тебѣ съ крайнимъ и тщательнымъ радѣніемъ, напоминая себѣ смертные часы».

Какъ сжато, и какъ сильно! — тутъ лучшее, что было въ Петрѣ Великомъ.

Вотъ изъ этого и сдѣлаемъ девизъ на остатокъ дней.

М. Алдановъ.

Крень налѣво

(Изъ прошлаго).

I

Въ Россіи съ громаднымъ вниманіемъ читаются всякаго рода воспоминанія. Интересъ послѣ всего пережитаго вполне понятный: въ лицахъ, въ фактахъ, въ переплетѣ личнаго съ общественнымъ, въ схемахъ, наконецъ, ищутъ объясненія событій, разбившихъ старую Россію. Внутри Россіи нельзя, однако, заниматься построеніемъ схемъ, болѣе или менѣе удачно суммирующихъ многообразіе явленій или-же пытающихся найти закономерность въ вихрѣ и хаосѣ революцій. Тамъ господствуетъ лишь одна официальная схема, кладущая предѣлъ всякаго рода отклоненіямъ отъ нея пытливаго ума. Напротивъ, здѣсь, за рубежомъ, схематизмъ процвѣтаетъ, причемъ весьма часто въ предлагаемыхъ схемахъ совершенно отсутствуетъ предварительный анализъ тѣхъ фактовъ, которые положены въ основу построенія, и даже правильная разстановка ихъ. Стремленіе втиснуть въ рамки логической связности кажущуюся безсвязность историческихъ событій не только законно, но и совершенно необходимо для пониманія развивающихся процессовъ. Намъ, публицистамъ, приходится лишь жалѣть, что корифеи русской исторической науки мало отдавали вниманія изученію революціонныхъ движеній въ Россіи. Въ октябрѣ этого года исполняется 25 лѣтъ со времени первой русской революціи. Но какъ мало сдѣлано въ области историческаго анализа ея. Есть довольно полная сводки аграрнаго, рабочаго и земскаго движеній. Но почти отсутствуетъ сколько нибудь связное изложеніе политическихъ явленій, предшествовавшихъ революціямъ 1905 и 1917 г. Дѣйствія политическихъ партій, ихъ связанность съ населеніемъ, реакція на ихъ работу правительства, использованіе ими стихійныхъ движеній массъ, методы ихъ работы, — какъ все

это мало освѣщено! Въ частности, никто еще не далъ полной исторіи своеобразной политической организаціи въ періодъ, непосредственно предшествующій революціи 1905 г., — Союза Освобожденія. Этотъ пробѣлъ необходимо было-бы заполнить теперь, пока еще живы (какъ много уже ушло на тотъ свѣтъ!) политическіе дѣятели, активные участники этой организаціи. Исторія Союза Освобожденія интересна не столько потому, что эта организація играла значительную роль въ развитіи сознательныхъ (а не стихійныхъ) атакъ на самодержавіе, сколько въ смыслѣ познанія той среды, изъ которой дѣятели Союза пытались черпать силы для созданія «разумнаго центра» борьбы за вполне достижимыя цѣли.

Недостатокъ большинства схемъ, выбрасываемыхъ сейчасъ, *post factum*, для объясненія переживаемыхъ катастрофъ, это разстановка на російской аренѣ дѣйствій совсѣмъ не тѣхъ фигуръ, которыя тогда дѣйствовали. Съ этими воображаемыми, а не живыми фигурами можно, конечно, оперировать какъ угодно и заставлять ихъ дѣлать любые ходы. Но врядъ-ли можно добраться до сути причинъ, вызвавшихъ рядъ совершенно исключительныхъ по сложности факторовъ событій.

Вотъ почему такъ желательны подлинныя и правдивыя показанія участниковъ движенія и вотъ почему именно къ такого рода историческимъ документамъ тянется російскій читатель. Естественно желаніе узнать, какъ это было, а не какъ это могло-бы быть.

II.

Впрочемъ, есть не мало также любителей хорошо (главнымъ образомъ — по современной модѣ) скроенныхъ схемъ и разсужденій на тему: какъ это могло-бы быть. Трудно сказать, что руководить авторами такихъ фантастическихъ построеній: желаніе-ли вывести поученіе изъ событій прошлаго или-же неутолимая жажда найти виновныхъ, сорвать, такъ сказать, сердце на поимкѣ преступниковъ, — все вмѣстѣ, вѣроятно. Но, вѣдь, и для силы поученія, и для отысканія виновныхъ требуется все-же сохраненіе удѣльнаго вѣса тѣхъ факторовъ, которые вводятся въ построеніе. Безъ этого схема будетъ вовсе не поучительна и весь трудъ ея построенія пропа-

дствъ. Между тѣмъ именно это условіе рѣже всего соблюдается. Такъ, напримѣръ, едва-ли кто будетъ оспаривать, что въ ходѣ русской исторіи огромное значеніе имѣли (имѣютъ и сейчасъ) стихійные процессы, — «самотекъ», — часто вовсе не входящій въ расчетъ организованныхъ силъ, дѣйствующихъ планомерно и сознательно. Даже самая сильная власть не въ силахъ остановить это нарастающее народно-хозяйственныхъ процессовъ и сдвиговъ народной психологіи. Нечего, конечно, и говорить о власти надъ этимъ «самотекомъ» слабыхъ російскихъ организацій. Въ лучшемъ случаѣ онѣ могутъ использовать то или иное «стеченіе обстоятельствъ», но все же удѣльный вѣсъ этого самотека явленій неизмѣримо значительнѣе, чѣмъ сознательные ходы партій. Когда же говорятъ: вотъ такъ могло-бы быть, — говорятъ преимущественно, а иногда и исключительно о политическихъ акціяхъ партій, совершенно не взвѣсивая ихъ силы по сравненію съ процессами, развивающимися въ пользу или противъ ихъ усилій. Въ послѣдніе годы вниманіе схематистовъ чаще всего останавливается на поведеніи, вѣрнѣе, на такъ называемомъ «предательствѣ» либераловъ. Именно они, либералы, предали и монархію, и родину. Они плелись въ хвостъ революціи, повторяли революціонные лозунги, соблазняли Ахеронтъ заманчивыми обѣщаніями, а когда онъ поднялся, этотъ Ахеронтъ, и потребовалъ уплаты дутыхъ векселей, либералы не смогли загладить своей ошибки. А загладить ее было такъ легко: прильнуть къ монархіи, проклясть революціонеровъ, и всею силою своего вліянія поддержать падающій строй... Для людей, жаждущихъ найти виновниковъ, грубость и упрощенность схемы не бросается въ глаза, имъ нужна вовсе не историческая правда, а удовлетвореніе обуревающихъ ихъ чувствъ. Но, вѣдь, не нужно даже быть слишкомъ глубокимъ знатокомъ російской исторіи, чтобы признать чудовищно-искусственной такую постановку факторовъ. Достаточно поставить два, только два вопроса, достаточно отвѣтить на нихъ съ правильнымъ учетомъ тогдашней дѣйствительности, чтобы построеніе рухнуло. Вопросъ первый, — была ли къ событіямъ 900-хъ г. г. русская монархія все еще настолько сильна, чтобы къ ней можно было «прильнуть» или дать ей поддержку? Вопросъ второй, еще болѣе важный: былъ-ли русскій либерализмъ такъ силенъ, чтобы — пусть въ союзъ съ монархіей — дать перевѣсъ противъ лѣваго кре-

на и явиться организующей силой въ вихрь революціи?

Отвѣтъ на послѣдній вопросъ чрезвычайно важенъ. Если распадъ монархіи и бюрократіи къ 900-мъ годамъ XX-го столѣтія описанъ въ разныхъ вариантахъ и людьми самыхъ различныхъ направленій, то о силѣ русскаго либерализма въ широкихъ кругахъ общества имѣются самыя превратныя представленія. Такія ходячія фразы, какъ «свободолюбивое русское общество», «либеральныя вѣянія», «литература либераловъ», «настроеніе либеральнаго фланга» и т. д. встрѣчаются всюду. Ими оперируютъ, ими покрываютъ цѣлые историческіе періоды. Но — что подъ ними? Что такое «свободолюбивое русское общество»? Какова глубина свободолубія? Въ какихъ положеніяхъ это свободолубіе формулировано? Въ какихъ російскихъ учрежденіяхъ воплотилось, утвердилось?

Въ 1900 г. г., въ работѣ «Союза Освобожденія», пришлось измѣрить глубину этого свободолубія и коснуться его природы, его духовной сущности... Часто, очень часто и тогда, въ процесѣ этой работы, возникалъ настойчивый вопросъ: да что-же это такое, — русскій либерализмъ? Когда онъ родился, чѣмъ проявлялъ себя активно, чѣмъ питалъ русскую жизнь, какіе корни имѣлъ въ ней?

III.

Какъ странно... Четверть вѣка прошло со времени первой революціи. Пережили также эпоху лже-конституціонализма и вторую революцію. Но все еще не разставлены короли, кони, туры, офицеры и пѣшки такъ, какъ это было тогда, въ російской игрѣ силъ. Правильнымъ построениемъ схемы еще безсильны охватить всю лестроту событий и многообразіе факторовъ, ихъ опредѣлявшихъ. Но вотъ иногда прорѣжутъ туманъ чье-либо яркое воспоминаніе... Простая запись событій въ тотъ моментъ, когда они чередовались передъ встревоженными російскими гражданами, говоритъ иногда много больше, чѣмъ надуменная схема. Вотъ бушуетъ все кругомъ, нагромождаются событія, страшный крень налѣво, все закачалось, — гдѣ спасеніе? Кто кормчій? Кто? И чертятъ свою запись старый революціонеръ, отрѣкшійся отъ революціи, Левъ Тихоміровъ... Вѣдь это — дневникъ, шагъ за шагомъ, день

за днемъ — въ канунъ первой революціи... «Государь, пишетъ онъ, молится и плачетъ. Такъ называемые консерваторы — либо глупы, либо мошенники. Они не знаютъ монархіи, а знаютъ только бюрократію и также презираютъ «сермягу». Ну, а сермяга молчитъ и не имѣетъ никакихъ способовъ заговорить. Гнусная организація государства погубитъ народъ и царя. Взрослые русскіе люди, желающіе не протеста, не революціи, а просто разумнаго свободнаго строя, играютъ слабую роль и совсѣмъ неспособны справляться съ революціоннымъ движеніемъ... да и не хотятъ... Правительство, въ сущности, не благоустраиваетъ Россіи, а дѣлаетъ уступки изъ страха бунтовъ и особенно бомбъ. Поэтому, всѣ видимые шансы говорить, что насъ ждетъ весьма нелѣпная революція... Я говорю «нелѣпная», потому что у нея нѣтъ общей творческой идеи, а есть только отдѣльныя озлобленія, временно союзныя... Они всѣ союзники по разрушенію существующаго строя, но не по созиданію».

Это записывалось въ канунъ революціи 1905 г. Не схема, простая запись. Но какъ выпукло указаны всѣ факторы, опредѣлившіе развитіе событій! И чѣмъ дальше развиваются эти событія, тѣмъ острѣе чувствуетъ бывший революціонеръ основную суть ихъ, суть неотвратимую и страшную. Запись зрячаго человѣка того времени: «И что такое дѣлается съ Россіей? Революція? Но гдѣ ея идея? Это просто рушится старый строй, сгниль, не можетъ держаться и — вотъ отчего революція. У него не хватаетъ уже силы произвести реформу. Запоздалъ! Чего хотятъ революціонеры? Никто не можетъ подвести общаго итога, ибо его нѣтъ въ сознаніи. Въ сознаніяхъ есть только множество недовольствъ, есть общее невѣріе въ существующее, а стало быть, исканіе переменъ». И далѣе скорбная запись монархиста... «Этотъ императоръ — великое оружіе гнѣва Божія для погубленія Россіи... Но какъ бы то ни было, теперь начинается полная ликвидація стараго строя. Должны возникнуть новыя направленія, съ новыми людьми».

Не одинъ, конечно, Тихомировъ видѣлъ предопредѣленность паденія стараго строя и его неспособность не только къ реформѣ, но и къ простой самозащитѣ. Сами монархисты стали сомнѣваться въ цѣнности принципа самодержавія. Такъ Кирѣевъ, старавшійся отстоять самодео-

жавіе и внушить царю пониманіе разницы между Думой совѣщательной и парламентомъ, въ концѣ концовъ теряетъ терпѣніе. «Мы стоимъ надъ пропастью, пишетъ онъ Тихомірову... Едва-ли можно вселить въ царя желаніе что нибудь предпринять, стать царемъ! Въ этомъ отсутствіи воли и заключается вся наша бѣда. Это тотъ страшный аргументъ противъ самодержавія, на который мнѣ нечего возразить!»).

Все это — не схемъ, все это — подлинная исторія... Конечно, сейчасъ есть много охотниковъ не только къ передѣлкамъ этой подлинной исторіи, но и къ поискамъ виновниковъ грандіозной трагедіи! Записи современниковъ какъ будто недвусмысленно указываютъ и главнаго виновника: если самодержавіе, значитъ, вся отвѣтственность — въ одномъ лицѣ. Но у самодержца — нѣтъ воли, нѣтъ способности «что либо» предпринять, -- кто виновать въ томъ, что строй рухнетъ? И съ кѣмъ соединиться тѣмъ, кто хотѣлъ-бы этотъ строй тогда поддержать? Нѣтъ, лучше виновныхъ не искать... Гораздо важнѣе и интереснѣе ставить и рѣшать, — опять таки на основаніи письменъ подлинной исторіи, — другой вопросъ. Если уже въ началѣ 900 г. г. (да и гораздо раньше!) для многихъ было ясно, что «рухнетъ старый строй», что онъ «сгнилъ, не можетъ держаться», — то кто явится наслѣдникомъ самодержавія? Какія силы будутъ призваны къ тому, чтобы дать новую государственную обуюму странѣ, если ей удастся сбросить это политическое рабство? Если принять точку зрѣнія Льва Тихомірова и признать, что у революціонеровъ не было и деи революціи, — творческой идеи о томъ, что дѣлать завтра, на другой день послѣ переворота, что паоось имъ давали лишь идеи разрушительныя, то, вѣдь, были-же въ Россіи другія силы съ творческими способностями, съ разумомъ государственнымъ, съ намѣреніями — созидательными? О нихъ упоминаетъ и Тихоміровъ: это люди, «взрослые русскіе люди, желающіе не протеста, не революціи, а просто разумаго своего боднаго строя». Другими словами — либералы различныхъ толковъ.

Если монархисты естественно должны были «сгнить»

---

*) Необычайно интересный дневникъ Льва Тихомірова опубликованъ въ «Красн. Арх. за 1930 г. (Томы № № 38 и 39).

вмѣстѣ съ гнѣющимъ строемъ, опоздавшимъ дать реформу, то какую роль играли въ борьбѣ за новый строй вотъ эти другіе, понимавшіе необходимость переменъ? Тихомировъ опредѣляетъ: «роль слабую». Напротивъ, нѣкоторые современные схематисты придаютъ этой вѣтви общественнаго движенія гигантскую силу: измѣни она свое поведеніе, — и кореннымъ образомъ измѣнился-бы ходъ событій... Быть-можетъ, былъ бы парализованъ роковой уклонъ налѣво и «сгнившій» строй снова получилъ-бы способность благополучно плыть по теченію рѣки жизни.

Такъ вѣдь и думали освобожденцы, начиная свою работу... Они думали измѣнить поведеніе русскихъ либераловъ въ сторону активнаго вмѣшательства въ происходящія событія. Они думали, что «либеральнаго образа мыслей» — недостаточно для спасенія страны; что нужно этогъ «либеральный образъ мыслей» перевести въ «либеральный образъ дѣйствій». Они вообще думали усилить роль всѣхъ элементовъ, желающихъ не разрушительной революціи, а просто разумнаго свободнаго строя... Но работа ихъ была необычайно трудна; они имѣли плохое наслѣдство: хилость русскаго либерализма — съ давнихъ поръ.

IV.

За все XIX столѣтіе историкъ не встрѣтитъ въ Россіи ни одной политической организаціи либеральнаго типа. Часто въ социалистическихъ кругахъ возникалъ споръ: кто были декабристы? Либералы или революціонеры? Одни заносили ихъ въ свой синодикъ, другіе утверждали, что это были либералы-конституціоналисты чистой воды, лишь вынужденные въ тѣ времена дѣйствовать революціонными методами, — тайной военнаго заговора и военнаго бунта. Освобожденцы читли «Союзъ Благодѣствія» и считали декабристовъ своими духовными предшественниками. — носителями идеи конституціи, а не социальной революціи. Послѣ декабристовъ исторія знаетъ либеральные салоны, либеральныя редакціи газетъ и журналовъ, либеральную фронду университетскихъ академиковъ, но либеральной политической организаціи не создалось даже въ 60-хъ г. г., когда умы русскаго общества были возбуждены крестьянской реформой сверху. Можно, пожалуй, съчесть за либерально-демократическую орга-

низацию общество «Земля и Воля», образованное тотчас же послѣ реформы, въ 1862 г. Н. А. Серно-Соловьевичемъ, А. А. Слѣпцовымъ и Н. Н. Обручевымъ. По программѣ общество «Земля и Воля» также было аналогично будущему Союзу Освобожденія и к. д. партіи.

Это общество ставило своей цѣлью сплоченіе въ сѣхъ общественныхъ круговъ, недовольныхъ правительствомъ и заявляло, что въ «дѣлѣ народнаго освобожденія должны сглаживаться спорные оттѣнки одной и той-же свободолюбивой партіи». Его программа отвѣчала широтѣ этого сплоченія: передача крестьянамъ помѣщичьей земли за вознагражденіе и созывъ народнаго собранія изъ выборныхъ представителей народа для опредѣленія новаго государственнаго строя. Устроители этой организаціи хорошо, очевидно, понимали, что народъ, только что освобожденный отъ рабства, плохой матеріалъ для «всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права», и вмѣсто этой широко демократической формулы поставили лишь неопредѣленное понятіе «выборные». Что касается средствъ борьбы за эту программу, то и это умѣренное по цѣлямъ общество истратило въ силу и мощь общественнаго движенія даже тогда, когда все образованное русское общество было до крайности возбуждено реформой, вѣрнѣе, революціей сверху, — освобожденіемъ крестьянъ! Основную палежку свою оно возлагало на бунты и возстанія крестьянъ, неудовлетворенныхъ реформой 1861 г. Это ожидаемое стихійное крестьянское движеніе оно и хотѣло подкрѣпить «сплоченіемъ въ свободолюбивую партію», способную добиться политической реформы.

Разнородность элементовъ, входившихъ въ это общество, быстро привела къ острымъ разногласіямъ и общество умерло уже въ началѣ 1864 г. Послѣдующее образованіе «Земли и Воли» стояло уже на чисто революціонной платформѣ и въ извѣстные моменты даже отрицательно относилось къ конституціонной реформѣ, — «этому орудію эксплуатаціи народа въ рукахъ имущихъ классовъ».

Съ тѣхъ поръ, до 900 г. г. XX столѣтія въ Россіи не образовалось ни одной организаціи либеральнаго типа. Появлявшіеся въ изобилии съ 60-хъ г. г. разночинцы считали, правда, либераломъ Герцена и его «Колоколъ», но, во-первыхъ, врядъ-ли кто сочтетъ Герцена вообще либераломъ, а, во-вторыхъ, къ этому времени его влияніе упало въ об-

ихъ лагеряхъ освободительнаго движенія: въ радикальномъ — изъ-за его «бѣлой кости» и сравнительной умѣренности идеологии, въ либеральныхъ — изъ-за его сочувствія польскому возстанію. Тутъ-же слѣдуетъ отмѣтить, что польское возстаніе сильно содѣйствовало уклону вправо не только официальныхъ патріотовъ, но также и либераловъ *).

Послѣ польскаго возстанія политическія движенія въ Россіи носятъ уже исключительно подпольно-революціонный характеръ. Начинаетъ обозначаться тотъ рѣзкій кренъ на лѣво, который встрѣчалъ противобѣсъ въ борьбѣ съ нимъ полицейскаго аппарата самодержавія, но отнюдь не въ политическихъ организаціяхъ либеральнаго типа. Чѣмъ объяснить эту политическую пассивность русскаго либерализма какъ разъ въ тотъ моментъ, когда социальную реформу, освобожденіе крестьянъ, слѣдовало завершить реформой политической, подводящей освобожденный народъ — хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ — къ участию въ дѣлахъ государства, прививающей ему понятія гражданственности и пониманіе задачъ и цѣлей государственной организаціи? Почему эту задачу политическаго воспитанія народа, да еще въ духотѣ подполья, либералы уступили революціонерамъ, прекрасно понимая всю опасность этого крена на лѣво?

Вотъ здѣсь-то и нуженъ былъ-бы анализъ историка, кропотливое обозрѣніе условій развитія либеральнаго движенія въ Россіи и обстановки, въ которой ему пришлось дѣйствовать. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣкоторые круги русскихъ либераловъ весьма на-

---

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ Б. Н. Чичеринъ говоритъ объ этой поддержкѣ правительства въ подавленіи возстанія: «Русское общество не могло остаться къ возстанію равнодушнымъ. Каково-бы ни было различіе мнѣній относительно польскаго вопроса, всѣ здравомыслящіе люди понимали, что передъ революціоннымъ движеніемъ не можетъ быть рѣчи ни о какихъ уступкахъ. Еще менѣе можно было допустить грозящее вмѣшательство иностранныхъ державъ. Русское народное чувство противъ этого возмушалось, и вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, обратилась къ Царю съ выраженіемъ безграничной преданности престолу и съ готовностью всѣмъ пожертвовать для пользы и славы отечества. Съ адресами стали прибывать депутаціи... Русскій либерализмъ надолго затихъ... Долгое время онъ былъ также убѣжденъ, что передъ революціоннымъ движеніемъ и внутри Россіи также не можетъ быть рѣчи ни о какихъ уступкахъ.

стойчиво желали увѣнчать зданіе земскаго и городского самоуправленія какимъ либо органомъ государственнаго представительства. Объ этихъ ихъ намѣреніяхъ и даже усиліяхъ краснорѣчиво говорить такой исторической документъ какъ записка графа Витте, «Земство и самодержавіе». Но цѣлый рядъ причинъ мѣшаль имъ слишкомъ активнымъ наступленіемъ перевести этотъ чисто политическій вопросъ на почву политической борьбы. Позволю себѣ перечислить эти причины, — много объ этомъ приходилось думать въ періодъ совмѣстной работы съ либералами въ періодъ «Освобожденія».

Что дѣлали русскіе либералы послѣ того, какъ великая реформа 19-го февраля «упала съ неба», — монаршей волей сверху? Дѣлали они большую работу культурнаго преобразованія Россіи, — въ земствахъ, городскихъ самоуправленияхъ, въ судахъ, въ литературѣ, въ университетахъ, — всюду, гдѣ требовалась образованность, умѣнье найти силы и сплотить ихъ на творческой работѣ. Работать приходилось почти что въ пустынь. «Во всемъ уѣздѣ было только два порядочныхъ интеллигентныхъ чело-вѣка: я да ты», говоритъ Чеховскій докторъ Астровъ дядѣ Ванѣ! Вотъ съ этими «двумя интеллигентами» на уѣздѣ и приходилось пробираться съ культурной работой сквозь чащу неизжитаго крѣпостничества, сквозь ненависть еще неубранныхъ жизнью крѣпостниковъ, а вскорѣ, и сквозь полицейскія преграды пошедшаго вспять правительства. Къ этому прибавилось тоже еще неизжитое недовѣріе «сермяги», ко вчерашнему «барину» и — нечего грѣхъ таить — нѣкоторая брезгливость барина къ своему вчерашнему рабу, къ этой сѣрой, неотесанной сермягѣ... Умомъ баринъ прекрасно понималъ, что сермяга — теперь гражданинъ. Но въ жизни навыки, нравы, — подсознательное, — все это идетъ впереди сознанія и давить на него. А когда лѣвые требовали, чтобы сермягѣ тоже дали подумать и поговорить о государственныхъ дѣлахъ, либеральный баринъ искренне удивился: вотъ этому моему Гришкѣ — голосъ? Темному народу? Нѣтъ. Мы дѣлаемъ все для народа. Для дѣланія черезъ народъ Россія не созрѣла... Правда, Бисмаркъ содѣйствовалъ созрѣванію германскаго народа дарованіемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Но вѣдь это въ заморскихъ странахъ. А кромѣ того... Кромѣ того у самого этого барина тоже вѣдь не было никакого голоса... Тѣмъ не ме-

нѣе «равенства въ безголосьи» не создавалось не только между просвѣщеннымъ либераломъ и крестьянствомъ, но и между вторымъ и третьимъ земско-городскимъ элементомъ. Это были люди «разной кости», «разной масти». Въ дальнѣйшей работѣ эта разнокостность, несомнѣнно, стерлась-бы: работа спаиваетъ. Но вѣдь вся эта «культурная» работа, столь нужная для страны и столь невинная политически, постоянно прерывалась безсмысленнымъ вмѣшательствомъ полицейскаго аппарата. «Демократизация» отношеній, несомнѣнно, происходила. Но слишкомъ медленно. Гораздо медленнѣе, чѣмъ шло развитіе недовольства и озлобленія крестьянскихъ и рабочихъ массъ, подхватываемое революціонной интеллигенціей, съ весьма большимъ презрѣніемъ относившейся къ этой кропотливой культурной работѣ либерализма и вовсе не желавшей «охранять» ее. Чѣмъ больше накресняло корабль налѣво революціонное движеніе, тѣмъ трагичнѣе становилось положеніе либерализма. Они, либералы, несомнѣнно, совершенно искренне осуждали обѣ стороны: и реакціонное правительство, дѣйствующее руками россійскихъ держимордъ, и «безсмысленный бунтъ» революціонеровъ, рассчитывающихъ на «темнаго» русскаго мужика и на отнюдь не европейскаго рабочаго. Но — на какую силу опереться имъ самимъ? Темные россійскіе углы, вотъ эти уѣзды съ «двумя интеллигентами» ихъ пугали: они хорошо знали ихъ бездонную темноту... Революціонеры — въ минуты озлобленій либераловъ на правительство — восхищали ихъ своей смѣлостью, своимъ натискомъ. Но въ нихъ они видѣли силу анти-государственную, разрушительную. — порохъ, могущій взорвать и ихъ, и государство. На что же опереться? Характерная вещь — у либераловъ до образованія к. д. партіи не было даже своей молодежи. Все молодое, чуждое сомнѣній, уходило въ революцію. Даже свои собственные дѣти предпочитали «кренъ налѣво» и не могли служить опорой русскаго либерализма. Оставалось одно: вѣрить въ «эволюцію» монаршей мысли, въ «благоразуміе» сверху, провоцировать это благоразуміе петиціями или «связями», персональнымъ давленіемъ, но отнюдь не организаціей политической силы, могущей встать посрединѣ и уравновѣситъ лѣвый кренъ.

Итакъ, невѣріе въ «темный народъ», боязнъ «безсмысленнаго бунта» революціи и вѣра въ благоразуміе

сверху вотъ основные черты либерализма, мѣшавшія ему нащупать почву въ тогдашней дѣйствительности — для собственной политической акціи. Съ этими атрибутами онъ не импонировалъ никому. И если-бы правительство дѣйствительно пожелало пойти на уступки, сговариваться ему пришлось-бы вовсе не съ либерализмомъ, а съ революціей. Такъ вѣдь и было: историческимъ документомъ, на основѣ котораго могъ произойти сговоръ, было письмо Центрального Комитета народовольцевъ къ Александру III. Даже въ Германіи, болѣе развитой политически, желѣзный канцлеръ Бисмаркъ гораздо болѣе интересовался Лассалемъ, чѣмъ свободомыслящими: вѣдь Лассаль владелъ симпатіями массъ... Въ Россіи — гдѣ же были организованные либералы ко времени напруженнѣйшей стадіи борьбы, — къ 1881 году? А лѣвый кренъ получалъ всегда поддержку, — иногда съ неожиданной стороны... Что-то было въ русской жизни, мѣшавшее «здравомыслію». Вотъ разбита революція въ 1881 г., раздавлена «мощной государственностью». А на развалинахъ ея уже движется исполинская фигура Льва Толстого съ моральной аппробаціей бунта противъ государства, противъ всѣхъ установленій, посягающихъ на свободный трудъ человѣка, держащихъ въ плѣну его душу, его «высшую» правду.

Вспоминаются эти «реакціонные», какъ ихъ принято называть, 80-ые годы. И проповѣдь Толстого... До сихъ поръ изслѣдователями русскаго общественнаго движенія недостаточно оцѣнивается значеніе разрушительнаго ученія Льва Толстого, значеніе новаго аргумента «отъ морали» для всѣхъ теченій крайней социальнo-политической идеологии. Лѣвый кренъ послѣ разгрома народовольчества не ослабѣлъ, а усилился...

Либерализмъ продолжалъ докладывать русскому обществу объ опасностяхъ праваго и лѣваго крена, не дѣлая никакихъ попытокъ къ созданію третьей силы, — центра, способнаго перевѣсить уклоны...

V.

Съ такого рода расположеніемъ силъ подошли мы къ 90-мъ годамъ, когда — послѣ поразившаго воображеніе голода 1891 г. — снова начался рѣзкій подъемъ революціоннаго движенія. Точно изъ подъ земли, почти внезапно,

на аренѣ общественности выросли два мощныхъ идейныхъ теченія, социалистовъ-революціонеровъ и марксистовъ. Ихъ споры потрясали зданіе не только Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества въ Петербургѣ. Споры эти разносились по странѣ, закатывались въ темные углы уѣздовъ, гдѣ къ этому времени подросло уже новое поколѣніе, воспитанное не барской усадьбой, и на фабрики съ рстущимъ пролетаріатомъ. Въ печати, въ ученыхъ обществахъ, споры о томъ, по какому пути пойдетъ развитіе Россіи (читай — революціи...), подкрѣплялись философскими, экономическими и историческими аргументами. На фабрикахъ и въ деревняхъ былъ одинъ единственный аргументъ апробаціи того или иного теченія: «Товарищи! вонъ за этими! Эфти не выдадутъ!» Этотъ аргументъ былъ достаточно тяжеловѣсенъ: къ концу 90-хъ г. г. онъ подкрѣплялся уже грандіозными, большею частью стихійными, бунтами крестьянъ и стачками промышленныхъ рабочихъ. Для зрячихъ было ясно, что «развитіе» Россіи пойдетъ по обоимъ этимъ путямъ, — съ рѣзкимъ креномъ налѣво... Съ поддержкой такой тяжелой артиллеріи, какъ движеніе мало-культурныхъ, мало-сознательныхъ массъ, — лѣвый кренъ могъ, при извѣстномъ сочетаніи обстоятельствъ, — оказаться катастрофой и для государства, и для самой революціи какъ «освободительнаго движенія».

Какъ будто это обстоятельство становилось яснымъ и для самихъ революціонеровъ. Во время голода 1891 г. социалисты-революціонеры, М. А. Натансонъ, Н. Д. Россовъ и другіе стремятся сплотить саратовскихъ и самарскихъ либераловъ на отстаиваніи правъ кормить голодающихъ «общественными силами», а попутно и вынудить ихъ на какой либо политической протестъ. Сами эти толкачи тогда все еще остаются на лѣвыхъ позиціяхъ социализма, и хотятъ только «расширить флангъ народнаго движенія и укрѣпить его присоединеніемъ праваго крыла, либераловъ». Въ половинѣ 90-хъ г. г. въ самихъ революціонныхъ партіяхъ ясно обозначается правое крыло («разумное» правое крыло, какъ любятъ теперь говорить) съ иными, чисто идейными цѣлями. Эти представители праваго крыла и у социалистовъ-революціонеровъ, и у социаль-демократовъ, и у бундовцевъ, — ревизионисты самыхъ разныхъ толковъ — отлично понимали опасность лѣваго крена въ странѣ, еще не забывшей крѣпостнаго права, въ странѣ, съ «двумя интеллигентами на уѣздъ». Они повели пропа-

ганду въ пользу укрощенія лѣвой демагоги; они стали призывать къ углубленной работѣ въ нѣдрахъ массъ. Въ области политической они твердо стояли на точкѣ зрѣнія коалиціи съ либералами и перенесенія центра тяжести съ вопросовъ социальныхъ на вопросы конституціонные. Ревизионизмъ внутри партій былъ встрѣченъ, однако, настоящимъ боевымъ огнемъ. Ревизионисты стали презираемыми людьми, предателями революціи... Теперь, послѣ всего пережитаго, когда Россіей правятъ «настоящіе революціонеры», принято считать покойнаго Г. В. Плеханова и его друзей социалистами «разумнаго праваго толка». Какъ это далеко отъ истины! Опубликована переписка Г. В. Плеханова съ ревизионистами, его знаменитое *Vademecum* и прочіе документы того времени. Нѣтъ, Г. В. Плехановъ не былъ «правымъ крыломъ революціи». Ему принадлежитъ знаменитое изреченіе, ставшее исторической правдой... Это изреченіе онъ сдѣлалъ орудіемъ борьбы противъ ревизионистовъ. Оно гласило: «русская революція или побѣдитъ, какъ гегемонія пролетаріата или не побѣдитъ вообще!» Когда ревизионисты указывали, что «на другой день» революціи, въ странѣ крестьянской на девять десятыхъ ея социальнаго естества, «диктатурѣ пролетаріата» нечего будетъ дѣлать, онъ рѣзко возражалъ:

— Фантазеры праваго толка! Кто-же по вашему побѣдитъ въ русской революціи, кто явится наслѣдникомъ самодержавія? Либералы, говорите вы? Покажите мнѣ вашихъ либераловъ! Это — трупъ... Крыло дворянскаго сословія, крыло отъ той-же рѣдкой въ Европѣ птицы самодержавія, развѣ оно способно оторваться отъ этихъ аттрибутовъ строя, который намъ надлежитъ свергать? Нѣтъ, російскіе либералы — не наслѣдники. У нихъ нѣтъ талисмана спасенія страны отъ гнидаго строя. Нѣтъ у нихъ и никакой опоры въ массахъ. А безъ этой опоры въ Россіи работать нельзя... И потому мы — за самостоятельную, чисто-революціонную, рабочую партію, за то, чтобы она не плелась въ либеральномъ хвостѣ, за то, чтобы пролетаріатъ былъ «авангардомъ революціи», за то, чтобы «другой день» не безпокоилъ г. г. ревизионистовъ, за то, чтобы революція вѣрила въ себя, въ народныя массы, въ разумъ пролетаріата... *).

*) Очень тяжело было смотрѣть на этого стараго, измученнаго жизнью человѣка послѣ Октябрьской революціи... Съ какимъ чувст-

Но такая работа никоимъ образомъ не могла-бы вестись въ подпольѣ. Подполье неизбѣжно воспитываетъ особые навыки и рѣже всего заботится о духовномъ обликѣ личности, о культурномъ ея содержаніи. Задачи всякаго подполья — ограничены: нельзя тратить время и людей на шлифовку массъ. Маффія всегда создается для прямого дѣйствія и носить всѣ черты чисто военного подчиненія вождамъ. Ясно, что для культурнаго подъема рабочихъ и крестьянскихъ массъ были необходимы широкія легальныя рабочія, кооперативныя и просвѣтительныя организаціи. Работа ревизионистовъ сосредоточилась бы тамъ, — вѣдь во главу угла своего credo они полагали развитіе сознанія рабочихъ массъ, ихъ культуры, пониманіе ими не только своихъ эгоистическихъ интересовъ, но и структуры государства. Однако, легальныхъ организацій самодержавіе боялось едва-ли не больше подполья. Нѣсколько «школъ для рабочихъ» за заставами Петербурга и Москвы, «Пречистенскіе курсы», слабые кооперативы, — вотъ и все «легальное богатство» ревизионистовъ. Но и этого мало. Почти въ каждой легальной организаціи виталъ духъ знаменитаго охранника Зубатова. Львнй кренъ подполья былъ желаннѣе для бюрократы: привыкшая дѣйствовать полицейскими мѣрами, она всегда рассчитывала справиться съ подпольщиками. Развитіе «сознанія» пролетаріата или крестьянства вовсе не входило въ расчеты правящихъ: это высокое массовое сознаніе — вещь опасная для всякаго самовластія. И если допускались эти организаціи, то и онѣ были лишь орудіемъ охраны, сѣтью для вылавливанія опасныхъ государству элементовъ, а вовсе не школами воспитанія массъ въ духъ государственности.

Представители праваго крыла русскихъ социалистовъ прекрасно и тогда понимали весь трагизмъ положенія: громадную опасность лѣвой демагогіи и тактики «прямыхъ ударовъ» руками темной, некультурной массы и невозможность борьбы съ этимъ ядомъ безъ рамокъ свободнаго строя. Именно поэтому они стали ярыми защитниками формулы: сначала конституція, преобразование російска-

---

вомъ этотъ вождь социаль-демократіи встрѣтилъ въ своей маленькой квартиркѣ «разумный пролетаріатъ» въ образѣ агентовъ Чеки, принешихъ къ нему съ обыскомъ? Догадаться нетрудно. Впрочемъ, теперь ему ставятъ памятники. Это — правильнѣе..

го строя въ европейскомъ духѣ, а затѣмъ уже проповѣдь социалистическихъ идей. Социалистическая шапка на туловищѣ старо-крѣпостническаго строя казалась имъ политическимъ уродствомъ, одинаково опаснымъ какъ для страны, такъ и для правильнаго воспріятія сложныхъ построеній социализма. Эта ихъ пропаганда въ подпольѣ была воспринята, какъ отреченіе отъ социализма, и, конечно, не могла принести ничего кромѣ новой склоки. Для работы въ духѣ конституціонныхъ идей надо было думать объ особой чисто-демократической организаціи, которая энергично работала бы для «завтрашняго дня», наносила бы удары самодержавію во имя идей гражданского равенства во всѣхъ областяхъ жизни, во имя сверженія политическаго самовластія, но не во имя химеръ социальной революціи. Задача — одинаковая и съ задачей передовыхъ вождей русскаго либерализма. Встрѣча этихъ двухъ элементовъ на одной работѣ была неизбежна.

Первую попытку такой широко-демократической организаціи съ участіемъ либераловъ сдѣлалъ въ срединѣ 90-хъ г. г. опять таки социалистъ-революціонеръ М. А. Натансонъ. Въ 1894-5 г. онъ и его друзья энергично спланировали нелегальную группу «Народное Право». Программа конституціонная. Въ эту группу вошло нѣсколько десятковъ разночинной интеллигенціи (изъ нихъ немало будущихъ освобожденцевъ), но земцы отъ участія уклонились, ограничившись «сочувствіемъ». Народоуправцы взяли правильную ноту: «у насъ въ Россіи есть социалисты, но нѣтъ демократовъ, нѣтъ конституціоналистовъ. Надо сплотить демократическую организацію для завоеванія народоуправства».

Въ 1896 г., по доносу одного изъ участниковъ, организація была ликвидирована полиціей. Но идея ея не умерла. Социалистическое движеніе, стихійныя стачки рабочихъ, волненія въ деревняхъ, — все это волновало, заставляло, наконецъ, дѣйствовать и болѣе умѣренные элементы. Къ концу 90-хъ г. г. въ пользу идеи политическаго сплоченія либераловъ и демократовъ выступаютъ уже такіе вліятельные въ земскихъ кругахъ люди, какъ И. И. Петрункевичъ и кн. Д. И. Шаховской. Изъ лагеря радикальной интеллигенціи навстрѣчу имъ идутъ В. Я. Богучарскій, Л. И. Лутугинъ, Н. Ф. Анненскій, а за ними — цѣлая плеяда другихъ. Задача для всѣхъ ясная: обнаружить въ странѣ конституціонные элементы и сплоти

титъ ихъ въ планомерно дѣйствующую политическую организацію. Русское образованное общество хорошо тогда понимало, что Россія стоитъ передъ какимъ то новымъ этапомъ развитія. Передъ какимъ?

Въ 60-хъ г. г., послѣ реформы, Аполонъ Григорьевъ писалъ: «Безвыходное положеніе... Мы, люди Энциклопедическаго образованія и философскихъ идей, нужны были для того, чтобы будить, шевелить, дразнить и тревожить спавшую тупымъ сномъ жизнь. Дѣло наше покончено... Жизнь просыпается: здоровая, простая, съ силами, требующими дѣятельности, и въ насъ она не нуждается, — мы упразднены... *).

Въ 90-хъ г. г. люди «Энциклопедическаго образованія» видѣли уже не просыпающуюся, а проснувшуюся жизнь... Жизнь эта была «простая», очень грубая, съ силами, уже начавшими дѣйствовать. Имъ, этимъ новымъ силамъ, предстояло въ ближайшемъ будущемъ сказать свое слово: нужны-ли имъ вотъ всѣ эти люди «Энциклопедическаго образованія» и — въ какомъ качествѣ? Теперь эту «простую» жизнь уже не надо было «будить, шевелить, дразнить»... Къ XX-му столѣтію она была разбужена, раздражена, взбаламучена... Новый этапъ...

Людямъ образованнымъ медлить было нельзя: надо дѣйствовать... Иначе «мы будемъ упразднены»...

Вопросъ о томъ, не поздно-ли начато это «дѣйствіе», тогда не возникалъ: мѣра вещей приходитъ, вѣдь, въ политикѣ — позже...

VI.

Итакъ, дѣйствовать... Дѣйствіе началось съ послышки П. Б. Струве, — тогда — социаль-демократа ревизиониста, — за границу для организаціи нелегальнаго журнала «Освобожденіе». Это было въ концѣ 1902 г. Само либеральное движеніе было настолько бѣдно силами, что среди дѣятелей его не нашлось ни одного человѣка, способнаго импонировать русскому обществу своимъ именемъ въ качествѣ редактора новаго русскаго «Колокола», — какъ называли тогда «Освобожденіе». И всѣ понимали, что не только личные качества П. Б. Струве, его образо-

*) Аполлонъ Григорьевъ. Воспоминанія. Москва, 1930.

ванность, популярность, привычка къ публицистическимъ выступлениямъ, — но и родственность его русскому радикализму, — традиціонному теченію, сложившемуся съ давнихъ поръ, — обезпечатъ журналу большой успѣхъ. Характерная черта для перваго выступления на политическую арену русскаго либерализма: и ему все-же потребовался уклонъ на лѣво... Нѣкоторый лѣвый крень...

Выборъ оказался чрезвычайно удачнымъ. Журналъ сразу-же завоевалъ широкія симпатіи такъ называемаго «русскаго общества». Его стали читать всѣ! земцы, интеллигенція, промышленники, либеральные бюрократы и даже... губернаторы. Сначала въ программной статьѣ редакторъ поставилъ себѣ задачу весьма скромную: быть регистраторомъ свободной политической мысли въ Россіи. Однако, вскорѣ-же движеніе внутри страны расширяетъ эту задачу редактора. Въ № 12 «Освобожденія» ставится уже прямая задача: замѣна самодержавія — конституціей, т. е. задача прямо революціонная. Сначала Струве вѣренъ либеральному крылу движенія: конституція — это «Земскій Соборъ». Слово «парламентъ» — еще запрещенное, неприемлемое для такихъ славянофиловъ, какъ Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ, Н. А. Хомяковъ. А ихъ сочувствіе — цѣнно: столпы земства... Къ тому же «Земскій Соборъ» звучитъ глухо, — вѣдь такой Соборъ скорѣе всего предполагается возможность его созыва и при монархѣ. Это не отпугнетъ и либеральныхъ монархистовъ... Широкій фронтъ. Сила земли. Сохраненіе русскихъ традицій... *).

*) Кстати, объ этихъ русскихъ традиціяхъ. Вѣдь, и онѣ взвѣшивались на вѣсахъ исторіи и даже не въ 900-хъ годахъ, а гораздо раньше. Тотъ-же Аполлонъ Григорьевъ писалъ въ 60-хъ годахъ: «Я глубоко сочувствую славянофильству въ его любви къ быту народа и къ высшему благу народа религіи, но и глубоко ненавижу это старо-барское направленіе за его гордость, — такъ-же точно, какъ люблю Москву, какъ полный типъ русской жизни, и не сочувствую нѣкоторымъ ея историческимъ несправедливостямъ... Славянофильство только въ себя вѣритъ, и въ сущности оно не народное, а старо-барское направленіе. Народъ для него — только степной, а не городской народъ: вся жизнь наша, сложившаяся въ новой исторіи, для него — ложь; вся наша литература, кромѣ Аксакова и Гоголя — вздоръ. Къ Пушкину оно равнодушно, Островскаго — не видитъ...»

Въ движеніи 900-хъ г. г. этотъ «старо-барскій идеальчикъ» былъ уже окончательно не въ модѣ, и П. Б. Струве пришлось очень скоро отказаться отъ уклона въ сторону такихъ «русскихъ традицій».

Пока Струве осторожно нащупывалъ почву, — на ко-го-же можно опереться въ этомъ прикрито конституціонномъ движеніи, — его бомбардировали изъ Россіи освобожденцы «лѣваго крена»: требовали ясности, опредѣленности. А когда въ 17 № «Освобожденія» появился родъ будущей «освобожденской» программы, его друзья въ Россіи изъ лагеря радикальной интеллигенціи заволновались: гдѣ всеобщее избирательное право? Гдѣ прямое, равное и тайное? Какъ? Опять двѣ палаты? Гдѣ рабочая и крестьянская программа? Гдѣ перечень социальныхъ реформъ?

Опять сильнѣйшимъ образомъ заработалъ «лѣвый кренъ» и въ этой осторожно-конституціонной организаціи...

Теперешніе схематисты, критики, судьи и прокуроры не учитываютъ одинъ невѣсомый факторъ: духъ времени и... Духъ времени или микробъ необычайно сильной вирулентности. Самые умные и осторожные люди, попадая въ атмосферу этого «духа времени», теряютъ самообладаніе и катятся по проторенной «духомъ» дорожкѣ иногда — противъ себя... Такъ катились и освобожденцы... Катиться такъ, влѣво, все влѣво, имъ приходилось еще и потому, что и въ ихъ средѣ либеральные земцы оказались много слабѣе, чѣмъ та разночинная радикальная интеллигенція, которая переполнила организацію. Она была въ перевѣсѣ всюду: въ Совѣтѣ Союза Освобожденія, въ техническихъ группахъ по нелегальной доставкѣ журнала, на съѣздахъ. «Союзъ Освобожденія» представлялъ изъ себя обширную двухъэтажную организацію: либерализмъ — въ слабомъ составѣ, робкій и боязливый; радикализмъ — шумливый и требовательный, активный и подвижный — съ рѣзкимъ креномъ налѣво. При такомъ составѣ, естественно, нечего было и думать о старо-славянофильскихъ тенденціяхъ. Надо было какъ можно скорѣе дать исную программу, которая могла бы вступить въ единоборство съ другими традиціями русскаго освободительнаго движенія, — социалистическими. И такую программу вскорѣ-же Струве далъ. «Освобожденіе» беретъ правильную ноту. Никакой конституціи въ Россіи не можетъ быть, убѣждаетъ редакторъ свое правое крыло, пока на защиту этого новаго правового начала не встанутъ сами народныя массы. Никакой нормальной жизни въ Россіи не можетъ быть пока «народъ не осознаетъ

себя», пока не станетъ онъ «народомъ державнымъ», націей. Націей «не въ смыслѣ народности, племени, крови, а въ смыслѣ правовомъ и государственномъ».

Исходя изъ этихъ положеній слѣдуетъ немедленно образовать партію и стремиться подвести подъ нее «широкій народный базисъ».

А въ канунъ первой русской революціи, когда въ странѣ все бурлило и переливалось ало-красными красками революціонныхъ лозунговъ, передъ освобожденцами (какъ впоследствии и передъ к. д. партией) совершенно опредѣленно всталъ вопросъ о судьбахъ самой страны, раскачиваемой азартомъ примитивныхъ страстей и не имѣющей разумнаго, государственномыслящаго центра. Эту идею, — опасеніе за исходъ вновь начавшейся политической борьбы — «Освобожденіе» стремится внушить русскому обществу въ разныхъ вариантахъ. Смыслъ этого опасенія ясенъ: «Въ настоящее время, пишетъ редакторъ въ № 67 журнала отъ 5 марта 1904 г.; демократическая партія должна, наконецъ, образоваться; въ противномъ случаѣ элементы, составляющіе ея естественные кадры, будутъ оттѣснены на задній планъ и политическія судьбы Россіи будутъ рѣшены состязаніемъ реакціонныхъ и крайнихъ партій».

Уже то обстоятельство, что такой «разумный центръ» долженъ былъ образоваться въ самый разгаръ пожара, не предвѣщало успѣха. Въ лучшемъ случаѣ онъ самъ могъ явиться факторомъ, содѣйствующимъ болѣе сильной сторонѣ. Какая сторона была сильнѣй въ этомъ состязаніи реакціонныхъ и крайнихъ партій? Монархистъ Тихомировъ достаточно ярко обрисовалъ параличъ стороны реакціонной, ея неспособность не только къ новому творчеству, но и къ самозащитѣ. Въ этомъ состязаніи правительство могло противопоставить лишь одну силу (да и то слабѣющую, уже разлагавшуюся) — полицейскій аппаратъ. Крайнія же партіи насчитывали въ своемъ балансѣ болѣе полустолѣтнія активнѣйшей подпольной работы; онѣ имѣли свои давнія традиции, свою непомѣрно растущую клиентуру, онѣ отлично умѣли использовать каждую стачку, каждое недовольство крестьянскаго схода, онѣ обладали людьми, смѣлыми до подлиннаго геройства и, наконецъ, онѣ дѣйствовали, дѣйствовали всѣми средствами, не те-

ряя ни дня, ни часа для укрѣпленія своего вліянія въ широкіхъ народныхъ массахъ.

Въ то время, какъ эти крайнія партіи съ давнихъ поръ — а въ канунъ революціи наиболѣе рѣшительно — подводили подъ свои аппараты «народный базисъ», — либерализмъ, — политически аморфный русскій либерализмъ — все еще только раскачивалъ свое земское крыло, все еще только снаивалъ свои разношерстные кадры и... боялся дѣйствовать слишкомъ активно: а вдругъ закроютъ земское собраніе? А вдругъ уничтожатъ земскія учрежденія или завоеванныя ими права?

Уже горѣлъ домъ, а земскіе люди все еще страшно боялись, какъ бы не сгорѣли ихъ земскіе архивы: тоже, вѣдь, полустолѣтіе работы...

Такихъ охранителей своего угла, этихъ людей безъ широкаго кругозора, тормозили болѣе рѣшительные элементы земскаго движенія и, конечно, лѣвое крыло «Освобожденія», — интеллигенція! Скорѣй, скорѣй! Лѣвый кренъ накреняетъ корабль! Дѣлайте же ваши конституціонныя заявленія! Внушите вашимъ славянофиламъ и вотъ этому безвольному, слабому, часто плачущему монарху, что прямой, честный, открытый, нелицемѣрный переходъ къ народному представительству еще можетъ спасти не только страну, но даже самое монархію... *).

О, каждый освобожденецъ помнитъ, какъ трудно было своротить это неподвижное тѣло либерализма на путь активной борьбы за измѣненіе государственнаго строя... При дальнѣйшей работѣ «Освобожденія» выяснилось трагическое обстоятельство: конституціонныхъ элементовъ

*) О спасеніи «Страны и монархіи» путемъ народнаго представительства говорили не одни лѣвые земцы, — конституціоналисты по убѣжденію. Въ воспоминаніяхъ Е. М. Феоктистова (начальника Комитета по дѣламъ печати) разсказана попытка министра внутр. дѣлъ, графа Н. П. Игнатъева, убѣдить въ 1882 г. Александра III дать народу «Земскій Соборъ». Тогдашніе славянофилы (И. С. Аксаковъ и членъ его кружка, историкъ П. Л. Голохвостовъ) убѣдили Игнатъева, что «есть только одно средство произвести коренную и самую счастливую перемѣну въ построеніи общества, а именно: **созвать представителей всѣхъ сословій. Если Государь согласится на эту мѣру, то сдѣлается идоломъ народа.** Было рѣшено: торжественное коронаваніе Александра III должно совершиться въ 1883 г., на второй день Пасхи, а вслѣдъ за коронаціей откроются въ Москвѣ засѣданія Земскаго Собора. Объ этомъ узналъ Побѣдоносцевъ и планъ рухнуть». Царь потерялъ стучай «стать идоломъ народа»...

среди этой земской вѣтви освобожденскаго движенія было до чрезвычайности мало... Такіе убѣжденные конституціоналисты, какъ Д. И. Шаховской, Н. Н. Ковалевскій, князя Долгоруковы, И. И. Петрункевичъ, Новосильцевъ — насчитывались въ каждомъ уѣздѣ единицами. Они являлись ферментомъ движенія, его живой душой. Но трудности неисчислимыя. И лежать онѣ главнымъ образомъ въ психологіи этого слоя, въ его все болѣе и болѣе рѣзко подчеркнутой безвольности. «Освобожденіе» въ работѣ своей раскрывало тайну отсутствія въ Россіи разумнаго, прогрессивнаго центра: оказывается, сгниль не только аппаратъ самодержавія, вмѣстѣ съ нимъ «загнили» и законопослушные элементы русской общественности...

VII.

Какимъ-же «конституціоналистамъ» приходилось «Освобожденію» собирать? Лѣвымъ это слово не внушало довѣрія. Тамъ уже давно перескочили черезъ конституцію при монархѣ въ демократическую республику невѣдомаго «соціалистическаго образца». А справа... Вотъ что происходило — справа.

«Толкачи», лѣвые земцы и радикалы-интеллигенты работаютъ изо всѣхъ силъ, чтобы поднять иконы земства на конституціонныя заявленія. Идутъ земско-освобожденскіе съѣзды въ Москвѣ, въ Харьковѣ. На нихъ участвуетъ человекъ 30 земцевъ, «настоящихъ конституціоналистовъ» (такъ назыв. «Новосильцевская группа»). Остальные земцы — еще болото. Незначительнымъ большинствомъ голосовъ съѣзды высказываются за предъявленіе конституціонныхъ требованій въ ближайшихъ-же земскихъ собраніяхъ. Но тутъ-же выясняется «рискованность такого шага, который не можетъ считаться достаточно подготовленнымъ и едва-ли поэтому произведетъ надежащее впечатлѣніе, а между тѣмъ онъ грозитъ устраненіемъ изъ ряда земскихъ собраній наиболѣе передовыхъ элементовъ и тѣмъ самымъ затруднитъ предстоящее дѣло организаціи политическихъ силъ въ странѣ» *).

*) Кн. Д. И. Шаховской. «Союзъ Освобожденія». Сборн. «Зарницы», т. II, 1909 г.

Получался положительно заколдованный кругъ: сплотить силы можно, вѣдь, только на дѣйстви, на какой-либо активной тактикѣ. А дѣйствовать—нельзя: «устранять» изъ земства... Въ подпольѣ давно уже практиковали выходъ на улицу, шумныя, изъ тысячъ людей состоящія демонстраціи, разумѣется, съ рискомъ «устраненія» отовсюду и прежде всего изъ жизни. Въ надпольѣ — страшно даже и устраненіе изъ залъ земскихъ засѣданій. Позиціи — неравныя. И далеко не къ выгодѣ «образованнаго слоя». Въ подпольѣ устраненіе тотчасъ же восполнялось. Въ земствахъ было страшно: устранять «передовой элементъ», и снова уѣздъ попадетъ въ объятія зубровъ... Въ будущемъ также будутъ «хранить» Государственную Думу и только одинъ лѣвый кренъ будетъ все это опрокидывать...

А вотъ и еще случай. Вторымъ съѣздомъ «Союза Освобожденія» было принято постановленіе — содѣйствовать принятію конституціонныхъ резолюцій на обще-земскомъ съѣздѣ. Во исполненіе этого постановленія начинаютъ собираться въ Петербургѣ «частныя совѣщанія» съ земцами (на квартирѣ новгородскаго гласнаго И. А. Корсакова и затѣмъ въ залѣ гимназіи Тенишева). Земцы-освобожденцы ставятъ вопросъ опредѣленно: на общеземскомъ съѣздѣ (годъ 1904-ый!) указать, что «единственный выходъ изъ настоящаго положенія — введеніе конституціоннаго строя». Раздались возраженія... Подымать этотъ вопросъ «преждевременно и опасно» (а годъ — 1904-й!); мы «вообще еще не подготовлены къ представительству»; «неясны тѣ формы, въ которыхъ оно можетъ быть осуществлено» и т. д., и т. д. Хорошо, что въ это время совершенно случайно присутствовалъ на совѣщаніи П. Н. Милуковъ, попавшій въ Петербургъ всего на нѣсколько дней по дорогѣ изъ Парижа въ Америку. Онъ привелъ рядъ аргументовъ, совершенно разбивавшихъ эти трусливыя возраженія. Но самымъ сильнымъ аргументомъ его рѣчи были примѣры изъ опыта введенія конституціи... въ Болгаріи. «Отставать отъ Болгаріи земцы не хотѣли, миролюбиво записываетъ этотъ эпизодъ кн. Шаховской, — какъ и въ прежнія времена конца 70-хъ г. г., въ дни дарованія конституціи со всеобщимъ избирательнымъ правомъ Болгаріи, только что освобожденной отъ политическаго ига». Аргументъ «отъ Болгаріи» былъ настолько убѣдителенъ, что даже

долго возражавший «противъ конституціи» гр. Гейденъ окончательно склонился къ тому, что если Болгарія... то, пожалуй, необходимо и Россіи... Вотъ какими аргументами надо было убѣждать образованную «либеральную» именитую Россію даже въ канунъ резолюціи 1905 года... Когда звонилъ третій звонокъ... Могла ли импонировать организациа — съ такими треніями внутри — лѣвымъ кругамъ? Могла-ли критиковать ихъ, подавая примѣръ рѣшительности въ иныхъ формахъ, въ иной тактикѣ? Конечно, нѣтъ. Напротивъ, импонировала энергія лѣвыхъ. Такъ, когда проф. Н. А. Карышевъ предложилъ на знаменитомъ земскомъ съѣздѣ 6 - 9 ноября 1904 г. резолюцію о необходимости отмѣны усиленной охраны и о желательности амнистїи, — это вызвало замѣшательство *). Позвольте, — кого амнистировать? Террористовъ? Поджигателей рабочихъ? Но проф. Карышева горячо поддержалъ кн. Долгоруковъ (Петръ Дмит.), сказавъ въ своей рѣчи: «Мы здѣсь, господа, только еще храбрились, а они уже фактически проявляли храбрость. О чемъ-же тутъ разговаривать? Слѣдуетъ прямо высказаться за полное восстановленіе въ правахъ всѣхъ безъ исключенія пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія». Имя князя Долгорукова, его горячая рѣчь, его иронія — «мы еще тутъ только храбрились» — все это склонило съѣздъ къ принятію коварной резолюціи съ «поощреніемъ революціонныхъ актовъ».

Но если князь Долгоруковъ, хорошо понимавший настроенія близкой ему среды, все-таки провелъ рѣзкую грань между «храбреньемъ» и храбростью, то лѣвое крыло «Освобожденія», вся эта радикальная интеллигенція, третій элементъ земствъ и городовъ, прямо болѣзненно ощутилъ чуждость между двумя флангами Союза. Потребовалось почти два года, чтобы спаять эти два разнородныхъ элемента (съ 1902 по 1904 г.) въ Союзъ, который и образовался формально, какъ единая организациа 4-го января 1904 г. Въ 1904 г. еще нельзя было и думать о той «конституціонно - демократической партіи», которую возвѣщалъ П. Б. Струве. Пока еще былъ только Союзъ. Но... Какой союзъ?

Въ 1904 г., весной, т. е. вскорѣ послѣ образованія Союза, Совѣтъ его командировалъ меня и еще нѣсколькихъ

*) Какъ потомъ и въ Государственной Думѣ.

лицъ въ провинцію для связи съ образовавшимися тамъ группами. Хотя мы, работавшіе въ центральныхъ организаціяхъ Союза, и знали очень хорошо «двухъэтажность» нашей постройки, но все же картина того, что мы увидѣли въ провинціи, насъ глубоко поразила. Приѣзжаемъ въ Курскъ. Просимъ собрать группу Союза. Собраніе — большое, оживленное. Много знакомыхъ лицъ изъ третьяго элемента и... ни одного земца! Выясняемъ вопросъ, — гдѣ же они, земцы, объектъ нашихъ стараній? — «У насъ, видите-ли, не одна, а двѣ группы, — совершенно разнородныхъ. Спать ихъ въ одну — нельзя: слишкомъ большой антагонизмъ рѣшительно во всѣхъ вопросахъ». — «Позвольте, вѣдь, группы обязаны руководствоваться постановленіями съѣзда, нашей программой»... — «Да, конечно. Но изъ-за каждаго постановленія выходятъ скандалы... Мы -- налево, они направо. Ни одного нашего, Курскаго, рѣшенія нельзя принять... Мы уже хотимъ выходить... Все равно -- не споемся». Такія-же двухъэтажные группы застали мы въ Орлѣ, въ Саратовѣ, въ Харьковѣ. Временами, на съѣздахъ, онѣ спавались, но было совершенно ясно, что въ партію они никогда не сольются. Двигательной силой являлась радикальная интеллигенція. Она добывала и распыляла журналъ, устраивала банкеты, будировала, зажигала, требовала «дѣйствій», оказательствъ. Земцы работали корпоративно, въ своей средѣ, боясь даже своего третьяго элемента. Естественно, что интеллигенція сильно тяготилась своимъ правымъ сосѣдомъ и тянулась къ «массамъ» (любимое понятие того времени), къ работѣ въ такой средѣ, гдѣ-бы слово «демократія» не было профанаціей, гдѣ-бы чувствовалось соприкосновеніе съ демократическими слоями родной земли. Рамки Союза были тѣмъ болѣе тѣсны для этой вѣтви Союза, чѣмъ больше выявлялся кренъ налево отъ напора революціонныхъ фактовъ и событій, чѣмъ ближе приближался заключительный финалъ революціи.

Надо къ тому-же сказать, что и революціонныя группы дѣлали все, чтобы подчеркнуть «показную демократичность» Союза Освобожденія и уколоть участниковъ его богатствомъ своихъ связей «въ низахъ, въ массахъ». Когда такъ называемый «Кулинарный Комитетъ» Освобожденія получилъ приказъ Совѣта — устраивать политическіе банкеты въ большихъ ресторанахъ «Контана», «Медвѣдя» и другихъ, происходили слѣдующія сцены. Накры-

ваются столы на 200 - 300 человекъ. Литераторы, адвокаты, общественные дѣятели... Разложены распорядителями карточки на кувертахъ, кого куда посадить. И вдругъ — шестіе... Въ залѣ появляется группа рабочихъ, человекъ 20-25. Обыкновенно впереди ихъ шель жоакъ, членъ с. д. партіи, Ек. Кон. Замысловская. Спокойно подходитъ къ распорядителямъ: «Дайте 20 мѣстъ. Мы — пришли».. «Но позвольте... Зачѣмъ?... Мѣста уже розписаны...» «Розписаны? И рабочимъ мѣстъ нѣтъ? Прекрасно!» Такъ же спокойно подходитъ къ столамъ, снимаетъ 20 карточекъ и бросаетъ ихъ на полъ. Садитесь, товарищи!» — «Но, вѣдь, это же нахальство! Захватное право!» — волнуются распорядители. — «Нѣтъ, опять спокойно и язвительно отвѣчаетъ Замысловская, это только право рабочихъ участвовать на «демократическомъ» банкетѣ». Наводилъ порядокъ обыкновенно чудесный председатель, социалистъ-народникъ и въ то-же время членъ Совѣта «Освобожденія», Н. Ф. Аниенскій. Онъ убѣждалъ нашихъ «кулинарувъ», что рабочіе, дѣйствительно должны имѣть эти мѣста, что они должны быть приняты какъ дорогіе гости, ибо... ибо, смѣясь добавлялъ онъ, «вѣдь мы приняли четырехвостку и въ нашей конституціи рабочіе и крестьяне — не исключаются»...

Рабочіе стали появляться всюду: и на банкетахъ, на съѣздахъ по народному образованію, на женскихъ съѣздахъ, которые происходили подъ эгидой такихъ «буржуазныхъ» феминистокъ какъ А. П. Философова, и всюду «разоблачали» они козни «бѣлой кости», «недемократизмъ буржуазныхъ организацій», всюду вносили особый духъ, запахъ тѣхъ самыхъ «массъ», о которыхъ все время шла рѣчь въ идейныхъ спорахъ... Пришло время, когда массы эти появились самолично съ категорическимъ требованіемъ дать имъ равное, настоящее мѣсто въ этой призрачной жизни идейной интеллигенціи... Такіе факты сильно дѣйствовали... Становилась неприятной фраза, приближалось «дѣло». Дѣло — съ сильнѣйшимъ креномъ налѣво... А правый грузъ «Союза Освобожденія», земцы, за исключеніемъ очень небольшой и тонкой прослойки, все болѣе и болѣе косо смотрѣли на лѣвый кренъ Союза. Было ясно: эти люди — не основа россійскаго демократизма и даже не фундаментъ для настоящаго либерализма. Они сами не знали точно, чего они хотятъ: конституціи-ли «по болгарски» или-же только «благожелательнаго правитель-

ства» по російски... Во всякомъ случаѣ ни къ какимъ жертвамъ во имя «спасенія родины» эта среда уже не была способна. Ея самоотверженный «служилый» пафосъ изсякъ, вывѣтрился; духъ-же новой общественности въ ихъ души не проникалъ.

Мертвая среда, которая будетъ затѣмъ, въ 4-хъ Государственныхъ Думахъ качаться, не давая поддержки ни правительству, ни боевому либерализму въ лицѣ к. д. партіи. Европейскій либерализмъ, съ хорошо продуманной тактикой, будетъ лишь медленно складываться -- почти безъ участія земско-городскихъ элементовъ -- только послѣ манифеста 1905 г.

V.

Теперь, здѣсь, на досугѣ, вотъ этотъ самый двухэтажный Союзъ, едва справляющийся съ преодоленіемъ неподвижности такъ называемыхъ «коренныхъ» слоевъ русской земли, обвиняютъ въ томъ, что онъ не сражался съ лѣвыми, что онъ не агитировалъ въ «своемъ духѣ» въ рабочей и крестьянской средѣ, что онъ принялъ «революціонную» аграрную программу и т. д. Эти обвинители забываютъ, что жизнь Союза продолжалась всего два года, что организовывалъ онъ конституцію, а на дворѣ уже была революція, что отчужденіе земли за вознагражденіе вовсе не было «революціонной» программой, а было лишь государственной необходимостью, - многое забываютъ обвинители...

Конечно, они правы въ томъ, что «государственно-мыслящимъ элементамъ» слѣдовало итти наперерѣзъ демагогій крайнихъ партій. Къ тому-же, вѣдь, и крестьянство, да и рабочій классъ вовсе не были передъ первой революціей полной «собственностью» крайнихъ партій. При энергіи можно было задѣть въ этой средѣ другія струны, также близкія къ конституціи, а не къ революціи, не къ разрушенію ненавистнаго строя съ верху до низу...

Но... роковое препятствіе! Карта всѣхъ умѣренныхъ элементовъ въ Россіи съ давнихъ поръ была бита... Бита не только изъ-за ихъ слабости, неспособности къ дѣйствию. Теперь, въ свѣтъ «диктатуры пролетаріата», даже невѣроятнымъ кажется шестіе десятковъ тысячъ рабочихъ 9-го января 1905 г. -- къ своему Царю... Да, да,

къ своему Царю... Петиція... Какъ она начинается? «Мы, рабочіе, жители Петербурга, пришли къ Тебѣ. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмомъ и произволомъ. Когда переполнилась чаша терпѣнія мы прскратили работу и просили нашихъ хозяевъ дать намъ лишь только то, безъ чего жизнь является мученіемъ. Но все это было отвергнуто, все показалось незаконнымъ. Мы здѣсь, многія тысячи, какъ и весь русскій народъ, не имѣемъ никакихъ правъ. Благодаря Твоимъ чиновникамъ, мы стали рабами. Вотъ что намъ нужно»... Идетъ перечень тѣхъ самыхъ требованій, въ рамки которыхъ паяли свой Союзъ освобожденцы: амнистія, политическія свободы, нормальная заработная плата, постепенная передача земли народу, созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права и заканчивается словами:

«Государь! Не откажи въ помощи Твоему народу! Разрушь стѣну между Тобой и Твоимъ народомъ. Повели и поклянись, что исполнишь наши просьбы. Ты сдѣлаешь Россію счастливой. Если нѣтъ, — тогда мы готовы умереть тутъ-же. У насъ только два пути: свобода и счастье или могила».

Государь отвѣтилъ: могила...

И весь корабль закачало на волнахъ страсти и негодованія...

Лѣвый кренъ получилъ величайшій аргументъ, а царь — страшное имя «Кроваваго Николая», данное ему потрясеннымъ редакторомъ Освобожденія... Такъ шла исторія. Царь, бюрократія, государственно-мыслящіе конституціоналисты, всѣ люди «высокой культуры» и «Энциклопедическаго образованія» не могли уже съ тѣхъ самыхъ поръ овладѣть движеніемъ. Оно шло — съ небольшими перерывами уклоняясь все влѣво, влѣво и влѣво. Революція 1905 г. была лишь прологомъ къ слѣдующей, конечной... Будущая к. д. партія, дѣтище «Освобожденія», будетъ также старательно сколачивать конституціонные элементы въ странѣ и въ четырехъ Государственныхъ Думахъ. Она будетъ энергично бороться съ лицемѣріемъ бюрократовъ и монархіи. Русскій либерализмъ въ ея лицѣ будетъ такъ же, какъ «Союзъ Освобожденія», стремиться стать центромъ въ состояніи реакціонныхъ и крайнихъ партій и удержать корабль отъ крена налѣво. Но и этой партіи задача окажется непосильной...

Придетъ время, когда блестящій ораторъ к. д. партіи, В. А. Маклаковъ, правый въ своей партіи и убѣжденный монархистъ-конституціоналистъ, произнесетъ въ 4-й Государственной Думѣ рѣчь — съ призывомъ къ революціонной акціи... Теряіііе самыхъ лойяльныхъ элементовъ будетъ изсякать... И годъ 1904-й, канунъ первой революціи, они будутъ вспоминать въ такихъ очертаніяхъ: «Сравнивая политическую обстановку 1904 г. съ годомъ 1914 *), слѣдуетъ признать, что тогда легче было успокоить недовольство въ странѣ. Тогда для успокоенія достаточно было произнести слово «конституція». Теперь этимъ уже не удовлетворятся. Есть опасность, что выраженіе недовольства и борьба съ правительствомъ пойдутъ мимо Государственной Думы. Этому надо всемірно противиться. Вы, г. г. члены Думы, должны понять, что мы не можемъ допустить, чтобы одни только люди, не вѣрящіе въ мирные пути, находили откликъ въ населеніи, вы не должны допустить, чтобы въ странѣ всѣ убѣдились, что на Думу разчитывать нечего. И если тогда, въ 1905 г., вы встали на сторону власти во имя порядка, то теперь во имя порядка вы должны итти противъ власти».

Этотъ призывъ, обращенный къ Государственной Думѣ, — итти противъ власти во имя порядка, — только повторялъ призывы лѣвыхъ освободенцевъ въ 1905 г., обращенные къ земцамъ... Другого пути не было, не могло быть. Страна задыхалась теперь уже не только отъ недовольства, но и отъ отвращенія къ вялой, реакціонной Думѣ, этой пародіи на европейскій конституціонализмъ. А для всѣхъ людей, видящихъ главную опасность въ психологіи широкихъ массъ, въ ростѣ невѣрія въ лойяльные пути, оставался единственный путь морально-политическаго поведенія: лѣвый кренъ, борьба съ властью, борьба съ лже-конституціей...

Великая война, — естественно, — снова броситъ слабый, еще только слагающійся русскій либерализмъ въ объятія власти: во имя защиты страны. Гніеніе аппарата монархіи усилятся; задача управленія не только народомъ.

*) Эта рѣчь была произнесена по поводу дѣла Бейлиса, поведенія въ немъ правительства и суда. 12 мая 1914 года

лишеннымъ всѣхъ правъ, но и миллионными арміями окажется ему окончательно непосильной...

Царь будетъ еще чаще «плакать и молиться»... Волны стихійнаго движенія будутъ расти и кренить корабль налѣво, все налѣво... Пока не затонетъ, наконецъ, лишенная творчества монархія, лишенная силы центральная партія, и пока на горизонтѣ не появится новый кормчій — въ обликѣ торжествующаго большевизма...

Этотъ кормчій окончательно не вѣрять ни въ какія конституціи. Онъ — законное дитя російскаго самовластия и глухого подполья. Безъ всякаго труда онъ отрубилъ голову слабымъ центральнымъ партіямъ, — русскому либерализму и правому социализму — во имя идеала стараго подполья — социальной революціи. Для перевѣса этого убійственнаго лѣваго крена должны теперь копиться въ странѣ силы, способныя понять его опасность. Эти силы будутъ уже совсѣмъ иной кости. «Старо-боярскіе идеальчики» имъ чужды: боярскій дубъ вырванъ изъ російской почвы — съ корнемъ...

VIII.

Прошлое можно передѣлывать, — особенно на досугѣ, — какъ угодно. Но — зачѣмъ это дѣлать? Всякая правда, самая страшная, нужнѣе для будущаго, чѣмъ вольныя передѣлки...

Пусть бы только давали намъ эту правду, — то, какъ это было, — историки въ своихъ работахъ, уцѣлѣвшіе общественные дѣятели и простые участники этихъ страшныхъ временъ — въ своихъ воспоминаніяхъ.

Зрячимъ — легче будетъ найти дорогу къ будущему..

Ек. Кускова.

Пятый годъ

Гроза девятымъ января.
Гроза Аргуромъ и Цусимой,
Уже кровавая зоря,
Раскинулась необозримо

Четверть вѣка - цѣлая вѣчность — прошла съ этихъ преломившихъ русскую исторію событій. И поминая сейчасъ двадцатипятилѣтіе первой русской революціи, мы поминаемъ его, конечно, не потому, что она произошла, а «что прошло — то мило: все мило, а не въ просѣянномъ видѣ», — какъ пытается насъ увѣрить М. А. Осоргинъ въ своихъ, печатаемыхъ выше, воспоминаніяхъ о пятомъ годѣ. Нѣтъ, далеко не все въ прошломъ «мило»! Многое по прежнему остается ненавистнымъ и въ прошломъ, какъ навѣки останется ненавистнымъ и многое въ нынѣшнемъ...

Мы скорѣе присоединились бы къ словамъ французскаго премьера Тарды, которому и правыя убѣжденія не помѣшали сказать на официальномъ чествованіи іюльской революціи 1830 г., что, празднуя столѣтіе «трехъ славныхъ дней», Франція чествуетъ не междуусобные бои между французами, а непрерывность демократическаго прогресса, сказавшуюся въ торжествѣ іюльской революціи, коимъ отмѣчено возвращеніе, послѣ прерыва въ 40 лѣтъ, къ вѣчнымъ началамъ 1789 г. Правда, и революціи 30-го года оказалось недостаточно, и 48-ой годъ очутился передъ тѣми же задачами, которыя были реализованы частично лишь четверть вѣка спустя...

Такимъ путемъ, въ результатѣ не одной революціи и не одного прерыва въ своемъ мирномъ и революціонномъ развитіи пришла къ своему нынѣшнему устройству даже Франція — передовая страна демократіи и родоначальница континентальной свободы.

Нынѣшнее состояніе Россіи — особенно кошмаръ послѣднихъ мѣсяцевъ и дней — внушаетъ менѣе всего увѣ-

ренности въ непрерывность человѣческаго прогресса вообще и демократическаго развитія Россіи въ особенности. Возникаетъ даже вопросъ объ элементарной социальнополитической устойчивости русскаго государства. И тѣмъ не менѣе только съ самой общей точки зрѣнія, не различающей никакихъ историческихъ контуровъ и профилей, періодовъ и датъ, подъемовъ и низинъ, сливающей въ нежизненное и абстрактное единство всѣ историческіе процессы, можно не различать между октябрёмъ пятаго года и октябрьемъ семнадцатаго.

Именно такой анти-исторической прямой соединяють пятый годъ съ послѣдствіями октября семнадцатаго и крайніе враги всякой революціи, и безкрайніе ея энтузіасты. И тѣмъ, и другимъ близорукость и неспособность различать историческіе цвѣта и краски представляются особенно зоркимъ проникновеніемъ въ историческую даль и глубь.

«Черные» идеологи, оказывается, «сразу по «альфѣ» (1905) опредѣлили «омегу» (1917) русской революціи» (См. «Первый день конституціи» у В. В. Шульгина: «Дни»). И тотъ же даръ предвидѣнія заднимъ числомъ обнаружили нынѣшніе «красные» властители Россіи и ея печатныхъ средствъ производства. Въ специальныхъ, посвященныхъ 1905-му году совѣтскихъ изданіяхъ настойчивѣе всего доказывается, что «Начало пролетарской революціи» - (подъ такимъ заглавіемъ былъ прочитанъ М. Н. Покровскимъ докладъ на общемъ собраніи Ассоціаціи научно-ислѣдовательскихъ институтовъ обществовѣдѣнія 16-I 1926 г.) — датируетъ пятымъ годомъ, а не 17-мъ.

«Я разсматриваю нашу революцію, какъ одно цѣлое, какъ три большихъ эпизода, называя по мѣсяцамъ: декабрь 1905 г., февраль 1917 г. и октябрь 1917 г.», — пишетъ совѣтскій Карамзинъ, Покровскій. Онъ не можетъ скрыть отъ своихъ натасканныхъ въ большевицкомъ писанинѣ слушателей, что «это какъ будто противорѣчить тому, о чемъ я писалъ сравнительно недавно, и что мы вообще знаемъ, именно, что революція 1905 г. была чисто буржуазной революціей, между тѣмъ какъ октябрьская революція была безусловно, бесспорно (въ томъ достаточная порука - честное слово Покровскаго!) социалистической революціей. Но тутъ придется внести нѣкоторую поправку къ той поправкѣ, которую мы должны были сдѣлать, воюя съ теоріей перманентной революціи»...

Фракціонно-прикладной цѣли своей прошлой исторической схемы не скрываетъ и Покровскій. Наивно-прикладную цѣль — нѣкое повышеніе въ рангѣ революціи пятого года, по случаю ея 25-лѣтняго юбилея, пожалованіе ея званіемъ «пролетарской», — преслѣдуетъ Покровскій и сейчасъ, когда утверждаетъ, что «между нашими тремя революціями нѣтъ разрыва» — «эти три выступленія прихотится разсматривать, какъ одно цѣлое». Но и менѣе испытанные большевицкіе историкки, характеризуюя событія 905 года, почитаютъ долгомъ своей большевицкой совѣсти утверждать, что «въ декабрѣ 1905 г. на улицу, на баррикаду противъ установленнаго порядка вещей выступилъ не буржуа, не третій элементъ, не студентъ, не курсистка, а «передовой классъ — пролетаріатъ». Революція 1905 г. была буржуазная — по своему социальному содержанию, но по средствамъ борьбы она была пролетарской: «движущей силой этой революціи была не буржуазія, а пролетаріатъ» (См., напр., предисловіе В. Невскаго къ «Хроникѣ вооруженной борьбы» въ 1905 г. въ № 11-12 «Краснаго Архива»).

Это, конечно, тенденціозно, преувеличено и неправильно въ своей основѣ. Если между пятымъ годомъ и семнадцатымъ нѣтъ той бездны, которая раздѣляетъ Октябрь 17-го года отъ Февраля, — все же многое отличается пятый годъ и отъ Февраля 17-го года.

Не правъ, конечно, М. А. Осоргинъ, когда, вспоминая свое и наше прошлое, онъ утверждаетъ будто революція пятого года «не была «массовой», и вдохновляли ее единицы интеллигенты». Вдохновеніе всегда и во всемъ идетъ отъ единицъ, «интеллигентовъ». И всякую революцію всегда всегда вдохновляютъ единицы и возглавляютъ интеллигенты. Именно потому и поносятъ такъ интеллигентовъ — «духовную память народа» — безпамятные враги революціи, даже интеллигентные... Вѣрно, революція пятого года была несравненно героичнѣе 17-го года, когда, по правильному замѣчанію Осоргина, «гораздо большимъ героизмомъ было не принимать революціи, чѣмъ клясться въ вѣрности новому, красному русскому знамени», чѣ февралѣ 17-го года даже такіе хъ «геросвъ» — не нашлось

Неправильно, однако, утверждать, что «теперь забытый годъ» героиченъ былъ потому, что его отмѣчаетъ «пресбладающая роль единицъ». Въ пятомъ году гер и или бы-

ли и массы. И, вопреки тому, что о ней говорилъ Ленинъ, и въ пятомъ году революція, конечно, была м а с с о в о й, ибо иначе пятый годъ не былъ бы годомъ революціи...

Можно сказать, что въ пятомъ году революцію дѣлали, тогда какъ въ 17-мъ она «сдѣлалась» сама, мало кѣмъ даже предвидѣнная. И потому въ пятомъ году единицы и массы шли на рискъ и на жертвы, тогда какъ въ 17 году все такъ молниеносно свершилось, что въ особой жертвенности и нужды не было, и вмѣсто жертвы, люди нетерпѣливо стали требовать немедленной жатвы революціонныхъ «завоеваній».

Революція 1905 г. была массовой и всенародной. Но, какъ ни широко былъ ея обхватъ, она все же не захватила всей націи цѣликомъ, какъ въ 17-мъ году, когда отъ существующаго строя отвернулись не только интеллигенція и «массы», но и «первенствующие» сословія и чины: дворянство и духовенство, Сенатъ, Синодъ, Государственный Совѣтъ, почти все «Семейство». Въ 17-мъ году только одиночки и только про себя не приняли революціи. А въ пятомъ году въ каждомъ классѣ и сословіи оставались явные и скрытые враги революціи, ни на минуту не слившіе въ общее единство «двѣ націи», на которыя искони, еще съ до-петровскихъ временъ, распадалась Россія. Даже наиболѣе революціонный, рабочій классъ и тотъ далеко не весь былъ увлеченъ революціей.

Достаточно напомнить, что всего за два дня до того, какъ революція пятаго года началась, въ вышедшемъ 7-го января № 63 «Освобожденія» П. Б. Струве, обязываясь «всякими средствами ускорить рожденіе революціоннаго народа», констатировалъ горестный фактъ — «революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ»...

И Струве былъ правъ! Ибо и Ленинъ — самъ Ленинъ! — обзрѣвая событія изъ историческаго далека, приводитъ данныя, только подтверждающія фактъ отсутствія революціоннаго народа наканунѣ революціи пятаго года. За полтора мѣсяца до февральскаго взрыва Ленинъ ориентировался не на русскую революцію, а на «народныя возстанія въ Европѣ», которыя должны вспыхнуть въ «ближайшіе годы». Допуская, что «мы, старики, можетъ быть, не доживемъ до рѣшающихъ битвъ этой грядущей революціи», Ленинъ, въ рѣчи передъ рабочей молодежью въ Цюрихѣ, по случаю 12-лѣтія 9-го января какъ бы пре-

люждаетъ — или завѣщаетъ — будущимъ участникамъ «народныхъ возстаній въ Европѣ» опытъ и преданья ихъ русскихъ предшественниковъ.

Онъ говорилъ: «До 22-го (по старому стилю 9-го) января 1905 г. революціонная партія Россіи состояла изъ небольшой кучки людей... Пѣскольку сотенъ революціонныхъ организаторовъ, нѣсколько тысячъ членовъ мѣстныхъ организаций, подлюжины выходящихъ не чаще раза въ мѣсяцъ революціонныхъ листовъ, которые издавались главнымъ образомъ за границей и контрабанднымъ путемъ, съ цѣвфронтными трудностями и цѣной многихъ жертвъ пересылались въ Россію, — таковы были революціонныя партіи въ Россіи и въ первую очередь революціонная социаль-демократія до 22 января 1905 года». — Это по оцѣнкѣ челоувѣка, скорѣе склоннаго преувеличить, нежели недооцѣнить силу «пролетарскихъ баталіоновъ».

И далѣе, утверждал, что вообще «нельзя понять событій русской революціи и смѣны ея политическихъ формъ, если по статистикѣ забастовокъ не изучать основы этихъ событій и этой смѣны формъ», Ленинъ приводитъ слѣдующую справку о стачкахъ — «главнаго пролетарскаго средства раскачиванія массъ»: «Средняя годовичная цифра бастующихъ въ Россіи въ теченіе 10 лѣтъ до революціи равнялась 43 тысячамъ. Въ январѣ 1905 г., въ первый мѣсяцъ революціи, число бастующихъ составляло 440 тысячъ. Значить, за одинъ мѣсяцъ больше, чѣмъ за все предыдущее десятилѣтіе».

Но и эти цифры, характеризующія необычайный ростъ участія рабочаго класса въ русскомъ освободительномъ движеніи, блѣднѣютъ при сопоставленіи ихъ съ общимъ числомъ бастовавшихъ въ пятомъ году. По подсчетамъ самого Ленина выходитъ, что «общее количество бастующихъ въ 1905 г. равнялось 2 милл. 800 тыс. — въ два раза больше общаго количества фабричныхъ рабочихъ!» *).

Къ 1905-му году «классическій» типъ бунтаря-революціонера интеллигента, «нигилиста» и «студента», оказалъ уже историческимъ пережиткомъ. Онъ былъ вытѣсненъ далеко не всегда представителемъ «наиболѣе пере-

*) См. Изданіе «Комиссіи ЦИК СССР по организаціи празднованія 20-лѣтія революціи 1905 года и ИСТПАРТ ЦК РКП(б) — : «1905» — Т. I «Предпосылки революціи»

доваго», рабочего класса, а наиболѣе распространеннымъ въ пятомъ году типомъ — забастовщика. Ибо бастовали тогда всѣ: и низы, и верхи, рабочіе и курсистки, профессора и чиновники, батраки и ремесленники, общественныя учрежденія и «правительственныя». Бастовали столицы и крупные промышленныя центры, и самыя захолустныя медвѣжки углы. Въ движеніе пришли не «профессиональные» только революціонеры, а подлинная масса, Россія.

Только это и превратило пятый годъ, въ отличіе отъ ему предшествовавшихъ и за нимъ послѣдовавшихъ, въ годъ революціи. Ибо для того, чтобы революція была, одинаково необходимы два начала: идея, «прорывающаяся въ дѣйствительность», и социальная сила или масса, «мобилизуемая» этой идеей (Ср. E. Lederer: *Einige Gedanken zur Soziologie der Revolution*).

Какъ могло это случиться? Какъ случилось, что богоспасаемая и царепослушная Русь всколыхнулась отъ края и до края? Что за идея ворвалась въ русскую дѣйствительность, прорвала ее и мобилизовала массы, еще наканунѣ, казалось, столь инертныя и властепослушныя?

Вѣдь двигавшаяся 9-го января по улицамъ Петербурга стотысячная масса рабочихъ состояла изъ наиболѣе передовыхъ и сознательныхъ кадровъ столичнаго пролетаріата. Съ хоругвями, иконами и царскими портретами, съ вѣрой въ Бога и съ надеждой на царя, несла эта масса петицію, въ которой не требовала, а молила: «Государь! Не откажи въ помощи твоему народу! Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ. Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и ты сдѣлаешь Россію счастливой: если нѣтъ, тогда мы готовы умереть тутъ же. У насъ только два пути: свобода и счастье или могила».

И могила, а не свобода, открылась передъ многими участниками этого шествія. И только тогда, послѣ предметнаго урока 9-го января, была убита навсегда въ русскомъ рабочемъ классѣ вѣра въ батюшку-царя *).

*) Даже большевннкіе историки не рискуютъ отрицать того, что «вѣра въ царя» была крѣпка въ русскомъ рабочемъ классѣ до самаго краснаго воскресенья. Они только смнчаютъ этотъ неприятыи для нихъ рабочелюбческаго благочестія фактъ тѣмъ, что приписываютъ эту вѣру въ царя «сѣрой массѣ пролетаріата» — См г II указанного выше изданія Комиссіи ЦИК СССР и т. д стр 53.

Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что русскій рабочій политически пробудился вовсе не раньше другихъ слоевъ населенія, а, если не считать крестьянства, позднѣе другихъ. Даже японская война, приведшая въ такое возбужденіе русскую общественность, земско-городскіе, помѣстно-дворянскіе и промышленно-либеральные круги, — въ «передовомъ» рабочемъ классѣ, не вытравила окончательно ихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и вѣры.

Настроснiя революціонной интеллигенціи и свободомыслящей общественности ушли далеко впередъ. И только 9-ое января на короткій срокъ выравнивало чувства и мысли культурныхъ верховъ *) и низовъ съ тѣмъ, чтобы же къ октябрю 1905 г. настроснiя и требованiя низовъ или тѣхъ, кто считалъ себя правомочнымъ говорить отъ ихъ имени, оставили далеко за собой всѣ другіа. Пока общественно-либеральные интеллигентски-революціонные круги были одиноки, не имѣли за собой массы, какъ ни дальновидны были ихъ оцѣнки предсказанiя, они оставались бсздѣйственны. Ихъ выступленiя могли быть героичными, но, какъ правило, безрезультатными; отдавали вызывавшимъ только издѣвательство чернаго стана — романтизмомъ. Но какъ только политика царской власти откинула въ интеллигентскій лагерь ей преданныя массы, и въ сменной спайки и всеобщаго единенiя оказалось достаточно для того, чтобы революція «произошла» и частично побѣдила.

Какая же идея ворвалась въ русскую жизнь? И съ какого времени она ворвалась?

Рѣдко какой документъ формулируетъ отвѣтъ на этотъ основной вопросъ русской исторiи болѣе отчетливо, чѣмъ мало кому извѣстная, сравнительно недавно опубликованная Записка, — не Докладъ! — представленная по личной инициативѣ Витте царю 9-го октября 1905 г.

Въ ней мы читаемъ: «Основной лозунгъ современнаго общественнаго движенiя въ Россiи — свобода. Государственная организація имѣетъ не одно только внѣшнее или

*) «День 9 января создалъ кровавую традицію. И это страшная сила, господа господа Романовы!» — восклицать «не романтикъ революціи, лишенный чувства мѣры и чутка дѣятельности, не риторъ, расчитывающій сильными выраженiями достигнуть памфлетнаго политическаго эффекта», а — редакторъ «Освобожденiя» Петръ Струве, «взявшій свои чувства и убѣдившійся, что такъ должны чувствоваться множество русскихъ людей». См. «Освобожденiе» № 65.

историческое оправданіе, т. е. государство не можетъ жить и развиваться только потому, что оно существуетъ. Оно оправдывается и внутренне заложенной въ его существо идеей, т. е. для жизни государства должна быть цѣль, государство живетъ во имя' чего-нибудь... Въ государствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество формы надъ идеей. Право, дѣйствующее въ странѣ, получаетъ оцѣнку постольку, постольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода --- постольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ.

Идея, однако, никогда не умираетъ. Если форма, ставшая внѣшнимъ фактомъ, своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣсть вѣтромъ, — уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь, онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки.

Не годъ назадъ, конечно, зародилось нынѣшнее освободительное движеніе. Его корни въ глубинѣ вѣковъ — въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, въ церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ, въ бунтѣ декабристовъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ великомъ актѣ 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, въ природѣ всякаго человѣка. Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ. Человѣкъ къ культурной — къ свободѣ и праву: къ свободѣ, регулируемой правомъ и правомъ обезпечиваемой.

...Лозунгъ «свобода» долженъ стать лозунгомъ правительственной дѣятельности. Другого исхода для спасенія государства нѣтъ. Ходъ историческаго прогресса неудержимъ. Идея гражданской свободы восторжествуетъ, если не путемъ реформы, то путемъ революціи. Но въ послѣднемъ случаѣ она возродится изъ пепла испровергнутого тысячелѣтняго прошлаго. Русскій бунтъ, безмысленный и безпощадный, все смететъ, все повергнетъ въ прахъ. Какою выйдетъ Россія изъ безпримѣрнаго испытанія, — умъ отказывается себѣ представить; ужасы русскаго бун-

та могутъ превзойти все то, что было въ исторіи. Возможное чужеземное вмѣшательство разорветъ страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретическаго социализма, — онѣ будутъ неудачны, но онѣ будутъ несомнѣнно, — разрушать семью, выраженіе религіознаго культа, собственность, всѣ основы права.

...Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституціонный. Это слово не должно пугать и быть подъ запретомъ. Государственная власть должна искренно и явно стремиться къ благу государства, а не къ сохраненію той или другой формы. Пусть докажутъ, что благо государства въ конституціи, — самодержавный монархъ, интересы коего не могутъ быть отдѣлены отъ блага народнаго, первый, безъ сомнѣнія, станетъ на этотъ путь. Опасенію здѣсь не можетъ быть мѣста, и надо имѣть въ виду и готовиться и къ этому исходу... Выбора нѣтъ: или стать во главѣ охватившаго страну движенія, или отъйти ея на растерзаніе стихійныхъ силъ. Казни и потоки крови только ускорятъ взрывъ. За ними наступитъ дикій разгулъ низменныхъ человѣческихъ страстей».

Историческій докладъ, опубликованный вмѣстѣ съ манифестомъ 17 октября и составленный Витте по порученію царя, гораздо менѣе яркъ и болѣе сдержанъ. Но и въ немъ дана почти классическая формула, — почему и когда происходятъ вообще революціи.

Докладъ рѣшительно отказывается отъ традиціонно-полицейской версіи о существованіи лишь крамольниковъ и зачинщиковъ - смутьяновъ, вызывающихъ революцію. Онъ становится на болѣе углубленную, и с т о р и ч е с к у ю точку зрѣнія. «Волненіе охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и социальнаго устроенія или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія залегаютъ глубже въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя и стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Нарушенное равновѣсіе между идейными стремленіями и внѣшними формами жизни, — въ марксистскихъ терминахъ: расхожденіе между «сознаніемъ» и «бытіемъ» — и

вызвало революцію пятого года, было ея подлинной причиною, опредѣлило ея историческую необходимость *).

Эту необходимость первоначально осознавала лишь «чучка» лицъ, ничтожнѣйшее меньшинство, одиночки революціонеры и социалисты, только въ процесѣ все возростающихъ ошибокъ и преступленій власти превращавшееся въ подавляющее большинство. Конечно, манифестъ 17 октября былъ «вырванъ» у самодержавія. Но вырванъ не Витте, съ излишней подробностью доказывающимъ въ своихъ воспоминаніяхъ этотъ совершенно безспорный фактъ и свою вѣроподданническую лояльность монархii. Манифестъ былъ вырванъ событиями. И не столько единодушными требованіями общества, сколько неуверенностью власти въ прочности своихъ силъ и опоры. Манифестъ былъ вырванъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, и въ запоздалости его была одна изъ причинъ его фактической безрезультатности.

Не парисованная Витте перспектива — «отдать страну на растерзаніе стихійныхъ силъ» опредѣлила волю русскаго самодержца; не «казни и потоки крови» устроили его и побудили «уступить» — предпочесть конституцію диктатурѣ. Нѣтъ! Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что рѣшеніе Николая II продиктовано не совѣтами Витте, а простою справкой о состояніи воинскихъ и полицейскихъ частей, данныхъ ему военнымъ министромъ (ген. Редигеромъ) и министромъ полиціи (въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ ген. Треповымъ) и скрѣпленнымъ авторитетомъ командующаго войсками петербургскаго военнаго округа, ближайшаго совѣтника царя — вел. кн. Николая Николаевича.

Начиная съ самаго 9-го января, въ теченіе всего пятого года министры не перестаютъ бомбардировать царя

*) Кошачиное для «патріотическаго» или «коммунистическаго» уха сопоставленіе Витте съ Марксомъ или текста «всеподданнѣйшаго доклада» съ «Коммунистическимъ Манифестомъ» можетъ быть упразднено справкой изъ «Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ», въ которомъ Сперанскій, еще до Витте и Маркса, въ 1809 году писалъ: «Никакое право, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемогущаго ея дѣйствія устоять не можетъ»; «сколько бѣдствій, сколько крови можно было сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ, и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа»

всевозможными записками и докладами (политически безцвѣтные записки министра финансовъ Коковцева отъ 11, 16 и 19 января и яркія записки быв. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ Ермолова, отъ 17 и 31 января, и В. И. Ковалевскаго отъ 7 апрѣля *)). Но царь не внемлетъ никакимъ запискамъ и докладамъ своихъ собственныхъ приближенныхъ, даже удостоивая формальнаго высочайшаго одобренія ихъ предположенія. Тѣмъ меньше считается онъ съ заявленіями и петиціями оппозиціонной, но его величеству лойяльной оппозиціи земско-городскихъ круговъ. Сколько можетъ, сопротивляется онъ даже тому, чтобы выслушать мнѣніе наиболѣе крупнаго своего государственнаго дѣятеля Витте, котораго признаютъ за такового не только мать государя, но и искренніе недоброжелатели Витте — Побѣдоносцевъ и Левъ Тихоміровъ. (См. новѣйшій матеріалъ, опубликованный въ «Красномъ Архивѣ» т. т. 22, 30 и 38).

Не надо знать всего послѣдующаго, исторіи слѣдующаго 12-лѣтія — безчеловѣчныхъ карательныхъ экспедицій, новыхъ основныхъ законовъ, роспуска двухъ Думъ, акта 3-го Іюня, столыпинскихъ «галстуховъ», аграрнаго творчества «русскаго Бисмарка», войны и распутиновщины, когда самодержавная «власть подъ Хлыстомъ» вновь вручала «власть съ хлыстомъ» знакомымъ еще по пятому году персонажамъ: Горемыкину, Штюрмеру и Ко. Доста-

---

*) А. С. Ермоловъ предлагаетъ царю «подумать о томъ, на какихъ началахъ самодержавное правленіе Ваше должно найти опору. На одну вооруженную силу, на одни войска Вамъ опираться нельзя... Вы можете опереться только на народъ, но для этого нужно, чтобы народъ могъ въ Васъ вѣрить и продолжать видѣть въ Васъ своего защитника, а между тѣмъ посмотрите, что происходило 9-го января». Черезъ двѣ недѣли въ запискѣ отъ 31 января Ермоловъ уточняетъ свои положительныя предложенія. Онъ рекомендуетъ царю обратиться къ населенію съ манифестомъ о «непреложномъ рѣшеніи выслушать голосъ русскаго народа и созвать... свободно избранныхъ представителей отъ всѣхъ сословій русской земли, въ видѣ всепародной земской Думы... (Красн. Архивъ», т. 8).

Предвосхищая мнѣніе Витте, В. И. Ковалевскій пишетъ: «Было бы пагубною ошибкой думать, что небольшая группа «крамольниковъ» создали всю теперешнюю смуту и повсемѣстное броженіе въ умахъ и на улицахъ. Нѣтъ, — они родились отъ всеобщаго недовольства гнетомъ и безправіемъ... Я не смѣю скрывать отъ своего государя, что Россія находится наканунѣ жесточайшей изъ революцій, послѣдствія

точно помнить хронологическую смѣну событій, хотя бы за одинъ октябрь 1905 г., чтобы имѣть право утверждать, что самодержавіе ни на одну минуту и ни на одну йоту внутренне не соглашался ограничить свое самодержавіе. И самый историческій манифестъ 17 октября, оставившій російскій государственный строй на одиннадцать съ половиной лѣтъ безъ имени, — слово «конституція» нельзя было произнести: царь публично заявилъ: «самодержавіе мое останется при мнѣ, какъ и встарь», и растерявшіеся ученые всего міра, вмѣстѣ съ готскимъ альманахомъ, стали съ 1906 г. обозначать Россію, какъ «Empire constitutionnel sous un Tzar autocrate», — былъ и оставался лишь очереднымъ маневромъ власти.

8-го октября назначена всеобщая стачка желѣзныхъ дорогъ. И только въ этотъ день получаетъ Витте вызовъ на 9-ое октября въ Петергофъ, гдѣ представляетъ свою замѣчательную Записку и ставитъ передъ Николаемъ II отчетливую дилемму: диктатура, при помощи «рѣшительнаго военнаго», или конституція. Нѣсколько дней проходятъ въ нерѣшительности и колебаніи. 12-го царь какъ будто рѣшается стать на первый путь: ген. Трепову подчинены всѣ войска петербургскаго гарнизона, ему приказано возстановить порядокъ и не допускать незаконныхъ сборищъ. «Рѣшительный военный», въ свою очередь, отдаетъ приказъ — «патроновъ не жалѣть». Стачка разгора-

---

которой, какъ и всякой стихійной силы, не дано предвидѣть, человеческому разуму... Высочайшій манифестъ 18 февраля произвелъ самое удручающее впечатлѣніе и, казалось, означалъ послѣднюю надежду на просвѣтленіе омраченной русской жизни... Необходимо немедленно снять оковы съ русской мысли и русскаго духа и дать здоровый исходъ сжатымъ общественнымъ силамъ. Видъ этого нѣтъ спасенія... Къ «крайнимъ» принадлежитъ въ настоящее время весь русскій народъ» («Красн. Архивъ», т 11-12).

Небезынтересно, можетъ быть, упомянуть еще о занискѣ нѣкоего Гофштеттера, представленной царю черезъ Трепова 8 мая 1905 г. Въ ней между прочимъ говорилось: «Не будучи пророкомъ, можно смѣло съ полной увѣренностью предсказать, что русская монархія или будетъ глубоко и сознательно демократической, или же черезъ какихъ-либо 10 лѣтъ никакой монархіи въ Россіи не будетъ» (Тамъ же). — Поразительно, съ какою точностью въ срокъ, съ ошибкой всего въ 2 года, этотъ прожектеръ и пепавистникъ «космополитичной, антинациональной интеллигенціи — слѣзнаго орудія организованной еврейской плутократіи», — предсказалъ гибель монархіи...

ется, становится подлинно всеобщей, и царь вновь обращает свои взоры въ сторону Витте и возможности встать на второй путь — путь уступокъ и конституціи.

13-го царь телеграфируетъ Витте, что поручаетъ ему «объединить дѣятельность министровъ, которымъ ставить цѣлью возстановить порядокъ повсемѣстно». Онъ уже соглашается на «совмѣстную созидательную работу правительства съ имѣющими быть свободно избранными представителями народа моего», но считаетъ это возможнымъ «только при спокойномъ теченіи государственной жизни». Иными словами, пресловутое: сначала успокоеніе — потомъ реформы. Но событія развиваются быстро и грозно. И уже къ вечеру 14-го Витте телефонируютъ изъ дворца, чтобы онъ явился на слѣдующій день утромъ въ Петергофъ на совѣщаніе и привезъ проектъ манифеста, такъ какъ необходимо, чтобы «все исходило лично отъ государя и нужно вывести намѣченныя въ его докладѣ мѣры изъ области обѣщаній въ область государемъ даруемыхъ фактовъ».

Напрасно Витте, какъ бы предвидя послѣдующее, указываетъ, и не одинъ разъ, и царю, и его ближайшему окруженію, что было бы осторожнѣе не издавать манифеста, какъ документа, болѣе связывающаго и къ большому власти обязывающаго, а ограничиться однимъ утвержденіемъ всеподданнѣйшаго доклада Витте. Съ этимъ не соглашались. И нервое, что вообще было «безповоротно» предрѣшено — еще до того, какъ рѣшено было остановиться на той или иной программѣ и довѣрить ся проведеніе тому или другому, — это была какъ разъ форма обнародованія высочайшей воли. Изданіе манифеста было предрѣшено потому, что имъ тѣснѣ всего связывалось даруемое съ личностью дарителя... Этимъ интересовались больше всего.

Составленіе манифеста поручено Витте, который на петергофскомъ совѣщаніи 15 октября публично, передъ царемъ и въ присутствіи Николая Николаевича, министра двора Фредерикса и ген. - адъют. Рихтера, отстаиваетъ основныя положенія манифеста. Но за спиной Витте царь совѣщается одновременно и съ другими сановниками: съ Паленомъ, Игнатьевымъ, Чихаевымъ. Больше того, — Горемыкину и Булбергу даютъ на исправленіе проектъ манифеста Витте. Имъ поручаютъ составить свою редакцію манифеста. Какъ гоголевской Агафѣѣ Тихоновнѣ, хочется

соединить несоединимое - конституцію съ диктатурой: къ горемыкинскому тексту манифеста приставить Трепова въ качествѣ диктатора и Витте въ качествѣ премьера... 16-го ночью къ Витте ѣдутъ Фредериксъ съ Мосоловымъ, пытаются склонить его согласиться на текстъ Горемыкина. И только на слѣдующій день, когда движеніе не затихало, и даже всл. князь Николай Николаевичъ подержалъ «конституцію», за объективной невозможностью «диктатуры», въ виду отсутствія войскъ, царь, наконецъ, рѣшился утвердить и докладъ Витте, и его редакцію манифеста.

Возвращаясь вмѣстѣ съ Витте въ Петербургъ, Николай Николаевичъ, веселый и довольный, говорилъ Витте: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда въ Боркахъ была спасена династія. Думается мнѣ, что и теперь династія спасается отъ неменьшей опасности сегодня происшедшимъ историческимъ актомъ», -- такъ записалъ присутствовавшій при этомъ Н. Д. Оболенскій *).

Вспоминая нѣсколько поздиѣ психологію Николая II въ октябрьскіе дни, Витте не думалъ, что царь дѣйствовалъ въ состояніи испуга. Онъ былъ, однако, «совсѣмъ растерянь... Государь въ тѣ дни искалъ опоры въ силѣ. Онъ не нашелъ никого изъ числа поклонниковъ силы -- всѣ струсили, а потому самъ желалъ манифеста, боясь, что иначе онъ совсѣмъ стухнетъ. Кромѣ того, въ глубин-

*) Со словъ Фредерикса известна драматическая обстановка, въ которой у Николая II «вырвано» было согласіе... Николаемъ Николаевичемъ: «Утромъ я подробно перелалъ государю нашъ ночной разговоръ (съ Витте); государь ничего не отвѣтилъ, вѣроятно, ожидая пріѣзда вел. кн. Николая Николаевича. Какъ только я вернулся къ себѣ, пріѣзжаетъ великій князь. Я ему рассказываю все происшедшее и говорю ему -- : слѣдуетъ установить диктатуру, и ты (бар. Фредериксъ съ великимъ княземъ былъ на «ты») долженъ взять на себя диктаторство. Тогда великій князь вынимаетъ изъ кобура револьверъ и говорить -- : ты видишь этотъ револьверъ, вотъ я сейчасъ пойду къ государю и буду умолять его подписать манифестъ и программу гр. Витте; или онъ подпишетъ, или я у него же пушу себѣ пулю въ лобъ изъ этого револьвера, и съ этими словами онъ отъ меня быстро ушелъ. Черезъ нѣкоторое время великій князь вернулся и передалъ мнѣ повелѣніе переписать въ окончательный видъ манифестъ и докладъ» (С. Ю. Витте: «Воспоминанія», т. 2-й, стр. 35)

Къ этому моменту относится вѣроятно и справка военного министра Редигера о томъ, что «въ Петербургѣ нѣтъ желѣзнодорожныхъ

нѣ души не можетъ быть, чтобы онѣ не чувствовалъ, что главный, если не единственный, виновникъ позорнѣйшей и глупѣйшей войны, это онѣ». — И въ другомъ мѣстѣ —: «Государь, какъ слабый человѣкъ, болѣе всего вѣритъ въ физическую силу (другихъ, конечно), т. е. силу его защищающую и уничижающую всѣхъ его дѣйствительныхъ и подозрѣваемыхъ, основательно или по ложнымъ наветамъ, враговъ, причеиъ, конечно, враги существующаго неограниченнаго, самопроизвольнаго и крѣпостническаго режима, по его убѣжденію, суть и его враги» (т. II, стр. 40-1 и 29).

Иначе, какъ «отчасти неблагонадежною, а, главное, слабостю» войскъ, на которыя можно было бы рассчитывать, не можетъ себѣ и Витте объяснить, почему «государь не рѣшился на диктатуру». — Этимъ многое, если не все, сказано и о «конституціи», которую царь рѣшился «даровать»...

Въ опубликованной недавно перспискѣ съ матерью «бѣдный Ники», какъ называетъ себя царь, оправдывая издание манифеста, какъ бы оправдывается въ вѣнѣ. Онѣ объясняетъ въ письмѣ къ Маріи Федоровнѣ отъ 19 октября, — «мы находимся въ полной революціи при дезорганизации всего управленія страной... Почти всѣ, къ кому я ни обращался съ вопросомъ, отвѣчали мнѣ такъ же, какъ Витте, и находили, что другого выхода, кромѣ этого, нѣтъ... Это, въ сущности, и есть конституція», — произно-

частей, которыя могли бы возстановить движеніе хотя бы отъ Петербурга до Пегергофа. Командированные въ дѣйствующую армію изъ состава частей, оставшихся въ Россіи, полотноны чинами запаса, «но среди послѣднихъ нынѣ началось всеобщее броженіе вслѣдствіе задержанія ихъ на службѣ послѣ заключенія мира. Эти обстоятельства, въ связи съ продолжительнымъ привлеченіемъ войскъ къ несенію полевой службы въ значительной степени разстроили войска, оставшіяся внутри имперіи» («Красн. Арх.» № 11-12, стр. 82-3).

Въ то же время Куронаткинъ, сидя въ Шуанчуню, записываетъ въ дневникъ 23 декабря: «Я ознакомился съ настроеніями армій, находящихся въ Манчжуріи, и смѣло могу утверждать, что офицерскій составъ и нижніе чины возвраща къ прошлому, столь печальному, не желаютъ и этого возвраща счищаютъ невозможнымъ... Дисциплина понатнулась, и если начнется борьба за возвраща самодержавія, то во многихъ случаяхъ войска стануть на сторонѣ свободы и прогресса противъ мрачной реакціи. ...Слабость самодержавной власти привета Россію къ пораженію. Искупленіе можетъ быть одно, и вопльъ благородное, — отказъ отъ самодержавія» («Красн. Арх.» т. 8).

силь онъ конфузливо, но все же отчетливо запретное даже для текста основныхъ законовъ слово *)).

Не проходитъ, однако, и десяти дней, какъ царь уже по иному интерпретируетъ событія. «Народъ возмутился наглостью и дерзостью революціонеровъ и социалистовъ, и такъ какъ 9/10 изъ нихъ — жидаы, то вся злость обрушилась на тѣхъ — отсюда еврейскіе погромы. Поразительно, съ какимъ единодушіемъ и сразу это случилось во всѣхъ городахъ Россіи и Сибири... Но не однимъ жидамъ пришло плохо, досталось и русскимъ агитаторамъ, инженерамъ, адвокатамъ и всякимъ сквернымъ людямъ (въ Томскѣ, Симферополѣ, Твери и Одессѣ)». — Въ слѣдующихъ письмахъ царь жалуется, что «войскъ мало въ Ковнѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Ригѣ», а «самое опасное явленіе» — аграрные беспорядки разрастаются; не перестаетъ возмущаться «жидовской кликой» и «заграничными жидами»; признается, что «очень усталъ головою, хотя тѣломъ здоровъ». Полутно онъ подтверждаетъ, что не напрасно общественная молва считала главнымъ наперсникомъ Николая II министра полиціи Трепова — : «Треповъ для меня незамѣнимый, своего рода, секретарь. Онъ опытенъ, уменъ, и остороженъ въ совѣтахъ. Я ему даю читать толстыя записки отъ Витте, и затѣмъ онъ мнѣ ихъ докладываетъ скоро и ясно. Это, конечно, секретъ для всѣхъ!»

Объ этомъ «секретѣ» не зналъ, но догадывался Витте, когда записывалъ: «Какой маленькій — великій благочестивѣйшій самодержавнѣйшій императоръ Николай II-ой!..»

Витте правъ, когда считаетъ всю исторію съ дарованіемъ манифеста — сплошной «игрой въ кашъ-кашъ», «сплетеніемъ трусости, слѣпоты, коварства и глупости».

Манифестъ не былъ результатомъ свободнаго или великодушнаго акта. Онъ былъ вынужденъ къ дарованію. И «дарованіе» произведено было не въ сознаніи необходимости для Россіи свободы, а по дѣйствию примитивнаго

*) «Произнесите слово: конституція». Аббѣдаль нѣсколько дней спустя Витте, приглашенный къ нему «для личнаго совѣта», П. Н. Митюковъ. На это Витте тогда же «просто и ясно» отвѣтилъ. «Я этого не могу, я не могу говорить о конституціи, потому что царь этого не хочетъ». (Источъ въ ориг. См. П. Н. Митюкова: «Три попытки — къ исторіи русскаго же-конституціонализма» 1921. Стр. 25)

инстинкта династическаго самосохраненія, заставившаго власть вступить на путь свободы за объективной невозможностью сопротивленія и избранія другого пути.

За время своего царствованія Николаю II приходилось не одинъ разъ «спасать Богомъ врученную ему державу». Онъ спасалъ ее въ разное время по разному. И въ октябрѣ пятаго года такимъ методомъ спасенія державы — или, точнѣе, трона — была «конституція», хотя бы и въ кавычкахъ. Только потому и встала власть на этотъ путь. И потому самому путь этотъ былъ обреченъ еще до того, какъ власть стала по нему шагать и маневрировать, двулично и безпомощно, спотыкаясь на каждомъ поворотѣ и компрометируя все безнадежнѣе и себя, и избранный ею путь.

И въ этомъ отношеніи Витте не отставалъ отъ носителя верховной власти. Съ гою, однако, существенной разницей, что Витте вынужденъ былъ считаться и съ волей царя и съ мнѣніемъ его приближенныхъ (въ первую очередь съ «конногвардейской» группой: Треповымъ, Фредериксомъ, Мосоловымъ, женатымъ на сестрѣ Трелова, и другими), тогда какъ царь могъ ни съ кѣмъ не считаться, кромѣ какъ съ голосомъ собственной совѣсти.

Не отъ революціи пятаго года пришло русское нестроеніе, а отъ нестроенія русской жизни пришла революція. Оправданность пятаго года, повторное свидѣтельство исторической необходимости первой революціи — въ революціи семнадцатаго года. И оправданность послѣдней — въ незавершенности первой.

**

Царь могъ думать и писать впоследствии — : «Если бы всѣ военные начальники дѣйствовали по примѣру полк. Римана I, то Россія не пережила бы такой позорной години 6 лѣтъ тому назадъ» (Резолюція 2-XII 911 г., коею царь удовлетворялъ ходатайство военнаго министра Сухомина о прекращеніи въ судѣ дѣла, возбужденнаго противъ Римана представителями потерпѣвшихъ отъ его «смертоубійства, нанесенія тѣлесныхъ поврежденій» и иныхъ незаконныхъ его дѣйствій подъ Москвой). В.

Шульгинъ можетъ и сейчасъ считать, что въ пятомъ году тронъ «спасли тѣ, кто зажгли взрывомъ оскорбленнаго патриотизма — взрывомъ, который вылился въ «еврейскій погромъ»; что прямой линіей соединяетъ «русская конституція» начало — еврейскій погромъ съ концомъ — «разгромомъ династїи» (см. «Дни», стр. 262 и 309).

Это не мѣняетъ фактовъ, — того, что въ пятомъ году Римаповъ не хватило, а въ семнадцатомъ году — они и вовсе исчезли: одни по просту измѣнили, а другіе временно и условно на мѣсто флигель-адъютантскихъ аксельбантовъ нацѣпили красный бантъ. И даже самъ Шульгинъ, беззавѣтно преданный монархіи и по днесь, «монархистъ по крови» и «природный черносотенецъ», по собственноручной его аттестации, въ пятомъ году тронъ «спасавшій» — и временно его, дѣйствительно, спасшій, — наканунѣ революціи 17-го года, «въ безсонную ночь», додумывается уже до того, что «быть можетъ, пожертвовавъ монархомъ, удастся спасти монархію», а вскорѣ, ужъ на яву, ѣдетъ въ Псковъ за самымъ актомъ объ отреченіи отъ престола...

Это символизируетъ политическій путь, пройденный Россіей за двѣнадцать лѣтъ между первой революціей и второй. И когда, въ свѣтѣ изжитой четверти вѣка, возвращаешься мыслью къ ея исходному пункту, — удивляешься не тому, что революція пятаго года «случилась», а тому, какъ могла она такъ сильно за поздѣть. Вѣдь потому-то она, несмотря на все свои блестящіе успѣхи, въ конечномъ счетѣ и «не удалась», сдѣлавъ исторически неизбежной новую революцію, въ обстановкѣ еще болѣе трудной чѣмъ въ пятомъ году.

Не я стану отрицать «ошибки» пятаго года, столь характерныя для всякой революціи въ отсталой странѣ, — страши неотсталыя, какъ извѣстно, тѣмъ и отличаются, что для нихъ революціи, какъ правило, не необходимы, — российский тріадный максимализмъ: политическій, социальный и національный, и, на почвѣ утраты чувства реальности, соперничающія другъ съ другомъ доктринерство и демагогію. Наоборотъ, я подчеркиваю, что тѣ, кто, судя по ближайшимъ результатамъ, склонны вознестить пятый годъ за счетъ февраля 17-го, когда побѣдила стихійная «солдатеска», а не сознательный рабочій — должны помнить, что самый семнадцатый годъ съ его съюзомъ въ октябрѣ сталъ возможенъ только потому, что «сорвался» октябръ 5-го. За неудачу пятаго года пришлось рас-

плачиваться еще горшею неудачей семнадцатаго, — какъ и Франціи революціями 48-го и 70-го г. г. пришлось платиться за незавершенность «славныхъ дней» 30-го года. И французская коммуна продержалась всего недѣли, тогда какъ наша держится уже второе десятилѣтіе, можетъ быть, именно потому, что 48-ой годъ въ своихъ итогахъ все же былъ ближе къ рѣшенію вопросовъ, стоявшихъ передъ Франціей половины прошлаго столѣтія, чѣмъ итоги нашего пятаго года къ нуждамъ Россіи нашего времени...

Неотмѣнимо и то, что срывъ 17 года формально связанъ съ побѣднымъ торжествомъ тѣхъ самыхъ Совѣтовъ, которые свое политическое крещеніе получили еще въ нынѣшнему году. Впрочемъ тому, что утверждаютъ евразійско-младороссіе и лѣво-эсеровскіе «ребята», идея Совѣтовъ — не истинно-русскаго происхожденія. Крестьянскіе совѣты знала англійская революція еще въ 17-мъ вѣкѣ. Планъ образованія безпартійнаго революціоннаго органа изъ представителей рабочихъ — по одному «депутату» на 500 рабочихъ — былъ въ октябрѣ пятаго года впервые выдвинутъ петербургскими меньшевиками. Планъ этотъ находился въ несомнѣнной связи съ идеей рабочаго съѣзда, которымъ увлекались меньшевики того времени, считывая, что такой съѣздъ ликвидируетъ междуфракціонныя разногласія — большевиковъ и меньшевиковъ — въ предѣлахъ единой РСДРП.

Отчасти изъ фракціонныхъ соображеній, изъ оппозиціи къ меньшевикамъ, отчасти и по существу большевики вначалѣ отнеслись къ Совѣтамъ отрицательно, какъ организациі безпартійной, способной вступить въ конфликтъ или соперничество съ революціонными партіями. Улучшенное тогда съ лихвой возмѣщается сейчасъ. Теперь въ Совѣтахъ, какъ «представительствѣ по производству, выражающемъ объективную спайку рабочаго класса, спайку хозяйственную», большевицкіе историки и пропагандисты видятъ уже «міровое достиженіе», необходимую форму побѣдоносной революціи. «Недаромъ, — пишетъ Покровскій въ уже упоминавшемся нами докладѣ, — когда началась германская революція, то она выразилась въ образованіи Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и провалъ этихъ Совѣтовъ былъ одновременно проваломъ германской революціи».

Каково бы ни было происхожденіе Совѣтовъ, какъ безпартійно-революціоннаго органа русскаго рабочаго

класса, исторически неизгладимо, что большевицкое «мировое достиженіе», Совѣты, какъ «организация по производству», имѣютъ въ Россіи другую, совсѣмъ мало почитенную генеалогію. Какъ 9-ое января вышло изъ «собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга», разрѣшеннаго и одобреннаго департаментомъ полиціи, «опредѣлввшимъ» и руководителя Собранія — священника Гапона *), такъ и Совѣты, какъ «представительство по производству», возникли гораздо раньше пятого года, по плану и почину московскаго охраннаго отдѣленія **). Большевицкое «мировое достиженіе» сохранило много чертъ изъ «достиженія» полицейскаго социализма Зубатова и Плеве. Не говоря о формальномъ и «структурномъ» сходствѣ Совѣтовъ, тамъ и здѣсь ставка сдѣлана на «агентовъ изъ среды благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управленія толпой»; здѣсь, какъ и тамъ, расчетъ соблазнить «каждо униженнаго и оскорбленнаго» тѣмъ, что онъ найдетъ въ охранномъ отдѣленіи или нынѣшнемъ ГПУ въ обмѣнъ на «благонадежность» — «отеческое вниманіе, совѣтъ и поддержку».

Много дурного можно сказать о пятомъ годѣ, многое сказать про и въ него. Но когда умѣренные круги русской общественности по привычкѣ заявлять монополію на государственный смыслъ и разумъ, видятъ главную неудачу пятого года въ томъ, что либеральному лагерю не удалось заключить соглашеніе съ властью, при чемъ соглашеніе это было сорвано властью и — въ одинаковой

*) Въ опубликованномъ недавно дневникѣ Льва Тихомірова имѣется запись еще отъ 19 мая 1904 г.: «Грингмутъ положительно заявляетъ, что онъ (священникъ Гапонъ, съ которымъ Грингмутъ видѣлся) состоитъ на жалованіи у охраннаго отдѣленія, а въ то же время называетъ его революціонеромъ» («Красн. Арх», т. 38).

***) На совѣщаніи фабрикантовъ 26 іюля 1902 г. необходимость Совѣтовъ мотивировалась начальникомъ московскаго охраннаго отдѣленія слѣдующими соображеніями: «Для предохраненія рабочихъ отъ вліянія на нихъ революціонеровъ необходимо расширеніе правъ рабочихъ... Расширеніе должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, выбираемыхъ рабочими добровольно изъ своей среды... Комитеты отдѣльныхъ фабрикъ даннаго округа должны состоять во взаимномъ общеніи, въ видахъ достиженія однообразности дѣйствій. Общій надзоръ за комитетами сосредотачивается въ

или даже въ большей мѣрѣ крайними элементами (по терминологіи Николая II: «скверными людьми»), мы склонны утверждать, что именно съ исторической точки зрѣнія такое объясненіе совершенно неубѣдительно. Оно близоруко, партійно-предвзято, несогласуемо съ фактами и анти-исторично.

Конечно, ходъ и исходъ событій пятаго года опредѣлились въ результатѣ взаимно- и противодѣйствія трехъ силъ, обозначая условно: власти, общества и народа. При этомъ, ответственность первой, власти, за ея ошибки и преступленія не могли и не могутъ быть ни въ какое сравненіе съ ответственностью «общества», или либераловъ, и «массъ», или революціонеровъ и социалистовъ. Ибо власть, какъ извѣстно, была самодержавная, т. е. удерживавшая ключъ ко всемъ рѣшеніямъ въ рукахъ самодержца, въ его индивидуальномъ и нераздѣльномъ усмотрѣніи, тогда какъ и «общество», и «массы» ответственности своихъ сочленовъ и отдѣльныхъ группъ растворяли — и политически, и исторически — въ ответственности цѣлаго коллектива. Надо помнить, съ другой стороны, что, особенно въ самодержавную пору, не народъ имѣетъ такую власть, которой онъ заслуживаетъ, а власть имѣетъ такую оппозицію и революцію, «общество» и «массы», которыхъ она заслужила.

Пусть «крайніе» были и чрезмѣрными максималистами и недостаточно бережно относились къ русской государственности! Этимъ нисколько не опровергается, что все послѣдующія событія полностью подтвердили пра-

---

охранномъ отдѣленіи, которое въ сихъ цѣляхъ назначаетъ особыхъ агентовъ изъ среды благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ опытомъ агентовъ въ вселенствѣ управленія толпой. Указанными мѣропріятіями охранное отдѣленіе надѣется снискать себѣ добрые рабочихъ, которые убѣдятся въ томъ, что каждый униженный и оскорбленный найдетъ въ немъ отеческое вниманіе, совѣтъ и поддержку. Руководствуясь изложенными соображеніями, московское охранное отдѣленіе учредило два «Совѣта» -- рабочихъ механическаго производства (составившихся по составу входящихъ въ него рабочихъ уже достаточно подготовленными къ корпоративнымъ дѣйствіямъ) и ткачей». (См. опубликованный большевиками въ «Красн. Арх.», т. 11-12 докладъ министра финансовъ Коковцева царю отъ 19 января 1905 г. Въ этомъ докладѣ, поддерживая всенормую вѣдомственную претензію къ министерству внутреннихъ дѣлъ, глава финансового вѣдомства давалъ свое, очень, правда, близорукое объясненіе причинъ 9-го января)

вильность именно ихъ прогноза, исходившаго изъ невѣрія въ возможность компромисса и честнаго стовора съ анонимнымъ режимомъ. Вѣдь послѣ бурнаго кипѣнія 1905-1907 г. г. прошла еще томительная «пятилѣтка» мертвого штиля, властепослушной, «октябристской» третьей Думы, въ которой «крайними» и не пахло, и даже «оппозиція его величества» притихла. Затѣмъ — четвертая Дума, въ которой война и патриотическая тревога на время объединила и правыхъ, и лѣвыхъ. «Крайніе» уже не мѣшали, а соглашеніе все же не вытанцовывалось. Почему?..

Наиболѣе уязвимый — и въ то же время неизбежный — пунктъ всякой политической борьбы заключается въ томъ, что, борясь противъ одного элемента государства — противъ власти, всегда рискуешь причинить неисправимый вредъ цѣлому — государству въ его «конкретной цѣлости», по излюбленному выраженію современныхъ феноменологовъ. Нельзя коснуться одной стороны «треугольника» (народъ-территорія-власть) безъ риска нарушить — или даже разрушить — всю конфигурацію. Въ борьбѣ противъ нынѣшней власти въ Россіи это остро почувствовали и тѣ, кто въ борьбѣ съ самодержавіемъ внутренней сращенности власти съ государствомъ не замѣчали или о томъ недостаточно тревожились.

Поэтому, когда В. А. Маклаковъ, въ качествѣ историка-прокурора выдвигаетъ противъ русскаго освободительнаго движенія обвиненіе въ томъ, что, борясь съ самодержавіемъ за «права населенія», оно, даже въ лицѣ нереволюціонныхъ к. д.-овъ, фактически вело борьбу противъ русскаго государственности, противъ «правъ всякой государственности», онъ въ значительной мѣрѣ высказываетъ «общее мѣсто», тривиальную истину. Но эта истина свидѣтельствуетъ не столько противъ освободительнаго движенія, сколько противъ всякой политической борьбы и оппозиціи власти и, больше всего, конечно, — противъ самого обвинителя, такъ поздно спохватившагося, что движеніе, которому онъ ревностно служилъ 12 лѣтъ, всегда за совѣсть и никогда за страхъ, было вовсе не освободительнымъ, а для Россіи разрушительнымъ.

Если бы провиденціальная роль к. д.-ской партіи состояла, дѣйствительно, только въ томъ, чтобы «вліяеть» на власть, — «особенно на традиціонномъ пути государственнаго служенія, бывшей въ Россіи вовсе не техническимъ лишь аппаратомъ, но и историческимъ народнымъ пред-

ставительствомъ» (мы привели дословно несообразную формулу нововременца, разводящаго нынѣ самодѣльную историографію на столбцахъ «Возрожденія» и, естественно, весьма сочувствующаго всякому изобличенію освободительнаго движенія), — для чего вообще нужны были к.-д.-ы? Эту миссію съ чрезмѣрнымъ успѣхомъ выполняли и до, и послѣ пятаго года всякіе сановные кружки и группы, и не занимавшіеся специально политикой, но не упускавшіе случая «влиять» на власть или парализовать вліяніе на нее со стороны другихъ: Побѣдоносцева, Витте, Мещерскаго, Трепова, Распутина и т. д. по принадлежности. Для этого не только не надо было к.-д.-ской партіи, не надо было вообще никакихъ политическихъ партій, открытыхъ и общедоступныхъ.

Запоздалая указанія В. А. Маклакова на то, что противъ возбужденія въ стихійномъ Ахеронтѣ антигосударственныхъ настроеній нужно было принять «энергичныя, отнюдь (!) не репрессивныя, но и не революціонныя мѣры» («Соврем. Зап.» № 43, стр. 310), — конечно, безпредметны. Ибо нѣтъ такихъ мѣръ, которыя, въ качествѣ репрессивныхъ не примѣнили бы Треповъ, Витте, Дубасовъ, Римаевъ, Медлеръ-Законельскій, Столыпинъ и т. д., и т. п., а, съ другой стороны, въ качествѣ «не-революціонныхъ», не рекомендовали бы въ свое время социалисты, кадеты, октябристы и даже «природные черносотенцы», въ стилѣ Шульгина. Сказать, что мѣры должны были быть «энергичными», значить, — ничего не сказать, ибо и власть, и «революція» въ своемъ противостояніи другъ другу въ оборонѣ, какъ и въ наступленіи считали одинаково необходимымъ проявлять максимумъ энергіи.

Имѣетъ ли смыслъ позднѣйшія свои настроенія подставлять на мѣсто реальныхъ событій прошлаго? А въ реальномъ прошломъ вѣдь не только самому Маклакову были чужды нынѣшнія его настроенія и соотвѣтственныя построенія, — даже не всѣ представители власти въ 1905 г. раздѣляли ихъ. Сейчасъ Маклаковъ считаетъ, что аграрная программа к.-д. съ дополнительнымъ надѣленіемъ крестьянъ землей за «справедливое вознагражденіе» возбуждала въ крестьянствѣ аппетиты и страсти и, потому, подрывала не только помѣстно-дворянское самодержавіе, но и самое государство россійское. Но въ пятомъ году за мирное рѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ «платнаго принудительнаго отчужденія части частно-владѣльческихъ зе-

мель въ пользу малоземельныхъ крестьянъ» высказывались не только «радикальные члены кабинета графа Витте», Кутлеръ и Путиловъ. Самъ Треповъ «патронировалъ» записку проф. Мигулина объ обязательномъ отчужденіи помѣщичьихъ земель, говоря: «Я самъ помѣщикъ и буду весьма радъ отдать даромъ половину моей земли, будучи убѣжденъ, что только при этомъ условіи я сохраню за собою вторую половину»... И много ли найдется сейчасъ бывшихъ помѣщиковъ, которые не согласились бы въ этомъ пунктѣ съ тайнымъ «секретаремъ» Николая II, а не съ кадетскимъ историкомъ? Кто изъ нихъ не былъ бы «весьма радъ» сохранить хотя бы «вторую половину» своихъ владѣній?!

Ибо если не принудительное отчужденіе, то по существу что же? Оставалась въ такомъ случаѣ только помѣстно-дворянская аграрная программа, программа «черной сотни государственнаго совѣта», по раздраженной квалификаціи Витте въ его докладѣ 2-II 1906 г., — гр. А. Игнатьева, Стишинскаго, Штюрмера, Горемыкина, адмир. Абазы, дѣйствовавшихъ, по удостовѣренію того же Витте, черезъ Григмутова, Шарাপова, Никольскаго (доцента) и др. Авторы представленной тогда царю петиціи «осмѣливались доложить его величеству, что въ такой, по преимуществу земледѣльской, странѣ, какъ Россія, аграрный вопросъ является лишь измышленіемъ революціонеровъ и мечтателей-бюрократовъ, незнакомыхъ съ реальною жизнью страны: русскій крестьянинъ, если не юридически, то фактически и теперь пользуется всею обрабатываемою въ Россіи землею; у него на поприщѣ этомъ нѣтъ конкурентовъ, и на всемъ пространствѣ имперіи нѣтъ ни единой десятины, на которой работали бы не крестьяне. Такимъ образомъ значительный процентъ выручки со всего годового урожая страны попадаетъ въ карманъ крестьянина-работника, при чемъ малоземельные крестьяне, кромѣ участія въ полевыхъ работахъ, всегда могутъ найти себѣ сторонніе заработки по скотоводству, постройкамъ, по службѣ при экономіяхъ и по другимъ статьямъ помѣщичьяго хозяйства»...

Многимъ ли отличаются эти разсужденія отъ разсужденій — и вождѣльнѣй — наиболѣе заядлыхъ крѣпостниковъ въ эпоху освобожденія крестьянъ и частичной «сподіаціи» помѣстнаго душе-владѣнія?! Именно эта программа въ ея общихъ линіяхъ и получила въ конечномъ сче-

тѣ высочайшее одобреніе и столыпинское осуществленіе.

Структурно схема разсужденій Маклакова о пятомъ годѣ совпадаетъ съ построеніемъ крайнихъ лѣвыхъ антибольшевиковъ причинъ неудачи 17-го года. Какъ въ срывѣ февральской революціи Черновъ, Мартовъ и др. обвиняли въ свое время умѣренныхъ социалистовъ, фанатически стоявшихъ за «честную» коалицію и, играя въ руку буржуазіи (кадетамъ), фактически сыгравшихъ въ руку только большевикамъ, такъ и Маклаковъ обвиняетъ кадетовъ въ томъ, что, играя въ руку Ахеронту (крестьянству, социалистамъ), они дѣлали дѣло полезное только для самодержавія.

И въ томъ, и въ другомъ построеніи упущено малое — исключена объективная безвыходность положенія.

Когда-то, наканунѣ пятаго года, какъ и наканунѣ семнадцатаго, Маклаковъ отлично понималъ и учитывалъ, что трагически-безысходное положеніе создается не только творческимъ воображеніемъ, но и реальной жизнью, самой исторіей. Какъ разъ недавно В. А. Оболенскій напомнилъ предреволюціонную «аллегорію» Маклакова: «безумный шоферъ» у руля надъ пропастью и «неопытные», не знающіе, какъ управлять рулемъ «пассажиры» съ «матерью». Какъ ни поступить, — вырвать ли руль изъ рукъ безумца или положиться на него и русское «авось», — объективно и тотъ, и другой исходъ разрѣшались трагично.

Отлично понимая это наканунѣ той и другой революціи, Маклаковъ страннымъ образомъ переставалъ это понимать регулярно послѣ каждой изъ нихъ. Его нынѣшняя «исторіософема» намѣчаетъ возможность какъ будто бы и благополучнаго исхода изъ положенія въ пятомъ году, но достигается этотъ эффектъ цѣною не только осужденія всего освободительнаго движенія — и самоосужденія, — но и путемъ искаженія всей исторической перспективы, въ частности, обстановки пятаго года.

Въ этомъ отношеніи куда ближе къ дѣйствительности — и исторіи — сужденія лѣтописцевъ весьма далекихъ и даже враждебныхъ освободительному движенію, но воспринимавшихъ его непосредственно въ самомъ его ходѣ, безъ претензій на историческую углубленность и безпристрастіе.

«Какъ это ни странно, но правительство есть сегодня тотъ органъ, который подготавливаетъ революцію, пи-

саль царю наканунѣ революціи, 4 февраля 1917 г., членъ «царствующаго дома» вел. кн. Александръ Михайловичъ; — народъ ея не хочетъ, но правительство употребляетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы сдѣлать какъ можно больше недовольныхъ, и вполне въ этомъ успѣваетъ. Мы присутствуемъ при необыкновенномъ зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу». И въ самой гущѣ событий 17 года, наблюдая революцію и раздумывая объ ея смыслѣ, столпы и утверждение, краса и гордость русской реакціи Меньшиковъ только и могъ написать: «Всѣ стихіи народа русскаго отшатнулись отъ монархіи, почувствовавъ въ ней народную гибель. Монархъ царствовалъ не на славу намъ, а на безславіе, не на страхъ врагамъ, а на нашъ собственный страхъ. Мы должны быть благодарны судьбѣ, что столѣтія измѣнявшая народу монархію, наконецъ, измѣнила себя и сама надъ собой поставила крестъ. Откапывать ее изъ подъ креста и заводить великій раздоръ о кандидатахъ на рухнувшій престолъ, было бы по моему роковой ошибкой» («Новое Время» 18-III 917).

А его коллега по «Новому Времени» В. В. Розановъ — не чета не только возрожденскому Салтыкову, но и Меньшикову, — спрашивалъ въ пятомъ году: «Можно ли сказать, что русскіе имѣли свою исторію? Сомнѣваемся. Была исторія русскаго терпѣнія, а не исторія Россіи, какъ нравственнаго лица». И самую «свободу» Розановъ объяснялъ «по простецки», но насколько же по существу правильнѣе всѣхъ новѣйшихъ исторіософовъ. Онъ пишетъ «Среди анархіи» — : «Всѣ ждали «октября 1905 г.», — всѣ терпѣли и думали: «ужо я тебя», «ужо мы вамъ», «когда-нибудь сквитаемся». Вдругъ это стало возможно, не активно, а пассивно. Не сговариваясь, не соглашаясь, ибо сговаривались-то сто лѣтъ и давнымъ давно всѣ и обо всемъ согласились, черезъ журналистику отъ Тургенева до репортера, — всѣ и разомъ «оказали неповиновеніе»...

Правда, и неповиновеніе кончилось не лучше предыдущаго русскаго терпѣнія: смѣнившись новой полосой терпѣнія, оно черезъ 12 лѣтъ привело къ новому неповиновенію и опять къ новому, еще горшему по-революціонному терпѣнію. Можно по разному объяснять «странную» русскую судьбу, въ силу которой «почти всѣ наши грезы окан-

чивались Сибирью или казнью и почти никогда торжественно», какъ это подмѣтилъ еще Герценъ.

Но одно при всѣхъ объясненіяхъ неотмѣнимо: пятый годъ разъ навсегда разрушилъ легенду о прославленномъ русскомъ терпѣніи, искони присущемъ русской природѣ, русской исторіи и русскому духу *). Пусть и пятый годъ не началъ собой «исторіи Россіи, какъ нравственнаго лица». Онъ во всякомъ случаѣ — непреложное, живое, поучительное и бодрящее свидѣтельство, что и русскому терпѣнію бываютъ и концы и сроки!

Въ этомъ непогашаемое никакими сроками историческое значеніе революціи пятого года. Въ этомъ ея политически-злободневный смыслъ. Въ этомъ же и объясненіе, почему мы поминаемъ добрымъ словомъ этотъ «юбилейный годъ» русской свободы.

М. В. Вишнякъ.

---

*) Какъ не вспомнить при этомъ записи очевидицы французской революціи, занесенной Жоржъ Зандъ въ «Исторію моей жизни» — : «При видѣ ужасовъ, ареной коихъ была Франція, Европа позволила себѣ приписать ихъ спеціальному характеру и врожденной испорченности большей части великаго (французскаго) народа. Дай Богъ, чтобы другія націи не убѣдились на собственномъ опытѣ, къ какимъ жестокостямъ способны люди всѣхъ странъ»...

И з ъ п р о ш л а г о

Х.

«Освободительное движеніе» въ своей тактикѣ было логично. Разъ оно было увѣрено, что все зло Россіи въ Самодержавіи, оно естественно никакихъ союзниковъ противъ него не отвергало и не задумывалось надъ опасностями, которыя изъ этого могутъ выйти. Такимъ союзникомъ былъ не одинъ Ахеронтъ, т. е. многолюдные, но некультурные элементы Россіи; имъ было и образованное общественное мнѣніе Европы съ его озлобленными нападками на русскую власть. Эту сторону дѣла стоитъ отмѣтить.

Европа плохо знала Россію. Многое въ Россіи было для Европы слишкомъ ново и чуждо и она самоувѣренно все объясняла по-своему. Достаточно посмотрѣть, что Европа сейчасъ говоритъ о Россіи, чтобы не удивляться прежнимъ «развѣсистымъ клюквамъ».

Представленія о Россіи въ Европѣ шли изъ двухъ противоположныхъ источниковъ. Одни отъ «официальной» Россіи; они всегда односторонни, у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, ибо официальная Россія въ то время не допускала свободы выраженія мнѣній и ея представители были не только пристрастны «по должности», но часто пребывали и сами въ невѣдѣніи относительно того, что въ ней происходитъ. Другимъ источникомъ, который могъ говорить то, что думалъ, была старая русская «эмиграція»; но этотъ источникъ былъ не много болѣе правдивъ и не менѣе одностороненъ. Подобно всѣмъ эмигрантамъ наши революціонеры вѣрили, что государственный строй Россіи держится только насиліемъ, что народъ безконечно выше режима, который ему силой навязалъ, что въ тюрьмахъ и ссылкахъ лучшіе элементы Россіи. Если официальная версія увѣряла, что кромѣ крамольниковъ, всѣ въ Россіи довольны, то эмиграція вѣрила, что старая Россія на капунѣ взрыва и краха. Мысль, что

какъ бы правительство ни было плохо, страна его все-таки заслужила, отвергалась такъ-же рѣшительно, какъ и предположеніе, будто негодная русская власть могла зачѣмъ-то быть нужна для Россіи, что она лучше анархіи.

Оба противоположныхъ представленія о Россіи находили сторонниковъ среди лицъ соотвѣтствующаго образа мыслей. Эти представленія часто кромѣ того согласовались и съ интересами тѣхъ, кто ихъ раздѣлялъ. Не всѣ имѣли цинизмъ говорить, какъ теперь хвалился Ллойдъ Джорджъ, что можно «торговать съ людоедами», но всѣ такъ поступали, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ, будто во внутреннія дѣла чужого государства они не мѣшаются. Официальная Россія находила въ Европѣ друзей, которые не только видѣли въ ней осуществленіе своихъ идеаловъ, но которымъ дружба съ ней была политически выгодна. То-же происходило и съ лагеремъ «эмиграціи». Ея версіи о Россіи подтверждали идеологию европейскихъ революціонеровъ и потому могли служить оружіемъ въ ихъ внутренней партійной политикѣ. Не говоря о томъ позднѣйшемъ позорѣ, когда теперь для своихъ собственныхъ нуждъ англійскіе и французскіе коммунисты тянутъ деньги съ нищей Россіи, и въ прежнее время сообщенія русскихъ революціонныхъ партій о томъ, что происходило въ Россіи могли соотвѣтствовать здѣшнимъ революціоннымъ теоріямъ и потому могли пригодиться для здѣшней партійной игры.

Потому несмотря на моду, которая въ послѣднее время была на Россію, на восхищеніе ея наукой, искусствомъ, вкладомъ въ культуру — о Россіи, какъ государствѣ, о ея политическомъ строѣ, о томъ, что ей было дѣйствительно нужно, Европа имѣла противоположныя и упрощенныя крайнія представленія.

«Либеральное» движеніе могло бы лучше другихъ показать иностранцамъ настоящую Россію, далекую отъ крайностей, которыми до тѣхъ поръ кормили Европу. Оно могло говорить съ Европой на понятномъ для нея языкѣ. Либерализмъ былъ самъ европейскимъ движеніемъ; его идеаломъ была европейская цивилизація и порядокъ; онъ смотрѣлъ на Россію какъ на отсталую страну, которая должна была пройти тѣ-же этапы развитія, черезъ которые проходила Европа. Онъ сознавалъ недостатки Россіи, но понималъ причины, которыя ихъ объясняли. Такая его точка зрѣнія была близка къ средне-

му европейскому пониманію, могла ему обезпечить сочувствіе тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ, сантиментальнымъ или эгоистическимъ, хотѣлъ видѣть Россію просвѣщенной и благоустроенной.

Но либерализмъ столкнулся съ знакомымъ препятствіемъ. «Освободительное движеніе» жило въ атмосферѣ войны и въ Европѣ прежде всего искало сочувствія и помощи противъ Самодержавія. Оно потому нисколько не оскорблялось несправедливыми нападками на русскую власть и не замѣчало, что въ этихъ нападкахъ подчасъ скрывается и презрѣніе къ странѣ, которая подобную власть переноситъ. Оно стояло на традиціонномъ противоположеніи власти и общества, на утвержденіи, что страна за свою власть, какъ за врага, не отвѣтственна и къ общему хору нападковъ на русскую власть «Освободительное движеніе» присоединило цѣликомъ свой осуждающій голосъ, санкціонируя все, что противъ нея говорилось.

Нельзя было бы за этотъ пріемъ винить только русскій либерализмъ. Умѣнье передъ лицомъ иностранцевъ сознать національную солидарность дается не всѣмъ и не сразу; мы видимъ такое неумѣнье въ странахъ болѣе, чѣмъ мы, подготовленныхъ къ политической жизни. Любопытно при этомъ, что это — ходячій, а отчасти и заслуженный упрекъ, который обыкновенно направляютъ по адресу всякаго болѣе лѣваго лагеря. Потому совершенно естественно, что въ эпоху открытой войны либерализма противъ Самодержавія онъ не смущался нападками, которые на нашу власть могли сыпаться. Либерализмъ имѣ даже радовался; онъ былъ увѣренъ, что нападки на власть диктуются европейскимъ сочувствіемъ несчастной Россіи и являются скрытой защитой ея. Нуженъ былъ нашъ теперешній оныть, который показалъ намъ и нашу прежнюю односторонность въ оцѣнкѣ нашей собственной власти и бездну европейскаго равнодушія къ русской судьбѣ, чтобы мы эти европейскія нападки стали иначе расцѣнивать. Но тогда спорить съ ними и защищать русскую власть потому, что она наша русская власть — мы не помышляли.

Нужно ли доказывать примѣрами эту тактику либерализма? Она не всегда могла обнаруживаться съ достаточной ясностью. Печатныя и устныя выступленія о Россіи были небезопасны для тѣхъ, кто съ Россіей не рвалъ и

не собирався стать «эмигрантомъ». Но во время «Освободительнаго движенія» русскій либерализмъ почти впервые выступилъ открыто. Онъ имѣлъ свой органъ «Освобожденіе», и всѣмъ было извѣстно, какія силы стояли за этимъ органомъ. Позиція Освобожденія была поэтому въ этомъ отношеніи показательна. Какъ держало оно себя по отношенію къ иностраннымъ хулителямъ русской власти? Стоитъ посмотреть, какъ Освобожденіе безъ всякихъ возраженій перепечатывало вздоръ, который въ европейской прессѣ писался по поводу 9-го января, чтобы видѣть, что въ либеральномъ пониманіи несправедливые удары по русскому правительству самой Россіи не задѣвали, а только выражали сочувствіе ей. Конечно 9-ое января событіе исключительное, не только печальное, но позорное для власти, такъ какъ его легко можно было избѣгнуть. Но все-таки когда на пятитысячномъ митингѣ въ Тиволи Анатоль Франсъ говорилъ (№ 65), что «царь приказалъ убивать людей, виноватыхъ передъ нимъ лишь въ томъ, что умирая съ голода и нищеты въ отчаяніи они обратились къ нему, какъ къ отцу», а Освобожденіе безъ комментарій перепечатывало эту фразу, когда въ № 66 то-же Освобожденіе награждало эпитетомъ «блестящей» аналогичную лживую руссофобскую статью «знаменитаго французскаго политика Клемансо», то ложь такого упрощеннаго и тенденціознаго изображенія печальнаго событія была для насъ, русскихъ, слишкомъ ясна. И Освобожденіе все-таки полной правды не возстановило и какъ бы давало этой лжи свою моральную санкцію. Это только одинъ примѣръ изъ многихъ другихъ. Русскій либерализмъ помнилъ, гдѣ проходитъ его главный фронтъ и для него жертвовалъ всѣмъ.

Немудрено, что при такой тактикѣ либеральное мнѣніе Европы воспитывалось въ одностороннемъ пониманіи внутренняго строя Россіи. Съ плодами этого воспитанія намъ и пришлось позднѣе встрѣтиться. Когда послѣ Революціи 1917 г рѣчь зашла о большевистской власти и ея насиліяхъ, если не прямыхъ защитниковъ, то полустителей ихъ мы неожиданно пашли именно въ лѣвыхъ свободолюбивыхъ рядахъ. Передовой лагерь Европы былъ увѣренъ, что большевистскій режимъ во всякомъ случаѣ лучше «царизма» и составляетъ ««прогрессъ», за который можно и заплатить. Тѣ кто противъ этого протестовалъ сейчасъ же зачислялись въ разрядъ тѣхъ ма-

лoduшныхъ, которые испугавшись революціи измѣнили своему либеральному знамени. Сами совмѣстныя выступленія насъ съ представителями стараго режима вызывали у Европы недоумѣнія и подозрѣнія. Либеральная Европа ради насъ боялась возвращенія къ старому.

Подобныя иллюзіи Европы быть можетъ сами по себѣ были и теперь и раньше неважны. Отношеніе европейскаго общественнаго мнѣнія къ внутреннимъ порядкамъ Россіи не могли намъ принести ни вреда, ни пользы. Въ свое время оно давало намъ утѣшеніе, будто Европа сочувствуетъ намъ, а не нашему самодержавному правительству. Но это утѣшеніе было платоническое. Если даже Европа въ то время дѣйствительно сочувствовала намъ, то считалась она все-же съ нашимъ правительствомъ, а не съ нами. Разсчитывать на европейское сочувствіе для измѣненія внутренняго строя Россіи какъ и раньше, такъ и теперь было большою ошибкой. И теперь Европа отречется отъ большевиковъ, какъ она отреклась отъ русской монархіи, только тогда, когда силы большевиковъ въ самой Россіи будутъ подточены. Раньше же этого она можетъ ихъ осуждать, но будетъ стараться извлечь изъ нихъ возможную для себя выгоду. Такъ было и прежде. Только въ одномъ частномъ вопросѣ мнѣніе Европы оказалось для насъ не безразлично и это въ свое время вышло наружу. Это было въ вопросѣ о нашихъ національныхъ меньшинствахъ. На Версальскомъ конгрессѣ вопросъ объ цѣлости Россіи державы рѣшали въ ея отсутствіи и за нее, и враги ея получили возможность сводить съ ней свои счеты. На прежнихъ же дѣятеляхъ «Освободительнаго движенія» легла обязанность защищать эту цѣлость. И тогда то намъ пришлось столкнуться съ послѣдствіями нашихъ прежнихъ кампаній.

Постановка національной проблемы въ разноплеменной Россіи не могла быть нормальной. Нашъ полицейскій режимъ не признававшій правъ ни гражданина, ни общества не могъ дѣлать исключенія для той совокупности общественныхъ притязаній, которыя связаны съ національностью. Режимъ, построенный на централизмѣ, видѣвшій въ самоуправленіи угрозу себѣ, не могъ сочувствовать національному самоопредѣленію и автономіи. Политика самодержавія поэтому неминуемо задѣвала чувства національныхъ меньшинствъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ эти меньшинства были политически и культурно болѣе разви-

ты. Естественно, что національныя меньшинства, видя въ подобной политикѣ насиліе поглотившаго ихъ государства, не дорожили ни принадлежностью къ нему, ни его единствомъ и силой. Только близость еще болѣе опаснаго врага, чѣмъ Россія, будь то Турція на Кавказѣ, будь то Германія для инородцевъ Прибалтики или Польши, заставляла иногда эти народности цѣнить самое существованіе «Великой Россіи». Но тамъ, гдѣ этой опасности не было, они въ Россіи видѣли только врага. Въ такомъ настроеніи наша власть сама воспитывала своихъ инородцевъ.

Въ этомъ была одна изъ многочисленныхъ ахилесовыхъ пятъ нашего стараго режима. Русскій либерализмъ имѣлъ поэтому передъ собою благодарную и двойную задачу. Онъ могъ не противорѣча себѣ дать національнымъ меньшинствамъ достойное положеніе въ составѣ Россіи. Онъ могъ и умѣрить тѣ ихъ притязанія, которыя рождались въ озлобленной атмосферѣ и были несомнѣстими съ интересами и правами Россіи, какъ государства. Но такая задача была затемнена условіями войны съ Самодержавіемъ. Война съ нимъ стала главной заботой. Національныя меньшинства и русскій либерализмъ въ этой войнѣ имѣли другъ въ другѣ союзниковъ. Они не хотѣли возбуждать споровъ между собою и вопросъ объ ихъ отношеніяхъ остался недоговореннымъ. Союзъ между ними питался двойной иллюзіей. Либерализмъ воображалъ, что какъ только падетъ Самодержавіе, національныя меньшинства тотчасъ же стануть «патріотами великой Россіи» и не будутъ ставить своихъ интересовъ выше правъ и интересовъ общей Имперіи. Поэтому онъ безъ всякихъ ограниченій принималъ молчаливую и неясную формулу о правѣ народностей «на самоопредѣленіе», не боясь, чтобы во имя этой формулы національности могли разрушить государственную цѣлость Россіи. Роковой вопросъ, что въ случаѣ такого желанія пришлось бы дѣлать Россіи, просто не ставился, какъ исключительно теоретическій. Впрочемъ такъ легко смотрѣли на эту формулу «самоопредѣленія» не только рускіе либералы. Во время Версальскаго конгресса я спросилъ Клемансо, что бы онъ сказалъ, если бы во имя права на самоопредѣленія баски потребовали себѣ независимости? Онъ усмѣхнулся: «я этого не боюсь, не потребуютъ». Это, конечно, не было отвѣтомъ, но такой шуткой въ

сущности удовлетворялся и нашъ либерализмъ. Онъ былъ увѣренъ, что національныя меньшинства проведутъ разницу между русскимъ обществомъ и правительствомъ и что ихъ нападки на Самодержавную власть не будутъ по Россіи. Либерализмъ прощалъ національнымъ меньшинствамъ излишество ихъ словъ и мыслей въ увѣренности, что ихъ шовинизмъ исчезнетъ съ водвореніемъ новаго строя въ Россіи. Эта его позиція вводила въ заблужденіе и національности; онъ получали право думать, что либерализмъ равнодушенъ къ идеѣ цѣлости великой Россіи, что эта идея — монополія только «реакціи», что право на самоопредѣленіе въ умахъ либерализма предполагается свободу на «отдѣленіе», словомъ, что самыя крайнія пожеланія меньшинствъ найдутъ въ либерализмѣ ст о р о н н и к о в ъ.

Оттого послѣ паденія Самодержавія, вѣрнѣе послѣ паденія самой Монархіи, ибо тактика либерализма мало измѣнилась послѣ 905 года, произошло неожиданное взаимное разочарованіе между либералами и національными меньшинствами. Либералы были оскорблены той легкостью, съ которой представители національныхъ меньшинствъ отдѣлили свои интересы отъ интересовъ новой Россіи. А національности изумились тѣмъ, что либерализмъ защищалъ противъ нихъ права какой-то «Россійской Имперіи»; они были склонны обвинять либерализмъ въ измѣнѣ своимъ обѣщаніямъ. Все это было лишь оптическимъ заблужденіемъ. Либерализмъ по своему существу былъ таковъ, какимъ онъ показалъ себя позднѣе; только прежняя военная тактика скрывала его подлинный обликъ. Если либералы понимали, принимали и отстаивали естественныя права національныхъ меньшинствъ, они не забывали и правъ Російскаго государства; они не считали это государство искусственной ф и к ц і е й, которая будто бы можетъ быть разрушена волей болѣе реальнаго субъекта—национальности. Либерализмъ былъ болѣе вѣренъ своему политическому пониманію и историческому своему назначенію въ 917 г. нежели въ эпоху «Освободительнаго движенія», въ 905 г. Этотъ споръ Россіи съ національными меньшинствами въ эпоху Версальскаго конгресса былъ перенесенъ на судь Европы. И тогда именно либерализму пришлось взять на себя роль защитника единства Россіи. Онъ въ это время и столкнулся съ тѣми старыми предубѣжде-

ніями Европы противъ Россіи, въ созданіи которыхъ и на немъ самомъ лежала доля вины. Я останавлиюсь для иллюстраціи на двухъ примѣрахъ, на Финляндскомъ и Польскомъ вопросахъ.

XI.

Финляндскій примѣръ тѣмъ благодарнѣе, что мы можемъ теперь о немъ говорить безъ всякой горечи. Сохраненіе Финляндіи въ предѣлахъ Россіи могло имѣть за себя стратегическія соображенія; но сила ихъ въ современныхъ условіяхъ постепенно сходить на нѣтъ. А ни въ культурномъ, ни въ экономическомъ отношеніи Финляндія намъ не нужна. Близкое сосѣдство и взаимные интересы двухъ странъ могутъ побудить ихъ быть въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ та, которая достигается обычными международными договорами; но это вполне возможно на почвѣ и ихъ государственной независимости. Если же между ними и остались нѣкоторые не совсѣмъ рѣшенные пограничные споры, то они могутъ быть закончены соглашеніемъ, безъ нарушенія принципа ихъ равноправія. Мы можемъ потому нашъ разрывъ обсуждать безъ обиды.

Вспоминая о прошломъ надо признать, что въ общемъ Финляндіи было не на что жаловаться. Ея положеніе плохо мирилось съ репутацией русскаго деспотизма. Финляндскій строй былъ ненормаленъ скорѣе тѣмъ, что Финляндія, страна завоеванная, была въ Россіи въ привилегированномъ состояніи, обратно тому, что мы видимъ въ Европѣ, гдѣ выгоды и привилегіи всегда на сторонѣ побѣдителей и метрополій. Эта аномалія была результатомъ причудъ Александра I, который при рабской Россіи создалъ конституціонную Польшу и конституціонную Финляндію. Польша черезъ 15 лѣтъ отвѣтила на это возстаніемъ, которое стало концомъ ея политическихъ привилегій. Финляндія же, не бывшая раньше самостоятельнымъ государствомъ, не претендовала имъ слѣзаться и потому уцѣлѣла. При всѣхъ режимахъ въ Россіи она принципиально сохранила свою автономію. Надъ этимъ сопоставленіемъ Польши и Финляндіи и надъ тѣмъ, что позднѣе все-таки постигло Финляндію, при обсужденіи Столыпинскихъ законопроектовъ горько посмѣялся въ

Государственной Думѣ членъ польскаго кола В. В. Жуковский.

Если русскіе Самодержцы мирились съ ограниченіемъ въ Финляндіи своей власти, то поскольку рѣчь шла не объ ихъ прерогативахъ, а о правахъ и интересахъ Россіи, положеніе Финляндіи продолжало быть аномальнымъ. Была цѣлая область вопросовъ, гдѣ жизненные интересы Россіи сплетались съ финляндскими, вопросы по позднѣйшей терминологіи «общеемперскаго интереса», а между тѣмъ никакого пути для однообразнаго ихъ разрѣшенія во всей Россійской Имперіи не существовало. Создалось своеобразное положеніе: независимыя страны такія дѣла могли бы регулировать договорами; но этотъ путь для Россіи былъ закрытъ, ибо международные договоры между Россіей и Финляндіей были по существу невозможны. И однако дѣла, которыя требовали однообразнаго разрѣшенія, были. Достаточно указать на ограниченія правъ гражданскихъ, ремесель и торговли, которымъ русскіе граждане подвергались въ Финляндіи, безъ той взаимности, которая въ государствахъ дѣйствительно независимыхъ въ аналогичныхъ случаяхъ была бы обезпечена договорами. Здѣсь было узаконено неравноправіе и притомъ въ пользу финляндцевъ. Не вывода изъ этого факта, будто всѣ такіе вопросы должны были бы быть изъяты изъ финляндскаго вѣдѣнія, нельзя было все-таки отрицать, что вопросы общеимперскіе, которые не могли зависѣть отъ одного финляндскаго усмотрѣнія, на территоріи Финляндіи существовали. А тогда долженъ былъ быть принятъ особый порядокъ ихъ разрѣшенія. Его можно было мыслить по разному, но онъ все-таки долженъ былъ быть установленъ. Въ пополненіи этого пробѣла Россія была заинтересована больше Финляндіи: Россія несла на себѣ тяготу отъ привилегій Финляндіи, которыя въ значительной мѣрѣ были причиной ея высокаго культурнаго уровня и благосостоянія. Завидовать имъ со стороны Россіи было неполитично; но конституціонный пробѣлъ надо было заполнить; иначе онъ могъ стать причиной конфликтовъ.

Такой конфликтъ именно въ вопросѣ о военной повинности, которой финляндцы не несли, привелъ къ разрѣшенію этого вопроса единоличной властью Русскаго Императора, а вслѣдъ за этимъ къ установленію въ Финляндіи такъ называемаго Бобриковскаго режима. Финлян-

днѣ и ея защитники въ свое время не находили достаточно словъ, чтобы заклеить это покушеніе на финляндскія вольности, какъ проявленіе обычнаго русскаго деспотизма и беззаконія. Такъ этотъ режимъ былъ понятъ и всей Европой. Онъ теперь дѣло прошлаго; надъ нимъ судъ исторіи свершился. Мы можемъ судить объ немъ объективно. Онъ былъ ненужной ошибкой болѣе всего невыгодной для самой Россіи. Но если онъ былъ ошибочно выбраннымъ способомъ, то самая цѣль, къ которой онъ стремился, была поставлена правильно.

Финляндія оказала упорное сопротивленіе Бобрикову. Она боролась и противъ финансовыхъ тяготъ на финляндское казначейство наложенныхъ на Финляндію въ интересахъ Имперіи, и противъ принципиальнаго признанія категоріи какихъ-то «общеимперскихъ законовъ» и противъ разрѣшенія этого конституціоннаго спора одностороннимъ актомъ Императорской власти. Эта борьба Финляндіи дѣлаетъ честь, ибо отстаивать свои права есть всегда долгъ гражданина. Но для русской либеральной общественности этотъ вопросъ былъ сложнѣе. Если съ точки зрѣнія законности Бобриковская безцеремонность вызывала одно отрицаніе и либерализмъ могъ отстаивать чужую конституцію противъ ея нарушенія, то въ основѣ этой политики лежала все-таки не заносчивость Самодержавія, а подлинныя интересы Россіи. Этого либерализму не должно было ни игнорировать, ни скрывать. Къ несчастью борьба Финляндіи съ Бобриковымъ совпала съ «Освободительнымъ движеніемъ». Всякое разногласіе въ наладкахъ на эту политику противорѣчило бы освободительной тактикѣ; освободительное движеніе стало поэтому всецѣло на защиту Финляндіи и своей позиціей санкціонировало все, что въ Европѣ противъ Россіи думали и говорили. И если бы это была только тактика, ее можно было бы понимать и оправдать. Но, какъ это часто бываетъ, тактическая позиція отразилась на самомъ пониманіи русско-финляндскаго спора и позднеѣ поставила либерализмъ въ трудное положеніе.

Бобриковская попытка была ликвидирована одновременно съ побѣдой «Освободительнаго движенія». Объявленіе конституціи для Россіи (17 октября 905 г.) было капитуляціей Самодержавія и передъ Финляндіей. Особое правительственное распоряженіе отмѣнило всѣ одіозныя мѣры противъ Финляндіи подъ краснорѣчивымъ и унизи-

тельнымъ для Россіи заголовкомъ «возстановленіе законнаго порядка въ Финляндіи». Но обнаруженный жизнью пробѣлъ отъ этого не исчезъ. Онъ позднѣе вновь обратилъ на себя вниманіе государственной власти и всталъ съ тѣмъ большей рѣзкостью, что принялъ форму не защиты Финляндіей своей конституціи противъ Самодержавія, а форму конфликта между Финляндіей и Россіей. Но если такая вышняя форма спора была нова и для Финляндіи болѣе опасна, то сущность его была та-же, что и при Бобриковѣ; а разрѣшеніе этого спора было къ несчастью найдено въ тѣхъ же методахъ. Это было поэтому однимъ изъ самыхъ неудачныхъ и плохо продуманныхъ націоналистическихъ начинаній Столыпина.

Этотъ финляндскій вопросъ былъ поставленъ на очередь самой 3-й Государственной Думой в ъформѣ ея запроса о «бездѣйствіи власти» по отношенію къ финляндскимъ дѣламъ. Запросъ вѣроятно былъ П. А. Столыпинымъ инспирированъ и во всякомъ случаѣ былъ имъ принятъ очень охотно. Результатомъ его было появленіе на слѣдующій же годъ финляндскихъ законопроектовъ. Столыпинъ въ этихъ законопроектахъ вернулся къ позиціи Бобрикова; только тамъ, гдѣ для Бобрикова было достаточно волеизъявленія Самодержавнаго Императора, Столыпинъ по необходимости прибѣгалъ къ сложной процедурѣ новаго законодательства съ участіемъ законодательныхъ учрежденій. Но и для Столыпина, какъ для Бобрикова, вопросы общаго интереса не должны были подлежать разсмотрѣнію финляндскаго Сейма, а должны были быть изъяты изъ его компетенціи одностороннимъ велѣніемъ общеимперской законодательной власти, которая сама вводила особый порядокъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Такой способъ разрѣшенія спора былъ мотивированъ государственнымъ суверенитетомъ Россіи надъ ея автономной частью, Финляндіей. Это была старая Бобриковская теорія; она повторяла въ защиту себя и старые аргументы: ссылалась на текстъ Фридрихсгамскаго мира, который будто бы не подтверждалъ обѣщаній данныхъ Императоромъ въ Борго, опорачивала Боргскій актъ, ибо въ немъ не было двухсторонняго соглашенія, пользовалась, наконецъ, текстомъ 2-й статьи Русскихъ Основныхъ Законовъ о нераздѣльности и единствѣ Россіи. Эти доводы были не новы. Думское большинство въ этомъ спорѣ пошло за Столыпинымъ. Но какую позицію заняли въ Государств-

венной Думѣ главные представители либерализма — кадеты въ эту эпоху, когда «Освободительное движеніе» было уже окончено и когда споръ шелъ уже не между Финляндскою конституціей и Самодержавіемъ, а между Финляндіей и конституціонною Россіей?

Помню, какъ выработывалась наша позиція. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда, какъ справедливо отмѣтилъ П. Н. Милюковъ въ своей критикѣ моихъ Воспоминаній*), я остался въ партіи при особомъ мнѣніи. И такъ какъ здѣсь дѣло было не лично во мнѣ, а въ принципиальномъ расхожденіи, это можетъ быть позволено припомнить.

Послѣ внесенія въ III-ью Государственную Думу октябрьскаго запроса кадеты готовились къ бою. Происходило обычное предварительное обсужденіе вопроса во фракціи. Меня намѣчали однимъ изъ ораторовъ; я тогда еще былъ *persona grata* у Думскаго большинства потому, что во II-ой Государственной Думѣ отстаивалъ права тогдашняго меньшинства, и оно, превратившись въ большинство, этого мнѣ не забыло. Меня поэтому выпускали впередъ въ острыхъ случаяхъ. Въ финляндскомъ запросѣ, какъ онъ былъ формулированъ, было много невѣрнаго и тенденціознаго; на него отвѣтить было нетрудно. Но я находилъ, что въ запросѣ есть одна сторона, съ которой не согласиться нельзя; что должно признать существованіе общеимперскихъ вопросовъ, для разсмотрѣнія которыхъ необходимъ особый порядокъ. Эта моя позиція показалась недопустимой П. Н. Милюкову; онъ находилъ, что съ такимъ взглядомъ мнѣ лучше не выступать; онъ опасенъ и неприемлемъ для финляндцевъ. Онъ развилъ во фракціи свое пониманіе русско-финляндскихъ отношеній. Такъ называемые обще-имперскіе вопросы должны разрѣшиться параллельнымъ законодательствомъ двухъ порядковъ: финляндскаго и русскаго. Оба порядка не смѣшиваются. Если послѣдняя санкція принадлежитъ въ обоихъ случаяхъ Государю, то процедура предварительнаго изготовленія законопроектовъ неодинакова; и докладчики и скрѣпы Монаршихъ рѣшеній, и обнаруженіе принятыхъ мѣръ совершенно различны; въ одномъ случаѣ они русскіе, въ другомъ финляндскіе. Однородность рѣшеній по этимъ вопросамъ должна достигаться

*) «Соврем. Записки», № 41, «Кадетскій либерализмъ», стр. 349.

въ двухъ различныхъ путяхъ. Установленіе же для нихъ общаго порядка было бы ненужнымъ и опаснымъ нарушеніемъ Финляндской конституціи. Не говоря объ общемъ авторитетѣ П. Н. Милюкова во фракціи, онъ считался однимъ изъ знатоковъ финляндскихъ дѣлъ; его мнѣніе было рѣшающимъ. Я съ нимъ не сталъ спорить. Я готовъ былъ ему подчиниться тѣмъ болѣе, что это только избавляло меня отъ обязанности выступить въ Думѣ. Такъ въ первомъ спорѣ со Столыпинымъ о Финляндіи я не участвовалъ и отъ к.-д. фракціи говорилъ одинъ Милюковъ.

Я и сейчасъ, послѣ долгаго опыта, не считаю тогдашнюю кадетскую позицію правильной и даже послѣдовательной. Помимо всего остального она противорѣчила нашимъ «парламентарнымъ» наклонностямъ. Она предоставляла Монарху роль, которую мы вообще за нимъ отрицали. Если Монархъ долженъ «царствовать, а не управлять», какимъ же путемъ можно было бы устранять разногласія между Финляндіей и Россіей, между финляндскимъ и русскимъ государственнымъ аппаратомъ? Ссылка на тождественность личности Императора и Финляндскаго Великаго Князя, которая обезнечивала интересы Россіи, выдвигала на первый планъ ту его личную власть, которую мы теоретически осуждали. А вѣдь безъ этой личной власти и личной политики при такомъ пониманіи выхода не было. Но споръ въ это время не проникалъ такъ глубоко.

Думскій запросъ оказался только маневромъ. Послѣ отвѣта Столыпина онъ былъ взятъ обратно; а за нимъ скоро послѣдовали Столыпинскіе законопроекты. Столыпинъ, какъ я указывалъ, вернулся въ нихъ полностью къ теоріи Бобрикова. Онъ признавалъ область общеимперскаго интереса, которой финляндская конституція не предвидѣла; ограниченіе этой области и установленіе особаго порядка для законодательства въ ея предѣлахъ онъ объявлялъ дѣломъ исключительно общеимперской государственной власти. А этотъ особый порядокъ онъ видѣлъ въ участіи нѣсколькихъ представителей Финляндскаго Сейма въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Обсужденіе этого законопроекта поставило финляндскій вопросъ во всей полнотѣ. Я былъ убѣжденнымъ противникомъ Столыпинскаго законопроекта. Признавая же-

лательнымъ особый порядокъ для общеимперскихъ законовъ, я, во-первыхъ, все же хотѣлъ, чтобы при немъ интересъ обѣихъ сторонъ огражденъ былъ серьезно, а не только формально, какъ въ проектѣ Столыпина. А, во-вторыхъ, и это главное, я не могъ допустить той процедуры, посредствомъ которой Столыпинъ думалъ ввести новый порядокъ. Въ русско-финляндскихъ отношеніяхъ былъ несомнѣнно пробѣлъ; но именно потому, что въ нихъ былъ пробѣлъ, заполнить его надо было параллельнымъ русскимъ и финляндскимъ законодательствомъ. Только проведя аналогичные законы черезъ Думу и Сеймъ, можно было на будущее время установить легальный путь, по которому такіе вопросы могли бы рѣшаться. Я не могъ признать правильнымъ, чтобы самый этотъ пробѣлъ былъ заполненъ одностороннимъ актомъ только Россіи. Это при конституціи было бы еще менѣе законно, чѣмъ при самодержавіи. Самодержиу принадлежала вся полнота власти, ничѣмъ не ограниченная. Самая Финляндская конституція, обѣщанная и объявленная въ 1809 г., была основана на его волеизъявленіи и можно было доказывать, что ему принадлежитъ и право ея толкованія. Но послѣ 1906 г. права какъ Государя, такъ и другихъ учреждений Имперіи были основаны уже на законѣ. А эти Основные Законы не давали никакимъ учреждениямъ Имперіи права распоряжаться на территоріи Финляндіи. Такъ моя позиція разошлась и съ большинствомъ Государственной Думы и съ думской оппозиціей. вмѣстѣ съ большинствомъ я признавалъ необходимость той конституціонной реформы, которую оппозиція отрицала. вмѣстѣ съ оппозиціей я отрицалъ право Россіи односторонне нарушать тѣ права, которыя конституція Финляндіи за ней обезпечила.

Эту позицію называли тогда нерсальной и доктринерской. Если мы признаемъ за Финляндіей право не соглашаться на нашу реформу, то, говорили мнѣ, мы и не сможемъ ее провести. Финляндія общеимперскаго порядка не хочетъ. А въ вопросѣ, который имѣетъ для насъ первостепенную важность, Россія не можетъ зависѣть отъ доброй воли Финляндіи. Эти какъ будто справедливые доводы не казались мнѣ убѣдительными, ни политически, ни юридически. Политически я не представлялъ, чтобы Финляндія пошла на конфликтъ по такому вопросу. Отказать Россіи въ ея законномъ и разумномъ требованіи

лишь потому, что Финляндія не желаетъ поступиться своими привилегіями, съ ея стороны было бы недобрымъ вызовомъ. Нельзя было предполагать отъ осторожныхъ финляндцевъ такой провокаціи. Финляндцы защищали свою конституцію, свое право давать согласіе на ея измѣненіе, а вовсе не хотѣли во что бы то ни стало мѣшать Россіи пополнить очевидный пробѣлъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно изъ закулисныхъ источниковъ намъ было извѣстно, что главный мотивъ сопротивленія финляндцевъ былъ именно въ этомъ. Финляндцы не отвергнули бы даже Бобриковской военной реформы, если бы это было предоставлено ей сдѣлать самой. Въ этой своей позиціи они были правы. Никакой законъ для Финляндіи не могъ имѣть обязательной силы помимо согласія финляндскаго Сейма. И пока Сеймъ его не одобрилъ, онъ не могъ дѣйствовать на ея территоріи. Финляндія только защищала свое законное право, когда требовала, чтобы новый порядокъ изданія общенперскихъ законовъ былъ предварительно представленъ на ея утвержденіе. Это ея требованіе не было унижительно для Россіи; не можетъ быть ни для кого унизительно уваженіе къ праву другого, тѣмъ болѣе къ праву слабѣйшаго. Достоинство конституціонной Россіи могло только выиграть отъ того, что она подчинилась бы обѣщанію данному Александромъ I въ Борго.

Конечно расчетъ на благоразуміе финляндцевъ могъ оказаться ошибочнымъ. Надо было предусматривать возможность съ ихъ стороны и безумнаго жеста. Но мы не очутились бы тогда въ безвыходномъ положеніи. Безвыходныхъ положеній въ политикѣ нѣтъ. Если формальный законъ стоитъ на дорогѣ необходимости, его всегда нарушаютъ. Споръ между Россіей и Финляндіей рѣшился бы соотношеніемъ фактическихъ силъ. Если Финляндія опираясь на пробѣлъ своей конституціи вздумала отказать Россіи въ возможности охранять на ея территоріи свои интересы, она сама толкнула бы Россію на «государственный переворотъ». Для этого Россія была достаточно сильна, а оспаривать принципиальную допустимость переворота есть лицемеріе. Безъ переворотовъ какъ и безъ революцій историческаго процесса мыслить нельзя. «Революція» и «государственный переворотъ» конечно нежелательны, какъ и война. Но они могутъ стать одинаково необходимы и даже полезны. Если страна мо-

жетъ прибѣгнуть къ Революціи противъ правительства, то тѣмъ болѣе и правительство можетъ прибѣгнуть къ перевороту въ интересахъ страны. Какое политическое теченіе могло бы бросить камень за то? Но государственный переворотъ имѣетъ свою природу и условія своей допустимости. Онъ допустимъ только, когда онъ полезенъ странѣ и когда нѣтъ другого исхода; въ этомъ его оправданіе. Онъ не долженъ поэтому претендовать быть нормальнымъ порядкомъ. Онъ основанъ на афоризмѣ. *Salus populi suprema lex*. Въ актѣ 3-го іюня, типичномъ государственномъ переворотѣ, какъ бы отрицательно мы ни относились къ нему, основной признакъ государственнаго переворота былъ соблюденъ. Самъ Столыпинъ не пытался доказывать его законности. Онъ защищалъ его иначе. «Кто можетъ помѣшать Государю спасти Богомъ ему вѣренную державу», воскликнулъ онъ въ преніяхъ 3-й Думы о деклараціи. Это парафраза знаменитыхъ словъ Мирабо: «*je jure que vous avez sauvé la chose publique*». Все дѣло въ этомъ спасеніи; если оно признано, побѣдителя судить не будутъ. Если бы Столыпинъ, получивъ отказъ финляндскаго Сейма, прибѣгнулъ къ перевороту, и мотивировалъ его такъ, какъ онъ мотивировалъ актъ 3 іюня, т. е. призналъ бы его незаконность, но за то защищалъ бы его государственную необходимость, если бы онъ повелъ себя какъ Бисмаркъ, когда онъ защищалъ свой конфликтъ съ прусской Палатой въ вопросѣ о незаконныхъ налогахъ, онъ былъ бы юридически ближе къ закону и праву, чѣмъ тогда, когда онъ пытался доказывать, что его законопроектъ согласенъ съ существующей конституціей. Именно это его утвержденіе и было особенно зловѣще и опасно для Финляндіи. Вѣдь если такой законопроектъ не «переворотъ», то его можно было бы повторить сколько угодно. Финляндская конституція этимъ не только нарушалась, но — что гораздо хуже — просто отрицалась. Между тѣмъ не отрицая ни конституціи, ни обѣщаній данныхъ въ 809 г. въ Борго, можно было бы по общему съ Финляндіей соглашенію установить порядокъ общеимперскаго законодательства. Въ переговорахъ съ ней незачѣмъ было бы даже грозить возможностью «переворота». Финляндцы это сами предвидѣли бы и до него не допустили бы.

По установившемуся въ Думѣ порядку индивидуальная мнѣнія депутатовъ обыкновенно не могли идти даль-

ше фракціи, если ихъ авторы не хотѣли открытаго и гласнаго конфликта съ собственной партіей. Но опасность Столыпинскаго закона была такъ велика, что на этотъ разъ мнѣ дали свободу. Отъ фракціи выступалъ не только Милюковъ, но и я. Наши позиціи въ Думѣ оказались различными, что наши противники не безъ злорадства подчеркивали. Милюковъ доказывалъ незаконность проекта и въ этомъ былъ правъ. Но онъ не признавалъ необходимости реформы, допускалъ возможность остаться при старомъ порядкѣ; эта теорія была уже Думой отвергнута и потому такіе доводы на большинство Думы впечатлѣнія не производили. Въ данномъ составѣ Думы такъ выиграть дѣло было нельзя. Но не изъ-за «тактики», а по убѣжденію я сталъ на другую позицію. Я признавалъ вмѣстѣ со Столыпинымъ желательность особаго порядка для общеимперскихъ законовъ; но зато отрицалъ право Государственной Думы ввести его сносомъ, къ которому Столыпинъ прибѣгнулъ. Этимъ способомъ онъ нарушалъ не только права финляндскаго Сейма, но обязательность всякой «октроированной конституціи». Нѣтъ ни одного аргумента, который правительство приводило противъ ненарушимости финляндской конституціи, котораго нельзя было бы повернуть и противъ русской. Отсутствие двухсторонняго договора власти со страной, отсутствіе присяги Монарха на соблюденіе данной имъ конституціи — отсутствіе этихъ формальныхъ условий было вѣдь не только въ «Финляндской Формѣ Правленія», но и въ нашихъ «Основныхъ Законахъ». Если бы Дума согласилась съ тѣми аргументами, которые были направлены противъ Финляндіи, она обезоружила бы себя въ защитѣ своей собственной конституціи. Обращаясь къ октябристамъ, которые были конституціоналистами и въ этомъ расходились съ правыми, я имъ говорилъ: «*tua res agitur*; своимъ согласіемъ на Финляндскій законопроектъ вы похороните русскіе «Основные Законы. Лучше откровенный «государственный переворотъ», чѣмъ то лицемѣріе, которое вы допускаете».

Я надѣюсь, что меня не заподозрятъ въ желаніи хвалиться успѣхомъ. Думскіе успѣхи стоятъ не дорого; они бывали и у меня и часто не по заслугамъ. Но моя финляндская рѣчь относится къ тѣмъ, которую я самъ считаю небезполезной. Если назначеніе думской рѣчи не ломится въ открытую дверь, не убѣждать уже убѣжденныхъ, а

влиять на противниковъ, эта рѣчь въ значительной мѣрѣ своей цѣли достигла*). Она внесла смущеніе въ ряды октябристовъ, безъ которыхъ большинства не могло бы составитья. Октябристская фракція собралась на специальное совѣщаніе, чтобы обсудить мои доводы. П. А. Столыпинъ, который въ это время уже усвоилъ манеру уходить, сказавъ свою рѣчь, и оппонентовъ не слушать, сталъ возражать мнѣ въ Верхней Палатѣ. При обсужденіи законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ искренно или притворно возмущался мнѣніемъ, высказаннымъ въ Государственной Думѣ о допустимости «государственного переворота» — заявленіе, которое въ устахъ автора 3 іюня только лишній разъ иллюстрировало цѣну принципиальныхъ соображеній въ политикѣ.

Этотъ своеобразный «успѣхъ» моей рѣчи зависѣлъ, конечно, отъ самой позиціи. Есть банальная методологія, которая ставитъ дилемму; или-или, Или съ «Самодержавіемъ» или съ «Освобожденіемъ»; или съ Столыпинымъ, или съ Финляндіей. Сторожники такихъ упрощенныхъ альтернативныхъ построеній защищаютъ ихъ ссылкой на Афины, гдѣ знаменитый законъ о «мятежѣ» не позволялъ никому оставаться нейтральнымъ въ гражданской войнѣ, или на Библию, которая заклемила тѣхъ, кто «не холоденъ и не горячъ». Это слишкомъ просто. Ни откуда не

*) У меня была вторая финляндская рѣчь послѣ смерти Столыпина. Тогда обсуждался перечень вопросовъ, которые должны были проходить новымъ порядкомъ. Я занялъ и въ этомъ дѣлѣ такую же промежуточную позицію; я не отрицалъ принятаго уже закона, хотя въ свое время голосовалъ противъ него. Но я разоблачалъ тогъ сумбуръ, который этимъ перечнемъ будетъ внесенъ въ финляндскую жизнь и произволъ, который неминуемо будетъ предоставленъ администрации. Правительство мало знакомое съ финляндскимъ законодательствомъ не порудилось указать, какіе финляндскіе законы имъ отмѣняются и какіе останутся въ силѣ, оно предполагало, что все это будетъ выяснено въ кодификаціонномъ порядкѣ, а въ случаѣ сомнѣній «разъяснено» русскимъ Сенатомъ. Ясно, что нарушеніе финляндскихъ правъ и порядка этимъ бы было продолжено. Я предложилъ, чтобы законопроектъ былъ возвращенъ правительству для почной его переработки. Октябристы были готовы съ этимъ предложеніемъ согласиться. На спасеніе закона прибылъ Щегловитовъ и доказывалъ особую злостность этой позиціи, которая обходнымъ и болѣе опаснымъ путемъ идетъ къ той же цѣли, которую другіе кадеты хотѣли достигнуть лобовой атакой. И тогда опять почти все засѣданіе было посвящено спору съ этимъ моимъ аргументомъ.

слѣдуетъ, что всегда необходимо примыкать къ одной изъ двухъ воюющихъ крайностей, вмѣсто того, чтобы брать изъ каждой то, что въ ней есть здороваго. А для Россіи въ то время задача была именно въ этомъ. Ей надлежало разрѣшать свои старыя государственныя проблемы на новыхъ началахъ либерализма, т. е. на почвѣ уваженія къ принципамъ закона и права. Было столь же ошибочно изъ-за оппозиціи къ правительству не замѣчать или отрицать эти проблемы, какъ и непременно слѣдовать за правительствомъ въ способѣ ихъ разрѣшенія. Истиннымъ заданіемъ либерализму было превращеніе «оппозиціонной фразеологии» въ государственную программу и практику: финляндскій вопросъ былъ однимъ изъ типичныхъ образчиковъ такого заданія. Моя позиція въ немъ стремилась дать подобную постановку вопроса. Наши противники признали опасность, которую такая позиція представляла для нихъ въ общественномъ мнѣніи. Была ли она скрытымъ отказомъ отъ защиты финляндцевъ? Нисколько. Когда П. Н. Милюковъ во фракціи мнѣ указывалъ, что финляндцы не будутъ ею довольны, онъ едва ли былъ правъ. Позднѣ П. Д. Долгоруковъ позвалъ меня обѣдать съ Мехелинымъ, съ которымъ я раньше не былъ знакомъ. Мехелинъ говорилъ мнѣ много комплиментовъ по поводу обоихъ моихъ финляндскихъ выступленій. Конечно, это могло бы быть простой европейской любезностью цивилизованнаго финлянца. Но Мехелинъ — и для любезности это было ненужно — съ специальной похвалой отмѣчалъ именно тотъ подходъ къ дѣлу, который мною былъ принятъ. И любопытно, что для европейскаго политика эта позиція, не закрывавшая глаза на русскіе интересы, оказалась понятнѣй, чѣмъ для самихъ русскихъ. Я могъ убѣдиться, что для кадетъ по крайней мѣрѣ для ихъ лидеровъ она и осталась неподходящей. Это обнаружилось въ курьезномъ штрихѣ. У насъ была привычка издавать періодическія книжки съ обзоромъ дѣятельности партіи въ Государственной Думѣ и съ преувеличенными похвалами какъ ея значенію вообще, такъ и выступленіямъ отдѣльныхъ ораторовъ. Я не могъ бы пожаловаться, чтобы въ этихъ книжкахъ мнѣ рекламы не дѣлали. Но въ главѣ о Финляндіи мое имя было упущено, какъ будто бы я вовсе не выступалъ, а выступалъ одинъ Милюковъ. Это не было, конечно, случайностью; книжка была партійнымъ издані-

емъ; редактировалась нашими лидерами. Въ умолчаніи о моемъ участіи по финляндскому спору выразилось официальное неодобреніе моей позиціи. Ее мнѣ простили, такъ какъ она произвела свой эффектъ, но солидаризироваться съ нею не захотѣли.

На чьей сторонѣ была все-таки правда? Отвѣтъ получился позднѣе, когда кадетамъ пришлось сдѣлаться властью, и когда на нихъ легла обязанность обеспечивать порядокъ въ странѣ, единство Россіи и самое существованіе нашей родины. Этотъ моментъ сталъ вообще для кадетъ историческимъ испытаніемъ и Немезидой. Но я ограничусь пока «финляндскимъ» вопросомъ.

Вопросъ сталъ опять во весь ростъ послѣ замѣны Монархій коллективнымъ революціоннымъ Правительствомъ, облеченнымъ «полнотою государственной власти», т. е. властью прежняго Самодержца. Это событіе разрушало одновременно и финляндскую и русскую конституцію. Правовая почва для обѣихъ конституцій исчезла; надо было рѣшить: къ кому перешли тѣ права, которыя по конституціи принадлежали финляндскому великому князю?

Временное Правительство созвало особое совѣщаніе изъ финляндцевъ и русскихъ, подъ предѣдательствомъ Э. Э. Коккошкина, испытаннаго и вѣрнаго друга Финляндіи, что отлично знали финляндцы. Въ Красномъ Архивѣ № 31 былъ напечатанъ краткій отчетъ засѣданій происходившихъ уже послѣ моего отъѣзда въ Парижъ. Но я помню интересныя начальныя стадіи этого обсужденія. Финляндцы привезли предложенія, которыя сводились къ тому, что за упраздненіемъ Русскаго Государя, т. е. Финляндскаго Великаго Князя, его права по Финляндіи должны перейти къ финляндскому представительству. Они были логичны. Если стоять на той теоріи о полной раздѣльности двухъ государственныхъ аппаратовъ, которую кадеты защищали въ вопросѣ объ общеимперскомъ законодательствѣ, то правда была на сторонѣ притязаній финляндцевъ. Наши старанія доказывать, что права Финляндскаго Великаго Князя перешли къ Временному Правительству, были ни на чемъ не основаны. Не только потому, что самая правовая основа власти Временнаго Правительства была полнымъ нулемъ. Временное Правительство не хотѣло ее обосновать ни на послѣднемъ актѣ отречшагося Государя, который передъ отреченіемъ назначилъ князя Львова премьеромъ, ни на автори-

тетъ перешедшей на сторону революціи Государственной Думы. Упомянувъ о ней «вскользь» въ своей деклараціи, Правительство немедленно показало, что съ ней и существованіемъ ея не считается. Оно собратъся ей не позволило и своей отвѣтственности передъ нею не признало. Правительство объявило себя такимъ же органомъ непосредственной воли народа, просто революціонной стихіи, улицы, какимъ былъ и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Но помимо правовой слабости подобной основы для власти, финляндцы имѣли право сказать: почему воля одного русскаго народа, если она была даже правильно выражена, могла быть обязательна для Финляндіи? Почему финляндскій Великій Князь могъ быть смѣщенъ помимо Финляндіи по усмотрѣнію петербургской толпы? Въ отличіе отъ Россіи финляндскій Сеймъ, какъ законное финляндское представительство, продолжалъ существовать. Только онъ и могъ воспринять права финляндскаго Великаго Князя. Это было логично; но эта теорія вела прямымъ путемъ къ независимости, не только *de facto*, но и *de jure*. Кадеты этого не хотѣли и стали поэтому доказывать, что признанное русскимъ народомъ Временное Правительство вступило во всѣ права Самодержца, въ томъ числѣ и въ его права по Финляндіи. Одинъ изъ финляндцевъ намъ возражалъ, что Финляндія не отрекалась отъ своего Великаго Князя и упрекала насъ, что мы, русскіе, очевидно, не понимаемъ финляндскихъ монархическихъ чувствъ, если съ такой легкостью предлагаемъ замѣнить Финляндскаго наследственнаго Великаго Князя выборнымъ Президентомъ Русской Республики. Конечно, никто серьезно не предполагалъ, чтобы отрекшійся Императоръ могъ сохранить свое положеніе Финляндскаго Великаго Князя. Но въ одномъ финляндцы были правы. Либеральная оппозиція въ свое время при отрицаніи необходимости и законности общеимперскаго законодательства, исходила изъ предпосылки о полной раздѣльности финляндскаго государственнаго аппарата отъ русскаго. Эта раздѣльность выводилась не изъ случайнаго пробѣла въ Формѣ Правленія, который было необходимо пополнить; она признавалась нормальнымъ статусомъ Финляндіи въ составѣ Россіи, пересматривать котораго не было оснований. А при такомъ взглядѣ какъ можно было навязывать финляндцамъ вмѣсто ихъ Великаго Князя русское революціонное правительство или

даже Всероссийскаго Президента Республики? На это теперь отвѣчали однимъ аргументомъ: «мы живемъ въ Революціи, смѣшно искать въ ней законности». Но это отговорка. Если Революція можетъ, не стѣняясь законами, свергнуть правительство и порядокъ, то стабилизировать ее, превратить въ нормальный государственный строй, можно только локализацией, а не углубленіемъ беззаконія. Ни зверженіе монархіи могло быть дѣломъ чистыхъ политиковъ; но созданіе новаго строя должно было быть дѣломъ юристовъ. Правовые аргументы въ этой стадіи дѣла силы своей не теряли. Если задачей комиссіи было установить нормальный строй на новой основѣ, нельзя было при его созданіи сослаться на одну Р е в о л ю ц і ю и е я права на беззаконіе. Такъ въ этомъ вопросѣ столкнулись два противорѣчивыхъ взгляда. Временное Правительство по существу было право; въ спорѣ съ Финляндіей оно защищало интересы Россіи, какъ ихъ защищала когда-то Столыпинъ. Но чтобы отстаивать эту позицію кадетскимъ юристамъ пришлось теперь оспаривать ту теорію, которую они прежде сами противъ Столыпина выдвигали. А когда финляндцы стали настаивать на всемогуществѣ своего Сейма, Временное Правительство не хуже Столыпина или Бобрікова прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ, распустило Сеймъ, повѣсило замокъ на входъ въ его помѣщенія, какъ когда-то Столыпинъ послѣ роспуска I-ой Государственной Думы повѣсилъ его на двери Таврическаго Дворца. Словомъ, правительство прибѣгнуло къ мѣрамъ, которыя въ это смутное время никого не успокоили, но повели къ р а з р ы в у двухъ странъ.

Я такъ долго остановился на финляндскомъ вопросѣ, что хочу довести его до конца. Въ одномъ отношеніи онъ любопытенъ.

Я былъ послемъ, когда финляндцы рѣшили совершенно отдѣлиться отъ большевистской Россіи. Фактически они отъ нея уже отдѣлились; этого факта нельзя было оспаривать и объ немъ нечего было жалѣть. Но была опасность, что это отдѣленіе путемъ односторонняго акта Финляндіи могло быть признано Европой *de jure*. Это означало бы, что Европа стала на путь расчлененія Россіи, что модный принципъ «самоопредѣленія народовъ» принять ею въ самомъ опасномъ для Россіи беззаконномъ его пониманіи и что съ волей Россіи, какъ государства, болѣе не считаются. А за Финляндіей могли по-

слѣдовать и другія наши окраины. Одной изъ заботъ Посольства было бороться противъ этой опасности.

Въ концѣ 17 г. въ Парижъ пріѣхала финляндская делегация зондировать почву для признанія ея независимости. Я зналъ, что делегаты находятъ покровителей даже среди испытанныхъ нашихъ друзей. Я пытался освѣщать имъ вопросъ съ другой стороны. Очень часто при этомъ я наталкивался на предвзятое мнѣніе; единства Россіи, говорили многіе, конечно, трогать не слѣдуетъ, но *hiclen entendu*, это не касается «Польши или Финляндіи». Я нисколько не хочу намекать, будто наша прежняя либеральная позиція была причиной этого отношенія; за независимость Финляндіи въ это время работали болѣе глубокія силы, чѣмъ старыя аргументы русской общественности. Любопытно другое. Иронія судьбы сдѣлала такъ, что наша старая позиція въ финляндскомъ вопросѣ оказалась для насъ въ г о д н о й. Поистинѣ можно сказать: *habent sua fata libelli*.

Признаніе Франціей независимости Финляндіи *de jure* состоялось неожиданно, какъ *coup de théâtre*. 4-го января 1918 года утромъ, я былъ у Пинсона, Министра Иностранныхъ Дѣлъ; онъ мнѣ говорилъ, что съ Финляндіей ничего еще не рѣшено; что Министерство изучаетъ вопросъ, что мнѣ дадутъ возможность представить свои соображенія и т. п. На другой день въ Министерствѣ, куда я по обычаю ходилъ знакомиться съ телеграммами, говорившими о положеніи дѣлъ въ Россіи, мнѣ показали, между прочимъ, телеграмму о разговорѣ со шведскимъ минист. ин. дѣлъ, въ которомъ онъ, на указаніе объ излишней поспѣшности, съ которой Швеція признала финляндскую независимость, оправдывался ссылкой на давленіе общественнаго мнѣнія и на особенность отношенія Швеціи къ Финляндіи. Очевидно позиція самой Франціи продолжала еще быть для насъ благопріятной. Но вернувшись изъ Министерства домой, я прочелъ въ *Temps*, что независимость Финляндіи признала Франція. Я потомъ узналъ съ полной достовѣрностью, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ моментъ, когда онъ со мной говорилъ, былъ искрененъ; онъ самъ еще не зналъ, что вопросъ былъ лично рѣшенъ Клемансо, съ той поспѣшностью, съ которой онъ принималъ всѣ рѣшенія. Я упускаю нѣкоторыя подробности характерныя для этого времени, когда при громѣ войны такіе отвѣтственные вопросы могли казаться

ся неважными. Припоминаю только, какъ признаніе Финляндіи помимо Россіи впервые поставило передо мной вопросъ о возможности оставаться во Франціи въ роли посла. Во Франціи не было еще той многочисленной эмиграціи, нужды которой сами по себѣ оправдывали существованіе здѣсь представительства. Единственнымъ *raison d'être* моего пребыванія здѣсь была возможность защиты интересовъ Россіи. Сохранялся ли такой *raison d'être* при проявленномъ къ намъ отношеніи? Дилемма казалась неотразимой. Или данное совѣтскою властью согласіе на независимость Финляндіи признавалось согласіемъ самой Россіи и тогда мнѣ, какъ представителю прежней власти, въ Парижѣ нечего дѣлать. Или Совѣты еще не считались законной властью Россіи; но тогда признаніе независимости Финляндіи помимо Россіи есть такое пренебреженіе къ ея правамъ, при которомъ мнѣ опять-таки оставаться на посту невозможно. Но если все это и казалось логично и ясно, то въ силу состоявшагося между послами рѣшенія не предпринимать никакихъ отвѣтственныхъ шаговъ не согласившись между собой, я не могъ дѣлать единолично неоправдимаго шага. Я послалъ Министерству ноту протеста и ждалъ отвѣта товарищей. Но постепенно подробности выяснялись. Скороспѣшное признаніе Франціей было продиктовано интересами войны. Боязнь, чтобы Финляндія не приняла германской ориентаціи; оно, какъ и все въ это время, окончательнымъ не считалось. Пишонъ всячески меня успокаивалъ. «*Vous êtes plein d'amertume*, сказалъ онъ мнѣ при первой встрѣчѣ, *et nous sommes vos meilleurs amis*». Я зналъ, что онъ бытъ не только искрененъ, но и правъ; какъ признаніе Финляндіи исходило не изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, такъ и вообще желаніе расчленять Россію шло не изъ Франціи. Того, что было уже сдѣлано, взять, конечно, назадъ было нельзя. Но по крайней мѣрѣ можно было ослабить причиненное зло, его локализовать, помѣшавъ тому, чтобы этотъ исключительный актъ не бытъ принятъ за прецедентъ для другихъ отдѣленій.

Сепаратистскимъ тенденціямъ нашихъ окраинъ мы еще нѣкоторое время мѣшали не безъ успѣха. Не продлиась большевицкая тиранія такъ долго, единство Россіи нарушено не было бы. Версальскій конгрессъ устоялъ противъ этихъ соблазновъ и просьбъ. Но разъ Финляндія отдѣлилась и ея отдѣленіе было уже признано *de jure*,

намъ надо было доказывать, что Финляндія находилась въ томъ о с о б е н н о м ъ положеніи, при которомъ признаніе ея независимости правъ Россіи не нарушаетъ. И тутъ-то теорія о полной раздѣльности государственныхъ аппаратовъ, объединеніе ихъ только въ лицѣ русскаго Императора, намъ пригодилась. При такомъ пониманіи отношеній съ упраздненіемъ Монарха прежняя связь Россіи съ Финляндіей, объединенныхъ въ лицѣ Императора и Великаго Князя, исчезла. Отношенія этихъ странъ надо было заново строить на какихъ-то новыхъ началахъ. Но пока новаго соглашенія не состоялось, Финляндія становилась не только фактически, но главное и юридически независима отъ Россіи. Я знаю, что можно возразить противъ этой теоріи, находившейся въ противорѣчій съ текстомъ ст. 2-ой Русскихъ Основныхъ Законовъ и приближавшейся къ понятію личной уніи, на что не претендовала Финляндія и что отрицала Россія. Но при создавшихся условіяхъ теорія полной раздѣльности была для насъ уже выгодна. Она ставила Финляндію въ такое особое положеніе, котораго не было ни у одного изъ другихъ лимитрофовъ; она дала намъ право говорить, что Финляндія не примѣръ, и что расчлененіе Россіи должно на ней остановиться. Такъ позиція, которую въ 1908 году я отвергала, въ 918 году неожиданно мнѣ пригодилась. Но, конечно, когда мы прежде ее съ такой легкостью принимали въ интересахъ финляндцевъ, мы и не подозревали, чѣмъ она намъ послужить.

В. Маклаковъ.

Письмо изъ Германіи

(Формы нѣмецкаго совѣтофильства).

Въ томъ, что принято называть нѣмецкимъ совѣтофильствомъ, надо отличать два весьма отличныя другъ отъ друга теченія.

Съ одной стороны, въ Германіи существуетъ чисто политическое стремленіе использовать большевиковъ въ своей борьбѣ за улучшеніе міроваго положенія Германіи. Съ другой, — нѣчто совсѣмъ иное: не то чтобы лишенное всякой заинтересованности, но все же и не политически-корыстное влеченіе къ Совѣтской Россіи.

О первомъ политическомъ, правительственномъ совѣтофильствѣ я не пишу. Это особая, очень большая и очень сложная тема, которой русская эмигрантская пресса посвящала за послѣднее время много вниманія въ связи съ раскрытіемъ лѣвой нѣмецкой общественностью всевозможныхъ связей между рейхсверомъ и большевиками. Скажу только, что сомнѣваться въ реальности этой связи, при наличіи того «непримѣнимаго къ жизни документа», какъ еще недавно называлъ Версальскій договоръ парижскій профессоръ Эдуардъ Гюйо, весьма трудно. Но дѣло тутъ не въ рейхсверѣ, а въ нѣмецкомъ правительствѣ, въ которое на протяженіи послѣднихъ лѣтъ входили представители и тѣхъ партій, которыя нынѣ разоблачаютъ дѣятельность рейсвера. Думаю, что эти разоблаченія надо прежде всего разсматривать съ точки зрѣнія задачъ и интересовъ внутренней партійной борьбы.

Но все это, повторяю, меня въ предлагаемой статьѣ не занимаетъ. Я хочу попытаться охарактеризовать не правительственное совѣтофильство, которое является неосторожной и легкомысленной попыткой использованія Москвы въ нѣмецкихъ интересахъ, а ту довольно сложную гамму симпатій къ СССР, которой какъ недугомъ болѣетъ нѣмецкое общество.

Вспоминая Берлинъ, я до сихъ поръ удивляюсь той популярности, которую пользовалось все русское среди мелкой и средней буржуазии.

Каждый торговецъ, каждый содержатель гостиницы, мясникъ, шивникъ и парикмахеръ весело привѣтствовали васъ, какъ союзника, и на что-то намекая таинственно заявляли, что «не надо было воевать съ Россіей, что Германія, объединенная съ Россіей, была бы непобѣдима, ...и что дѣло еще не пропало». Такія рѣчи приходилось выслушивать почти каждый день. Причемъ характерно: чѣмъ стариннѣе гостиница, чѣмъ почтеннѣе фирма, чѣмъ убѣленнѣе сѣдинами вашъ собесѣдникъ, чѣмъ живѣе его память о Бисмаркѣ, тѣмъ горячѣе заприкапочная рѣчь, что надо было помнить завѣтъ желѣзнаго канцлера крѣпко дружить съ Россіей. «Самонадѣянный выскочка Вильгельмъ этого не понималъ — а вотъ Ленинъ, какой онъ тамъ ни на есть, — понялъ и поспѣшилъ заключить миръ съ Германіей». Отсюда, изъ этого фантастическаго воспріятія Ленина, какъ благодѣтеля Германіи и исполнителя завѣтовъ Бисмарка, у доморощенныхъ политиковъ и выростала навязчивая мечта-надежда о реваншѣ: «русская и нѣмецкая арміи еще соединятся, французы будутъ разбиты. Исторія вернется къ великому 71-му году».

Особую ноту вносили въ это буржуазно-патріотическое и сентиментально-мечтательное сѣтѣфильство тѣ мнѣгіе нѣмецкіе комми-воажеры, монтеры и предприниматели, которые задолго передъ войной вели дѣла съ Россіей.

Почти въ каждомъ дѣловомъ обществѣ, гдѣ приходилось бывать, встрѣчались такіе побывавшіе въ Россіи нѣмцы, которые послѣ перваго же стакана вина съ искреннимъ увлеченіемъ начинали рассказывать о Кремлѣ и спѣшѣ, о Ярѣ и баняхъ, о широкомъ русскомъ гостепріимствѣ и, главное, о размахѣ русскихъ торговыхъ фирмъ, которыя по старинѣ не признавая контрактовъ, крѣпко держали свое купеческое слово и съ которыхъ можно было «крѣпко нажать».

Съ этимъ торговымъ заграничнымъ человѣкомъ Россія не стѣснялась. Она показывала ему всякія русскія чудеса, но и всякіе русскіе номера. Она ихъ веселила, но она же надъ ними и издѣвалась. Одинъ старый представитель большой нѣмецкой фирмы, начавшій торговать съ Москвой еще въ 80-хъ годахъ, съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ, что коммерческая Москва его очень любила, но име-

ни его запомнить не могла, а называла просто нѣмцемъ. Что возили его съ вокзала на шалыхъ тройкахъ, каждыи разъ обязательно черезъ Кремль, причеиъ безъ всякихъ разговоровъ снимали съ него шапку въ Спасскихъ воротахъ. Все это ошеломяло нѣмцевъ, но и нравилось имъ: сливалось вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ, пьянымъ угаромъ, цыганскимъ пѣніемъ, и, самое главное, — необычайными по европейскимъ масштабамъ доходами въ какую то плѣнительную ширь и въ ожиданіе отъ Россіи совершенно сказочныхъ благъ.

Вотъ эти-то руссофилы и превратились послѣ Брестскаго мира въ горячихъ совѣтофиловъ. Произошло это потому, что они просмотрѣли революцію въ большевицкой революціи: поняли ее, какъ желанныи имъ конецъ войны между Германіей и Россіей; а тѣмъ самымъ и какъ возможность новой, конечно побѣдной, войны съ Франціей и возобновленіе торговыхъ сношеній съ Россіей, которая послѣ войны и революціи будетъ, естественно, особенно нуждаться въ нѣмецкомъ трудѣ и нѣмецкихъ товарахъ.

Въ настоящее время эта фантастическая идеологія мелко-буржуазныхъ круговъ Германіи опредѣленно сходитъ на нѣтъ. Ни о какомъ реваншѣ средняя торговая, трудовая буржуазія больше не мечтаетъ. Старики, помнящіе Бисмарка, и люди, знавшіе ту довоенную Россію, въ которой можно было широко жить и еще шире наживаться, постепенно умолкаютъ. Что Ленинъ дѣлалъ революцію не во славу завѣтовъ Бисмарка, — всѣмъ людямъ, не мудрствующимъ лукаво, вполне ясно. Если въ Германіи есть слои, дѣйствительно ненавидящіе большевиковъ, дѣйствительно вѣрящіе въ реальность совѣтскаго голода и совѣтскихъ тюремъ, такъ это прежде всего широкіе слои средней и мелкой буржуазіи (обыватели). Изъ тѣхъ, что раньше знали Россію и сгоряча обрадовались было заключенію выгоднаго для нѣмцевъ Брестскаго мира, коикто побывалъ въ Россіи. Впечатлѣнія ихъ правдивы и ужасны: «Mein Gott, was hat man aus dem schönen Land gemacht!» (Боже, что сдѣлали изъ прекрасной страны).

Надо однако сказать, что это прозрѣніе не распространяется на высшіе промышленно-финансовыя круги, считающіе правильнымъ хотя-бы и безъ прибыли торговать съ Россіей и дѣлающіе «высокую» политику. Среди этихъ круговъ «симпатія» къ Кремлю распространена го-

раздо больше, чѣмъ въ мелкой средне-буржуазной обывательской массѣ. Но эти «симпатіи», конечно, не симпатіи а тѣ, связанныя съ глубокимъ презрѣніемъ не всегда только къ большевикамъ, но иногда и къ Россіи «дальнозоркія» попытки использованія СССР въ своихъ хозяйственныхъ и политическихъ интересахъ, анализъ которыхъ не входитъ въ задачу данного очерка.

Наряду съ буржуазно-шовинистическимъ совѣтофильствомъ во славу Бисмарка, все еще господствуетъ въ Германіи, — постепенно тоже, впрочемъ, слабѣя, — совѣтофильство пролетарски-революціонное, во имя Карла Маркса.

Въ первые годы послѣ русской революціи большевикамъ сочувствовали не только рабочіе коммунисты, но и социаль-демократическія массы. Ленинъ былъ для всѣхъ социалистовъ не только явленіемъ громаднымъ, но и въ послѣднемъ счетѣ и положительнымъ. «Октябрь» воспринимался не какъ измѣна «Февралю», а какъ его новая стадія. Говорить съ нѣмецкими рабочими было трудно. Идея защиты «Февраля» въ формѣ борьбы съ «Октябремъ» была необъяснима. Всякій эмигрантъ ощущался какъ контр-революціонеръ.

Немногимъ благополучнѣе складывались бесѣды съ социаль-демократической интеллигенціей: съ врачами, публицистами, учеными. Я лично помню, во всякомъ случаѣ, много недоразумѣнныхъ бесѣдъ: участіе къ вашей личной, горькой долѣ, смущеніе за ваше близорукое непониманіе смысла историческихъ событій и гордость своимъ европейскимъ всепониманіемъ неизбежнаго хода событій.

Удивляться социалистическому совѣтофильству, которымъ грѣшили не только нѣмецкіе социаль-демократы, но и многіе русскіе меньшевики, не приходится. Оно въ достаточной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что Ленинъ, какъ ни какъ все же ученикъ и притомъ величайшій ученикъ Карла Маркса, что коммунисты и социаль-демократы передъ тѣмъ, какъ разойтись въ разныя стороны, долго шли вмѣстѣ, что они связаны памятью объ общей борьбѣ и общихъ пробѣдахъ, единствомъ марксистской доктрины

и политическаго словаря, единствомъ пролетарскаго гимна и краснаго революціоннаго знамени.

И правда, сейчасъ между нѣмецкой социаль-демократіей и нѣмецкимъ коммунизмомъ идетъ ожесточенная борьба. Социаль-демократія представляетъ собою, быть можетъ, самую значительную антибольшевицкую силу Германіи. Недаромъ нѣмецкій націоналистъ профессоръ русской исторіи, Otto Hoetsch еще недавно говорилъ, что народно-консервативная партія (гр. Вестарпа и Тревирануса) «отклоняетъ антисовѣтскую пропаганду социаль-демократіи и государственной партіи, какъ одностороннюю и недѣловую».

Какъ ни показательна, однако, для политическаго положенія вещей въ Германіи эта націоналистическая защита Москвы отъ нападковъ социаль-демократіи, нельзя забывать, что споръ коммунистовъ съ социаль-демократіей въ нѣкоторомъ смыслѣ все-же споръ «славянъ между собою», т. е. споръ изъ-за теоретическаго дѣлежа единого духовнаго паслѣдства «Коммунистическаго манифеста», объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ революціонной діалектики и финальнаго внѣклассоваго состоянія человѣческаго общества. Споры родственниковъ могутъ быть очень злы, но въ нихъ всегда остается нѣкая ирраціональная возможность неожиданнаго примиренія.

Думаю, что если бы, напримѣръ, въ Россіи намѣтилось сильное, антипролетарское, крестьянское движеніе, а Москва по тѣмъ или инымъ причинамъ прекратила-бы финансированіе нѣмецкой компартіи, что привело-бы къ очищенію ея рядовъ, то объ марксистскія партіи, особенно въ случаѣ объединенія буржуазно-націоналистическихъ силъ въ самой Германіи, быстро-бы приблизились другъ къ другу и объ стали-бы на защиту краснаго Кремля, какъ памятника Карлу Марксу. Русская лѣвая эмигрантская пресса, справедливо подчеркивая тактическое объединеніе коммунистическихъ и національ-соціалистическихъ силъ, мало чувствуетъ идейное сродство социалистовъ и коммунистовъ. Мало чувствуетъ то, что нѣмецкая коммунистическая партія — это не только московскія деньги, но и идеи такихъ глубокихъ и чистыхъ социалистовъ, какъ коммунистовъ Розы Люксенбургъ, Карла Либкнехта и др.

Впрочемъ, даже и въ разгаръ предвыборной борьбы социаль-демократическіе плакаты призывали къ борьбѣ

противъ буржуазнаго блока и націоналистовъ, умалчивая о коммунистахъ.

Для выясненія скрытаго совѣтофильства социаль-демократіи достаточно простаго перенесенія разговора о большевикахъ изъ сферы хозяйственно-политической въ сферу культурно-философскую и въ особенности въ духовно-религіозную. При проявленіи вами малѣйшей скорби по поводу гибели старой Россіи (старой Россіи, не самодержавія), вы сейчасъ же почувствуете отклоненіе стрѣлки социалистическихъ симпатій въ сторону большевизма. Сейчасъ же почувствуете, что, отрицая большевистскіе политическіе методы и темпы, нѣмецкій рядовой социаль-демократъ европейски-передовой, научно марксистскій духъ большевизма все же опредѣленно предпочитаетъ «самодержавно-крѣпостническому и православно-византійскому «смерду» Россіи, о которой онъ обыкновенно имѣетъ хотя и весьма смутное, но все же и весьма опредѣленное представленіе.

Вся недостаточность и ложность социалистическаго отрицанія большевизма заключается въ томъ, что подлиннымъ предметомъ этого отрицанія является не большевизмъ, какъ таковой, а его сходство со старой Россіей. Въ концѣ концовъ Сталинъ для нѣмецкихъ социалистовъ только тѣмъ и нехорошъ, что онъ похожъ на Грознаго. Въ чемъ они, съ полнымъ, впрочемъ, на то основаніемъ, винятъ не столько Сталина, сколько Грознаго. Года два тому назадъ я видѣлъ на сценѣ очень талантливаго и умнаго актера Кортнера въ роли Павла I-го. Онъ игралъ вѣроятно по сознательному замыслу не столько несчастнаго и безумнаго императора, сколько самую Россію. Одѣтъ былъ Павелъ въ шаровары и шелковую рубашку. Межъ ногами болтался на толстомъ шнуркѣ довольно большой образъ. За поясомъ былъ заткнутъ кнутъ. Выраженіе лица было двупланио: на первомъ планѣ звѣрскій идиотъ, на второмъ идиотъ.... Достоевскаго.

Образъ этотъ не случаенъ. Такою видятъ Россію очень многіе нѣмцы и прежде всего нѣмецкіе социалистическіе круги. Итакъ, съ одной стороны нѣмецкая социаль-демократія представляетъ собою весьма значительную политическую величину въ борьбѣ Германіи противъ большевиковъ, а съ другой, психологическую среду, въ которой развивается своеобразное міросозерцательное совѣтофиль-

ство, враждебное не только павшему царизму, но и величайшимъ духовнымъ цѣнностямъ прежней Россіи.

Гораздо хуже и прежде всего для насъ, русскихъ, гораздо оскорбительнѣе та третья форма нѣмецкаго совѣтофильства, которую я назвалъ бы формою совѣтофильства с н о б и с т и ч е с к а г о. Его въ Германіи очень много, и, главное, оно неискоренимо, такъ какъ держится на неоспоримой истинѣ, что «все, что происходитъ въ Россіи, весьма интересно».

Коммунистамъ, утверждающимъ, что въ Россіи «пролетарскій рай», можно, поскольку имѣешь дѣло съ людьми пытливыми и честными, съ карандашомъ въ рукахъ доказать обратное.

Людямъ, считающимъ, какъ социаль-демократы, что всѣ недостатки коммунистическаго режима суть наслѣдственные болѣзни самодержавія, можно при затратѣ очень большой энергіи объяснить, что дѣло обстоитъ не такъ просто, что въ большевизмѣ есть свои пороки и свои болѣзни.

Съ людьми же, которые ничего не утверждаютъ кромѣ того, что для нихъ «непереносима скука матеріалистической Европы», что имъ «безконечно интересно все, происходящее на востокѣ», а потому заманчива и Россія, спасающая размѣрами своихъ небывалыхъ событій духовную реальность европейскаго бытія», - - ничего не сдѣлаешь. Своеобразной истины ихъ ощущенія не опровергнешь, такъ какъ безусловно вѣрно, что черезъ Россію, а не Францію и не Германію проходитъ сейчасъ главная тема Исторіи. Величайшей же и преступной ошибки ихъ отношенія къ Россіи имъ не объяснишь; они не понимаютъ, что нельзя со скуки интересоваться казнями, отъ европейскаго рационализма лѣчиться подкожными впрыскиваниями русскаго безумія и, пребывая въ атмосферѣ пока еще дряннаго европейскаго благополучія, рукоплескать героямъ-лицедѣямъ міровой трагедіи. Они не понимаютъ главнаго, — что на созерцаніе безумнаго и скорбнаго величія нынѣшней Россіи имѣютъ право только тѣ, кто это величіе не только созерцаютъ, но мучаются имъ, чувствуютъ свою отвѣтственность за него. Не понимаютъ они этого потому, что принадлежать къ цвѣту (къ счастью, начинающему осыпаться), тѣхъ культурныхъ людей Запада, для которыхъ категорія «грѣха» и отвѣтственности въ общественно политическихъ событіяхъ непримѣнима,

для которыхъ самое глубокое отношеніе къ историческимъ явленіямъ есть отношеніе объективное, т. е. стоящее «по ту сторону добра и зла» и для которыхъ новое и небывалое всегда правѣе бывшаго и стараго. Объ это эстетическое любованіе сверхморальной сущностью великаго историческаго процесса разбиваются всѣ ваши попытки объяснить передовой интеллигенціи Берлина и Франкфурта то, что происходитъ въ Россіи.

Иногда, впрочемъ, особо любезные представители этихъ круговъ снисходятъ къ вашему «религиозно-метафизическому методу мышленія», къ вашей непримѣнимой «къ исторически неизбѣжнымъ процессамъ реакціонной терминологіи» и предлагаютъ вамъ смотрѣть на все происходящее въ Россіи не съ узко человѣческой и потому всегда партійной точки зрѣнія, а съ высоты Божьяго взгляда на міръ, для котораго — какъ впрочемъ и для науки — уже по одному тому не можетъ быть «слишкомъ человѣческой» (Ницше) разницы между добромъ и зломъ (большевиками и ихъ жертвами), что и добро и зло одинаково создано Богомъ. Тутъ разговору приходитъ конецъ, ибо нельзя объяснить людямъ, для которыхъ Богъ есть «методъ реакціоннаго мышленія», что безрелигіозное созерцаніе міра съ высоты Божьяго взора на міръ — есть самый кратчайшій путь къ самой простой человѣческой подлости.

Такова въ общихъ и краткихъ чертахъ философская основа снобистическаго совѣтофильства Германіи. Но дѣло, конечно, не въ ней; дѣло въ томъ, что совѣтофильствующимъ снобамъ «безконечно и н т е р е с н о» (unendlich interessant) все происходящее въ Советской Россіи. Природа этой заинтересованности сложна и не легко выяснима. Въ основѣ ея лежитъ, какъ мнѣ кажется, своеобразная утрата европейскаго патріотизма, утомленность и наскученность Европой, въ особенности своею Германіей, странная жажда вѣзрительныхъ и эмоціональных путешествій ...въ какую нибудь даль.

На почвѣ этихъ настроеній и появилась въ Германіи новая порода людей, съ какимъ то злорадствомъ считающая карту европейской и прежде всего нѣмецкой культуры битой. Для нихъ Гете, какъ мыслитель — всего только гениально-грандіозный мѣшанинъ. Лютеръ, если и великъ, то только какъ величайшій католикъ своего времени. Вагнеръ непереносимъ, какъ безвкусно лживый бутафоръ.

Его ученикъ Брукнеръ нестерпимъ, какъ слишкомъ типичный нѣмецъ. «Wagner und Bruckner sind mir zu bosch» признался мнѣ однажды такой типично «новый» нѣмецъ. Нечего говорить, что эти люди не переносятъ «политическаго краснорѣчія безвкуснаго Шиллера» и «риемованнаго глубокомыслия Геббеля и Клейста». Они вообще не переносятъ нѣмецкаго глубокомыслия: у нихъ отъ этого «портятся желудки». На почвѣ такого отрицанія своего и стараго у этихъ людей вырастаетъ какая-то снобистическая тяга ко всему новому и экзотическому, и прежде всего почему-то къ Совѣтской Россіи. Разговоръ о ней очень моденъ: причемъ, какъ за правило, можно считать, что если васъ приглашаютъ въ высококультурный домъ, хозяева котораго живо интересуются вопросами политики, философіи и искусства, да къ тому же еще и во фракъ, то разговоры о Россіи и сочувствія большевикамъ будутъ особенно много и всѣ ваши аргументы будутъ биты.

Если вы скажете, что въ Россіи голодъ, то вамъ сначала не повѣрятъ и сошлются на продающихся въ Германіи русскихъ гусей по маркъ за фунтъ (нѣмецкіе — 1 марка 60 пфениговъ), за Кавказское вино по 1 м. 90 за бутылку, на громадные запасы зерна, доставляемые на нѣмецкія мельницы...

Если вы выясните, что это ничего не доказываетъ, что большевики по цѣлому ряду политическихъ и финансовыхъ соображеній вывозятъ не излишки, а насущности, то вамъ возразятъ, что, во-первыхъ, Россія голодала и при царяхъ, что завтра будетъ голодать вся Европа и что въ русскомъ голодѣ виноваты не столько большевики, сколько антибольшевицкая Европа.

Если махнувъ рукой на экономику, вы перенесете разговоръ въ сферу политическую и постараетесь вскрыть весь ужасъ большевицкаго порабощенія русскаго народа, — вамъ бойко отвѣтятъ, что лучше рабство во имя идей, чѣмъ свобода отрицанія всякихъ идей; что Западъ оттого и гибнетъ, что у него нѣтъ ни одной живой политической мысли. Къ этому размышленію обязательно присоединяется восхваленіе гениальной дальневосточной политики большевиковъ (это особо излюбленная тема) и послѣдній заведъ граммофона: «нѣтъ, вы послушайте, какъ изумительна китайская музыка. Я совѣмъ не переносю больше нашихъ концертныхъ программ...»

За китайскими пойдутъ японскія, малайскія, негрскія и всякія иныя, — лишь бы только не европейскія пластинки, — подъ экзотическій стонъ, вой и щебетъ которымъ обязательно вспыхнетъ гдѣ-нибудь въ углу глубокомысленный разговоръ, въ которомъ докторъ философіи со ссылками на «христіанскаго гностика» Бердяева будетъ доказывать, что винить за ужасы религіознаго фронта большевиковъ совершенно невозможно, ибо еще Достоевскій пророчествовалъ о томъ, что Россія способна во имя одной только дерзости расстрѣливать свои святыни. При этомъ докторъ философіи непременно расскажетъ о выстрѣлѣ въ причастіе въ «Дневникѣ писателя».

На минуту и на поверхностный взглядъ такія рѣчи могутъ иногда прозвучать подлиннымъ пониманіемъ Россіи, котораго въ Германіи больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, но тѣ снобистическіе круги, о которыхъ я пишу, не были бы похожи на мое описаніе, если бы они дѣйствительно понимали что-нибудь въ Достоевскомъ.

Въ своей совѣтофильской лѣвизнѣ они, однако, такъ же мало понимаютъ въ Достоевскомъ, какъ діалектическіе марксисты въ конкретномъ Духѣ Гегеля. У нихъ Достоевскій прекрасно уживается съ Калининковымъ, на талантливый, но гнусный романъ котораго «женщины и монахи» въ описываемыхъ кругахъ Германіи была одно время почти что мода. Надо сказать, что въ этихъ кругахъ вообще хорошо знаютъ совѣтскую литературу (Леонова, Гладкова, Эренбурга, Федина, Катаева) и поголовно увлечены русской кинематографіей. Эйзенштейнъ представляется самымъ настоящимъ гениемъ и изумительный «Potemkin-film» — явленіемъ вполне достаточнымъ для оправданія стрѣльбы крейсера Аврора по Зимнему дворцу. Вообще лѣвое совѣтское искусство въ очень большомъ почетѣ. Совѣтофильствующие эстеты очень высоко ставятъ, напр., художника Лисицкаго, творца ряда совѣтскихъ выставочныхъ павильоновъ *). По ихъ мнѣнію «отвлеченно-математическій динамизмъ этого изумительнаго декоратора» представляетъ собою такую точную фор-

*) Въ связи съ этимъ интересно отмѣтить, что самый большой ударъ СССР. нанесенъ въ послѣднее время совѣтскія картинныя выставки (особенно послѣдняя, бертинская), показавшія, что совѣтская живопись, очевидно, по приказу сверху возвращается къ своеобразному революціонному неподвижничеству, къ иллюстрированному каталогу «нашихъ достиженій».

му «плакатно-агитаціонной сущности отвлеченно исчисленной пятимѣтки», что всѣ нападки на нее становятся просто напросто неинтереснымъ безпредметнымъ злобствованиемъ. «Гдѣ, кромѣ Россіи, господствуетъ экономическая мысль, способная быть выраженной въ системѣ строгихъ художественныхъ формъ? — Нигдѣ; — это ли не доказательство глубокой правды колхознаго строительства?

Я, конечно, сгущаю краски въ томъ смыслѣ, что сношу въ одну статью настроенія, мысли и характерныя фразы, воспринятія и услышанныя мною на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но я ничего не преувеличиваю и ничего не заостряю. Мое описаніе эстетически-снобистическихъ круговъ совѣтофильствующей Германіи ни въ какой мѣрѣ и степени не карриатура, а самая обыкновенная фотографія.

Хотя круги эти политически не играютъ почти никакой роли, ихъ роль въ сближеніи Германіи съ Совѣтской Россіей все же велика. Они занимаютъ первые ряды въ театрѣ Пискатора, они создаютъ художественный и главнымъ образомъ политическій успѣхъ Мейерхольду, они бывають на дипломатическихъ раутахъ въ полпредствѣ, изъ нихъ составляется избранная публика на открытіяхъ совѣтскихъ выставочныхъ павильоновъ, они славятъ и рецензируютъ совѣтскіе фильмы, совѣтскую беллетристику, совѣтскую науку (при чемъ славятъ все это какъ совѣтское творчество, а не какъ русское). Они не читають Панаіотъ-Истрати, Бесѣдовскаго, находя, что эти злостные враги Россіи — скверные писатели; они же увлекаются автобіографіей Троцкаго, утверждая, что она написана не хуже, чѣмъ «Дѣтство и отрочество» Толстого *). Они, сидя въ редакціяхъ издательствъ, борются противъ переводовъ эмигрантской беллетристики и злостныхъ эмигрантскихъ статей о большевизмѣ, они состоять членами общества «Друзей новой Россіи», они ѣздятъ въ составѣ совѣтскихъ экскурсій на шесть недѣль въ Петербургъ и Москву, смотрятъ Петропавловку, Кремль и распространяють по пріѣздѣ слухъ о замѣчательной странѣ СССР.

Дѣлають они все это, конечно, не за страхъ, а за совесть. Причемъ, какъ это ни странно, снобистическая со-

*) Справедливость требуетъ отмѣтить, что автографія Троцкаго написана мѣстами дѣйствительно превосходно

вѣсть въ своемъ скрытомъ внутреннемъ позерствѣ доходить иногда до проявленій граничащихъ почти что съ героизмомъ. Одна очень богатая молодая женщина зашла въ своемъ совѣтофильствѣ такъ далеко, что по возвращеніи изъ Россіи поступила простою работницею на фабрику.

Таковы формы эстетически-снобистическаго совѣтофильства Германіи. Моя характеристика этого явленія была бы неполна, если бы я не указалъ на то, что носителями этой формы совѣтофильства являются, въ первую очередь во всякомъ случаѣ, люди опредѣленно лѣвые. Правда, не столько въ политическомъ, сколько въ культурно-миросозерцательномъ смыслѣ этого слова. Объясняется это тѣмъ, что отрывъ отъ духовной почвы Европы неизбежно сдвигаетъ всякаго беспочвеннаго человѣка влѣво, т. е. въ ту сторону, въ которую опредѣленно накренилъ весь европейскій міръ.

Характернѣйшее доказательство этой истины представляетъ собою тотъ парадоксальнѣйшій фактъ нѣмецкой политической жизни, что религіозно совершенно, конечно, беспочвенный христіански-монархическій націонализмъ обновляется нынѣ (въ національ-соціализмѣ) путемъ прививки къ своему сгнившему стволу молодого коммунистическаго ростка.

Наряду съ охарактеризованнымъ совѣтофильствомъ опустошенныхъ душъ, все знающихъ, все понимающихъ, ничему не вѣрящихъ и себѣ надоѣвшихъ, всегда защищающихъ правду всякаго крайняго мнѣнія и великое значеніе рекордной цифры, хотя бы и цифры разстрѣлянныхъ большевиками кулаковъ, существуетъ въ Германіи еще одна форма совѣтофильства, очень страннаго и по своему очень глубокаго.

Я назвалъ бы его совѣтофильствомъ религіознымъ.

Проблема этого религіознаго (причемъ типично-протестантскаго, въ католичество оно немислимо), совѣтофильства очень сложна и глубока, и я могу въ общей статьѣ ее лишь приблизительно намѣтить и бѣгло очертить.

Чтобы объяснить, какъ протестантскія души, да еще души богослововъ и пасторовъ, доходятъ до утверженій,

что «коммунистическая партія представляет собою вѣроятно единственную живую христіанскую секту въ современности», надо было бы проанализировать то трагическое положеніе, въ которомъ находится сейчасъ нѣмецкій протестантизмъ. Насколько я вижу, сущность этой потрясающей и многими протестантскими богословами нынѣ вполне осознанной трагедіи заключается съ одной стороны въ утратѣ опыта религіозно-соборной (церковной) жизни, а съ другой (конечно, связанной съ первой), въ утратѣ всякаго опредѣленнаго ощущенія подлинно-религіознаго содержанія жизни и вѣры. Внѣцерковное, вполне свѣтское, профессорское богословіе расхитило въ Германіи живую субстанцію христіанской вѣры и превратило религію въ нѣкую специфическую структуру души (въ религіозность) а церковь въ нѣкую специфическую общину (Gemeinschaft) религіозно структурированныхъ душъ.

Благодаря такому обезпредмеченію, т. е. въ сущности обезбоженію и расцерковленію религіозной жизни создавалась своеобразная возможность внѣцерковныхъ соединеній вольноотпущенной религіозности съ самими разнообразными богами, въ сущности съ идолами.

Нѣмецкіе пасторы вильгельмовской эпохи были психологически, т. е. по своему душевному складу, въ большинствѣ случаевъ, людьми безусловно религіозными, но высшею доступною имъ формой духовно-коллективной жизни, была для нихъ прежде всего жизнь національная. Это значить, что родина (Vaterland) занимала въ ихъ душахъ мѣсто церкви.

Этимъ и объясняется, почему старорежимный пасторъ, многое отрицая въ католицизмѣ, ненавидѣлъ въ немъ лишь его интернационализмъ. Для него этотъ интернационализмъ былъ явленіемъ исключительно политическимъ, какъ и интернационализмъ социаль-демократіи. Католикъ и социаль-демократъ представлялись ему одинаково безбожными измѣнниками Родины.

Этотъ протестантскій націонализмъ - явленіе совсѣмъ другого порядка, чѣмъ, напримѣръ, черносотенство иныхъ православныхъ священниковъ. Православные черносотенцы могли кричать: «бей жидовъ», но имъ никогда не пришло бы въ голову доказывать, что если бы Христосъ не былъ славяниномъ, то Россія не могла бы быть православной. Нѣмецкіе же расисты только потому и продолжаютъ

считать себя христіанами, что Іисусъ Христосъ былъ по ихъ мнѣнію голубоглазымъ арійцемъ.

Господство націоналистическихъ теченій въ довоенномъ протестантизмѣ оставило Германіи страшное наследіе: полную отчужденность отъ церкви пролетаріата и націоналистическую «религію» національ-соціалистовъ, выросшую частично внутри протестантской церкви.

Революція, многое измѣнившая въ Германіи, создала въ противовѣсъ старому нѣмецкому пастору-націоналисту новый типъ пастора-соціалиста. Но въ этомъ новомъ типѣ зачастую явно присутствуютъ старыя черты и старыя недостатки. Если въ душѣ придворнаго проповѣдника мѣсто церкви занимала родина, то въ душѣ социалистическаго пастора лѣваго толка мѣсто церкви занимаетъ организованный пролетаріатъ.

Сліяніе съ нимъ въ его страданіяхъ и борьбѣ является, по мнѣнію священнослужителей этой новой формациі, высшею религіозною задачею современности.

Конечно, содержаніе пролетарской вѣры (марксизмъ) и по ихъ мнѣнію очень далеко отъ христіанства, но вѣдь въ религіи важно не метафизическое содержаніе вѣры (Gehalt), а вѣра, какъ опредѣленное качество сознанія (Haltung): религія = религіозность. По своему же качеству коммунистическое сознаніе, конечно, религіознѣе социаль-демократическаго. Такъ расцерковленіе вѣры приводитъ нѣмецкаго пастора соціалиста къ ощущенію коммунизма, какъ единственно живой христіанской секты.

Конечно, это только очень грубая схема и психологически и теологически очень сложнаго пути.

Въ основѣ неопасторской психологіи лежитъ, какъ мнѣ кажется, съ одной стороны стыдъ за довоенный религіозный націонализмъ и жажда приспособить христіанство къ требованіямъ пролетарской аудиторіи, а съ другой — желаніе связать свою индивидуалистически безсильную и угасающую вѣру съ какимъ нибудь мощнымъ коллективнымъ движеніемъ. Съ одной стороны, значить, — желаніе христіанизации коммунизма, а съ другой — социализации христіанства. Сліяніе этихъ двухъ желаній въ одно ставитъ вопросъ объ общемъ знаменателѣ между христіанствомъ и коммунизмомъ, прежде всего большевизмомъ. Въ качествѣ такового и выдвигается общее обоимъ движеніямъ стремленіе къ непріятію и отрицанію всей ставшей лжи во имя становящейся истины, сгораніе души въ

огнь очищающемъ, взысканіе Града невидимаго, т. е. типичное для религіознаго совѣтофильства становленіе подъ знакъ вопроса (in Frage-Stellen) всѣхъ сказанныхъ и сказуемыхъ словъ міра во имя его несказуемаго смысла; сліянія мистики негативнаго богословія *) съ теоріей «перманентной революціи» Троцкаго **).

Своего парадоксальнаго заостренія эта теорія (не всегда высказываемая религіозными защитниками Москвы, но всегда присутствующая въ ихъ размышленіяхъ) достигаетъ въ мысли, что радикализмъ религіознаго отрицанія всѣхъ уже осуществленныхъ формъ культуры требуетъ своего распространенія и на обусловленную (какъ въ своемъ появленіи, такъ и въ своемъ развитіи) опредѣленными культурными моментами христіанскую форму религіи. Подлинная религіозность должна, такимъ образомъ, отрицать всѣ бытовыя формы исторически сложившагося христіанства. Отсюда только одинъ шагъ до религіознаго оправданія большевицкой борьбы противъ православной Церкви.

Интереснѣе всего то, что вся эта философія исторіи заищается радикальными протестантскими богословами, какъ единственно возможная въ социалистическомъ XX-мъ вѣкѣ защита Христіанства.

На поставленный мною однажды въ горячемъ спорѣ вопросъ, не сводима ли вся эта теорія къ утвержденію временности и преходящности связи между мистически-вѣчнымъ Христомъ и исторически-случайнымъ Иисусомъ, который въ данный моментъ уступаетъ свое мѣсто Ленину, мой собесѣдникъ положительнаго отвѣта не далъ: очевидно, мой выводъ показался ему уже слишкомъ парадоксальнымъ. Но продолженіе разговора показало мнѣ, что я былъ въ сущности правъ. Рѣчь зашла о напечатанной въ «Современныхъ Запискахъ» статьѣ В. Ф. Булгакова «Какъ умирали за вѣру». Я рассказалъ содержаніе и особенно подробно остановился на разстрѣлѣ красноармейцами крестьянъ, которые умирали съ молит-

*) Подъ негативнымъ Богословіемъ понимается систематическое ученіе, по которому Богъ можетъ быть охарактеризованъ исключительно только чрезъ отрицаніе всѣхъ возможныхъ о немъ высказываній

**) Религіозная несостоятельность этой концепціи очевидна. Для ея опроверженія достаточно просто указать на то, что смыслъ христіанства не только въ безконечности человѣческаго вопрошанія, но и въ окончательности Божьяго отвѣта на всѣ вопросы

вою за своихъ мучителей. И вотъ тутъ то все и выяснилось до конца. Съ большою искренностью, потрясенный разсказомъ мой собесѣдникъ высказалъ неожиданную для меня мысль, что живымъ религіознымъ чувствомъ были исполнены, по его мнѣнію, все-же красноармейцы, разстрѣливаемые же и молящіеся защищали своею смертью условныя формы мертвой религіозности: «демоническое», какъ онъ выразился, т. е. въ сущности идолопоклонческое православіе.

Дальше анализировать религіозную форму нѣмецкаго совѣтофильства не приходится. Все дальнѣйшее становится понятнымъ само собою. Живѣйшее сочувствіе совѣтской педагогикѣ (превращеніе Кости Рябцова въ положительный типъ, подобно которому нѣтъ во всей Европѣ), величайшій интересъ къ новой русской этикѣ (Коллонтай!), увлеченіе освободительной работой большевиковъ въ Индіи и Китаѣ, чувство своей духовной немощи передъ лицомъ религіознаго горѣнія большевизма, превращеніе Ленина въ великаго пророка будущаго и глубокое недовѣріе къ эмигрантскимъ мыслителямъ, видящимъ въ большевизмѣ не положительную религіозную силу, а великій русскій грѣхъ, — такова послѣдняя форма господствующаго въ Германіи совѣтофильства.

Какъ ни удручающе для насъ, русскихъ, все это сложное, умное, а отчасти даже и глубокомысленное непониманіе природы большевизма, въ этомъ непониманіи есть все же и нѣчто утѣшительное: очень большой интересъ къ Россіи. Мнѣ думается, что на почвѣ этого интереса и возможна и необходима упорная работа эмиграціи надъ выясненіемъ подлинной сущности всего происходящаго въ Россіи. Въ Германіи есть силы, на которыя въ этой работѣ можно опереться.

Николай Лугановъ.

Приближающіяся времена

Какъ то почти для всѣхъ неожиданно, замирная, по-видимому трезвая Европа оказалась подъ знакомъ безумія.

Мелодіи Локарно стали заглушаться диссонансами Рапалло.

И какъ бы знаменіемъ новыхъ наступающихъ временъ въ центрѣ Европы на мѣсто бисмаркова образа Штреземана изъ ничего поднялся муссолино-образный Гитлеръ.

Не задаваясь вопросомъ — кто кого породилъ, и что изъ чего вышло, нужно признать самый фактъ: годы провозглашеннаго Сталинымъ «великаго перелома» въ Россіи совпадаютъ съ таковыми же во всей Европѣ.

Въ Европѣ ли только? Кризисъ перепроизводства въ Америкѣ съ такой же наглядностью, какъ и кризисъ національнаго сознанія въ Индіи, свидѣтельствуетъ объ огромномъ напряженіи во всемъ мірѣ.

Но нигдѣ, кромѣ Европы, нѣтъ такой исключительной психологической заостренности въ событіяхъ. Только здѣсь съ такой жуткой наглядностью ощущается судьбоносность наступающихъ временъ.

Конечно, люди изо дня въ день крутящіеся въ колесѣ повседневной политики продолжаютъ идти по протореннымъ послѣ-военнымъ дорожкамъ, почти автоматически договаривая въ сегодняшней Женевѣ рѣчи, начатыя во вчерашнемъ Локарно.

Нѣкоторымъ стороннимъ наблюдателямъ европейскаго дипломатическаго дѣйства — весь торжественный конклавъ, учреждающій европейскую федерацію, представляется даже собраніемъ людей въ болѣзненной и опасной для окружающихъ степени потерявшихъ представленіе о живой дѣйствительности.

Другимъ, болѣе нервнымъ и склоннымъ къ паникѣ политикамъ, циничная Европа уже видится вся въ пламени

новой, на этот раз уже действительно послѣдней катастрофической, несущей конецъ всей цивилизаціи, войны.

И тутъ опять мы возвращаемся въ Москву, гдѣ вся правящая головка дѣйствуетъ, загнипнотизированная предсмертной фразой Ленина — «вамъ войны съ Европой не избѣжать».

Но вѣдь неизбѣгнутая война, значитъ съ коммунистической точки зрѣнія новая «переломная» тактика Сталина — оправданная и торжествующая.

Такъ ближайшія судьбы Россіи неразрывно вплетаются въ историческую драму, разыгрываемую другими актерами на близкой, но все-таки чужой намъ западно-европейской сценѣ.

Долженъ сказать, что до сихъ поръ ни въ какіе «апокалиптическіе признаки» въ Европѣ я не вѣрилъ, ихъ не видѣлъ. Мнѣ казалось, что конецъ войны есть тѣмъ самымъ и конецъ безумію, породившему и воцарившему у насъ ленинскую реакцію.

И действительно. Первый натискъ анархіи всюду въ Европѣ къ 1921 году былъ окончательно отбитъ, да, впрочемъ, нигдѣ и раньше смертельной опасностью не грозилъ. Россійская эпоха нэпа была только отраженіемъ той нарастающей хозяйственной и политической стабилизациі Европы, которая своей высшей точки достигла къ 1926-му году, ко времени локарнского сближенія Франціи съ Германіей.

Но что же случилось дальше? Почему не только Россія срывается въ пропасть пятилѣткі, но и индустриальная Европа захлебывается безработицей? Почему не только Россія захлебывается въ крови новаго неистоваго террора, но и въ Европѣ вздымаются волны гитлеровщины, а иногда и просто погромной черни? Почему длительные разговоры о разоруженіи привели до зубовъ вооруженную Европу только къ раздражающимъ мечтаніямъ о новыхъ военныхъ катастрофахъ?

Я не собираюсь изслѣдовать здѣсь со всѣмъ арсеналомъ цифръ и фактовъ происхождение и природу нимѣшняго европейскаго кризиса, лишь наиболѣе остро выражаю-

щаго общій переломный кризисъ, происходящій в нутри всей міровой хозяйственной системы.

Впрочемъ, самое выраженіе — кризисъ в нутри всей міровой хозяйственной системы — я употребляю условно, подразумѣвая подъ нимъ нѣчто болѣе широкое и глубокое: кризисъ психологической, духовно-душевной, сопутствующій рождению обновленнаго или во всякомъ случаѣ перерожденнаго міровой войной и ея социальными слѣдствіями типоваго человѣка.

Этотъ человѣкъ во всемъ подобенъ до-военному, но не сходенъ съ нимъ. Онъ переживаетъ по существу то же, но выражаетъ свои переживанія иначе. Сейчасъ нѣтъ до-военнаго рабочаго, но нѣтъ и классическаго узаконеннаго въ учебникахъ политической экономіи образца капиталиста. Въ революціи и въ реакціи, въ войнѣ и въ мирномъ строительствѣ, въ творчествѣ и просто въ обывательскомъ существованіи измѣнилось нѣчто коренное — ритмъ переживаній, скорость реакціи на внѣшнее впечатлѣніе.

Радио и кино такъ же «раціонализируютъ» духовно-душевную продукцію нынѣшняго типоваго человѣка, какъ конвейеръ — производство автомобилей.

Двойной раціонализаціи — соответствуетъ двойной кризисъ: производственно-хозяйственный и политико-психологическій. Революція въ техникахъ своимъ перепроизводствомъ (что можно трактовать только, какъ слѣдствіе недораспределенія) поставила остро вопросъ о коренной реформѣ всей хозяйственной системы. Плановность поставлена на очередь дня и въ «сверхъ-пролетарской» Москвѣ (утопично) и въ подлинно сверхъ-капиталистическомъ — Вашингтонѣ (научно). Вся суть нынѣшняго переломленнаго состоянія мірового хозяйства заключается въ борьбѣ между личнымъ и общественнымъ въ немъ началами.

Революція въ психикѣ — создаетъ потребность въ новыхъ формахъ общественно-государственной жизни, болѣе волевыхъ и болѣе цѣлеустремительныхъ. Слишкомъ подчиненный индивидуалистической анархіи аппаратъ государственнаго управления долженъ быть такъ же обобществленъ, какъ система хозяйства

**

Приступая къ погашенію хозяйственныхъ и политическихъ слѣдствій войны — революціи, учла ли Европа ту новую, матеріально-психологическую обстановку, въ которой ей пришлось дѣйствовать?

Можно съ совершенной увѣренностью отвѣтить: — не учла.

Въ особенности не учла Европа правящая, т. е. демократическая, ибо побѣдителями изъ войны, наиболѣе сохранившими свое хозяйство и психику вышли государства наиболѣе совершенно организованныя, какъ народо-властія.

И не показала ли тутъ побѣда свою оборотную сторону? Въдѣ именно вслѣдствіе своей совершенной побѣды

можетъ быть даже слишкомъ совершенной для безнадежно несовершенной человѣческой природы — побѣдившія демократіи стали съ особымъ рвеніемъ охранять довоенные устои, т. е. стали въ Европѣ — въ эпоху исключительно конструктивную — силой по преимуществу консервативной.

Особенно выразительна въ этомъ смыслѣ сейчасъ Франція, гдѣ въ 1930 году — случай исключительный во всей современности — государствомъ управляютъ тѣ-же самые люди, которые правили Франціей 25-30 лѣтъ тому назадъ: Пуанкарэ - Брианъ (съ прослойкой Тардье и Эррио) представляютъ изъ себя живое воспоминаніе о временахъ уже историческихъ, ибо сейчасъ человѣчество несомнѣнно вступило въ новый совсѣмъ циклъ своей исторіи.

**

Въ этомъ разрывѣ между духомъ врмени и психологіей демократій побѣдителей нынѣшняя трагедія Бриана. Своей чудесной интуиціей, онъ чувствуетъ, провидитъ основную цѣль внутренне-европейской международной политики: континентальное единство (Вспомнимъ: балканизированная въ Версалѣ Европа имѣетъ двадцать семь тарифно-таможенныхъ системъ и десять тысячъ километровъ новыхъ таможенныхъ границъ).

Роскошь внутреннихъ войнъ - междуусобій Европа мог-

ла разрѣшать себѣ въ ту законченную въ 1914 году главу исторіи, когда она была безспорнымъ гегемономъ, владыкой міра. Война оправдала во истину гениальное пророчество С. Ю. Витте. «если европейскія государства начнутъ между собой войну, они потеряютъ свое господство надъ всѣмъ міромъ и сама Европа превратится въ почтенную старушку, которую новое поколѣніе будетъ только почтительно уважать за прежнюю красоту».

Нынѣшніе вопли о «безсовѣстномъ» засидіи — финансовомъ и международномъ — Вашингтона являются лишь однимъ изъ признаковъ наступившей новѣйшей исторіи, въ которой западной Европѣ суждено быть лишь частью того новаго мірового цѣлага, центр тяжести котораго находится не въ Средиземно-атлантическомъ бассейнѣ, а на Тихо-океанскихъ просторахъ.

Повторяю: Брианъ правильно намѣтилъ коренную и неотложную задачу внутренне-международной политики Европы — континентальное объединеніе. Но, вмѣстѣ со всѣми демократіями побѣдительницами, онъ пытается разрѣшить эту задачу, во-первыхъ, пренебрегая совершенно русскимъ вопросомъ, а, во-вторыхъ, — и эта ошибка главнѣйшая — полагая въ основаніе европейской федераціи цѣль береженія, консервированія версальской Европы — Европы придуманной, и уже въ моментъ своего сочиненія несоответствующей распредѣленію реальныхъ силъ и въ Европѣ и во всемъ мірѣ.

Нельзя закрывать глаза: сталинизмъ, фашизмъ, гитлерство — все это въ значительной мѣрѣ неизбѣжныя слѣдствія неумѣнія (или нежеланія) демократической Европы построить свои внутренне-континентальныя, между-государственныя отношенія на началахъ справедливыхъ и исторически оправдываемыхъ. Я не буду здѣсь этого положенія, по моему и такъ достаточно очевиднаго, доказывать. Беру прямо результатъ десятилѣтнихъ попытокъ консервировать Европу въ случайныхъ, преходящихъ формахъ военнаго перемирія.

Вмѣсто европейской федераціи, о которой идутъ торжественные разговоры, въ дѣйствительности мы имѣемъ двѣ континентальныя группировки

— побѣдителей и побѣжденныхъ (хотя въ послѣднюю входятъ Италия и Россія). А потребность сначала Германія, а теперь и Италиі имѣть совѣтскій камень за пазухой создаетъ международную обстановку, которая искусственно длить большевистскую диктатуру надъ Россіей (со всѣми общеевропейскими отсюда слѣдствіями). Еще нелѣпѣе въ этой самоубійственной политикѣ Европы роль Польши Пилсудскаго, которая также усиленно занимается консервированіемъ, береженіемъ Сталина въ Кремлѣ, исходя изъ положенія: «для окончательнаго закрѣпленія версальской Европы необходимо продержатъ Россію двадцать лѣтъ въ параличѣ».

Нынѣшній параличъ самой Польши, вызванный и политическимъ безуміемъ правителя и хозяйственнымъ разваломъ (къ чему послѣднее время нужно еще прибавить острое анти-польское аграрное движеніе въ Галиціи), — показываетъ по крайней мѣрѣ одно: допуская польскую ставку на русскій параличъ, державы побѣдительницы и г-рали въ руку своимъ противникамъ.

**

Но и въ Германіи едва ли кто либо изъ отвѣтственныхъ государственныхъ дѣятелей въ восторгѣ сейчасъ бѣтъ побѣды на парламентскихъ выборахъ сталинскихъ и гитлеровскихъ соціальныхъ демагоговъ. Какъ бы ни была психологически вымуштрована и общественно слажена германская нація, народная психологія исподволь пропитывается ядовитыми испареніями московской «идеологии».

Въ основѣ успѣха гитлеровцевъ лежатъ два чувствованія — національнаго раздраженія и соціальнаго озлобленія. Именно это анти-капиталистическое чувство рѣзко отдѣляетъ германскій нынѣшній реваншизмъ (гитлерство) отъ соціально вполне «приличнаго» реваншизма французскаго — булапжизма. Теперь даже движеніе по первоначально поддержанное и подталкиваемое королями тяжелой индустріи, проникая въ народную толпу обязательно окрашивается въ «соціалистическіе» тона. Чувство національнаго раздраженія, уцербленнаго патріотизма, не первый разъ вызываетъ въ Германіи широкое народное возбужденіе. Но стоитъ только вспомнить за-

мѣчательное время послѣнаполеоновскихъ войнъ, идейно увѣнчанное патріотической лирикой Фихте, для того, чтобы понять въ какомъ выродившемся, извращенномъ видѣ патріотизмъ проявляется нынѣ въ движеніи люмпень-буржуазіи и люмпень-пролетариата Гитлера.

Но возможна ли была избирательная побѣда въ Германіи праваго большевизма, если бы германская и французская демократія, если бы — безъ различія побѣжденныхъ и побѣдителей -- вся европейская демократія во время разрѣшила задачу мирнаго устройства Европы на началахъ права и справедливости? Отвѣтъ ясенъ самъ собой, ибо самый гитлеровскій триумфъ случился только послѣ того, какъ уведомъ союзническихъ войскъ съ Рейна коротенькая локальная программа пересмотра Версальскаго договора оказалась исчерпанной и въ противовѣсъ большевистско-гитлеровской шовинистической агитаціи у социаль-демократическихъ и прочихъ республиканскихъ партій не оказалось никакихъ освободительныхъ лозунговъ, дающихъ выходъ патріотическому волевому напряженію. Борьба вокругъ репарацій и рейнской оккупации была суррогатомъ, подмѣной коренного пересмотра послѣвоенной структуры странъ. Разрѣшивъ двѣ эти задачи, побѣжденные и побѣдители оказались безъ практическихъ международныхъ перспективъ. Отсюда: демогагическая реакція, диктаторствующая надъ дипломатическимъ безволіемъ демократовъ.

**

Вотъ тутъ, пропуская нѣсколько звеньевъ въ ходѣ моихъ мыслей, я перехожу къ коренному и пугающему меня пороку нынѣшней демократической Европы.

Отбросимъ на минуту содержаніе сталинизма или фашизма (со всѣми ихъ видоизмѣненіями). Разсмотримъ только темпъ и ритмъ ихъ дѣйствія, ихъ эмоциональную окраску. Несомнѣнно тутъ мы найдемъ нѣчто весьма соответствующее всей психологіи новаго, порожденнаго войной-революціей типового человѣка. И большевизмъ, и фашизмъ, и гитлерство - - движенія волевые и цѣлестремительныя. Въ нихъ есть паѣось вѣры и энтузіазмъ творчества. Не важно сейчасъ для насъ, что вѣра ихъ изувѣрская; цѣль безцѣльная, т. е. недостижи-

мая и утопическая; творчество — разрушительное; воля извращенная. Важно то, что стремительность и напряженность диктаторскихъ движеній соотвѣтствуетъ повоенной психикѣ. А сама эта психика въ свою очередь приспособлена къ вихревому развитію современнаго техническаго, вещевого прогресса.

Гдѣ паюось, вѣра, воля, энтузіазмъ, цѣлеустремительность и стремительность у демократіи — политической или социальной?!. Ихъ нѣтъ. Изъ живого когда-то, волевого, боровшагося и побѣждавшаго движенія демократіи превратилась въ механику государственнаго управленія, въ распредѣлительный аппаратъ, подсчитывающій съ безразличіемъ настоящей машины голоса на выборахъ. Вѣдь весь смыслъ народовластія былъ въ утвержденіи въ государствѣ свободъ, въ защитѣ неприкосновенныхъ правъ человѣческой личности. Безъ утвержденія внѣ-сословной и надъ-классовой личности, какъ особой и неприкосновенной цѣнности въ государствѣ и вообще въ человѣческомъ общежитіи, — нѣтъ демократіи, нѣтъ народовластія!

А между тѣмъ вся исторія послѣ-военной Европы съ чрезмѣрной даже грубостью доказываетъ намъ, что демократическій аппаратъ государственнаго управленія существуетъ только по инерціи безъ одухотворяющей его волевой идеи неустанной борьбы (въ «міровомъ масштабѣ») за усовершенствованія государственнаго общежитія свободныхъ человѣческихъ личностей.

Демократія стала формальной въ самомъ обывательскомъ, плохомъ смыслѣ этого слова. Какъ чеховскій человѣкъ въ футлярѣ, она только регистрируетъ привычныя явленія жизни, совершенно безразлично относясь къ живому и всегда почти мучительному содержанію человѣческой жизни. Она утратила потребность въ прозелитизмѣ.

Можетъ быть я преувеличиваю? Не думаю. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, отношеніе даже рабочей демократіи къ большевистскому террору или сталинскому вымариванію населенія голодомъ. Только два настоящія движенія протеста за тринадцать лѣтъ можно отмѣтить въ Европѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ социалисты отстаивали съ большимъ подъемомъ смертниковъ социалистовъ-революціонеровъ. И въ прошломъ году съ еще большимъ энту-

зізмомъ вѣрующіе возставали противъ террора на религію въ СССР.

Ни разу международная демократія, какъ единое идейнос цѣлое не высказала своего отношенія къ здѣшнему ненавистнику всѣхъ основъ народовластія — большевизму. Ни разу и ни одинъ корифей западной науки, литературы, политики или искусства не повторилъ ни Гладстона, ни Жореса, ни Золя.

**

Безразличіе къ режиму террористической диктатуры въ Россіи еще можно объяснить западной гордыней: «въ странѣ варваровъ иначе, пожалуй, нельзя; у насъ ничего подобное невозможно».

Но вотъ нѣчто подобное начинаетъ просачиваться во всѣ щели стариннаго зданія европейской государственной культуры. Вѣдь если подойти со строгой мѣркой демократичности къ нынѣшнимъ западнымъ государствамъ, то настоящія-то, не «варварскія» народоправства здѣсь можно будетъ по пальцамъ перечесть. И получается странная картина: сторонники красныхъ и черныхъ диктатуръ на глазахъ у нейтральной демократіи, механически подсчитывающей избирательные голоса, открыто и откровенно борются за ея наслѣдство, за власть въ государствѣ.

**

Только что давая показанія въ Верховномъ Судѣ въ Лейпцигѣ, Гитлеръ, дословно повторяя формулу Ленина, заявилъ: демократическая машина управленія есть только средство достиженія любыхъ политическихъ цѣлей; я пользуюсь всѣми конституціонными средствами для уничтоженія демократической конституціи и введенія диктатуры.

Уже не въ военное время въ «дикой» Россіи, а среди полнаго міра въ самомъ центрѣ культурнѣйшей Европы передъ всѣмъ міромъ поставленъ коренной вопросъ: что же на самомъ дѣлѣ народовластіе есть только счетная машина или великая го-

сударственно-культурная цѣнность, существованіе которой неприкосновенно и ни отъ какихъ голосованій не зависитъ?!

Отъ того или другого отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ все будущее государственной культуры, культуры вообще.

Совершенно очевидно: содержаніе народовластія заключается не въ той или иной конституціи, не въ той или иной формѣ народнаго голосованія, не въ той или иной системѣ законодательства, не въ томъ или иномъ объемѣ правъ исполнительной власти, а въ самомъ принципѣ управленія государствомъ волей свободнаго народа и во имя свободнаго человѣка.

Исторически современные народоправства возникли въ борьбѣ съ наследственной единоличной властью. Ихъ конституціи отлично обезпечиваютъ народъ отъ государственныхъ переворотовъ сверху. Но сами то конституціи совершенно беззащитны отъ проникновенія въ самыя нѣдра демократической государственной машины анти-конституціонныхъ, отрицающихъ самое народовластіе партій.

Очевидно въ соответствии съ нынѣшнимъ распределеніемъ друзей и враговъ народовластія, въ демократической системѣ управленія должны быть сдѣланы коренныя измѣненія, устраняющія возможность «использованія» демократическаго аппарата для уничтоженія демократіи.

**

Послѣднее замѣчаніе мимоходомъ, такъ какъ я не пишу сейчасъ какъ, а только что. Я хочу только бѣгло намѣтить, какія явленія послѣвоенной жизни повертываютъ Европу съ путей мирной, прилично-мѣщанской эволюціи и толкаютъ ее навстрѣчу какому-то новымъ временамъ, приближающимся среди общаго смущенія и смятенія.

Все до сихъ поръ мною мелькомъ и неполно отмѣченное свидѣтельствуетъ объ одной характерной особенноти нынѣшняго политическаго мышленія — это мышленіе чрезвычайно отстаеетъ отъ развивающихся событий, не улавливая во-время ихъ смысла и направленія. Я

имѣю въ виду, конечно, не мысли и прозрѣнія отдѣльныхъ людей, а ту коллективную мысль, которая вырабатывается въ политическихъ партіяхъ, профессиональныхъ организаціяхъ, въ учрежденіяхъ, руководящихъ промышленностью и финансами въ отдѣльныхъ странахъ и цѣлыхъ континентахъ. Классическимъ тому примѣромъ можетъ служить Лига Націй со всей ея сложной механикой всяческихъ собраній, совѣтовъ, съѣздовъ, комиссій, комитетовъ и т. д. Здѣсь государственные дѣятели, политики и финансисты самой отборной категоріи, собранные со всѣхъ концовъ свѣта, годами, но почти безъ всякаго результата, говорятъ о самыхъ острыхъ задачахъ современности, чувствуя всю срочность какихъ-то рѣшеній и не имѣя силъ ихъ найти или предложить. То же самое безсиліе встать вровень съ поставленными современностью задачами, проникнуться духомъ времени можно видѣть и въ дѣятельности — идеологической и практической — всѣхъ европейскихъ политическихъ партій, историческая задача коихъ противоборствовать напирющему съ обоихъ крайнихъ крыльевъ демагогическому безумію.

Партіи соціального консерватизма, во имя ненависти къ соціальной демократіи питающія и подстрекающія къ дѣйствию разнаго рода фашистовъ и гитлеровцевъ, проявляютъ еще меньше политическаго смысла и историческаго чутья, чѣмъ социалисты, неспособные идейно и практически въ понятныхъ для народныхъ низовъ формахъ отгородиться непроницаемой стѣной отъ большевизма и сродныхъ ему видовъ демагогической и соціальной реакціи.

* * *

Не останавливаясь опять-таки на конкретныхъ примѣрахъ, которые у всѣхъ на глазахъ, можно совершенно увѣренно утверждать, что сейчасъ вся политическая Европа — буржуазная и пролетарская, консервативная и радикальная — не признающая диктатуры меньшинства, какъ единоспасающей и предопредѣленной формы государственнаго строя находится въ состояніи оброну, при чемъ часто даже пассивной, нейтрально наблюдая борьбу за власть новыхъ «героевъ» обывательской толпы и не знавшей довоеннаго быта молодежи.

До вчерашняго дня лучшій примѣръ такого без-

воля (абулія) традиційної демократії можна було на-
блюдувати в Польщі, де вся хорошо організована і
зріла політична нація — від ендековъ Ро-
мана Дмовського до П. П. С. Дашинського — була безсил-
ною іграшкою в руках явно більшого «героя», правя-
щего країною наперекоръ всякій політичній логіці і
сильного тільки творимою о немъ легендою. Сьогодні ми
присутствуємо при народженні «культу героя» в самій
Германії, де вся привична механіка партійних взаимо-
отношеній в строго-парламентарному державстві чімъ
то паралізована. Політичний хаос — в країні исклю-
чительної громадської дисципліни! І навіть в Англії,
де консервативне і робоче правління однаково
безсилі передъ все наростаючою безробітною, навіть
в Англії, в країні класического і ґрунтового, корен-
ного народоуладія, роздался в печати, правда єдинич-
ний, озорний, но весьма вліятельний голос, взыскующій
«сильного чоловіка» для спасенія гордыхъ своєю свобо-
дою бриттовъ.

**

Очень легко этот паралич формальной демократии,
эту идейно-политическую выхолощенность традиционной
политической западной культуры, — очень легко все это
объяснить наступившей послѣ войны реакціей, «капитали-
стической реакціей». Но вѣдь классическая реакція правя-
щихъ верховъ всегда выражалась в подавленности, в
бездѣйствіи, в уныніи народныхъ массъ. Классическая
реакція правління всегда выражалась в совершен-
номъ исчезновеніи со сцены жизни буйствующаго Ахе-
ронта.

Теперь же — послѣ войны, послѣ совершеннаго ею со-
ціального перепластованія движенія даже дѣй-
ствительно замышленныя на капиталистическихъ верхахъ,
обязательно (что я уже подчеркивалъ выше), и, какъ бы,
законообразно превращаются в волевые
движенія массъ, втягивая в свой водоворотъ сот-
ни и сотни тысячъ самыхъ доподлинныхъ пролетаріевъ

Война не только начала собой новый циклъ исторіи
міровою, а не европейскою. Она кореннымъ образомъ
видоизмѣнила и соціальную географію: сдѣлала ответ-
ственнымъ дѣйствующимъ лицомъ исторіи четвертое

сословіе — самое младшее сословіе труда. Перерожденной войной хозяйственной системъ — соответствуетъ и перерожденный ею социальный составъ хозяйствующаго человечества.

Новую структуру послѣвоеннаго общества впервые, если не осознала (что было тогда слишкомъ рано), то ярко почувствовала Россія въ семнадцатомъ году; почувствовала съ самаго начала революціи, задолго до октября выдвинувъ на первое мѣсто идею общественнаго хозяйства, поставивъ на первый планъ въ іерархіи социальныхъ цѣнностей — трудъ.

Ленинъ совершилъ контръ-революцію уже въ этихъ новыхъ по-революционныхъ социальныхъ рамкахъ. И поэтому онъ положилъ начало новаго типа реакціи: реакціи низовой, пролетарской, окрашенной социальнo въ ультра-красные цвѣта.

Этотъ массовый, охлократическій характеръ вслѣдъ за Россіей носятъ по всей Европѣ, какъ коммунистическое, такъ и всѣ національ-фашистскія движенія. Характеризуя такую своеобразную низовую реакцію, можно говорить о чемъ угодно; нельзя только ставить знакъ равенства между нею и капитализмомъ; нельзя только не видѣть чрезвычайной практической активности и волевой напряженности, которую сейчасъ въ првосходной степени проявляютъ толпы, захваченныя диктаторіальными движеніями, несмотря на военное истощеніе (а, можетъ быть, именно благодаря новымъ душевнымъ ритмамъ, къ которымъ приучила людей война. Вообще, стремленіе весь военный опытъ, какъ досадное недоразумѣніе» исключить изъ строительныхъ матеріаловъ новаго общества, не есть ли величайшая слѣпота передовой — и, въ особенности, социальной демократіи?!).

**

...Такимъ образомъ, пребываніе всей демократіи въ нѣкоемъ идейномъ и волевомъ параличѣ никакъ нельзя объяснить успокоительной и усыпительной ссылкой на «безвременье капиталистической реакціи». Если гдѣ-то въ глубокихъ кулисахъ за Муссолини или Гитлеромъ и притаились нѣкія «акулы» капитализма, то онѣ совершенно затерты въ разливающимся моряхъ диктатуры мелкой, но мно-

гомиллiонной рыбешкой. Почему же вся эта плотва стадами плыветъ за «хищниками изъ враждебнаго класса»?

Очевидно, между идеологами и практическими вождами обыкновенной и социальной демократiи съ одной стороны и новымъ послѣ-военнымъ типовымъ человѣкомъ — съ другой совсѣмъ нѣтъ како-то душевно-духовной смычки или она, во всякомъ случаѣ, крайне слаба и непрочна.

Почему? Мнѣ довольно часто и довольно много приходилось говорить съ тѣми весьма культурными, даже рафинированными, европейцами и американцами, которые изъ снобизма увлекаются большевизмомъ, даже сталинизмомъ.

Въ нѣкоторой степени они напоминаютъ нашихъ смѣловѣховцевъ перваго — да, пожалуй, и единственно стоившаго вниманiя — призыва. Но, теоретическое смѣловѣховство западныхъ людей психологически естественнѣе и понятнѣе, такъ какъ на политическую рѣдку и социальный квасъ ленинизма они бросаются, пресыщенные своей подлинно- и высоко-капиталистической культурой, отравленные ея извращенiями.

Большевиствующiе салонные говоруны передаютъ, конечно, въ преувеличенномъ, нѣсколько карикатурномъ видѣ, настроенiя характерныя вообще для всей западной - европейской и американской — литературной и гезитической интеллигенци.

Какъ это ни странно, но у интеллигентскихъ верховъ культурнѣйшей Европы есть нѣчто общее съ большевистскими низами «варварской» Россii: первые уже не чувствуютъ великаго блага слишкомъ привычной и издѣвлившей Свободы, вторые еще не ощущаютъ смысла свободы, къ которой не могли привыкнуть, такъ какъ нигде ея не имѣли.

И когда современные вожди демократiи по долгу, такъ такъ сказать, службы, защищаютъ основу народовластiя, неприкосновенную свободу человѣческой личности, отъ натиска диктаторщиковъ, поклонниковъ волевого меньшинства - ихъ слушатели изъ массы, изъ толпы ясно ощущаютъ — простой низовой человѣкъ очень остро чувствуетъ всякую фальшь — ясно ощущаютъ, что свобода и всѣ прочiя цѣнности демократiи у нихъ на кончикѣ языка, но не въ глубинѣ сердца. А

сколько имѣется сейчасъ въ Европѣ «демократическихъ» дѣятелей, которые если и способны еще кое-какъ защищать передъ толпой основы народовластія, то только, какъ основы режима «въ наибольшей степени соотвѣтствующаго классовымъ интересамъ пролетаріата»?!

Ну, а если пролетаріатъ безъ всякой демократіи можетъ стать господствующимъ въ государствѣ — то значить къ чорту всѣ эти «слонявые буржуазные пережитки»? — у нынѣшней обездушенной, механизированной, превращенной въ счетную избирательную машину демократіи нѣтъ на этотъ соблазнительный вопросъ убѣдительнаго, волевого, покоряющаго противника отвѣта.

Но если демократія только удобная машина для классовыхъ завоеваній, то споръ демократовъ съ диктаторщиками споръ только о цѣлесообразности. Тутъ послѣ-военная хозяйственная обстановка даетъ новые аргументы въ руки противниковъ народовластія. Плановность національнаго хозяйства требуетъ единаго плана. Единый планъ — единой воли. Такая воля не можетъ сосредоточиться въ формально всесильномъ, а фактически совершенно безсильномъ много-партийномъ парламентѣ. Ленинъ, — съ восхищеніемъ говорятъ большевистствующіе западные интеллигенты, — первый понялъ, что съ концомъ системы индивидуальнаго капиталистическаго хозяйства неизбежно наступаетъ ликвидація индивидуалистическаго парламентаризма, т. е. государственнаго строя, гдѣ и народное хозяйство и само государство приносятся въ жертву партийной борьбѣ частныхъ интересовъ.

На самомъ дѣлѣ, Ленинъ, какъ извѣстно, и народное хозяйство и государство подчинилъ интересамъ партіи, а партію сдѣлалъ орудіемъ господства комитетской олигархіи. Однако, «ошибка» въ исполненіи не нарушаетъ правильности основнаго задания: сосредоточенія всей государственной власти въ единомъ волевомъ центрѣ.

Ошибка Ленина исправилъ Муссолини. Аппаратъ диктатуры онъ оставилъ, только на мѣсто «волящей» идеи класса поставлена болѣе широкая, болѣе плодотворная — идея Государства.

Между молотомъ и наковальней двухъ диктатуръ — большевизма и фашизма — лежитъ обезволенная демократія. Случайность ли это? И можетъ ли кошмаръ диктатуръ исчезнуть изъ политическаго сознанія и государственнаго обихода культурнаго человѣчества, самъ собой, безъ волевого напряжения здоровыхъ творческихъ, — социальныхъ и государственныхъ — силъ?

Убѣжденъ, что нѣтъ. Ибо нужно признать: идеологи диктатуры поняли, что война положила конецъ существованію, какъ стараго нейтральнаго въ борьбѣ партійныхъ интересовъ государства, такъ и всей хозяйственной міровой системы, построенной на неограниченной и случайной игрѣ интересовъ частныхъ.

Въ этомъ заключается созвучіе диктатуръ съ духомъ новаго времени. И тутъ же раскрывается намъ тайна тяги къ нимъ новаго, рожденнаго войной типоваго человѣка.

Однако, несмотря на такую двойную смычку идеи диктатуры съ современностью — эта идея въ своемъ осуществленіи несетъ культурному міру не спасеніе и возрожденіе, а разрушеніе и смерть.

По своему анти-государственному прошлому, Ленинъ всю свою волевою энергію сосредоточилъ на проблемѣ хозяйства. Онъ поставилъ передъ міромъ вопросъ: возможно ли голымъ насиліемъ надъ человѣкомъ, возвратившись къ крѣпостничеству, превратить хозяйство индивидуалистическое въ хозяйство обобществленное (соціалистическое)?

Сталинъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ съ исчерпывающей убѣдительностью: нѣтъ, невозможно.

На мѣсто хозяйства получается хозяйственный погромъ. А сверхъ-государственная «классовая» диктатура, сбрасывающая со счетовъ живую личность человѣка, превращается въ перманентную, непрерывную гражданскую войну, разрушающую классовую базу самой диктатуры.

Муссолини поставилъ другой вопросъ: возможно ли всѣ социальные немощи и хозяйственныя неурядицы преодолѣть насильственнымъ уничтоженіемъ всѣхъ

классовыхъ противорѣчій, абсолютнымъ всемогуществомъ государства, экспроприрующаго всѣ политическія права гражданъ въ распоряженіе единого выразителя народной воли — «вождя».

Окончательнаго отвѣта на заданный Муссолини вопросъ еще нѣтъ. Но уже ясно — и гитлеровщина это еще разъ подтверждаетъ — что тамъ, гдѣ большевизмъ разлагаетъ войной гражданскою, тамъ фашизмъ — и всякій освобожденный отъ всѣхъ демократическихъ путей сверхъ-национализмъ — грозитъ войной внѣшней.

Получается нѣкоторый обманъ зрѣнія, или скорѣе ощущенія. Сейчасъ демократической Европѣ гитлеро-фашизмъ представляется опасностью самой острой, ибо эта опасность поблескиваетъ штыками у чужихъ границъ. А между тѣмъ, незамѣтная при дневномъ свѣтѣ подрывная работа большевизма неустанно разлагаетъ самые устои современной демократической государственности, пропитываетъ ядомъ социальной ненависти самые почвенные социальные слои.

Итакъ, самый опытъ диктатуръ свидѣтельствуетъ, что отъ нихъ міру спасеніе не придетъ. Однако, какъ это доказываетъ попятившаяся вспять къ предъвоеннымъ тревогамъ Европа, само собой безъ напряженія творческой воли ничто не наладится, не выправится. Разрушительный наѣсъ идеологовъ диктатуры притянетъ культурное человѣчество къ новой, и на этотъ разъ почти навѣрняка непоправимой, катастрофѣ.

Тревога, которая овладѣваетъ все больше Европой, будетъ спасительна въ томъ случаѣ, если вернетъ демократіи способность къ творчеству, волю къ дѣйствию.

Народовластіе, — сочетающее интересы государственнаго блага съ социальными потребностями составляющихъ его классовъ и съ неприкосновенными правами Человѣческой Личности, — должно быть заново утверждено въ сознаніи и въ волѣ новаго, рожденнаго войной чловѣка.

Но побѣдить силы распада демократія можетъ только — преобразенная, созвучная духу времени, со-

гласованная въ своей практикѣ съ потребностями новаго человѣка, новаго хозяйства и новаго государства.

Воля и вѣра — темпъ и ритмъ!

Бодрствующимъ сроки еще даны, но — краткіе!

Сейчасъ всей Европѣ слѣдовало бы вчитаться въ удивительныя строчки гениальнаго Тютчева, во-время непрочитанныя Россіей. — «Меня удивляетъ одно въ людяхъ мыслящихъ, что они еще недовольно вообще поражены апокалипсическими признаками приближающихся временъ. Этотъ таинственный міръ, быть можетъ цѣлый міръ ужаса, въ которомъ мы в д р у г ъ о ч у т и м с я, даже и не примѣтивъ этого перехода».

А. Керенскій.

28/29 сент. 1930.

Памяти И. Е. Рѣпина

Во времена дѣтства, а мое раннее дѣтство протекало въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, для насъ, дѣтей, все было точно и незыблемо поставлено на свои опредѣленныя мѣста. Въ младенчествѣ мы знали, что царь звѣрей — левъ, а царь птицъ — орелъ; нѣсколькими же годами позже мы такъ же твердо знали, что лучшая картина въ мірѣ — Сикстинская Мадонна, что первый изъ русскихъ поэтовъ — Пушкинъ, изъ композиторовъ — Глинка, а изъ современныхъ намъ художниковъ — Рѣпинъ.

Нынѣшнія дѣти не знаютъ той священной и великой радости, какую мы въ тѣ далекія времена получали отъ рѣдкихъ зрѣлищъ, но которыя зато навсегда запечатлѣвались въ нашихъ юныхъ душахъ.

Тогда, когда по вечерамъ вдоль длинныхъ улицъ Петербурга загоралась колеблющаяся линія мигающихъ газовыхъ фонарныхъ огоньковъ, не свѣтились еще разноцвѣтныя огненные вывѣски безчисленныхъ кинематографовъ, куда теперь можно ходить такъ легко, часто и дешево и такъ быстро забывать то, что тамъ показано.

Къ поѣздкѣ въ святилище Маріинскаго театра готовились задолго, какъ къ великому событію, и это бывалъ всегда великій и незабываемый день.

То же самое бывало и съ паломничествомъ на выставки.

Я росъ въ интеллигентной семьѣ съ либеральнымъ отѣтникомъ. Съ великимъ интересомъ ожидалась всегда Предвижная выставка: что-то она дастъ въ этомъ году? Къ другой, къ Академической выставкѣ, отношеніе было иное; не было ни предвкушенія ея, ни той любви.

Конечно, я заражался этимъ ожиданіемъ отъ взрослыхъ, но и самъ я шелъ туда, какъ въ какое-то необыкновенное и особенное мѣсто, гдѣ настежь раскрывались двери души, и то, что тамъ было видѣно, уже не забывалось.

И вотъ, сейчасъ, такъ далеко отъ того времени и отъ тѣхъ мѣстъ, нельзя безъ благодарности не вспомнить давно минувшихъ Передвижныхъ, про которыя можно сказать, что это были тогда наши выставки, въ которыхъ мы жили, которыхъ мы ждали и вѣрили которымъ безпредѣльно. Всѣ имена художниковъ намъ были хорошо извѣстны, какъ деревья своего собственнаго сада.

Мы твердо знали, у кого искать лѣсную глушь, у кого — море, у кого — внутренность избы и ребятъ съ хворостиной. Да, мы знали ихъ всѣхъ, нашихъ кудесниковъ, но главнымъ кудесникомъ, первымъ богатыремъ былъ все-же, конечно, Рѣпинъ, высшее существо, выжегшее каленымъ желѣзомъ, своимъ Иваномъ Грознымъ, неизгладимый слѣдъ на всю жизнь.

Таковъ былъ миѳическій Рѣпинъ моего дѣтства, хоть и не Муромецъ, но тоже Илья.

Потекли гимназическіе годы, а за ними и университетъ. Насколько я себя помню, я рисовалъ всегда. Въ концѣ своего гимназическаго періода и въ первые годы университета я посѣщалъ рисовальную школу Прошрениа Художествъ. Уже студентомъ я сталъ ученикомъ покойнаго Я. Ф. Цюнглинскаго, съ которымъ послѣ я сталъ коллегой преподавателемъ въ той-же школѣ.

Это былъ прекрасный учитель, гордо и бурно входившій въ классъ и проловѣдывавшій рыцарское преклоненіе передъ Прекрасной Дамой — святымъ искусствомъ.

Всѣ мы, тѣ, кто у него учились, помнимъ его пламенные афоризмы.

— «Кричите, свистите и рычите отъ восторга къ искусству!»

Или:

— «Помните, что художникъ не долженъ быть ни лакемъ, ни обезьяной!»

Но, кромѣ этихъ искромечущихъ заклинаній, Цюнглинскій давалъ еще цѣлый рядъ очень мѣткихъ и чрезвычайно вѣрныхъ и цѣнныхъ чисто техническихъ формулировокъ, открывавшихъ у учениковъ еще недостаточно художественно зрячіе глаза.

Я заговорилъ здѣсь о Цюнглинскомъ, чтобы сравнить моего перваго учителя съ моимъ вторымъ, — И. Е. Рѣпинымъ.

Въ 1898 г. я провель лѣто въ Мюнхенѣ. Тамъ, работая въ одной частной художественной мастерской, я впервые

хлебнулъ вольнаго духа заграничныхъ мастерскихъ, заразился Штукко- и Беклино-маніей и, совершенно опьянѣвъ отъ новой жизни, уныло вернулся осенью въ Питеръ.

И вдругъ, я случайно узналъ, что у княгини М. К. Тенишевой въ ея домѣ на Галерной улицѣ имѣется такая вольная художественная мастерская, а руководить ею не кто иной, какъ самъ И. Е. Рѣпинъ. Я туда и поступилъ.

Въ общемъ, я проработалъ съ живой природы подъ руководствомъ И. Е. Рѣпина около шести или семи лѣтъ, сперва въ Тенишевской мастерской, а потомъ вольнослушателемъ въ его мастерской въ Академіи Художествъ.

Это былъ другого рода учитель, чѣмъ Цюнглинскій. Такъ же горя тѣмъ-же священнымъ огнемъ, онъ не извергалъ его, какъ огнедышащій вулканъ. Въ мастерскую входилъ тихо, и все-же вся мастерская чувствовала, что Рѣпинъ пришелъ.

Всѣ, кто знали его, помнятъ его такой характерный и незабываемый негромкій, низкій и какой-то слегка сгущенный голосъ, когда онъ говорилъ, склонивъ нѣсколько на бокъ голову. Когда смотришь на снимки, сдѣланные съ него въ послѣдніе годы, узнаешь все тѣ-же рѣпинскіе глаза, причѣмъ одинъ — со слегка нависшимъ вѣкомъ и потому болѣе узкій, чѣмъ другой, и, смотря, вспоминаешь то далекое прошлое и невольно совершенно отчетливо слышишь тѣмбръ его голоса.

Ученикъ въ любой отрасли проникается особымъ уваженіемъ къ своему учителю, когда видитъ, что тотъ не только вѣрно говоритъ, но и на дѣлѣ можетъ безъ промаха показать то, чему онъ учитъ. Есть учителя, которые предпочитаютъ говорить и не брать изъ рукъ ученика карандаша или кисти, но ученикъ всегда это великолѣпно чувствуетъ и понимаетъ.

Я помню одинъ такой случай со мною въ академической мастерской Рѣпина. Я сугубо трудился съ углемъ въ рукахъ надъ какимъ-то очереднымъ Антономъ, и что-то съ этимъ самымъ Антономъ не клеилось, не стоялъ онъ какъ-то, валился; вообще, что-то было сильно навропу.

Проходитъ Рѣпинъ. Теперь, когда со времени этого эпизода прошло такъ безконечно много времени, воспоминаніе это приняло для меня легендарный оттѣнокъ, и, напримѣръ, сейчасъ мнѣ кажется, что Рѣпинъ даже и не останавливался, а такъ, на ходу, ткнулъ куда-то въ мой рисунокъ большимъ пальцемъ, мазнулъ по углю среднимъ,

а потомъ огрызкомъ угля сдѣлалъ два или три рѣзкихъ удара, и мой Антонъ былъ спасенъ. Во всякомъ случаѣ, это было сдѣлано мгновенно, съ налета и молча.

И это былъ Рѣпинъ.

У меня нѣтъ воспоминаній объ И. Е. Рѣпинѣ, когда онъ, уйдя отъ шума столицы, обосновался въ своихъ Пенатахъ.

Произошло это оттого, что я, хотя и ученикъ его, не былъ, тѣмъ не менѣе, его ученикомъ въ апостольскомъ смыслѣ слова. Я не сталъ «рѣпинцемъ», продѣлавъ весь свой художественный путь подъ флагомъ «Міра Искусства».

Въ тѣ далекія времена, въ первые годы журнала и кружка «Міръ Искусства», шла великая художественная война, вѣрнѣе, — революція и переоцѣнка цѣнностей. Правда, я не стоялъ въ числѣ лицъ, управлявшихъ кормиломъ корабля новыхъ вѣяній, но все-же всѣ мои симпатіи были на сторонѣ лагеря «Міра Искусства».

Это не мѣшало мнѣ позже, когда я изрѣдка и случайно встрѣчался съ И. Е. Рѣпинымъ, имѣть съ нимъ самыя сердечныя бесѣды.

Тогда-же полемика шла изрядная, ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было большое. Ту атаку, которую въ 1863 году повели противъ устарѣлаго молодые передвижники, повели теперь, на рубежѣ прошлаго и текущаго вѣка, мѣри-искусники. «Разстрѣливались» художники стараго лагеря цѣлыми шеренгами. Правда, черезъ нѣсколько лѣтъ многіе изъ разстрѣлянныхъ получили снова право на жизнь, и это милостивое разрѣшеніе было выдаваемо съ обѣихъ сторонъ.

Теперь мы стоимъ передъ могилой великаго русскаго художника.

Въ Пенатахъ, въ Куоккалѣ, въ Финляндіи жилъ до послѣднихъ дней старый знаменитый художникъ, левъ на покоѣ. До послѣдней своей минуты онъ жилъ, неустанно работая, въ своей стихіи и, даже уже въ агоніи, шевелилъ руками, будто пишетъ.

Вотъ, наступилъ моментъ смерти, и это уже больше не 86-лѣтній старикъ, а весь Рѣпинъ, Рѣпинъ всѣхъ его возрастовъ, творецъ всего того, что онъ сдѣлалъ за свою долгую плодотворную жизнь. Отошелъ художникъ,

создавшій «Бурлаковъ», «Царевну Софью», «Крестный ходъ», «Арестъ въ деревнѣ», «Не ждали», «Ивана Грознаго», «Запорожцевъ», «Св. Николая Чудотворца», «Торжественное Засѣданіе Государственного Совѣта» и еще очень много картинъ большихъ и малыхъ, громадное число знаменитыхъ портретовъ и безчисленное количество рисунковъ и набросковъ.

Въ Рѣпинѣ время его мощи, въ этомъ могучемъ обломкѣ цѣлой эпохи русской жизни и русской культуры, окристаллизовалось все то, что онъ видѣлъ, и что, вмѣстѣ съ нимъ, видѣли, думали и чувствовали окружавшіе его лучшіе русскіе люди, чистые духомъ. Недаромъ онъ такъ часто и много писалъ и рисовалъ другого русскаго богатыря, такъ на него похожаго, Льва Толстого.

Бываютъ художественныя группы, грозди цвѣтовъ, гдѣ каждый отдѣльный художникъ является отдѣльнымъ цвѣткомъ, но, чтобы имѣть представленіе обо всей грозди, надо взять всю совокупность. Бываютъ и отдѣльные крупные цвѣтки, говорящіе сами о себѣ, и такимъ цвѣткомъ былъ Рѣпинъ.

Много у Рѣпина было славныхъ товарищей, но если взять его и одного, то онъ и одинъ съ избыткомъ отобразитъ въ себѣ всю свою эпоху прошлаго вѣка, начиная съ семидесятыхъ годовъ.

Много мыслей всплываетъ въ связи съ этой кончиной; и многіе изъ насъ, нѣкогда молодыхъ, такъ рьяно нападавшихъ въ свое время на лагерь уже пожилыхъ Передвижниковъ, не стоимъ ли мы теперь ближе къ тому лагерю, чѣмъ ко всему этому новорожденному и подчасъ для насъ чуждому и абсурдному, что насъ окружаетъ и клеймитъ? Мы убѣжденно и безъ компромиссовъ продолжаемъ считать себя правыми, но только сами замѣчаемъ съ удивленіемъ, что дула нашихъ орудій оказались обращенными въ диаметрально-противоположную сторону, чѣмъ прежде. Тогда Рѣпинъ и другіе художники «того» лагеря обвинялись, между прочимъ, въ приверженности къ литературщинѣ и фабулѣ. Но вѣдь и ихъ художественные оппоненты работали тоже въ литературѣ и фабулѣ, но только въ другой. Необходимо какое-то вмѣстилище, какой-то сосудъ, куда вливается художественный замыселъ. Важно не во что, а что вливается. Да, наконецъ, заставьте средняго школьника добросовѣстно и полно изложить

своими словами «Братьевъ Карамазовыхъ». Получится сложнѣйшій нынѣшній детективный романъ.

Рѣпинъ выбиралъ свою фабулу по своему вкусу. Это — его дѣло. Литература его написана ясной реальной прозой. Такіе сосуды ему нравились для вина, которое онъ туда вливалъ; а вливалъ онъ вино свое, крѣпкое.

Другимъ художникамъ нравились фабулы въ духѣ сказаній, прабабушкиныхъ романсовъ, стиховъ изъ старыхъ альбомовъ, старинныхъ сонетовъ и мадригаловъ. Разсказъ, быть можетъ, и тенденціозный о рабскомъ трудѣ бурлаковъ есть литература, но и изящная бездѣлушка XVIII в. о какомъ-нибудь поцѣлуѣ маркизы есть тоже литература. Рѣпинъ былъ тѣмъ рѣдкимъ мастеромъ своего дѣла, который такъ же просто, какъ люди думаютъ и разговариваютъ, между собою, думалъ и разговаривалъ формой и рисункомъ. Такъ же, не запинаясь, мыслилъ въ свое время рисункомъ и формой другой великій художникъ Александръ Ивановъ.

Трудно и преждевременно подводить сейчасъ итоги художественной дѣятельности Рѣпина.

Должно разсѣяться воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ; должно отлетѣть многое узко-жизнейское; должны отойти, не толпиться и не загоразживать собою созерцаемаго живые современники; должна въ свое время мѣрно прийти Исторія и въ своемъ, уже не житейскомъ, а миѳическомъ облаченіи явить передъ людьми жившаго прежде героя.

И тогда Рѣпинъ займетъ подобающее ему мѣсто въ Русскомъ Пантеонѣ.

И. Билибинъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Рабочій классъ въ СССР.

(Опытъ характеристики настроеній).

Дать точную характеристику настроеній современного русскаго рабочаго класса въ цѣломъ почти невозможно. Слишкомъ сложна общая обстановка, слишкомъ далеко зашла дифференціація отдѣльныхъ группъ промышленнаго пролетаріата, и, самое главное, еще не закончился процессъ формирования класса; очень большія трансформации происходятъ въ немъ въ короткіе сроки и еще въ большей степени будутъ происходить въ ближайшіе годы.

Въ сущности говоря, въ настоящій моментъ совѣтская Россія переживаетъ переломный моментъ. Престнн формы хозяйственныхъ и социальныхъ отношеній сломаны, новая же структура только намѣчена, но еще не установлена. Вся жизнь государства, во всѣхъ ея проявленіяхъ находится въ періодѣ реконструкціи, въ періодѣ созданія новаго строя и новыхъ методовъ дѣйствій. Поэтому анализъ существующаго положенія и настроеній массъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ опредѣляетъ общее направленіе развитія всего большевизма, новой политики партіи и самой партіи. Но тѣмъ же

соображеніямъ, характеристика рабочаго класса и его настроеній безъ учета возможныхъ и неизбежныхъ трансформаций во всей обстановкѣ окажется неполной и ненадежной, потому что она будетъ фиксировать только текущій моментъ и неустойчивое положеніе сегодняшняго дня. А между тѣмъ, въ томъ, что дѣлается сейчасъ, уже заложены основанія будущаго.

Совѣтская промышленность находится въ періодѣ необычайно бурнаго роста, можно сказать точно, въ процессѣ созданія ея. Въ основу развитія большевизма положена индустриализація, перемѣщеніе хозяйственнаго центра тяжести въ индустрію. При страшномъ напряженіи всей страны создается новое хозяйство, большевизмъ переходитъ на новые пути.

Все идетъ сверху, путемъ систематически осуществляемаго экономического, политическаго и административнаго нажима. Вся реконструктивная работа осуществляется властью, при помощи своего управленческаго аппарата. И несмотря на это, каждое дѣйствіе партіи приводитъ въ движеніе колоссальныя народныя массы и

огромная материальная ценность.

Реконструкция хозяйственных и политических основ страны требует наличия чрезвычайной силы и совершенного аппарата управления. Противодѣйствие народа, сама стихія индивидуальных отношеній и введение ея въ русло партійнаго движенія, требует организаціи дисциплинированной арміи преданныхъ власти чиновниковъ. Въ условіяхъ административнаго выполненія партійныхъ задачій и директивъ, процессъ можетъ развиваться нормально и по плану лишь въ томъ случаѣ, если власть имѣетъ возможность довести свое вліяніе до самыхъ низовъ, если имѣется организація надзора, начиная отъ основъ дѣйствія и кончая деталями осуществленія на мѣстахъ. При централизованномъ управленіи власть должна располагать огромными количественно и сильными качественно кадрами надсмотрщиковъ во всѣхъ точкахъ колоссальнаго государства. Поэтому одновременно съ реконструкціей страны и ея хозяйства идетъ наборъ и отборъ того персонала, который непосредственно осуществляетъ директивы партіи; поэтому же процессъ количественнаго роста партіи не только не прекращается, но, наоборотъ, онъ имѣетъ тенденцію къ дальнѣйшему усиленію именно въ послѣдніе годы. И само собой разумѣется, что рабочій классъ представляетъ тотъ резервуаръ, изъ котораго большевизмъ черпаетъ людской матеріалъ, нужный ему для собственнаго пополненія. А благодаря этому создается безпрерывный оборотъ въ составъ рабочаго

класса, изъ котораго значительныя массы уходятъ въ партійную или административную дѣятельность и замѣняются вновь вливающимися въ пролетаріатъ кадрами. Кроме того, интенсивный ростъ промышленности вообще связанъ съ количественнымъ ростомъ пролетаріата, вследствие чего вливаніе новыхъ людскихъ массъ въ индустрію усиливается еще въ болѣе-степени.

Совершенно ясно, что существующая обстановка вводитъ въ настроенія всего пролетаріата въ цѣломъ и въ отдѣльных категоріи его чрезвычайно существенный психологическій факторъ. При быстрой смѣлѣ кадровъ, при постоянномъ пополненіи партіи рабочими, у каждаго трудящагося существуютъ шансы на очень быстрое служебное или административное движеніе, шансы на переходъ въ слѣдующую, болѣе высокую социальную группу, шансы на блестящую карьеру въ совѣтскомъ аппаратѣ. Главнѣйшее значеніе этого фактора — пробужденіе честолюбія въ рабочихъ кругахъ, честолюбія, которое захватываетъ и увлекаетъ относительно широкія рабочія массы. Психологическое вліяніе этого момента чрезвычайно велико, оно, въ сущности, играетъ сейчасъ рѣшающую роль.

Безпрерывное вливаніе въ промышленность новыхъ массъ, конечно, не остается безслѣднымъ. Наоборотъ, новые люди кореннымъ образомъ измѣняютъ фیزیономію рабочаго класса. Попавъ въ новую обстановку, новые рабочіе, естественно, сначала подчиняются уже установленнымъ традиціямъ, но постепенно выявляютъ и свое лицо. И хотя вліяніе

старшихъ товарищей очень сильно, однако въ этомъ быстромъ людскомъ оборотѣ такъ же быстро недавніе новички оказываются уже старожилыми. И естественно поэтому, что настроеніе рабочихъ массъ не остается неизмѣннымъ, но, наоборотъ, подвержено сильнымъ колебаніямъ и трансформациямъ.

Въ совѣтскомъ пролетаріатѣ можно различать слѣдующія группы или менѣе характерныя группы: 1) прежній пролетаріатъ, съ дореволюционнымъ рабочимъ строемъ, 2) новые рабочіе изъ пролетаризованнаго крестьянства, 3) новые рабочіе, пришедшіе въ промышленность изъ городовъ и 4) дѣти рабочихъ, выросшіе на предприятияхъ. Между всѣми этими группами имѣются существенныя отличія, и, кромѣ того, роль ихъ въ самой промышленности и въ формированіи настроеній рабочаго класса совершенно не одинакова.

Въ сущности говоря, въ настоящій моментъ совершенно свободно можно исключить изъ самостоятельнаго обсужденія рабочихъ крестьянъ, потому что ихъ количественное и особенно самостоятельное моральное значеніе и вліяніе въ общемъ очень невелики, тѣмъ болѣе что деклассированіе ихъ происходитъ очень быстро. Обычно наиболѣе способная часть этой крестьянской массы въ короткіе сроки смѣшивается съ группой городскихъ выходцевъ, всѣ же остальные сливаются съ остальными рабочими, и не сохраняютъ собственного лица, даже наоборотъ, изъ соображеній приспособляемости, стремятся поскорѣе его потерять.

Гораздо болѣе интересъ пред-

ставляетъ старый индустриальный пролетаріатъ, составляющій сейчасъ уже сравнительно незначительную количественную часть рабочачаго класса, но еще сохраняющій кое - какое вліяніе на общее настроеніе. Правильнѣе всего раздѣлить эту группу на двѣ самостоятельныя подгруппы. Въ первую слѣдуетъ внести относительно многочисленную массу тѣхъ старыхъ рабочихъ, которые за десятки лѣтъ работы въ промышленности прониклись специфическимъ индустриальнымъ духомъ и настроеніями, приобрѣли относительно высокую квалификацію, обладаютъ чувствомъ профессиональнаго единства и любовью къ своему дѣлу и родной для нихъ средѣ. Это типъ положительнаго русскаго рабочаго, съ глубокими тенденціями къ пониманію основъ демократіи и большимъ объемомъ жизненной мудрости и выдержки. Тѣ изъ нихъ, которые не были увлечены въ большевизмъ въ годы борьбы и не вступили тогда въ партію, твердо сохраняютъ свою безпартійность и сейчасъ и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ вливаются въ общее движеніе. Въ большинствѣ случаевъ, вступленіе такихъ рабочихъ въ партію, опредѣляется какими-либо особенными жизненными обстоятельствами, рѣдко честолюбіемъ, чаще боязнью потери работы по старости и лишь иногда вліяніемъ дѣтей или товарищей. Обычно же старый рабочій далекъ отъ большевизма и его не принимаетъ внутренне, но въ то же время лояленъ къ совѣтской власти и очень сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ. Аккуратно исполняетъ всѣ заданія правительства, посѣщаетъ собранія, молчаливо под-

суеть со всѣми и безъ протеста мирится съ существующей обстановкой. Высказываетъ одобрение тому, что онъ считаетъ хорошимъ, привѣтствуетъ «достиженія революціи» главнымъ образомъ съ профессиональной точки зрѣнія и, наученный опытомъ, не возражаетъ открыто противъ того, съ чѣмъ онъ не согласенъ. Обычно это лучшіе, наиболѣе трудолюбивые и исполнительные рабочіе, цѣнность которыхъ въ ихъ дисциплинированности и въ спокойной, непрерывной работѣ, съ большой производительностью труда. Качествомъ своей работы эта часть пролетаріата выдѣляется изъ всей прочей массы, въ большинствѣ случаевъ сами собой они выходятъ на уровень низшаго технического персонала (мастеровъ, монтеровъ, десятниковъ, старшихъ рабочихъ и т. д.), но очень часто не удерживаются на новомъ положеніи и вытѣсняются болѣе энергичной, болѣе приспособленной и часто болѣе знающей молодежью.

Дѣйствительное настроеніе всей этой группы въ цѣломъ и ея отношеніе къ власти очень не легко опредѣлить, потому что оно никогда не высказывается открыто. Но здѣсь, въ общемъ, не трудно различить два періода; одинъ до начала осуществленія пятилѣтки—какъ лояльное, вѣрнѣе нейтральное, съ опредѣленными социаль-демократическимъ отгѣпкомъ, второй — послѣ измѣненія политики, какъ скрыто враждебный. Но при всѣхъ положеніяхъ, какъ матеріалъ для политической борьбы эта часть пролетаріата не представляетъ большой цѣнности, потому что не обладаетъ и никогда не будетъ

обладать политической активностью.

Нѣсколько большее, но уже отрицательное моральное значеніе имѣетъ другая подгруппа старого пролетаріата, та часть его, которая несмотря на долгую, иногда цѣлыми поколѣніями, работу въ промышленности не восприняла индустриальнаго духа. Она комплектуется изъ наиболее отсталой части старого русскаго рабочаго класса. Ни въ прежней, ни въ новой обстановкѣ эта масса не приобрѣла ни квалификаціи, ни культуры, къ новымъ условіямъ полностью не приспособилась и въ дѣловомъ отношеніи съ молодежью конкурировать не можетъ. Эта часть пролетаріата имѣетъ малую моральную устойчивость и не обладаетъ никакими политическими убѣжденіями. Какъ правило, она даетъ довольно большой процентъ претендентовъ на вступленіе въ партію, но доступъ ихъ туда затрудненъ. Очень часто это псевдо-активисты, горланы. Изъ этой группы комплектуется различныя вѣрнопопданническія делегациі, участники различныхъ ударныхъ и неударныхъ бригадъ. Въ значительномъ количествѣ пополняютъ хулиганствующія группы и въ этомъ отношеніи идутъ за той частью молодежи, которая, пользуясь попустительствами власти, пытается строить свою карьеру на мнимо революціонномъ поправіи и оскорбленіи чувствъ и традицій широкихъ массъ. Эти старые рабочіе составляютъ главнѣйшую категорію потребителей алкоголя, они участники пьяныхъ дебошей и буйствъ. Изъ нихъ же составляются массы прогульщиковъ и симулянтовъ. Какъ рабочіе, — низкаго качества и малыхъ

знаній. Оказываютъ развращающее вліяніе на повичковъ, особенно на недавнихъ крестьянъ, которые, въ первый періодъ своего пребыванія въ промышленно-сти, ближе всего къ нимъ по объему потребностей и культурному уровню.

Ихъ отношеніе къ совѣтской власти неопредѣленно и неустойчиво, опредѣляется всегда личными мотивами. Но жизненный опытъ и ихъ заставляетъ быть сдержанными и свои враждебныя настроенія, если они есть, скрывать съ возможной тщательностью. Въ большинствѣ случаевъ духъ протеста противъ системы у нихъ выражается выступлениями противъ отдѣльныхъ лицъ, часто за самую систему ни въ какой мѣрѣ не отвѣтственныхъ. Эти массы принимаютъ активное участіе въ «самокритикѣ» въ дозволенныхъ, конечно, предѣлахъ, по большей частью ограничиваются травлей служащихъ, технического персонала и вообще интеллигенціи, то, что сейчасъ допускается и поощряется. Но по существу, въ массѣ, къ большевизму настроены враждебно, главнымъ образомъ потому, что въ новой обстановкѣ, какъ рабочіе они потеряли, а надежду на улучшение своего положенія и удовлетвореніе зародившагося честолюбія не приобрѣли. Политическая пѣнность этой подгруппы совершенно ничтожна, но въ моментъ будущей революціи, ослабленія власти или паденія большевизма будутъ большой и рѣшающей силой и мстителями.

Конечно, здѣсь даны характеристики двухъ крайнихъ группъ. Въ большинствѣ же случаевъ раздѣленіе старыхъ рабочихъ по

этимъ двумъ категоріямъ можетъ быть произведено лишь условно, потому что отдѣльныя лица или не обладаютъ всѣмъ комплексомъ достоинствъ первыхъ или не страдаютъ всѣми недостатками вторыхъ. Эти характеристики типовыхъ рабочихъ нужны только для приблизительнаго сравненія. Съ другой стороны, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ въ первую, такъ и во вторую подгруппы, вліяются пополненія и изъ новыхъ рабочихъ самаго разнообразнаго происхожденія; именно во вторую главнымъ образомъ, крестьянство, въ первую же — пожилые рабочіе изъ бывшихъ ремесленниковъ, бывшихъ мелкихъ собственниковъ или служащихъ и т. д.

Но доминирующую, количественно и морально, роль въ настоящее время играетъ **новый рабочий**, пришедшій въ промышленность изъ городовъ или выпущенный изъ рабочей молодежи, выросшей уже на предпріятіи. Они задаютъ тонъ всему, опредѣляютъ видимую физіономію рабочаго класса, создаютъ новыя традиціи и методы поведенія. Въ сущности говоря, это и есть тотъ рабочий пролетаріатъ, о которомъ говорить власть и изъ котораго комплектуется партія.

Вѣроятно наибольшее существенной особенностью современнаго совѣтскаго рабочаго класса является огромное преобладаніе въ немъ молодежи, въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ. Это безпрерывное омоложение происходитъ за счетъ тяги въ промышленность огромныхъ массъ молодого поколѣнія, которое видитъ въ производственной работѣ единственный способъ создать себѣ тотъ практический рабочий стажъ, который не-

обходимъ, какъ фундаментъ, для всей послѣдующей жизненной дѣятельности. Этотъ факторъ вообще имѣетъ огромное значеніе въ жизни современной Россіи и долженъ быть соотвѣствующимъ образомъ учтенъ.

Въ концѣ концовъ имѣетъ значеніе даже не количественное прѣобладаніе молодежи, а ея активность, молодая энергія и порывъ. Молодежь не только опредѣляетъ фязіономію совѣтскаго пролетариата, она ее создаетъ.

Классъ формируется заново и одновременно съ этимъ создаются новыя традиціи. Но традиціи не постоянны, неустойчивы, онѣ измѣняются въ зависимости отъ всей обстановки, т. е. въ совѣтскихъ условіяхъ въ зависимости отъ направленія политики партіи, которая, конечно, руководитъ всей жизнью.

Если бы требовалось охарактеризовать отличительныя особенности рабочей молодежи въ нѣсколькихъ словахъ, можно было бы отмѣтить въ первую очередь слѣдующія общія черты: стихійную тягу къ образованію и чрезвычайное честолюбіе, которое частично перерождается въ карьеризмъ. И здѣсь же нужно было бы упомянуть о той огромной внутренней работѣ, которая съ нарастающей мощью развивается почти во всемъ молодомъ поколѣніи. Трудно сказать точно, что явилось причиной этихъ тенденцій, въ какой мѣрѣ здѣсь вліяютъ дѣйствія власти, сила принужденія и вліяніе общественнаго воздѣйствія, и какое значеніе имѣетъ вся совокупность событий предъидущихъ двухъ десятилѣтій, приведшихъ въ движеніе всю толщу населенія страны. Важно то,

что огромныя народныя массы чувствуютъ непреодолимое стремленіе къ знанію и культурѣ и его осуществляютъ со всей энергіей пробудившагося народа. Во всякомъ случаѣ на всей территоріи Россіи происходятъ поразительныя процессы духовнаго перерожденія цѣлыхъ классовъ, измѣняющіе всю фязіономію ихъ и весь укладъ жизни.

Прежде всего нужно остановиться на тягѣ къ образованію. Можно сказать безъ преувеличенія, что вся молодежь промышленныхъ центровъ и городовъ давно и непрерывно учится, повышаетъ свою квалификацію и уровень знаній. Это общее движеніе началось почти непосредственно за окончаніемъ гражданской войны, развивалось сначала медленно, а затѣмъ шло со все болѣе ускоряющимися темпами и захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои. Конечно, вначалѣ и стремленіе къ образованію и самое образованіе имѣло примитивныя формы и заключалось въ желаніи получить лишь какой то минимумъ элементарныхъ знаній, затѣмъ шло ихъ углубленіе и, наконецъ, перешло въ совершенствованіе. Власть и общественныя организаціи сначала подчинились общему настроенію и вынужденно удовлетворяли эту тягу къ наукѣ, но скоро партія взяла въ свои руки руководство всѣмъ процессомъ въ цѣломъ и организовала образовательную систему соотвѣтвенно своей политической линіи. Во всякомъ случаѣ использованіе этой стихійной тенденціи молодежи явилось однимъ изъ самыхъ мощныхъ факторовъ развитія большевизма.

И молодежь, стремясь къ луч-

шему будущему, идти по тому пути, который ей определяет партия и который соответствует интересам большевизма. Этимъ объясняется тогь расцвѣтъ комсомола и активизма, которые являются такими важными факторами успѣха совѣтской власти. Этимъ же объясняется то глубокое политическое перерождение, которое происходит во всей рабочей молодежи почти безъ исключенія. Общая обстановка конкурентной борьбы за мѣсто въ жизни опредѣляютъ ея психологию въ цѣломъ, диктуютъ ей методы поведения и дѣйствій, наиболѣе пригодные для данныхъ условий. А личныя цѣли и естественное молодое честолюбіе облегчаютъ молодежи ея вынужденное политическое перевоспитаніе, тяжелую жизнь, матеріальныя лишения и почти непосильную работу по 16 и больше часовъ въ сутки. И въ то же время это воспитываетъ жизненную выдержку, своеобразный матеріализмъ, который въ значительной мѣрѣ смѣшанъ съ мистицизмомъ, героизмъ, въ которомъ соединены личныя интересы и общегосударственныя соображенія, карьеризмъ, въ которомъ часто есть элементы подвижничества, и честолюбіе, въ которомъ есть стремленіе къ великимъ цѣлямъ и къ рѣшенію міровыхъ задачъ. Лишь значительно позже, когда уже накопится достаточно опыта, весь этотъ порывъ молодости перерождается въ эгоизмъ и своего рода политическій цинизмъ и это превращаетъ бывшихъ комсомольцевъ въ сильныхъ, но безпринципныхъ партійцевъ, которые свое личное благополучіе или карьеру цѣнятъ дороже интересовъ родины

или народа. Но въ нѣкоторыхъ наиболѣе идеалистически настроенныхъ группахъ молодежи это кончается разочарованіемъ, часто самоубійствами, политическимъ «уклонизмомъ» и перѣдко жертвенной борьбой съ большевизмомъ. Эта побѣда чувства социальной справедливости — причина глубокихъ трагедій и въ большинствѣ случаевъ гибели наиболѣе цѣнной части молодого поколѣнія. Но и въ этомъ теченіи есть свои особенности, своеобразное пониманіе обстановки и задачъ борьбы, свой взглядъ на жизнь, свои представленія о политическихъ идеалахъ, которые ни въ какой мѣрѣ не соответствуютъ тѣмъ формамъ, къ которымъ пришелъ сейчасъ демократическій міръ. Нужно думать, что здѣсь имѣетъ мѣсто тотъ скачекъ, который сознательная часть русскаго общества сдѣлала за послѣднее десятилѣтіе и при помощи котораго она сразу переходитъ или перейдетъ къ слѣдующему этапу социального устройства.

Конечно, тяга къ образованію одинъ изъ важчѣйшихъ признаковъ, характеризующій настроеніе современной русской молодежи, а использование этой особенности партией, одинъ изъ методовъ укрѣпленія большевизма. Но есть еще и другіе факторы, которые не въ меньшей степени дѣйствуютъ на психологию уже не одной только молодежи, но и всей рабочей массы, которые увлекаютъ всѣ возрастыя группы пролетариата.

Жизнь совѣтскаго рабочаго очень тяжела, условія существованія часто невыносимы, работа и степень ея напряженія чрезмерны, оплата труда низка, право об-

дственности и личная свобода уничтожены, надежда на улучшение положения почти нѣтъ, наконецъ, служебная карьера въ предѣлахъ предприятия ограничена и, кромѣ того, она вообще не привлекаетъ, потому что чѣмъ больше высока ступень на служебной лѣстницѣ, тѣмъ сильнѣе отвѣтственность, безъ соответствующей матеріальной и правовой компенсаціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ возможность путемъ одного только вступленія въ партію перейти въ привилегированный классъ, освободиться отъ тяжелой физической работы, приобрести огромное количество правъ, улучшить свое матеріальное положеніе, почти безгранично удовлетворить свое честолюбіе и т. д. Пока партія количественно растетъ, пока она пополняетъ свои кадры за счетъ рабочего класса, пока еще не введены серьезные ограниченія и не опредѣленъ предѣлъ роста партіи, возможность перехода въ привилегированное положеніе вполне реальна и можетъ быть осуществлена каждымъ рабочимъ. Но для этого требуется пройти черезъ опредѣленный искусъ, пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній и своими дѣйствіями доказать свое желаніе деклассироваться и свою цѣнность для партіи. Стимуль существуетъ и онъ очень силенъ, возможность достигнуть цѣли имѣется и она не недостижима, примѣры социальной передвижки всегда на лицо, передъ глазами всѣхъ и очень показательны, сама дѣйствительность отвратительна и безнадежна. Все это опредѣляетъ тотъ психологическій переломъ, который долженъ перерезать каждый рабочий. Передъ

нимъ ставится дилемма. или оставаться въ положеніи угнетеннаго и эксплуатируемаго или сдѣлаться представителемъ привилегированнаго класса и получить реальные и весьма цѣнные преимущества. Конечно, въ обывательскомъ сознаніи отдѣльных рабочихъ, а такова преобладающая часть массы, личные интересы безъ труда побуждаютъ понятія о классовой солидарности и социальной справедливости, вследствие чего тяга къ деклассированію и вступленію въ партію очень велика. Съ другой стороны, партія растетъ не стихійно, а лишь въ тѣхъ размѣрахъ, которые соответствуютъ дѣйствительной потребности большевизма. Въ данномъ случаѣ само собой устанавливается количественное равновѣсіе, которое находится въ полной зависимости отъ роста въ государственномъ аппаратѣ преданныхъ партіи кадровъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ превысить нормальнаго предѣла количественнаго прироста, потому что тогда значительная часть партійцевъ осталась бы не у дѣлъ и явилась бы матеріаломъ для развитія разнообразныхъ протестантскихъ движеній. Это очень важное обстоятельство: цѣлесообразность требуетъ, чтобы передъ каждымъ партійцемъ открывались широкая возможность карьеры и быстрого служебнаго продвиженія. Въ результатѣ партійное руководство ограничиваетъ ростъ партіи такимъ образомъ, чтобы въ нее влипались такіе количества новыхъ adeptовъ, которымъ могъ бы быть обеспеченъ тотъ комплексъ преимуществъ, который побуждаетъ рабочихъ стремиться къ партійности и чтобы

вновь поступающие въ партію массы не задерживались бы на предприятияхъ у станка, на большой срокъ, чѣмъ это соответствуетъ ихъ терпѣнью. Въ данномъ случаѣ сама жизнь создаетъ наиболѣе удобныя формы и нужные ремни роста, которые при помощи централизованнаго и хорошо налаженнаго аппарата весьма точно регулируются сверху. И такъ какъ количество претендентовъ на партійность значительно больше дѣйствительной потребности, власть получаетъ возможность производить тщательный отборъ изъ массы желающихъ и одновременно съ этимъ вліять и даже создавать наиболѣе нужныя для данной обстановки настроенія всего пролетаріата.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, ростъ партіи ограниченъ предѣломъ; съ другой — количество претендентовъ весьма велико. Вслѣдствіе этого пріобрѣтеніе партійнаго билета и всѣхъ связанныхъ съ нимъ преимуществъ ограничено цѣлымъ рядомъ условий и каждый желающій долженъ заслужить свое право на деклассированіе и переходъ въ слѣдующую болѣе высокую социальную группу. Въ результатъ, опять таки само собой, но подъ непосредственнымъ партійнымъ руководствомъ, созданы шаблоны и установлены методы партійныхъ наборовъ. Вся обстановка въ цѣломъ способствуетъ развитію такъ называемаго активизма, чрезвычайно важнаго фактора и одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современной дѣйствительности совѣтской Россіи. Причина развитія активизма — это конкурентная борьба, стремленіе претендентовъ на партій-

ность доказать свою пригодность, свое особое преимущество по сравненію съ другими на партійный билетъ. Сущность же его это цѣлая система дѣйствій, заранѣе подсказанныхъ властью, заключающихся въ активномъ выполненіи директивъ партіи на мѣстахъ и въ проявленіи собственной инициативы въ тѣхъ предѣлахъ, которые соопредѣляютъ обстановку текущаго дня и генеральной линіи большевизма. Въ результатъ принятая партіей метода индивидуальнаго отбора наиболѣе пригодныхъ для партійныхъ цѣлей людскихъ кадровъ, на всѣхъ предприятияхъ и, вообще, по всей странѣ, создается, такъ называемый, безпартійный активъ, который дѣйствуетъ по указанію сверху и въ нужномъ для власти направленіи. Такъ какъ основной цѣлью активизма является вступленіе въ партію, руководство безпартійнымъ активомъ не представляетъ никакихъ затрудненій, наоборотъ, осуществляется даже съ большей легкостью, чѣмъ по отношенію къ партійнымъ коллективамъ, гдѣ въ той или иной мѣрѣ могутъ существовать тенденціи протеста, неудовлетворенности своимъ положеніемъ и разочарованій, при длительныхъ ожиданіяхъ служебнаго продвиженія. Въ безпартійномъ же активѣ чувство конкурентной борьбы за недостаточное количество партійныхъ мѣстъ побуждаетъ отдѣльныхъ членовъ дѣйствовать возможно болѣе энергично. Цѣлесобразно построенной системой выдвиженія и соответствующей градацией поощреній, партія эту инициативу борьбы постоянно возбуждаетъ и заставляетъ весь активъ въ цѣломъ съ особой энер-

ней исполнять задания власти. Вместе с тем своим влиянием партия быстро перерождает этические основы настроений активистских масс и создает необходимый для большевизма по морали людской состав.

Сознание, что удачное действие может приблизить момент перехода из безразличного безпартийного положения в привилегированное партийное, заставляет активистов действовать особенно энергично и искать объектов для приложения своей инициативы. Каждый активист превосходно учитывает, что своевременное выступление в кампаниях, каждое ценное сообщение в порядке доноса, являются лучшим способом обратить на себя внимание партийных руководителей и таким образом добиться основной цели. Поэтому активисты деятельно осуществляют все директивы власти, принимают участие во всех кампаниях, подробно освещают настроения масс, устанавливают надзор друг за другом, за рабочими, и особенно за технической интеллигенцией, всегда стараются быть на виду, подчеркивая громко проповедают доктрины большевизма, ходатайствуют о снижении расценок, о повышении производительности труда, о выпуске займов и т. д. без конца. Это именно тот элемент рабочей массы, который с одной стороны целиком подчиняется партии, с другой — помогает ей распространять свое влияние на весь пролетариат, удерживать и вести его в том направлении, которое диктуется современными обстоятельствами.

Активистские массы отнюдь незначительны по количеству

Точных и общих соотношений здесь нельзя установить, потому что они меняются в зависимости от состава рабочей массы на отдельных предприятиях, от самого характера последних и т. д. Обычно активистов больше в крупных промышленных или городских центрах и в наибольше ответственных участках промышленности; их меньше в удаленных от крупных городов районах и в тех отраслях труда, где применяется мало квалифицированная сила. В общем можно отметить, что активизм развивается тем сильнее, чем более высоко развита рабочая масса и чем больше в ней выходцев из городов, потому что активистские массы комплектуются в значительной мере из бывших привилегированных или состоятельных слоев, хотя, конечно, в активизм выносятся и часть старого наименее идеологически выдержанного пролетариата и наиболее развитые представители рабочих крестьян.

Политическая ценность активистских масс не велика, но самый активизм, как метод действия и как способ укрепления большевизма имеет колоссальное значение. Вместе с тем это показатель силы власти и прочности строя. Конечно, в случае катастрофы и даже одного только ослабления большевизма все активистское движение быстро спадет и даже, возможно, изменит свое направление и ударит по власти, но в момент роста силы партии и при наличии перспектив на победу оно является фактором огромной силы и тем орудием партии, которое позволяет ей

дѣйствовать, расти и укрѣпляться.

Во всѣхъ предыдущихъ описаніяхъ мы не касались партійной части рабочихъ, той группы бывшаго пролетаріата, которая сейчасъ стоитъ особнякомъ отъ рабочаго класса, хотя и тѣсно съ нимъ связана. Собственно характеристика партійныхъ кадровъ не входитъ въ этотъ очеркъ, но ее все же необходимо коснуться и здѣсь, поскольку участие этихъ массъ въ рабочей жизни весьма велико.

Здѣсь слѣдуетъ провести въ корое разграниченіе и установить двѣ самостоятельныя группы именно: рабочей партійной молодежи, входящей въ комсомоль и взрослыхъ рабочихъ, состоящихъ въ партіи.

Количественно комсомоль, по сравненію съ партіей, на предприятияхъ преобладаетъ и что еще болѣе важно, большая часть комсомольской молодежи находится у станка, на производственной работѣ, т. е. въ самой толщѣ рабочаго класса. Номинально и, пожалуй, фактически комсомольцы не пользуются особыми преимуществами по труду, даже, наоборотъ, они нагружаются дополнительными обязанностями по надзору и постоянному подталкиванію въ производствѣ безпартійныхъ массъ.

Комсомоль — это тотъ основной и низовой кадръ партіи, который вмѣстѣ съ ней и подъ ея надзоромъ, руководитъ осуществленіемъ партійныхъ распоряженій на мѣстахъ, мобилизуетъ свои силы на различныхъ боевыхъ участкахъ хозяйственной дѣятельности партіи, повышаетъ степень

напряженія труда пролетаріата и понуждаетъ безпартійныхъ рабочихъ, подъ угрозой репрессій, слѣдовать за собой. Вмѣстѣ съ безпартійными активомъ комсомоль организуетъ и осуществляетъ индивидуальный надзоръ за рабочимъ на производствѣ и въ его личной жизни и является чрезвычайно важнымъ и могущественнымъ элементомъ всего большевистскаго аппарата.

Въ комсомольской средѣ, наряду съ значительными прослойками молодежи, настроенной эгоистически и карьеристски, преобладающія массы искренно увлекаются идеями коренной перестройки совѣтскаго хозяйства и всего социальнаго уклада. Не задаваясь въ полной мѣрѣ идеями социальной справедливости, комсомольская молодежь работаетъ не за страхъ, а за совѣсть, дѣятельно осуществляетъ программы партіи и искренне исповѣдуетъ идеи коммунизма во всей ихъ чистотѣ, безъ пониманія истинной сущности того строя, который создалъ большевизмъ. Идеализмъ молодости смягчаетъ остроумъ и жестокость совѣтской практики, вѣра въ близкое улучшение и побѣду питаетъ ихъ энергію, великія цѣли ихъ увлекаютъ, стремленіе къ знанію и практической дѣятельности поддерживаетъ ихъ въ трудной работѣ и полной лишенія жизни. Въ основномъ эта масса полностью за большевизмъ. За его конечныя цѣли, противъ стараго порядка и за экспансію идей коммунизма, конечно въ ихъ чистотѣ видѣ, на весь мѣръ. Само собой разумеется, что личные мотивы здѣсь часто преобладаютъ, особо привлекаютъ молодежь перспективы на полученіе образо-

вания и на самостоятельную, большую деятельность, на блестящую карьеру в будущем и все это, до известной степени у большинства и целиком в части молодого поколения, смягчает сознание той социальной несправедливости, которое с такой силой поражает весь народ. Часто даже наоборот, несправедливость и принцип принуждения превращаются в культ, в своего рода догму переустройства жизни. Но в то же время во всех комсомольских настроениях и действиях имеется пафос борьбы за идеалы, за революционную перестройку мира.

Наиболее сознательная часть комсомола начинается, однако, пока еще неясно, познавая истинную сущность вещей, истинный смысл нового строя и то катастрофическое прогнивание, которое существует между идеями коммунизма и большевизма во его современном осуществлении. Для многих уже ясно, что сейчас идет борьба не за социализм, а за интересы казны и что в этой борьбе молодое поколение бессознательно помогает партии достигать классовых целей. У части молодежи происходит новый психологический перелом, который, однако, в большинстве случаев приводит к разочарованию или пассивности и лишь очень редко превращается в бурный протест. Это новое перерождение часто сопровождается большой резкостью и по мере дальнейшего выявления истинного лица большевизма имеет тенденцию к сильному росту. Постепенно начинают формироваться новые идеалы, которые, а это нужно еще раз повторить, не совпа-

дают с обычными западно-европейскими формами.

Само собой разумеется, что известный процент комсомольской молодежи в основу своих мышлений и действий ставит исключительно личное благополучие и карьеру. Эта группа карьеристов относительно немногочисленна, но она очень активна и фактически играет в комсомольском движении роль. Комсомольский актив составляет в главной своей части именно из этой категории карьеристов, при чем самый активный в своей основе имеет тот же характер, как и беспартийный. Этот процесс разложения молодежи на активную, но безпринципную часть и на идейную, но более пассивную, представляет особый интерес. Но на чем мы остановимся подробнее несколько ниже. Сейчас нужно отметить, что о лица комсомола всегда выступают его наиболее энергичные представители актива и этим затушевывают настоящую физиономию всего комсомольского движения и настроения молодежи.

Нужно иметь в виду, что в настоящее время комсомольская молодежь в основной своей массе целиком предана партии, и является главной опорой власти на местах и одним из самых важных факторов большевистского могущества.

Переходя к описанию настроения партийной части рабочих, нужно сразу же отметить, что самый факт партийности целиком определяет полный отрыв от рабочего класса. Партия, как правило, у станка не работает, и партия без нарушения своей цели, не может отступить

отъ этого основного положенія. Вся сущность волоченія рабочихъ массъ въ сферу влияния партіи въ томъ именно и заключается, что рабочему предоставляется право и возможность путемъ приобретенія партійнаго билета уйти изъ своего класса и освободиться отъ тяжелой работы. Вся система воздействия на пролетаріатъ построена такимъ образомъ, чтобы ярче подчеркнуть партійныя привилегіи и тѣмъ создать стимулъ къ деклассированію.

Но естественно, что при установившемся и прочномъ порядкѣ, а онъ уже въ советской Россіи существуетъ, переходъ на привилегированное положеніе не можетъ осуществляться просто и внезапно, наоборотъ, власть обуславливающая получение партійнаго билета дѣлаетъ рядомъ условий, осуществляя, такимъ образомъ, принципъ индивидуальнаго отбора. Каждый претендентъ обязанъ доказать свою твердость, свою пригодность и безусловную преданность партіи. Поэтому создана градация и постепенность въ этомъ социальномъ продвиженіи, черезъ беспартійный активъ въ кандидаты партіи, изъ кандидатовъ партіи въ партійный активъ, отсюда — къ переводу въ ложиленіе равноправнаго члена партіи и дальше, на основѣ опять таки активизма, къ тому или иному повышенію на служебной дѣятельности. Для того, чтобы уйти изъ рабочаго класса рабочему недостаточно одного только желанія, но нужны реальныя дѣйствія. Сначала онъ проявляетъ свою инициативу въ качествѣ беспартійнаго активиста и постѣ того, какъ будетъ признанъ достойнымъ, получаетъ возможность сдѣлаться

кандидатомъ партіи. Формально кандидатскій стажъ ограничивается тѣмъ же месяцами, но онъ можетъ быть значительно продленъ, по отношенію къ тѣмъ, кто своей дѣятельностью не доказываетъ своего социального перерожденія. При всѣхъ обстоятельствахъ кандидаты это партійны 2-го сорта, они уже обладаютъ кое-какими преимуществами, но еще не приобрѣли всѣхъ правъ. Въ періодъ испытательнаго срока они находятся подъ надзоромъ и передъ ними ставится задача доказать свою надежность. Если кандидатъ хочетъ сдѣлаться равноправнымъ членомъ привилегированнаго класса, онъ обязанъ быть активистомъ. Вместе съ тѣмъ онъ еще не освобождается отъ работы на производствѣ, наоборотъ, онъ долженъ усилить напряженность себя и своими нормами выработки повысить производительность труда беспартійныхъ рабочихъ. Но, конечно, исключенія изъ этого правила все же бывають и часто наиболее активные кандидаты покидаютъ станокъ раньше срока, наоборотъ, иногда безнадёжно-пассивные или овалыные партійцы работаютъ въ цехахъ. Впрочемъ, количество тѣхъ и другихъ на самомъ производствѣ относительно невелико и болѣе или менѣе точно соответствуетъ тому соотношенію, которое существуетъ въ партіи между кандидатами и членами.

Политическая цѣнность и значеніе партійныхъ кадровъ на предприятияхъ для власти, конечно, огромно. Въ сущности это основа строя и всего большевизма.

Но совершенно ясно, что наиболѣе многочисленна та часть рабочихъ, которая идейно большеви-

ма не увлечена, конфликато активизма те проявяват и въ политическомъ отношеніи сейчасъ нейтральна. Къ этой категоріи относятся и описанныя выше группы старыхъ рабочихъ и тѣ которыя къ нимъ примкнули, такъ сказать, идеологически, почти все рабочіе - крестьяне и значительная масса новыхъ рабочихъ. Идущая изъ городовъ и, наконецъ, часть молодежи. Эта масса ни въ какой мѣрѣ не организована и потому своихъ действительныхъ настроеній проявить не можетъ. Наружно она свидѣтельствуетъ свою зоятность по отношенію къ власти, но истинная сущность ея политическихъ симпатій, конечно, совершенно противоположна. При всѣхъ условіяхъ, несмотря даже на методъ относительнаго благопріятствования рабочему классу, что до нѣкоторой степени сохранено еще до сихъ поръ, все же вся система угнетенія, принужденія, крайней эксплуатаціи труда, чрезмернаго физическаго износа и тяжелыхъ матеріальныхъ тѣшеній, чрезвычайно болѣзненно отражается на самосознаніи этой части протетаріата и цѣлкомъ опредѣляетъ ея отношеніе къ власти и партіи.

Но вся нейтральная масса должна подчиняться действительности и не имѣть возможности не только осуществлять, но даже выражать свои классовыя стремленія. Въ условіяхъ полной экономической зависимости отъ партіи, въ условіяхъ усоду проникающаго надзора за работой и частной жизнью, рабочій можетъ воспользоваться лишь той долей личной свободы, которую ему считаетъ необходимымъ предоставить сама власть. Возможность протеста

или производствѣ совершенно исключены, потому что каждое проявленіе желаній, не соотвѣствующихъ генеральной линіи партіи, трактуется какъ измѣна социализму и связано съ тѣми рядомъ экономическихъ, а, въ случаѣ нужды, и карательныхъ репрессій. Положеніе совершенно безвыходное, такъ какъ при партійной хозяйственной и политической гегемоніи, власть безъ всякаго труда лишаетъ протестантовъ права на работу и кусокъ хлѣба, а въ случаѣ болѣе энергичнаго производствѣ, применяетъ къ нему и болѣе серьезные кары, вроде исключенія изъ профсоюза, такъ связано съ потерей челоѣческихъ элементарныхъ правъ на существованіе, чинъ предавая суду съ обязательнымъ осужденіемъ, или, что хуже, административнаго воздействия вплоть до заключенія въ тюрьму или ссылки на принудительная работы. Въ этомъ отношеніи власть лишена сентиментальности, наоборотъ, при малѣйшихъ видимыхъ проявленіяхъ недовольства, репрессіи применяются въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ, къряду съ действительными протестантами, страдаютъ и многіе невинные. Имѣя въ своихъ рукахъ безпартійный и партійные активы, власть создаетъ декоративнаго рабочаго негодования прогивъ нарушителей установленнаго порядка, административные же и судебные органы, имѣя чисто классовый характеръ, съ максимальной четкостью и механичностью исполняютъ свои функціи угнетенія въ тѣхъ предѣлахъ, которые имъ намѣчены партійнымъ руководствомъ. Такое положеніе вполне нормально и не можетъ быть

иньмъ, такъ какъ пролетаріатъ лишель возможности организоваться и сплоченно противодѣйствовать тираніи привилегированной касты, наоборотъ, власть при помощи своего аппарата, партійнаго коллектива и террора, распространяетъ свое вліяніе и надзоръ вплоть до домашняго очага рабочаго. Всякіе индивидуальныя протесты или даже стихійныя взрывы негодованія, подавляются безъ всякаго труда и даже безъ мобилизаціи вооруженной силы, лишь одной дѣятельностью преданныхъ власти кадровъ на мѣстахъ. Но явныя возмущенія въ послѣдніе годы, вообще, имѣютъ мѣсто лишь въ исключительныхъ случаяхъ, вся же масса цѣлкомъ вынужденно подчиняется дѣятельности и не пытается протестовать, наоборотъ, слѣдуетъ въ томъ направленіи, куда ее толкаетъ сила. Внутренняя работа и переоцѣнка цѣнностей, однако, продолжается и захватываетъ все большіе и большіе слои. Массамъ становится понятна сущность всей системы большевизма и интуитивно онѣ предугадываютъ пути ея дальнѣйшей эволюціи. И хотя большинство рабочаго класса переходитъ къ положенію абсолютной пассивности, однако, въ нѣкоторыхъ наиболѣе идеологически цѣнныхъ группахъ, накапливается потенциальное негодованіе, которое въ свое время выльется въ революціонное движеніе.

Итогъ всего сказаннаго въ общемъ несложенъ. Не трудно установить, что въ политическомъ отношеніи пролетаріатъ сильно дифференцированъ и что въ немъ имѣется двѣ основныя части: изъ нихъ первая не только оказыва-

етъ полную поддержку власти, но она въ сущности представляетъ самое власть на мѣстахъ. Это прежде всего партійныя кадры, которые безоговорочно и надежно осуществляютъ и руководятъ выполненіемъ директивъ руководящаго партійнаго центра. Ихъ основной характеристикой является кастовый эгоизмъ и борьба за свои привилегіи. За ними слѣдуетъ — комсомольская молодежь — одна изъ основъ большевизма. Въ дѣйствіяхъ этой группы наряду съ классовымъ эгоизмомъ, господствуютъ идеалистическіе порывы и увлеченіе радикальной перестройкой общества. Наконецъ, въ третьей группѣ, въ безпартійномъ активѣ, преобладаютъ личныя мотивы и стремленія своей энергіей заслужить право на переходъ въ привилегированное положеніе. А вся эта часть въ цѣломъ представляетъ остовъ новаго привилегированнаго класса и тѣхъ, кто хочетъ въ него войти.

На второмъ полюсѣ находится собственно, рабочій классъ, вся такъ называемая нейтральная часть пролетаріата, которая настроена по отношенію къ власти враждебно, которая не имѣетъ возможности выразить свое истинное настроеніе и при существующемъ соотношеніи силъ держится пассивно. Количественно она, конечно, сильно преобладаетъ и это преобладаніе будетъ тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе будетъ ростъ промышленности и количество пролетаріата, и чѣмъ медленнѣе будетъ идти ростъ партіи, которая скоро закончитъ свое формированіе, какъ класса. Но при любыхъ обстоятельствахъ всѣмъ вліяніемъ будетъ обладать первая,

такъ сказать, совѣтская часть рабочихъ, потому что она организована, наоборотъ, рабочий классъ приобретаетъ право голоса и свободу, только тогда, когда въ ре-

зультатѣ революціи измѣнится или падетъ созданный большевизмомъ кастовый правопорядокъ.

Петръ Зерновъ.

„Пятилѣтка“ и ея исполненіе.

I. Основы пятилѣтня.

Капиталистическое хозяйство располагаетъ автоматически дѣйствующимъ регуляторомъ въ рынкѣ. Рыночный механизмъ не только обезпечиваетъ регулярное удовлетвореніе потребностей общества, какъ-бы таковыя ни были дифференцированы (конечно, поскольку для этого имѣется въ наличности покупательная сила), но, несмотря на переходящія кризисныя явленія, онъ, вообще, обезпечиваетъ и постепенный подъемъ народнаго хозяйства.

Марксизмъ принципиально отвергаетъ этотъ способъ регуляции народнаго хозяйства, и разсужденія о престолоудтой «анархія» капиталистическаго производства принадлежатъ къ числу ихъ излюбленныхъ темъ. Большевики увѣрены, что они создаютъ другой, гораздо болѣе совершенный регуляторъ народнаго хозяйства; таковымъ будетъ **единый социалистическій планъ** народнаго хозяйства. Совѣтамъ незачѣмъ ждать спонтаннаго выявленія потребностей членовъ общества на рынкѣ и самоопредѣленія ихъ интенсивности въ рыночныхъ цѣнахъ; эти потребности можно, какъ иѣчто объективно данное, апріорно учесть и на этой основѣ такъ искусно скомбинировать паточныя средства производства, чтобы съ

наименьшей затратой труда ихъ наилучшимъ образомъ удовлетворить.

Плановое хозяйство является, такимъ образомъ, центральной идеей, а строительство плановаго хозяйства явилось тѣмъ средствомъ, съ помощью коего правящая партія попыталась дать желательное ей направленіе развитію народнаго хозяйства, противорѣчащее его спонтаннымъ тенденціямъ, но соответствующее политическимъ интересамъ партіи.

Коммунистическая партія ставитъ себя цѣлью не столько по экономическимъ, сколько по политическимъ мотивамъ въ стремительномъ темпѣ индустриализировать страну. Она разсматриваетъ себя, какъ партію пролетарской диктатуры. Дѣйствительно, если она имѣетъ иѣкоторую социальную опору, то она находитъ такую только въ рядахъ индустриальнаго пролетариата. Чтобы такое правительство могло себя чувствовать прочнымъ въ крестьянской странѣ, ему необходимо быстро увеличить долю пролетариата въ составѣ населенія. Стремительная индустриализация и является для этого средствомъ.

Задача индустриализации страны осложняется еще двумя входящими моментами. Опасаясь отпаденія окраинъ и желая и тамъ создать себя прочную опору

ру, праявляя чредѣ дожна стремиться къ децентрализациі промышленнаго развитія. Ей приходится создавать крупную индустрію въ самыхъ культурно-отсталыхъ окраинахъ, что, конечно, является задачей особенно трудной.

Другое осложненіе въ большевистской индустриализациі вызывается международной позиціей совѣтской власти. Она не безуспѣшно ведетъ во всемъ мірѣ подрывную работу противъ капитализма. Эта агрессивность революціи таитъ въ себѣ возможность конфликта съ «капиталистическимъ окруженіемъ», и съ этой возможностью совѣтская власть вынуждена всегда считаться. Совѣтская власть хотѣла-бы себя сдѣлать по возможности независимой отъ этого окруженія, — она стремится къ автаркіи Россіи. Благодаря этому ей приходится взять на себя задачу созанія цѣлаго ряда производствъ, продукты коихъ Россія до сихъ поръ всегда приобретала за-границей. Это является вторымъ важнымъ обстоятельствомъ, сильно осложняющимъ проблему индустриализациі.

Для большой новой промышленности нуженъ большой новый основной капиталъ. Плановое хозяйство и должно осуществить «первоначальное социалистическое накопленіе», подобно тому, какъ на зарѣ новой исторіи, согласно Марксу, имѣло мѣсто «первоначальное капиталистическое накопленіе». Но потребныя для этого жертвы не должны нести рабочій классъ; необходимое для созанія новаго основнаго капитала накопленіе «прибыточной стоимости» должно быть добыто путемъ экс-

плуатациі крестьянства. Въ то время какъ экономическое положеніе широкихъ массъ крестьянства значительно хуже, чѣмъ оно было до революціи, рабочіе государственной промышленности должны быть поставлены въ болѣе благоприятныя экономическія условія, чѣмъ они были до войны. Крестьянство должно по возможности потерпѣть, оно должно быть благодарно пролетариату за то, что онъ ведетъ его къ социализму, къ которому онъ самъ никогда-бы не могъ найтти и дороги. Таковы руководящія идеи большевистскаго плановаго хозяйства.

Конечнымъ идеаломъ коммунизма является безденежное хозяйство, ибо деньги являются основой частнаго оборота, который почитается источникомъ всякой скверны. Однако, въ этомъ отношеніи опытъ «военнаго коммунизма» кое-чему коммунистовъ научилъ. Они убѣдились въ томъ,

что безъ упорядоченной денежной системы невозможенъ хозяйственный расчетъ. Денежный учетъ является какъ-будто необходимой предпосылкой самаго плановаго хозяйства. Только послѣ имѣвшей мѣсто въ февралѣ 1924 г. стабилизациі валюты твердыхъ денегъ ввели такю ясность въ состояніе народнаго хозяйства, что его можно было признать созрѣвшимъ для общаго планированія.

Лѣтомъ 1925 г. появились первыя «Контрольныя цифры Госплана» на 1925-26-ой хозяйственный годъ. Кромѣ обзора общаго состоянія народнаго хозяйства онѣ содержатъ «прогнозы» и «директиву» для будущаго года. Хотя первый набросокъ общаго плана оказался построеннымъ на нѣко-

торых ошибочных предпосылках, хотя он повел советскую власть на должный путь и поставил ее в затруднительное положение, тем не менее «Контрольные цифры» с того времени появляются каждый год. Провидеть их внимательно рассматривается и с некоторыми поправками одобряется. Они представляются к рукописному хозяйственникам, которые, однако, могут и должны уметь «маневрировать», приспособившись к непредвиденным «Контрольным цифрам» условиям.

Строительство планового хозяйства должно было неизбежно привести к конфликту с частным хозяйством. Частная торговля и стоящая за ее спиной частная промышленность разрушати систему цен, выстроенную в «Контрольных цифрах». Для осуществления планов представлялось необходимым ограничить значение в первую очередь частной торговли, а затем и частной промышленности. Это было не трудно сделать с помощью административных мероприятий в порядке диктатуры. Первые попытки на частников были предприняты еще в начале 1924 г. одновременно со стабилизацией денежной системы в известной мере для того, чтобы парализовать ее положительное воздействие на развивавшиеся частного оборота. Они возобновились в 1926 г. под воздействием трюкистской оппозиции и к осени 1927 г. значение частной торговли и частной промышленности было уже сведено к минимуму. Вместе с тем плановые цены стали реальностью.

Однако, разрушение системы

НЭП-а не могло по этому остаться. Добившись фиксации цен плановое хозяйство должно было неизбежно прийти в коллизии с самым необходимым пунктом НЭП-а — с правом крестьян свободно располагать своими избытками. Невыгодные обменные эквиваленты и обострившиеся с конца 1926 г. тенденции к зажиточным крестьянам, уже к 1927 г. задержать развитие сельского хозяйства. Вызванная обширной строительной деятельностью и расширением государственной торговли ботшия эмиссия не могла быть компенсирована соответствующим увеличением товарной массы, ни поднятием товарных цен. Между ничтожной массой денег и массой товаров произошло несоответствие. — и это тем более, что ни у кого не было охоты покупать советские бумажки. Товары захватывались городским населением, а крестьянство, жившее после разрушения частной торговли среди «торговых пустынь», страдало от голода.

Крестьянам не имело смысла продавать свои сельскохозяйственные продукты и, в особенности, зерно, которое всегда сохраняют свою потребительную стоимость, за советские деньги, мнимоая ценность которых становилась явно проблематичной. И вот в момент, когда правительство, уничтожив частную хлебную торговлю, взяло на себя обязанность кормить все города и все потребляющие районы, оно осталось без хлеба.

Таким образом, в январе 1928 г. по истечении без малого семи лет после объявления НЭП-

П-а правительство вернулось къ **принудительному изъятію сельско-хозяйственныхъ продуктовъ** у крестьянъ. Послѣдствія нетрудно было предвидѣть—началась коэйти-процессъ деградации сельскаго хозяйства. Однако, остановиться на этомъ пути совѣтская власть уже не могла, ибо она находилась цѣлкомъ подъ обаяніемъ идеи «пятилѣтки».

Если хозяйство планировать, то надо это, конечно, дѣлать на до-лгой срокъ, ибо только въ много-лѣтнемъ планѣ можно себя ста-вить большія задачи. Первый эскизъ пятилѣтняго плана былъ го-товъ уже въ мартѣ 1927 г. Но его переработка длится еще два года, и «пятилѣтка» была офици-ально утверждена Союзнымъ Съѣздомъ Совѣтовъ только 28 мая 1929 г., хотя она вошла въ дѣйствіе еще съ 10 октября 1928 года.

При разработкѣ «пятилѣтки» возникъ среди экономистовъ очень характерный методологи-ческой споръ. Первоначально при разработкѣ плановъ экономисты пользовались такъ назыв. «гене-тическимъ» методомъ или мето-домъ «экстраполяціи». Они опре-дѣляли ходъ развитія отдѣльныхъ элементовъ народнаго хозяйства въ предшествующіе годы, и на ихъ основѣ намѣчали вѣроятныя и достижимыя темпы будущаго развитія. Въ процессѣ разработки «пятилѣтки» этому «генетическо-му» методу стали все болѣе про-тивооставляться такъ назыв. «те-леологическій» методъ. Согласно этому методу заранее задаются опредѣленными цѣлями, а затѣмъ начертывается тотъ путь развитія народнаго хозяйства, который ве-детъ къ достиженію этихъ цѣлей

Ликвидация частнаго и расшире-ніе государственнаго хозяйства содѣйствовали побѣдѣ «телеоло-говъ»; «генетиковъ» прокричали оппортунистами и меньшевиками. Цѣли «пятилѣтки» намѣчались все шире и шире. Настроенія пра-цовѣрныхъ экономистовъ нашли себя наилучшее выраженіе въ слѣдующихъ словахъ Струмили-на, сыгравшаго рѣшающую роль при окончательномъ редактиро-ваніи «пятилѣтки»: «Плановое ис-кусство», пишетъ онъ *), «не при-емлетъ сущаго міра. Оно ставитъ передъ собой задачу не познанія, а пересозданія этого міра. Оно активно создаетъ свой новый міръ».

Изъ двухъ плановъ «пятилѣ-ки» такъ назыв. «исходнаго» и «оптимальнаго» партія въ концѣ концовъ остановилась на вто-ромъ. При немъ капитальная ин-вестиція особенно велика, все раз-витіе народнаго хозяйства явля-ется особенно напряженнымъ, ибо оно остается безъ всякихъ ре-зервовъ, могущихъ облегчить «маневрированіе».

«Пятилѣтка по существу пре-слѣдуетъ тѣ-же самыя цѣли, ко-торыя намѣчались уже въ «Коп-трольныхъ пифрахъ» предшество-вавшихъ лѣтъ, и притомъ при-мѣрно тѣми-же средствами. Но она предполагаетъ чрезвычайное потенцированіе тѣхъ - же тен-денцій. Авторы «пятилѣтки» пред-полагаютъ, что въ въ пять лѣтъ Совѣтская Россія «догонитъ и за-тѣмъ перегонитъ» передовыя ка-питалистическія страны. Изъ аграрной страны Совѣтская Россія превратится въ индустриальную

*) Струмилинъ. Къ теоріи пла-нированія. «Плановое хозяйство», 1928. № 11, стр. 124.

За пять лет валовая продукция промышленности должна возрасти на целых 136%. Этот быстрый рост индустрии и составляет центральную задачу плана. Но достижение этой цели требует, конечно, хотя бы и больше скромного, но все же значительного роста и других отраслей народного хозяйства.

Что касается сельскохозяйственного производства, то оно должно возрасти за 5 лет на 55%. Особенное внимание уделяется развитию социалистической формы сельского хозяйства, в виде совхозов и колхозов. План предполагает, что по истечении 5-ти лет социалистический сектор даст 25% рыночной продукции сельского хозяйства и, в частности, 43% рыночной продукции зерна. Таким образом, зависимость коммунистического государства от крестьянского хозяйства была бы заметно ослаблена.

«Пятилетка» всегда предполагать наивысшее качество и исключительную пунктуальность в работе. Строительные планы должны быть очень точно и своевременно проработаны. Работы по рационализации должны так ловко вестись, чтобы каждая работа на фабриках не была бы прервана ни на одну минуту. Колосальные новые фабрики должны быть немедленно подведены под крышу и пущены в ход. Все новые технические изобретения должны быть самым искусным образом использованы.

Конечно, составители плана хорошо знают, что для его выполнения требуется громадный штат опытных инженеров, техников и высоко квалифицированных рабочих, которого в Со-

ветской России не имеется. Этого штата предполагается создать в течение пяти лет усиденным развитием технического образования, которому плану поэтому уделяется много внимания (также назыв. проблема «кадров»).

Осуществление «пятилетки» требует вложения в основные и оборотные капиталы народного хозяйства громадных средств. Основные и оборотные фонды народного хозяйства, которые к началу пятилетки оцениваются в 85 млрд. руб. должны к концу пятилетки достичь 162 млрд., т. е. они должны возрасти на 77 млрд. руб. или на 91%. Так как общий народный доход за пятилетие должен составить 187 миллиард. руб., то, следовательно, инвестиции должны поглотить 41% народного дохода. Чтобы надлежащим образом оценить эту последнюю величину, надо принять во внимание, что немецкому народу, которого доход на душу населения в несколько раз выше, чем доход населения России, удавалось в последние годы накапливать около 14% его национального дохода, и этот процент должен быть признан высоким, свидетельствующим о большой выдержке немецкого народа.

Надо, однако, иметь в виду, что капитальные инвестиции совершаются в советском хозяйстве совершенно на других основаниях, чем в капиталистическом. В капиталистическом мире инвестиции производятся на основе частных сбережений, которые население может делать или не делать. Советская власть может производить инвестиции.

е в этом деле, собственной волей населения и не полагая на его бережливость, ибо ни в сельском хозяйстве все главные источники народного дохода находятся в ее руках. Только крестьянскому хозяйству «пяятилетка» предоставлять самостоятельно финансировать себя из собственных средств. Т.е. 68 млрд руб., которые по финансовому плану «пяятилетки» идут на сельское хозяйство, предназначаются почти исключительно для создания сельскохозяйственного бюджета. От крестьянства же ожидается, что оно из собственных сбережений вложит в свое хозяйство око. 16 млрд. руб. За этим исключением финансирование народного хозяйства совершенно независимо от воли населения.

Важнейшим орудием финансирования народного хозяйства является свой бюджет, государственный и местный. Мощество коммунистического государства находить свое выражение в том, что его бюджет нетто (т.е. без оборотных сумм железных дорог и службы связи) поглощает значительно большую часть народного дохода, чем бюджеты буржуазных государств. Уже сводный бюджет - нетто 1927 - 28 и покрывает 24,4% народного дохода, а к 1932 - 33 году на бюджет должно прийти уже 31,1% народного дохода. Такой рост бюджета в известной мере оправдывается именно тем, что он в Советской России служит не только для покрытия расходов по управлению, по военной охране и по культурным нуждам страны, но и является важнейшим инструментом для финан-

сирования народного хозяйства. Бюджет выполняет в коммунистическом государстве в значительной мере ту роль, которую в буржуазном обществе выполняют банки. Сводный бюджет нетто «пяятилетки» составляет в сумме за пять лет 50,9 млрд., из которых 25,6 млрд. т.е. почти ровно половина, предназначена для финансирования народного хозяйства.

Государственный и местный бюджет является важным, но не единственным орудием для осуществления финансового плана «пяятилетки». Цели, которая себя ставит «пяятилетка», осуществляются также за счет остающихся за вычетом доли в бюджете доходов социалистических предприятий, за счет средств социального страхования кредитной системы, кооперации и т.д. В каждом данном случае составлены «пяятилетки», правды, считаются со специальным назначением соответствующих сумм: средства кооперации назначаются на кооперативное строительство, средства социального страхования для нужд рабочего населения и в частности для столь важного для осуществления «пяятилетки» профессионального образования и т.д. Но все соответствующие проекты могут быть включены в финансовый план, ибо никакая воля частной группы не может противоставиться воле всемогущего коммунистического государства.

Хотя крестьянское хозяйство формально остается как - будто самостоятельной хозяйственной организацией, но вся «пяятилетка» построена (да иначе оно и не могло быть) на том, что от

него будут получаться определенных и притом весьма значительных количества сельскохозяйственных продуктов по определенным и, конечно, весьма низким ценам. Можно ли этого достичь без принудительных мер, — этого вопроса «пятитетка» не касается.

Несмотря на предполагаемые громадные инвестиции, «пятитетка» рассчитывает, — что уровень жизни населения, на первом плане, конечно, рабочих национализированной промышленности не только не понизится, но значительно повысится. Это возможно потому, что в связи с громадными инвестициями национальный доход удвоится (почти увеличится на 103%). Хотя инвестиции будут из года в год поглощать все большую часть народного дохода, тем не менее у населения, в особенности у рабочего класса, будет оставаться все больше средств для покрытия его текущих нужд. За пять лет номинальная заработная плата повысится на 47%, а реальная заработная плата, ввиду общего понижения уровня цен, повысится даже на 71%. «Пятитетка» обещает даже несколько уменьшить уровень эксплоатации крестьянства, так как цены сельскохозяйственных продуктов предполагается за 5 лет понизить только на 5%, между тем как розничные цены промышленных изделий предполагается понизить на 23%.

Для выполнения финансового плана рыночное значение иметь не только расширение производства, но и его **качественный прогресс**. Посевные площади должны за 5 лет расширяться на 22%,

по урожай с единицы площади должны возрасти еще больше (зерновых хтбов на 25%, хлопка на 34%, льна на 57%, и т. д.). Стоимость производства в индустрии предполагается, благодаря техническим усовершенствованиям, понизить на 35%. Благодаря своему монопольному положению, промышленность может по своему усмотрению использовать ту экономию, которая должна получиться в результате понижения стоимости производства. И вот «пятитетка» предполагает из этой экономии 24% предназначить на понижение цен и 11% на повышение прибыли промышленности.

Одиннадцатилетний период коммунистического хозяйничанья до начала «пятитетки» дает некоторую возможность судить об обстоятельствах, благоприятствующих и не благоприятствующих осуществлению «пятитетки».

Основу «пятитетки» составляет громадная власть коммунистического правительства над хозяйством страны и над рабочими силами населения. Если «пятитетка» с качественной стороны не удастся, то Советская власть может свалить невыгодный подсчет на народные массы, ограничить до минимума их потребление, но не отказываясь окончательно от своих широких планов.

Всё остальное данья, кроме огромной власти коммунистического правительства над подчиненным ему населением, говорить против исполнимости «пятитетки».

Той высокой качественно рабочей, на которой построен «пятитетка», нельзя ожидать от ком-

мунистической системы хозяйства, въ которой, согласно имѣющемуся опыту, хозяйственный принципъ о достижений наименьшими жертвами наибольшихъ результатовъ не можетъ быть осуществленъ въ такой мѣрѣ, въ какой онъ осуществляется въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Къ тому-же Россія не располагаетъ достаточными культурными силами для хозяйственного строительства въ такомъ стремительномъ темпѣ. «Уже въ настоящее время, читаемъ мы въ «Пятилѣткѣ» (г. I, стр. 76), «съ каждымъ новымъ шагомъ по пути реконструкціи промышленности это ощущается нарастающая диспропорція между совершенствомъ вновь устанавливаемого оборудования и недостаткомъ технической культуры окружающихъ это оборудование рабочихъ кадровъ» (курсивъ подлинника). Этотъ недостатокъ технической культуры является сълдствиемъ недостатка общей культуры, и онъ не можетъ быть устраненъ въ нѣсколько лѣтъ.

Другую громадную опасность для «пятилѣтки» представляетъ, начавшаяся еще до вступленія ея въ силу, деградация крестьянскаго хозяйства. Хотя «пятилѣтка» и задается нѣлью значительно развитыя социалистическое земледѣліе, но все-же народное хозяйство пока основывается на крестьянскомъ земледѣліи; еще въ послѣднемъ году «пятилѣтки» крестьяне должны поставить 75% всѣхъ рыночныхъ продуктовъ. Совершенно не мѣняя своей разрушительной по отношенію къ крестьянскому хозяйству политики, совѣтская власть не имѣла никакихъ основаній ожидать, чтобы крестьянское хозяйство такъ успешно раз-

видось, какъ это требуетъ «пятилѣтка»; наоборотъ, можно было ожидать дальнѣйшей его деградации, которая грозитъ оставить города безъ продовольствия, фабрики безъ сырья и внѣшнюю торговлю безъ экспортныхъ товаровъ. А это обозначало-бы провалъ «пятилѣтки».

II. Выполненіе «пятилѣтки».

Когда ищутся эти сроки, второй годъ «пятилѣтки» близится къ своему завершенію, и представляется - бы уже нѣкоторая возможность разобраться въ послѣдствіяхъ попытки ея осуществленія.

Задача эта, однако, очень осложняется тѣмъ, что вступленіе въ силу «пятилѣтки» отразилось крайне неблагоприятно на русской экономической литературѣ. Ея тенденціозный и агитационный характеръ былъ еще рѣзче подчеркнутъ. Безпартійные «спецы» потеряли возможность принимать въ ней участіе, а самые видные экономисты, какъ извѣстно, запряганы въ тюрьмы. Ни «правыхъ уклонистовъ», родѣ Бухарина, Рыкова, ни тѣмъ менѣе троцкистовъ въ литературѣ уже нѣтъ. Экономическая литература стала теперь доменомъ правостѣрныхъ коммунистовъ, стоящихъ прочно на «генеральной линіи». Да и они съ большой опаской высказываютъ какое-либо самостоятельное сужденіе, ибо и имъ всегда грозитъ опасность быть на тѣхъ-же столбахъ утиченными въ «правомъ» или «лѣвомъ» уклонѣ».

По поводу представленнаго ЦСУ минувшей осенью неблагоприятна-

го хлѣбо - фуражнаго баланса на 1929 - 30 г., оно было обвинено въ томъ, что оно ведетъ свою работу по старымъ, буржуазнымъ методамъ и не усвоило себѣ новыхъ, социалистическихъ приемовъ работы. Среди статистическихъ «слепцовъ» была по этому случаю произведена генеральная чистка ЦСУ, которое когда - то было учреждено Ленинымъ въ качествѣ самостоятельнаго комиссариата именно для того, чтобы обезпечить объективную цѣнность его матеріаловъ, въ январѣ потеряло свою самостоятельность и было подчинено Госплану. Объективное значеніе матеріаловъ ЦСУ отъ этого, конечно, не возросло.

Совѣтская власть окончательно склоняется къ тому, чтобы разсматривать матеріалы о состояніи народнаго хозяйства, какъ **коммерческую тайну**. Бюллетени Конъюнктурнаго Института, дававшіе когда-то чрезвычайно цѣнные матеріалы о состояніи народнаго хозяйства Россіи, были закрыты въ началѣ 1928 г. Въ текущемъ году перестали появляться и мѣсячные отчеты Госплана. Экономическіе журналы одинъ за другимъ закрываются.

Такимъ образомъ, наши матеріалы теперь особенно скудны и тенденціозны, и добраться по нимъ до истины особенно трудно.

Несомнѣннымъ все - таки является фактъ, что строительство промышленности производится сейчасъ вѣселей крупныхъ размѣрахъ, и это обстоятельство опредѣляетъ собой всю хозяйственную жизнь страны. Въ первомъ году «пятилѣткіи», въ 1928-29, строительство велось еще въ широкихъ рамкахъ пятилѣтняго

плана. Въ текущемъ году правительство попыгалось даже выйти изъ этихъ рамокъ, былъ данъ лозунгъ: «Пятилѣтку въ 4 года!» Въ то время какъ пятилѣтній планъ предполагалъ затратить на промышленное строительство текущаго 1929 - 30 г. 2.331 милл. руб., «Контрольныя цифры» повысили эту сумму до 3.960 м. руб. Однако, за первые 9 мѣсяцевъ удалось осуществить только 43% строительнаго плана («Извѣстія» отъ 23 авг.). Такимъ образомъ, лозунгъ: «Пятилѣтку въ 4 года!» въ строительствѣ осуществитъ не удалось, и оно въ текущемъ году едва - ли превзойдетъ намѣтку пятилѣтняго плана.

Однако, и такое строительство на скромный русский масштабъ является небыватымъ и тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что оно ведется почти безъ иностраннаго капитала. Такія предпріятія, какъ Днѣпрострой, какъ строительство на южномъ Уралѣ новой металлургической промышленности въ связи съ Кузнецкимъ угольнымъ бассейномъ, какъ возведеніе громадной фабрики сельскохозяйственныхъ машинъ въ Ростовѣ на Дону, какъ постройка ряда тракторныхъ заводовъ, какъ постройка автомобильной фабрики въ Нижнемъ Новгородѣ, являются на русскомъ фонѣ грандіозными.

Но, конечно, вся эта индустриализація не можетъ претендовать ни на техническую, ни тѣмъ мене на экономическую рациональность.

Правда, за послѣдніе годы правительство удѣлило много заботъ тому, чтобы улучшить технику своего строительства. Договоры о техническомъ содѣйствіи, которые оно заключило съ рядомъ са-

милъ крупныхъ иностранныхъ строительныхъ формъ были, конечно, весьма полезны для упорядоченія дѣла. Но большую часть работъ приходится все - таки вести собственными техническими силами, а онѣ не соответствуютъ грандіозному размаху строительства. Достаточно указать, что на 1 апрѣля тек. года изъ объектовъ строительства только для половины (51%) имѣлись утвержденные проекты, для 1/6 (17%) имѣлись лишь эскизные планы, а цѣлая треть объектовъ (32%) строилась безъ плановъ*). При такихъ условияхъ не приходится удивляться тому что вновь выстроенныя фабрики часто совершенно не соответствуютъ своему назначенію**).

Еще хуже обстоятъ съ экономической рачіональностью промышленнаго строительства. Созданіе ряда совершенно новыхъ и весьма сложныхъ производствъ, какъ, напр., изготовленіе ткац-

*) А Мендельсонъ Конъюнктура народнаго хозяйства СССР въ первомъ полугодіи 1929 - 30 г. «План. хоз., 1930 г., № 5, стр. 217.

***) Въ Плате Геймоновкѣ былъ построенъ диласонный заводъ (заводъ огнеупорнаго кирпича), который въ соответствии съ большевистскимъ размахомъ долженъ былъ быть крупнейшимъ въ мірѣ, и вотъ обозрѣваяшая его коммиссія сообщила, что заводъ «за все шесть мѣсяцевъ работы не выпустилъ ни одной тонны годной продукции, пока идетъ сплошной бракъ.» Такие случаи совсѣмъ неединичны. С. Молчановъ Себѣстоимость промышленной продукции на первомъ этапѣ пятилѣтки «Эконом. Обзоръ» 1930 годъ, № 3, стр. 126.

кихъ станковъ, тракторовъ и т. д., которое продиктовано тенденціями Совѣтской власти къ автаркіи, экономически едва - ли можетъ быть оправдано. Изготовляемыя машины обходятся неизменно дорого и обычно отличаются весьма посредственными качествами.

Одно изъ самыхъ характерныхъ выраженій безхозяйственности совѣтскаго строительства представляеть изъ себя тотъ фактъ, что въ фабрикахъ, построенныхъ по самому послѣднему слову техники и снабженныхъ самыми дорогими машинами, стоимость производства оказывается значительно выше, чѣмъ въ старыхъ, примитивно оборудованныхъ фабрикахъ. Для коммунизма всякая техника является какимъ-то фетишемъ, которому поклоняются совершенно независимо отъ ея хозяйственной значимости. А между тѣмъ очень сложныя, экономящія трудъ машины очень часто бываютъ советамъ не на мѣстѣ въ странѣ, гдѣ трудъ обладаетъ еще весьма низкой квалификаціей и имѣется въ громадномъ избыткѣ.

Легкая возможность получения денегъ, на которые проценты не начисляются, побуждаютъ хозяйственниковъ затѣвать постройки, которыхъ странѣ советамъ не необходимо. Предсѣдатель Рабоче-Крестьянской Инспекціи (РКИ) Орджаникидзе докладывая на послѣднемъ партійномъ съѣздѣ о результатахъ обследованія строительства въ текстильной индустріи. За послѣдніе пять лѣтъ было затрачено на это строительство 462 милл. руб.; изъ нихъ 150 милл. по мнѣнію РКИ, были затрачены безъ особой надобности. Аналогичные результаты

дало обследование строительства густовъ черной металлургии. И это штырание громадными капиталами имѣеть мѣсто въ такой нищей странѣ, какъ современная Россія!

Все - же, благодаря созданію многихъ новыхъ фабрикъ, благодаря лучшему использованию машинъ работой въ сѣнахъ, удалось значительно расширить промышленное производство. По даннымъ совѣтской статистики это расширение даже превзошло намѣтку пятилѣтки. Въ 1928 - 29 г. производство должно было, согласно пятилѣткѣ, возрасти на 21%, а въ действительности оно возрасло по официальнымъ даннымъ на 24%. На текущій годъ пятилѣтка опять предусматриваета повышенье продукции на 21%, а, судя по истекшимъ десяти мѣсяцамъ, она повысилась, по сравнению съ 10 мѣсяцами минувшаго года, на 26%.

Изъ этихъ какъ - будто весьма благоприятныхъ данныхъ не слѣдуетъ, однако, дѣлать того вывода, что потребности населенія въ индустриальныхъ продуктахъ удовлетворяются значительно лучше и даже, вообще, лучше, чѣмъ до вступленія въ дѣйствіе пятилѣтки. Вопросъ этотъ принадлежитъ специальному разсмотрѣнію, которому мы его ниже и подвергнемъ; помимо дефектовъ совѣтской статистики, какъ разъ въ условіяхъ коммунистическаго плановаго хозяйства широкое развитіе производства нисколько не гарантируетъ сколько - нибудь сноснаго удовлетворенія потребностей общества.

Хоть и безъ достаточной хозяйственности и расчетливости, по русская индустрія все - таки раз-

вивается. Многие изъ того, что сейчасъ строится, строится зря, и въ будущемъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ его не будетъ расчѣтъ использовать. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что большая часть современнаго промышленнаго строительства представляется цѣннымъ при любой экономической обстановкѣ, и въ нормальныхъ условіяхъ свободнаго хозяйства будетъ использовано наиболее лучшимъ образомъ, какъ оно сейчасъ использовано быть не можетъ.

Совершенно другую картину мы наблюдаемъ въ сферѣ сельскаго хозяйства. Мы имѣемъ здѣсь колоссальной силы разрушительный процессъ, который ни въ комъ случаѣ не компенсируется кое - какими иными положительное значеніе прогрессивными начинаніями

Война на уничтоженіе, которую Совѣтская власть истекшей зимой объявила крестьянскому хозяйству, была важнѣйшимъ и роковымъ слѣдствіемъ выполненія «пятилѣтки». Подъ «пятилѣткой» не могли уже быть рѣки о смягченіи принудительныхъ мѣропріятій по отношенію къ крестьянству, а лишь обѣихъ обостреній. Осенью 1929 г. овецъ уже не стригли, съ нихъ драли вмѣстѣ съ шерстью шкуру. Послѣ этого окупать что-либо положительно отъ въ доскъ раззоряемаго крестьянства было уже невозможно; оставалось разрушить крестьянское хозяйство и создать на его развалинахъ социалистическое хозяйство, отъ котораго коммунисты почему - то ожидаютъ чудеса. Такъ коммунистическая партія положила къ одной изъ самыхъ звѣрскихъ

своих затѣй — къ принудительной коллективизации крестьянъ. Въ порядкѣ «раскулачиванія» была не только разорена, но въ значительной мѣрѣ физически уничтожена элита русскаго крестьянства. Все, что было прогрессивнаго въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, вторично сметено съ лица земли.

Что касается того, что создано, то оно не имѣетъ никакой хозяйственной цѣнности. Оно не имѣетъ цѣнности прежде всего потому, что за исключеніемъ очень небольшихъ бѣдняцкихъ группъ все остальное крестьянство вошло въ колхозы по принужденію. Въ теченіе зимы коммунистамъ удалось жестокими террористическими приемами вырвать у 13 милліоновъ крестьянъ согласіе на вхожденіе въ колхозы. Достаточно было, однако, Совѣтской власти въ мартѣ чуть-чуть смягчить свою практику, и крестьянство, несмотря на новыя большія льготы, данныя колхозникамъ декретомъ отъ 2 апрѣля, валомъ повалило изъ колхозовъ, — 9 милліоновъ дворовъ выписалось изъ нихъ. Это служить явнымъ доказательствомъ отсутствія въ этомъ движеніи эдовыхъ корней.

Правда, коммунисты очень гордятся тѣмъ, что 5 милліоновъ дворовъ, т. е. 22% всѣхъ крестьянъ, все-таки остались въ колхозахъ, и, следовательно, эта часть крестьянства, говорятъ они, вѣрна идеалу коммунизма. Однако, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лживымъ истолкованіемъ крестьянскихъ настроеній. Значительное большинство коллективизированныхъ дворовъ находится въ степныхъ районахъ.

Здѣсь коллективизация велась съ величайшей энергіей, и осуществялась она не формально: уничтожали межи, сгоняли на коллективные дворы скотъ, забирали орудія, сѣмена. Постановление ЦК партій, разрѣшившее выходъ изъ коллективовъ, появилось 15 марта, т. е. къ тому времени, когда въ степяхъ уже идетъ сѣвъ. Подѣлать уже сколоченный коллективъ — дѣло сложное, и поэтому значительной части населенія степей пришлось остаться пока въ коллективахъ. Но кромѣ того «раскулачиваніе» въ дѣло продолжается, и терроръ въ деревнѣ къ осени опять обострился. Середняки боятся выйти изъ колхозовъ, чтобы не подвергнуться «раскулачиванію». Свобода выхода изъ колхозовъ, какъ Калининъ недавно, ухмыляясь, сказалъ, — «большевистская».

Но коллективы не имѣютъ будущаго не только по способу своего созданія, но и по своему внутреннему существу. Производительныя товарищества являются хозяйственными организациями мало жизнеспособными. Если они держатся, то лишь въ томъ случаѣ, если они обнимаютъ небольшія, хорошо сплывшія (лучше всего на почвѣ повышеннаго редигознаго чувства), замкнутыя группы. Созданныя по преходящимъ хозяйственнымъ соображеніямъ, коллективы, какъ это показываетъ громадный русскій опытъ, быстро распадаются.

Если мало жизнеспособны небольшіе, свободно сложившіеся коллективы, то что же можно ожидать отъ коллективовъ, образованныхъ принудительно изъ совершенно разнородныхъ, не сплывшихся и не могущихъ сплываться,

элементов, отъ коллективовъ, иногда и тысячи семействъ? Организация самоуправленія въ такихъ коллективахъ задача, совершенно не разрѣшаемая.

Но, впрочемъ, коммунистическая партія и не думаетъ серьезно о созданіи самоуправляющихся производительныхъ товариществъ, она ихъ почитаетъ собственно мелко - буржуазными организаціями. Ея истинная цѣль — **созданіе на бывшихъ крестьянскихъ земляхъ новыхъ совхозовъ** и превращеніе крестьянъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; только такимъ путемъ можно будетъ радикально пресодолѣть ихъ мелкобуржуазную природу. Изъ городовъ было командировано 25 милл. коммунистовъ, которые, опираясь на вошедшихъ въ колхозы батраковъ и бѣдняковъ, управляютъ колхозами, не считаясь съ волей большинства вошедшихъ въ колхозы крестьянъ. Общій партійный лозунгъ таковъ, что и внутри колхозовъ классовая борьба продолжается. Недаромъ массы крестьянства именуютъ колхозы **«вторымъ крѣпостнымъ правомъ»**. Отъ такихъ хозяйственныхъ организаций не только нельзя ожидать ничего положительнаго, но трудно повѣрить въ ихъ минимальную устойчивость.

Непосредственнымъ слѣдствиемъ принудительной коллективизаціи было **рѣзкое сокращеніе скотоводства**. Къ веснѣ 1930 г. по сравненію съ весной 1929 г. по даннымъ совѣтской статистики стало сократилось въ слѣдующихъ размѣрахъ: лошади на 8,5 проц., рогатый скотъ на 22,9%, овцы на 31,9% и свиньи на 41,6

проц.*). Новая война не могла бы имѣть болѣе разрушительныхъ послѣдствій.

Но Сталинъ и комиссаръ вновь созданнаго союзнаго Наркомзема Яковлевъ старались убѣдигъ партійный съѣздъ и всю страну въ usefulness коллективизаціи, аргументируя тѣмъ, что будто истекшей весной удалось по сравненію съ минувшей весной расширить посѣвную площадь на 7⁰/₁₀. Они основывались на 5 - дневныхъ сводкахъ по посѣвной кампаніи, которая печаталась въ газетахъ. Однако, эти сводки вызываютъ большія сомнѣнія, ибо онѣ стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ общеизвѣстными фактами изъ практики русскаго сельскаго хозяйства. Въ Россіи переходъ отъ зимы къ лѣту очень рѣзокъ, и потому посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ долженъ быть произведенъ въ короткій срокъ! на сѣверѣ — въ теченіе 2-хъ недѣль, на югѣ — въ теченіе 3-хъ недѣль. Въ текущемъ году сѣвъ яровыхъ хлѣбовъ начался во время, но онъ продолжался, судя по статистическимъ сводкамъ, въ большинствѣ районовъ два мѣсяца. Еще въ теченіе іюня сѣяли яровые хлѣба не только по всей Сибири, но и по всей нечерноземной полосѣ Европейской Россіи. Въ Москвѣ шутили, что, если-бы коммунистическій съѣздъ собрался не въ концѣ іюня, а въ концѣ іюля, то мужики сѣяли-бы и весь іюль.

*) В Кацѣ. О первыхъ этапахъ реализаціи пятилѣтнаго плана «Экон. Жизнь» отъ 13 іюня 1930 года. Въ легкой прикрытой формѣ, упоминаютъ и въ рѣчи Сталина на партійномъ съѣздѣ.

Но, можетъ быть, можно рассчитывать на то, что поля обрабатываются теперь лучше, чѣмъ прежде? Такая надежда была-бы совершенно не обоснованной. Наоборотъ, имѣются всѣ основанія полагать, что поля обрабатываются теперь гораздо хуже, чѣмъ они обрабатывались раньше.

Что касается главной массы крестьянъ, оставшихся внѣ колхозовъ, то тѣ изъ нихъ, которые отказались пойти въ колхозы, подвергались большому гоненію: у нихъ отрѣзали лучшія земли, у нихъ отнимали въ пользу колхозовъ скотъ и сѣмена; тѣ же крестьяне, которые подъ влияніемъ террора вошли въ колхозы, а затѣмъ ихъ оставили, уже этимъ самымъ разстроили свое хозяйство.

Въ колхозахъ царитъ изрядный хаосъ, а машинами имъ пока могли помочь очень мало. По даннымъ, приведеннымъ Наркомомъ Земледѣлія Яковлевымъ на съѣздѣ, тракторамъ было обработано въ степныхъ районахъ 11,5% всѣхъ коллективизированныхъ полей, въ центральныхъ районахъ — 5,7% и въ сѣверныхъ районахъ даже только 3,4%.

Конечно, размѣры урожая въ Россіи, особенно въ степяхъ, сильнѣйшимъ образомъ зависятъ отъ метеорологическихъ условій. Но поскольку урожай зависитъ отъ качества обработки и удобрения, перспективы представляются весьма неблагоприятными. Какое количество этого года намъ неизвѣстно, ибо въ текущемъ году данныя о перспективахъ урожая не печатались. Видимо, это признается теперь коммерческой тайной.

«linter dem U kömmt gleich
das Weh
«Das ist die Ordnung im
A B C.

Кто разрушаетъ рынокъ, тотъ неминуемо приходитъ къ пайковому распределенію хозяйственныхъ благъ. Постъ перехода въ январь 1928 г. къ принудительному отчужденію сельскохозяйственныхъ продуктовъ, Совѣтская власть долго не рѣшалась сдѣлать соответствующій выводъ, — ужь очень тяжелыя воспоминанія остались у населенія о пайковой жизни въ первые годы коммунизма. Но въ концѣ концовъ пришлось все-таки принудительно населенію и эту горькую пилюлю: весной 1929 г. хлѣбные пайки были введены во всѣхъ городахъ. Чтобы успокоить рабочихъ, пустились, конечно, въ мерзкую демагогію: ввели жестокую дифференціацию въ пайкахъ, а быв. буржуевъ совсѣмъ лишили хлѣбныхъ карточекъ. Скоро заборная карточка пришлось, конечно, распространить на всѣ остальные продукты питания. Съ самаго начала достаточный хлѣбный паекъ (въ 800 гр.) выдавался только въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городахъ выдавали и 600 гр., и 400 гр.*). Съ другими продуктами дѣло было, конечно, еще хуже.

Спасенія Совѣтская власть ждетъ, конечно, отъ социализаціи мелкаго хозяйства. Однако, пока такое не наступило, а этой зимой послѣдовало рѣзкое ухудшеніе продовольственного положенія въ городахъ. За первую половину текущаго года было, не-

*) Смирницкій. Внутренняя торговля СССР въ 1928 - 29 г. «Стат. обзоръ» 1930 г. № 3 - 4, стр. 57.

смотря на почти полное устранение частника, получено 52% того количества масла и 55,7% того количества яиц, которых были изготовлены за то-же полугодие прошлого года («Извѣстія отъ 4-го августа. Передов.»). Несмотря на то, что газеты пишутъ, что урожай въ этомъ году хороший, хлѣбная кампанія развертывается весьма туго, въ июлѣ было собрано только 39% того количества, которое было для этого мѣсяца предусмотрено планомъ; въ августѣ, благодаря сдѣланному большому нажиму, результаты были лучше, но все - же было собрано только 72,3% плана.

Продовольственное положение России является очень тяжкимъ, и къ сожалѣнію, зимой можно ожидать лишь дальнѣйшаго ухудшения этого положенія. Несмотря только что произведеннаго разгрома русскаго сельскаго хозяйства удивляться этому не приходится. Но чему съ перваго взгляда приходится удивиться, такъ это тому факту, что острый недостатокъ ощущается не только въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, но и въ промышленныхъ товарахъ, и въ отношеніи ихъ царитъ «товарный голодъ». Уже въ 1928 - 29 г. Наркомторгъ считалъ слѣдующіе товары дефицитными, т. е. такими, которые уже нельзя продавать, а приходится въ порядкѣ пайковъ распределять: бумажная ткань, шерстяная ткань, готовое платье, кожаные изделия, обувь, металлические товары и оконное стекло*) Все важнѣйшіе товары были, такимъ образомъ, въ дефи-

цитѣ. Въ текущемъ году число дефицитныхъ товаровъ еще возросло. Получается такая картина, что, чѣмъ больше производится товаровъ, тѣмъ острѣе становится товарный голодъ. Полученіе товаровъ стало привилегіей членовъ профессиональных союзовъ и крестьянъ, имѣющихъ особые заслуги передъ Совѣтской властью, напр., сдающихъ цѣнное сырье или добровольно поступающихъ въ колхозы и т. п.

Какъ объяснить это кричащее противорѣчіе между быстро растущей индустріей и столь же быстро растущимъ товарнымъ голодомъ?

Для объясненія указаннаго противорѣчія необходимо имѣть въ виду, что растетъ вѣдь въ быстромъ темпѣ преимущественно производство орудій производства, а легкая индустрія растетъ значительно медленнѣе. Очень значительная и притомъ постоянно распуцающая часть индустриальнаго производства обслуживаетъ самую индустрію; послѣдняя при низкомъ уровнѣ хозяйственности, характерной для коммунизма, сама себя поѣдаетъ.

Во-вторыхъ, надо принять во вниманіе, что совѣтская статистика имѣетъ дѣло только съ количествами товаровъ и съ ихъ твердыми цѣнами. Но вѣдь действительная цѣнность товаровъ определяется соответствіемъ ихъ рода требованіямъ погребтенія и ихъ качествомъ. Объ этой действительной цѣнности товаровъ статистика плановою хозяйствомъ ничего не говоритъ, да и сказать ничего не можетъ. Коммунистическая промышленность, воспитанная въ условіяхъ абсолютной монополии, всегда дава-

*) К. Смирнинскій Внутренняя торговля СССР въ 1928 - 29 г. «Стат. обзоръ» 1930 г., № 3 - 4.

ла плохой товаръ, и дѣло чрезвычайно ухудшилось, когда подлѣ «пятылѣткой» быть данъ лозунгъ быстрого увеличенія продукціи и быстрого пониженія стоимости производства. Стали производить не то, что нужно потребителю, а то, что можно въ требуемомъ количествѣ произвести; что касается пониженія стоимости производства, то она достигается еще болѣе значительнымъ пониженіемъ качества продуктовъ.

Такъ какъ весь этотъ громадный бракъ зачисляется по фиксированнымъ цѣнамъ въ продукцію, то ростъ продукціи по даннымъ статистики нисколько не гарантируетъ роста ея потребительной цѣнности.

Намъ остается теперь отвѣтить на послѣдній вопросъ: если качество товаровъ, по свидѣтельству всѣхъ официальныхъ источниковъ, такъ низко, то почему они не залеживаются, а распродаются? Это объясняется все разрастающейся инфляціей въ условіяхъ планового хозяйства съ фиксированными цѣнами.

Совѣтское хозяйство не только въ вопросѣ качества производимыхъ товаровъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не могло удовлетворить тѣмъ качественнымъ требованіямъ, которыя ему предъявила пятилѣтка. Въ связи съ этимъ финансовый планъ оказался разстроенымъ. Въ 1928 - 29 г. должно было быть, согласно «пятылѣтки», выпущено 200 милл. новыхъ денегъ, а выпущено было 671,4 милл. руб. Денежная масса возросла на 1/3; въ то-же время масса индустриальныхъ товаровъ возросла на гораздо меньшую долю, а товарная масса сельскохозяйственныхъ продук-

товъ совсѣмъ не возросла. Сколько бумажныхъ денегъ выпущено въ текущемъ году, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ очень много, такъ много, что серебро, какъ это при бумажной инфляціи необходимо должно быть, исчезло изъ обращенія и сейчасъ платятъ въ Россіи только рублями. Совѣтская власть между прочимъ пытается бороться противъ такъ назыв. закона Грѣшема о вытѣсненіи изъ обращенія худшими деньгами лучшихъ испытаннымъ средствомъ — разстрѣлами, на этотъ разъ это единоспасающее средство не поможетъ.

Такъ какъ цѣлы въ Совѣтской Россіи не могутъ расти въ соотвѣтствіи съ ростомъ денежной массы, то равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ товаровъ наступить не можетъ. Чтобы товары не расхватывались, остается ихъ распределить въ коммунистическомъ порядкѣ. Но въ этихъ условіяхъ даже при ростѣ продукціи о нормальномъ удовлетвореніи потребностей населенія не можетъ быть рѣчи. Всякій пользуется своей привилегіей получить товаръ по фиксированнымъ цѣнамъ, все равно нуженъ ли онъ ему или нѣтъ, хорошъ ли или нѣтъ, — товаръ все-таки имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ совѣтскія деньги. Точно такъ же поступаютъ и націонализированныя предпріятія, и они задолго запасаются всѣми имъ нужными и ненужными средствами производства. Такъ, у однихъ потребителей накапливаются ненужные запасы, а у другихъ нѣтъ сямаяго необходимаго. При этой замѣтл. торговлѣ коммунистическимъ распределеніемъ даже реальный ростъ производимыхъ

цѣнностей не можетъ гарантироватьъ удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей общества. Если инфляція въ условіяхъ свободнаго хозяйства создаетъ серьезныя затрудненія вслѣдствіе идущаго пониженія цѣнности денегъ, то инфляція въ условіяхъ плановою хозяйства разрушаетъ самую денежную систему, уничтожаетъ самыя основы хозяйственного расчета. Народное хозяйство постепенно погружается въ первобытный хаосъ. Хаосъ въ распредѣленіи объясняетъ намъ и ту полосу дезорганизации транспорта, въ которую вступила опять Совѣтская Россія; она является слѣдствіемъ безпорядочнаго разбрасыванія товаровъ по огромной странѣ.

Тотъ бросовый экспортъ нѣкоторыхъ товаровъ, которымъ Совѣтская Россія сейчасъ пугаетъ иностранныхъ производителей, объясняется, конечно, не совершенной организацией производства, а явленіемъ инфляціи или върнѣе атрофіей хозяйственного расчета.

При такой быстро разрастающейся дезорганизации хозяйства Совѣтская власть не только не оказалась въ состояніи улучшить положенія рабочихъ, но она оказалась не въ состояніи предупредить значительнаго его ухудшенія. Экономическое положеніе рабочихъ ухудшалось отъ осени 1922 г. до осени 1927 г. Въ 1927-28 г., несмотря на повышение номинала заработной платы, ея реальное значеніе во всякомъ случаѣ не повысилось. А со всгупленіемъ въ силу «пятилѣткіи» положеніе рабочихъ рѣзко ухудшилось. Русскій рабочий теперь плохо питается, плохо одѣвается и вынужденъ жить въ отвратитель-

ныхъ жилищныхъ условіяхъ; особенно это слѣдуетъ сказать про рабочихъ въ провинціи, про чернорабочихъ, про строительныхъ рабочихъ*). Дѣло дошло до то-

*) Этого, для внимательнаго читателя совѣтской литературы несомнѣнный, фактъ на основаніи своихъ непосредственныхъ наблюденій совѣтской жизни засвидѣтельствовалъ на столбцахъ «Дней» Петръ Зерновъ. Къ удивленію, статья Зернова вызвала возраженія на столбцахъ «Посл. Нов.» со стороны проф. С. Н. Прокоповича. Прокоповичъ доказываетъ на основаніи данныхъ о номинальной заработной платѣ и бюджетныхъ индексовъ, что съ русскимъ рабочимъ и теперь обстоитъ весьма благополучно. С. Н. Прокоповичъ на этогъ разѣ ужъ слишкомъ упрощенно оперируетъ статистическими цифрами. Статистическая цифра имѣетъ совершенно различный смыслъ въ зависимости отъ хозяйственнаго строя, къ которому она относится. Бюджетный индексъ имѣлъ совершенно опредѣленное значеніе въ условіяхъ свободнаго хозяйства 1913 г. и совершенно утратилъ это значеніе въ условіяхъ пайкового хозяйства подлѣ «пятилѣткой». Если выкладки проф. Прокоповича имѣютъ смыслъ, то развѣ такой: если-бы рабочий могъ по твердымъ цѣнамъ, получить, сколько ему угодно, пиши, одѣжки и помѣщенія, то онъ могъ-бы жить не плохо. Но бѣда въ томъ, что ничего этого онъ вдоволь получить не можетъ. А дополнить паекъ или невозможно, или если возможно, то по цѣнамъ, которыя бюджетнымъ индексомъ не учтены, и рабочему не по карману.

го, что нетребовательный русский рабочий такого положения выдержать не можетъ. Нормальное движеніе рабочихъ изъ перенаселенной деревни въ городъ приостанавливается. Рабочіе постоянно перебѣгаютъ съ фабрики на фабрику въ поискахъ сколько-нибудь сноснаго питанія и сколько-нибудь сносныхъ жилищныхъ условий. Совѣтская пресса переполнена жалобами на недостатокъ **рабочей силы** и на ея **текучесть**. Это уже отражается на производствѣ; промышленная продукция въ июль сократилась на 6,9% противъ предыдущаго мѣсяца. Совѣтская власть теперь усердно занята прикрѣпленіемъ рабочихъ къ производству. Таково логическое развитіе плановаго коммунистическаго хозяйства. Такъ было подъ такъ назыв. «волевымъ коммунизмомъ», такъ оно происходитъ и теперь.

Упомянутый уже совѣтскій «спецъ» Петръ Зерновъ высказалъ на столбцахъ «(ней) мысль,

что Совѣтская власть весьма успешно осуществляетъ «пятилѣтку»... на крѣпостномъ трудѣ нищенски вознаграждаемыхъ крестьянъ и рабочихъ. Проживъ 13 тяжелыхъ лѣтъ подъ властью коммунистической партіи, можно въ концѣ концовъ повѣрить, что сильнѣе кошки звѣря лѣтъ, и что для нея все возможно. Однако, для тѣхъ изъ насъ, которые отъ этого ужаса нѣсколько очухались, и которые внимательно со стороны наблюдаютъ за тѣмъ, что дѣется въ Россіи, совершенно очевидно, что мы стоимъ не передъ картиной осуществленія, а передъ картиной крушенія «пятилѣтки», ибо на крѣпостномъ трудѣ голодныхъ и холодныхъ крестьянъ и рабочихъ ни «догнать», ни «спергнать» капиталистической Европы, ни, вообще, что-либо путное сдѣлать нельзя; но сломать себѣ шею на этомъ пути Совѣтская власть можетъ.

Б. Бруцкусъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Алексѣй Толстой. Петръ I. Издательство «Петрополисъ», Берлинъ 1930.

Вышелъ второй томъ замѣчательнаго романа Алексѣя Толстого. Первый томъ давалъ главнымъ образомъ историческій фонъ, картину донетровской Руси и на этомъ фонѣ фигуру юноши, почти мальчика, Петра. Во второмъ томѣ образъ Петра начинаетъ вырисовываться яснѣе и можно уже судить объ отношеніи къ нему самого автора.

Алексѣй Толстой однажды уже подошелъ къ этой темѣ. Въ первые мѣсяцы большевизма онъ выпустилъ повѣсть «День Петра», являвшую въ свое время рѣзкую оловѣдь проф. Платонова. Петръ изображенъ въ ней пьянымъ, грязнымъ, полубезумнымъ звѣремъ.

Съ тѣхъ поръ отношеніе автора къ Петру измѣнилось. Правда, въ «Днѣ Петра» царь изображенъ уже пожилымъ, а въ новомъ романѣ онъ — еще юноша. Но дѣло не въ этомъ. Скорѣе даже наоборотъ, такъ какъ именно тамъ показывался Петръ въ его исторической дѣятельности. А. Толстой и въ новой вещи не скрываетъ того, что было темно и ужаснаго въ его героѣ. Но онъ не забываетъ о томъ, что это «герой». Чувствуется, что онъ хочетъ сквозь все темное и порочное показать — величіе Петра. И въ этомъ второмъ томѣ Петръ еще молодой, его дѣянія, подвиги — еще впереди. Но Толстой уже намѣчаетъ элементы этого будущаго величія: жертвенную смѣлость Петра подъ Азовомъ, сознаніе долга, страстную любовь къ Россіи. Легкимъ измѣненіемъ интонаціи онъ почти тѣ же слова, что были въ «Днѣ Петра» заставляетъ звучать по иному. «Что была Россія ему, царю, хозяину, загорѣвшемуся досадой и ревностью: какъ это — дворъ его и скотъ, батраки и все хозяйство — хуже, глупѣе сосѣдскаго?» Это — слова изъ «Жизни Петра». А какимъ патріотизмомъ полны переживанія Петра въ новомъ романѣ. «Ты въ глаза колешь — дикіе, нищіе, звѣри, дураки, да звѣри! Знаю, чертъ! Но погоди, погоди!» страстно говоритъ царь. Какъ хорошо переданы егдѣ патріотическая тревога, обида и зависть при видѣ иностранныхъ кораблей въ Архангельскѣ. Въ стремленіи «понять-простить», въ желаніи оправдать Петра Толстой искусенъ и даже предусмотрителенъ. Вотъ, напр., отношеніе царя къ женѣ. Жестокость Петра къ женѣ — еще въ будущемъ, по Толстой, чтобы уже заранѣе оправдать эту будущую неумолчку и по историческимъ даннымъ необъяснимую жестокость, съ большой убѣ-

дительностью изображаетъ, воображаетъ ограниченность и тупой эгоизмъ царицы Евдокии. Единственный разъ ищетъ въ ней сочувствiя и душевнаго отклика царь — и ничего не находитъ, кромѣ эгоизма. «Этого я тебѣ повѣкъ не забуду», говоритъ онъ женѣ, и читатель уже подготовленъ къ тому, чтобы простить ему его будущую жестокость.

А какъ человѣчно его отношенiе къ матери, какъ привлекателенъ онъ въ своей полудѣтской любви къ Аннѣ Моисѣ, какъ миль въ своемъ обращенiи съ нѣмецкими курфюрстинями. И невольна вѣришь ему, когда въ интимномъ разговорѣ съ этими курфюрстинями, онъ касается больнаго мѣста — своей жестокости, участiя въ казняхъ и пыткахъ: «Про то, что золь и кровь люблю — врутъ... Я не золь... А пожить съ нашими въ Москвѣ — каждый бѣшеннымъ станеть. Въ Россiи все нужно ломать, все — заново. А ужъ люди у насъ упрямы! На иномъ мясе до костей подъ кипутомъ слѣзаетъ...» Не въ этомъ ли оправданiи Петра — цѣль романа? Въ Москвѣ такъ много говорятъ о социальномъ заказѣ, что мы невольно становимся подозрительны, тѣмъ болѣе что Толстой независимостью по отношенiю къ власти не славится. Въ нѣкоторыхъ страницахъ романа, дѣйствительно, чувствуется, что написанъ въ большевистской Москвѣ. Толстой воспринялъ нѣкоторые марксистскiе штампы. Оказывается, что Петръ былъ выразителемъ «торговаго капитала». Когда онъ думалъ о торговыхъ людяхъ, то ему «будто брезжили свѣтъ въ безнадежныхъ потемкахъ», подъ ногами прощупывалась станова яжила. Но купечество нужно было Петру новое, «красное». Во время азовскаго похода всѣ поставщики воруютъ, кромѣ новаго, выдвинутаго Петромъ, подрядчика изъ крестьянъ. Но это и тому подобныя вещи — только мелочи, неспособныя испортить книгу. Другое дѣло, если бы ложъ «социальнаго заказа» отравляла основной замыселъ романа. Тогда фальшь политическая могла бы превратиться въ художественную ложь. Не написана ли эта книга для оправданiя большевистскаго насилiя и террора? Одна изъ историческихъ аналогiй, которая, правильно или нѣтъ, но идетъ на пользу большевикамъ, оправдывая ихъ въ прогрессивномъ общественномъ мнѣнiи Запада, — это сравненiе большевистской революцiи съ 93-мъ годомъ. Кому изъ тѣхъ, кто говорилъ съ иностранцами о большевистскихъ звѣрствахъ не приходилось встрѣчаться съ этой аналогiей? Какъ полезно было бы для большевиковъ найти и въ русской исторiи освещенную временемъ и традицiей эпоху и изобразить ее какъ аналогичную съ временемъ ихъ дѣятельности. Отнявъ у Петра наименованiе созданнаго имъ города, присвоить себя и традиционныи ореоль, окружающii его образъ, — было бы заманчивой задачей для совѣтской власти!

Но никакой социальный заказъ не можетъ заставить истиннаго художника лгать въ художественномъ произведенiи. Такая ложь психологически и эстетически немыслима. Самая удача романа свидѣтельствуетъ о его правдивости. Намъ кажется, что измененiе образа Петра у Толстого обусловлено художественнымъ заданiемъ, которое

онъ себѣ поставилъ. Если бы Толстой подъ вліяніемъ болѣе пристальнаго изученія или по другимъ причинамъ не измѣнилъ своего отношенія къ Петру, онъ не могъ бы писать большой біографической романъ о немъ. При отрицательномъ отношеніи къ герою можно набросать яркій образъ, проникнутую ненавистью и отвращеніемъ карикатуру. Но внимательно и подробно описывать каждое душевное движеніе, каждый поступокъ Петра отъ младенчества до старости можно только при сочувствіи и любви къ нему. Здѣсь не обойтись безъ того «вчувствованія», о которомъ писали нѣмецкіе эстетики и которое невозможно безъ симпатій, безъ любви. Это не значитъ, что авторъ долженъ закрывать глаза на темныя стороны изображаемаго имъ человѣка. И, разумѣется, интересъ къ Петру и петровской эпохѣ вызванъ или обостренъ у Толстого размышленіями надъ смысломъ современности. Вѣроятно, есть у него и желаніе найти оправданіе ужасамъ этой современности. Такое оправданіе вѣдь является и самооправданіемъ для писателя, эту современность приняшаго. Этотъ романъ и безъ «соціального заказа» — апологія Петра.

Рецензенты уже отмѣчали отсутствіе въ романѣ Толстого грубыхъ историческихъ ошибокъ и отдавали дань большой работѣ изученія эпохи по документамъ и источникамъ, продѣланной авторомъ. Очень возможно, что Алексѣй Толстой дѣйствительно добросовѣстно «подучился», «подчиталъ». Въ этой книгѣ поражаетъ яркость и точность **видѣнія** прошлаго. Но, кажется, эта яркость и точность обусловлены не столько изученіемъ источниковъ, сколько присущимъ автору знаніемъ Россіи. Документы, которые онъ часто цитируетъ не оживляютъ повѣствованія, какъ это нерѣдко бываетъ у историческихъ романистовъ, а скорѣе отяжеляютъ его. Они блѣдны по сравненію съ яркостью его собственнаго видѣнія прошлаго. Его огромное, интуитивное, зрительно-слуховое знаніе Россіи даетъ Толстому знаніе малоизмѣняющейся въ вѣкахъ національной первоосновы русскаго быта и душевной жизни русскихъ людей. Сильный этимъ знаніемъ художникъ воспримчивъ и къ особенностямъ данной эпохи. Эти особенности, то что мы называемъ воздухомъ эпохи или историческимъ колоритомъ, являются только видоизмѣненіемъ, аспектами національной первоосновы. Художнику довольно намекъ, одного слова, историческаго документа, чтобы ихъ увидѣть и показать читателю цѣлую картину. И это не будетъ только работой воображенія. Вѣдь въ современной Россіи уцѣлѣло немало остатковъ прошлаго, въ русскомъ быту печально вкраплено пережитковъ Россіи 17-го вѣка. Такое знаніе является безцѣпной помощью художнику. Порой кажется, что Толстой не только воссоздалъ въ воображеніи, но **видѣлъ** и воспроизвелъ этихъ мерзнущихъ крестьянскихъ ребятишекъ, выбѣгающихъ на морозъ изъ курной избы, шустраго бойкаго мальчика Алексапку Мельшикова, мужиковъ, дворянскихъ дѣтей, казаковъ, нищихъ 17-го вѣка. Всѣ многочисленныя фигуры романа — обѣ царицы, Софья, Голицынь, Меньшиковъ и дебошанъ Лефортъ, агліійскіе купцы, голландскіе мастера и всѣ многообразныя и пестрыя сцены романа изобра-

жены такъ, что читатель видитъ ихъ и вѣритъ, что все это было именно такъ, а не иначе. Сила видѣнія, почти наводненія, у Толстого исключительна. И если исторія — это воскрешеніе прошлаго, то этотъ романъ — подлинная исторія.

Мих. Цетлинъ.

Е. Кельчевскій. Въ лѣсу. Романъ. Парижъ 1930. Складъ изд. Кп. маг. Е. Сіяльской.

Е. Кельчевскій дебютировалъ романомъ «Нослѣ урагана» — и съ рѣдкой удачей. Можетъ быть, по общей условной конструкціи, это не былъ настоящий романъ; значительная часть книги была посвящена описанію путешествія, почти безъ связи съ романтической интригой; по все-таки это былъ, пожалуй, первый хорошій «эмигрантскій» романъ. Какъ ни странно, среди множества выходящихъ за рубежомъ книгъ, написанныхъ и старымъ и молодымъ писательскимъ поколѣніемъ, до сихъ поръ нѣтъ большого романа изъ эмигрантской жизни, которымъ можно бы было похвалиться. Е. Кельчевскій сразу попалъ въ число «подающихъ надежды» на заполненіе этого пробѣла, столь трудно объяснимаго.

Не въ укоръ автору будь сказано, — онъ надежды пока не оправдалъ. «Въ лѣсу» — его третья книга, и книга хорошая. Но подѣ «эмигрантскимъ романомъ» мы разумеѣмъ, конечно, романъ эпохи бѣженства, въ которомъ отразились бы бытіе широкихъ бѣженскихъ слоевъ, несприкаянное блужданіе однихъ, попытки приспособленія другихъ, востаніе въ чужую жизнь, безсильное отмираніе, внутренняя идейная борьба, жизнь личная и общественная, единичная и массовая, ростъ новыхъ поколѣній, — однимъ словомъ вся эпопея бѣженства, если не какъ сюжетъ, то какъ основной фонъ. Именно этого до сихъ поръ не было въ опытахъ эмигрантскихъ писаній. Повѣсти же личной жизни были, и плохія и хорошія. Къ типу хорошихъ повѣстей принадлежитъ новый «романъ» Е. Кельчевскаго. Авторъ пошелъ, такимъ образомъ, по линіи меньшаго сопротивленія и творческаго напряженія, давъ намъ произведеніе на «романическій», т. е. любовный сюжетъ.

Въ такихъ повѣствованіяхъ неизбѣжны рѣзко очерченные характеры героя и героини, для которыхъ другіе дѣйствующія лица служатъ только «хоромъ». Такъ оно и есть. Герой — Сергѣй Николаевичъ Ретинскій, «сорокалѣтній мужчина тяжелаго вѣса, въ прошломъ — все что угодно: промотавшійся помѣщикъ, недочувшійся агрономъ, неудавшійся актеръ и, наконецъ, цсарскій ротмистръ». Поскольку читатель не обязанъ руководиться писательскими ремарками, скажемъ просто, что его герой — типичный «бывшій офицеръ», т. е. полунинтеллигентъ російскаго склада съ примитивными и честными взглядами на женщинъ и на любовь. Ретинскій нѣсколько выше средняго уровня, и по способностямъ, и по образованію, и по нравственнымъ запросамъ. Героиня — Женя, хорошая дѣвушка изъ буржуаз-

ной семьи, съ характеромъ, пеясно описаннымъ романистомъ. Въ Россіи Регинскій былъ жепихомъ Жени, но бракъ ихъ не состоялся — какъ будто по ся винѣ. У него было достаточно поводовъ осуждать ее, пожалуй, и ненавидѣть. Она была дважды замужемъ, и наконецъ, когда Регинскій, пройдя полагавшійся офицеру крестный путь, оказался за границей, она прѣехала сюда подъ видомъ жены почтеннаго старца «свеща». Судьба ихъ свела здѣсь, и авторъ прибѣгъ къ очень сложной драматической обстановкѣ, впрочемъ правдивой и не лубочной, чтобы доказать, что старая любовь не ржавѣтъ.

Болѣе, чѣмъ развитіе сюжета, насъ интересуетъ художественная техника автора. Своей повѣсти онъ придалъ форму дневника — очень опасную и невыгодную. Но онъ отлично съ нею справился. Его герой описываетъ одновременно всю свою предшествующую жизнь, включая любовную исторію. Главы удачно чередуются, и незамѣтно прошлое сливается съ настоящимъ. Къ концу приписанъ сильный драматическій эффектъ, и все кончается благополучно. Пріемъ нѣсколько навязный, но пріятный.

Злой критикъ называлъ бы романъ Е. Кельчевскаго «офицерскимъ» — по духу описываемой среды, по господству интересовъ и по психологін лицъ, въ романѣ дѣйствующихъ. Калетскій корпусъ, театр, гитара и цыганскія пѣсни такъ же опредѣляютъ въ немъ уровень среды, какъ и нѣкоторая туманная загадочность натуры главнаго героя, въ общемъ — простоватаго и средняго человека. Романъ «Послѣ урагана» былъ внутренне значительнѣе, хотя технически путаннѣе. Но отъ излишнихъ упрековъ автора спасаетъ особая чистота и — я бы сказалъ — приятность трактованія такой опасной темы, какъ тема о любви, прошедшей много этаповъ и напрасныхъ испытаний. Нужно имѣть большой художественный вкусъ, чтобы не погрѣшить въ этихъ условіяхъ грубоватой сценой или не удариться въ дешевую сентиментальность. Отъ этихъ недостатковъ романъ свободенъ.

Новый литературный опытъ Е. Кельчевскаго назовемъ укрѣпленіемъ завоеванныхъ позицій; желательнѣе дальнѣйшее продвиженіе впередъ.

Мих. Осоргинъ.

В. Корсакъ. У красныхъ. Парижъ, 1930. Складъ изд. «Москва»

В. Корсакъ — авторъ книгъ «Плѣнъ», «Забытые» и «Исторія одного контролера». Послѣдняя — не столько романъ, сколько опытъ превращенія въ романъ обычныхъ мемуаровъ. Двѣ первыя книги, вмѣстѣ съ вновь вышедшей («У красныхъ»), составляютъ какъ бы единое цѣлое, автобиографическую запись, которая будетъ закончена, когда авторъ издастъ свою готовящуюся книгу «У бѣлыхъ».

У книгъ такого содержания своя судьба — и не очень радостная. во всякомъ случаѣ легкая; авторъ (а В. Корсакъ — талантливый авторъ) обязанъ ихъ написать, потому что не должны пропасть его богатые житейскія наблюденія, читателямъ же нѣсколько прискучили воспоминанія о войнѣ, о плѣнѣ и о дняхъ революціи, если не пере-

плетено это съ художественнымъ вымысломъ и не одобрено интригой. Первые двѣ книги В. Корсака всгрѣчены критикой хорошо; онѣ написаны такъ занимательно и такъ правдиво, что нельзя ихъ не выдѣлять изъ общей мемуарной библіотеки. И третья прочтется, конечно, со вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что она богаче типами, картинами, событиями. Но только тотъ, кто прочтаетъ всѣ книги сразу, пойметъ и ихъ смыслъ и ихъ необходимость, -- хотя каждая изъ нихъ по содержанію самостоятельна: пойметъ и автора, и авторскую задачу.

Особенность В. Корсака, какъ мемуариста, въ томъ, что онъ, говоря отъ перваго лица, называя себя подлиннымъ именемъ, описывая лишь то, что видѣлъ и при чемъ самъ присутствовалъ, -- своей личности не выдѣляетъ и пальцемъ на нее не показываетъ. Качество въ мемуаристѣ рѣдкое и цѣннѣйшее! Онъ какъ бы попалъ въ толпу десятковъ и сотенъ тысячъ людей, съ нею движется крестнымъ путемъ большихъ страданій, одинаково съ нею мыслить и чувствовать и не хочетъ отстать, ни кого-нибудь опередить. Словно корабль, затертый льдами, весь въ ихъ волѣ, если есть у нихъ воля, несомый перемѣнными вѣтрами и невѣдомыми теченіями. Такъ въ плѣну у немцевъ, такъ и на совѣтской службѣ въ начальный періодъ революціи. И вмѣсто биографіи В. Корсака, автора книгъ, передъ нами страницы судьбы многихъ, съ кѣмъ его свела и связала на время жизнь. Эти многіе такъ средни, такъ типичны, и такіе безвольные, не творцы жизни, а свидѣтели, зрители, матеріалъ разрушенія и созиданія, -- что въ массѣ они представляютъ то, что мы называемъ народомъ: солдаты, офицеры, обыватели, служащіе, человѣческой матеріалъ, нависшій на подножкахъ мчащагося трамвая. Кого скинуть, разобьетъ, а кто и дождетъ. И думать, судить, рѣшать, «испытывать убѣжденія», имъ некогда, а авторъ имъ этого не хочетъ навязывать. Но боль и ужасъ они испытываютъ вмѣстѣ и рядомъ съ нимъ.

Вотъ это удивительное качество В. Корсака, какъ писателя, дѣлаетъ его книги и нужными, и занимательными не меньше любого романа.

«У красныхъ» начинается возвращеніемъ изъ плѣна и первыми впечатлѣніями Россіи, уже совѣтской, и кончается занятіемъ Кіева отрядами бѣлыхъ. Почти все дѣйствіе въ книгѣ проходитъ въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ столкновенія двухъ бытовъ, стараго и революціоннаго, не такъ сложны, но въ простотѣ своей особенно отчетливы, гдѣ настоящихъ «дѣятелей» нѣтъ, идея революціи не ясна и даже лозунги ея спутаны въ общемъ безграмотствѣ, но безправіе тѣмъ еще сильнѣе, а личная выгода изъ наступившей смуты извлекается съ тѣмъ меньшимъ стѣсненіемъ и съ полной прямолинейностью. Авторъ попадаетъ въ городокъ, еще нетронутый и нераззоренный, а покидаетъ его уже опустошеннымъ и замученнымъ провинціальными представителями новаго режима.

Мы хорошо знаемъ, какъ протекали судьбы столицъ, Москвы Петрограда, Кіева, -- но провинція еще мало описана, а вѣдь про-

винція и есть настоящая Россія. Это тоже очень цѣнно въ новой книгѣ В. Корсака.

Есть, какъ будто, одинъ недостатокъ въ этой книгѣ. Фигуры, въ ней зарисованныя, и вѣроятно зарисованныя вполне правдиво и съ натуры, какъ бы слишкомъ легко дѣлятся на добрыхъ и злыхъ, на жертвъ и палачей. Въ особенности «палачи» какъ то особенно лишены оттѣнковъ, слишкомъ однообразны. Въ жизни, на небольшомъ пространствѣ наблюденія, такъ бываетъ; но художественная правда не охотно мирится съ такой простотой и требуетъ большей сложности, во всякомъ случаѣ большей авторской пылливости. Вотъ и кажется, что авторъ хорошо шелкалъ кодакомъ, но какъ бы всегда изъ того-же окошка, нацѣливаясь по тѣмъ же прохожимъ. И хочется большаго углубленія, пушаго авторскаго любопытства: пусть бы подгледѣлъ и сдѣлалъ снимокъ, когда не всѣ въ сѣрыхъ пальто, а кое-кто и по домашнему. Житейскія отношенія не сложны, но каждый отдѣльный человѣкъ — путаница добра и зла, сокровищница противорѣчій.

Такое требованіе было бы чрезчуръ строгимъ, если бы къ книгѣ В. Корсака отнести, какъ къ обычному дневнику. Но, признавая за нею художественныя достоинства, мы невольно повышаемъ и соотвѣтствующія требованія.

Если съ тою же правдивостью В. Корсакъ закончить свой циклъ описаніемъ пребыванія у бѣлыхъ, — и такъ же искусно будетъ давать живые образы вмѣсто авторскихъ сужденій, которые никогда этихъ образовъ не замѣняютъ, — его четыре книги о пережитомъ будутъ отличнѣмъ матеріаломъ для тѣхъ, кто будетъ искать въ нихъ не только занимательное чтеніе.

Мих. Осоргинъ.

В. Вересаевъ. Въ двухъ планахъ. Статьи о Пушкинѣ. Москва, 1929. Стр. 205.

Пушкинистъ найдетъ въ книгѣ Вересаева рядъ любопытныхъ и дѣльныхъ частныхъ, но, къ сожалѣнію, основныя положенія книги и необоснованны, и невѣрны. Въ значительной степени они вызваны полемикой съ пишущимъ эти строки. (Долженъ замѣтить въ скобкахъ, что, въ отличіе отъ иныхъ пушкинистовъ, Вересаевъ полемизируетъ добросовѣстно, не всегда понимая противника, но и не прибѣгая къ сознательному искаженію его мыслей. И на томъ спасибо).

Признаюсь, пишучи пѣкогда о глубокой автобіографичности Пушкина, я всего менѣе ожидалъ вызвать цѣлую пушкинистскую бурю, не утѣхающую уже шесть лѣтъ. Мнѣ даже казалось, что я высказываю нѣчто общеизвѣстное. Разумѣется, я нигдѣ не утверждалъ, будто каждое слово Пушкина автобіографично въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Я лишь указывалъ на тотъ вполне очевидный фактъ, что пушкинское творчество насыщено воспоминаніями. Разумѣется опять-таки, что я имѣлъ въ виду известную художествен-

ную преломленность этихъ воспоминаній. Психологія такихъ преломленій меня и интересовала, и я пытался намѣтить ее на нѣсколькихъ примѣрахъ. Вересаевъ (и нѣкоторые другіе) заключили отсюда, будто мною провозглашенъ какой-то «догматъ» объ абсолютной автобіографичности Пушкина». Такихъ недѣлостей я не писалъ, и подозрѣвать меня въ столь «наивномъ біографизмѣ» чрезвычайно наивно. Еще наивнѣе — выдвигать обратный догматъ: объ абсолютной антибіографичности Пушкина. Межъ тѣмъ, Вересаевъ, въ увлеченіи споромъ, дошелъ именно до такого догмата.

Замѣчательно, что сильнѣйшимъ аргументомъ противъ автобіографичности Пушкина Вересаевъ считаетъ то обстоятельство, что Пушкинъ творилъ не подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событія, а много спустя, когда оно теряло свою остроту. Дѣйствительно, это бывало часто, но не всегда. Но если бы даже всегда — развѣ это что либо опровергаетъ? Если моментъ творческой у Пушкина хронологически далеко отдѣленъ отъ связаннаго съ нимъ момента біографическаго, то это не значитъ, что такой связи не существуетъ. Самъ же Вересаевъ, чтобы показать на примѣрахъ эту хронологическую отдаленность, только и дѣлаетъ, что солоставляетъ стихи съ біографіей. Иными словами — путемъ анализа ряда стихотвореній, которыя самъ признаетъ автобіографическими, онъ пытается доказать неавтобіографичность Пушкина. Гдѣ жъ тутъ логика?

Второй аргументъ, выдвигаемый Вересаевымъ, заключается въ томъ, полномъ разрывѣ, который будто бы существовалъ между Пушкинымъ-поэтомъ и Пушкинымъ-человѣкомъ. Это положеніе Вересаевъ въ свою очередь аргументируетъ двояко: во-первыхъ, ссылками на мнѣнія Вяземскаго, Боратынскаго, Гоголя; во-вторыхъ, тѣмъ, что порой къ одному и тому же явленію или событію Пушкинъ различно относится въ своей перепискѣ и въ своей поэзіи. Ссылки на мнѣнія современниковъ надо просто оставить въ сторонѣ: мнѣнія могутъ быть и субъективны, и ошибочны. Пушкинъ былъ скрытенъ въ жизни, правдивъ въ поэзіи, — самъ Вересаевъ признаетъ, что онъ писалъ «для себя». Въ частности же, Гоголь мало зналъ Пушкина-человѣка; отъ Вяземскаго и Боратынскаго Пушкинъ не рѣдко тайлся. «Разрывъ» же между поэзіей и перепиской весьма просто объясняется различіемъ точекъ зрѣнія. Естественно, что «лиричъ» повѣрялъ Пушкинъ не тѣ мысли и чувства, которыя повѣрялъ брату, или жепѣ, или даже Дельвигу. Тутъ нѣтъ «разрыва», а есть разница въ преломленіи. Такимъ образомъ доказывая, что Пушкинъ по разному относится къ однимъ и тѣмъ же фактамъ въ перепискѣ и въ поэзіи, Вересаевъ только лишній разъ подтверждаетъ, что въ томъ или иномъ преломленіи, по именно эти факты отражены въ его поэзіи.

Но Вересаевъ борется противъ очевидности да еще въ пылу спора доходитъ до чудовищнаго утвержденія: «кто вздумалъ бы судить о Пушкинѣ по его поэтическимъ произведеніямъ, тотъ составилъ бы объ его личности самое неправильное и фангастическое представленіе». Правда, нѣсколько успокоившись, онъ вдругъ заявляетъ, что въ

зрѣлыхъ произведенійхъ Пушкина «итѣ ли единой фальшивой ноты». Вотъ съ этого самоопроверженія слѣдовало начать да имъ же и кончить. Если бы Вересаевъ надъ нимъ задумался, не написалъ бы онъ книги о «двухъ планахъ», въ которыхъ будто исполнѣ обособленно протекала жизнь и поэзія Пушкина. Совсѣмъ иначе составилъ бы онъ и извѣстную свою книгу «Пушкинъ въ жизни», въ которой собраны всевозможныя свѣдѣнія о Пушкинѣ, порой завѣдомо издольныя и ложныя (самъ Вересаевъ отмѣчаетъ ихъ звѣздочкой) — но принципиально исключены всѣ прямыя поэтическія показанія Пушкина. Вересаевъ готовъ прислушаться къ кому угодно, будь то первый попавшійся враль или глупецъ, — только не къ Пушкину, только не къ поэту. Причина этого лежитъ, конечно, очень глубоко: она коренится во взглядѣ Вересаева на природу и смыслъ поэзіи, т. е. уже въ основахъ его мировоззрѣнія. Тутъ ужъ мы съ нимъ стоимъ по двумъ сторонамъ рубежа, неизмѣримо болѣе глубокаго, чѣмъ разностиа пушкиновѣдѣнія.

Вл. Ходасевичъ.

La vie de Bakounine, par Hélène Iswolsky, Paris, 1980.

Съ точки зрѣнія сообщаемыхъ фактовъ, книга г-жи Е. Извольской не даетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что за послѣднее время было писано о М. А. Бакунинѣ. Тѣмъ не менѣе цѣнность ея, по мой взглядъ, весьма значительна. О Бакунинѣ писали преимущественно, если не единомысленники, то, во всякомъ случаѣ, люди, дѣвшіе въ немъ «дѣятеля», «революціонера». Къ Бакунину-человѣку они походили, такъ сказать, извпѣ. Между тѣмъ именно Бакунинъ-человѣкъ представляетъ исключительный интересъ, какъ культурно-историческое явленіе, какъ особая — и повидимому **необходимая** — разновидность русскаго «человѣка сороковыхъ годовъ», какъ живое воплощеніе одной изъ тѣхъ «возможностей» того времени, которую Достоевскій стремился выразить отчасти въ Ставрогинѣ, отчасти въ Версиловѣ, — хотя и нельзя сказать, чтобы Бакунинъ дѣйствительно послужилъ «прототипомъ» для кого-либо изъ героевъ Достоевскаго. Г-жа Е. Извольская принадлежитъ сама, по своему происхожденію, къ той социальной средѣ, изъ которой вышелъ М. А. Бакунинъ, и ея, прекрасная по общей вѣрности тона, по тонкости сочувственнаго пониманія (однако, безъ тѣни апологетичности), книга отражаетъ въ себѣ живую, до сихъ поръ еще не оборвавшуюся, традицію о человѣкѣ и о моментѣ, о которыхъ она пишетъ. Въ частности превосходно изображена единственная въ своемъ родѣ, по напряженности идеализма, парижская въ ней, атмосфера Премухина, которой, можно сказать, дышала М. А. Бакунинъ, гдѣ бы онъ ни жилъ (это также очень тонко подмѣчено авторомъ), — не взирая на свою «измѣну» премухинскому міру и «премухинскому міросозрѣванію». Toutes proportions gardées, книга г-жи Е. Извольской примыкаетъ къ тому, что было писано о Бакунинѣ людьми, кровно и плотски связанными съ тою же средою «дворянскаго гнѣзда» — Герценомъ и Тургеневымъ.

Перечислять въ отдѣльности все то, что авторомъ удачно и проникновенно увидѣно и угадано въ Бакунина, — значило-бы пересказать всю книгу. Надо признать, однако, что впечатлѣніе подчасъ ослабляется и затемняется отъ того, что русскому автору, писавшему по французски, не всегда удалось избѣжать тѣхъ несносныхъ штамповъ, безъ которыхъ не обходятся иностранцы — особенно французы — когда пишутъ о русскихъ: «Ce Slave», «face de kalmuk» (ничего «калмыцкаго» нѣтъ въ чертахъ Бакунина) и т. п. Есть нѣкоторыя неточности. Навель Александровичъ Бакунинъ въ тюрьмѣ за «событія въ Твери» не сидѣлъ. Отношеніе между правымъ гегельянствомъ и лѣвымъ не то-же самое, что и отношеніе между теизмомъ и «экзотерическимъ» и «эзотерическимъ» — какъ это кажется автору. Не понятно, почему авторъ называетъ Анну Григорьевну Достоевскую «madame Aimée Dostoiewsky». Философская эрудиція Бакунина, который, какъ извѣстно, дальше введенія въ феноменологію въ своемъ чтеніи Гегеля не пошелъ, авторомъ (passim), несомнѣнно, сильно преувеличена.

П. Бицилли.

М. К. Любавскій. Образование основной государственной территории великорусской народности. Москва, 1930.

Новая книга проф. М. К. Любавскаго, представляющая собою большой компактный томъ, должна быть признана капитальнымъ приобритеніемъ русской научно-исторической литературы. Въ формѣ детальнѣйшаго изслѣдованія здѣсь данъ обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: какъ сложилась территория Московскаго государства, обнявшаго своими предѣлами всю ту часть восточно-европейской равнины, на которой расселилась великорусская народность. Нѣкогда Кустомаровъ приписывалъ рѣшающее значеніе въ процессѣ политическаго объединенія Великороссіи татарскому игу и говорилъ, что власть золотоордынскаго хана послужила обручемъ, связавшимъ во-едино отдѣльныя части Великороссіи. Въ противоположность этому воззрѣнію Соловьевъ утверждалъ, что татарское иго сыграло въ этомъ процессѣ лишь второстепенную, подсобную роль, основными же направляющими факторами этого процесса послужили внутреннія условія и отношенія, которыя привели бы къ тому же результату и безъ татарскаго ига. И Соловьевъ далъ общую схему «Собиранія Руси Москвою», придавъ наибольшее значеніе въ ходѣ объединенія процессамъ народно-колониационнымъ, связаннымъ съ условіями географическими, отношеніямъ хозяйственнымъ, росту національнаго сознанія и потребностямъ военной самообороны. Схему Соловьева развилъ и детализировалъ въ своемъ курсѣ Ключевскій со свойственнымъ ему блескомъ.

Затѣмъ Прьсняковъ въ своей книгѣ «Образованіе великорусскаго государства» выступилъ съ новой постановкой вопроса. Онъ старается представить ходъ объединенія Великороссіи не въ видѣ органи-

ческаго срастанія территоріи въ силу внутреннихъ мотивовъ народной жизни, а въ видѣ взаимной борьбы нѣсколькихъ возможныхъ политическихъ центровъ объединенія (Москва, Тверь, Рязань и пр.), при чемъ въ основѣ объединительныхъ стремленій, по его мнѣнію, лежала старая, отъ предшествующаго періода унаслѣдованная идея подчиненія всѣхъ наличныхъ князей старѣйшинству главнаго князя.

М. К. Любавскій въ своемъ новомъ трудѣ отвергаетъ эту концепцію Прѣснякова, полагая, что междукняжескіе счеты служили не болѣе, какъ внѣшней сигнатурой болѣе глубокихъ жизненныхъ основаній объединительнаго процесса. Возвращаясь къ схемѣ Соловьева, Любавскій видитъ въ «собираніи Руси» органической процессъ послѣдовательнаго роста хозяйственныхъ «примысловъ» расширявшагося Московскаго княжества, а удачу этихъ «примысловъ» онъ объясняетъ реальной хозяйственной связностью объединяемыхъ частей. Выставленные Соловьевымъ и Ключевскимъ «причины» возвышенія Москвы, надъ которыми Прѣсняковъ нѣсколько иронизировалъ, получаютъ у Любавскаго подлинно реальныя очертанія. Въмѣсто общей схематической формулировки этихъ «причинъ» Любавскій слѣдитъ шагъ за шагомъ за ходомъ расширенія Московскаго княжества, начиная съ первыхъ пріобрѣтеній Данила Александровича и его сыновей и кончая первыми десятилѣтіями XVI ст.

Исторію cadaго пріобрѣтенія онъ подвергаетъ микроскопическому изслѣдованію по лѣтописямъ, княжескимъ духовнымъ и догворнымъ грамотамъ и другимъ источникамъ. Изложивъ политическую исторію cadaго пріобрѣтенія, онъ тщательно разсматриваетъ свойства и значеніе присоединеннаго района съ точки зрѣнія его природныхъ условий, его почвы, ископаемыхъ, его растительныхъ и животныхъ богатствъ, степени его населенности, уровня его экономической жизни и наконецъ его стратегическаго положенія. Неослабно примѣняя этотъ пріемъ на пространствѣ всей книги для cadaго отдѣльнаго «примысла», раздвигавшаго предѣлы Московскаго государства въ теченіе XIII - XVI в. в., Любавскій тѣмъ самымъ даетъ отчетливую картину того, какъ изъ мозаичнаго подбора этихъ послѣдовательныхъ «примысловъ» выросло великорусское государство. Разумѣется, авторомъ нисколько не отрицаются ни политическіе, ни національные факторы объединенія. Онъ только показываетъ, какой живой связью эти факторы были спаяны съ непосредственными географическими и хозяйственными основами объединительнаго процесса. По громадному обилію разсмотрѣннаго авторомъ матеріала и по строгой систематичности его обработки книга М. К. Любавскаго представляеть выдающуюся научную цѣнность.

А. Кизеветтеръ.

В. Г. Короленко. Письма к П. С. Ивановской. Предисловие П. С. Ивановской. Редакция и примечания А. Б. Дермана. Издательство политкагоржап. Москва. 1930.

Помнится, А. Г. Горнфельдъ какъ-то писалъ, что лучшимъ произведеніемъ В. Г. Короленка является его жизнь. Въ этомъ замѣчаніи много глубокой правды. Человѣкъ и писатель сливались въ Короленка въ одно неразрывное, гармоничное цѣлое. Слова Короленка были его дѣломъ и его дѣла никогда не расходились съ его словами. Писатель-гуманистъ, поэтъ и проповѣдникъ человѣчности и поборникъ гражданственности, онъ неизмѣнно воплощалъ эти начала во всей своей жизни. Яркимъ свидѣтельствомъ этого служить, въ частности, постепенно опубликовывавшаяся послѣ его смерти его переписка. И въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и вышедшій недавно въ Москвѣ новый сборникъ его писемъ — письма къ П. С. Ивановской.

Сверстница Короленка по годамъ, старшая сестра его жены, П. С. Ивановская молодой дѣвушкой вошла въ 70-хъ годахъ въ русское революціонное движеніе и искорѣ заняла довольно видное мѣсто въ рядахъ его участниковъ. Въ 1883 г. она судилась въ такъ назыв. «процессѣ 17 народовольцевъ» и была приговорена къ смертной казни, замѣненной ей затѣмъ безсрочной каторгой. Отбывъ 15 лѣтъ каторги, сперва на Карѣ, потомъ въ Акатуѣ, она была выпущена на поселеніе и еще черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1903 г., бѣжала въ Европейскую Россію. Здѣсь она вернулась къ революціонной дѣятельности, вступила въ боевую организацію партіи социалистовъ-революціонеровъ, принимала участіе въ подготовкѣ убійства Плеве, временно уѣзжала за границу, затѣмъ возвратилась въ Россію и въ 1905 г. была арестована, но благодаря событіямъ этого года, вызвавшимъ освобожденіе заключенныхъ въ петербургскихъ тюрьмахъ, вновь вышла на свободу. Однако уже въ 1907 г. ей сталъ снова грозить арестъ за побѣгъ съ мѣста ссылки и, спасаясь отъ такого ареста, ей пришлось сперва опять перейти на нелегальное положеніе, а потомъ и бѣжать за границу, откуда она смогла возвратиться только въ 1913 г., когда ей прежній побѣгъ былъ подведенъ подъ амнистію.

Непосредственное личное знакомство П. С. Ивановской съ Короленкомъ состояло только послѣ ея самовольной отлучки съ мѣста ссылки. Но переписка между ними завязалась задолго, почти за двадцать лѣтъ, до этого момента. Въ 1886 г. Короленко женился на Е. С. Ивановской и очень скоро послѣ того онъ написалъ П. С., прося ее считать его своимъ «другомъ и братомъ» и предлагая ей на случай какой-либо нужды свою помощь. Въ дальнѣйшемъ теченіи всего времени пребыванія П. С. въ ссылкѣ онъ и оказывалъ ей, дѣйствительно, такую помощь, заботливо снабжая ее нужными вещами, лекарствами, книгами и деньгами. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всѣ эти годы велъ съ нею дѣятельную переписку, стараясь держать свою корреспондентку въ курсѣ не только семейныхъ, но и общественныхъ дѣлъ, поскольку это позволяли самыя условія переписки. Продолжалась эта переписка и послѣ бѣгства П. С. изъ ссылки и болѣе или менѣе на-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

долго прерывалась лишь тогда, когда ее не позволяли вести особыя условия жизни П. С. или когда послѣдняя жила вмѣстѣ съ Короленко и его семьей.

Не всѣ письма Короленка къ П. С. Ивановской сохранились, часть погибла въ тревожной обстановкѣ ея жизни Но тѣ, которыя уцѣлѣли и теперь напечатаны, представляютъ порою очень большой интересъ. Не будучи вполнѣ солидарнымъ съ данной своей корреспонденткой въ общественно-политическихъ взглядахъ, Короленко, однако, видимо, скоро почувствовалъ себя связаннымъ съ нею не только родственными узами, но и извѣстною душевною близостью. И въ своихъ письмахъ онъ не только сообщалъ П. С. Ивановской разнаго рода свѣдѣнія и новости, но порой и дѣлился съ ней своими задушевными мыслями, давалъ свои отзывы о нѣкоторыхъ писателяхъ, рассказывалъ о своихъ литературныхъ планахъ, подчасъ разъяснял происхождение и смыслъ своихъ произведеній. Благодаря этому въ данныхъ письмахъ есть цѣлый рядъ штриховъ, болѣе или менѣе ярко очерчивающихъ духовный обликъ покойнаго писателя.

Не разъ и не два, между прочимъ, Короленко говоритъ въ этихъ письмахъ по разнымъ поводамъ о своемъ взглядѣ на религію и на роль религіознаго начала въ жизни. «Что вамъ сказать, — писалъ онъ въ 1893 г., — о писаніяхъ Л. Тихомирова и о дѣйствіи, произведимомъ ими. Нѣкоторое религіозное вѣяніе несомнѣнно, но едва-ли можно считать Л. Тихомирова сколько-нибудь виднымъ его представителемъ. Онъ просто смѣшался съ кликой Страстнаго бульвара и потонулъ въ ней. Ничего оригинальнаго, замѣтнаго, талантливаго или своеобразнаго изъ-подъ его пера не выходитъ, объ его статьяхъ рѣдко и очень мало говорятъ въ общей прессѣ, а въ обществѣ — почти не говорятъ вовсе. Тянетъ онъ рутинную канитель, убѣждая только уже убѣжденныхъ, своихъ, — и, кажется, сознаетъ свое жалкое положеніе... Религіозной струѣ въ общественной мысли я придаю большое значеніе, но полагаю, что эти господа весьма далеки отъ ея истиннаго пониманія. Свои взгляды на этотъ предметъ я выразилъ въ рассказѣ «Тѣни»... «Мнѣ кажется, — писалъ онъ въ другой разъ, въ 1903 г., — что у тебя то же, что было у меня. Въ туманѣ, о которомъ ты пишешь, хочется разглядѣть не одну ближайшую связь ближайшихъ явленій, но и то отдаленное, что стоитъ загадкой жизни, смерти, любви, страданія... Я переживалъ это и остро, и хронически, много тосковалъ и много думалъ. Туманъ остается туманомъ, и я побѣдить въ себѣ стремленіе населить его старыми иллюзіями или слишкомъ поспѣшно создаваемыми новыми на старой почвѣ. Но въ обществѣ у меня осталось въ результатъ глубокое убѣжденіе, что то, что мы называемъ сознаніемъ, жизнью, любовью, стремленіями, страданіемъ, — полно глубокаго неразгаданнаго еще смысла, къ разгадкѣ котораго человѣчество подвигается знаніемъ и вѣрой. Чувствую, что это опять туманно Прости, голубушка».

Высказывался Короленко въ своихъ письмахъ и объ общественно-политическихъ направленіяхъ эпохи. Такъ, сказавъ въ одномъ изъ

писемъ 1898 г., что «господствующимъ настроеніемъ большинства молодежи въ Петербургѣ является марксизмъ, онъ продолжаетъ: «Я лично далеко не безусловный врагъ этого направленія; по-моему, въ немъ есть кое-что вѣрное и свѣжее. Но все это ужасно узко, умишки замыкаются на «экономію», кругозоръ стѣсняется и для невѣжественнаго алломба — страшный просторъ. Трудно представить себѣ, какія рѣчи приходится слышать, а порой и читать. «Самарскій Вѣстникъ», одно время бывшій газетой «партіи», договорился до вреда народнаго образования (пока «мелкій буржуа», называемый по недоразумѣнію крестьяниномъ, не выварился въ котлѣ, — образование ему не нужно). Правда, здѣшніе марксисты хватились за голову, читая эти прелести, но теперь они имѣютъ удовольствіе слышать эти рѣчи уже въ студенческихъ кружкахъ... Впрочемъ... когда я лягу и слушаю самыя яркія глупости въ этомъ родѣ, — мнѣ вспоминается старина. Когда не было глупостей? Если же говорить серьезно, то мнѣ кажется, что у марксизма есть двѣ стороны: одна, которой суждено распуститься лишь въ будущемъ, а пока оставаться въ видѣ незначительной, скорѣе символической струйки, которая доплетскиваетъ и до вашихъ странъ. Другая, болѣе широкая, несетъ съ собой примиреніе съ господствующимъ въ дѣйствительности теченіемъ, и очень многіе прежде всего усваиваютъ «защиту капитализма». Недѣляхъ еще мы получили для напечатанія рукопись, въ которой юный и энергичный герой произноситъ горячія тирады въ этомъ родѣ: «Капиталистическій строй есть идеальнѣйшая форма общежитія» (буквально). Это, разумѣется, не можетъ быть поставлено въ вину вожакамъ марксизма, но все-таки — это симптомъ. Даже и нелѣпости народничества были въ другомъ родѣ».

Отгораживаясь отъ марксизма, Короленко въ то же время отгораживался и отъ крайностей стараго народничества. «Еще, — писалъ онъ въ другой разъ своей корреспонденткѣ въ томъ же 1898 г. — по поводу чьего-то упрека, будто я смотрю на народъ, какъ на скотину. Это несправедливо. И въ «Голодномъ годѣ», и въ Мултанскомъ процессѣ я старался защищать народъ противъ огульныхъ обвиненій.. Но... можно ли отрицать, что и безъ людоедства и человѣческихъ жертвоприношеній — есть масса темноты, невѣжества и грубости въ народной средѣ? Къ сожалѣнію, это фактъ. Но что еще важнѣе и что можетъ быть, именно и чувствовать ваши собесѣдники, — это то, что у меня (очень давно) нѣтъ преклоненія передъ «народной мудростью», того нѣльнаго представленія о «народѣ» единомъ и цѣльнымъ, которое было въ 70-хъ годахъ и которое даже въ дикихъ и темныхъ народныхъ глупостяхъ хотѣло видѣть проявленіе чего-то глубокаго и только намъ непонятнаго.. Этого давно, давно у меня нѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ также давно неспонинепъ и Михайловскій, всегда ставившій задачей дѣятельности «народные интересы», но никогда не требовавшій смиренія передъ народной мудростью и «народнымъ мнѣніемъ».

Не меньшій интересъ, чѣмъ эти общіе взгляды, представляютъ

гѣ сообщенія, которыя дѣлалъ порой П. С. Ивановской Короленко на счетъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній. «Вы меня немного пожурили, — писалъ онъ ей въ 1894 г., — за знакъ вопроса въ «Парадоксѣ». Въ отдѣльномъ изданіи выскажу свою мысль яснѣе, а пока вамъ лично скажу, что этотъ разказъ явился для меня самою неожиданнымъ результатомъ всего, что пришлось пережить въ послѣднее время. Я вообще человѣкъ не упытый и не пессимистъ. Но смерть моей Лели*) такъ меня пришибла, что я никогда, въ самыя тяжелыя минуты моей жизни, не чувствовалъ себя въ такой степени изломаннымъ, разбитымъ и личтожнымъ. Жизнь вообще, въ самыхъ мелкихъ и самыхъ крупныхъ своихъ явленіяхъ, кажется мнѣ проявленіемъ общаго великаго закона, главныя основныя черты котораго — добро и счастье. А если нѣтъ счастья? Ну, что-жь, исключеніе не опровергаетъ правила. Нѣтъ своего — есть чужое, а все-таки общій законъ жизни есть стремленіе къ счастью и все болѣе широкое его осуществленіе. Только это я и пытался сказать своимъ парадоксомъ, но собственная моя душа въ это время была еще такъ же изломана, какъ мой несчастный философъ. И поэтому эта, сама по себѣ простая и не пессимистическая мысль оказалась какъ-то непроизвольно съ такими пессимистическими придатками, — что въ общемъ выводѣ рождаетъ недоумѣніе и вопросъ».

Въ другой разъ, въ 1903 г., работая надъ разказомъ «Не странное», Короленко такъ описывалъ своей корреспонденткѣ эту работу: «Разказъ странный, не въ обычномъ моемъ родѣ, но захватилъ меня сильно, и работаю я надъ нимъ долго, потому что не хочется вставлять ни одной строчки «отъ себя». Ведется онъ (наполовину) отъ лица нѣкотораго чудака, который меня интересуетъ не меньше, чѣмъ то, о чемъ онъ разказываетъ. Тема — бессмысленная сутолока жизни и предчувствіе или ощущеніе, что смыслъ есть, огромный смыслъ всей жизни, во всей ея совокушности, и его надо искать. Не знаю, что изъ этого у меня вышло, знаю только, что это, быть можетъ, самое задушевное, что я писалъ до сихъ поръ. Ощущеніе это, по моему мнѣнію, разлито теперь въ воздухъ. Недавніе марксисты кидаются къ идеализму, Туганъ-Барановскій при мнѣ развивалъ философію Зосимы (изъ братьевъ Карамазовыхъ) и оправдывалъ вѣчную казнь за преступленія сей краткой жизни. То же самое — Булгаковъ, недавній ярый «матеріалистъ». Мережковскій основалъ журналъ, гдѣ (послѣ недавняго преклоненія передъ Венерой и язычествомъ) восклицаетъ ладанъ и толкуетъ объ ересьяхъ, за которыя громить Толстого. Все это — часто очень нехорошо, потому что люди обращаютъ свои поиски назадъ и хотятъ выкинуть за бортъ то, что человѣчество уже узнало и никогда не забудетъ. Но самое чувство, побуждающее искать широкихъ міровыхъ формулъ, — я считаю нормальнымъ, неистребимымъ и подлежащимъ безконечной эволюціи. Все это, одна-

---

*) Маленькая дочь Короленка, умершая во время его поѣздки въ Америку въ 1893 г.

ко, между прочимъ, и въ разсказѣ въ этихъ разсужденіяхъ не найдете. Это только — его психологическая подкладка. Я думаю, что лучше ясно поставить вопросъ, чѣмъ давать туманныя и пессимныя рѣшенія»...

Надѣюсь, читатель не носѣтуетъ на меня за эти длинныя выдержки, наглядно показывающія, какой интересъ имѣютъ данныя письма. Мнѣ остается только прибавить, что редакторъ сборника, А. Б. Дерманъ, снабдилъ ихъ примѣчаніями, въ сжатой формѣ дающими читателю всѣ необходимые комментаріи насчетъ упоминаемыхъ въ письмахъ событій и лицъ.

Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить однако одной характерной детали. Въ помѣщенныхъ въ сборникѣ письмахъ Короленка встрѣчаются изрѣдка рѣзкіе отзывы о нѣкоторыхъ писателяхъ. Всѣ такіе отзывы напечатаны полностью и полностью же воспроизведены и фамиліи лицъ, къ которымъ они относятся. Но — за однимъ исключеніемъ. Въ письмѣ отъ 27 авг. 1916 г. мы, между прочимъ, читаемъ: «Читали ли вы статью X. «Свѣтъ тихій»? Мнѣ этотъ господинъ не нравится и тогда, когда онъ работалъ у насъ: много риторики и лжи. Теперь онъ претендуетъ на наслѣдство Н. К. Михайловскаго и... обѣими руками, какъ говоритъ Пѣнехоновъ, составляетъ военные обзоры, въ томъ числѣ для «Правительственнаго Вѣстника». И пошлываетъ «Русскія Записки».. Дѣйствительно — наглая лубина» Господинъ, о которомъ говоритъ въ этихъ строкахъ Короленко, писалъ подъ фамиліей Мстиславскаго. Пишетъ онъ подъ этой фамиліей въ Россіи и теперь, выступая въ качествѣ если не большевика, то союзника большевиковъ, и, очевидно, именно поэтому его литературный псевдонимъ, несомнѣнно, полностью приведенный въ письмѣ Короленка, въ печати пришлось замѣнить невинною буквою X.

В. Мякотинъ.

С. Дмитриевскій. Судьба Россіи. -- Письма къ друзьямъ. -- Изд. «Стрела». — На бандероли «Исповѣдь невозвращенца».

Книга С. Дмитриевскаго выходитъ за рамки обычныхъ, ставшихъ уже банальными, публикацій «невозвращенцевъ». Она пытается приподняться надъ фактами личной біографіи авторовъ, одно время за совѣсть, а не изъ страха только, служившихъ большевническому режиму, а сейчасъ въ спѣшномъ порядкѣ покинувшихъ ряды высшей совѣтской бюрократіи, иногда и самой ВКП.

Въ отличіе отъ другихъ, Дмитриевскій принципиально, по моральнымъ и патриотическимъ соображеніямъ, отказывается отъ конкретныхъ разоблаченій режима. Если другіе стремятся показать — или доказать — искренности своего поворота или, если угодно, облегчить свою совѣсть, искреннѣе и частично загляднѣе причинное зло, — Дмитриевскій не изъ нихъ числа. Онъ по преимуществу доказываетъ, что не столько онъ и его взгляды изменились, сколько все и всѣ другіе мѣнялись. Мѣнялась историческая обстановка, мѣнялись и изменились, по его убѣжденію, большевики, но «невозвращенецъ» Дмит-

риевский по существу и в своей основе оставался в общем себе равным и неизменным. И объявленный советской властью внз закона онъ сейчасъ, какъ и раньше, все тотъ же добрый пародникъ-националистъ, какимъ былъ и до половины 18-го года, когда готовился съ оружіемъ въ рукахъ свергать большевиковъ, и какимъ не переставалъ быть и съ 19-го года, когда вступилъ формально въ ряды единой и единственной ленинской «партии»...

Неподвижностью этой исходной позиціи и опредѣляется и содержаніе всей книги.

Въ ней меньше всего «исповѣди» и больше чѣмъ нужно проповѣди и поученія, иногда въ формѣ простой декларации, иногда — выпрепной декламации. Есть и пѣсколько вызывающая поза, под-казанная, можетъ быть, сознаниемъ, что «силовыми воплями, безоговорочнымъ отречениемъ отъ всего своего прошлаго» «общественныхъ симпатій въ зарубежной средѣ» не приобретаешь. И Дмитриевский всячески старается показать себя «сильнымъ» — национальнымъ духомъ, историческимъ зрѣниемъ. А въ результатѣ вмѣсто интересной, но скорбной летописи судьбы «пезовозращенца» получилась кокетливо-претенциозная — по формѣ и по существу «Судьба Россіи». Получилась подмѣла въ маломъ: авторъ себя покрылъ Россіей. И фактическая и психологическая сторона «сдччая» съ Дмитриевскимъ безъ остатка растворилась — въ «философіи» исторіи, очень смутной и дешевой, заимствованной у зарубежныхъ «националь-больше-виковъ» и евразійцевъ. — и въ «исторіи», которая свелась къ простому перечню датъ, именъ, мѣстъ, заголовковъ.

«Почему я ушелъ?» — спрашиваетъ Дмитриевский, хотя точнѣе было бы спросить «Почему я ушелъ только теперь, на двѣнадцатомъ году?» И на этотъ, можетъ быть, наиболѣе существенный вопросъ у автора нѣтъ другою отвѣта, кромѣ ссылки на «аналогіи» и «прецеденты»: на молодого Ордына-Нащокина и дьяка Котошихина въ 17-мъ вѣкѣ, на кн. Хворостинина въ первой половинѣ 18-го и, конечно, Герцена половины 19-го вѣка. Не больше и не меньше! Авторъ дважды упоминаетъ своихъ предшественниковъ, этимъ явно избочичая полное непониманіе всего несоответствія — историческаго и морально-политическаго — проводимой имъ параллели.

Если бы Дмитриевский сдѣлался «пезовозращенцемъ» на пѣсколько лѣтъ раньше, помимо политическаго значенія такого акта, и книга его приобрѣла бы громкую популярность и успѣхъ. Какъ живой голосъ «подлинной» Россіи, она была бы незамѣнимымъ кладомъ для националь-большевницкой и евразійской «установки». Теперь же она безнадежно устарѣла еще до своего появления «Судьба Россіи» перепѣваетъ давно сказанное. Нарочитое же желаніе «говорить красиво» отнюдь не дѣлаетъ сказуемаго болѣе убѣдительнымъ.

Несмотря на переломъ, происшедшій съ Дмитриевскимъ, изъ книги его никакъ не слѣдуетъ, что авторъ полностью осозналъ все различіе между большевnickи-ленинскимъ міромъ и всѣмъ инымъ. Рѣшительно покинувъ тотъ міръ, отчаливъ отъ того берега, онъ все еще

силится оберечь как объективно-цѣнное и святое свои бывше идо-лы и кумиры. Онъ силится соединить несоединимое и раздѣлить недѣлимое: различаетъ между большевизмомъ и Ленинымъ, а Ленина соединяетъ съ національной Россіей, съ исторической русской госу-дарственностью.

Въ этомъ отношеніи Дмитріевскій идетъ, значительно дальше да-же «смѣловѣховскихъ» исторіософовъ. Тѣ склонны были видѣть въ Ленинѣ — безсознательное орудіе исторіи, своего рода «бичъ бо-жій», отвратительный, но необходимый въ силу неумолимыхъ вѣлѣній русской судьбы. Дмитріевскій же рискуетъ изображать Ленина, какъ положительное, единственное и незамѣнимое явленіе русской исторіи. Для этого онъ проводитъ не только принципиальную разли-цу между благимъ ленинизмомъ и сатанинскимъ сталинизмомъ, но и въ самомъ Ленинѣ различаетъ два лица, двухъ разныхъ Лениныхъ. Такимъ образомъ Ленинъ реальный и исторически данный подмѣня-ется Ленинымъ вымышленнымъ и мифологическимъ.

Надо вообще сказать, что кругозоръ Дмитріевского очень огра-ниченъ, вкусъ -- провинціаленъ. Его и Каменевъ поражаетъ своею «образованностью», и Зиновьевъ — своимъ «европейскимъ опытомъ». Онъ увѣренъ, что будущіе историки признаютъ и Сталина «незауряд-нымъ человѣкомъ» -- «и какъ писателя, и какъ мыслителя». Есте-ственно, что Ленинъ представляется ему человѣкомъ не только «огром-ной творческой интуиціи», но и «романныхъ энциклопедическихъ знаний». (О томъ, какія знанія кажутся «энциклопедическими» Дмит-ріевскому, можно судить по тому, что, по его мнѣнію, «Что такое третье сословіе? Ничто! И т. д.» — провозглашено «деклассирован-нымъ аристократомъ» Мирабо).

И Дмитріевскій не отрицаетъ, что Ленинъ былъ «упрямый дикта-торъ», «цѣлеустремленный фантастъ, фанатикъ невозможнаго, аван-тюристъ высокаго духовнаго полета», «соціалъ-демократическій царь». Но только до времени, — когда онъ внезапно сдѣлался «національ-нымъ вождемъ»!..

Можно согласиться съ тѣмъ, что Ленинъ былъ «мастеръ компро-миссовъ, великій оппортунистъ», но не «безпринципный проходимецъ», былъ полонъ «горячей любви ко всѣмъ трудящимся, ко всѣмъ угне-теннымъ». Но откуда авторъ взялъ, что Ленинъ былъ «большой рус-скій патриотъ, страстно любилъ Россію»: «Россія нужна ему всегда и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ... Россія нужна Ленину всегда и вездѣ: и ней думаетъ онъ, ея живетъ»?!

Дмитріевскій выискалъ въ писаніяхъ Ленина горькую жалобу на «насилія, гнѣвъ, издѣвательства», которымъ «подвергаютъ нашу пре-красную родину шаркіе палачи, дворяне и капиталисты». И эти сеп-тиментально-фальшивыя, едва ли не только на жадостливаго иностран-ца рассчитаннаго слова («наша прекрасная родина») перевѣсиваютъ для Дмитріевского всѣ лепитскія дѣла. Можно ли, однако, счи-тать такой подходъ историчнымъ? И какъ согласовать его съ требо-ваніемъ самого же Дмитріевского, предъявленнымъ Сталину: «мы

вѣдь можемъ и должны судить по дѣламъ, но не по благимъ измѣреніямъ?»...

Жизнь многому научила Ленина, убѣжденъ Дмитріевскій, и «она прежде всего показала ему, что управлять, опираясь только на штыки, нельзя. Кромѣ того, — на что нужна была ему диктатура, власть, если массы родного народа были противъ нея, если она въ какихъ-то отношеніяхъ ихъ не удовлетворяла? — Не будемъ опровергать предѣльной наивности автора, и по сей день увѣреннаго въ томъ, что Ленинъ почти никогда не ошибался, и скорбно, но правильно при этомъ прибавляющаго: «Здѣсь и сегодня этого не понять. Это вообще трудно понять».

Это, дѣйствительно, трудно понять...

Ленинымъ сейчасъ принято обороняться въ борьбѣ за большевикско-ленинское благочестіе. И Сталинъ, и Троцкій, и Бухаринъ одинаково клянутся именемъ, знаменемъ и твореніями великаго «Ильича», стилизуютъ Ленина подъ себя, изоблачаютъ своихъ противниковъ въ худшемъ изъ преступленій — въ «уклонѣ» отъ слова и дѣла учителя. На свой национально-русскій «лѣтучковскій» ладъ стилизуетъ его и Дмитріевскій, рекомендуя себя сторонникомъ «либеральнаго централизма европейскаго типа». Изъ всѣхъ формъ стилизаціи это, признаться, — наиболѣе трудная. Здѣсь Ленина приходится вывернуть почти наизнанку, и все же получается въ результатѣ не подлинный Ленинъ, а двойникъ Дмитріевскаго, — какъ въ «Судьбѣ Россіи» получилась лишь апологія судьбы ея автора.

«Мы были жалкими двойниками», пишетъ о себѣ и ему подобныхъ С. Дмитріевскій. «Мы влачили самое жалкое, самое бессмысленное существованіе. Дурманили себя работой, напряженіемъ — чтобы уйти отъ дѣйствительности, не слышать стоновъ подлинной жизни. Лгали, унижались, подличали: все, чтобы что-то такое сохранить..., что-то, чего на самомъ дѣлѣ уже не было». Книга Дмитріевскаго, къ сожалѣнію, не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы онъ уже пересталъ быть «двойникомъ», ибо и сейчасъ полное успокоеніе и выходъ изъ тупика онъ находитъ въ томъ, что «наконецъ, понялъ, что Ленинъ былъ одно, — «герои» нашихъ дней — другое».

Совершенно очевидно, что не вырвавъ изъ себя съ корнемъ почитаніе ленина Ильича, едва ли можно приобрести право обращаться съ морально-политической проповѣдью и поученіемъ къ тѣмъ, кто, вольно или невольно, но «двойниками» никогда не были. Можно и не каяться публично! Но, публикуя книгу, необходимо, хотя бы для себя, свести концы съ началами. Небезполезно было бы также и къ себѣ самому обратиться «дружескій» призывъ: «Вытряхните въ душѣ своей ядъ коммунистическихъ мыслей!». Не давайте убаюкивать себя приятными иллюзіями, полурѣшеніями, полумѣрами. Знайте твердо: на полпути остановиться нельзя! Или — или...

М. В.

Проф. М. Лазерсонъ. Общая теорія права. Введеніе въ изученіе права. Рига, 1930.

Книга проф. Лазерсона сложилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ теченіе ряда лѣтъ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя не порадоваться тому, что, несмотря на «неблагопріятныя условія академической работы», которыя, какъ подчеркиваетъ со скромностью авторъ, «не позволили ему остановиться на «затрагиваемыхъ вопросахъ со всей полнотой», эта полезная и весьма интересная книга все же увидѣла свѣтъ. «Предназначенно, главнымъ образомъ, для учебныхъ и самообразовательныхъ цѣлей» руководство Лазерсона можетъ сослужить хорошую службу для русскаго зарубежнаго студенчества, напоминая ему о достиженияхъ русской юридической мысли; эти достижения часто теперь недооцѣниваются или просто игнорируются, хотя они находились на очень высокомъ уровнѣ, способномъ конкурировать съ западно-европейскимъ.

Лазерсонъ является вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ крупнейшаго русскаго теоретика права проф. Л. І. Петражицкаго, истинное значеніе котораго выступаетъ лишь на фонѣ современныхъ сдвиговъ и переломовъ въ наукѣ права; въ частности, благодаря полному отходу отъ пережитковъ государственной теоріи права и старой теоріи суверенитета, сопровождаемому попытками не нормативнаго, а онтологическаго обоснованія правовой сферы. Проф. Лазерсонъ, несмотря на свое стремленіе «закрѣпить» въ своей книгѣ «то, что характеризуетъ нынѣшнюю эпоху величайшихъ преобразованій въ наукѣ права», сдѣлалъ это въ далеко недостаточной степени, благодаря чему его изложеніе и проповѣдь ученій Петражицкаго приобрѣли нѣсколько догматическій характеръ и проиграли въ убѣдительности.

Наиболѣе цѣннымъ и самостоятельнымъ въ книгѣ Лазерсона является очень интересная разработка вопроса объ «интуитивномъ» правѣ, которое Петражицкій предложилъ поставить на мѣсто стараго естественнаго права. Дополняя и существенно исправляя въ этомъ пунктѣ своего учителя, который въ согласіи со своими индивидуалистически-психологическими предпосылками, сводитъ все интуитивное право къ непосредственному сознанію права отдѣльными лицами, Лазерсонъ различаетъ между «индивидуально-измѣнимымъ» и «общественно-приспособленнымъ» интуитивнымъ правомъ. Рѣшающую роль въ правовой жизни Лазерсонъ признаетъ лишь за «общественно-приспособленнымъ» интуитивнымъ правомъ. Привѣтствуя это весьма существенное измѣненіе концепцій Петражицкаго, нельзя не отмѣтить, что оно, по существу, выходитъ за предѣлы его ученія.

«Общественно - приспособленное» интуитивное право врядъ ли можетъ быть признано чисто «автономнымъ» правомъ и къ тому же предполагать нѣчто явно большее, чѣмъ отдѣльныя индивидуальнопсихическія переживанія. Оно опирается на реальность **соціального цѣлаго** и констатируетъ его нормативный авторитетъ. По существу, вмѣсто противопоставленія Петражицкаго между «интуитивнымъ»

(автономнымъ) и «спозитивнымъ» (гетерономнымъ) правомъ, должно было бы получиться дѣленіе внутри самого положительнаго права на «формальное» и «интуитивное» право по различію способовъ его констатирования: путемъ непосредственнаго общественнаго сознанія или путемъ формально-техническихъ процедуръ.

Проф. Лазерсонъ не учитываетъ въ этомъ вопросѣ результатовъ новѣйшихъ французскихъ работъ, устанавливающихъ двойной рядъ источниковъ положительнаго права и вносящихъ новый свѣтъ въ проблему интуитивнаго права. (Речь идетъ, въ частности, о Жени, съ его противопоставленіемъ «*donnés*» и «*construit*» въ правѣ, о Гориу съ его ученіемъ объ «институціи» и способахъ ея выраженія, о Дюги послѣднихъ лѣтъ, съ его разграниченіемъ между «нормативными» (интуитивными) и «конструктивными» (формально констатированными) юридическими правами). А между тѣмъ, эти результаты могли бы имѣть существенное значеніе для построенія автора. Зато очень интересны въ книгѣ Лазерсона хорошо продуманный очеркъ исторіи ученій объ естественномъ правѣ.

Изъ другихъ частей курса проф. Лазерсона ему болѣе всего удалось краткая, но отчетливая характеристика отдѣльныхъ дисциплинъ положительнаго права. Въ частности нельзя не привѣтствовать отъказа, хотя только частичнаго и недостаточно рѣшительнаго, отъ взгляда проф. Петражицкаго на международное право, какъ на область децентрализующей, частно-правовой регулировки. Учитывая современное развитіе международно-правовыхъ организаций, Лазерсонъ признаетъ переходъ международнаго права на «соціально-служебную», публично-правовую базу. Собственно говоря, международное право всегда носило этотъ характеръ, ибо, занимая высшее мѣсто въ іерархіи правовыхъ порядковъ, оно могло проявлять себя, какъ настоящее право, т. е. какъ порядокъ обязательный для отдѣльныхъ государствъ помимо ихъ воли, лишь поскольку оно находило критерій своего регулированія въ служеніи международному общенію, какъ реальному цѣлому. — Другой вопросъ, можно ли огульно отождествлять право соціального служенія съ правомъ публичнымъ, которое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ представляетъ одну изъ его разновидностей и не заключается ли въ подобномъ отождествленіи смѣшенія матеріальнаго дѣленія (по различію структуръ) на право соціальное и индивидуальное, съ формальнымъ дѣленіемъ на право публичное и частное, которое зависитъ отъ государства. Въ теоріи Петражицкаго были заложены элементы для преодоленія этого смѣшенія, но они остались неиспользованы Лазерсономъ.

Нѣкоторыя существенныя возраженія вызываетъ первая, методологическая глава рецензируемой книги. Наряду съ болѣе или мене вѣдучими характеристиками и критиками «нормативизма», «догматическаго позитивизма» и историческаго матеріализма, авторъ довольно односторонне истолковываетъ позицію Петражицкаго какъ «психологическій позитивизмъ». Лазерсонъ не замѣчаетъ, что «психологія» Петражицкаго имѣетъ смысловой, а не генетическій характеръ; онъ

не видитъ глубокаго родства, объединяющаго метафизически устремленный эмоционализмъ Петражицкаго съ феноменологически обоснованнымъ эмоционализмомъ Макса Шелера, родства, которое подвергается общимъ происхожденіемъ этихъ двухъ мыслителей изъ «австрійской психологической» школы Франца Brentano. Между тѣмъ, именно благодаря «интенціонализму» и метафизическому характеру своей эмоциональной психологій Петражицкій, несмотря на свою призерженность логикѣ Милля, приходитъ, вопреки всѣмъ остальнымъ позитивистамъ, къ различію между технически-цѣлевой и нормативной мотивацией и строить свое ученіе, по существу, на чистомъ правовомъ сознаниіи...

Вообще, проф. Лазерсонъ не учелъ значенія феноменологическаго направленія въ философіи права, которое онъ (на основаніи двухъ случайныхъ работъ учениковъ Кельзена, по недоразумѣнію выданныхъ себя за феноменологовъ) характеризуетъ, какъ разновидность «нормативизма». Между тѣмъ, дѣйствительно феноменологическое направленіе въ философіи права и социологій (представляемое младшимъ Гуссерлемъ, Литтомъ, Шелеромъ и мн. др.) послужило основой именно для той онтологической реакціи противъ нормативизма, о которой упоминаетъ самъ Лазерсонъ (называя работы Смента и его школы); всѣ представители этого новаго теченія, какъ они сами подчеркиваютъ, и на что повидимому не обратилъ вниманія Лазерсонъ, методологически исходятъ изъ феноменологической социологій Литта, Шелера и др.

Впрочемъ, самъ Лазерсонъ оговариваетъ, что онъ былъ лишень возможности въ своей книгѣ «углубиться въ философію права, которая одна можетъ дать исчерпывающій отвѣтъ на проблему познанія права». И нужно признать, что въ предѣлахъ поставленныхъ себѣ рамокъ Лазерсонъ написалъ очень содержательное и полезное руководство, значеніе котораго отнюдь не умаляется тѣми философскими сомнѣніями, которыя мы здѣсь высказываемъ.

Авторъ сумѣлъ сдѣлать доступнымъ для болѣе широкой публики рядъ очень сложныхъ вопросовъ теоріи права, и его незаурядный педагогическій талантъ, въ частности, ясно сказался въ цѣнномъ техническомъ повествѣ книги: въ удачно составленномъ спискѣ вопросовъ и темъ для практическихъ занятій по теоріи права. Надо пожелать автору широкаго распространенія его книги, а также скорого выхода въ свѣтъ, давно имъ подготовляемаго, обширнаго труда объ интуитивномъ и естественномъ правѣ, который обѣщаетъ быть очень интереснымъ.

Г. Д. Гурвичъ.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

- В. В. Рудневъ. — Судьбы эмигрантской школы. Парижъ, 1930.
Prof. G. Gurvitch. — Les Tendances actuelles dans la philosophie
allemande. Paris.
- «Полевые Цветы» № 1. Нарва.
Prof. G. Brocher et H. Rémézov. — Mots nouveaux C. R. S. S. —
Лексикъ новыхъ словъ СССР. Женева.
- «Числа». — Сборникъ. Кн. Первая и Вторая-Третья. 1930.
И. Ремезовъ. — Каприйские песни. Швейцарія. Лозанна.
G. Brocher et H. Rémézov. — Manuel Russe. Pour les français.
Edit. Payot.
- H. S. Rémézov. — Nouvel ABCD Russe. — Новый букварь взрос-
лыхъ. Женева, 1924.
- Сергій, архіепископъ японскій. — Освященіе Воскресенскаго кафе-
дральнаго собора въ Токио. 1930.
- И. И. Вонсовичъ. — Покуривая трубка... Рифмованный блокнотъ. Хар-
бинъ, 1930.
- Югославія. — Т. I — Исторія, политика, культура. Бѣлградъ, 1930.
Проф. А. Брандтъ. — Листья пожелтѣлые. — Передуманное и пере-
житое. Бѣлградъ, 1930.
- Е. Дьякова. — Тѣнь Антихриста. — Романъ. Парижъ.
Вестникъ Союза Русскихъ Просветительныхъ и Благотворительныхъ об-
в въ Эстоніи. № 6. Таллин. 1930.
«Le Monde Slave» № 3 et 4. 1930.
- Н. Н. Брешко-Брешковский. — Жидкое золото. Варшава, 1930.
Н. В. Устряловъ. — На новомъ этапѣ. Изд. 2-е дополненное. Шан-
хай, 1930.
- Serge Yablonoovski et Vladimir Boutchik. — Pour bien savoir le
Russe. — Payot. Paris.
- Бюллетень Американской Федерациі. — П. С.-Р.
- Алексій Ремизовъ. — Оля. Превела отъ руски Василь Д. Юруковъ.
Мозаика отъ знаменити съвременни романи. Софія, 1930.
- A. Remizov. — Sorelle in Cristo. Pjetusciok. Prima versione integ-
rale dal russo con prefazione e note di Renato Poggioli. Slavia.
Torino, 1930.
- С. Г. Сватиковъ. — Россія и Сибирь. (Къ исторіи сибирскаго област-
ничества въ XIX в.). Прага, 1930.
- Валентинъ Булгаковъ. — Толстой, Ленинъ, Ганди. Прага, 1930.
- Франкъ Гамилтъонъ Хэпкинсъ. — Біологическіе факторы соціальной
жизни. — Переводъ съ англійскаго проф. Н. И. Никифорова.
- Н. А. Бородинъ. — Идеалы и дѣйствительность. Берлинъ. Парижъ, 1930.
Der Russische Gedanke. III Heft. 1930.
- В. Jakowenko. — Dreissig Jahre Russischer Philosophie. 1930.
- И. А. Бунинъ. — Митина любовь. Изв. 2-ое. «Родникъ». 1930.
- Е. Кельчевскій. — Въ лѣсу. — Романъ. Парижъ, 1930.

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуконскимъ (+), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеставцева, Ал. Гейфера, Г. Д. Грсбенщикова, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, І. А. Матусевича, С. Р. Минилова, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова - Микитова, С. Соколовъ - Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софіи Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гилліусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандівской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Сергѣя Маковского, А. Несмѣлова, Мих. Осоргина, Н. Оцупа, В. Познера, Б. Поплавскаго, В. Сирина, П. С. Соловьевой (*Allegro*), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой. — Дневники и воспоминанія: Е. К. Брейковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣтаевой, М. В. Щербатова. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философск., политич., экономич. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, А. А. Бема, Н. А. Бердяева, П. М. Бицилли, Е. Богданова, М. В. Брайковича, В. Брейтвейга, Б. Брункса, И. И. Бунакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Виноградова, М. В. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Гапца, М. О. Гершензона, С. І. Гессена, Б. Гейдинга, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошиллера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуконскаго (А. Сѣверова), К. Гулькевича, Г. Д. Гурвича, Ю. П. Давидова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Діонео, С. П. Жабя, С. О. Загорскаго, П. Зернова, В. В. Зѣнковскаго, Ст. Ивановича (В. П. Талина), С. А. Иванова, Л. П. Карсавина, С. И. Карцевскаго, К. Р. Качаровскаго, А. Ф. Керенскаго, А. А. Кизеветтера, С. А. Кобякова, А. А. Койрапскаго, В. Г. Короленко, С. А. Корфа, Ант. Крайняго, М. А. Кроля, Е. Д. Куесовой, В. Ладъженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловцкаго, Н. О. Лосскаго, С. В. Лурье, Г. М. Лучица, В. А. Маклакова, А. П. Манделъштэма, С. П. Мельгунова, С. И. Метальникова, П. Н. Милукова, Н. М. Минскаго, Б. С. Миркина - Гецевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Мякотина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, А. С. Орлова, М. А. Осоргина, Н. Ф. Мельниковой - Палпоушекъ, А. Б. Петришева, С. Л. Полякова - Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пѣшехонова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ - Мирскаго, М. Л. Слонима, Б. Ф. Соколова, Д. М. Сокольцева, С. М. Соловейчика, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрива, А. Н. Ульянова, Г. В. Федотова, Г. В. Флоровскаго, Л. И. Чижескаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Е. Щацкаго, Л. И. Шестова, Б. Ф. Штецера, Ив. Яукшева и др.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVIe) — Téléphone: Trocadéro 31-66

Книжное дѣло „РОДНИКЪ“ „LA SOURCE“

106, rue de la Tour, Paris XVIe. Tél. : Passy 64-42

ПОЭТЫ ФРАНЦІИ

Переводы Ив. Тхоржевскаго.

Цѣна 25 фр.

Какъ панорама, вся французская поэзія послѣдняго полувѣка раскрывается передъ читателемъ въ этой большой, нарядно изданной книгѣ. Коротенькія, яркія характеристики, мастерски выбранныя образцы. Особенно богатъ третій отдѣлъ — «Современники»: (Клодель, Поль Валери, графиня де-Ноайль) — вереница громкихъ именъ, своего рода «Ларуссъ» новой французской поэзіи. Интересная книга, цѣнный культурный памятникъ пребыванія русскихъ во Франціи...

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

...«Поэты Франціи» изданы такъ нарядно-красиво, что нельзя устоять передъ соблазномъ взять въ руки и перелистать эту книгу. А взявъ въ руки и пачая читать предисловіе переводчика, не останавливаешься, пока не прочтешь послѣднихъ стиховъ Поля Валери». Переводчикъ — известный переводчикъ — Тхоржевскій подкупаетъ не только своей скромной сдержанностью и талантомъ, сколько умомъ и знаніемъ своего дѣла... Въ сборникѣ 140 стихогвореній свыше 70 поэтовъ и благодаря удачному распределенію матеріала на отдѣлы («Предтечи», «Вчерашній блескъ» — символисты и неоромантики, «Современники»), а также еще болѣе благодаря сжатымъ, но вѣскимъ характеристикамъ отдѣльныхъ поэтовъ въ результатѣ чтенія сборника... отчетливо рисуются какъ отдѣльные поэты, такъ и общая линія развитія новой французской поэзіи... Книга Тхоржевскаго драгоценна и необходима для каждаго русскаго, какъ владѣющаго франц. языкомъ (его она можетъ «соблазнить» французской поэзіей и указать пути для ознакомленія съ нею), такъ и ничему не научившагося въ Европѣ. И какъ грустно читать на оборотѣ обложки, что книга отпечатана всего въ количествѣ лишь 500 экземпляровъ — книга, необходимая многимъ и многимъ тысячамъ!

(М. Л. Гофманъ. — «Руль».)